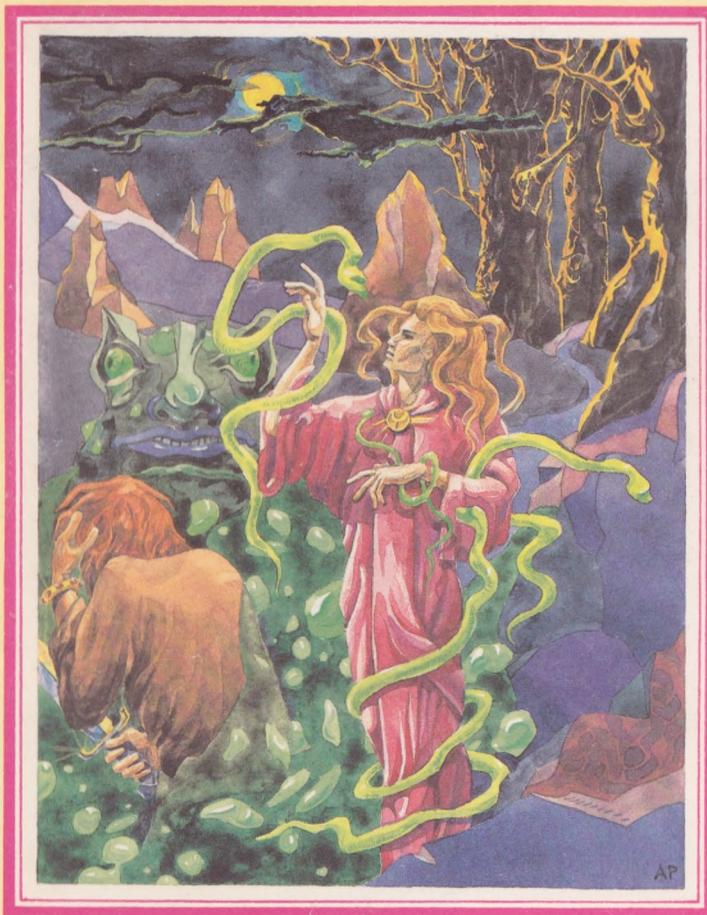

Андре НОРТОН

Андре НОРТОН

ГЛАВА
СИМФОНИЯ

АНДРЕ НОРТОН

**КОЛДОВСКОЙ
МИР**

Фантастические романы

МОСКВА
«АРТЛИК»
1993

ББК 84.7 США

Н 83

Н 83 А.Нортон

Колдовской мир. Сборник фантастич. произведений
/Пер. с англ. - Москва: "АРТЛИК", 1993г. -416с.

ISBN - 5-85598-012-x

Сборник произведений знаменитой американской писательницы о загадочном Колдовском мире, полном захватывающих приключений, где властвует магия.

СОДЕРЖАНИЕ

Год Единорога	3
Кристалл с грифоном	119
Чары колдовского мира	271
Жабы Гrimмердейла	379

Главный редактор В. Н. Матюшин

Художник Розенталь Н.А.

Технический редактор Агеев А. Н.

Корректор Зайчковский В. Н.

ISBN - 5-85598-012-x

Подписано в печать 15.01.93. Формат 84x108 1/32.

Бумага книжно-журнальная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 21,84. Тираж 125000. Заказ 188.

Издательство "АРТЛИК", Москва.

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии
ИПО Профиздат, 109044, Москва, Крутицкий вал, 8.

ГОД ЕДИНОРОГА

КОЛДУНЬЯ И ОБОРОТЕНЬ

Это произошло в Год Единорога.

Пришло время, когда Лордам Высокого Халлака нужно было платить по договору Всадникам-Оборотням, которые помогли им победить вооруженные орды Ализона.

Тринадцать юных девушки — это и была обусловленная цена. Их должны были выдать за чужаков, которые могли принимать как человеческое, так и звериное обличье...

Одной из тринадцати невест, которых Всадники-Оборотни увезли к себе на родину — затерянную страну вне пространства и времени, — была Джиллан.

Было время, когда приветствовалось каждое измерение, потому что, как говорят, ничто не может быть таким пустынным и однообразным, как никогда не изменяющееся течение времени в маленьком обществе, которое отделено от остального мира и существует, защищенное от всяких изменений.

С колоколообразной башни монастыря Норстатт была видна холмистая долина, тянувшаяся до далекого серо-сивого гребня гор. Эта долина уже существовала, когда сюда пришел человек, и она все еще будет существовать, когда он исчезнет. Еще недавно в этой местности шла гигантская битва, и в течение долгих лет велась вооруженная партизанская борьба против захватчиков из-за моря, пока их не оттеснили к их главной крепости на берегу моря. Последнее сражение и, наконец, — мир, во время которого населению этого места пришлось привыкнуть к языку мечей воинов.

Все мы в Нордейше знали это, но пламя войны никогда не проникало так далеко вглубь страны, никогда еще не достигало нашей долины. Только тем, кто пережил все эти ужасы и искал у нас прибежища, приносили с собой дух войны. Мы сами никогда не видели шаек этих ализонцев, грабящих и захватывающих все на своем пути, и за это женщины Нор-

статта ежедневно возносили в часовне благодарственные молитвы.

Во время этих беспокойных дней войны я была привязана к монастырю, но были дни, когда я думала, что задохнусь от этого всеподавляющего спокойствия, царящего здесь. Потому что тяжело жить среди чужаков, чужих тебе не только по крови, но и по духу, по стремлениям и намерениям. Кем же я, собственно, была? Каждый в монастыре, кого спрашивали об этом, вероятно, отвечал так:

— Кто это? Это Джиллан, которая вместе с госпожой Алюзан работает в саду трав. Она пришла сюда вместе с леди Фризой восемь лет назад, хорошо разбирается в травах и, по большей части, сама выращивает их для себя, не является красавицей, и у нее нет знатной родни. Утром и вечером она приходит в часовню и склоняет голову, но она не давала обета. Она мало говорит...

Да, они все мало говорят. Монашки, девушки и леди, нашедшие здесь убежище, но они много размышляют. И они все время напоминают Джиллан, что она не из Высокого Халлака.

Я вспоминаю корабль, сотрясаемый гигантскими волнами. Корабль из Ализона, я это помню. Но сама я не из Ализона, нет. Я находилась на этом корабле с определенной целью и была тогда так мала и юна, но все же боялась этой цели. Но тот, кто привел меня на корабль, стоял под мачтой, которую волны и ветер уронили на палубу. И ни один из его спутников не знал, зачем я находусь на корабле.

Это было в то время, когда Лорды Высокого Халлака отчаянно сражались, чтобы освободить страну от собак Ализона. Они напали на порты захватчиков и нанесли по ним уничтожающий удар. И захватили меня. Они отвезли меня в одну из горных крепостей.

Лорд Фарло, как мне кажется, что-то знал или что-то подозревал о моем прошлом, потому что он выделил для меня охрану и приказал своей жене обращаться со мной хорошо. Так некоторое время я прожила в их имении под их опекой. Но это продолжалось недолго, потому что Ализон становился все сильнее, и Лордам становилось все труднее сдерживать его. Однажды холодной суворой зимой мы бежали, преодолев голую равнину, в одну из высокогорных долин. В конце концов мы достигли Норстатта, но леди Фриза пришла в монастырь только для того, чтобы умереть. А потом Лорд Фарло упал в горах со стрелой в горле, и то, что он знал и предполагал, осталось неизвестным. И я снова осталась

одна на чужбине, но на этот раз, конечно, в мирном монастыре.

Мне достаточно было только взглянуть в зеркало, чтобы понять, что я не принадлежу к расе Халлака. У женщин Халлака была светлая кожа, румяные щеки и волосы — желтые, как одуванчики на обочине дорог, или коричневые, как крылья певчей птички. В отличие от них, у меня была коричневая от загара кожа, и лицо мое никогда не было румяным. И мои волосы, уложенные косой вокруг головы, были черными, как безветренная ночь.

Есть одиночество духа, которое переносится намного тяжелее, чем одиночество тела. За все те годы, которые я прожила в Норстатте, я обнаружила только двух людей, которые привлекли меня. Монашка Алюзан уже была женщиной средних лет, когда я попала в Норстатт. Она тоже держалась несколько поодаль от остальных. Жизнь ее была посвящена травам, она настаивала и комбинировала эти травы, из которых потом приготавливала порошки, мази и настойки, исцеляющие, успокаивающие и освежающие. Ее познания были широко известны, и сражавшиеся в горах отряды часто присыпали к ней своих самых быстрых курьеров, чтобы попросить у нее средства для заживления ран, от лихорадки и от ревматизма, которые постоянно мучили людей, в любую погоду и в любое время года живущих под открытым небом.

Когда она увидела меня в Норстатте одну, она пристально поглядела на меня, словно рассматривала только что найденную траву, а потом она взяла меня к себе на службу. И сначала это было все, что мне было нужно, потому что я была слишком усталой, чтобы учиться, а дух мой изголодался по какой-нибудь работе. И все последующие годы я была этим вполне довольна.

Я работала в саду, выпалывая сорную траву, когда произошло нечто, нарушившее мою равномерную жизнь, заполненную учением и работой. В саду все еще гудели пчелы на цветах, но внезапно я услышала другой звук, сначала в ушах, а потом в голове. Что-то шевельнулось в моей памяти, но я не могла четко осознать, что это было.

Звук этот словно невидимым канатом тянул меня вперед. Я встала и прошла через арку ворот во внутренний садик, который использовался только для отдыха; садик с фонтаном, прудом и множеством цветов в любое время года. Там стояла скамейка, наполовину на солнце, наполовину — в тени, и на ней сидела одна из монахинь, закутанная в шаль,

хотя день был очень теплым. Эта старая монахиня очень редко покидала свою келью и была легендой среди молодых девушек, живущих в монастыре.

Ее лицо под капюшоном было маленьким и бледным, но глубокие старческие морщины виднелись только в уголках ее старческих глаз и вокруг рта. Еще на лице были маленькие морщинки, такие, какие возникают во время смеха. Руки ее были искривлены от старости и неподвижно лежали на животе. На ее пальцах сидела маленькая ящерка, подняв блестящую головку и уставив на нее свои искрящиеся глаза, словно они вели друг с другом безмолвную беседу.

Она все еще глядела на ящерку, но гудение в моей голове смолкло. Потом она тихо сказала:

— Приветствуя тебя, дочь моя. Сегодня великолепный день.

Так мало слов, но они были так добры, что я приблизилась и опустилась на скамейку рядом с ней. Так я познакомилась со старой аббатисой Мальвиной, и она тоже стала обучать меня. Но знания ее касались не растений, а летающих и ползающих живых существ. Но аббатиса уже находилась на закате своей жизни, и она была моей подругой очень недолго. И только она одна во всем Норстатте знала мою тайну. Я не знаю, чем я выдала ей себя, но она не выказала никакой неприязни, когда заметила, что я иногда могу воспринимать то, что скрыто в какой-нибудь вещи. Когда я увидела ее в последний раз, она лежала в постели, и тело ее, в котором был заключен ее свободный дух, не могло уже больше двигаться — она задала мне вопрос, чего прежде никогда не делала. Но что я могла вспомнить, кроме корабля Ализона? И когда мне стало известно, что я отличаюсь от остальных, с которыми я жила до сих пор? Но я ответила на ее вопрос так подробно, как только смогла.

— Ты очень умна для своего возраста, дочь моя, — сказала она тогда своим слабым голосом. — Это заложено в твоей природе. Недоверие охраняет нас от того, чего мы не понимаем. Я слышала рассказы о стране за морем, где некоторые женщины имеют способности, далеко выходящие за рамки обычного. И я также слышала о том, что тот народ считает Ализон своим врагом и преследует его так же, как эта свора собак из Ализона преследует нас. Очень может быть, что ты относишься к той, другой расе, и они по какой-то причине взяли тебя в плен.

— Пожалуйста, матушка аббатиса, — возбужденно обратилась я к ней, — скажите, где находится эта страна? Как я могу...

— Найти путь туда, дочь моя? Нет никакой надежды попасть туда, и ты должна удовлетвориться этим. Если ты отважишься отправиться туда, то снова можешь попасть в руки ализонцев и погибнуть самой худшей и далеко не быстрой смертью. Не омрачай свои юные годы напрасными стремлениями. Ничто не происходит, кроме как по воле Того, Кто Зажигает Пламя. То, что тебе надо, ты получишь в положенное время, — глаза ее улынулись. — Я говорю это при Пламени: придет то, что заполнит пустоту в твоей памяти.

Но это было сказано три зимы назад. С окончанием войны внутри стен Норстатта все пришло в движение. Вскоре приехали Лорды, чтобы забрать своих жен, сестер и дочерей. Потом настало время свадеб, и теперь возбуждение царило даже в маленьких комнатушках над колоколообразной башней.

Свадьбы — я думала о них, как о Великом Таинстве. Теперь пришло время, и Великое Таинство началось.

В первые весенние дни Года Грифа между Лордами Высокого Халлака и Всадниками-Оборотнями был заключен договор. Жестоко притесняемые ализонцами, преследуемые ими, боясь каждой тени, гонимые ненавистью и отчаянием, они прибыли в соляные дюны, чтобы заключить договор со Всадниками.

Те Всадники, которые пришли говорить с Лордами, имели человеческий облик, но они не принадлежали к человеческому роду. Они были великолепными бойцами, сильными людьми — или существами, — которые прискавали из северо-восточной дикой местности, и все их сильно боялись, хотя они никому не делали ничего плохого и не захватывали никаких земель. Сколько их было, не было известно ни одному человеку, но было известно, что они обладали знаниями, которые намного превосходили человеческие.

Оборотни, колдуны, волшебники... они были всем этим и даже большим. Но уж если они приносили присягу, они были лояльны и верны присяге, несмотря ни на что. И теперь они вместе со своими предводителями были готовы на свой лад бороться за права Высокого Халлака.

Война продолжалась на протяжении Года Огненного Дракона и Года Шершня, пока силы Ализона не были сломлены и полностью разбиты. Из-за моря больше не прибыло ни одного корабля, чтобы доставить продовольствие и припасы

людям Ализена. Последний их морской порт на побережье был захвачен, их крепости на возвышенных местах превратились в смрадные руины, и ализонцы, высадившиеся на берег моря, были уничтожены.

Теперь наступал новый год, Год Единорога, и Лорды Высокого Халлака должны были выполнить свою часть договора со Всадниками, так как те выполнили свою часть договора с Лордами Высокого Халлака. Всадники должны были сделать две вещи: помочь Лордам бороться за освобождение, а потом покинуть степи, попутно освобождая их от остатков банд ализонцев, и оставить их в полное расположение человека.

А какую плату должны были дать Лорды Высокого Халлака, поклявшиеся на Мече? Лорды должны были заплатить своей собственной кровью, своими дочерьми, которых Всадники потребовали себе в жены и которых они хотели забрать с собой в неизвестность.

Насколько было известно в долинах, среди Всадников никто никогда не видел ни одной женщины и никто даже не слышал о их женщинах. Сильно ли отличалась продолжительность жизни Всадников от продолжительности жизни людей, тоже было неизвестно: никто также никогда не видел их детей, хотя Лорды время от времени направляли своих послов к ним в лагерь, особенно после заключения договора.

Двенадцать девушек и еще одну требовали они — молодых девушек, не вдов и таких, для которых легкое поведение не было обычным образом жизни. И они должны были быть не моложе восемнадцати и не старше двадцати лет. Кроме того, они должны быть благородной крови, и тело у них должно быть стройное. Нужно было найти двенадцать девушек и еще одну, и в первый день Года Единорога передать их Всадникам на границе степей, чтобы оттуда их новые, чужие хозяева увезли их в будущее, из которого не было возврата.

Что должны были чувствовать эти двенадцать девушек и еще одна? Страх? Да, страх они тоже испытывали, потому что, как сказала аббатиса Мальвина, страх — это самая первая реакция на то, что нам чуждо.

Норстатт дал приют пяти девушкам, которые соответствовали этим требованиям. Но две из них, однако, уже были обвенчаны, и с нетерпением ждали этой весной своей свадьбы. А леди Тольвана была дочерью такого высокородного Лорда, что ей подобрали великолепного жениха, несмотря

на ее некрасивое лицо и острый язычок. А Маримма с ее похожим на розу лицом и с ее врожденной кротостью... Нет, ее дядя заберет ее из монастыря и возьмет ее на следующую встречу Лордов, где он сможет подобрать ей жениха, который соответствует его понятиям о чести. Зато Суссия — что, собственно, известно о Суссии? Она была старше всех и держала свои воспоминания при себе, хотя с готовностью болтала обо всех, даже самых незначительных событиях, происходящих в Норстатте. Другие едва ли замечали, как мало она говорила о себе. Она была знатного происхождения и обладала приятной внешностью и умом. Ее родина находилась в низине, на морском берегу, и там она прожила с рождения до изгнания. У нее были родственники среди военных, но где они сейчас находились, никто не знал. Да, Суссия была подходящим кандидатом. Но как она воспримет это возможное сообщение о том, что выбор пал на нее?

Уже наступали ранние вечерние зимние сумерки, и я по плотнее натянула двойную шаль, чтобы защититься от резкого холодного ветра. Бросив последний взгляд на заснеженный сад, я спустилась вниз по лестнице башни, чтобы обогреться у огня в большом зале монастыря.

Меня встретил громкий гвалт голосов, и моя шаль зацепилась за крючок возле двери. В зале не было ни одной монашки, но все те, кто нашел убежище в монастыре, некоторые из них провели здесь даже больше года, собрались у камина.

— Джиллан, подумать только, — крикнула леди Маримма во весь голос, удивленно глядя на меня, когда я подошла к огню. — Она пришла сюда! Может быть, уже наступил Час Пятого Пламени?

«Родственник-воин, вернувшийся с войны», — подумала я. Это могло быть тем, что привело в такое возбуждение весь монастырь.

— Кто прибыл? Лорд Имграй? — Я назвала ближайшего родственника.

— Он и невесты! Джиллан, обещанные невесты! Они уже скачут по степи и сегодня заночуют здесь! Джиллан, это же страшно! Бедные крошки! Мы должны молиться за них...

— Почему? — к нам подошла леди Суссия. Она была не так красива, как леди Маримма, но, как я и думала, она большую часть своей жизни жила по-королевски, и на нее еще долго будут обращать внимание после того, как красота других давно уже поблекнет.

— Почему? — повторила Маримма. — Потому что они поскакут в черное, злое будущее и никогда больше не вернутся назад!

И Суссия на это ответила то, что полностью соответствовало моим мыслям обо всем этом:

— Может быть, они поскакут в это черное будущее, малышка. Не все из нас имеют свое собственное мягкое гнездышко или защищающее нас крыльшко.

— Я охотнее обручуясь со сталью меча, чем отправлюсь в такое свадебное путешествие! — воскликнула Маримма.

— Но ты уже ничего не боишься, — сказала я ей только для того, чтобы унять свой собственный страх. Но за плечами Мариммы я внезапно заметила предупреждающий взгляд Суссии. И я задала себе вопрос, знала ли она что-нибудь или только догадывалась.

— Маримма, Маримма...

Я думаю, она была рада отвернуться от нас и последовать зову других девушек, которые были уже обручены, и поэтому находились в безопасности, словно она могла разделить с ними эту безопасность.

— Обрати на нее внимание, так же как я сама обратила на нее внимание в эту ночь, — тихо сказала Суссия.

— Зачем?

— Потому что она пойдет с ними!

Я беспомощно уставилась на нее. Но я знала, что она говорит правду.

— Как... откуда... почему? — пробормотала я, но она быстро положила свою ладонь мне на запястье и отвела меня немноги в сторону. Голос ее был тих и предназначался только для моих ушей.

— Откуда я это знаю? Семь ночей назад я получила личное сообщение. О да, я думала, что выбор может пасть на меня. За это говорило многое. Но у моих родственников насчет меня были другие планы, вот уже в течение года, и когда было сделано предложение включить меня в состав группы невест, они тотчас подобрали для меня жениха-воина. Во время войны у меня не было родины, но теперь, когда этих собак из Ализона уничтожили, я стала хозяйкой не одного замка — как последняя из своего рода. — Она чуть заметно улыбнулась. — И таким образом я представляю большую ценность для своих родственников. С наступлением весны я должна идти под венец, и свадьба состоится здесь, в долине. Но почему именно Маримма? Человек, жаждущий власти, может добиться этого различными способами. Лорд Имграй

имеет право предложить свою руку кому хочет. И он человек, у которого никогда не было достаточно власти. Он просто из любезности предложил ей эту услугу. И все другие считают, что такой цветок придется по вкусу, потому что не все невесты так красивы.

— Но она не пойдет...

— Она пойдет, она должна будет это сделать. Но она погибнет. Такой напиток не для нее.

Я взглянула на Маримму. Лицо ее покраснело, она вся была охвачена какой-то лихорадкой радости, которая мне не понравилась. Но все это не имело ко мне никакого отношения, ко мне — чужестранке, чья кровь не была кровью этого общества.

— Она погибнет, — с нажимом повторила Суссия.

Я повернулась к Суссии.

— Если это пришло в голову Лорду Имграю и другие с ним согласились, ее ничто уже не спасет...

— Ничто? Частенько уже бывало так, что мужчины плавировали что-нибудь, а женщины нарушали все их планы.

— Но если бы на ее месте была предложена другая, обладающая такой же красотой, пал бы тогда выбор на нее?

— Да, — сказала Суссия, посмотрев на меня таким странным понимающим взглядом, что я подумала о том, что нам больше не нужно никаких слов. И я подумала о Норстатте, об однообразных годах, которые прошли и которые мне еще предстоит провести здесь, подумала о своем месте и той части, которую я занимая в этом мире.

Двенадцать невест должны были провести ночь в качестве гостей в этом монастыре, двенадцать и одна должны были на следующее утро уехать из монастыря. Двенадцать и одна, и я не могла быть ни одной из них! Но почему?

Коридоры монастыря были темны, но я их все изучила. Монахини отправились в свои кельи, и гости покинули зал. Идя по темным холодным коридорам, я думала о гостях, которые прибыли незадолго до рассвета и разделили с нами наш завтрак за длинным столом.

Лорд Имграй, возглавлявший эту группу, был человеком с коротко подстриженной коричневой бородой и серебряными нитями, пронизывающими его волосы; у него было жесткое лицо, каждая черточка которого выдавала волю и решительность. Его сопровождали два солдата, которые, выполняя свои обязанности, по-видимому, чувствовали себя не в своей тарелке. Вооруженный эскорт разместился в ближайших домах деревни возле монастыря.

А потом невесты. Мой опыт общения с невестами ограничивался деревенскими свадьбами, когда я сопровождала монашек, которые во время таких торжеств покидали свой монастырь. Однако эти невесты выглядели иначе, чем деревенские девушки. Они все были одеты в одежду путешественниц: теплые шубы, защищающие их от зимней стужи, разрезные юбки для верховой езды, а под шубами — короткие куртки воинов, и на каждой из них был вышит герб рода, который свидетельствовал о высоком происхождении невесты. Но не было никаких развеивающихся на ветру кудрей, никаких венков из цветов. Две или три из них с блестящими глазами, лихорадочно покрасневшими щеками были великолепны: милы и прекрасны. Но у других были припухшие веки, покрасневшие от слез, побледневшие щеки и другие признаки печали. Я слышала шепот леди Тольфаны, которая обменивалась информацией со своей соседкой по столу.

— Милы? Да, милы, так сказала наша дорогая сестра, леди Гралия. Лорд Джеррет, ее любовник, известный охотник за юбками. Это значит, что в последнее время он охотно поднимает все юбки, находящиеся поблизости от него. Вот почему ты видишь в этой группе Кильдас. Обвенчанная со Всадником, она больше не будет доставлять никакого беспокойства во владениях своей сестры.

Кильдас? Это была одна из этих лихорадочно жизнерадостных невест. Ее каштановые волосы в свете лампы испускали красно-золотое сияние, у нее был округлый подбородок и полные губки. Плотно облегающая куртка не скрывала округлостей ее тела, они были вполне достаточными, чтобы зажечь желание, которым воспыпал к ней Лорд ее сестры. Вполне достаточное основание для того, чтобы отправить Кильдас ко Всадникам.

Возле Кильдас сидела девушка, которая образовывала контраст с цветущей внешностью Кильдас. Вышивка на ее курточке была сделана тщательно и искусно, но одежда на ней была поношенной и, очевидно, перешитой из другой. Девушка сидела, опустив взгляд, веки ее покраснели, она с трудом жевала пищу, но жадно и часто пила из кубка. Алианна? Нет, Алианна — это маленькая девушка на другом конце стола. Имя же этой девушки было Сольфина.

В то время как Кильдас была одета в великолепные одежды — может быть, для того, чтобы несколько успокоить совесть тех, кто послал ее сюда, — на Сольфине была поношенная одежда, подчеркивавшая ее бедность. Она, несомненно, принадлежала к одному из древнейших, но

обедневших родов, без приданого, и, вероятно, у нее были младшие сестры, о которых тоже надо было заботиться. Поэтому она стала невестой и она была обязана семье Лорда.

Несмотря на предположение Суссии, здесь не было ни одной некрасивой девушки. Соглашение предусматривало, что среди невест не должно быть ни больных, ни уродливых. А некоторые из них, как, например, Кильдас, были достаточно милы, чтобы составить хорошую пару. Впрочем, если раньше юноши и считали их когда-то милыми и привлекательными, то сейчас их горе затмило их красоту. Я находила, что Лорды Высокого Халлака с честью выполнили свою часть соглашения — за исключением того, что не посчитались с желаниями самих невест. С другой стороны, браки в Высоком Халлаке заключались, не принимая во внимание симпатии обеих сторон, во всяком случае, в старых, знатных семьях. Там браки заключались строго по расчету. И, может быть, девушкам предстояло не самое худшее, может быть, для них было бы хуже, если бы все шло по-старому.

Глядя на Маримму, в это легко было поверить. Ее лихорадочная веселость исчезла. Она тихо сидела и наблюдала за Лордом Имграем и больше не делала никаких попыток привлечь к себе внимание. Напротив, она поспешно отводила свой взгляд, когда ей казалось, что он поворачивается и отвечает на ее взгляд.

Я предположила, что он еще не сообщил ей эту новость, потому что Маримма никогда не была в состоянии даже в самых небольших затруднениях сохранять самообладание. Она, конечно, давно бы ударилась в истерику. Но было ясно, что она что-то подозревает.

И это стало ясно потом, когда Маримма полностью сломалась. И я еще больше уверилась в чувстве, что счастье не только улыбнулось мне, но еще и протянуло мне руку помощи, так что мне нужно было только сохранить трезвую голову, чтобы все произошло так, как мне этого хотелось.

Я достигла своей цели: комната сборов. То, что мне нужно было сделать, надо было совершить быстро, но обдуманно и тщательно, а затем незаметно уйти. На одной из боковых полок лежали сумки, на которых были разнообразные карманчики всех форм и размеров. Я взяла одну такую сумку, а потом, не решаясь зажечь свет, пошла от шкафа к шкафу, от полок к комодам и столам и была благодарна за то, что мне все это было знакомо, я двигалась с уверенностью, словно на пальцах у меня были глаза. Бутылочки, коробочки, флакончики, все находилось в нужных кармашках, потом я переки-

нула сумку с набором лекарств и других снадобий через плечо. Монахиня Алюзан снаряжала сумку таким образом для санитаров, идущих на поле боя. Потом я повернулась к одному из дальних шкафов, который был заперт. Но мне уже давно была доверена тайна его замка, и я без труда открыла его. Я нашла внутри шкафа несколько бутылочек, а потом, чтобы быть уверенной, вытащила пробку из одной бутылочки и понюхала.

Пахло яблоками и уксусом. Я выбрала нужную бутылочку. У меня не было времени, чтобы отливать из нее, поэтому я взяла с собой всю бутылочку. Затем снова тщательно заперла шкаф.

Я постаралась как можно быстрее достичь своей комнаты, чтобы меня здесь не увидел кто-нибудь. Это было опасно. Моя комната находилась на углу хода, который вел к кельям монашек, на другой стороне находились комнаты, в которых жили гости, находящиеся в монастыре долгое время. Из-под одной из дверей сочился свет, и я смогла спокойно вздохнуть только тогда, когда за мной закрылась дверь в мою комнату.

Я зажгла лампу, стоящую на столе, и поставила туда бутылочку, которую прихватила с собой из особого шкафа. Я немного отлила из нее в маленький пузырек, который взяла с полки в своей комнате, потом добавила пять-шесть капель из другого флакона и, затаив дыхание, стала смотреть, как бесцветная смесь стала изменяться, пока, наконец, не стала свежего зеленого цвета.

Потом я стала ждать. Глубоко во мне шевельнулось удивление, почему я была так уверена, что все пройдет нужным мне образом.

Во время этого ожидания я прислушивалась к малейшим шорохам, и возбуждение мое все росло и росло.

А потом шорох одежды, тихий звук, быстрые шаги по голым каменным ступеням. Я хотела подбежать к двери и распахнуть ее, чтобы посмотреть, кто это пришел сюда, но совладала с собой. Прежде, чем ноготь пришедшего царапнул по дереву, я спокойно подошла к ней.

Я не удивилась, увидев перед собой леди Суссию. Но она, кажется, удивилась, увидев меня полностью одетой, словно я ждала какого-то вызова.

— Ты должна своими лекарствами помочь Маримме, Джиллан, с ней нехорошо, — ее взгляд скользнул мимо меня к столу, где в костяной чашечке лежали таблетки и стояла бутылочка; когда ее взгляд снова упал на меня, на ее губах появился намек на улыбку. Нам не надо было никаких

слов.— Я хочу, чтобы тебе повезло в том, что ты задумала,— тихо сказала она. И больше не говорила о моих знаниях врачевания, но мы обе понимали все.

Я взяла таблетку и пошла по коридору к комнате Мариммы. Дверь в нее была приоткрыта, и оттуда доносились голоса. Один из них был тих и почти неразборчив, и этот голос мгновенно остановил меня и поколебал мою уверенность, которая не покидала меня весь вечер.

Аббатиса Юлианна! Я всегда боялась ее пронзительного ума, и мне показалось, что мои намерения были раскрыты. Но я уже давно миновала ту черту, откуда можно было отступить.

—... ничего, кроме обычного женского каприза. Но время идет. Мы выедем утром, чтобы выполнить нашу часть договора. И утром она будет уже готова к свадьбе! Она пойдет с нами без жалоб и плача! Мать аббатисы, я слышал, что кое-кто из женщин здесь обладает умением врачевать. Дайте ей питье, которое прекратит ее истерику. Не могу же я заткнуть ей рот и привязать ее к седлу — но если это будет необходимо, я это сделаю! Мы сдержим данное нами слово!

Лорд Имграй не был в гневе, он был холоден и неумолим, как камни в долине.

— Таких, кто использует врачевание во вред, здесь нет, мой Лорд.— Аббатиса была так же неумолима, как и он.— Вы действительно хотите достигнуть условленного места с девушкой, которая потеряла сознание от страха? А это вполне может произойти, если вы доведете дело до крайности...

— Вы преувеличиваете размеры всего этого, леди аббатиса! Маримма испугана, она слышала много диких историй, и это все. Просто она выйдет замуж по приказу, а не по собственному выбору. Наша часть договора должна быть выполнена в течение ближайших трех дней, поэтому мы выедем завтра утром на рассвете. Связанные клятвой, мы должны передать двенадцать и еще одну девушку их будущим мужьям, и эти двенадцать девушек и еще одна поедут с нами завтра утром...

Я взяла таблетку в правую руку и, когда голоса смолкли, постучала в дверь.

Дверь открылась, и Лорд Имграй выглянул наружу. Я поклонилась ему, но как равная равному.

— Чего вам?

— Леди Суссия сказала, что вам необходима врачебная помощь,— я подождала ответа, но не от него, а от нее, от той, которая стояла возле кровати Мариммы. Ее вуаль была не-

много приподнята, так что лицо было освещено, но я не успела различить выражения, так как Лорд Имграй отошел в сторону, чтобы пропустить меня.

Лорд Имграй пристально посмотрел на меня. Хотя нижняя часть моей одежды и была темного цвета, но я не носила ни плаща, ни вуали, и на мне была праздничная вышитая юбка. Не было никакого герба с обозначением моего рода или страны, только искусный узор, придуманный мной самой.

— Это не ваша врачевательница, — резко сказал Лорд. Я взглянула на аббатису Юлианну и вложила в свой взгляд всю мою силу воли, ожидая, что она подтвердит Лорду мои полномочия, и тот не отшлет меня обратно. Аббатиса отошла в сторону и сделала мне знак подойти к кровати.

— Это Джиллан, помощница нашей врачевательницы, и она великолепно обучена врачеванию. Мой Лорд, я забыла, что Час Последнего Совета уже прошел. Скоро все наше общество соберется в часовне на вечернюю молитву. Если бы Маримме не грозила огромная опасность, мы бы не стали вызывать сюда врачевательницу.

Он подавил возглас недовольства, но даже его авторитет ничего не значил для монахинь под крышей этого монастыря.

— Теперь вам лучше уйти, мой Лорд, — предложила аббатиса. — Маримма вот-вот должна очнуться, и если она опять увидит вас здесь, то снова ударится в крик и слезы, а это вам не нравится...

— Дочь моя, — теперь взгляд ее обратился ко мне. Я не могла прочесть ее мыслей. Если же она прочитала мои и разгадала мои намерения, то ничем не дала этого понять. — Ты ведь будешь лечить ее, как только сможешь и, если понадобится, проведешь возле нее всю ночь.

Я не ответила ничего определенного, а только поклонилась ей, хотя и ниже, чем Лорду Имграю, который все еще, колеблясь, стоял у двери. Но когда аббатиса повернулась к двери, он вышел, и она последовала за ним наружу. Дверь за ними закрылась.

Маримма зашевелилась и застонала. Лицо ее покраснело, как от лихорадки, дыхание было тяжелым и неравномерным. Я положила таблетку на стол и ложкой отмерила в костяную чашечку дозу смеси из флакончика. Через мгновение я уже держала чашечку в руках. Теперь я находилась между настоящим и будущим. С этого мгновения возврата назад уже не было — только успех или разоблачение и враждебность такая непримиримая, что я не могла и надеяться на прощение. Но я колебалась недолго, обняла рукой

плечи Мариммы и приподняла ее голову. Глаза ее были полуоткрыты, и она бормотала что-то бессвязное. Я поднесла костяную чашечку к ее губам, и, повинуясь моим мягким убеждениям, она проглотила содержимое.

— Великолепно.

Я оглянулась. В дверях стояла Суссия, и створки дверей тихо закрывались за ней. Она подошла ко мне.

— У тебя должна быть союзница...

«Да, это так. Но почему?..»

Мы, казалось, снова были единодушны и разделяли мысли друг друга.

— Почему, леди Джиллан? По многим причинам. Сначала первая из них: потому что это нежное создание мне очень нравится, — она взглянула на Маримму. — Она принадлежит к тому безвредному, нуждающемуся в поддержке виду женщин, для которых наш мир слишком суров, и которые никогда даже не могли подумать о том, что мы легко можем вынести. Ты и я — женщины совсем другого типа. А во-вторых, потому что я тебя знаю лучше, чем ты думаешь, Джиллан. Этот Норстадт для тебя — тюрьма. И на какое другое будущее ты можешь надеяться здесь, кроме как на бесконечные годы однообразной жизни...

— Пыльные годы... — Я не заметила, что думаю вслух, пока не услышала тихий смех.

— Я сама не смогла бы выразиться лучше!

— Но почему тебя так заботит моя судьба?

— Я сама этого точно не знаю, Джиллан, — задумчиво ответила она. — Мы с тобой не сестры, не подруги и не собутыльницы. Я знаю только, что мне хочется помочь тебе. И думаю, что у тебя действительно есть причины уехать отсюда. И будь у меня выбор, я тоже поступила бы так же.

— С готовностью?

Суссия улыбнулась.

— Тебя это удивляет?

Странно, но меня это не удивляло. Суссия, не проронив ни слезинки, готова была поехать с невестами, она с любопытством и жаждой приключений ждала отъезда.

— Мы обе одной и той же натуры, Джиллан. Поэтому этот монастырь не для тебя.

— Ты имеешь в виду, что я должна ехать с легким сердцем и выйти замуж за оборотня и колдуна?

Именно. — Она все еще улыбалась. — Подумай о том, какое это будет приключение, моя дорогая Джиллан. Я тебе очень завидую.

Она была права — и еще как права!

— А теперь скажи, какую дозу ты ей дала? — спросила она. — И каков твой план?

— Я дала ей снотворное, и она будет спать долго, проснеться через день-полтора, освеженная, с успокоенными нервами и мыслями.

— Но если она будет спать здесь... — Суссия задумчиво прикусила свою нижнюю губу.

Это не входило в мои намерения. В этом сне она была в полном моем распоряжении. Как только начнется Час Великого Молчания, я перенесу ее в свою комнату. Суссия кивнула.

— Хорошо придумано. Ты более рослая, чем она, но в сумраке рассвета ничего не будет заметно. Я принесу тебе одежду для верховой езды, а также ее куртку и накидку. Ты будешь прятать слезу под этой накидкой. Ты будешь молчать, и не думаю, что Лорд Имграй будет задавать тебе вопросы, если ты пойдешь к своей лошади с закрытым накидкой лицом. Остается еще прощание с аббатисой. Она должна благословить невест у двери часовни.

— Это будет очень рано, и если пойдет снег... Есть еще несколько моментов, которые я надеюсь преодолеть только с помощью случая.

— Я сделаю все, что смогу, — сказала Суссия.

Потом мы стали обсуждать подробности моего плана. В конце концов Маримма оказалась в моей постели, а я лежала в ее теплом нижнем белье, в костюме для верховой езды и разрезной юбке, которую мне принесла Суссия. Вся эта одежда была из тонкой ткани; одежда, которую я не носила в монастыре, и ее серебристый цвет подходил к цвету накидки, которую мне тоже принесла Суссия. Куртка была светлого цвета, и на ней красным и золотым был вышит крылатый конь, летящий над зелено-голубыми линиями, означающими море — герб Мариммы.

Я заплела свои черные волосы и закрепила их на голове, потом натянула капюшон и вуаль для путешествий, сделав из них нечто вроде маски, закрывающей мое лицо. Когда я была готова, Суссия критически осмотрела меня.

— Тот, кто хорошо знает Маримму, боюсь, не ошибется. Но Лорд Имграй видел ее редко, и те, с кем ты поедешь завтра утром, никогда прежде не знали ее. Ты должна будешь проявить все свое мастерство, чтобы сохранить маскировку, пока, наконец, возвращение не станет невозможным. Место встречи со всадниками находится не особенно далеко, возвращение вызовет задержку, а плохая погода на плоско-

горье может задержать его еще больше, поэтому Лорд Имграй не отважится на возвращение. Ему же нужны двенадцать невест и еще одна, и они у него есть... Это будет твоей защитой против гнева, если он раскроет тебя.

Да, это будет единственной защитой, которая у меня есть. Страх захлестнул меня, но я не позволила ему затмить мой разум. Я должна была вооружиться уверенностью.

— Всего хорошего, Джиллан.

— И я желаю тебе всего хорошего и даже еще больше, — коротко ответила я, взяв мешочек с травами и лекарствами, который перед этим упаковала. И все же мне на мгновение захотелось отступить и все бросить, но я без колебаний отбросила это желание.

Снова вернувшись в комнату Мариммы, я провела там остаток ночи, приняв кое-что из моего запаса снадобий, так что, несмотря на то, что я почти не спала, утром я была свежей и бодрой, когда в дверь осторожно постучали.

Я надела на голову капюшон и накинула поверх него накидку, но все же медлила отозваться. Потом я услышала шепот:

— Ты готова?

Суссия. Когда я подошла к ней, она быстро положила руку на мое плечо, словно заботливо оберегая свою новую подругу. Я стала играть свою роль и, слабая и дрожащая, вышла в большой зал. Еда уже ожидала нас: походный завтрак и горячее питье. Мне удалось съесть намного больше, чем это было заметно со стороны. Суссия, как моя подруга, сидела возле меня и тихо, но настойчиво говорила со мной заботливым голосом. Она шепотом рассказала мне, что ей удалось с помощью различных уверток уснуть подруг Мариммы, потому что я очень боялась, что их сочувствие может привести меня к гибели. После истерического припадка Мариммы вчера вечером, когда ей сообщили эту новость, они с готовностью поверили этому.

Все шло так, как я и надеялась. Когда Лорд Имграй, до сих пор избегавший меня, наконец подошел, чтобы увести меня, я пошла, пригнувшись и плача, как я надеялась, достаточно жалобно. Последняя проверка произошла тогда, когда я опустилась на колени, чтобы получить благословение от аббатисы Юлианны. Она каждой из нас дала Поцелуй Мира, и поэтому я должна была на мгновение откинуть свою накидку. Я напряженно ждала того, что вот-вот буду разоблачена. Но в выражении лица аббатисы ничего не изменилось, когда она наклонилась, и ее губы прижались к моему лбу.

— Иди с миром, дочь моя, — произнесла она ритуальную фразу, но я поняла, что эти слова предназначались именно мне, а не Маримме. И, ободренная этим, я с помощью Лорда Имграя взобралась в седло, и мы выехали из Норстатта. Я впервые покинула его стены после десяти лет, проведенных в этих каменных стенах, где веками ничего не менялось. Мои планы начали исполняться.

Скача по скованной холдом долине, мы почти ни о чем не говорили. Сначала мы ехали по троем или по четверо рядом, и каждую пару женщин эскортировали один или два воина, но потом нам пришлось ехать гуськом друг за другом, потому что дорога все более сужалась, пока, наконец, не превратилась в узкую тропу. Я закуталась в свою накидку и молчала. Меня все еще удивляло, почему аббатиса не разоблачила моих намерений. Испытывала ли она к Маримме настолько сильную симпатию, что готова была даже пойти на обман, чтобы спасти свою фаворитку? Или она смотрела на меня как на помеху в своей маленькой тихой обители, от которой она таким образом избавлялась?

С каждым новым часом нашего путешествия шансы на возвращение все уменьшались. И, если это было возможно, Лорд Имграй все время поторапливал нас. Как далеко находилось место нашей встречи со всадниками? Я знала только, что оно находилось где-то на краю степи.

Мы миновали Харродейл с его отдельными крестьянскими домиками, там не было ни одного человека, только животные, и после Харродейла дорога стала все круче подниматься вверх. В Хокердайле нас сопровождал шум воды, струящийся на равнину быстрым потоком и не полностью еще скованный льдом. У конца долины мы проехали мимо домика поста, и из него вышло несколько человек, чтобы приветствовать нашего Лорда и перекинуться с ним несколькими словами. Во время этой короткой задержки ко мне приблизился другой пони, и всадница, ехавшая на нем, пригнулась ко мне.

— Может быть, они вообще не хотят делать никаких остановок, чтобы дать нам передохнуть? — громко спросила она, может быть, надеясь, что ее слова достигнут ушей Лорда Имграя.

— Похоже на то, — тихо ответила я, потому что я не хотела, чтобы меня слышали.

Она нетерпеливо одернула свою накидку, и ее капюшон сполз немного назад. Это была Кильдас, которая так злобно говорила за столом о Тольфане. Темные тени лежали под ее

темно-голубыми глазами, и тонкие морщинки пролегли вокруг ее полных губ.

— Ты здесь по его выбору, — сказала она, кивнув в сторону Лорда Имграя. — Но с сегодняшнего дня ты слишком молчалива. Какой же бич страха он использовал, чтобы сделать тебя уступчивой и добиться своей цели? Вчера вечером ты клялась, что никогда не поедешь с нами... — Она не выказывала никакой жалости, только любопытство, так как страдания других помогли ей забыть о своем собственном горе.

— У меня была целая ночь для раздумий, — ответила я. Она коротко усмехнулась.

— Да, это, должно быть, были великие раздумья, если сейчас ты так спокойна. Зал дрожал от твоих воплей, когда тебя уводили в твою комнату. Теперь ты согласна на то, что у тебя будет жених-колдун?

— А ты? — спросила я в ответ. Маримма со своим страхом привлекла к себе внимание, а ее страхи были теперь для меня самой наименьшей заботой. Я не была Мариммой, и не могла хорошо играть ее роль. Пока Лорд Имграй меня не разоблачил... Он все утро был занят только тем, что заставлял нас ехать быстрее. Но что произойдет, когда он обнаружит, что его обманули? Но ему нужно было передать Всадникам определенное число невест, и это должно защищить меня от его гнева.

— Я? — Кильдас оторвала меня от размышлений. — Как и у всех вас, у меня не было выбора. Но мужчины-оборотни должны иметь много общего с мужчинами нашего рода, и поэтому я не боюсь за себя. — Она вскинула голову, сильная в своей убежденности и действенности того оружия, которым ее наградила природа.

— Как они выглядят? Ты видела хоть одного Всадника? — только и спросила я. До сих пор я была занята только своим бегством и всем, что было связано с ним, и мало думала о том, что ждет меня в конце этого путешествия.

— Нет, я никогда еще не видела ни одного из них, — ответила она. — Они до нападения ализонцев еще никогда не появлялись в долине. И потом говорят, что они путешествуют только ночью, а не днем. Когда они вели с нами переговоры, они были в облике человека, но они обладают странными силами... — Уверенность Кильдас исчезла, и она снова начала теребить накидку у своей шеи, словно та мешала ей дышать. — Если о них и известно больше, никогда ничего не слышала об этом.

Краем своего уха я услышала звук, похожий на рыдание. К нам подъехала еще одна девушка. По ее поношенной одежде я узнала ее — Сольфина, которая накануне делила пищу с Кильдас.

— Слезами больше ничего не изменишь, Сольфина, — сказала Кильдас. — Подумай о том, что у тебя был свободный выбор, и будь такой же храброй, как и все мы.

— Ты сама решила поехать с нами? — спросила я.

— Это... это была моя единственная возможность помочь, — робко ответила Сольфина. — Но ты права, Кильдас, нельзя сначала делать выбор, а потом плакать от страха. Как много я дала бы за то, чтобы еще раз увидеть мою мать и сестер. Но теперь мне никогда не удастся этого сделать.

— А разве при обычной свадьбе было бы не так? — мягко спросила Кильдас. — Ты была бы отдана Лорду или Капитану одной из южных долин и тоже никогда бы не смогла вернуться назад.

— Я знаю, и это меня поддерживает, — быстро ответила Сольфина. — Это правда, меня бы отдали. Теперь мы все идем на встречу с нашими сужеными. И так происходило со всеми женщинами на протяжении бесчисленного количества лет. И в результате свадьбы я приобрету больше, чем потеряю, намного больше. Но Всадники...

— Ты должна понять вот что, — сказала я. — Всадникам так нужны женщины, что они готовы были пойти ради их приобретения на то, чтобы заключить договор и сражаться за кого-то. И когда мужчина хочет чего-то настолько сильно, что даже ставит на карту свою жизнь, чтобы добиться этого, он будет очень дорожить этим, неустанно заботиться о приобретенном.

Сольфина внимательно посмотрела на меня. Ее покрасневшие глаза блеснули. Одновременно я услышала тихий возглас Кильдас, которая подвела своего пони еще ближе.

— Кто ты? — властно спросила она. — Ты не та жалкая девчонка, которую вчера вечером увезли из зала!

Нужно ли мне играть роль Мариммы перед моими спутницами? Для этого не было никаких особых оснований.

— Ты права. Я не Маримма.

— Кто же ты тогда? — настаивала Кильдас, а Сольфина смотрела на меня округлившимися от удивления глазами.

— Я Джиллан, и прожила в монастыре уже много лет. У меня нет родственников, и это путешествие — мой собственный выбор.

— Если у тебя нет родственников, которые вынудили бы тебя пойти на это или которые извлекли бы из твоего выбора для себя какую-то пользу, почему ты тогда едешь с нами? — Теперь голос Сольфины выдавал ее удивление.

— Потому что, может быть, есть худшие вещи, чем это путешествие в неизвестность.

— Что же это такое? — спросила Кильдас.

— Монотонная, никогда не меняющаяся жизнь. У меня не было других шансов, чтобы вырваться за стены монастыря, а я не хочу все время носить вуаль и накидку монахини и быть довольной, когда один день моей жизни как две капли воды похож на другой.

Кильдас кивнула.

— Да, я могу понять это. Но что произойдет, если Лорд Имграй узнает правду? Он твердо решил отправить Маримму ко Всадникам, и делает это по своим личным мотивам. И он не такой человек, который позволит перечеркивать свои планы.

— Я знаю это. Но мне совершенно ясно, что он спешит, и у него осталось не так уж много времени для того, чтобы достичнуть места встречи. Он не успеет вернуться назад в Норстадт, а его честь обязывает передать Всадникам всех невест.

Кильдас рассмеялась.

— Ты мыслишь четко и целеустремленно, Джиллан. Мне кажется, что твоя защита против его гнева очень действенна.

— И тебя... тебя не страшат эти... дикие люди? Ты сама выбрала свою судьбу? — спросила Сольфина.

— Я не знаю, какие ужасы меня ждут в будущем. Но все же лучше ехать по долине к подножию горных пиков, чем смотреть на них из тени, — ответила я. Все же мое мужество было не так велико, как я хотела это показать. Может быть, я оставила позади себя меньшее зло, чем то, которое меня ожидало. Но об этой возможности мне не хотелось думать. Только не теперь.

— Великолепная философия, — заметила Кильдас. — Она может и дальше поддерживать и вести тебя, сестра-невеста. Ага, кажется, нам все же дадут передохнуть.

После нескольких слов, сказанных Лордом Имграем, мужчины из эскорта подошли к нам, чтобы помочь нам слезть с наших лошадей и отвести нас в домик сторожевого поста. В караульной мы столпились у огня, чтобы согреть руки и размять наши ноги и спины. Как всегда, я держалась от нашего предводителя как можно дальше. Он, наверное, подумал, что Маримма боится и ненавидит этого человека, по-

вole которого оказалась здесь. Во всяком случае, он тоже счел за лучшее оставить меня в покое, и поэтому не приближался ко мне. Я незаметно стояла в углу вместе с Кильдас и Сольфиной, и мы пили из бокалов горячий бульон, который нам налили из огромного общего котла.

Мы еще не закончили свой скучный обед, когда Лорд Имграй повернулся к нам всем:

— Снегопад на плоскогорье прекратился. Хотя это и тяжело, но мы должны двигаться дальше, и к наступлению ночи достигнуть Кроффа. Времени у нас мало, и на следующий день мы должны быть уже на Перевале Соколов.

Послышались тихие слова протesta, но никто не осмелился возразить во весь голос. Перевал Соколов — это название мне ничего не говорило. Может быть, это и было условленное место встречи.

Счастье благоволило мне и дальше. Все еще не разоблаченная, я вместе с другими девушками достигла замка Кроффа, горной крепости, в которой теперь осталось только одна четвертая часть ее гарнизона. Нас ввели в длинную комнату с лежащими на полу соломенными матами, и мы были вынуждены довольствоваться теми «удобствами», которые были в этом горном гнезде, непрерывно подвергающемся атакам противника в течение многих лет. Сильно устав, я провалилась в глубокий сон без сновидений. Но потом я внезапно проснулась, и мне показалось, что я услышала какой-то зов. Мне почти удалось услышать эхо какого-то хорошо знакомого мне голоса — монахини Алюзан? — который настойчиво велел мне сделать что-то. И чувство это было так сильно, что я вскочила, и только потом поняла, где и с какой целью я нахожусь. Я увидела соломенные маты и услышала дыхание других девушек.

Теперь я полностью проснулась, полная беспокойства, что-то заставило меня надеть верхнюю одежду и выйти наружу, потому что мне был необходим свежий воздух.

Я тихо выскользнула из спальни в коридор и поднялась по лестнице, которая вела на террасу. Снег покрыл все вокруг, и было довольно светло, но высокие темные горы были только силуэтами, кое-где посеребренными скрытой облаками луной.

С гор веял свежий ветер. Но теперь, когда я вышла сюда, то, что заставило меня сделать это, уже исчезло. И я не могла понять, что привело меня сюда. Несмотря на мою накидку, мне стало холодно от ветра, и я шагнула назад к двери.

— Что ты здесь делаешь?

— Отот голос я узнала сразу. Каким образом и почему Лэрд Имграй ощущил вместе со мной потребность подышать свежим воздухом среди ночи, я не знала. Но я не могла избежать этой встречи.

— Мне захотелось на свежий воздух... — Мой ответ был глуп и бессмыслен. Обернувшись, я была вынуждена защищить рукой глаза, потому что он направил мне в лицо свет переносной лампы.

Но он, должно быть, сначала заметил герб на куртке Мариммы, потому что он крепко взял меня за плечо и подтянул поближе.

— Глупышка! Маленькая глупышка! — Я вздрогнула, услышав его властный голос, который, однако, относился не к Маримме, а к моим собственным радостям и горестям. И это придало мне какую-то силу, я опустила свою руку и встретила его взгляд.

— Ты не Маримма! — Он еще крепче схватил меня и поднес лампу поближе. — Но ты одна из тех, кто ехал со мной. Кто ты? — Его пальцы, как острия пяти мечей, уперлись в меня, и я уже хотела закричать.

— Я принадлежу к невестам, мой Лорд. Я — Джиллан из Норстатта...

— Так! И она отважилась на это, эта женщина...

— Нет. — Я даже не пыталась освободиться от его хватки, а просто стояла. — Это был мой собственный план!

— Твой? И что ты собирались делать со всем этим, что тебя никак не должно было касаться? Ты в этом горько раскаешься...

Он сдерживал свой гнев, но от этого был еще опаснее.

— Время для раскаяния прошло — или еще не наступило.

Я старалась обдуманно выбирать слова, чтобы привлечь его внимание и заставить его задуматься.

— Время сейчас не ваш союзник, мой Лорд. Вернувшись в Норстатт, вы потеряете его слишком много. Если вы отправите меня с вашим человеком, у вас опять будет недостача

— потому что на Перевале Соколов должны быть двенадцать и одна невеста, иначе пострадает ваша честь.

Он начал трясти меня с такой силой, что я моталась в его руках как соломенная кукла. Потом он оттолкнул меня от себя так, что я, поскользнувшись на снегу, упала, и больно ударилась об ограждение террасы. И я думаю, что в это мгновение ему было все равно, даже если бы я перелетела через ограждение.

Я снова поднялась, все мое тело дрожало. Мое плечо невыносимо болело, и страх перед тем, что-нибудь было не произошло, все еще сковывал мои члены. Но я смотрела на него с поднятой головой и хорошо знала, что должна сказать ему.

— Вы должны представить меня как невесту, мой Лорд. Я здесь и охотно могу подтвердить, что я здесь по вашей воле, если будет необходимо мое свидетельство. А у вас все еще остается Маримма, которая обладает такой красотой, что ей без труда можно будет найти подходящую пару. Неужели вы от этого что-нибудь теряете?

Он тяжело дышал от возбуждения, но я привыкли оценивать его как человека, способного держать свои чувства в узде, если это будет нужно для выполнения его планов. Когда он пошел ко мне и поднял лампу, я поняла, что избежала огромной опасности. Его мозг уже работал, переваривая то, что я ему только что сказала.

— Джиллан, — в его устах мое имя прозвучало глухо и сухо. — И ты соответствуешь всем условиям?

— Я молодая девушка, мне около двадцати лет. Я была приемной дочерью Лорда Фарло из Тантропа и его жены, они подобрали меня, когда я была еще маленькой и находилась в плену у ализонцев. Охотник из Ализона сохранил мне жизнь, а Лорд Фарло держал для каких-то своих целей — так что мое происхождение можно рассматривать как благородное.

Он пристально осмотрел меня с головы до ног. Его взгляд сконфузил меня, и он понял это. Я сдерживала досаду и понимала, что он знает об этом.

— Ты права — время поджимает нас. Им нужно вручить двенадцать и одну невесту. Но все это может оказаться не таким, как ты себе это представляешь, девушка.

— Кто не ожидает ни добра, ни зла, у того есть все шансы получить и то, и другое, — резко ответила я ему.

На его лицо набежала легкая тень, которую я не смогла идентифицировать.

— Откуда охотник взял тебя? — В голосе его был интерес к моей личности, но он не мог использовать это в качестве инструмента для достижения своих целей.

— Не знаю, помню только, что находилась на корабле во время шторма, а потом в порту, где меня подобрал один из воинов Лорда Фарло, — правдиво ответила я.

— Охотник этот тоже участвовал в заморской войне. Эсткарп, — он швырнул в меня это слово, словно хотел увидеть мою реакцию на него.

— Эсткарп? — повторила я, потому что это слово ничего не значило для меня. — Это враг Ализона?

Лорд Имграй пожал плечами.

— Так говорят. Но для тебя это неважно. Ты уже сделала свой выбор, и поэтому остаешься.

— Кроме этого, мне больше ничего и не нужно, мой Лорд.

Он проводил меня обратно в спальню девушек и, когда дверь за мной закрылась, я услышала, как он вызвал охранников, и они встали у нашей двери. Я снова легла на свой соломенный матрац. То, чего я опасалась с тех пор, как покинула монастырь, было уже позади. Я преодолела уже два барьера между мной и тем, что я искала. Теперь я всеми своими мыслями вернулась к третьему — к тому, что ожидало меня на Перевале Соколов.

Мы знали о мужчинах только по разговорам в монастыре, да по редким посещениям родственников дам, нашедших убежище в монастыре. Хотя я знала кое-что о мужчинах, но не знала их. Для монахинь браков не существовало, и они не говорили об этом. Я не имела ни малейшего представления о том, что меня ожидало. Я не могла также понять страхов моих спутниц, потому что обычные мужчины были мне также чужды, как и Всадники-Оборотни с их мрачной репутацией.

На следующее утро Лорд Имграй ни словом не обмолвился о нашей предыдущей встрече. И я снова накинула на себя свою маскировочную вуаль, благодаря которой многие девушки не догадывались, что я — не Маримма. Но мне показалось, что по мере того, как наше путешествие подходило к концу, другие невесты становились все тише и обращались внутрь себя, чтобы справиться со своими собственными страхами и обнадежить себя, насколько это было возможно.

Насколько я знала карту этой местности, мы уже оставили долину позади себя. Узкая дорога, на которой хватало места только для двух пони, едущих рядом, вела с возвышенности вниз на равнину, где тут и там выступали сквозь покров снега коричневые пучки травы. Мы пересекли речушку по грубому деревянному мосту, который, несомненно, был построен людьми, но нигде не было ни малейших признаков, что здесь недавно проезжали какие-нибудь путники: на снегу не было видно никаких следов. И мы ехали дальше по этой заброшенной местности, которая производила впечатление, что все люди здесь давно уже вымерли.

Мы снова поднялись по одному из склонов, более крутому, чем все склоны перед этим. Наша тропа вела к узкому пере-

валу, находящемуся между двумя утесами. Мы оказались на узком плато, на котором была каменная хижина и каменная яма очага с почерневшими от огня камнями. Тут мы и остановились. Лорд Имграй приблизился к одному из охранников и проводнику из крепости.

— Вы будете ждать нас здесь.

Ничего больше не сказав, он повернулся и вместе с двумя другими охранниками поскакал к перевалу. Мы устали и с трудом спешились. Двое мужчин из escorte развели огонь в хижине и распределили походные пайки, но я думаю, что никто из нас много не ел. Кильдас коснулась моей руки:

— Перевал Соколов... — Она указала на щель в скалах. — Кажется, что невесты добрались сюда быстрее, чем женихи. Ничто не указывает на то, что нас здесь встречают.

Она все еще говорила, когда в сгущающихся сумерках в узкой щели перевала появился свет — но не желтый свет ламп или факелов, а странное зеленое свечение. И в этом зеленом свете четко вырисовывались три фигуры, которые скакали по направлению к нам — но, кроме них, на перевале никого не было.

— Вы знаете, какая сегодня ночь? — Девушка, чья накидка была откинута, а капюшон сполз, так что пряди ее светлых волос выбились наружу, взглянула на нас. Это была Эдит, которая прошлой ночью лежала слева от меня. Она пришла в Норстадт с юга, и герб ее — саламандра меж двух языков пламени — был мне незнаком.

Кильдас ответила за всех нас:

— Год подходит к концу, и на рассвете мы встретим новый...

— Да, это так. Мы вступаем в Год Единорога.

— Сегодня дома все собираются в большом зале, чтобы отметить это, — грустно сказала Сольфина.

— Я спрашиваю себя, будут ли наши новые Лорды отмечать праздниками наступление каждого нового года, — заметила Кильдас. — Они не почитают пламя, как мы. Каким богам молятся эти Всадники? Или у них вообще нет никаких богов?

— Никаких богов! — испуганно воскликнула Сольфина. — Как могут жить люди без богов, без Высшей Силы, которая выше, чем они сами и на которую можно опереться?

Эдит презрительно усмехнулась.

— Кто сказал, что они — люди? Неужели тебе все еще непонятно? Ты и я, мы рождены под несчастной звездой, и

нам предопределено перейти из одного мира в другой, так же, как мы переходим из старого года в новый.

— Почему ты думаешь, что то, что неизвестно, обязательно должно быть плохо? — спросила я. — Тот, кто ищет только тень, и находит только тени. Если оставить в стороне все слухи, что мы знаем по-настоящему плохое об этих Всадниках?

Тут все загадели одновременно, пока Кильдас громко не рассмеялась.

— Они говорят... это значит... то и то. Кто, собственно, говорил и что? Я считаю, что наша сестра-спутница права. Что мы действительно знаем о них, кроме недоброжелательных слухов? Никто из Всадников-Оборотней не поднимал мечи против нас — они только заключили с нами договор и помогли уничтожить наших врагов. Только потому, что у человека черные волосы, потому что он носит серую накидку и предпочитает жить в диких местах, он должен отличаться телом и духом от того, у кого под шлемом светлые волосы, кто носит ярко-красную накидку и охотнее живет в городе, в обществе, чем в одиночку? Оба они занимают свои места в обществе. Что плохого, чего мы сами не знаем, можно ожидать от Всадников?

— Но ведь они не люди, — настаивала Эдит.

— Откуда мы знаем, что это на самом деле так? У них есть способности, которых нет у нас, но разве у каждой из нас нет способностей? Кто-то из нас может искусно вышивать шелка, а другие этого не могут, кто-то может великолепно играть на музыкальных инструментах, завораживая других. Могут ли все из нас без исключения делать это? Поэтому и эти мужчины могут иметь способности, которых нет у наших мужчин, но все же оставаться такими же мужчинами, как наши, несмотря на все их особые способности.

Верила ли она в то, что говорила, или нет, во всяком случае, она старалась быть мужественной и боролась со страхом, который мучил нас всех. На перевале все еще сиял зеленый свет, и ни Лорд Имграй, ни его спутник еще не вернулись назад.

Мы все еще кучкой сидели на камнях у очага, когда вернулся помощник Лорда Имграя и сообщил, что мы должны ехать дальше, на узкий перевал. И я подумала, что все ощутили то же, что и я: возбуждение, более чем наполовину состоящее из страха.

Но мы поехали не в лагерь мужчин, которые должны были приветствовать нас. Проехав перевал, мы выехали на широкую площадку, где были установлены большие палатки из

шкур. В палатках были кушетки, покрытые шкурами различных животных с густым мехом, и некоторые шкуры были животных, которых я никогда раньше не знала. Пол тоже был покрыт шкурами. В самой большой палатке был низкий длинный стол, уставленный едой.

Я провела рукой по мягкому серебристо-белому меху с серыми крапинками, достаточно красивому, чтобы из него можно было сшить манто для леди какого-нибудь высокородного Лорда. Хотя все вокруг нас было сшито из кожи и меха, в этом была несомненная красота и чувствовалось уважение тех, кто предоставил нам такой комфорт.

Когда мы ужинали едой, стоящей на столе, — там был хлеб с запечеными в нем сушенными фруктами, вкусное жареное мясо и сладости, по вкусу напоминающие мед и орехи, — Лорд Имграй внезапно встал из-за стола. Вокруг него была тень и казалось, что между ним и нами вдруг возник какой-то барьер. Потому что теперь мы действительно были готовы отказаться от своего рода.

— Теперь слушайте внимательно, — сказал он, и его голос был необычайно хриплым. — Рано утром вы услышите сигнал рога. Отсюда идет тропа, которая начинается у палаток, и она приведет вас туда, где вас будут ждать ваши новые Лорды.

— Но... — слабо запротестовала Сольфина, — тогда, значит, у нас не будет никакой свадьбы, никакой передачи через Кубок и Пламя.

Лорд Имграй натянуто улыбнулся.

— Вы оставили тех, кто обручается через Кубок и Пламя, моя Леди. Конечно, вы выйдете замуж, но по другому обряду, который, однако, свяжет вас браком с вашим будущим мужем, — он взглянул на всех нас, сидевших рядом, а потом на меня, хотя взгляд его и не задержался на мне. — Я желаю счастья вам всем, — он поднял бокал. — Как тот, кто здесь представляет для вас всех ваших родителей, я пью за долгие годы счастливой жизни и за легкую смерть, за дружественный вам клан и благословляю ваших будущих детей. За нас всех!

Так говорил Лорд Имграй двенадцати и еще одной невесте, которых он привел сюда, он давал им отеческое напутствие. А потом он быстро вышел, прежде, чем кто-нибудь из нас успел возразить.

— Вот так, — я поднялась, и в это мгновение все глаза повернулись ко мне. — Я не думаю, что мы когда-нибудь снова увидим Лорда Имграя.

— Но мы одни... одни должны идти к этим чужакам... — запротестовала одна из девушек.

— Одни? — спросила я, и леди Кильдас быстро пришла мне на помощь.

— Нас здесь двенадцать и одна, а не одна. И мы молодые девушки, нас здесь ждут, и я думаю, что нам окажут хороший прием. — Она подоткнула под себя драгоценный, отливающий чернотой мех, на котором играли серебристые отблески.

Я ждала ухода Лорда Имграя почти в полном смятении, но, как ни странно, среди девушек царило чувство ожидания и удовлетворенности, и хотя они мало говорили, каждая уже подготовилась и заняла одну из кушеток.

Я накрылась серебристо-серым мехом и погрузилась в глубокий сон без сновидений. Я проснулась только тогда, когда утреннее солнце заглянуло внутрь палатки.

— Джиллан! — Кильдас стояла у входа, откинув в стороны брезентовые створки двери. Она смотрела на меня с видимым смущением. — Что ты там застрияла?

Я вылезла из своего теплого мехового гнездышка и подошла к ней. Лошадей, на которых мы приехали, не было. Хотя другие палатки все еще были здесь, но площадка была пуста и палатки эти покинуты. По всей видимости, сопровождающие их люди Лорда Имграя покинули невест, пока те спали.

— Может быть, они испугались, и некоторые из них в последнюю минуту изменили свое решение? — заметила я.

Кильдас улыбнулась.

— Я думаю, что твои сомнения напрасны, не так ли, Джиллан?

Она была права. Ничто в мире не заставило бы меня этим утром повернуть обратно.

— По крайней мере, они были настолько великодушны, что оставили нам наш наряд невест, — Кильдас указала на довольно объемистый тюк. — Я не знаю, сколько у нас есть еще времени до того момента, как наши новые Лорды позовут нас, но я думаю, будет лучше, если мы будем уже готовы. Вставайте, девушки! — крикнула она внутрь палатки, и девушки зашевелились на своих кушетках. — Приветствуйте Год Единорога и то, что он нам принесет.

В одной из покинутых палаток мы обнаружили чаши из полированного рога и сосуды с водой, которая все еще была теплой и пахла травами. Мы помылись, а потом справедливо распределили между собой содержимое вьюков, так что заботы наши были забыты, и каждая из нас нарядилась так красиво, как только могла. Некоторым из обладательниц

этих нарядов они показались диковинными, так как некоторые из девушек были очень бедными, а другие, такие, как Кильдас, были достойны платья невесты из знатного дома.

Потом мы с большим аппетитом позавтракали тем, что осталось от ужина. И нам казалось, что время идет быстро. И вот когда Кильдас подняла свой кубок за наше счастливое будущее, с другой стороны перевала послышался сигнал — звук рога — нет, приветствовавший звук фанфар.

Я встала и повернулась к Кильдас и Сольфине.

— Мы должны идти?

— Здесь нам нечего больше делать, — согласилась Кильдас. — Посмотрим, что это за счастье, за которое мы только что пили, ожидает нас.

Мы вышли наружу и стали спускаться вниз по тропе в волнующееся облако тумана, скрывающее все, что находилось внизу. Но дорога не была ни крута, ни тяжела. Остальные девушки следовали за нами, их шуршащие подолы платьев не касались земли, а фата невесты скрывала их лица. Ни одна из них не задерживалась и не повернулась назад, никто из них не высказывал никакого страха, и мы молча продолжали свой путь.

Рог прозвучал три раза. В первый раз, когда мы отправились в путь; во второй раз, когда мы миновали перевал, и теперь вот в третий раз. После третьего сигнала рога туман перед нами расступился, словно разведененный в стороны чьей-то гигантской рукой, и мы вышли на площадку, где была не зима, а весна. Короткая трава здесь была сочной и мягкой. Ворота из кустов образовали входную арку, и на этих кустах висели маленькие белые и желтые цветочки, напоминающие колокольчики, и от них исходил сладкий запах, как от венков невест.

Не было видно ни одного человека, вместо этого мы увидели тут и там лежащие на траве накидки-плащи и некоторые из них были словно нарочно отброшены в сторону. И эти накидки были сделаны из тончайшей ткани, украшены тончайшей вышивкой и покрыты драгоценными камнями, каких никто из нас никогда не видел. И каждая из этих накидок отличалась от другой, хотя и едва заметно, потому что на всех них было столько узоров, что разбегались глаза.

Мы молча стояли и смотрели. Но чем дольше я глядела на то, что было передо мной, тем большее смущение охватывало меня, потому что мне казалось, что я вижу вторую картину, которая была словно скрыта первой. Когда я концентрировала свое внимание на какой-нибудь части этого зеленого

лужка, на цветущих кустах или даже на какой-нибудь накидке, радостное великолепие красок меркло, и я видела нечто совсем другое, что выступало наружу из-под всего этого.

Тут не было больше зеленої травы, а только коричневая зимняя земля и пепельно-серая поросль, такая же, как и на равнине, по которой мы ехали день назад. Не было никаких цветущих кустов, а только голые колючие безлистные ветки. И накидки — красота вышивки и драгоценных камней как сияние покрывала темные краски, которые образовывали узоры, напоминающие ряды каких-то странных рун, которые не имели для меня никакого значения, и все эти накидки были такого же серо-коричневого цвета, как и земля, на которой они лежали.

Чем дольше я на них глядела, сосредотачивая свою волю, тем сильнее бледнело все это колдовство. Взглянув на своих спутниц, я заметила, что они видели только то, что было на поверхности, и не видели того, что было под всем этим. И лица их были открыты. Они выглядели такими счастливыми, и я поняла: никакое мое предупреждение не сможет сломать их убежденность, да я и не хотела делать этого.

Они оставили меня, сначала Кильдас, а потом Сольфина и другие. Они пробежали мимо меня на этот заколдованный луг, и каждая из них подобрала одну из накидок, привлекающих их своим великолепием, которое, однако, было только видимостью.

Кильдас нагнулась и, подобрав одну из накидок, накинула ее себе на грудь; на этой светящейся голубым накидке драгоценными камнями было вышито сказочное животное — двойное зрение пришло ко мне и ушло, и я теперь только изредка могла видеть те вещи, которые были скрыты колдовством от глаз других. Девушки прижимали к себе накидки как бесценные сокровища, а потом они пошли дальше, словно увидели свою цель и теперь старались как можно быстрее достичь ее. Они подошли к кустам, прошли через арку и исчезли в облаке тумана, висевшем по другую сторону этой арки.

Сольфина тоже сделала свой выбор и исчезла. Эдит и остальные последовали за ней, и я с испугом поняла, что осталась одна. Мое двойное зрение нагнало на меня страх, но дальнейшие колебания могли быть опасными. Но я все еще смотрела на оставшиеся накидки, их осталось тут еще несколько, и их иллюзорная красота постепенно исчезала, и все они стали казаться мне одинаковыми. Нет, не совсем

одинаковыми, решила я, рассмотрев их повнимательнее, потому что ряды рун на них были различной длины и ширины.

Одна из накидок лежала несколько в стороне от остальных, в углу, почти на самом краю площадки. Руны на ней не образовывали единого узора, а были разрозненными. Некоторое время я старалась воспринять их колдовство, разглядеть в них что-нибудь зелено-голубое, крылатую фигуру, сотканную из драгоценных кристаллов. Но это видение было настолько беглым, что в следующее мгновение я уже не знала, на самом ли деле я видела все это. Однако я чувствовала, что эта накидка притягивает меня, по крайней мере, она притягивала мой взгляд сильнее, чем другие. И чтобы не вызвать подозрений, я должна была сделать свой выбор немедленно. Но почему я так подумала, не знаю.

Я пересекла мертвую, мерзлую землю, подняла накидку и прижала ее к себе, потом прошла через голые кусты в холодный туман, оставив позади себя на земле лежать десять накидок; их колдовство и краски на них исчезли.

В тумане я слышала голоса и радостный смех, но никого не видела и, когда я пыталась определить направление этих звуков, не смогла понять, с какой стороны они доносятся. Мне было неприятно, я была в тумане одна. И накидка в моих руках, отделанная серебристо-серым мехом, становилась все тяжелее. Одетая в свое подвенечное платье, я начала мерзнуть, потому что оно почти не защищало меня от промозглого тумана.

В тумане появилась темная тень: ко мне приближалась какая-то фигура. Я почувствовала себя пойманной, у меня не было шансов на бегство. Человек или зверь — или и то, и другое? Темная тень передвигалась на двух ногах, как человек. Но того, что встретили в тумане мои спутницы, они не испугались, потому что я слышала в тумане их счастливые голоса, только не могла разобрать слов.

Человек. Да, голова у него была человеческой. А я смотрела на него двойным зрением, которым я разглядывала серо-коричневые накидки.

Наконец, чужак вышел из тумана, и я смотрела, как он, принадлежащий к чужой расе, приближается ко мне, чтобы взять меня. Он был высок, хотя и не так высок, как горец-воин, и он был строен, как юноша, который впервые вышел на бой. Лицо его тоже было гладким, как у юноши, и только его зеленые глаза под раскосыми бровями были не глазами юноши, а усталыми, старыми и какими-то лишенными возраста.

Каждая из его раскосых бровей так круто поднимались вверх, что глаза его, казалось, образовывали на лице прямой угол, вершиной которого был острый, выступающий вперед подбородок, и под таким же углом были пострижены его густые черные волосы, спадающие на лоб. По человеческим меркам он был ни красивым, ни безобразным, а каким-то совсем другим.

На голове его не было ни шлема, ни чего-нибудь еще, но он был одет в кольчугу, которая, казалось, очень сильно стесняла его движения. Она спускалась до середины его бедер, под ней были надеты плотно облегающие тело короткие брюки из гладкого серебристого меха, такого же короткого, как и тот, который мне так понравился там, в палатке; этот мех был почти таким же. На его ногах были сапоги несколько более темного цвета, чем брюки. Его гибкую талию охватывал пояс из мягкого материала, застегивающийся на огромную пряжку, к которой был прикреплен странный, молочно-белого цвета, камень.

Так я впервые увидела Херрела, Всадника-Оборотня, чью накидку я подобрала, ничуть не польщенная ее колдовством.

— Мой... мой Лорд? — наконец вежливо спросила я, так как он, очевидно, не хотел нарушать молчание, повисшее между нами.

Он улыбнулся почти насмешливо.

— Моя Леди, — ответил он мне, и в его голосе снова прозвучала легкая насмешка, но я чувствовала, что она относилась не ко мне. — Кажется, мне удалось устроить все гораздо лучше, чем я надеялся, и ты подобрала мою накидку.

Он протянул руку и взял у меня накидку.

— Я Херрел, — сказал он.

— Я Джиллан, — ответила я. И тут я осознала, что не знаю, что ждет меня дальше, потому что в своих планах и в своих мечтах я никогда не пыталась заглянуть дальше этого места.

— Приветствую тебя, Джиллан... — Херрел взмахнул накидкой и заботливо укрыл ею мои плечи, так что она укрыла меня от шеи и почти до самой земли.

— Итак, я заявляю свои права на тебя, Джиллан, — если ты тоже хочешь этого.

В его последних словах был неприкрытый вопрос. Если это был какой-то вид церемонии, он давал мне возможность для отступления. Но не могла же я вернуться назад.

— Это мое желание, Херрел.

Он все еще тихо стоял, словно ждал чего-то еще, но я не знала чего. А потом он нагнулся и спросил меня еще более резким голосом:

— Что находится на твоих плечах, Джиллан?

— Серо-коричневая накидка, отороченная мехом...

Мне показалось, что он на мгновение задержал дыхание.

— А каким ты видишь меня, Джиллан? — спросил он тогда.

— Я вижу мужчину молодого и немолодого, одетого в кольчугу и меховую одежду, он носит пояс с серебряной застежкой и серебристо-белым камнем. На голове у него черные волосы и...

Мои слова нарушали эту тишину, казавшуюся угрожающей. Херрел протянул руку и так быстро сдернул с моей головы фату, что из моей фаты выпали заколки, она распустилась и волосы рассыпались по плечам и спине поверх накидки, которую он сам надел на меня как символ нашей связи.

— Кто ты? — Его голос звучал так же требовательно, как и голос Лорда Имграя при нашей прошлой встрече.

— Я Джиллан, пленница воина из-за моря, привезенная в долины Высокого Халлака и пришедшая сюда по собственной воле, — я говорила ему правду, потому что знала, что он имеет право знать правду.

Он отбросил фату в туман, а потом нарисовал в воздухе между нами какой-то узор, и слабое мерцание света возникло там, где двигался его палец. Но его улыбка погасла, и на его лице появилось такое выражение, словно он с чем-то боролся.

— Мы связаны накидкой — и это не случайность, а судьба. Но я прошу тебя об одном, Джиллан, если у тебя есть то, что ты называешь двойным зрением, постарайся, по крайней мере некоторое время, смотреть обычным зрением — все другое опасно.

Я не знала, как мне это сделать, но напряженно пыталась представить перед своими глазами зеленую траву и яркие краски вокруг. На мгновение одна картина наплыла на другую, а потом я снова оказалась среди всего этого великолепия — закутанная в зелено-голубую накидку, вышитую каплями драгоценных камней. И у Херрела внезапно появилось другое лицо, более похожее на человеческое и чрезвычайно привлекательное, но та, другая, его внешность мне нравилась больше.

Не говоря больше ни слова, он взял меня за руку, и мы вместе вышли из туманной страны ничто в зеленую рощу с цветущими деревьями. Там я снова нашла своих спутниц, и каждую из них сопровождал мужчина, подобный Херрелу; они сидели на траве, ели и пили, каждая пара из одной тарелки, принадлежащей только ей, так как это было в обычай долин во время свадеб.

В стороне стояли другие мужчины, и они были без спутниц. Празднующие, казалось, не замечали их. Когда мы проходили мимо этих мужчин, они все повернулись и уставились на нас. Один из них со сдавленным криком выступил вперед, и это не обещало нам ничего хорошего. Но двое других оттащили его назад в свою группу. Херрел завел меня в маленькую нишу между двумя цветущими деревьями, исчез, а потом вернулся назад с едой и питьем в хрустальных сосудах — или, по крайней мере, мне это так показалось.

— Смейся, — тихо сказал он мне. — Покажи счастье невесты, потому что здесь есть те, которые за нами наблюдают, и то, о чем мы с тобой будем говорить, не предназначается для других ушей и не соответствует их мыслям.

Я отломила кусок пирога и поднесла его к губам. Мне удалось улыбнуться и даже рассмеяться, но внутренне я все время была начеку.

— Я желаю тебе счастья, — Херрел тоже улыбнулся, поднимая свой бокал и отпивая пенистую, янтарного цвета жидкость.

— Но, может быть, это невозможно, — тихо возразила я. — Это то, что ты хотел сказать мне? А если это так — то зачем?

Он протянул мне бокал, чтобы завершить церемонию поздравления. Я отпила, но над краем бокала мой взгляд задержался.

— Для этого есть основания, моя Леди. Сначала первое: это не предназначалось ни одной из вас, — он коснулся накидки, которая все еще ниспадала с моих плеч зелено-голубым великолепием. — По Праву Братства они не могли отвергнуть мои притязания. Но никто из них не верил, что мою накидку выберет невеста. Ты сделала плохой выбор, Джиллан, потому что я в этом обществе самый незначительный... — Он произнес это легко, без боли и стыда, но так, что его происхождение сразу стало ясно, и на это нельзя было не обратить внимания.

— Я не верю этому.

— Улыбайся! — Он отломил себе кусок пирога. — Ты говоришь так из вежливости, моя Леди.

— Я говорю то, что чувствую.

Теперь он стал серьезен, его глаза изучали мое лицо, словно он мог проникнуть в мои мысли и прочитать их содержание: как то, что мне было известно, так и то, о чем я даже не догадывалась. Потом он глубоко вздохнул:

— Ты ошибаешься. Все время случается так, что я спотыкаюсь там, где остальные легко достигают своих целей. Я с ними одной крови, но во мне что-то не так, так что иногда я могу распоряжаться моими силами, а иногда они мне изменяют. Таким образом, ты выбрала человека, которого его сородичи оценивают очень низко.

Я провела рукой по накидке на моих плечах.

— Но было же что-то, что привлекло меня, и, кажется, на этот раз твои силы не отказали тебе.

Херрел кивнул:

— И таким образом я получил то, что для меня не предназначено...

— И это и есть основания опасаться несчастья? — Я не верила, что он опасается этого. Он, конечно, был воин не из последних, несмотря на то, что он думал о себе сам.

— Ты не понимаешь, — мягко произнес он. — Я могу только то, о чем ты узнала в первый час нашего знакомства, и, возможно, с этого часа у нас впереди не будет гладкой дороги. Мы запросили у вас двенадцать и одну невесту, но наш отряд насчитывает почти в два раза больше воинов. Мы предоставили выбор колдовству и судьбе, но некоторые из оставшихся никак не могут согласиться с тем, что выбор пал не на них. Кроме того, ты назвала себя пленницей людей из-за моря и ты не одна из родов Высокого Халлака, потому что ни один из его жителей не может видеть нашего второго лица. Поэтому ты можешь быть нашей дальней родственницей...

«И поэтому не принадлежать к роду человеческому?» — спросила я сама себя.

— Не позволяй никому обнаруживать, что ты видишь наши вторые лица, — предупредил он меня. — Они не доверяют тем, которые не такие, как они и, вероятно, еще меньше будут доверять той, которая выбрала мою накидку.

Некоторое время мы молчали, потом я спросила:

— Это ваш лагерь?

— На один-два часа, — улыбнулся он. — Если ты попытаешься увидеть замок или стены какого-нибудь огромного замка, ты напрасно стараешься, моя Леди. У нас нет другого дома, кроме степей.

— Но вы же уедете отсюда — это часть договора. Куда мы поедем?

— На север, далеко на север, а потом на восток, — рука его легла на застежку с молочно-белым камнем. — Мы — изгнанники, и теперь снова хотим вернуться на родину.

— Изгнанники? Из какой страны? Из-за моря? — Может быть, мы были дальными родственниками по крови.

— Нет. Наша родина может находиться далеко в пространстве и во времени, но она неотделима от этой земли. Мы происходим из очень древнего народа, а народы Высокого Халлака — очень юны. Раньше для нас не было границ, если мы хотели странствовать. Все наши мужчины и женщины обладали силами, которыми они могли пользоваться по своему желанию. Хотел кто-нибудь ощутить свободу скачущего галопом коня — он мог стать этим конем. Или соколом, или орлом, парящим в воздухе. Если ему хотелось иметь богатую одежду и драгоценности, он получал их с помощью своих способностей, и они исчезали, когда это великолепие наскучивало их владельцу. Но только обладание такими силами и их использование приносило огромную скуку, потому что со временем не осталось ничего такого, что можно было бы пожелать, никаких новых впечатлений для глаз, сердца и души.

А потом пришло время опасности, потому что мы становились все более беспокойными и обращались от известного к неизвестному. Потом мы распахнули двери запретного и развязали силы, которые не смогли контролировать. Мы становились все старее и слабее. И некоторые из нас, снедаемые беспокойством и любопытством, стали искать других развлечений. Они высвобождали то, что они чаще всего не понимали, и смерть нависла над страной. Мужчины, бывшие до сих пор друг для друга братьями, теперь встречали друг друга с недоверием и даже ненавистью. Они убивали друг друга мечами и другими способами, которые были намного хуже.

После одного из больших сражений на нас наложили обязательства. С этого времени каждый из нас, кто рождается с беспокойным духом, должен покинуть страну, в которую вернулся наш народ, и превратиться в странника. Не было никакого свободного выбора, хотя некоторые из нас и выбрали бы эту жизнь, потому что они рассматривались, как потенциальные нарушители мира, который должен был неукоснительно поддерживаться, иначе наша раса исчезла бы с лица земли. И каждый из нас, обладающий беспокой-

ным духом, должен был странствовать некоторое количество лет, пока звезды на небе не образуют новый узор. Когда это происходило, они должны были отыскать Врата и просить разрешения войти. И если они выдерживали проверку, то могли вернуться на родину, к своему народу.

— Но люди Высокого Халлака говорили, что они знали Всадников с тех пор, как пришли в эту страну...

— Полукровки не всегда обладают такими качествами, как чистокровные...

— Это правда. Но, моя Леди, ты забываешь, что мы все же обладаем некоторыми способностями, и не все изменения, которые мы можем совершить, являются обманом зрения.

— Но будут ли глаза девушек ослеплены и далее? — Она взглянула на двух своих спутниц, которые были в таком восторге под влиянием колдовства, что видели только тех, с кем делили кубок и тарелку. Хорошо ли это было или нет, я не могла сказать.

— Они будут видеть только то, — ответил он, — что захочет тот, чью накидку они носят.

— А я?

— А ты? Может быть, если ты всеми силами будешь стараться сделать это, ты будешь видеть то, что видят другие. Теперь, основываясь на своем опыте воина, я могу сказать, что для тебя будет лучше, если ты будешь видеть только то, что видят другие. Мои спутники будут недовольны, если узнают, что у тебя есть воля, с которой они не могут совладать. За наше счастье, моя Леди...

Его тон изменился так внезапно, что я сначала была ошеломлена, но потом насторожилась. Сзади к нам кто-то приближался. Но я сделала вид, что ничего не заметила, и глядела на Херрела так, словно он был единственным во всем мире.

Тот, кто подошел, молча стоял позади, он был один, и от него облаком отходило какое-то беспокойство... Ненависть? Нет, в нем было слишком много презрения. Это было что-то вроде досады, направленной против низшего члена группы; гнев за то, что тот осмелился воспротивиться его воле, в которую подошедший так верил.

— А, Хальзе, ты пришел, чтобы выпить за невесту? — Херрел взглянул на того, кто стоял позади меня. На его лице не было заметно и следа беспокойства. Однако голос его стал острым, как лезвие боевого ножа, и я была уверена, что Хальзе не был другом Херрела, а относился к тем, кто завидовал ему, потому что волшебство накидки Херрела принес-

ло ему успех. Но я продолжала смотреть на Херрела с таким же восторгом, с каким другие девушки смотрели на своих избранников.

— Кажется, Херрел, который всегда был так неловок, все же преуспел в волшебстве,— заметил подошедший с видимой насмешкой.— Позволь посмотреть, насколько тебе это удалось, позволь посмотреть, что за невеста подобрала твою накидку.

Одним быстрым движением Херрел оказался на ногах, готовый принять вызов насмешника.

— Мой Лорд?— Я схватила его за руку, гладкую и холодную.— Мой Лорд, что это?

Он поднял меня, и я, наконец, смогла увидеть стоявшего за моей спиной. Он был на пару дюймов выше Херрела, и его тело, такое же стройное и мускулистое, как и у Херрела, было намного шире в плечах. Но в целом от своих спутников он отличался только тем, что его брюки и сапоги были из коричневого меха, и на застежке его пояса был небольшой красный камешек. Но, хотя внешне они походили друг на друга как братья или близкие родственники, внутренне они сильно отличались друг от друга, и то, что находилось у них внутри, сильно разнило их. Гнев, надменность и самоуверенность одного из них были так велики, и он считал, что ничто в мире не сможет устоять против его воли,— это был Хальзе. А для меня он был тем, кого я должна была избегать, как испуганная маленькая мышь спасается бегством от охотящейся совы.

— Моя Леди,— Херрел все еще сжимал мою руку.— Я хочу представить тебя моим спутникам-всадникам. Это Хальзе, Сильная Рука.

— Мой Лорд,— я постаралась быть мужественной и как можно лучше сыграть свою роль.— Я очень уважаю твоих друзей и спутников,— мои слова были формальными, и я надеялась, что в них не заметно фальши.

Глаза Хальзе пылали не зеленым, а красным, и улыбка его была похожа на удар бича по голому телу того, на кого он смотрел.

— Воистину, это прекрасная леди, Херрел. На этот раз счастье было на твоей стороне. Но что получит леди от такого счастья?

— Мой Лорд? Я знаю, что вы имеете в виду. Но пламя, сжигающее меня,— огромное блаженство, и оно мое в этот час.

Этими словами я ответила ему на его удар бича, хотя это и не входило в мои намерения. Он, улыбаясь, отошел, но это

была вынужденная улыбка, за которой он с трудом сдерживал кипящую в нем ярость.

— Пусть и дальше это будет так же приятно, — он поклонился и пошел прочь, не сказав на прощание ни слова.

— Так и будет, — заметил Херрел. — Но я думаю, что нам предстоит борьба. И ради всего святого, Джиллан, контролируй свой язык, свою улыбку и даже свои мысли! Хальзе и представить себе не мог, что он уедет отсюда без невесты, и что мне повезет там, где он потерпит неудачу, и это вдвойне разозлило его. А теперь пошли, время не ждет.

Я увидела, что остальные тоже поднялись, и праздник кончился.

Херрел обнял меня рукой за талию, и мы, вместе с другими парами, пошли к тому месту, где нас ждали лошади.

Меня привезли сюда на лохматом горном пони, но эти лошади были совсем другими. У них была странная пятнистая шерсть, серая и черная, и благодаря этой расцветке они сливались с зимним ландшафтом, когда стояли неподвижно. Потом мы снова вернулись из весны в зиму.

Лошади Всадников были большими, более гибкими и длинноногими, чем все другие лошади, которых я видела в долинах. Покрывала на седлах были из меха, а сами седла — маленькие и немного неуклюжие. Некоторые из лошадей были навьючены тюками, хотя мне показалось, что мы, по-видимому, не взяли с собой ничего, чем мы подкреплялись во время свадебной церемонии; так же, как мы не взяли с собой ничего из оставленных нами палаток.

И так мы поехали прочь от долины Свадьбы, и хотя я сама не чувствовала себя настоящей невестой, но считала Херрела своим женихом. Было ясно, что я ни с кем больше не могла разделить свои чувства и свое общество и, таким образом, снова оказалась в стороне от тех, с кем мне предстояло жить.

Лошади бежали быстро и неутомимо. Я не могла себе представить, что какие-нибудь четвероногие могли быть способны на такое. Проходили часы, но время теперь не имело никакого значения. Может быть, Всадники с помощью своего волшебства могли изменять ход времени. Вероятно также, что в пище и питье, которые мы съели и выпили, было что-то прогоняющее голод и усталость, потому что все это время мы не ели и не отдыхали. Мы ехали всю ночь, весь следующий день и всю следующую ночь. Лошади не знали усталости, и все это было словно во сне. Не думаю, что мои спутницы замечали ход времени, они ехали словно в трансе, и на их лицах застыло выражение восхищения.

Наконец, мы миновали степи и въехали в высокогорную область. Здесь я впервые за все время увидела сооружение, сделанное руками человека: стену в два человеческих роста, сложенную из камней, и хижину с крышей из ветвей и кустарника. Или это видела только я, потому что услышала, как Кильдас сказала:

— Мой Лорд, как прекрасен этот зал!

И я сконцентрировалась на том, чтобы видеть то, что должна была видеть. А потом въехала во двор, окруженный каменными строениями с крышами из дерева, украшенными искусственной резьбой.

Херрел повернулся ко мне:

— Здесь мы отдохнем, а потом поедем дальше, моя Леди.

Когда я спешилась, на меня нахлынула такая усталость, какой я давно не чувствовала, хотя и должна была чувствовать, и подумала, что мне нравится то, что Херрел не стал поддерживать меня и помогать мне. Мой отдых начался с дремоты, которая перешла в глубокий сон.

Я проснулась в полной тьме! И услышала возле себя спокойное дыхание. Я поняла, что на кровати рядом со мной кто-то лежит. Напрягшись, я лежала и прислушивалась. Но, кроме равномерного дыхания, больше не было слышно никаких звуков. Но я проснулась, внутри меня прозвучал ясно слышимый зов.

Было очень темно, и я осторожно поднялась. В помещении было тепло, словно в камине горел яркий огонь, и сюда не было ни камина, ни огня. На мне было только нижнее белье, но холодно не было. Зато какой-то холод разливался внутри меня. И внезапно стало очень важно увидеть не только это помещение и кровать, но и то или того, кто лежал на этой кровати и спал.

Мои голые ноги ступили на мягкий мех, которым был выстлан пол. Я делала шаг за шагом, ощупывая руками пространство вокруг себя, чтобы не наткнуться на мебель. Откуда я знала, что впереди меня находится источник света, наполнявший меня потребностью что-нибудь увидеть?

Стена, вдоль которой я шла с вытянутыми руками, которые не повиновались моей воле. Окно со ставнями, закрытыми на засов. Мои пальцы сдвинули засов, и я распахнула ставни. Яркий лунный свет ворвался внутрь, и все вокруг стало хорошо видно.

— Ах... — голос или рычание?

Я обернулась и взглянула на кровать, где только что лежала. Что это подняло голову и взглянуло на меня зелеными

глазами? Мех, гладкий блестящий мех и острые зубы-клинки, обнаженные во внезапно пробудившейся ярости. Горная кошка... и не кошка. Губы приподнимались, и клыки обнажались все больше, готовые рвать и поглощать... Это было самым ужасным и отвратительным, что я видела до сих пор.

ЭТО ТО, ЧТО ТЫ ВЫБРАЛА!

В то мгновение, когда в моей голове прозвучали эти слова, я подавила зарождающуюся внутри меня злобу. Может быть, это тот, другой, пытался добиться меня и изменить мою судьбу. И то, что я увидела, было двояким, одно под другим, серебристая шкура, гладкий мех, звериная маска на лице. Только зеленые глаза оставались все теми же. И они горели готовностью к бою. Когда они открылись, в них был разум и понимание.

Я подошла к тому, кто был одновременно и зверем, и человеком. И потому, что я смогла увидеть в нем человека, я больше не испытывала страха перед тем, кто находился рядом со мной в комнате.

— Ты Херрел, — сказала я человеку-зверю. И после этих слов он снова превратился в человека, а зверь исчез, словно его никогда и не было.

— Ноты же видела меня другим, — это было утверждение, а не вопрос.

— В лунном свете... да.

Он встал с постели и теперь стоял у того ее конца, где были его ноги. Повернувшись к двери, он помахал рукой в воздухе и пробормотал несколько слов на языке, которого я не понимала.

На двери появился свет, но не серебристый, как свет Луны, а зеленоватый, как от светильников Всадников, и от этого света протянулись две световые дорожки, одна к кровати, возле которой стоял Херрел, а другая — к моим ногам.

Я снова увидела смешение человека и зверя, на этот раз потому, что в нем закипал гнев. Херрел набросил на плечи накидку и пошел к двери. Но, положив руку на запор, он остановился и взглянул на меня.

— Может быть, это и к лучшему... Да, к лучшему. Только, — теперь он говорил мне, а не сам себе, — они должны увидеть, что ты испугана. Ты можешь кричать?

Я не могла понять, что он задумал, но доверились ему, собрала все свое мужество и закричала, сама удивляясь тому, какую ноту ужаса мне удалось вложить в этот крик.

Тишина в здании царила недолго. Херрел распахнул дверь, а потом снова отскочил назад ко мне. Его руки обняли

меня, словно он утешал меня, и прошептал мне на ухо, что я и дальше должна разыгрывать испуг.

Послысался вопросительный голос и торопливые шаги, потом к нам приблизился свет лампы. Предводитель Всадников Хирон стоял в дверях и смотрел на нас. До сих пор я видела его только издали. У него был вид человека, требующего удовлетворительного объяснения.

— Что здесь произошло?

— Я проснулась от того, что стало жарко. Мне захотелось открыть окно... — Я подняла руку и неуверенно провела ею по лбу, словно почувствовала себя совсем ослабевшей. — Потом обернулась и увидела огромного зверя...

На мгновение воцарилась тишина. Херрел нарушил ее.

— Посмотри сюда, — это прозвучало как приказ, а не как просьба. Он указал на мех у моих ног, по которому тянулась зеленая линия — уже побледневшая, но все еще различимая.

Хирон посмотрел, потом перевел взгляд на Херрела.

— Ты требуешь права меча?

— Против кого, Хирон? У меня нет никаких доказательств.

— Это правда, и лучше не надо никого искать — особенно сейчас.

— Я никого не вызываю на поединок, — холодно ответил Херрел.

Хирон кивнул, но я почувствовала, что ему было противно, словно это была неприятность, которую он принял к сведению только из чувства долга.

— Ни это, ни что-либо еще не должно повториться, — продолжил Херрел. — Нет большего преступления, чем посягать на чужую избранницу. Разве мы все не клялись на оружии?

Хирон снова кивнул.

— Больше не будет ничего подобного.

Когда мы снова остались одни, я посмотрела на Херрела.

— Что это за колдовство было направлено против нас сегодня?

Но он не ответил на мой вопрос, а только изучающе посмотрел на меня и спросил:

— Ты увидела зверя и человека, но все же не побежала от него?

— Я видела зверя и человека, а человека я не боялась. А теперь скажи мне, что же все-таки произошло, потому что это, очевидно, было сделано со злым умыслом.

— Колдовство было направлено на то, чтобы сделать меня отвратительным в твоих глазах и, может быть, на то, чтобы ты оставила меня и побежала к другому, который ждал тебя. Скажи мне, почему ты пошла к окну?

— Потому что.. потому что мне было приказано,— да, это было именно так. Мне во сне приказали, чтобы я сделала так. Это Хальзе?

— Вероятно. Но есть и другие... Я уже говорил тебе, что никто не верил в то, что какая-то из девушек выберет мою накидку. И то, что я добился этого, принизило их в их собственных глазах. И они с удовольствием посмотрели бы, как я потерпел неудачу. Они хотели отнять тебя у меня, напугав изменением моего тела.

— Изменением тела... Ты носишь человеческое тело только потому, что тебе это нужно?

Он ответил мне не сразу, подошел к окну иглянулся наружу, в ночь, залитую лунным светом.

— Ты боишься того, что узнала обо мне?

— Я не знаю. В первое мгновение я испугалась, но для моего второго зрения ты, очевидно, навсегда останешься человеком.

Он снова повернулся ко мне, но лицо его было в тени.

— Я клянусь тебе на оружии, Джиллан, что никогда по собственной воле не буду пугать и ужасать тебя.

На следующее утро мы выехали из опорного пункта Всадников, и на этот раз с нами было больше выочных лошадей, потому что возвращения назад не было. Мы приближались к Вратам в их исчезнувшую страну, поднимались в горы все выше и выше. Дул холодный ветер, хотя снега не было. Херрел ехал слева от меня, не говоря ничего. Изредка он поднимал голову, и ноздри его расширялись, словно он чуял опасность в воздухе. Осторожно оглянувшись, я увидела, что остальные Всадники делали то же самое, и только девушки все еще были околдованы своим восхищением. На Всадниках были серебристые шлемы, и нашлемным гербом Херрела была великолепно сделанная фигурка в виде присевшей и готовой к прыжку горной кошки. Гербом мужчины, ехавшего рядом с Кильдас, была птица — может быть, орел — с распластанными крыльями, словно вот-вот готовая взмыть в воздух. А за ним ехал человек, на шлеме которого была фигурка медведя, очень злобного красно-коричневого обитате-

ля горных лесов, которого охотники боялись больше, чем всех остальных диких зверей.

Человек с медведем на шлеме повернул голову и я узнала Хальзе. Медведь, кошка, орел... Я попыталась рассмотреть гербы других: дикий кабан, клыки которого подняты для нападения, волк... Оборотни, колдуны... могли ли они на самом деле превращаться в зверей и птиц по своей воле и желанию? Или то, что я видела прошлой ночью, было только иллюзией и было направлено на то, чтобы оттолкнуть меня от Херрела?

На небольшой площадке мы сделали привал, чтобы перекусить. Я заметила, что Всадники все еще были обеспокоены. Те, у кого были невесты, собрались вокруг Хирона, и трое из них через некоторое время поскакали дальше. Ни одна из девушек, казалось, не заметила этого беспокойства, так что и я должна была выглядеть беззаботной. Но когда Херрел принес мне стакан вина, я шепотом спросила у него, чем это все так обеспокоены.

— Опасность к востоку отсюда. Люди, возможно, ализонцы...

— Но Ализон на этом берегу уничтожен! Нет больше никаких... — я не могла скрыть своего удивления.

— Некоторые из них в отчаянии бежали, потому что у них здесь не осталось ни одного корабля, а другого пути вернуться на родину у них не было. Эти люди укрылись в глухих местах и живут разбоем и налетами.

— Но так далеко на север...

— Они знают, что люди Высокого Халлака сюда не заходят, а нас они оставили в степях.

— Но они знают также, что Всадники еще здесь, а на Всадников напасть они не отважатся! — Я переняла уверенность жителей долины в том, что те, с кем я сейчас ехала, были непобедимы, и что не было человека, который был бы могущественнее их и по собственной воле выступил бы против Всадников.

— Джиллан, — Херрел слегка улыбнулся. — Ты переоцениваешь нас. У нас есть способности, которых нет у других рас, но мы так же истекаем кровью, если рана достаточно глубока. И, как видишь, нас немного. Ты сама должна понять, что очень трудно все время поддерживать иллюзию. Двенадцать из нас пошли своим путем. От каждого из тех, кто сопровождает невесту, требуется более, чем только воля, чтобы поддерживать иллюзию. В последнюю ночь ты спросила меня, было ли на самом деле то, что ты видела. Да, иногда я бываю таким — в бою. Мы изменяем свои тела ради собст-

венной безопасности. Но для того, чтобы принять то или иное обличье, требуется воля и сила духа. Эти юные девушки из Высокого Халлака видят нас такими, какими мы хотим показаться им. Однако, если сейчас нам придется принять бой, они увидят нас такими, как видишь нас ты, и это может быть концом всего, что мы получили в результате нашего договора. Скажи мне откровенно, Джиллан, кто из тех, кто пришел с тобой, примет наш настоящий вид, не делая никакой разницы?

— Я недостаточно хорошо знаю их...

— Но ты можешь оценить их...

— Очень немногие. — Может быть, я недооценивала девушки Высокого Халлака, но когда я думала об их разговорах и о том огромном страхе, в котором они ехали к перевалу, то, полагаю, что не ошиблась.

— Вот видишь. И это нам очень сильно мешает, а тем, кто на нас нападет, терять нечего. Но я не думаю, что они нападут на нас. Мы надеемся, что до сражения дело не дойдет.

Но надежда эта было тщетной. Через час после того, как мы покинули нашу стоянку, Всадники разделились на две группы. Неженатые Всадники, которые по троем эскортировали каждую из нас, направились на восток и галопом скрылись из виду. Некоторые из них все же остались с нами, одним из них был Хальзе, который скакал взад и вперед вдоль нашей колонны, и каждый раз, когда он проезжал мимо меня, мне казалось, что он поворачивает голову ко мне, и медведь на его шлеме сверкает на меня злобными глазами.

Зимой сумерки наступают рано, и вот уже тени выползли на нашу дорогу, которая вилась между обломками скал, покрытых снегом. Лошадь Херрела остановилась, и я натянула поводья своей кобылы. Остальные Всадники исчезли, и мы, наконец, остались одни.

Остановившись, Херрел спешился и осмотрел передние ноги своей лошади. К моему удивлению, он осматривал не копыта, а длинные волосы, закрывающие их. Внезапно пальцы его замерли, и все тело напряглось.

— Что случилось? — спросила я.

Но не получила никакого ответа. В воздухе прозвучало тонкое пронзительное пение. Лошадь Херрела встала на дыбы, всхрапнула, брыкнулась и отбросила Херрела наземь.

Я тоже не могла удержать свою кобылу. Она слепо умчалась прочь. Напрасно я пыталась успокоить ее, совладать с ней при помощи поводьев, чтобы заставить ее снова повиноваться. Наконец, я в отчаянии вцепилась в ее гриву. На своей

груди я чувствовала жжение, словно что-то обжигало мою кожу. Амулет — я совсем забыла о нем. Однажды я тайно сделала его из трав и ягод, зашила его в платочек и вышила на этом платочеке символы. Свои знания я почерпнула из старых книг, особые рецепты из которых я испытывала сама. Я носила амулет на шее на ленточке, он был спрятан под костюмом и гербом. Даже монахиня Алюзан однажды сказала, что в старом, передающем из поколения в поколение знании имеется доля истины, которую я обнаружила сама, а знание, которым я пользовалась, происходило от верований, которые были так же стары, как и вся их религия.

Одной рукой я схватила амулет и сорвала его с ленточки, а потом, почти не сознавая, почему я это делаю, прижала амулет к покрытой пеной шее кобылы. Та взмыкала, испуганно заржала и замедлила свой головокружительный бег. Моя воля, наконец, победила, и мы вернулись. Я была уверена, что мою кобылу и лошадь Херрела нарочно привели в состояние паники.

Я почти боялась, что не найду обратной дороги, потому что все скалы вокруг выглядели одинаково. Позади меня послышался стук копыт, и сразу же после этого позади меня оказался Хальзе. Я видела его сверкающие глаза — глаза человека... медведя. Он нагнулся, чтобы подхватить поводья моей лошади и заставить ее остановиться. Я оттолкнула его руку, и при этом амулет соскользнул с разорванной ленточки и ударил его по запястью.

— Аааа... — Крик боли, словно на него обрушился удар бича. Он отпрянул, и его лошадь испуганно встала на дыбы. А потом я снова оказалась вне пределов его досягаемости и поскакала к Херрелу.

Но там была только его лошадь, стоящая со свисающими поводьями и опущенной головой. А потом я увидела на скальном выступе такого же готового к прыжку зверя, какого я видела в лунном свете на кровати.

— Херрел? — Я была так уверена в том, что зверь снова превратится в человека, что, забыв о всякой осторожности, спрыгнула с лошади и побежала к скале. Но на этот раз мне не удалось прогнать фантом. Зеленые глаза пристально смотрели в том направлении, откуда мы прибыли. А потом хищная кошка издала долгий вой. Я испуганно отпрянула от скалы и внезапно амулет, который я все еще сжимала в руке, снова нагрелся. Я торопливо убрала свою руку от скалы, о которую опиралась, и увидела в щели скалы какой-то предмет. От него исходила такая злоба, что я, не задумыва-

ясь, вытащила из трещины этот предмет и бросила его на землю. Предмет этот был длиной с мое предплечье и он раскалился, когда я приблизила к нему свой амулет. Я начала топтать его каблуками сапог и топтала до тех пор, пока он не разлетелся по камням мелкими осколками.

— Харрооо! — отразилось от скал, и этот звук исходил из человеческого горла. Потом я услышала другой крик и шипение зверя.

Я потом, так быстро, что я едва это заметила, мимо меня пронесся медведь, за которым следовал волк. Надо мной пролетела гигантская птица. Потом я увидела огромного серого волка, еще одну кошку, на этот раз красно-коричневого цвета с черными пятнами, второго черного волка: отряд Всадников на боевой троне. Но самого боя я не видела. И, может быть, это было только хорошо, потому что я услышала крики, которые были наполнены таким ужасом, что я зажала себе уши и забилась в щель скалы. Мужество покинуло меня, осталось только одно желание: не видеть и не слышать ничего, что происходило там, где в полутьме сошлись звери и люди.

Я снова пришла в себя, когда кто-то потряс меня за плечо и назвал по имени.

— Джиллан!

Я взглянула в зеленые глаза, но они на этот раз находились не на голове кошки. Хотя я все еще видела эту кошку, но на этот раз это был шлем с фигуркой на нем...

— Она видела нас! Она знает все! — услышала я чей-то голос по ту сторону моего маленького мирка, в котором я была заключена и в котором, кроме меня, был только Херрел.

— Она знает больше, чем вы думаете, братья по отряду! Посмотрите на то, что она держит в руках!

Гнев сгущался вокруг меня, и я почти ощущала его в виде плотного красного тумана.

Потом вокруг моей шеи обвилась чья-то рука и поддержала меня, словно обещая безопасность.

— Прекратите! Лучше посмотрите, что это она сжимает в руке! Посмотрите же — Харл, Хизон, Хулор! В этом предмете заключено волшебство, но в этом волшебстве нет ничего злого, если только против него не будет направлено какое-нибудь зло! Харл, скажи Семь Слов, держа это в руке.

Я услышала слова или звуки, такие жесткие, что ушам моим стало больно. Слова чужой Силы.

— Ну?

— Да, это волшебство, но оно направлено только против Власти Тьмы.

— А теперь посмотрите туда!

Красный туман гнева исчез. Я снова видела, как обычно, своими глазами, а не чувствами. Там, где я растоптала этот предмет, в небо поднималась тоненькая ниточка маслянистого черного дыма, и скверный запах, появившийся, когда я растоптала предмет, исчез. Дым медленно сформировался в предмет в виде жезла, подобного тому, какой я нашла в расщелине скалы. Ревун, один из тех, которые используют Темные Силы.

Снова прозвучали странные слова, на этот раз произнесенные почти всеми одновременно. Предмет, сформировавшийся из дыма, покачнулся и внезапно исчез с резким щелкающим звуком.

— Вы сами видели это, — сказал Херрел. — А теперь вы знаете, что это было за колдовство. Тот, кто носит такой амулет, какой носит Джиллан, не может заниматься черной магией. Джиллан, — он повернулся ко мне, — что ты знаешь об этом только что исчезнувшем предмете?

— Амулет обжег мне руку, когда я оперлась о камень. Я увидела в скале расщелину, и в ней находился этот предмет. Я... я вытащила его и раздавила ногами на мелкие кусочки.

— Смотрите, — Херрел снова повернулся ко всем Всадникам. — Мне кажется, братья по отряду, что мы должны быть благодарны ей за спасение. Если бы эта вещь продолжала действовать, могло произойти вот что: мы не смогли бы избавиться от нашего боевого обличия, не смогли бы снова превратиться в людей и вернуться назад к тем, кто не должен знать о нас правду.

Среди Всадников послышалось быстрое перешептывание.

— В таком случае мы должны все обсудить, — заявил Хальзе.

— Пусть будет так, — ответил Херрел. — И вы убедитесь в том, что здесь произошло. Но здесь может быть и другое колдовство. Хари, я прошу тебя, взгляни на левую переднюю бабку Рошана.

Я видела, как тот, у кого на шлеме была закреплена фигурука орла, подошел к лошади Херрела, нагнулся к ее левой передней ноге и ощупал копыто.

— Пути колдовства?

— Да. И вы утверждаете, что это работа какого-нибудь нашего врага или моей Леди? Может быть, — Херрел бросил взгляд на каждого из присутствующих Всадников, — мо-

жет быть, это и было задумано, как шутка, но чуть было не стало причиной моей гибели, а также гибели каждого из нас, пришедших сюда. А может, это была вовсе не шутка. Кто-то надеялся, что я остановлюсь и паду жертвой судьбы или врага?

— Тогда у тебя есть право требовать удовлетворения с помощью меча,— сказал ему Хальзе.

— Я знаю это и потребую это, когда найду того, кто пытался сыграть со мной такую скверную шутку.

Херрел посадил меня в седло, а потом сел позади меня. Его руки обнимали меня, но все равно я чувствовала себя одиноко. Одиноко среди тех, кто, как мне показалось, ненавидел меня.

Потом мы где-то разбили лагерь, и я так устала, что все происшедшее казалось дурным сном.

На следующее утро мы поехали дальше, и я все еще чувствовала себя разбитой. Херрел ехал рядом со мной.

— Все это продлится не больше одного дня. Мы уже недалеко от Врат. Но я прошу тебя никогда не забывать о том, чего ты должна остерегаться.

Херрел говорил так, словно опасность угрожала нам обоим. Но я все равно чувствовала себя совершенно одинокой. Не было того Херрела, на которого я могла положиться. Здесь был человек и зверь, и я не отваживалась доверять ни тому, ни другому.

— Мне снилось, что тут было битва,— сказала я, наизусть заучив этот урок.— Но тут не было никакой битвы.

— Да, здесь не было никакой битвы,— подтвердил он.

— Итак, эта битва мне приснилась,— продолжила я.— Кто же следует по нашим следам и какой противник использует оружие, чтобы разрушить ваши чары?

Он ответил со всей откровенностью:

— Это были охотники из Ализона, и некоторые из них, должно быть, обучены тайному знанию, и их ненависть выплеснулась наружу. То, что они направили на нас, было Темными Силами, вызывающими изменения наших тел, а затем навсегда закрепляющими эти изменения. И этим мы сами себе роем могилу. Лучше бы они сделали так, чтобы мы навсегда остались людьми.

— Сколько их было? И почему они напали на вас?

— Мы насчитали двадцать человек. Их план был очень хитер. Они оставили ложный след, чтобы разъединить нашу группу, а потом напали на ту ее часть, которую считали более слабой. А почему? Они носят щиты с гербами Халлака,

и это значит, что они хотят направить нас против Халлака. Только мы не понимаем этой Черной Стрелы. Она не относится к их обычному вооружению.

Потом Херрел получил приказ ехать в арьергарде, и я присоединилась к другим девушкам. Один раз, когда Сольфина немного отъехала от меня, рядом появился Хальзе. Его красные медвежьи глазки изучающе смотрели на меня, словно он пытался прочесть мои мысли.

— Настоящее зрение может быть угнетающим, моя Леди, — заметил он. — Оно здесь не нужно.

— А если нужно, мой Лорд? Ведь именно оно помогло мне обнаружить эту вещь, по крайней мере, я так думаю. И оно все еще может принести мне пользу...

Он пожал плечами.

— Может быть, мы несправедливы к вам, моя Леди. Но, по крайней мере, ваши сестры не разделяют ваших сомнений. И вам это также было полезно.

И все же я нашла его улыбку жуткой, и когда он, наконец, повернул своего коня и исчез, я поехала быстрее, чтобы догнать Кильдас. Мне вдруг стало очень неприятно ехать в одиночестве.

— Харл сказал, что у Хальзе злой язык, — заметила Кильдас. — Хотя он и проявляет необходимую вежливость или, по крайней мере, кажется, что проявляет. Он в ярости от того, что ему не досталось невесты.

— Может быть, его накидка была недостаточно привлекательной?

Она рассмеялась.

— Только чтобы он не услышал этого! Он воображает, что в любом обществе является первым. И это правда, он же выглядит таким привлекательным...

Она находит его привлекательным? Для меня он был медведем, со скрытой под густым мехом опасностью.

— Красивое лицо — это еще не все.

— Ты права. И мне Хальзе не особенно нравится. Он всегда улыбается и кажется таким довольным, но я думаю, что на самом деле это не так. Джиллан, я не знаю, что тебе сказал Херрел, но не разговаривай с Хальзе так открыто. Харл сказал мне, что между ним и Херрелом старая вражда, и после свадеб отношения между ними еще больше ухудшились. Потому что Херрел получил то, что хотел бы Хальзе...

— Меня? — улыбаясь, спросила я.

— Может быть, не тебя, но невесту. Перед тем, как мы появились здесь, он много говорил о том, что его счастье было

словно заноза в его теле. И другие Всадники не забыли о его хвастовстве и постоянно напоминают ему об этом. И это плохо,— она посмотрела на меня.— Прежде, чем мы встретились с ними, я думала, что все Всадники похожи друг на друга и объединены в общую группу, которая думает и действует как один человек. Но они оказались такими же, как все остальные люди, у каждого из них свои собственные мысли и мечты, ошибки и страхи.

— Тебе все это рассказал Харл?

Кильдас улыбнулась, и улыбка ее была улыбкой безграничного счастья.

— Харл рассказал мне о многом...— И она снова погрузилась в мир грез и мечты, в который я не могла последовать за ней.

Долгий день подходил к концу, но Херрела я больше не видела. Мы в конце концов достигли узкой и длинной долины, вход в которую был так тщательно скрыт деревьями и кустами, что я и не подозревала о его существовании. Там нас уже ожидали скрытые отвесными скалами походные палатки, и авангард нашей группы уже достиг их. Уже стемнело, но в руках у Всадников замерцали зеленые лампы и был разведен костер. Все вокруг было похоже на внутренность огромного прекрасного замка.

Но когда мы остановились, Херрел не подошел ко мне, чтобы помочь слезть с лошади. Это сделал человек, у которого на шлеме был изображен волк.

— А где Херрел?— спросила я.

— Арьергард еще не достиг этого места, Леди.

И это было правдой. Честно говоря, я не могла сказать, что чувствовала облегчение и избавилась от своего страха, когда увидела искусно вырезанную фигурку кошки, прикрепленную к шлему, из-под которого на меня смотрели зеленые глаза.

Усталость, которой я вовсе не ощущала, пока сидела в седле, волной нахлынула на меня, когда я с онемевшими ногами и руками приблизилась к костру. Одиночество стены отделяло меня от остальных; одиночество и то, что только я одна знала об их тайне. Мне все еще было неясно: был ли Херрел зверем, который мог принимать внешность человека, когда это было необходимо для достижения его целей, или он был человеком, который иногда принимал внешность зверя? При нашей первой встрече я с готовностью пошла на то, чтобы признать его странности, но теперь меня угнетала мысль, что у меня больше не было пути к отступлению. И я больше не могла думать о будущем.

— Джиллан?

Я с трудом повернула голову. Ко мне подходил Херрел. Охваченная чувством одиночества, я смотрела на человека, для которого я, может быть, что-то значила. Я протянула ему руку и произнесла:

— Херрел!

Когда руки Херрела обняли меня, я почувствовала, как на меня нахлынула иллюзия. Теперь мы находились не в тёмной узкой долине, окружённой грозными каменными стенами, а в самом центре цветущей весенней долины. И хотя нас все еще окружала ночь, но это была весенняя ночь. В травяном ковре, испуская сладкий аромат, распустились маленькие белые цветы. Зелено-золотое сияние, исходящее отнюдь не от ламп, окружало палатки. Я увидела низкий стол, уставленный тарелками и кубками, а перед ним маты, на которых сидят во время еды. Все те, у кого не было невест, исчезли. Только мы, двенадцать и одна, которые пришли с равнинами, и мужчины, которых мы выбрали, остались тут.

Херрел повел меня к столу, и я последовала за ним, околованная в этот момент, как и другие девушки. Какое это было облегчение: забыть о реальности и погрузиться в иллюзию.

Мы с Херрелом, как обычно, ели из одной тарелки. Я не могла понять, что это была за еда, и знала только, что никогда прежде не ела ничего такого изысканного и вкусного. И темно-красная жидкость в бокалах, стоящих перед нами, имела запах спелых, насыщенных солнцем фруктов ранней осени.

— За тебя, моя Леди,— Херрел поднял бокал.

Действительно ли он выпил или мне это только показалось? Когда он передал мне бокал, я только слегка смочила вином губы.

— Теперь мы, наконец, достигли цели нашего путешествия, мой Лорд? — спросила я у Херрела.

— В известном смысле. Но это также и начало его. И мы сегодня это отпразднуем...

В этом обществе трезвы были только мы одни. Вокруг нас слышался тихий нежный смех и бормотание голосов. Все, казалось, были счастливы, но мы не включались в эту всеобщую иллюзию.

— Перед нами находятся Врата, и мы должны проникнуть через них? Или овладеть ими?

— Овладеть? Нет, мы не можем силой пробить себе путь. Или Врата откроются сами, или они останутся закрытыми. И если они останутся закрытыми...

Он надолго замолчал, и я решилась задать вопрос:

— И что же тогда?

— Тогда мы должны странствовать дальше. Но мы надеемся, что время наших странствий подошло к концу.

— Когда вы это узнаете? И как?

— Когда? Утром. Как? Я не могу тебе сказать этого.

Было ясно, что он *не хотел* говорить мне этого.

— И что нас ожидает, когда мы минуем Врата?

Херрел глубоко вздохнул. Лицо его всегда выглядело юным, но у него были глаза старика, а теперь мне показалось, что и глаза его стали молодыми. И от зверя... видела ли я когда-нибудь его в образе зверя?

— Как мне описать тебе это? Жизнь там совсем другая: это другой мир!

Около нас поднялась пара, и они, тесно обнявшись, вошли в палатку. Теперь мне предстояло то, чего я всегда подсознательно боялась.

— Моя дорогая, пойдем и мы? — Голос его изменился и стал мягким и нежным.

Все во мне воспротивилось, но мое тело не оттолкнуло его, когда рука его легла мне на талию. Для постороннего наблюдателя мы были обычной влюбленной парой.

— За наше счастье, — он взглянул на бокал, который все еще был в его руке. — Джиллан, выпей за наше счастье.

Это была не просьба, а приказ. Его глаза вынуждали меня пить, и я выпила. Передо мной все поплыло, и иллюзия снова стала совершенной. Я без сопротивления пошла с ним.

Губы его были мягкими, ищущими, а потом требовательными, и я ответила на это требование. Словно острье меча пронзило меня, и моя защитная реакция проснулась во мне. Нет! Это было не для меня! Это было бы концом всего, что было Джиллан, это было моей маленькой смертью. Против этой смерти поднялись все мои защитные силы, этому воспротивилась вся моя воля. Я забилась в самый дальний угол палатки и выставила руки перед собой. Потом я увидела бледное лицо Херрела, покрытое кровавыми царапинами.

— Колдунья! — Я услышала, как он отодвигается от меня. — Это то, чем ты являешься на самом деле — ты колдунья, Джиллан!

Я опустила руки и взглянула на него. Он не двигался. Только лицо его было таким же решительным, как после битвы, когда он выступил против своих братьев по отряду.

— Я не знал этого,— тихо сказал он, словно понимая меня.— Я этого не знал,— он пошевелился, и я испуганно отпрянула назад.

— Не бойся, я не прикоснусь к тебе ни в эту ночь, ни в следующие!— Голос его звучал горько.— И в самом деле судьба против меня. Такой, как Хальзе, принудил бы тебя для твоей же собственной пользы и для пользы нас всех. Но я не хочу делать этого. Ну хорошо, Джиллан, ты можешь выбирать, но ты должна взять на себя все последствия своего выбора. Может быть, позднее ты обнаружишь, что твой выбор неразумен.

Он, казалось, думал, что я все поняла, но его слова были для меня загадкой. Он взял меч и положил его в середине спального мата. Потом лёг по другую сторону меча и закрыл глаза.

Почему? Мне нужно было задать ему столько вопросов, но лицо его было замкнутым. Хотя он и лежал справа от меня, казалось, что нас отделяет друг от друга бесконечная пустыня. И я не отваживалась нарушить молчание.

Я думала, что теперь мне не заснуть, но едва легла на своей стороне меча, как сон немедленно овладел мной.

Проснулась я на рассвете.

— Херрел,— рука моя не ощущала холода стали. Я была в палатке одна. Но во мне было побуждение более сильное, чем тогда, в горах, когда оно привело меня к разоблачению Лордом Имграем. Меня снова звали, но кто и куда?

Я быстро оделась и вышла наружу, в свет раннего утра. Иллюзия исчезла, остались только суровые каменные утесы и угасающий костер. Я чувствовала, что все другие девушки еще спят, и проснулась только я одна. И потребность убедиться, что я не осталась здесь одна, взяла верх над всем.

Гонимая этой потребностью, я пошла к ближайшей палатке. Там лежала Кильдас, укрытая накидкой, и спала. Я заглянула в следующую палатку. Всадников нигде не было! Я вернулась к Кильдас и попыталась ее разбудить, но тщетно. Может быть, ей снился сладкий сон, потому что на ее губах играла улыбка. Мои старательные попытки разбудить других тоже не имели успеха.

И мое беспокойство становилось все сильнее и сильнее. Кожа моя зудела. Меня переполняло возбуждение, которого я не понимала. Где-то происходило что-то, что меня притягивало...

Притягивало. Это было именно так! Я отключила все свои мысли и постаралась сконцентрироваться на этом влечении. Мне так хотелось, чтобы оно исчезло.

Я закрыла глаза, покачнулась, словно соломинка на ветру, и повернулась к засыпанному щебнем концу долины. Там, это было где-то там!

Опасность... Я забыла о всякой опасности, сознавая только магическое влечение. Я карабкалась по грудам щебня, досадуя на то, что мое платье мешает мне. Вверх, еще выше, вверх!

Моя кровь равномерно пульсировала в такт ударам сердца, но одновременно с этим пульсация чувствовалась и в воздухе, похожая на почти беззвучный барабанный бой, удары воли на мое тело, пока я карабкалась все выше и выше. Потом я услышала звук, на который во мне что-то сильно среагировало, и зуд в моем теле стал сильнее. Одновременно во мне росло разочарование, потому что я хотела узнать и понять, но не узнавала ничего. Я стояла по эту сторону закрытой двери, по которой я могла колотить руками до тех пор, пока не брызнет кровь, но все равно не могла пройти в нее, потому что не знала, как ее открыть.

Я достигла вершины ее каменного горба и глянула вниз. И обнаружила Всадников.

Они стояли тремя рядами, и лица их были обращены к концу долины. И это действительно был конец: массивная, гладкая стена из камня была непреодолима. Головы Всадников были непокрыты, шлемы и все их оружие было отложено в сторону на место, которое находилось почти за пределами моего поля зрения. Они с пустыми руками стояли перед стеной.

Они кричали, но не голосами, а своими сердцами. Этот крик причинял мне боль, и я зажала уши руками, чтобы не слышать его. Но это не помогло против того, что вызвал во мне этот крик: голода, одиночества, скорби и маленького лучика надежды. Они, как осадным тараном, ударили своими чувствами в стену, чтобы пробить Врата в свою страну.

Один из них вышел вперед — это был Хирон, я поняла это, даже не видя его лица. Он положил свою ладонь на каменную стену и замер, пока остальные еще взывали о доступе в свою страну. Потом он отошел в сторону, и его место занял другой, потом следующий, и так все по очереди. Время шло, но я это сознавала так же смутно, как и Всадники.

Когда последним подошел Херрел, я увидела его лицо прямо перед собой, как видела вчера вечером: оно выражало чувство утраты и безграничной тоски. Они там, внизу, не

пытались воздействовать на Врата своей волей, они только молили и унижались, идя против своей природы.

Ожидали ли они теперь какого-то ответа? Херрел отошел от стены и снова вернулся на свое место в последнем ряду. И мощные удары волн их чувств не ослабевали. Я почти верила, что все их усилия напрасны. Эта каменная стена, должно быть, стояла там, такая же несокрушимая, с начала времен. Или во время бесконечных странствий по степям охватило их безумие, которое заставляло их пытаться сокрушить эту гору? *И была ли вообще эта затерянная страна?*

Теперь я привыкла к пульсации в моем собственном теле и сейчас, когда узнала, что они здесь делают, решила проявить осторожность и подумала о возвращении в лагерь. Но, когда я попыталась покинуть свой наблюдательный пост, мне не удалось этого сделать. Я была словно прикована к камням, на которых я полулежала. Когда я это поняла, меня охватил страх, и я вскрикнула.

Они заметили, что я была здесь! Они обнаружили меня! Но ни одна голова не повернулась ко мне, все глаза были устремлены на стену. Я напрягла все свои психические силы, но не смогла порвать невидимых оков. Всадники-Оборотни продолжали вызывать к Силам, от которых они ожидали милости, в то время как я вынуждена была бессильно лежать здесь.

Я справилась с охватившей меня паникой и снова попыталась подняться. Я не хотела беспомощно лежать здесь. Но не могла двигаться! Моя рука лежала на камне передо мной, и я сконцентрировалась на своих пальцах. Давайте же, пальцы! Моя рука сжалась в кулак и оттолкнулась от скалы. Только рука! Рука, поднимись!

Я снова и снова отдавала мысленные приказы, и пот бежал по моему лицу. Конечности медленно начали повиноваться мне: сначала одна, потом другая, я с трудом пошевелила ногой, согнула колено, чтобы освободиться от этой невидимой сети. Сантиметр за сантиметром я отползала назад, пока Всадники не скрылись из поля зрения. Потом устало вытянулась и отдохнула, прежде чем сконцентрировать свою волю на то, чтобы встать. Я стояла, пошатываясь, затем мне удалось переступить сначала одной, потом другой ногой, и чем дальше я удалялась от своего наблюдательного поста, тем свободнее становились мои движения.

Лучи солнца проникли в долину и упали на мое лицо и истерзанные руки, согрев их. Когда я повернулась спиной к каменному горбу, который отделял меня от Всадников, то

снова смогла двигаться нормально. И теперь мне только хотелось достичь лагеря и найти там убежище.

Однако, едва лишь я сделала пару шагов, как услышала удар колокола, который звучал с колокольни монастыря, призывая к молитве, только этот удар был звучнее и глубже. Звук, казалось, исходил отовсюду: с неба, из-под камней под ногами, от окружающих скал. И с этим гулом все, казалось, пришло в движение; все, что было твердым и неподвижным, вдруг закачалось. Вниз посыпались камни. Я прижалась к скале. Моя рука, в которую попал камень, стала бесчувственной.

Эхо этого колокольного гула, который теперь уже прекратился, было таким же громким. Никакие боевые барабаны, никакие гонги в замках, никакие другие звуки, которые я когда-либо слышала, не могли сравниться с этим гулом.

Итак, они достигли своего, и их закрытые Врата открылись. Их родина была перед ними! Их! А не моя...

Снова покатились падающие камни, и я огляделась. На меня смотрели пылающие глаза медведя, и за медведем я увидела узкую морду волка и услышала удары крыльев орла. Люди-Оборотни — или звери! А потом они снова стали людьми, а не зверями. Херрел пробирался через отряд вперед.

— Убить!

Вылетел ли этот приказ из горла волка, из клюва орла или же это было ржание жеребца? Слышала ли я это вообще или я только прочла это в их глазах?

— Я не могу убить ее, — сказал Херрел. — Разве вы не понимаете, что дал нам случай? Она из рода Мудрых, в ней течет кровь колдуний!

Хирон подошел поближе, стал рассматривать меня прищуренными глазами, и от его внимания не ускользнула ни моя измятая одежда, ни мои окровавленные руки.

— Почему ты пришла сюда? — спросил он, и голос его был спокоен, очень спокоен.

— Я проснулась... и меня позвали.

— Разве я вам ничего не говорил? — вмешался Херрел. — Настоящая кровь должна ответить на то, что мы...

— Замолчи! — приказ был похож на удар бича, и я увидела, что тело Херрела напряглось и глаза его засверкали. Он повиновался, но с неохотой.

— И куда же ты пошла?

— Туда, вверх, — я указала на вершину каменного горба, с которого я наблюдала за их призывами.

— И все же ты не свалилась вниз, — медленно сказал Хирон. — Ты даже ухитрилась спуститься обратно.

— Убей!

Был ли это Хальзе? Или кто-то другой? Но Хирон покачал головой.

— Она не добыча для хищников, братья по отряду, — он поднял руку и указал на символ, сгустившийся в воздухе между нами. Сначала возник туманный зеленоватый след, потом зеленое стало синим, а когда линии стали бледнеть, серым.

— Да будет так! — Хирон произнес эти три слова, объявляя свое решение. — Теперь мы знаем.

Он больше не пошевелился, но Херрел подошел ко мне, и я протянула ему руку. Мы медленно пошли прочь, и Всадники следовали за нами на некотором расстоянии, которое становилось все больше и больше.

— Ваши Врата открылись?

— Они открылись.

Мы подошли к палаткам. Костер погас, и мы никого не увидели. Другие девушки, должно быть, все еще спали. Почему же я не спала вместе с ними? С тех пор, как мы пересекли Перевал Соколов, я вообще уже ничего больше не делила с другими...

Херрел привел меня обратно в лагерь в палатку, в которой мы провели ночь, отслепленные друг от друга мечом... Я так устала, что хотела погрузиться во тьму сна и все забыть. Я легла и закрыла глаза. И, мне показалось, заснула.

Если бы я упражнялась в применении своих природных способностей, которые я использовала как неумелый ребенок, играющий оружием, которое может спасти и причинить вред, я была бы вооружена и предупреждена и, может быть, смогла бы защититься от того, что произошло со мной в эту ночь. А Хирон, проведя испытание, узнал, чем на самом деле я была вооружена: хотя во мне и была кровь колдуны, но я совершенно не сознавала этого, и не могла направить свои способности против того, что он мог со мной сделать.

И единственную возможную защиту, которую Херрел возвел между мной и тем, что задумали остальные Всадники, я сама же и уничтожила. Но поняла это намного позже.

Хирон действовал быстро, и на его стороне был весь отряд. Они были очень умелы в наведении иллюзий, но иллюзии эти могли быть как простыми, так и очень сложными. И открытые Врата позволили им сделать это. Они присоединились к

источнику энергии, который раньше долгое время был закрыт для них.

Я проснулась. Херрел стоял надо мною с кубком в руках. На лице его была озабоченность, и прикосновение его было осторожным. Он хотел, чтобы я выпила содержимое кубка — это была та живительная жидкость, которую я однажды уже пила. Я вспомнила ее вкус, прянный запах. Херрел... Я протянула руку, и она показалась мне невероятно тяжелой, так трудно было ее поднять. На щеках Херрела был след моих ногтей. Почему я кому-то причиняла зло... тому... тому?

Но на этих щеках не было никаких следов! Херрел? Эти глаза... глаза коня или медведя? Мои веки были так тяжелы, что я не могла держать глаза открытыми.

Но хотя я не могла видеть, мне показалось, что, по крайней мере, слух еще не отказал. Я слышала движение в палатке вокруг меня. Потом меня подняли и понесли... я парила, отрешившись от всего, что слышали мои уши.

— ...кого я должна бояться.

— Его? — Усмешка. — Он не видит нас, брат! Она не может больше пошевелиться и не имеет ни малейшего понятия о том, что мы хотим с ней сделать.

— Да, она едва ли поедет с нами утром.

Это было похоже на удар чужой воли, на требование Всадников там, в долине перед каменной стеной, но теперь их объединенная воля образовала огромное давящее облако, которое сталкивало меня в бездну, и у меня не было никакой надежды защититься от него.

Меня окружал пепельно-серый лес. Я знала, что за мной охотятся. У меня не было ни оружия, ни защиты, но я не бежала прочь, а прислонилась спиной к сухому дереву и ждала.

Ветер шелестел блеклыми листьями — нет, это был не ветер, это была воля, которая нахлынула на меня таким мощным потоком, что задрожали листья. Я вынудила себя остаться на месте и ждать.

Бледные серые тени появились между деревьями, и их бесформенные очертания казались чудовищными. Но я спокойно ждала, и они, хотя и собирались угрожающе за деревьями, но не нападали. За дуновением воли последовал жалобный звук, такой высокий и резкий, что от него стало больно ушам. Тени закачались и разлетелись. Из леса вышли те, у кого были тела: медведь, волк, хищная птица, кабан и

другие, о которых я ничего не могла сказать. Они шли на задних ногах, и это делало их еще более ужасными, чем если бы они шли на всех четырех.

Я судорожно попыталась заговорить с ними. Если бы мне удалось произнести их имена вслух! Но горло мое словно перехватило.

Позади зверей снова собирались тени, и очертания их размывались, формировались снова и снова расплывались, так что я знала только то, что существа эти были ужасны и враждебны человеку. Звери отступили в сторону и освободили место для своего предводителя, огромного дикого жеребца. Он тоже стоял на задних ногах и держал в человеческих руках оружие — серо-белый лук, кое-где посеребренный, и тетива его зеленовато мерцала. Медведь подал ему стрелу, и та тоже была зеленая. Казалось, что ее древко было сделано из луча света.

— Во имя Костей Смерти, Власти Серебра и Силы Нашей Воли... — ни одного из произнесенного слова, но слова этого угрожающего заклинания болезненно отдавались у меня в голове, — мы разъединяем от имени трех, и никто больше не будет в силах соединить!

Стрела была наложена на сверкающую тетиву. В это мгновение мне хотелось убежать, но их объединенная воля сковывала меня с такой силой, словно я была прикована к дереву. И тетива отправила стрелу.

Холод, горький холод, который так глубоко проник в меня, что превратился в боль, которую я должна была вынести. Я все еще стояла, прислонившись к дереву, — или уже нет? Потому что я видела всю эту сцену своим странным двойным зрением, словно некто, к кому все это не имело никакого отношения. Тут была Джиллан, которая стояла, прислонившись к дереву, и другая Джиллан, лежащая на земле. Потом стоящая Джиллан подошла к животным, которые окружили ее и вместе с ней исчезли среди деревьев. Но лежащая Джиллан не пошевелилась. Потом я внезапно стала лежащей Джиллан. И все еще был холод, такой пронизывающий, какого я никогда еще не чувствовала.

Я открыла глаза. Моя память снова вернулась ко мне. Я увидела над собой бледное небо и падающие с него белые хлопья снега. Куда же делась палатка?

Я с трудом поднялась. Воспоминания снова вернулись ко мне. Эти скалы я уже видела... Это была долина, в которой находились Врата, ведущие в затерянную страну Всадников. Но долина была покинута. Тут не было больше ни пала-

ток, ни верховых животных, привязанных рядом. Падал снег, но он еще не успел покрыть кострище с почерневшими камнями. Огонь, тепло, чтобы прогнать этот болезненный холод из моего тела!

Я на четвереньках подползла к камням и погрузила пальцы в золу. Но зола уже давно остыла и была так же холодна, как и моя рука.

— Херрел! Кильдас! Херрел! — громко прокричала я, и звук этих имен отразился от каменных стен. Но не было никакого ответа. Лагерь был свернут, и все, кто был здесь, ушли!

Я не могла поверить, что это был сон. Это была правда, и я испугалась этой правды. По-видимому, Всадники действительно освободились от той, которая была им не нужна, и освободились очень простым способом: они оставили ее в дикой местности.

У меня есть две ноги... Я могу идти... последовать за ними...

Шатаясь, я поднялась на ноги и пошла в долину. И тут — она снова была здесь — высокая, все закрывающая стена. И были ли здесь когда-нибудь Врата? Я же не видела их! Но если они и были, то снова закрылись.

Мне было так холодно, хотелось лечь в снег и заснуть, чтобы никогда не просыпаться от этого сна. Но сон, может быть, снова означал этот пепельно-серый лес и эти ужасные тени! Я с большим трудом опять вскарабкалась на каменный горб. Меховая подстилка, на которой я лежала, была уже покрыта снегом. А возле подстилки находилось еще что-то: моя сумка с лекарствами. Почти бесчувственными от холода руками я достала флакончик, отпила из него, и подождала, пока по моему телу распространится тепло. Но ничего не произошло. Мне по-прежнему было холодно. И казалось, что какая-то часть меня была заморожена или удалена, и обретавшаяся на ее месте пустота была заполнена льдом.

Но голова моя была ясной, и руки полностью повиновались моему мозгу. У меня осталась подстилка, сумка и одежда для путешествий, которая была надета на мне. И больше ничего — ни оружия, ни пищи.

Я нашла немного дров, которые Всадники везли с собой, отнесла их к костру и положила там. Потом я кончиком пальца намазала мазь на пару веток и добавила пару капель жидкости из одного флаacona. Вспыхнуло пламя и быстро схватило все дрова. Всадники поступили очень глупо, оставив мне мою сумку. Я знала, что в ней находилось, а они и представить себе не могли этого. Тепло согрело мои руки,

лицо, тело. Да, это было тепло. Но внутри меня все еще царил холод, ледяная пустота. Наконец мне удалось найти верное слово для того, что я чувствовала. Я была опустошена или, вернее, меня опустошили. Но чем являлось то, чего меня лишили? Не жизнь, потому что я двигалась и дышала, испытывала голод и жажду. Укрепляющее питье из моей сумки смягчило физические муки голода, а жажду я утолила снегом. Но я была опустошена, и никогда не буду чувствовать себя нормально, пока у меня снова не будет того, что у меня отобрали.

То мое «я», которое увела с собой животные, было ли это то, что я снова должна обрести? Было ли это на самом деле сном? Нет, это был не только сон, они использовали против меня свое колдовство, пока я спала — последнюю ночь. А как долго я находилась здесь? По слухам, с помощью колдовства можно даже было менять время для самого себя. Они оставили меня теням из мира сна и, может быть, они восприняли это как один из видов смерти. Но на тот случай, если им не удастся устраниć меня с помощью колдовства, как это не удавалось им раньше, они оставили меня умирать здесь, в этой глупи. Но почему они меня так боятся или ненавидят? Потому, что не могли меня околдовать, и я не подчинилась их воле, как другие девушки из долины?

«Колдунья» — назвал меня Херрел, и он, казалось, хорошо знал, о чем говорил. Была ли я действительно колдуньей? Но я не понимала своих сил, не могла обращаться с ними. Колдунья, которая покалечена так же, как, по утверждению Херрела, был неполноценен он сам. Неполноценен?

Я взглянула на каменную стену, где не было больше никаких Врат. То, что сделало бы меня полноценной, исчезло за этой стеной. Но оно притягивало меня — оно действительно притягивало меня! Пока мое тело отдыхало, мой разум работал, и я все сильнее и сильнее чувствовала это влечение. Мне казалось, что я в самом деле вижу те нити, которые ведут от меня прямо в эту каменную стену. Потом снег прекратился, и дрова в костре почти прогорели. Я должна была найти какой-нибудь способ проникнуть через этот барьер или перебраться через него.

— Стой! Остановись!

Я вздрогнула. В долину въезжали люди, и на них тоже были шлемы с гербами и забралами, их меховые накидки были короткими, а их сапоги на пятках заканчивались шпорами.

Охотники из Ализона? Я не шелохнулась. Стрелы в их натянутых луках были направлены на меня.

— Женщина! — Один из них обхехал меня, слез и подбежал ко мне. В своем шлеме он выглядел еще более чужим, чем Всадники-Оборотни.

У меня не было возможности для бегства. Если я попытаюсь вскарабкаться на скалу, он без труда схватит меня, а если я побегу к Вратам, к барьере, то попаду в ловушку.

То, что я никуда не бежала, удивило его. Он медленно подошел, перевел взгляд с костра на меня, а потом на своих спутников.

— Может быть, твои друзья бросили тебя, а?

— Осторожнее, Смаркл! — резко крикнул один из его товарищей. — Разве ты никогда не слышал о засаде с приманкой?

Он тотчас же остановился и прижался к скале. Воцарилось долгое молчание. Люди сидели в седлах и ждали, их стрелы были направлены на меня.

— Эй ты, там, иди сюда! — крикнул наконец один из всадников. — Иди сюда, или мы тебя пристрелим.

Может быть, было лучше не подчиниться им и умереть быстрой чистой смертью. Но во мне возник какой-то порыв, более сильный, чем все остальные чувства, мне так необходимо было получить обратно то, что утратила, и поэтому я не могла так просто расстаться со своей жизнью. Я прошла мимо кострища к скале, за которой меня с нетерпением ждал Смаркл.

— Это одна из ловушек Дейла, капитан! — крикнул он остальным

— Иди сюда, ты!

Я медленно двинулась дальше. Насколько было видно, тут были четыре воина, предводитель и Смаркл. Сколько их всего въехало в долину, я не знала. Очевидно, они последовали сюда за Всадниками-Оборотнями, и это указывало на их твердую решимость, потому что они углубились далеко в степи, на большое расстояние от моря, которое для этих людей было единственным путем на их родину и где их могли подобрать корабли. Как сказал Херрел, они были в отчаянии, и им больше нечего было терять. И они были чудовищами, более худшими, чем Всадники-Оборотни.

— Кто ты? — резко спросил предводитель.

— Невеста из Дейла, — ответила я правду.

— А где остальные?

— Уехали дальше.

— Уехали дальше? Оставили тебя здесь? Ты считаешь нас идиотами..

На меня нашло вдохновение.

— Я больна горной лихорадкой, а для них вдвойне опасна. Разве вы не знаете, что Всадники-Оборотни не такие, как мы?

— Что ты об этом думаешь, капитан? — спросил Смаркл. — Если бы это была ловушка, они бы давно уже уничтожили нас...

— Держи ее крепче!

Смаркл подошел ко мне и прижал своим весом к скале. Дыхание его было жарким и дурно пахнущим, и глаза его, которые я видела сквозь прорези в забрале его шлема, голодно сверкали. Потом он оторвал меня от скалы и крепко сжал, хотя я и не думала сопротивляться.

— Она не из Халлака! — Один из солдат нагнулся в седле и уставился на меня. — Вы видели когда-нибудь, чтобы у них были такие волосы?

Косы мои распустились. На фоне снега они казались еще более черными и сильнее бросались в глаза. Люди из Ализона осмотрели меня сверху донизу, и мне показалось, что я заметила в их глазах настороженность, так, словно они внезапно почувствовали себя не в своей тарелке.

— Рога Кхатера, — выругался один из солдат. — Взглядите на нее! Слышали ли вы когда-нибудь о таком?

Губы предводителя изогнулись под забралом в издевательской гримасе.

— Да, Тактор, я слышал о подобных ей, но, конечно, не в этой стране. Но я также слыхал, что есть одно средство обезвредить такую колдунью, очень приятное средство...

Смаркл усмехнулся и еще крепче сжал мою руку.

— Мы не должны глядеть ей в глаза, капитан. Она таким образом может выбить человека из седла. Колдунья из Эсткарпа знают, как околдовать смертного мужчину.

— Это может быть. Но она же тоже смертна. В любом случае, у нас есть великолепное развлечение.

Я не имела ни малейшего понятия, о чем они говорили. Насколько я поняла, они, очевидно, думали, что я принадлежу к одной из враждебных им рас.

— Принесите топливо для костра, — приказал предводитель солдатам. — Здесь становится холодно. Солнце заходит за скалы.

— Капитан, — спросил Тактор, — почему она осталась здесь, если не для того, чтобы причинить нам вред?

— Причинить нам вред? Может быть. Но я, скорее, думаю, что они обнаружили, кем она является, и поэтому оставили здесь.

— Но эти дьяволы тоже кое-что смыслят в магии!

— Да, это так. Но и волки в стае нападают друг на друга, когда голод достаточно силен. Может быть, между ними произошла ссора, о которой мы ничего не знаем. Может быть, даже эти овцы из долины придумали план, и эту девчонку привезли контрабандой, чтобы нарушить договор. Если это так, то, значит, ее предали или раскрыли. В любом случае, они ее бросили, и мы с ее помощью узнаем кое-что!

Смаркл все сильнее сжимал мою руку, и его прикосновение было оскорблением, от которого я чувствовала стыд, понимая, о чем они говорят. Во мне все еще оставалось какое-то чувство, какое-то слабое воспоминание о том, когда я была такой живой и мне было так хорошо.

Они набрали много дров. Когда-то давно в этой долине протекала река, и теперь между камней валялось множество обломков деревьев. Мужчины развели костер, и я словно воспрянула к новой жизни. Смаркл набросил на мои руки и плечи кожаную петлю, потом связал мне лодыжки, и таким образом я стала их пленницей. Их физический голод, казалось, пересиливал другой их голод, потому что они принесли ременные силки с какой-то птицей и крупного кролика, которых они разделали и повесили над костром.

Предводитель стоял надо мной, широко расставив ноги.

— Колдунья, куда поехали Всадники-Оборотни?

— Дальше.

— И они оставили тебя, потому что обнаружили, кем ты являешься?

— Да, — это могло быть так или не так, но, вероятно, он был прав.

— И их колдовство было таким же могущественным, как и твое...

— Я не могу судить об их могуществе.

Он задумался над этим, и мне показалось, что ему не понравились собственные мысли.

— Что находится там, дальше, впереди?

— Теперь там ничего нет, — правдиво ответила я.

— Что же, они улетели или растворились в воздухе? —

Смаркл грубо рванул веревки на моих лодыжках. — Тебе не удастся обмануть нас, колдунья!

— Они проехали через Врата, которые снова закрылись за ними.

Предводитель взглянул на солнце, которое уже почти скрылось за скалами. Длинные тени протянулись по долине. Потом предводитель осмотрел долину. Казалось, ему не понравилось то, что он увидел, но он был опытным воином, и

сам хотел убедиться в правдивости сказанного мною. Движением руки он отозвал двух солдат: они вытащили мечи и стали карабкаться по насыпи на каменный горб.

В тени скалы я заметила наплечный ремень своей сумки и надеялась, что они не заметили ее. Я могла использовать только свои руки, я действительно могла колдовать...

Предводитель снова повернулся ко мне, чтобы продолжить свой допрос.

— Куда они ушли? Что находится за этим барьером?

— Я не знаю этого. Знаю только, что они искали другую страну.

Предводитель поднял забрало и снял шлем. Его волосы были очень светлыми, но не тепло-золотистыми или красно-коричневыми, как у мужчин Дейла, а почти белыми, как у старика, только он не был стар. У него был острый, выступающий вперед нос — клюв орла, высокие скулы и маленькие глаза с узкими веками. Я увидела на его лице следы усталости и напряжения, как у человека, который находился уже на пределе выдержки. Он опустился на камень, больше не обращая на меня внимания, и уставился на пламя костра.

Немного позднее вернулись разведчики.

— Кучи упавшего щебня и скалы. Они не могли уйти этим путем.

— Но они же проехали сюда, в долину, — неуверенно сказал другой разведчик. — Если они вернулись, то не могли проехать мимо нас. Они проехали сюда — а потом исчезли!

Взгляд предводителя снова уставился на меня.

— Как?

— Наверное, с помощью своего колдовства. Они просили о том, чтобы им открыли Врата. Так и произошло.

К сожалению, Врата открылись для них, но не для меня. Но это не могло меня удержать, так же, как и этих людей, которые были сейчас возле меня. Где-то по другую сторону каменного барьера сейчас другая часть меня, которая притягивала и вела, желая, чтобы мы опять стали единым целым.

— Она, наверное, сможет привести нас туда... — Тектор кивнул в сторону каменного барьера. — Говорят, что этим колдуньям подчиняются ветер и волны, земля и небо, растения и животные.

— Но ведь колдунья одна, разве может она сделать это, если она никогда раньше не пользовалась своей силой? — Предводитель ализонцев покачал головой. — Вы думаете, она осталась бы здесь и стала бы дожидаться нас, если бы

сама могла последовать за Всадниками тем же путем? Нет, мы, наверное, потеряли свою добычу.

Смаркл провел языком по своим губам, увлажняя их.

— Что мы будем делать, капитан?

Тот пожал плечами.

— Поедим, а потом... — Он с ухмылкой взглянул на меня. — Потом развлечемся с ней. А завтра утром составим новый план.

Один из них усмехнулся, а другой ударил по плечу своего спутника. Они отбросили мысль о завтрашнем дне и жили лишь настоящим моментом, как это было в обычном у воинов. Я взглянула на мясо, жарящееся на костре. Скоро оно будет уже готово. Потом они поедят, а затем...

До сих пор я оставалась пассивной. Хотя меня и связали, но не обращались жестоко. Но время шло. Они поедят, а потом...

Но у меня было знание. Это было внутри меня, я была уверена, что могу использовать этот оставшийся у меня час как щит и меч, если я перейду в нападение. Воля — я всегда могла противопоставить всему свою волю. Сила воли... Могла ли я так сконцентрировать силу своей воли, чтобы она стала оружием?

Мои отчаянные мысли все время возвращались к моей сумке с лекарствами и снадобьями. Мужчины пригоршнями набили снег в маленький котелок, который они поставили у костра. Пара маленьких капелек из одного флакончика в этот котелок и... Но как мне это сделать?

Они ели, и запах жареного мяса снова пробудил во мне голод. Они не предлагали мне еды, и я знала, почему они так поступают. Что бы со мной ни сделали этой ночью, завтра утром они поедут дальше без меня. Почему они должны обременять себя женщиной, которая, к тому же, была опасной колдуньей?

Сумка. Я пыталась не задерживать на ней свой взгляд, чтобы они случайно не проследили за ним и не заметили сумку. Но потом я все же украдкой взглянула туда — и испугалась. Это, наверное, были фокусы от костра, потому что сумка теперь лежала на освещенном месте и ее мог увидеть каждый, кто поднимал голову. Но как это было возможно? Она сначала лежала между двумя камнями, а теперь находилась на порядочном расстоянии от них! Казалось, что в ответ на мой молчаливый зов у сумки появились ноги, и она передвигалась на них.

Крышка у сумки была застегнута. Я больше не осмеливалась глядеть на сумку, а уставилась на пламя костра и сконцентрировалась на том, чтобы медленно отпереть застежку у сумки. Насколько легко было действовать пальцами, настолько же тяжело было повторить весь процесс этого в уме.

Так: шпенек в металлической щелке, теперь опустить его вниз. Так. Теперь повернуть. Верхний шпенек вынуть из щелки. Не отважиться ли мне оглянуться, чтобы проверить, подчиняется ли сумка моим желаниям? Нет, лучше не надо.

А теперь: как были расположены пузырьки там, внутри? Когда я заполняла сумку, то совала их внутрь в темной рабочей комнате монахини Алюзан. Я так углубилась в свои воспоминания, что картина четырех мужчин, сидящих передо мною у костра, расплылась. В сумке было пять карманов, в которые я рассовала пузырьки. Я надеялась, что моя память не обманывает меня именно теперь, когда вся надежда оставалась на нее.

Одна из маленьких трубочек-пузырьков была не из стекла, а из кости, и была заткнута затычкой из черного камня. Наружу из сумки, трубочка! Я опустила голову на колени, спрятав лицо в тень, и отважилась взглянуть на сумку. Воины Ализона, наверное, думали, что я впала в отчаяние, создать именно такое впечатление и входило в мои намерения.

Трубочка, наружу! Движение под крышкой сумки. Теперь я поверила в свои силы, но до этого мгновения я даже не отваживалась и подумать, что у меня что-то получится. И в результате увиденного мое удивление было настолько велико, что я сама чуть было не свела на нет все свои усилия. Я снова сконцентрировала свою волю и увидела трубочку, высывающуюся из-под кожаной крышки сумки, а потом, она, хорошо видимая, упала на землю.

Трубочка... в котелок! Одно в другое. Горячее жирное мясо так хорошо пахнет. Трубочка, в котелок! Маленькая костяная трубочка шевельнулась, приподнялась и устремилась в том направлении, куда я хотела ее послать. Я вложила в этот приказ всю свою силу воли.

Она не летела с быстротой стрелы. Временами она опускалась на землю, когда воля моя ослабевала и концентрация усилий спадала. Но я сделала это. Трубочка упала в тающий снег в котелке, и ни один из воинов Ализона не заметил этого.

А теперь последнее — затычка из черного камня — долой! Пот бежал по моим вискам и плечам. Затычка, долой! Я ста-

ралась изо всех сил, но у меня не было никакой возможности узнать, удалось ли мне задуманное или нет.

Рука схватила котелок. Я затаила дыхание, когда в воду погрузился маленький рог для питья. Видели ли солдаты, что находилось в котелке? Выполнила ли трубочка мой приказ? Солдат жадно выпил воду из рога, а потом еще один солдат сделал то же. Выпили трое, четверо. Теперь Смаркл. А предводитель? Только он не пил. Они закончили свой ужин и разбросали обглоданные кости между камнями. Моя отсрочка закончилась. Предводитель не пил. Да и по остальным я не замечала, чтобы мое снадобье как-то подействовало на них. Может быть, затычка не... Но теперь уже было слишком поздно пробовать еще раз.

Смаркл встал и, ухмыляясь, вытер руки о бедра.

— Теперь наступило время для удовольствий, капитан?

И вот только теперь предводитель потянулся к котелку с водой. Я сконцентрировалась на нем и попыталась подчинить своей воле. Его мучит жажда, он должен напиться! И он напился большими глотками, прежде, чем ответить Смарклу...

— Как хочешь...

Смаркл испустил ликующий крик и пошел ко мне под смех и поощряющие крики своих спутников. Он поднял меня, прижал к себе и рванул на мне одежду, хотя я защищалась как могла.

— Смаркл! — раздался крик, но Смаркл лишь улыбнулся и дохнул своим смрадным дыханием мне в лицо.

— Ты должен подождать своей очереди, Мацик. Каждый возьмет ее по очереди.

— Но ты только посмотри, посмотри! Капитан, Смаркл! — Один из солдат возбужденно указывал на землю. — Она... она не отбрасывает тени!

Смаркл испуганно выпустил меня, и я, так же, как и другие, уставилась на землю. Костер ярко пылал, и тени мужчин были темны и великолепно видны. Но я — я не отбрасывала тени. Я пошевелилась, но ни на камнях, ни на земле не появилось никакого движения.

— Но она действительно существует, говорю вам, — крикнул Смаркл. — Я касался ее, она на самом деле существует. Посмотрите сами, если вы мне не верите!

Но остальные отступили назад, качая головами.

— Капитан, ты знаешь о колдунах достаточно много, — умоляюще спросил Смаркл. — Могут они заставить человека видеть то, чего нет на самом деле? Они же живые и существуют на самом деле, и мы достаточно легко можем

уничтожить все их колдовские способности, и при этом доставим себе немалое удовольствие.

— Если она захочет, вы можете почувствовать то, чего нет на самом деле, — ответил один из солдат. — Может, это вообще не женщина, а оборотень, который остался здесь, чтобы задержать нас, пока отряд не вернется, чтобы уничтожить нас. Убейте ее, тогда мы узнаем, существует ли она на самом деле или это всего лишь иллюзия.

— Используйте проклятую стрелу...

— Когда у нас будет еще одна, я использую эту стрелу, Ясмик, — вмешался предводитель. — Но у нас только одна. Колдунья она или оборотень, но у нее есть колдовские силы. А сейчас мы посмотрим, что она может сделать против холодной стали, — он поднял меч и направился ко мне.

— Ааа! — Это был крик испуга, закончившийся вздохом, и солдат, первым выпивший воду, пошатнулся и, ища опоры, схватился за своих спутников. Потом он упал на землю, потянув за собой других. Затем пошатнулся и упал еще один человек.

— Колдовство! — Предводитель ударил меня мечом, но лезвие скользнуло по моим ребрам и руке. Оно рассекло мышцы, но не нанесло смертельного ранения, как он рассчитывал, а потом лезвие меча с силой ударилось о скалу за моей спиной. Лицо предводителя исказилось от ярости и страха, и он уже был готов замахнуться снова.

Но придушенный крик еще одного солдата у костра отвлек его внимание, и он повернул туда голову. Некоторые из его людей уже неподвижно лежали на земле, другие шатались как пьяные и старались удержаться на ногах. Предводитель провел рукой по глазам, словно стараясь очистить поле зрения. Потом он ударил во второй раз, и на этот раз лезвие рассекло мою одежду. Затем он опустился на колени и упал на камни лицом вниз.

Я прижала руку к своему боку и почувствовала влагу крови. Но я не отваживалась пошевелиться, потому что некоторые из солдат все еще были на ногах. Двое из них пытались достать меня, вытянув оружие, но в конце концов на ногах осталась только я одна, все остальные уже лежали на земле.

Они не были мертвы, и как долго на них будет действовать мое снадобье, в какой пропорции оно было разбавлено и сколько его было выпито, я не знала. И должна была исчезнуть отсюда, прежде чем они проснутся. Но куда мне идти? Когда я убедилась, что все они потеряли сознание, я подошла

к сумке, которую открыла силой своей воли, и достала оттуда мазь и бинты. Обработав свои раны, я обошла всех своих врагов и забрала у них те вещи, которые понадобятся мне в моей борьбе за выживание. Я заткнула за пояс длинный охотничий нож, а потом нашла пищу: компактный рацион, который был у всех воинов Ализона. Они, должно быть, не пользовались им и жили только охотой, если им это удавалось. Мечи, луки и полные колчаны стрел я собрала и бросила в огонь; хотя лезвия мечей и не пострадают, но все остальное будет уничтожено. Потом я взяла их лошадей и погнала их в долину, потом напугала их, и они убежали.

Ножом я обрезала длинную юбку моего костюма для путешествий и покрепче привязала то, что мне нужно, к поясу, чтобы не мешало, когда я буду карабкаться по скалам. А карабкаться мне придется, потому что только таким способом я могла добраться туда, куда мне было нужно. И хотя сейчас была уже ночь, я должна была отправиться в путь, чтобы быть отсюда на приличном расстоянии к тому времени, когда проснутся солдаты Ализона.

Было бессмысленно пытаться преодолеть каменный барьер, который маскировал «Врата» Всадников, на поверхности этой стены не было места, чтобы можно было поставить ногу или зацепиться пальцами. Итак, оставались каменные стены долины, и галечные осыпи представляли главную опасность на этом пути. Но влечение к объединению было так велико, что заполнило даже ледяную пустоту внутри меня. Принуждение, которое гнало меня на север, в последние часы стало еще сильнее.

Я начала карабкаться вверх. У меня было одно преимущество: я никогда не боялась высоты. И часто слышала, как охотники с гор говорили, что во время подъема никогда нельзя оглядываться назад или смотреть вниз. Но мне казалось, что я двигаюсь вперед ужасно медленно и все время боялась, что одно неверное движение — и я свалюсь вниз. И также не знала, когда проснутся охотники Ализона и начнут преследовать меня.

Я поднималась все выше и выше, и мгновения казались мне часами. Дважды я в ужасе цеплялась за скалу, когда тяжелые каменные обломки громыхали мимо меня, пролетая на расстоянии нескольких миллиметров от моего тела. Наконец я достигла расселины в скале, которая представляла собой неплохую опору для ноги. Я забралась внутрь этой расселины и пробиралась все дальше и дальше, пока, наконец, не выбралась на относительно ровную площадку, кото-

ря, должно быть, была вершиной этой скалы. Я споткнулась о кусок льда и упала. Все тело так устало, что больше не повиновалось моей воле.

Через некоторое время я немного отдохнула и заползла в щель между двумя скалами, отвязала меховую подстилку, которую перед этим привязала на спину, и накрылась ею.

Когда я начала подъем, луна стояла высоко в небе, а теперь она побледнела, так же как и звезды. Я достигла вершины самой высокой скалы, и на этом же уровне должен был быть гребень каменного барьера. Я не спала, но погрузилась в какое-то странное состояние двойственности чувств. Время от времени я видела себя скorchившейся между двумя скалами, словно я смотрела на себя со стороны. А потом оказывалась в другом месте, полном света, тепла и людей, которых я старалась рассмотреть почетче, но это мне не удавалось.

Рана на моем боку перестала кровоточить, мазь оказывала свое действие, а меховая подстилка несколько защищала от холода. Но беспокойство снова охватило меня, меня тянуло дальше. Занимался рассвет, и заря окрасила небо в красный цвет. По ту сторону зубцов скал, которые в последнее время своими тенями скрывали меня, находилась пересеченная местность, хаос выветренных скал и камней. Я придерживалась края долины, чтобы не заблудиться. Каменный барьер был около четырех метров шириной, и позади него была такая же узкая долина, как и та, по стене которой я вскарабкалась сюда, только каменные стены здесь были так круты, что о спуске нечего было и думать. Я должна была пробираться вперед по верхнему краю стены долины и надеяться, что мне все же удастся найти более удобное место для спуска.

А потом я внезапно увидела разницу в камнях вокруг меня. Они теперь были не серого цвета, а темного, зелено-голубого, и я также заметила, что эти огромные камни, иногда даже больше меня самой, казались неестественными в той местности, где я находилась. Я немного отдохнула и подкрепилась тем рационом, что забрала у ализонцев. И пока я ела и смотрела на цветные камни, то все больше и больше убеждалась в том, что они попали сюда не естественным путем.

Потом голова моя внезапно закружилась, глаза закрылись, а потом снова открылись. Как и в свадебной роще Всадников, я второй раз увидела здесь картины, которые растворялись друг в друге, пока совершенно не перепутались, а потом наплывы волнами стали сменять друг друга. На мгновение немного в стороне справа от меня показалась

тропинка, и хотя я не смотрела туда, в следующее мгновение она исчезла, и там снова появились каменные обломки. Я была уверена, что причиной этого двойного зрения была не слабость, а, скорее, затуманившееся сознание. Если это будет продолжаться и дальше, я едва ли осмелюсь двинуться вперед из страха, что мои глаза предадут меня, и я сделаю неверный шаг. На этот раз я только на мгновение смогла овладеть этим двойным зрением. И каждая попытка, которую я предпринимала, очень утомляла. И во мне все нарастало желание продолжить путь — сейчас же и без промедления.

Я встала, но непрерывно меняющиеся картины перед глазами так вскружили голову, что я изо всех сил вцепилась в скалу. Казалось, что даже почва у меня под ногами больше не была прочной. Я была пленницей этого хаоса, и не было никакой возможности для бегства. Я закрыла глаза и долго стояла неподвижно. Потом осторожно вытянула вперед ногу, и она уперлась в неменяющуюся и остающуюся твердой почву. Я ступала, ощупывая пространство вокруг себя руками, и они наткнулись на твердый камень. Но когда я снова с надеждой открыла глаза, эти взаимопроникающие картины все еще были здесь, и я закричала.

Я подняла свою сумку, меховую подстилку и попыталась мыслить логично. Я была уверена, что здесь какой-то обман или мое зрение путали галлюцинации. И они затрагивали только зрение, но не сознание. Поэтому было возможно передвигаться вперед наощупь. Но я не могла больше ориентироваться по каменным утесам и, может быть, стала бы ходить по кругу. А как насчет того, что тянуло меня? Что все время заставляло меня следовать за Владниками? Могла ли я вследую пройти весь этот хаос? Но у меня не было другого выхода, кроме как попытаться сделать это. Я решительно закрыла глаза, вытянула руки и пошла в том направлении, куда меня влекло. Это было нелегко, и я шла вперед очень медленно. Несмотря на вытянутые руки, я все время натыкалась на обломки скал, часто останавливалась, то открывала глаза, то снова испуганно закрывала их перед картинами, которые теперь были не только двойными, но и тройными и даже четырехслойными.

Я не знала, действительно ли иду вперед или мои опасения насчет того, что я иду по кругу, сбывались. Но влечеие внутри меня не исчезало, и со временем мне становилось все легче определить, куда меня тянуло. Руки по обе стороны натыкались на скалы, и ноги с каждым разом все более

уверенно ступали по шероховатой скалистой поверхности. Но потом руки наткнулись на твердую гладкую поверхность, а не на шероховатый камень, и эта поверхность была столь чуждой, что я открыла глаза.

Яркий свет ослепил меня, угрожая спалить. Но руками я не почувствовала никакой жары. И не было ничего, кроме ослепительного света, на который невозможно было смотреть. Я начала изучающе двигать руками назад и вперед. Гладкая поверхность заполняла промежуток между двумя скалами, через который я должна была пройти, и в высоту тянулась настолько, насколько я доставала руками, а вниз уходила в почву. На всей этой невидимой поверхности не было ни единой щели, ни единой шероховатости.

Я отступила назад и попыталась найти другой путь, чтобы обойти этот барьер. Но другого пути не было, а то, что влекло меня вперед, тянуло меня прямо в это ущелье, которое было блокировано невидимой стеной. И, в конце концов, я устало опустилась на землю. Это был конец. Я подавленно опустила голову на колени. Но я сидела не на камне, а ехала на лошади. И отважилась открыть глаза, потому что не могла поверить в это, но увидела Ратку, мою лошадь, с развевающейся гривой. Мы находились в сказочно прекрасной зеленой и золотистой стране... И Кильдас — тут были Кильдас и Сольфина с венками из цветов на головах и белыми цветами на упряжи. И они пели, так же, как и все остальные — и я пела вместе с ними.

Я знала также, что это была одна из сторон истины, так же как хаос выветренных скал и барьер из света — другая. Я хотела громко позвать, но губы мои произносили только слова песни.

— Херрел! — Во мне зародился крик, но я не могла издать ни звука. — Херрел! — Если он обо всем узнает, тогда, может быть, сможет объединить меня с моим другим «я» в одно целое. Тогда я не буду больше одинокой Джиллан, которая находится вместе с остальными невестами, и другой одинокой Джиллан, которая блуждает среди скал, а снова буду единой полноценной Джиллан!

Я оглянулась и увидела их всех, едущих по прекрасной дороге, утопающей в зелени. И у Всадников на шлемах тоже были цветы. Всадники казались мне прекрасными мужчинами, не похожими на мужчин Высокого Халлака, и их звериное обличье совершенно было незаметно. Только одного, кого я весь день искала, не было среди них.

— О, Джиллан, — сказала мне Кильдас, — был ли когда-нибудь в твоей жизни такой прекрасный день? Как будто весна обвенчалась с летом и подарила нам самое лучшее, что есть у них обоих.

— Это так и есть, — ответила та, что была одной из половинок Джиллан.

— Это удивительно, — рассмеялась Кильдас, — но я напрасно стараюсь вспомнить о том, как жила раньше там, в Дейле. Все прошлое напоминает мне сон, который бледнеет все больше и больше. И у нас нет никаких причин для того, чтобы возвращаться обратно...

«Но у меня есть причины для этого! — крикнуло мое внутреннее «я». — Потому что я все еще нахожусь в Дейле и должна объединиться!»

Один из всадников подъехал ко мне и протянул мне ветку, усеянную цветами, которые источали чарующий аромат.

— Хорошие цветы, моя Леди, — сказал он, — но они не так хороши, как те, которые я приготовил в подарок...

Рука моя коснулась ветки.

— Херрел... — Но когда я взглянула на того, кто протягивал мне ветку, то увидела на его шлеме красные глаза медведя. А из-под них глядели странные узкие глаза, которые приковали к себе мой взгляд. Потом рука его поднялась, и на ладони появился маленький белый предмет, который настолько приковал мое внимание, что я не могла отвести от него свой взгляд...

Я подняла голову с колен. Темные тени вокруг меня отрицали, что тут только что была зелено-золотистая страна. Я уже не ехала, украшенная цветами, по весенней стране, а потеряно сидела в стране холодной зимы между заколдованными камнями. Но я кое-что приобрела: я узнала, что на самом деле было две Джиллан: одна, которая с трудом пыталась достичь другой стороны этой вершины и искала путь дальше, и другая, которая все время была вместе с остальными невестами Дейла. А пока эти две Джиллан были позорны, для меня не существовало настоящей жизни.

Тот, кто ехал возле меня, был Хальзе. Он знал, что я стремлюсь к своей половине, и прогонял меня. Но где же был Херрел и как он относился к этой другой Джиллан?

Я осознала, что с наступлением темноты головокружительное мерцание взаимопроникающих картин прекратилось, и что я снова стала нормально видеть. Исчез ли этот невидимый световой барьер? Я отползла назад между двух камней и увидела перед собой не слепящий свет, а мерцаю-

щую зеленую стену. Но когда я коснулась рукой этой стены, ее поверхность была такой же твердой и гладкой, как и раньше. И это было колдовство, я была в этом уверена, независимо от того, сделали ли эту стену Всадники или кто-либо другой. Я не могла вскарабкаться здесь на скалы, как я это сделала в долине, и у меня не было с собой ничего, чтобы подкопаться под барьер. Яркость световой стены, между тем, так сильно уменьшилась, что я могла видеть сквозь нее. По ту сторону стены находилась открытая местность, в которой не было хаоса камней и скал, которые до сих пор так мешали мне продвигаться вперед. Там, по другую сторону, мне, может быть, не нужно будет бояться этой путаницы картин. Но как мне преодолеть этот барьер? Я не видела никакого способа сделать это, но должна была найти его!

Я уставилась на камни, между которыми была световая стена. Я не могла перелезть через них: они были в два человеческих роста и такие гладкие, что на них нельзя было найти какой-нибудь зацепки. Они казались частью какой-то древней насыпи или крепости. Но потом я увидела, что каждый из этих камней, между которыми и была прозрачная стена, словно столбы у ворот. Перед моими глазами почему-то возникло изображение паутины. Если избежать опасных клейких нитей, паутину можно разрушить, обломав ветку, к которой она крепилась... Я извлекла костяную трубочку из своей сумки только лишь при помощи силы воли, но ведь здесь были тяжеленные камни, а не легкая бутылочка. И как мне узнать, что барьер исчез, если мне удастся пошевелить один из этих массивных камней?

Я еще раз взглянула на эти каменные столбы, между которыми находился барьер. Они, казалось, были глубоко вделаны в землю. Наконец я сконцентрировалась на левом столбе и напрягла все свои усилия.

Ты должен упасть! Падай! Я всей силой воли ударила о столб, словно со всей силы ударила руками и ногами, которыми могла пользоваться для этого. Падай! Здесь у меня не было такой ограниченности во времени, как в лагере охотников Ализона. Здесь время не имело значения. Здесь был только столб, барьер и настоятельная необходимость преодолеть этот барьер. Пошатнись и падай! Все вокруг меня поблекло и исчезло. Я видела только высокую темную тень, вокруг которой дрожало маленько голубое пламя, сначала вверху, потом, после моей направленной решимости, внизу. Земля, отпусти! Крепления, поддайтесь!.. Я состояла только из одной воли, которую направляла на столб. Поддайся...

падай! И темный каменный столб поддался, покачнулся. Голубое пламя охватывало его основание. Падай!

Каменный столб медленно нагнулся наружу в противоположную от меня сторону. Раздался звук, пронзивший все мое тело болью, настолько сильной, что она превозмогла мою волю и сознание, а потом я провалилась в ничто.

Когда я снова пришла в себя, голова моя лежала на жестком камне. Холодный дождь падал на мое лицо. Я открыла глаза. Странный запах, совершенно мне незнакомый. Я с трудом приподнялась. Один из столбов наклонился наружу, словно указывая мне путь. На камнях виднелись черные следы. И между столбами больше ничего не было. Я проползла вперед, и рука моя коснулась почерневших камней. Я отпрянула, мои пальцы были обожжены. Шатаясь, я встала на ноги, протащилась сквозь образовавшееся отверстие и вышла на открытое место по ту сторону исчезнувшего барьера.

Сейчас был день, хотя облака были так густы и мрачны, что вокруг меня была полутима. Шел холодный дождь со снегом. Но окружающее было хорошо видно. Тут больше не был отдельных обломков скал, только обычные горы, которые с детства близки мне. И тут было что-то еще: дорога, но едва я достигла ее, как была снова вынуждена опуститься на землю. И теперь, наконец, я утолила свой голод припасами охотников Ализона. Но меня снова влекло дальше.

Это была старая узкая дорога, частично поросшая красивыми и сине-зелеными пятнами лишайника. Дорога вела вниз, через ущелье, идущее далеко вниз и открывающееся на далекую бескрайнюю равнину. Пройдя через арку ворот, я попала на овальную, окруженную высокими стенами, площадку. Вдоль стен, на равном расстоянии друг от друга, находились ниши, которые были закрыты на три четверти; только верхняя часть ниш была открыта. И на оправе каждой ниши был высечен символ. Некоторые из символов были почти полностью сглажены ветрами и непогодой, другие были хорошо видимы, но для меня ни один из этих символов не имел никакого значения.

Верхняя часть ниш была темной. Когда я подошла к первой нише, то отшатнулась назад. Из ниши меня словно чем-то ударило. Но что это было? Удар невидимой силы? Нет. Когда я повернулась к одному из этих отверстий, ощущение стало четче. Это был вопрос, требование дать ответ. Но кому, как и зачем? Но в нишах находилось что-то разумное. И мне показалось странным, когда я громко ответила, нарушив здесь тишину.

— Я — Джиллан из долины Высокого Халлака и иду, чтобы потребовать другую часть моего «я». И не хочу ни большего, ни меньшего.

Насколько мои глаза видели и уши слышали, внешне ничего не изменилось. Но я чувствовала пробуждение чего-то, что находилось здесь уже немыслимое количество лет. Вокруг повсюду что-то шевелилось, и на меня были направлены взгляды невидимых существ. Может быть, мои слова не значили ничего, может быть, это нечто было так старо, что его нельзя было описать человеческими словами.

Но то, что это меня проверяло — я знала. И медленно шла дальше через центр площадки, поворачиваясь от одной ниши к другой, ряд за рядом ища то, что проверяло меня.

Из ниш с четко различимыми символами не исходило такого сильного ощущения, как из ниш со стершимися символами. Это были охранники, и кто знает, как давно они здесь появились, призванные выполнять свой долг? Может быть, я представляла опасность для того, что они должны были охранять здесь?

Я добралась до конца овальной площадки и теперь стояла перед аркой других ворот, под которой проходила дорога, ведущая дальше. Я повернулась и посмотрела на пройденный мною путь, ожидая сама не знаю чего. Может быть, одобрения, разрешения идти туда, куда хотела, благословления того, что искала и что нашла. Но чего бы ни ждала, все равно была разочарована. Меня освободили от вопросов, и это все. И, может быть, ничего не нужно было.

Вырубленная в скалах дорога вела все дальше вниз к подножию гор. Я видела все больше деревьев и коричневой травы. Все еще шел дождь, но он уже не был холодным. Я шла по дороге, пока в конце концов не пришла к остаткам рощи. Хотя деревья и были по-зимнему голы, ветви их были так сильно переплетены друг с другом, что они полностью защищали меня от дождя. Мои руки и ноги были свинцово-тяжелыми от усталости, и мне было так холодно... Будет ли мне всегда так холодно?

Нет.. Внезапно мне стало не холодно, а тепло. Солнце, тепло и аромат цветов окутали меня. На этот раз я не сидела на лошади. Я открыла глаза и выглянула из палатки. Солнце уже клонилось к закату, и снаружи журчал ручеек. Это была зелено-золотистая страна другой Джиллан. Я видела человека, лицо которого было наполовину повернуто в сторону от меня. Но я его тотчас же узнала.

— Херрел!

Глаза его повернулись, и он взглянул на меня своими зелеными глазами. Его лицо было твердым, как сталь, и замкнутым, и такая же твердость была и в его взгляде, но только сначала. Потом выражение его лица изменилось, и он взглянул в глубину моих глаз.

— Херрел! — Я сделала то, чего еще не делала никогда в своей жизни: попросила другого о помощи, настоятельно пытаясь достичнуть его.

Он подошел ко мне — это был почти прыжок охотящейся кошки, — опустился возле меня на колени и погрузил свой взгляд в мои глаза.

Все, что я хотела сказать, застяло у меня в горле. Я могла только произнести его имя. Его руки обняли меня, и он бросал меня потоком слов, вопросов, требуя от меня ответа, но я не могла ни слышать его, ни отвечать ему. Только мое требование было так велико, что глухим криком отдавалось у меня в голове.

Внезапно около Херрела оказались люди, они набросились на него и потащили прочь, хотя он яростно отбивался. И тогда я увидела Хальзе. Рот его был искажен от ярости, глаза метали огонь, прожигающий меня насеквь. Он снова встал между нами, он прогонял меня назад, в ссылку.

«Херрел...», — тихо прошептала я. Я всегда внутренне надеялась и теперь узнала, что это было правдой, — узнала, что Херрел никогда не был в сговоре с остальными, которые бросили меня здесь, в глуши. Может быть, он тоже был введен в заблуждение той частью Джиллан, которая теперь ехала вместе с остальными? Хальзе подарил этой Джиллан цветы, так как хотел добиться ее. Удалось ли ему с помощью своего колдовства, чтобы Джиллан благоприятствовала ему? Как далеко могло зайти его влияние на нее? Как долго могла просуществовать та Джиллан, отделенная от меня и Херрела? Была ли она всего лишь проявлением галлюцинации или у нее тоже было тело из плоти и крови? Сделал ли Хальзе ее своей при помощи остальных или она только вела себя как невеста, чтобы восстановить свой прежний вид и все ошибались в том, что она приняла мое исчезновение без всяких вопросов, как это сделала Кильдас? Или ту, другую Джиллан, использовали, чтобы наказать Херрела каким-то образом и чтобы он не узнал, кто это сделал? Если это было так, тогда та короткая встреча в палатке должна была указать ему на истинное положение вещей. Я не сомневалась в том, что Херрел за то короткое мгновение, пока остальные

не утащили его, узнал, что на самом деле существуют две Джиллан.

Я снова отчаянно попыталась достигнуть той, другой Джиллан, чтобы объединиться с ней. Связь между нами все еще существовала, но мне никак больше не удавалось приблизиться к той Джиллан. Они теперь были предупреждены и, должно быть, установили барьер на пути к нашему воссоединению.

Веки мои отяжелели от усталости, и голова опустилась на колени. Все, что меня угнетало, растворилось во сне.

Сон немного освежил меня, и на рассвете я снова тронулась в путь. Дорога теперь больше не была прямой, а извивалась по местности, становившейся все более приветливой. Деревья и кустарники были покрыты листвой, и я из зимы вошла в весну или лето. А потом я увидела кусты с такими же белыми, сладко пахнущими цветами, как и те, которые Хальзе подарил той, другой Джиллан. Я достигла зелено-золотой страны, находящейся по другую сторону Врат, страны, к которой так стремились Всадники во время своих странствий.

Я достигла реки, берега которой окаймляли деревья с ветвями, низко склонившимися над водой и усеянными розовыми кустами. Я спустилась по крутому откосу и погрузила свои руки в воду. Холодная, но не очень. Потом я торопливо расстегнула застежки, крючки и пуговицы и сняла свою грязную, вонючую и частично разорванную одежду, чтобы вымыться и поискать брод. Рана на моем боку, хотя и была ярко-красной и припухшей, уже почти затянулась. Несколько упавших цветов коснулись моих плеч, и их запах остался на моей коже и в моих волосах. Я наслаждалась свободой воды и не могла заставить себя вернуться к своей одежде, к тому стремлению, которое гнало меня вперед. Но все же, в конце концов, я выкарабкалась обратно на берег и снова натянула на себя выглядевшую теперь еще более грязной одежду.

Дальше дорога шла по полям, но поля эти были невозделанными, и здесь не было ни коров, ни овец. Только птиц здесь было множество, и они без опаски летали со мной и что-то клевали у меня под ногами. У них было такое же яркое оперение, как и у птиц, которых я видела в долине Халлака, но здесь были и другие виды животных. Дважды я видела покрытых мехом зверьков, которые смотрели на

меня безо всякого страха. Солнце изливало на меня тепло, и меховая подстилка, которая сослужила мне такую добрую службу в горах, стала меня обременять. Я остановилась, сложила ее и случайно взглянула на землю.

Я действительно не отбрасывала никакой тени! Люди Ализона еще в лагере заметили это, но во время своего бегства я была так занята, что это не произвело на меня никакого впечатления. Но ведь я же была настоящим живым существом из плоти и крови! И все же, и деревья, и кусты, и даже высокая трава отбрасывали свои тени на освещенную солнцем землю, и это подтверждало их реальность, а я не отбрасывала. Может быть, я сама была невидимой? Но охотники Ализона видели меня и даже хотели меня. Для них я была женщиной — видимой, осозаемой, привлекательной. Я держалась за эти мысли. Еще никогда мне не приходило в голову, что сейчас я существую только, чтобы встретиться со своим другим «я».

Я подвигала рукой по земле, чтобы получить ответ на этот вопрос. Так странно было думать о том, какая это незначительная часть — наши тени, но не иметь своей собственной тени было совсем другим делом. Внезапно обладание тенью стало такой важной вещью, как обладание руками и ногами. Я попыталась взглянуть на это своим двойным зрением, но и там у меня не было тени. Но окружающий меня ландшафт изменился, и я увидела...

Я больше не находилась в безлюдной местности. Туманные образования принимали четкие формы, когда я концентрировалась на них. У края дороги, слева от меня, стоял крестьянский дом, которого я прежде не видела — с крышей, с фронтоном, пристройкой и садом. Дом был таким же, как и все дома в долинах Халлака, с остроконечной крышей и резьбой на карнизе и наличниках окон. Перед домом был мощеный двор, на котором двигались какие-то фигуры. Чем дольше я вглядывалась, тем четче становилось все это. И именно это было настоящим, а пустые поля — иллюзией. Я непроизвольно свернула с дороги и поспешила к мощеному двору. Вблизи дом был еще более внушительным. Он был поченен, стар и сложен из того же сине-зеленого камня, который я видела в горах. Крыша его была покрыта шифером, а резьба выкрашена в золотой и зеленый цвета. Мужчина вел лошадь из конюшни к корыту с водой, а служанка ощипывала какую-то птицу с блестящими пестрыми перьями и длинными гибкими ногами. Я не могла четко видеть ее лица, но она выглядела таким же человеком, как и я. На

мужчине были серебристо-серые брюки и серая кожаная куртка, подпоясанная усаженным металлическими бляшками поясом. На девушке была красно-коричневая одежда и длинный желтый фартук; такого же цвета была и шапочка у нее на голове.

Девушка пошла по двору в моем направлении и стала разбрасывать зерна из плоской коробочки, висевшей у нее на руке.

— Пожалуйста... — Я истосковалась по человеческим существам и хотела, чтобы она увидела меня и ответила, но, хотя я говорила громко, она, похоже, не замечала меня, так как даже не повернула головы в моем направлении.

— Пожалуйста... — повторила я громче. Но она все же не замечала меня. И мужчина, который теперь вел лошадь от корыта с водой обратно в конюшню, прошел совсем рядом со мной. Выражение его узкого лица с раскосыми бровями и острым подбородком — черты лица были такими же, как у Всадников, — не изменилось.

Я не могла долго выносить их равнодушие — протянула руку и дернула девушку за рукав. Она коротко вскрикнула, отшатнулась и начала что-то пораженно бормотать. Мужчина повернулся и громко задал вопрос на незнакомом мне языке. И хотя они оба глядели туда, где стояла я, они, казалось, не видели меня.

Моя сконцентрированность ослабла. Все поблекло: и старый дом, и мужчина, и девушка-служанка, и пристройки, и крыши, и лошадь. Они становились все бледнее и бледнее, пока не исчезли совсем, и я снова не оказалась одиноко стоящей в поле. И все же что-то внутри меня говорило, что это мое зрение вернется ко мне. Там, где я видела настояще под наслаждениями иллюзорного, теперь настоящее наслаждалось на иллюзорное. Для меня это была страна-призрак, а для людей этой страны я сама была призраком. Я снова вышла на дорогу, опустилась на обочину и положила свою кружашуюся голову на руки. Буду ли я когда-нибудь настоящей в этой стране? Может быть, тогда, когда снова отыщу ту, другую Джиллан? А была ли она сама здесь настоящей?

От пайков охотников-ализонцев остались только крошки. Где мне здесь найти пищу? Может быть, мне удастся достаточно долго удерживать иллюзию, чтобы в каком-нибудь крестьянском доме отыскать что-нибудь съестное и, вероятно, я должна буду взять это без разрешения, потому что те, кто там живет, не могут увидеть меня. «Этот народ считает, что он хорошо защищен, — подумала я. — Сначала охран-

ники наверху в горах, а потом здесь этот пустынный ландшафт. Отряд охотников из Ализона может проехать здесь много миль, не найдя ничего, что стоило бы захватить». И как многие другие, я проходила мимо и не знала, что тут было на само деле. Замки? Дома? Города?

Мне нужна была пища, и если я хотела найти что-нибудь, то должна была видеть. Две усадьбы, которые я неясно различала вдали, находились слишком далеко от дороги, потому что эта дорога существовала на самом деле и она вела меня в нужном мне направлении, в ту сторону, куда меня все время тянуло.

Было уже далеко за полдень, когда я обнаружила деревню, которая тоже находилась на дороге. Это была маленькая деревушка, в которой было примерно двадцать домов и башенноподобное сооружение в центре. Люди по обеим сторонам улицы были для меня всего лишь тенями, и я даже не пыталась разглядеть их получше. Я сконцентрировалась на домах. На пороге первого из них сидела женщина и пряла. Перед другим домом играли дети, а у третьего дверь была закрыта и, может быть, даже заперта. Но четвертым домом было большое здание, которое, судя по изображению на двери, было гостиницей.

Я напрягла всю свою волю, чтобы удержать все это видимым, и прошла внутрь здания через полуоткрытую дверь под изображением. За дверью был короткий коридор, а недалеко еще одна дверь, за которой находилось большое помещение с деревянным полом и лавками по бокам. На этом столе стояла тарелка с коричневым караваем хлеба и куском желтого сыра. Я почти испугалась, что все это побледнеет и превратится в ничто, когда мои пальцы схватят хлеб и сыр, но ничего подобного не произошло. Я сунула все это в складку моей меховой подстилки и пошла назад к двери. Но на пороге дома стояла фигура — один из туманных жителей этих домов. Я отпрыгнула, почувствовала какое-то беспокойство и постаралась получше разглядеть входящего. Это был мужчина в кожаных штанах, сапогах и кованой кольчужке под верхней курткой из шелковистого сукна, похожей на ту, какие носили Всадники, но только без меха, и вместо шлема на голове у него была шапка.

Он с подозрением заглянул в помещение, но взгляд его скользнул мимо меня. Потом я увидела, как ноздри его расширились, словно он что-то учуял. Затем он заговорил на языке, которого я не поняла, но мне показалось, что это был вопрос. Я затаила дыхание, чтобы оно не выдало меня. Он

повторил вопрос, сделал пару шагов в моем направлении и вошел в комнату. Я осторожно прокраалась мимо него и уже была почти у двери, когда он отвернулся от стола, с которого и взяла хлеб и сыр. В первое мгновение я подумала, что он увидел меня. Но хотя он теперь смотрел прямо мне в лицо, выражение его лица чутко прислушивавшегося человека не изменилось. Теперь он направился прямо ко мне.

Из последних сил я выбежала в дверь из комнаты и побежала вдоль коридора. Человек громко крикнул, и с улицы донесся ответ. Когда я уже хотела покинуть дом, то вдруг увидела прямо перед собой чью-то фигуру. Я, защищаясь, вытянула вперед руку, и она ударила о твердую плоть, хотя я видела перед собой только расплывающиеся контуры. Я услышала удивленный вскрик, когда вновь вошедший отшатнулся назад. Но я уже была снаружи, на улице, и побежала прочь от деревни к той, другой дороге, где я чувствовала себя в относительной безопасности.

Позади себя я услышала крики и топот ног. Видели ли они меня или я все еще была невидимой для них? Я не осмеливалась оглянуться назад. Призрачный мир вернулся снова, и я, тяжело дыша, оказалась на дороге, и больше не видела ничего, кроме лугов, полей, неба. Но я все еще слышала крики, а потом стук копыт лошади, который приближался ко мне. Я еще крепче прижала к себе подстилку с добычей и снова побежала по дороге прочь от исчезнувшей деревни с ее мощеными улицами. Когда я, наконец, тяжело дыша, остановилась, не было больше слышно ничего, кроме щебетания птиц. Я стала думать, что они действительно не заметили меня. Я ничего больше не боялась, по крайней мере, в это мгновение. И все же после небольшой передышки я еще больше увеличила расстояние между собой и моими возможными преследователями, прежде чем опустилась на небольшую, поросшую травой кочку возле дороги, чтобы воспользоваться своей добычей. Коричневый хлеб и сыр показались мне гораздо вкуснее всего, что Всадники предлагали своим невестам: для меня это была сама жизнь.

После того, как голод был немного утолен, я обуздала свой аппетит. Второй налет подобного рода, может быть, будет уже невозможен, и я должна экономить свои припасы. Из кустов выпрыгнула птичка и стала клевать крошки. Потом она поглядела на меня и защебетала, словно прося еще. Я бросила ей еще пару крошек, чтобы понаблюдать за ней. Несомненно, птичка видела меня, так же, как и другие жи-

вотные во время моих странствий. Может быть, я была невидима только для людей этой страны?

Солнце уже сильно склонилось к западу. Скоро наступит ночь, и я должна была найти себе какое-нибудь убежище. Далеко впереди я увидела темное пятно, это мог быть лес, и я решила искать убежище там.

Все мои мысли были направлены на это, так что я сразу обратила внимание на изменение атмосферы вокруг себя. Мне стало как-то неприятно — чувство, не имеющее ничего общего с наступлением ночи, и через некоторое время у меня появилось впечатление, что меня преследуют. Это ощущение было так сильно, что я все время оглядывалась и иногда на минуту останавливалась, чтобы оглядеться вокруг. Мне бросилось в глаза все более увеличивающееся количество птиц вдоль дороги, которые все чаще пролетали над самой моей головой.

Мысль искать защиты у деревьев, которые теперь выселились передо мной, показалась мне теперь угрожающей. Это был огромный лес, простирающийся далеко на север и на юг. Я почти уже решила остановиться там, где я была, на краю поля, на котором могло находиться так много всего, когда я туда глядела. Но я все же пошла дальше. Дорога становилась все уже, обочины исчезли, и надо мной нависли ветви, словно деревья по обеим сторонам дороги хотели слиться друг с другом.

И в листве, и между деревьями я слышала долгие шорохи. Я видела белок, лисиц, других зверей и не могла представить себе никаких безопасных для меня причин этой активности. Мне, скорее, казалось, что меня сопровождала и наблюдала за мной лесная охрана, состоящая из зверей и птиц — и у меня против нее не было никакой защиты! Хотя я и старалась найти место, которое могло послужить мне укрытием от наступающей ночи, но не видела нигде ничего, куда бы я могла сойти с дороги.

Но потом я подошла к месту, где дорога разветвлялась, и каждое ответвление было не шире обычной тропинки. И в центре между разветвлявшимися тропинками находился маленький островок земли, на котором возвышался земляной холмик, а на его плоской вершине стояли три каменные колонны, и средняя из них была выше двух других.

Странно, пока я смотрела на эти колонны, большая часть моего неприятного ощущения исчезла. И хотя это место было ничем не защищено, я чувствовала, что меня тянуло на эту площадку. Я взобралась наверх, развернула подстилку, опу-

стилась на землю и прислонилась спиной к средней из колонн.

Я снова поела того, что мне удалось добыть, хотя далеко не столько, сколько мне хотелось бы. Мне хотелось пить и было трудно глотать сухой хлеб.

Между тем, солнце зашло, и я накрыла плечи подстилкой. Лес был полон звуков, но я устала и ослабла, и, несмотря на то, что все время прислушивалась к этим звукам, уснула.

И проснулась в темноте. Сердце мое сильно билось, и я тяжело дышала. И все это не было дурным сном, от которого я очнулась. Лунный свет вокруг меня был очень ярок, и колонны блестели серебром.

Мне снова показалось, что я вслепую брожу по комнате, в которой находится сокровище, имеющее для меня огромное значение. Я могла только догадываться, что же это было. Я чувствовала, что меня затянуло в какое-то место, где властновали Силы, но какие это были Силы, Добрые или Злые, я не знала. Во мне не было страха, только подавленность, потому что я не могла воспринять информацию, которая была для меня чрезвычайно важна, но которая обходила меня стороной.

Я сидела под своей серебристой колонной, не ощущая никакого страха, и ждала.

В лунном свете появилась покрытая пеной лошадь. Ее всадник так внезапно натянул поводья, что животное встала на дыбы и лягнуло передними копытами. Всадник-Оборотень!

Лошадь заржала и снова лягнула, но всадник тотчас же ее осадил. И тогда я увидела фигуру на его шлеме. Я вскочила, и подстилка упала с моих плеч. Я протянула ему руки.

—Херрел!

Он слез с коня и пошел ко мне. Но шлем скрывал его лицо, так что я не могла видеть его выражения.

Было похоже, что после долгих странствий по зимней ночи я открыла дверь гостеприимного дома, из которого струились свет и тепло, и которая обещала близость других людей. Я выбралась из безопасности моего освещенного лунным светом островка и побежала к тому, кто с такой же скоростью помчался мне навстречу.

— Херрел!— Но между нами внезапно возник зеленый свет, угрожающий и опасный, как змея, и когда он опять исчез...

Над обнаженными клыками на меня уставились зеленые глаза дикой кошки, и здесь уже не было ничего, к чему я так стремилась.

— Херрел! — Я не знала, почему снова выкрикнула его имя. Ведь он больше не был человеком.

Я отпрянула назад, когда огромный зверь с серебряным мехом плотно припал к земле, изготовившись для прыжка, и знала, что вижу в его глазах смерть. Я почувствовала своими плечами твердую землю холма, но не отважилась повернуться спиной к угрожающей мне смерти, чтобы снова вскарабкаться наверх к колоннам, у которых могла найти хоть какое-то убежище.

У меня за поясом был нож, но я знала, что не смогу устранить сталью эту грозящую мне опасность. Я пристально смотрела в эти звериные глаза и не могла найти в них ничего человеческого. Но в этом звере было что-то от Херрела, скрытое, задавленное, но оно было тут. И если всю свою волю я устремлю на этого скрытого человека, тогда, может быть, мне удастся снова вывести его на поверхность.

— Херрел... Херрел... — умоляла я больше мысленно, чем вслух. — Херрел!

Но не произошло никаких изменений. Короткий звук вырвался из его поросшего мехом горла, и моя воля была окончательно парализована, когда круглая голова с плотно прилегающими к ней ушами поднялась и чудовище издало долгое рычание, как тогда, при нападении на охотников из Ализона. Но я попыталась бороться дальше.

— Херрел! — Животное качнуло головой взад-вперед, а потом встрихнулось, словно отгоняя от себя что-то неприятное.

— Херрел! Ты человек, а не зверь! Ты человек! — Я кричала это ему, потому что была убеждена в том, что внутри этой кошки скрывается человек. Или того, кого я знала как Херрела, больше не существовало? Я закрыла глаза, потому что моя воля отступила перед нахлынувшими на меня отвращением и яростью, которые исходили от него.

Боль горячей волной пронзила мою руку, которую я успела поднять в последнюю секунду, защищая лицо. Что-то тяжелое прижало меня к земляному холму так, что я не могла пошевелиться. Я не глядела на то, что меня прижало, я не могла вынести этого.

— Джиллан! Джиллан!

Меня обняли руки мужчины, а не лапы зверя, которые должны были рвать мое тело. Голос, хриплый от боли и страха, а не шипение кошки.

— Джиллан!

Я открыла глаза. Его лицо склонилось надо мной, и я прочла на нем выражение такой муки, что сначала удивилась.

— О. Джиллан! Что я тебе сделал?

Потом он поднял меня, словно я была как перышко, и понес на площадку на вершине холма. Он положил меня на меховую подстилку и осторожно вытянул мою раненую руку. Разорванный рукав рассыпался на два больших куска материи и обнажились глубокие кровоточащие раны. Он издал странный звук, увидев их.

— Херрел?

Теперь его взгляд встретился с моим. Он кивнул.

— Да, теперь я Херрел. Да съест желтая гниль их кости за то, что они сделали с тобой! В этом лесу есть лечебные травы, я пойду поищу их...

— В моей сумке есть лекарство... — Боль, как жидкий металл, захлестнула мою руку до самого плеча, так что я едва могла дышать, и колонны в лунном свете начали колебаться перед моими глазами. Я чувствовала, как Херрел достал сумку из под моего платья и попыталась показать ему, какую мазь он должен был взять. Когда он положил свою руку на мои раны, я вскрикнула и погрузилась в ничто, в котором не было ни боли, ни мыслей.

— Джиллан! Джиллан!

Мне не хотелось покидать это лечебное ничто, но голос звал и звал меня.

— Херрел?

Он опустился возле меня на колени, и его лицо было худым от усталости. Он поднял руку, словно хотел коснуться моей щеки, но потом снова опустил ее.

— Джиллан, как ты себя чувствуешь?

Я пошевелила рукой, но ощутила только следы боли. Я осторожно приподнялась. Рука моя была забинтована, и я почувствовала острый запах хорошо знакомой мне мази; так, значит, он развернул мою сумку. Когда я начала двигаться, на меня упало несколько капель крови, и среди этих капель я увидела маленькие кусочки разорванных листьев, которые пахли лекарственными травами. Я лежала, покрытая плотным слоем этих листьев.

— Как ты себя чувствуешь? — снова повторил Херрел свой вопрос.

— Хорошо, мне кажется, хорошо.

— Но не все так хорошо. Времени у нас в обрез!

— Что ты имеешь в виду? — Я зачерпнула горсть крови и листьев, чтобы вдохнуть их запах.

— Ты разделена...

— Я знаю это.

— Но, возможно, тебе известно не все. На некоторое время возможно из одного человека сделать двоих, хотя это и злое дело. Но если эти двое не сойдутся снова, одна из вас погибнет...

— Другая Джиллан? — Кровь и листья выпали из моей руки, и я снова почувствовала холод внутри, и меня снова куда-то потянуло.

— Или ты, — он, наверное, прочитал по моему лицу, что я его не поняла. — Они сделали это потому, что думали — ты умрешь в горах или в пустыне. Эта страна имеет мощную защиту.

— Я знаю это.

— Они не верили, что ты сможешь выжить. И когда ты умрешь, останется только та Джиллан, которую они взяли с собой, и она будет жить, хотя и будет такой, как ты, кроме самой маленькой частицы. Когда ты пришла в Аррон, они узнали об этом. Они узнали, что их страну побеспокоило какое-то чужое существо, и поняли, что это ты. Итак, они снова использовали магию...

— И послали тебя, — сказала я мягко, и он ничего не ответил.

Он повернул свою голову так, чтобы я могла видеть его лицо, и на нем была написана такая боль, что я не могла найти слов, чтобы облегчить его мучения.

— При нашей первой встрече я рассказал тебе, что я не такой, как все остальные. Они могут меня принудить, если захотят, или ослепить мои глаза, когда это будет им нужно. Когда они привели с собой ту, другую Джиллан, она отвернулась от меня и отдала предпочтение Хальзе, как тому хотелось с самого начала!

Я испугалась Хальзе! Другое мое «я» действительно находилось в руках Хальзе, и она действительно отдала ему свое предпочтение? Стыд пронзил меня пылающим огнем. Нет.. нет..

— Но я же здесь — наконец смущенно сказала я. — У меня есть тело... я...

Но было ли это так на самом деле? В этой стране я была только привидением, так же, как здешние люди были для меня такими же нереальными. Я провела рукой по ранам, радуясь боли, которая последовала за этим движением, потому что я почувствовала реальность своего тела.

— Ты — это ты, и она тоже — ты, часть тебя. И пока вы обе — малые и слабые части одного целого. Вот если бы ты погибла, тогда она стала бы полноценной для целей Хальзе. Мои братья по отряду боятся тебя, потому что тебя нельзя

удалить, как других. Поэтому они воздействуют на тебя с помощью колдовства, Джиллан, которым могут удалить тебя.

— И если ты...

Он снова прочитал мои мысли:

— Если я убью тебя, как они рассчитывали. Им было все равно, узнал бы я правду или нет. Они, видно, не боятся меня, но если бы я сделал с собой что-нибудь из-за этого вынужденного убийства, это было бы для них только правильно. Для них это был тонкий план.

— Но ты же не убил меня!

Выражение его лица оставалось мрачным.

— Посмотри на свою руку, Джиллан. Нет, я тебя не убил, но я тебя ослабил, и это тоже пригодится им. Время — наш враг, Джиллан. Чем дольше вы будете разделены, тем сильнее ты ослабеешь и, может быть, объединяться вам будет слишком поздно. Будет лучше, если ты узнаешь правду.

— Я думаю, что ты можешь больше, чем думаешь о себе, — мужественно произнесла я. — Иначе почему ты не выполнил возложенного на тебя задания? Колдовство — могущественная сила, и ее нельзя так легко преодолеть.

Херрел посмотрел на меня.

— Не думай обо мне так хорошо, Джиллан. Я благодарю высшие силы за то, что так вовремя очнулся от околдовавших меня сил. Или это ты меня разбудила, потому что твой голос донесся до меня в бесконечную тьму, куда они меня загнали... Если ты сможешь ехать, то мы должны немедленно отправиться в путь и должны настичь отряд...

Он помог мне встать, но накрыл меня не моей тяжелой меховой подстилкой, а своим плащом. Потом он взял меня на руки и понес по склону холма к дороге. Лунный свет померк, рассвет был уже недалеко. Херрел свистнул, и его конь подошел к нам. Херрел усадил меня в седло, а сам сел сзади. Его жеребец, казалось, и не заметил двойного груза.

Пока мы ехали, мне было тепло и удобно в объятиях Херрела.

— Не понимаю, почему Хальзе так домогается меня, — начала я. — Только ли это уязвленная гордость и досада от того, что ты получил невесту, а он — нет?

— Так было вначале, — ответил он. — А потом он делал это из-за того, что ты не такая, как остальные. Это была единственная возможность привязать тебя к нам. Когда это не удалось, ты стала жертвой того, что они захотели с тобой сделать.

— Последняя возможность?

— Той ночью, когда ты отвергла меня, ты не отдалась мне, потому что все наши заклинания оказались бессильными.

Я была рада, что он сидел позади меня и не мог видеть моего смущения.

— Ты тогда назвал меня колдуньей, — сказала я после долгого молчания. — Ты сделал это в гневе?

— В гневе? Какое право я имел сердиться? И назвал тебя так потому, что думал, что ты и есть колдунья. И поэтому тебе не оставалось ничего другого, как только отвергнуть меня.

— Колдунья, — повторила я задумчиво. — Но я изучала только искусство врачевания, а это — не колдовство. Если бы я была тем, что ты сказал, то никогда бы не жила в монастыре. Они выгнали бы меня оттуда через час после моего прибытия.

— Колдовство — это не так плохо, как думают люди Дейла. В тебе есть какая-то другая кровь, которая ответственна за все это. Она должна дать тебе не только умение пользоваться своими силами, но и власть над ветром и водой, землей и огнем — это твое естественное дарование, и никто не может тебя этому обучить. В старые времена Арвон не был закрыт от остального мира, и мы знали о других народах по ту сторону моря, которые, как и мы, рассматривали колдовство как образ жизни. Там есть страна, в которой живут колдуньи. И пока мы странствовали по степям, то много слышали об этой стране. Она тоже находится на закате своего существования, потому что так же стара, как и Арвон. Но в Эсткарпе все еще есть колдуньи, и Ализон ведет с ними войну.

— И ты думаешь, что во мне течет кровь этих колдуний?

— Да. Ты не изучала искусства колдовства, но в тебе есть силы. И еще одно. Если колдунья отдаст свое тело мужчине, она утрачивает свои колдовские способности.

— Но если все это именно так, то как же существует их народ?

— Говорят, что они вымирают. Но это тоже не совсем так. Время от времени колдуньи выбирают тех, кто готов принести себя в жертву. И потом, не все женщины в этой стране колдуньи, хотя они рожают дочерей, у которых есть такие способности. И каждой, которая обладает ими, нелегко от них отказаться.

— Но я же не знала обо всем этом. Я не настоящая колдунья.

— Если в тебе есть способности, они сами постараются направить тебя на правильный путь.

— А другая Джиллан?

— Джиллан, которую они постарались создать — не колдунья. Они не решились идти на такой риск.

С каждым словом Херрел все глубже проникал в пустыню моего опустошения.

— Херрел... когда я на мгновение вернулась к другой Джиллан там, в палатке, и звала тебя... ты меня узнал?

— Да, я тебя узнал и понял также, что произошло.

— Они уволокли тебя прочь, и тогда Хальзе прогнал меня от нее.

— Да.

— Если бы они не послали тебя, ты отправился бы, чтобы отыскать меня?

— Я пошел по их приказу, — он отклонил мой вопрос.

И внезапно я поняла.

— Ты пошел, потому что они использовали твое желание найти меня, поэтому они и смогли заколдовать тебя. Если бы между нами не было бы никакой связи, они, должно быть, не смогли бы тебя послать, — я услышала позади себя тяжелое дыхание. — И потому, что ты все время думал обо мне, Херрел, ты и смог разрушить это колдовство. Не забывай этого! Потому что я никогда не слышала о человеке, который смог бы воспротивиться наложенному на него колдовству, — я положила свою руку на его, которой он держал повод. — Слишком долго ты признавал эту мою оценку, Херрел. Благодари меня за то, что я взяла твою накидку, в то время как другие смеялись, когда ты клал ее. И до сих пор нам удавалось разрушить все их злое колдовство. И ты тоже не отказался от борьбы, иначе ты не стал бы догонять свой отряд. — Я замолчала. Но когда он ничего не ответил, продолжила: — Я видела тебя, как должна была видеть заколдованными глазами невеста, видела как Всадника-Оборотня, как зверя, и думаю, что, может быть, есть и другие Херрелы, которых я не знаю, но все они настоящие. Потому что у правды множество лиц. Но я выбрала тебя, и не раскаиваюсь в своем выборе.

Он долго ничего не говорил, только его руки крепко обнимали меня. Серый рассвет вокруг нас становился все ярче, и жеребец равномерной рысью нес нас к нашей цели.

— Ты все еще живешь надеждой, а это самая ненадежная вещь на свете. Джиллан, худшее еще впереди. Колдовство сломлено, но они не сложат оружия, Джиллан. И нам при-

дется пойти за ними. И чтобы что-то сделать, нам придется выступить против Всадников.

— Они встретят нас в обличье зверей?

— Тебя они могут встретить в обличье зверей, но меня — нет. Мы должны потребовать от них соблюдения устава отряда, если у меня есть шансы что-нибудь потребовать. Я могу потребовать у Хальзе удовлетворения мечом за то, что он взял себе другую Джиллан. И, имея тебя, я могу это доказать.

— И если тебе удастся добиться этого?

— Если я добьюсь этого, то могу потребовать у Хальзе сатисфакции, а может быть, и у других. Но они всеми силами постараются помешать этому.

— Почему я могу видеть только иллюзию этой страны, если я не напрягаю всю свою волю? — спросила я у Херрела немного погодя.

— Ты пришла сюда не через Врата, а через горы. — Он снова крепко обнял меня. — А горы эти полны ловушек. То, что ты там прошла и уцелела — это тоже колдовство — твое колдовство. Расскажи мне, каким путем ты пришла.

Я сказала ему все с момента моего пробуждения в покинутом лагере и, когда я рассказывала ему о прибытии ализонцев, то услышала, как изменился ритм его дыхания. И после того, как я рассказала ему, каким образом мне удалось избавиться от них, он сказал:

— Это и было настояще колдовство! Ты не можешь отрицать свою одаренность. Я почти убежден, что таким же образом ты можешь вызвать на борьбу весь отряд и все же невредимой ускользнуть от них...

Когда я рассказала ему о своей борьбе между изменчивыми камнями, он кивнул:

— Это были руины Кар Ре Доган, созданной с помощью колдовства как крепость против зла, которое когда-то бродило по всей пустынной местности, но с тех пор прошло много времени. Ты нашла очень древний путь, которым представители нашей расы не пользовались вот уже много тысячелетий.

Я рассказала ему о световом барьере и каким образом его преодолела, а потом о дороге, которая привела меня к площадке охранников.

— Место захоронения Королей, — объяснил Херрел. — Они царствовали здесь в прежние времена. Когда мы впервые пришли в Арвон, в народе, еще жившем там, было немногого их крови. Мы смешались с ними и переняли некоторые из наиболее ценных их обычаев. У них была привычка хоронить своих королей стоямя, чтобы они могли смотреть на проис-

ходящее снаружи. И если их потомкам требовался хороший совет умершего короля, они шли туда и оставались там на ночь, чтобы воспринять во сне их мудрость. Они также выполняют роль охранников этой страны.

— Я чувствовала, что меня проверяли, но мне позволили пройти.

— Потому что они узнали о родстве своих сил с твоими...

Я рассказала ему остальное. Потом мы сделали остановку у ручья, где я утолила свою жажду. Все же я чувствовала себя очень ослабевшей и сказала об этом Херрелу.

Он избегал моего взгляда.

— Теперь они уже знают, что я не выполнил их приказа и теперь они вытягивают из тебя жизненные силы, чтобы влить их в другую Джиллан и сделать ее более сильной. Время — наш враг, Джиллан. Они не могли убить тебя никакими способами, но они смогут ослабить тебя так, что будет уже поздно что-либо предпринимать.

Я взглянула на свои руки. Они дрожали.

— Херрел, эта страна, по которой мы едем, действительно пуста, или здесь есть жизнь, которую они могут использовать против нас?

— Здешние места не так населены, как равнина по ту сторону леса, здесь есть только отдельные дома и замки. Будь ты одна, они приказали бы пограничникам, на которых ты наткнулась в гостинице, выступить против тебя. Но теперь ты едешь вместе со мной, и все остальные рассматривают это как личное дело Всадников.

— Херрел, разве в Арвоне нет никаких законов, никаких прав? Разве мы не можем обратиться к верховному правительству и попросить соблюдения закона?

Херрел покачал головой.

— Всадники не подчиняются этим законам, и ты тоже пришла из другой страны. Нас не приводят к присяге. Новые власти не могут запретить нам въезд в Арвон, потому что это наше право по рождению, и условия древних договоров должны выполняться. Позже Всадники могут наняться на службу к одному из семи Лордов. Но сейчас с нами никто ничего не может поделать, пока они выступают только против кого-нибудь из своей группы — против меня или против тебя, чужестранки из Дейла.

Херрел достал из седельной сумки еду, и мы поели. Это подкрепило меня, и тело мое наполнилось новой жизнью. Я не могла поверить, что другие Всадники ослабили меня, чтобы дать силы новой Джиллан.

— У тебя здесь нет никаких родственников, Херрел? — спросила я. — Ты же не всегда был только Всадником. Разве ты никогда не был ребенком, у тебя не было матери, отца и, может быть, даже братьев и сестер?

Он снял свой шлем, присел у ручья на колени и зачерпнул руками воду, чтобы умыть лицо.

— Родственники? О да, у меня, конечно, есть те, которые пережили время и изменения. Но так же, как ты не принадлежишь к народу Дейла, но нашла у них убежище, так и я не полностью принадлежу к народу Оборотней. Моя мать происходила из дома Кар До Пра на севере. Она поддалась любовному колдовству одного из Всадников-Оборотней и последовала за ним через горы. Ее отцу заплатили деньги, чтобы увезти ее с собой, и я не знаю, пошла ли она с ним добровольно, или он увел ее силой. Когда родился ребенок, его приняли как ребенка Всадника. Но тогда, когда я был еще очень мал, то однажды изменил свое тело — может быть, я был рассержен или испуган — и мое происхождение стало ясно видно. Я был больше Всадником-Оборотнем, Красным Плащом, и они отправили меня к Серым Башням. Но я был все же полукровкой, а не настоящим Всадником. Со временем мой отец стал для меня таким же чужим, как и мой клан в Кар До Пра. Я не мог ждать никакой помощи и от клана Красных Плащей.

— Но твоя мать...

Он пожал плечами.

— Я знаю ее имя — леди Элдрис, и это все. А мой отец... — Он поднялся и, отвернувшись, взглянул вдаль. — Мой отец среди тех, кто причинил тебе зло. Его гордость уязвлена тем, что его сын, всего лишь полукровка.

— Херрел... — Я подошла к нему и положила свою руку на его, но выражение его лица все еще было отсутствующим.

Херрел свистом подозвал своего жеребца и, наконец, обратил на меня внимание.

— Пора ехать.

Мы снова вернулись на дорогу и долго ехали молча.

— Разве нет другой возможности, кроме как догонять Всадников? — спросила я наконец.

— Мне кажется, у меня есть план или только намек на план, — ответил он, и я не стала настаивать.

Уже под вечер мы снова подъехали к месту, где дороги разветвлялись таким же земляным холмиком, как и на предыдущей развилке. Но на этом холме стояла только одна колонна в самом центре. Херрел натянул поводья.

Он поднял меня, снял с седла и поставил на землю.

— Заберись наверх и обещай мне, что останешься у подножия колонны, пока я не вернусь. Там ты будешь в безопасности.

Я схватила его за руку.

— Куда ты идешь?

— Я должен найти то, что нам должно сегодня помочь. Подумай о том, что у подножия колонны ты будешь в безопасности. Там может находиться только тот, у кого добрая душа и чистые помыслы.

Я послушалась его и вскарабкалась на площадку на вершине холма. И снова почувствовала себя такой слабой, что с готовностью опустилась на землю у подножия колонны. Херрел съехал с дороги и поехал по равнине. Временами он слезал с лошади и, как мне показалось, рассматривал выступающие корни самых высоких деревьев. Может быть, это все еще была часть леса, но деревья стояли здесь друг от друга на значительном расстоянии и были довольно низкими. Херрел внимательно осматривал их. Наконец он начал копать своим мечом землю под одним из деревьев. Он рубил корни и собирал их в пучок. Потом вернулся ко мне, бросил пучок корней у подножия холма, и я увидела, что это действительно были корни или обрывки корней. Он еще трижды выкапывал, отсекал и приносил сюда обломки сухих корней, пока их не набралось достаточно для того, чтобы образовать из них выровненную кучу конусообразной формы. Потом он взобрался ко мне наверх, принес свою седельную сумку с продуктами и фляжку, наполненную свежей водой из ручья.

— Что ты хочешь делать со всем этим? — Я указала на кучу корней. И, когда он промолчал, спросила: — Скажи мне, что ты хочешь делать, Херрел? Может быть, это защита от нападения врага?

Херрел улыбнулся:

— Ты права, это действительно для меня щит и меч — самое лучшее, что только можно пожелать, Джиллан. Ладно, слушай, что я хочу сделать. Я не хочу ждать, пока они по своему желанию назначат время и место сражения. Я хочу определить это сам и поэтому вызываю их сюда! Когда взойдет луна, я подожгу эту кучу корней, и это привлечет их сюда...

— Сложное колдовство?

Теперь он рассмеялся.

— Сильное колдовство. И при этом произойдет вот что: пламя, поднявшееся над кучей горящего дерева, которое так же старо, как и мы, высветит их низменную натуру. Никогда

за все тысячелетия существования Дейла никто не мог заставить Всадника-Оборотня отвечать, когда кто-то обнаруживал его генеалогическое дерево. Я не думаю, что они ожидают от меня такого вызова. Они думают, я удовлетворен, ничем не возмущен и живу только одной надеждой. Поэтому, если я вызову их сюда, то должен быть готов встретиться со всем их могуществом...

— И ты думаешь, что можно...

— Будет ли счастье на нашей стороне — это решится сегодня ночью, Джиллан. Я не знаю, в каком облике они появятся, но когда я назову имя Хальзе и потребую права меча, они вынуждены будут признать мои права. И тогда я смогу действовать...

Херрел знал свой отряд и эту страну, он не выбрал бы этот рискованный путь, если бы был другой. Наши шансы были исчезающе малы.

— Херрел, когда мы вызовем их, у меня не будет права потребовать у них удовлетворения?

Он вынул свой меч и провел кончиками пальцев по его лезвию.

— Существует такой обычай, но...

— Говори же!

— Если ты в свете пламени костров сможешь назвать имя оборотня, тогда он снова примет человеческий облик. И тогда ты сможешь потребовать у него права крови и попросить меня выступить в качестве защитника твоих прав. Но если ты неправильно назовешь имя того, кого ты вызвала, то он может потребовать этого от тебя.

— А если нам удастся победить?

— Ты получишь право требовать свое — другую Джиллан. Но если брошу вызов я, то, возможно, они выступят против меня всем отрядом, и у меня не будет другого выбора, кроме как между жизнью с позором и смертью.

— Ты думаешь, я смогу узнать Хальзе? Он — медведь.

— Звери, которых ты видела — не единственные образы, которые мы можем принимать, а только самые употребительные. Но при таких обстоятельствах, как эти, он не будет медведем.

— Но ты можешь мне помочь...

Херрел покачал головой.

— Я не смогу сделать этого ни словом, ни делом, ни жестом, ни даже мыслью! Назвать имя — это только твое дело, и только ты в этом сможешь преуспеть или потерпеть поражение.

ние. Когда ты встанешь перед ним с мечом, ты будешь тем, кто бросает вызов.

— У меня есть двойное зрение. Разве оно не поможет мне?

— Как хорошо оно служит тебе теперь? — спросил он.

Я задумалась о туманных домах, которые я случайно заметила во второй половине дня, и моя уверенность исчезла.

— Риск велик, — продолжал Херрел. — Я сам брошу вызов и буду действовать как смогу...

Голос его звучал решительно, но я еще не сдалась. Я прислонилась к колонне и провела руками по древнему камню. Вот если бы ко мне вернулось мое проникающее двойное зрение хотя бы на несколько мгновений, которые были необходимы для того, чтобы назвать настоящее имя! Я лихорадочно искала пути разрешения этой проблемы. В моей сумке с лекарствами были травы, которые проясняли голову и обостряли разум, а около них были и те, которые излечивали многие болезни. Моя раненая рука больше не болела. Наверное, была возможность усилить мои силы настолько, насколько это было необходимо.

— Херрел... пожалуйста, подай мне мою сумку.

Он изучающе поглядел на меня, словно попытался прощать мои мысли и понять мой план, но потом взял сумку и положил ее мне на колени.

— Сколько времени у нас осталось до их прихода? — спросила я.

— Не знаю. Я зажгу костер, когда взойдет луна, а потом будем ждать.

Это было слишком неопределенно. Я взяла сумку и нашла в ней маленький флакончик, сделанный из кварца.

— Что ты хочешь сделать?

Я разжала руку. Кварц засветился в полутьме.

— Мой Лорд, ты когда-нибудь слышал о моли?

Он посмотрел на меня.

— Откуда это у тебя?

— Из сада, где мы выращивали травы. Монашка Алюзан использует это, но не для колдовства, а потому что у этих настоев целебные свойства, которые могут защитить от колдовства. Я использовала свои знания только дважды, в последний раз на войне, который утверждал, что Всадник-Оборотень взглянул на него дурным взглядом, и с тех пор его руки и ноги стали беспомощны. Была ли это болезнь, порожденная страхом, или это было настоящее колдовство — не знаю, — я улыбнулась. — Но после того, как в течение трех дней он принимал по несколько капель в день

настое из этой травы, он снова мог ходить и даже бегать. Это значит, что моли обладают и другими свойствами. Она может разрушать иллюзии...

— Но ты же не знаешь, кто придет и при ком надо это употребить...

— Это неважно. Это ведь мои иллюзии, которые я должна разрушить. Но я не отваживалась сделать это раньше. И я также не знаю, сколько времени пройдет, пока настой окажет свое действие. Если я приму его не вовремя, настоящее зрение придет ко мне или слишком рано, или слишком поздно. Ты не сможешь меня предупредить?

— Это огромный риск...

— Все, что нам предстоит сегодня сделать — к лучшему. Не лучше ли нам так и поступить?

— А если ты ошибаешься?

— Нужно верить в удачу. Ты можешь меня предупредить?

— Я могу сказать тебе, когда они будут приближаться, хотя их не будет еще видно. Потому что я тоже буду следить за знаками в пламени и узнаю, насколько они сильны.

Этим я и удовольствовалась. Но когда мои пальцы обхватили выдолбленный кусочек кварца, я поняла, как ничтожна была наша надежда.

Пока мы ждали восхода луны, я попросила Херрела рассказать мне об Арвоне и тех, кто живет в этой местности. Оказалось, что все, кто живет в Арвоне, сведущи в магии, но только в различных ее видах и различной степени. Имелись adeptы, которые жили в одиночестве, погруженные в изучение нашего мира и времени, и они почти никогда не принимали человеческий облик. Зато народ, который жил в замках, четыре клана: красные накидки, золотые накидки, синие накидки и серебряные накидки, — очень мало пользовались магией, и поэтому очень много времени они проводили в человеческом облике. Между этими двумя крайностями было огромное количество других, чуждых обычновенным людям, форм жизни: Владники-Оборотни, те, кто отдали свои силы и могущество на службу кланам; раса, живущая в реках и морях, и раса, представители которой никогда не отходили далеко от лесов, и еще другие расы, которые никогда не меняли свою внешность животных, но все же были разумными и сильно отличались от животных, живших в нашей стране.

— Я почти уже поверила, в этом твоем Арвоне имеется множество чудес, — сказала я наконец. — Что можно вечно

скитаться по нему, смотреть и слушать, и все же ничего не понять.

Херрел встал и соскользнул по склону холма к куче корней. Тут я увидела, что на небе появилась серебристая луна. Херрел ударили мечом в центр кучи сухих корней и высек споп зеленых искр. Дерево загорелось, но не ярким пламенем, а, скорее, затлево. Херрел трижды ударял мечом, и каждый раз острие его глубоко погружалось в кучу корней. И наконец, вверх поднялся маленький язычок пламени, и в небо потянулся серо-белый столбик дыма.

Херрел поднял голову. Глаза его блестели зеленым и тени скользили по лицу. Но перед ним не появлялся никто, а он все стоял с обнаженным мечом в руке. Наконец, он повернул голову ко мне и сказал:

— Их влечет сюда...

Я встала. Он не пошевелился, чтобы помочь мне спуститься с земляного холма, казалось, он был прикован к своему месту. Я подошла к нему и протянула свою правую руку. В левой руке я сжимала кварцевый флакончик.

— Твой меч, воин.

Херрел с трудом пошевелился, словно борясь против чего-то, чтобы протянуть мне меч. И мы стали ждать, стоя у костра. Луна освещала дорогу, но там не двигалось ничего и нигде, насколько я могла видеть. Через некоторое время Херрел заговорил, и его голос прозвучал так, словно он находился далеко от меня.

— Они идут.

Как близко были они или как далеко?

Когда я должна использовать защиту, которую давала мне пара капель золотистой жидкости? Я вытащила пробку и приложила флакончик к губам.

— Они скоро...

Я выпила. Жидкость была острой и неприятно щипала язык. Я быстро проглотила ее. Дорога оставалась пустой недолго. Это были не звери, не птицы, как я ожидала, несмотря на предупреждение Херрела, а множество непрерывно изменяющихся форм и фигур: от воина к лошади, которая оседала и превращалась в ползущее на животе чудовище; чешуйчатый дракон, который встал на дыбы, превратившись в человека, но в человека с крыльями на плечах и лицом демона. Все беспрерывно изменялось, и мне стало ясно, что я была слишком самоуверенна. Как я могла среди такого множества издевающихся надо мной масок найти Хальзе? Если моли не поможет моему двойному зрению, я буду побеждена

прежде, чем начнется борьба. Я постаралась сконцентрировать свое внимание на какой-нибудь одной фигуре в этом хаосе растворяющихся и снова формирующихся существ. А потом...

Из моей руки, сжимающей рукоятку меча Херрела, вылетело голубое пламя и окутало клинок. И я увидела...

За сетью изменяющихся форм я увидела человекаобразных существ, которые сконцентрировались на том, чтобы поддерживать эту колдовскую картину, которую они сплели.

— Язываю вас! — громко сказала я.

— Всех или одного?

В действительности ли я услышала это или это был только мысленный ответ, который я восприняла?

— Одного, от которого зависит все.

— И что это за «все»?

— Мое другое «я», колдуны!

Я изо всех сил удерживала свое двойное зрение. Хальзе, да, я нашла его, был слева от того места, где стояла я.

— Ты назовешь имя, колдуны?

— Я назову имя.

— Согласны.

— Согласны во всем? — Продолжала настаивать я.

— Во всем.

— Тогда... — Я указала мечом на Хальзе, —зываю среди вас Хальзе.

Тени забурлили и забушевали еще сильнее, затем они слились и исчезли. Перед нами стояли люди. Хирон вышел вперед.

— Ты назвала имя правильно. Что ты требуешь теперь?

— Это требование — одно из моих прав, — рука моя скользнула по рукоятке меча, и я протянула его Херрелу, чьи пальцы в то же мгновение перехватили рукоятку.

— Да будет так! — Хирон говорил так, словно оглашал смертный приговор, и это относилось к нам, а не к одному из его спутников. — По обычаю отряда? — спросил он Херрела.

— По обычаю отряда.

Теперь все мужчины задвигались. Хирон снял накидку со своих плеч и положил блестящую шкуру лошади на дорогу. Харл и трое других сняли свои шлемы и положили их по углам накидки так, что гербы их были обращены внутрь. На расстоянии одного метра от краев накидки глубоко в почву четверо мужчин воткнули четыре меча. Четыре других накидки скатали валиками и положили между мечами так, что образовался четырехугольник.

Хальзе отложил свою накидку и свой щит в сторону и подошел к накидке Хирона. Херрел встал перед ним. Хальзе улыбнулся — я уже видела у него такую улыбку и ненавидела его за нее — улыбку того, кто уже протянул руку, чтобы схватить то, что он считал своим.

— Итак, у нее гораздо больше сил, чем мы думали, неудачник. Но теперь она допустила ошибку, потому что выбрала меч и тебя, чтобы действовать им.

Херрел ничего не ответил. Лицо его было лишено всякого выражения. Он бросил взгляд на Хирона, который вышел в центр лошадиной шкуры и теперь стоял между двух бойцов.

— Это поле боя. Вы будете сражаться, пока у одного из вас не пойдет кровь или кто-то не переступит край поля боя. Тот, кто хотя бы одной ногой переступит край, считается сбежавшим с поля боя, и все права на победу переходят к другому.

Потом он повернулся ко мне.

— Если ты потеряешь своего бойца, ты будешь принадлежать нам, и мы сделаем с тобой все, что захотим.

Я знала, что он имеет в виду: они отадут остатки моих жизненных сил фальшивой Джиллан. И это наполнило меня еще большим страхом. Но я надеялась, что он не сможет прочитать по моему лицу, каких усилий мне стоит отвечать ему холодным тоном.

— Если ваш боец будет побит, мой Лорд, то вы добровольно отадите мне то, что вы похитили у меня. Это наш договор.

И хотя я больше не задала ему ни одного вопроса, он сказал:

— Это наш договор, — потом взмахнул платком в воздухе и крикнул: — Давай! — И спрыгнул с накидки.

Я не боец, который понимает толк во владении мечом, и думала, что Всадники, которые ходят на битву в обличье животных, такое умение сочли ненужным. Но, оказывается, они умели сражаться не только зубами и когтями, но и мечами.

Они кружили друг возле друга и не спускали друг с друга глаз, изредка атаковали один другого, чтобы проверить силы или ловкость противника. Медленное начало внезапно перешло в дикий танец и быструю смену ударов и контрударов звенящими мечами. Вел ли себя при этом правильно Херрел, не знаю. Но крови не было, и хотя однажды Херрел на полстопы сошел с накидки, он снова быстро вернулся на свое место.

Какое-то время я была так захвачена этой смертоносной игрой, что кроме этого не замечала ничего, что происходило

вокруг меня. Может, это была сила моли, которая обострила мой разум, но я внезапно осознала, что вокруг поля боя сконцентрировалась сила воли остальных. Может быть, эта злая воля и не могла физически ослабить Херрела, но она, как облако, нависала над ним и желала его поражения. Я сама очень хорошо ощущала желания этих людей, а Херрел давно уже ставил свою жизнь ни во что. Его гнев и необходимость заставляли его забыть обо всем и обо всех, но он все же оставался достаточно чувствительным, и теперь в нем прорастали семена сомнения. Я снова попыталась использовать свою волю в качестве оружия, на этот раз для того, чтобы применить ее как щит против злой воли отряда. И тут я сама испугалась, тут было нечто, что почти превосходило мои силы.

Мое двойное зрение отказалось. Я больше не видела двух мужчин, сражающихся на мечах, а только медведя, стоящего на задних лапах, и этими огромными волосатыми лапами пытающегося схватить кошку и раздавить ее, но та с шипением и фырканием увертывалась от него.

— Ты...

Это требование так резко привлекло мое внимание, взгляд мой оторвался от борьбы и я посмотрела на того, кто окликнул меня. Жеребец, мужчина, чудовище.

— Хирон, — назвала я его имя, и он стал человеком.

— Ты ошиблась, колдунья, когда выбрала себе половину...

Капитан Всадников, он хотел отвлечь меня, чтобы ускорить поражение Херрела?

— Я должна была выбрать лучшего среди вас?

— Ты дура! Взгляни на свои руки! Ты сама себя уничтожаешь! Каждый раз, когда ты теперь пользуешься магией, колдунья, ты сама уничтожаешь себя, а та, другая Джиллан, становится все сильнее! Скоро ты станешь просто тенью, а она получит твою плоть. И зачем тебе тогда будет нужна победа?

Пока он говорил, я почувствовала слабость. Моя рука в лунном свете была бледна и странно прозрачна. Рука тени...

Нет! Они только хотели меня отвлечь от сражающихся! Херрел отступил и опасно приблизился к границе из скатанных накидок. Если Хальзе не сможет его ранить, он будет пытаться опозорить своего противника, вытеснив его за пределы четырехугольника.

Нет! Я попыталась достичнуть Херрела, укрепить его силы и уверенность... Херрел, ты можешь... ты можешь победить медведя! Херрел...

— Дура... ты уничтожаешь...

И я почувствовала, что Хирон сказал правду, что мои старания поддержать Херрела означали мою гибель.

Но я должна была удержать туман поражения, который отряд насыпал на Херрела, должна была сломать их объединяющую волю, а это стоило мне так бесконечно много.

Я услышала крик, призыв, или это был клекот птицы, рев зверя, ржание жеребца? Я протерла глаза, чтобы лучше видеть. Кошка присела перед медведем, стегая себя хвостом и обнажив клыки, но одна задняя лапа медведя находилась за пределами ограждения. Хальзе должен был считаться сбежавшим с поля боя!

Они снова были людьми, все они были еще против Херрела, но исходящий от них туман поражения исчез, словно развеянный порывами ветра. Херрел поднял меч и острием указал на Хальзе.

— Он сбежал! — громко и требовательно произнес он.

— Он сбежал, — сухо подтвердил Хирон.

— Сделка есть сделка. Мы требуем все...

Когда Хирон не ответил, Херрел подошел к нему.

— Мы требуем все, — повторил он. — Или законы отряда больше не существуют? Я ведь могу подумать, что ты хочешь запретить нам воспользоваться нашим правом.

— Я не могу вам этого дать.

Херрел уставился на него, и в глазах у него запыпал зеленый огонь, но он все же продолжал оставаться человеком, а не кошкой.

— Ты сам объяснишь, почему ты потерял свою честь, предводитель Всадников?

— Я не могу дать вам того, чего у меня нет.

— Чего у тебя нет? Что же тогда стало с другой Джиллан, которую вы сами сделали?

— Посмотри, — Хирон указал на меня, — связь разорвана. То, что мы сделали, исчезло.

Связь разорвана... Я покачнулась. Где же теперь было то влечение, то притяжение, которое вело меня по этой дикой стране? Я больше не чувствовала этой связи... И услышала злорадный смешок.

— Она сама себе сделала это, — сказал Хальзе. — Она воспользовалась своей силой, и это уничтожило ее. Ухаживай за своей невестой, пока еще можешь, Херрел. Скоро она совсем превратится в тень!

— Что ты с ней сделал? — Херрел промчался мимо Хирона и схватил Хальзе. Его руки сомкнулись на горле противника, оба снова повалились наземь.

Остальные, наконец, оторвали Херрела от его врага и крепко держали, несмотря на все его старания освободиться и снова наброситься на Хальзе, лежащего на земле и тяжело дышащего.

Потом Хирон сказал:

— Мы поступили так честно, как только могли, но связь разорвана, и другая Джиллан исчезла...

— Куда?

— Она там, куда мы не можем последовать за ней. Она отправилась в другой мир, и когда связь оборвалась, она вернулась обратно в свой родной мир.

— Вы создали ее. На вас лежит обязанность вернуть ее обратно — или вы совсем потеряли всякое понятие о чести? — Херрел освободился. — Я требую все. Джиллан требует все, и ты присягнул нам в этом, — сказал он Хирону. — Теперь выполний свои обязательства!

Херрел подошел ко мне и коснулся меня рукой, но я не почувствовала его прикосновения. Я пыталась поднять руку. Она была тонкой и прозрачной. Связи больше нет... Я была слаба, бесконечно слаба и опустошена, и никогда больше ничего не буду ощущать...

— Другой мир, — повторил Херрел. — Пусть будет так! У тебя есть ключ к двери в этот мир, Хирон. Открой дверь, или с этого времени ты станешь клятвопреступником. — Он взглянул на остальных членов отряда, выстроившихся в ряд. — Все вы клятвопреступники.

— Ты не знаешь, чего требуешь, — возразил Хирон.

— Я очень хорошо знаю, чего требую; это ты нарушаешь договор. Я требую, чтобы нас обоих провели через ту дверь, и требую, чтобы вы своими силами поддерживали Джиллан, пока договор не будет выполнен. Вы допустили несправедливость, и теперь должны помочь исправить ее.

Хирон уставился на него, словно не веря своим ушам. Среди Всадников возникло движение и послышалось перешептывание, но Херрел не обратил на это никакого внимания. Все его внимание сосредоточилось на предводителе.

— Мы не можем сделать это здесь и сейчас, — ответил Хирон.

— А где и когда?

— В башнях.

— В башнях! — Херрел явно не поверил. — Вы сделали это в глуши, вдали от Брат, так почему же сейчас вы говорите, что ей надо вернуться назад? Так можете вы открыть для нас дверь в другой мир?

— Ты требуешь, чтобы мы помогли ей, как только сможем, но она должна пройти в дверь, и я не уверен, что мы сможем помочь ей в этом. А мы, кроме всего прочего, должны еще и сами закрепиться здесь, иначе можем потерять все.

Но все это я видела словно во сне. Руки Херрела обнимали меня и мы ехали дальше.

— Джиллан, ты должна держаться за жизнь. Джиллан... Джиллан, посмотри вокруг. Джиллан!

Солнце? Но ведь была ночь и двое мужчин — или звери? — сражались друг с другом. К моим губам прижался флакончик, и голос приказал мне выпить. Я послушалась, и туман перед моими глазами быстро исчез. Руки Херрела держали меня, и мы ехали галопом. Накидки развеивались на плечах у всех, кто ехал с нами. И теперь был день.

— Держись, Джиллан! — Это было желание Херрела, его голос и укрепляющее средство, которое меня поддержало. Но я воспринимала окружающее словно в каком-то сне, и оно не имело ко мне никакого отношения.

А потом оказалось, что я уже не сижу на лошади, а лежу на кровати или кушетке, и Херрел лежит возле меня. Вокруг этой кровати поднимался дым, клубящийся, волнующийся дым, который наплывал и окутывал меня, пока я сама тоже не заклубилась, не воспарила и стала его частью.

А потом... на земле лежала бело-серая зора, искалеченные деревья с серо-белыми остатками листьев Джиллан! Я должна была найти Джиллан! Где в этом чужом мире мне найти Джиллан? Джиллан? Моя воля задавала этот вопрос, Джиллан, где ты? Никакого ответа. Я пошла по этому пепельно-серому лесу все дальше и дальше. Я оглядывалась вокруг, но тут не было ничего, кроме этого мертвого леса, в сером свете ничего не двигалось.

Как долго я блуждала? Между деревьев внезапно появились тени, и они напоминали те, которые однажды уже напугали меня в этом лесу. И страх снова вернулся ко мне.

По воздуху ко мне спланировало крылатое существо с морщинистой кожей и головой, которая на три четверти состояла из огромного клюва.

Джиллан!

Я уставилась на эту странную птицу. Она летала передо мной. Джиллан... идем... идем...

Я снова взглянула на это крылатое существо, оно хотело вести меня? Я с трудом сформировала в своем сознании вопрос:

— Кто ты?

Существо торопливо ударило крыльями.

— *Идем... Идем..*

В таком случае хоть такой проводник в этом сером лесу будет лучше, чем вслепую блуждать здесь. Может быть, это была ловушка, но я, снова взглянув на птицу, не почувствовала беспокойства. Планирующее существо вывело меня из леса, провело через густой кустарник и вывело на равнину. Я подумала об опасностях, поджидающих меня здесь, но голоса в своей голове я больше не слышала. Я все еще пытаясь вызвать свое другое «я», но не получила никакого ответа.

А потом... Джиллан? Я вынуждена была ухватиться за куст. Ответ! Но не от птицы надо мной, а откуда-то впереди меня. Я побежала. На этот раз меня потянуло так сильно, что я не могла больше сбиться с этого пути.

Это продолжалось до тех пор, пока я не заметила, что осталась одна, и та странная птица, которая вела меня через лес, больше не сопровождала меня. В этом больше не было необходимости, теперь у меня был гораздо более лучший проводник.

Я побежала на площадку, окруженную высокими стенами, но надо мною было только небо. И здесь все было не серым, а бледным, появился желтоватый свет. Я остановилась и осмотрелась.

— Джиллан? — Мои губы шевельнулись в первый раз, и я попыталась заговорить вслух.

Но на этой площадке мне ответило такое эхо, что я прижала ладони к ушам, потому что оно стало для меня чужим и больше не было моим.

Она вышла на мой зов, но не одна или две, и они шли сквозь свет — Джиллан, стократно отраженные в бесконечный ряд.

Стройное тело с бледной кожей, ребра пересекал красный след от меча воина Ализона, на руке — след от зубов чудовища, почти полностью залеченный. Темные волосы ниспадают с высоко поднятой головы — я видела саму себя, но не одну, а множество. И все они отвечали мне тысячами голосов, которые говорили одно и то же.

— Я здесь.

— Ты должна найти среди нас ту Джиллан, которую ищешь, — услышала я голос в своей голове. — Если можешь, используй силы, которые в тебе...

Я увидела тень у Врат, увидела зеленые глаза. Это был человек или это была кошка?

— Ищи, Джиллан... Я охраняю Враты...

Я вошла в свет, который становился все ярче, чтобы среди множества Джиллан найти ту, которая нужна была мне. Я встала перед ними всеми, закрыла глаза и сосредоточилась, используя всю свою силу воли на поиски искры истины в бесконечном ряду видений. Я не должна была думать ни о чем, кроме поисков настоящей Джиллан.

Я больше не была телом на двух ногах и с двумя вытянутыми руками, которые у него имелись. Я была теперь бестельесным желанием и стремлением. Я больше не видела, не чувствовала, не думала. А потом я снова внезапно стала Джиллан. Другой Джиллан. Я была в ней, заполнила ее пустоту. Но мой триумф был только искрой, которая быстро погасла. Я все еще была неполной. Хотя я нашла свою Джиллан среди всех других Джиллан, которые висели в этом насыщенном светом воздухе, но теперь я должна была доставить ее к той Джиллан, из которой я ушла. Я снова двинулась сквозь раздражающее яркое свет, а потом мои ноги споткнулись обо что-то, что лежало на земле. Я споткнулась, упала и легла возле Джиллан, которой я была раньше. Мои пальцы коснулись холодного тела. Глаза ее были открыты, но в них не было жизни. Она не дышала. Она была мертва.

Мне кажется, я закричала, положив руки на безжизненное тело Джиллан. Выиграли ли они, Всадники-Оборотни?

Я уставилась в мертвое лицо. Я была изгнана из своего тела и помещена в ту Джиллан, которая, хотя и была частью меня, но была созданием Всадников, и я не стану полноценной до тех пор, пока не вернусь в свое настоящее тело, в тело, которого касалась своими руками. Но как?

Меня называли колдуньей, колдуньей, которая не владела своим искусством.

Впервые обе Джиллан были рядом друг с другом, тело к телу. Как это началось? С Джиллан, в которую попала стрела и которая осталась лежать под деревьями, в то время как Другая Джиллан была уведена зверями: смерть или жизнь... Одна Джиллан умерла здесь, чтобы дать жизнь другой Джиллан, Джиллан, в которой сейчас была я. Следовательно, теперь эта Джиллан должна была умереть, чтобы другая

снова смогла ожить. Но как? У меня не было никакого оружия...

Херрел потребовал от Всадников, чтобы они мне помогли. *Хирон, дай мне смерть!* Но не было никакого ответа. Мои мысли искали Херрела. Тот мог дать мне смерть, которая означала жизнь. Я поползла назад к Вратам, с трудом таща за собой безжизненное тело Джиллан.

— Херрел...

Я услышала слабый ответ, поползла дальше, и наконец, добралась до Врат. Тут была тень, которая обещала охранять Враты, и ее окружали другие тени, те, которых я боялась в том пепельно-сером лесу. Гнев наполнил меня, и я не знала, проснется ли во мне пылающий факел моих сил, когда я устремилась к этим телам, но они отступили и побежали назад.

Я вернулась к Вратам, и зеленые глаза взглянули на меня.

— Ты... не она...

— Я — другая, — начала я.

Тень вздрогнула.

— Где она?

— Там... — Я указала на тело, которое затащила из света.

Он покачнулся. Его призрачная фигура изменилась, теперь он стал мужчиной, который опустился на колени так же, как я опустилась на четвереньки.

— Она мертва, — прошептал он.

— Послушай меня, Херрел! Сделай что-нибудь с Джиллан, в которой я нахожусь, убей ее для меня в этом мире. Ведь если я буду снова убита, произойдет так, что снова оживу, но уже в том теле.

Я не была уверена, что он понял меня и даже услышал. Я стояла возле тела мертвого Джилла, а потом он глянул на меня и глаза его яростно блеснули. Он больше не был кошкой, а призрачным человеком с мечом-тенью и он ударил.

Боль разорвала меня, боль, которая разорвала меня надвое.

Золотистый свет, и в этом свете я должна была найти другую Джиллан. И я нашла ее. Я лежала на холодном камне, потом стала подниматься. Я видела перед собой белое тело, которое медленно исчезало, словно таяло в тумане. Их Джиллан — фальшивая. Я снова существовала и стала полноценной! И больше не чувствовала себя опустошенной, наконец почувствовала, как мои руки коснулись настоящего тела.

Херрел! Я огляделась. Тень, чей меч освободил меня, исчезла.

— Херрел! — Эхо моего крика отдалось в моих ушах, но не было никакого ответа. Нужно ли мне теперь искать Херрела, как он до этого искал мое другое «я»?

Передо мной появилась тень лошади.

— Идем... — Это был властный приказ. Но я не повиновалась ему.

— Херрел? — Это одновременно был вопрос и отказ.

Жеребец нетерпеливо вскинул голову и замолк.

— Где он?

— Убежал от того, что сделал здесь.

— Но он уже освободил меня!

— Для него Джиллан погибла от его руки.

— Нет! — Мне все было ясно, и я не могла поверить, что Херрел не смог понять правды.

— Ну, а теперь идем. Мы не можем держать дверь между мирами открытой долго.

— А Херрел?

Жеребец, который был Хироном, снова вздернул голову.

— Он сам решил прийти сюда, хотя знал об опасности. Он сам определил свою судьбу...

— Нет и нет! Херрел должен идти с нами.

— Тогда ты тоже выбрала свой путь, колдунья...

— Вы же поклялись помочь нам!

— Это конец всем клятвам. Теперь у тебя есть свое собственное «я», которое Херрел добыл для тебя. Но даже наши объединенные силы не могут держать Врата долго открытыми. Идем назад к жизни или иди в ничто меж временем и пространством.

Он поставил меня перед выбором. Я не была связана клятвой, но знала, что не смогу сделать шага, который поведет меня к жизни, если рядом со мной не будет Херрела.

Я взглянула на призрачного Хирона.

— Подержи Врата открытыми столько, сколько сможешь. Может быть, я найду еще что-нибудь, что является частью Джиллан или частью ее жизни и о чем я не знала раньше.

Призрачный жеребец стоял неподвижно, и золотистые глаза, которые были в нем самым живым, серьезно смотрели на меня.

— Это твой выбор, колдунья, — а потом тень Хирона покачнулась и исчезла.

А теперь я должна была спросить у себя самой, чем был для меня Херрел. Я думала о первой нашей встрече в свадебном тумане, когда он подошел ко мне, потому что я выбрала его на кидку. Он был выше меня, стройный, с гладким лицом

юноши и глаза такими же старыми, как горы Великого Халлака. Это был первый Херрел, которого я знала. Потом была дикая кошка, лежащая на освещенной лунным светом кровати и проснувшаяся, учуяя опасность, когда нас опутали сети злого колдовства. Это был второй Херрел. Потом снова была кошка, которая устремилась в бой с врагами из Ализона и после боя вернулась в человеческий облик, чтобы защитить меня от гнева Всадников-Оборотней. Был следующий Херрел, который ухаживал за мной и которого я оттолкнула от себя, и Херрел, который, как чудовище, напал на меня и поранил руку. Херрел, который заботился о моей ране и засыпал меня целебными листьями. Херрел, который ехал со мной по лесной долине и вечером ждал восхода луны, рассказывая мне о свое стране и своем одиночестве... Кто же все-таки этот Херрел? Это другая часть меня, и без него все мои последующие дни будут пусты, как были пусты дни без другой Джиллан.

Я устремила все свои мысли, чтобы найти Херрела. И почувствовала, что меня куда-то тянет. Я полностью сконцентрировалась на этом чувстве и воспользовалась им как проводником. Но оно вело меня не обратно, в пепельно-серый лес, а в холмистую местность.

Я не знаю, как долго шла, пока, наконец, не увидела вдали туманную фигуру.

— Херрел!

Туманная фигура остановилась. Я мысленно окликнула его, потом снова и снова звала, и он пошел ко мне.

— Кто ты? — с трудом спросил он. — Кто ты? — Палец его шевельнулся и начертил в воздухе символ.

Вспыхнул голубой огонь, такой яркий, что он ослепил меня, и я крикнула:

— Я Джиллан! В самом деле, Херрел, я — Джиллан!

Лицо его все еще было туманным, но глаза его пристально всматривались в меня.

— Я убил Джиллан...

— Ты соединил нас! — Я подбежала к нему. — Другая Джиллан должна была умереть, чтобы мы снова стали одним целым, и это произошло при помощи твоего меча.

— Джиллан... Но что ты тогда делаешь здесь? Врата... — Он выпрямился. — Они не могут держать Врата открытыми так долго...

— Это же мне сказал и Хирон, — без раздумий ответила я.

Он снова взглянул на меня своими зелеными глазами.

— Хирон... Он сказал тебе это! Но почему тогда ты не ушла?

— Мне вернуться? Ты хочешь бросить меня?

На его туманном лице не было никакого выражения, и в зеленых глазах тоже ничего нельзя было прочесть. Может быть, его путь не был моим? Между нами воцарилось молчание, потом я отважилась нарушить его:

— Если эта дверь закроется, есть ли другая, которую мы можем открыть? — Нет, я и не ждала, что он сможет мне ответить на этот вопрос, а только надеялась, что мне удастся отвлечь его от тяжелых мыслей.

— Я этого не знаю. Хирон напрасно обнадежил тебя, сказав об этом...

— Хирон ни о чем не предупреждал меня. Но я уже раньше была в этом мире, и мне все это представляется сном. Но отсна можно проснуться.

— Сон? — Он шевельнулся и снова ожил, протянул мне руку, словно хотел приединить меня к себе, но я почувствовала только прикосновение чего-то туманного: тень, а не плоть. Херрел отпрянул назад:

— Что это? — прошептал он.

— Для меня ты всего лишь тень, — поспешила ответила я.

Он поднес свою руку к глазам, словно хотел убедиться в ее реальности.

— Но она настоящая, из мяса и костей.

— Для меня ты всего лишь тень, — повторила я.

— Сон! — Он ударил своим нереальным кулаком по камню. — Если мы теперь попали в мир снов...

— Как же нам тогда вернуться?

— Да, пробуждение.. Расскажи мне все, что можешь, об этом мире!

Я не знаю, почему он этого хотел, но повиновалась: рассказала о лесе и появлении птицы.

— Птица? — прервал меня Херрел. — Ну, что же. Они не нарушили своей клятвы. Это был проводник, посланный отрядом.

Когда я закончила свой рассказ, Херрел некоторое время задумчиво молчал.

— Если это сон, — сказал он наконец, — тогда мы оба все еще лежим в одной из Серых Башен. И если мы не сможем проснуться, то потеряем все. Чем глубже наш сон, тем меньше шансов проснуться. — Херрел поглядел вдаль. — Если нам удастся вернуться в наше время, наш мир и наши тела, спачит, мы все еще частично связаны с ним. Может быть, мы сможем проснуться, если снова попытаемся объединиться с нашими телами, находящимися там. Я не вижу другого пути

— Но я невижу никакой четкой картины, на которой я могла бы сконцентрироваться... — Я только бегло вспомнила кровать, которую установили в одной из Серых Башен, кровать, на которой лежала я, а рядом лежал Херрел.

— Я знаю одно! — Он положил свою руку на мою, и я почувствовала прикосновение, словно к плоти прикоснулось перышко. — Слушай меня внимательно...

Он в подробностях описал мне свое помещение в одной из башен, пока я сама не увидела его часть за частью

— Теперь ты видишь, Джиллан?

— Ты заставил меня увидеть это. А что теперь?

— Теперь мы оба сделаем то, что делали уже прежде. Мы направим всю волю на то, чтобы вернуться в наши спящие тела и проснуться. Начнем!

Я закрыла глаза и представила комнату, которую Херрел обрисовал мне. И в центре этой комнаты кровать, на которой лежала Джиллан. Это была Джиллан, которую я должна была найти. Я сконцентрировалась на этой Джиллан, не только на ее спящем теле, но и на всем остальном, что было от Джиллан и что во сне так далеко отошло от этого тела...

Я проснулась. Но действительно ли я спала? Я испугалась, что когда открою глаза, то снова увижу свет чужого мира. Собрала все свое мужество...

Я взглянула на серые, очень древние стены и увидела настенные занавесы, полинявшие от времени. Я проснулась! Джиллан снова стала Джиллан, и я знала, что, наконец, снова стала совершенно полноценной.

Херрел! Я быстро повернула голову, чтобы увидеть того, кто лежал рядом со мной на кровати. Херрел был тут, и он был словно мертвый. На нем была кольчужка, его сильные руки покоились на рукоятке обнаженного меча. Шлем его лежал рядом с головой.

— Херрел? — Встав, я увидела, что одета в богатую одежду из зеленой и серебристой ткани, вышитой маленькими молочно-белыми драгоценными камнями, которые вспыхивали светом при каждом моем движении.

Я озабоченно склонилась над Херрелом.

— Херрел!

Он открыл глаза.

— Да...

Он отложил свой меч в сторону, чтобы протянуть руки и привлечь меня к себе. Несколько мгновений мы лежали, прижавшись друг к другу, потом я нашла его губы, охваченная желанием, которое было так же велико, как и его.

Потом он немного отстранил меня от себя, и взгляд его стал изучающим, но губы улыбались.

— Мне кажется, моя дорогая Леди, что в этой войне мы стали друг для друга хорошими товарищами, а теперь нам надо постараться быть ими и в мирное время.

Я тихо рассмеялась.

— Я буду твоей верной спутницей, мой храбрый Лорд!

Он встал с кровати и помог встать мне. Длинные складки на моем платье из тонкой материи, которое было на мне, тяжело спадали к моим ногам и мешали мне двигаться.

— И все это великолепие для меня, — засмеялась я

Херрел посмотрел вниз.

— Они сочли нас мертвыми и оказали нам последние почести, которых никогда не оказывали нам, когда мы были живыми.

Внезапно у меня появилось ощущение, что это тяжелое платье связывает меня с прошлым. Я отпустила руку Херрела, и мои пальцы стали быстро расстегивать застежки и развязывать завязки, пока я, наконец, смогла снять это тяжелое великолепие и осталась в коротком нижнем белье. Я бросила это великолепное платье на кровать.

Херрел взглянул на меня.

— Мы уже идем? — И его рука снова нашла мою руку.

— Куда, мой Лорд?

Он улыбнулся.

— На этот вопрос я не могу дать ответа, потому что сам не знаю его. Знаю только, что мы покидаем этот мир и других Владников, чтобы самим искать свое счастье. Ты хочешь этого?

— Да. Ты выбрал свой путь, и он будет моим путем.

Херрел снял пояс и бросил его к мечу, своему шлему и моему платью, лежащему на кровати.

— Мне эти вещи больше не понадобятся.

Херрел провел меня через длинный коридор и дверь во двор.

Снаружи была ночь: светила луна и блестели звезды. Вокруг нас поднимались семь Башен. Ничто не двигалось, когда Херрел и я подошли к стойлу, в котором стояли серо-черные пятнистые лошади Владников. Он взнуддал и вывел наружу мою кобылу и своего жеребца, и мы провели животных за собой, пока не вышли через ворота наружу.

— Кто идет?

Из-под темного навеса портала вышел Хирон, и обнаженный меч в его руке ярко блестел в лунном свете.

— Да, кто идет? — ответил мой суженый. — Назови наши имена, если ты нас узнал.

Предводитель Всадников Оборотней взглянул на нас. Он не выказал никакого удивления.

— Итак, вы нашли путь назад...

— Мы нашли его. И теперь мы прошли через другую дверь, — он указал на портал позади Хирона.

— Ты — Оборотень по крови, и эти Башни — твой дом. Херрел покачал головой.

— Не знаю, кто я, но я не принадлежу к вам, и Джиллан тоже не принадлежит. Поэтому мы уходим, чтобы узнать, кем являемся на самом деле.

Хирон на мгновение замолчал, потом несколько неуверенно произнес:

— Ты — один из нас...

— Нет, — Херрел во второй раз отрекся от своего родства с Всадниками-Оборотнями.

— Ты хочешь уйти к своей матери?

— Ты этого боишься? Ты, который никогда не хотел признавать себя моим отцом? — ответил Херрел. — Я же сказал тебе, мне не нужен никто из вас — ни мать, ни отец. Теперь ты позволишь нам пройти через ворота?

Хирон отошел в сторонку.

— Как хотите, — голос его был так же лишен выражения, как и его лицо.

Херрел и я выехали из ворот, и ни один из нас не оглянулся назад. И это были последние ворота между нашим прошлым и нашим будущим. Нас было только двое: Джиллан и Херрел. И этого было достаточно.

КРИСТАЛЛ С ГРИФОНОМ

КЕРОВАН

Родился я дважды проклятым. Во-первых, моим отцом был Ульрик, лорд Ульмдейла на севере. И о нашем роде рассказывали ужасные истории. Моим дедом был Ульм, который привел свой народ в эту северную долину, разогнал морских разбойников, основавших Ульмпорт, и ограбил одно из зданий Прежних, забрав оттуда все сокровища. Все знали, что это не простые драгоценности, так как они светились в темноте. После этого грабежа не только Ульм, но и все те, кто был с ним в том набеге, чем-то заболели, и многие из них умерли.

К моменту моего рождения мой отец уже достиг среднего возраста. До моей матери у него были две жены и дети от них. Но эти дети или умирали при рождении, или же покидали этот мир в раннем детстве. Это были слабые, болезненные создания. Но отец поклялся матери иметь наследника, и поэтому он предпочел ее второй жене, когда ему показалось, что он уже никогда не дождется от нее наследника. Род моей матери тоже наложил на меня проклятие. Ее звали леди Тефана, дочь Фортала из Пальтендейла, расположенного дальше на северо-западе.

Когда народ наш пришел в эти края, то нас предупредили, что здесь еще остались Прежние, которые выглядят совсем не так, как наши люди. Они вступили в связь с пограничными жителями, и в результате на свет появились те, что были людьми лишь наполовину. Но мой отец страстно хотел иметь наследника. Тефана недавно овдовела и родила прекрасного ребенка, которому уже было два года. Звали его Хлимер. Мой отец не стал слушать разные слухи о кровосмешении с чужой расой и с полным уважением приветствовал леди. Насколько я знаю, она тоже желала соединиться с моим отцом, не обратив внимания на то проклятие, которое лежало на нашем семействе за похищение сокровища Прежних. Мое рождение произошло раньше срока и при странных обстоятельствах. Моя мать направлялась в святилище Гуппоры, чтобы принести свои дары, попросить сына и легкие роды. Но после дня пути у нее неожиданно начались схватки. Там не было никакого пристанища, и, к тому же, надвигалась буря. Поэтому ей и всей свите пришлось укрыться в

том месте, которое обычно избегали все люди — в одном из тех странных и внушающих страх строений, что остались от Прежних, владевших этими долинами задолго до того, как сюда пришли люди с юга. Это строение было в прекрасном состоянии, как и все другие, созданные неизвестным народом. Казалось, что Прежние использовали заклинания, чтобы скреплять каменные плиты между собой, и их строения не только были неподвластны времени и погоде, но и создавалось впечатление, что их покинули только вчера. Никто не мог сказать, для какой цели они служили. На их внутренних стенах виднелись изображения мужчин и женщин, точнее, тех, кто выглядел, как мужчины и женщины. Роды были очень трудными, и женщины опасались за жизнь моей матери. А когда она родила, они пожалели, что я появился на свет, так как когда мать увидела меня, она вскрикнула, потеряла сознание и почти лишилась разума. И еще несколько недель после этого она была не в себе.

Я был не таким, как другие дети. Мои ноги были без пальцев: они, скорее, напоминали копыта: маленькие, раздвоенные, покрытые роговой оболочкой, как ногти на пальцах. Над глазами наклонно располагались брови, а сами глаза имели янтарный цвет, какого никогда не было у людей. Поэтому каждый, глядя на меня, хотя я был крепче и сильнее моих несчастных братьев и сестер, родившихся до меня, знал, что на меня наложено проклятие. Но я не заболел и не умер. Наоборот, я рос и становился все сильнее и сильнее. Но мать не желала видеть меня. Она заявила, что демоны подменили ее дитя еще во чреве. А когда ей приносили меня, она впадала в такое состояние, что все начинали бояться за ее рассудок. Вскоре она объявила, что у нее нет детей! Кроме Хлимера и, позднее, моей сестры Лизаны — прекрасной маленькой девочки без малейших отклонений от нормы. И в ней моя мать находила утешение. Что касается меня, то я не жил в Ульмдейле. Меня отослали на воспитание одному из лесников.

Однако, хотя мать и отказалась от меня, отец все же навещал меня изредка, правда, не представляя никому из родственников. Он дал мне имя Керован. Это имя носил известный воин нашего рода. Отец следил за тем, чтобы меня обучали владению оружием. Для этого он прислал ко мне Яго, одного из бедных дворян, который долго служил моему отцу, пока падение с горы не сделало его неспособным более выполнять свои обязанности. Яго был настоящим воином. Он являлся не только мастером военного дела, которому можно обучить любого юношу с сильным телом и острыми глазами, но и владел более тонким искусством повелевать — искусством

полководца. Он был вынужден в результате увечья вести совсем иную, чем прежде, жизнь. Теперь он заставлял работать свой мозг, как раньше он заставлял работать свое сильное тело. Нередко, просыпаясь ночью, я заставлял его над куском гладкой коры, на которой он вырезал ножом планы сражений и четким почерком выписывал свои соображения по вопросам ведения войны и осады крепостей. Яго путешествовал больше, чем любой другой житель нашей долины, который за всю свою жизнь отошел от места своего рождения не дальше, чем за три-четыре долины.

В юности он плавал по морям с Салкарами, этими опасными морскими грабителями, и бывал в таких полулегендарных землях, как Карстен, Ализон, Эсткарп... Правда, о последней стране он говорил очень мало и становился беспокойнее, когда я приставал к нему, прося рассказать об Эсткарпе поподробнее. Все, что он мне сказал, это то, что заклинания и колдовство там так же обычны, как у нас колосья на полях, что все женщины там — колдуны, и держатся отдельно от мужчин, и что каждый долженходить там осторожно, с оглядкой и держать язык за зубами. Я всегда вспоминал Яго с теплом и любовью. Он видел во мне просто юношу, а не монстра. Когда я находился рядом с ним, то забывал, что отличаюсь от остальных людей, и был доволен жизнью.

Итак, Яго учил меня искусству войны, вернее, тому, что должен был знать о ней наследник. Тогда он еще не знал, что такая настоящая война, называя ее поединки между соперничающими лордами или же сражения с бандами преступников, живущих в Пустыне. Зимний голод и холод заставляли их нападать на нас, грабить амбары и пытаться захватить наши теплые дома. Но оказалось, что война имеет гораздо большее значение.

Это было страшное занятие, и люди по горло насытились сю. Оказалось, что это не игра по заранее разработанным и тщательно соблюдаемым правилам, как игры на доске, которыми развлекались наши люди долгими зимними вечерами. Но если Яго учил меня искусству войны, то Мудрый Человек Вайемен Ривал показал мне, что существуют и другие жизненные пути. У нас всегда считалось, что только женщина может постичь искусство исцеления тела и духа. И Ривал был для своих соотечественников таким же странным, как и я. Жажда знаний у него такая же сильная, как у голодающего — стремление добыть кусок хлеба.

Иногда он уходил за травами, и не только в ближайшие леса, но даже в Пустыню. Возвращался оттуда с огромным мешком за плечами, которому позавидовал бы любой стран-

ствующий торговец. Он был родственником Главного Лесника, и мог поэтому бродить по лесам без соблюдения каких-либо формальностей. Люди с опаской смотрели на Ривала, но когда заболевало животное или человек мучился от неизвестной болезни, то всегда просили прийти именно его. Ривал хорошо знал все травы — и те, что были известны почти всем в долине, и те, что были никому не известны. Он знал о травах все, и почти каждый фермер, желающий получить приличный урожай, звал его к себе на поле и просил совета. Но он разбирался не только в жизни растений. Животные и птицы, нуждающиеся в помощи, приходили и прилетали к нему сами, и он терпеливо лечил их, пока они не выздоравливали.

Этого было вполне достаточно, чтобы все люди старались держаться от него подальше. К тому же, все хорошо знали, что он посещает места Прежних и пытается постичь их тайны, о которых наши люди старались даже не думать. Да, его боялись, но именно это и влекло меня к нему. Я был почти как все дети: хорошо слышал, что говорят обо мне без меня, слышал рассказы о моем рождении, о том проклятии, которое лежит на роде Ульма, о том, что в роду моей матери, вполне возможно, примешана кровь чужой расы. Доказательства и тому, и другому были заключены во мне. Мне было достаточно посмотреть в отполированный щит Яго, как в зеркало, чтобы увидеть себя. Я направился к Ривалу, внешне гордый и независимый, но испытывающий в душе странный трепет. Он стоял на коленях перед растением с длинными, острыми, тонкими листьями, похожими на копья. Ривал не смотрел на меня, когда я приближался, но заговорил со мной так, будто провел со мной в компании целое утро.

— Язык Дракона, как называют его Мудрые Женщины, — у него был мягкий и слегка вибрирующий голос. — Говорят, что он великолепно залечивает раны, как будто зализывает их языком. Посмотрим, посмотрим... Но ведь ты находишься тут не для того, чтобы разговаривать о растениях, не так ли, Керован?

— Конечно. Люди говорят, что ты знаешь о Прежних.

Он присел на пятки и взглянул мне прямо в глаза:

— Не так уж много. Мы можем смотреть, щупать, изучать... но их могущество... Мы не в силах поймать его в сеть или в западню. Можно лишь пробовать, может, что и получится. Знали они очень много, намного больше, чем мы. А мы не можем даже понять, почему они отсюда ушли, когда пришел первый из наших людей — наш предок. Мы их не прогоняли, нет. Их крепости, замки, их Святилища уже были пусты. Они ушли задолго до появления людей, и понять, почему это

произошло — весьма сложная задача. На это можно потратить всю жизнь и не узнать даже десятой доли.

На его загорелом лице я увидел то же оживление, что и у Яго, когда он показывал хитроумный выпад мечом, или объяснял, как устроить засаду. Ривал изучающе смотрел на меня.

— Что ты ищешь у Прежних? — осведомился он.

— Знания... знания, почему я не такой, как все люди... — Я замолчал. Моя гордость не позволяла сказать мне вслух то, что я слышал от других.

Ривал кивнул:

— Знания должен добиваться каждый человек, а знания о себе — тем более. Но я могу не все... Я не могу дать тебе такого знания. Идем...

Он поднялся и направился в свою хижину стелящимся шагом лесного жителя. Не задавая вопросов, я пошел за ним. Так я попал в сказочный дом Ривала. Замерев на пороге, я не мог даже двинуться, лишь смотрел на то, что находилось в доме. Я никогда не видел столько вещей, каждая из которых притягивала мой взор и каждую из которых мне хотелось рассмотреть повнимательнее. В корзинах и гнездах сидели звери и птицы, которые смотрели на меня яркими глазами. Они, казалось, чувствовали себя в безопасности и не собирались прятаться от меня. В шкафах и на полках стояли горшочки, лежали мешочки с тряпками неизвестного предназначения, мешочки с травами и кореньями, валялись осколки каких-то сооружений, собранные, по всей видимости, в строениях Прежних.

В комнате стояли кровать и два стула, расположенные рядом с очагом. Все говорило о том, что главное ее назначение — служить складом, а не жилищем. Ривал стоял посреди комнаты, уперев руки в бедра и что-то отыскивая на полках пытливым взглядом. Я понюхал воздух. В нем была смесь тысяч запахов. Аромат трав смешился с запахом зверей и пищи, варившейся в котелке над огнем. И это нельзя было назвать нечистым, неприятным, отвратительным запахом.

— Ты ищешь Прежних — тогда взгляни сюда! — Ривал показал на один из шкафов.

Я прошел между двумя корзинками с какими-то мохнатыми зверюшками, чтобы поближе разглядеть то, что он хотел мне показать. Здесь я увидел россыпь кусочков чего-то и две фигурки. Ривал сложил обломки и склеил их. В фигурках не хватало частей, но уже можно было разобрать, что это такое. Возможно, среди Прежних существовали подобные разнообразные живые существа, а может, они возникали лишь в воображении скульптора — никто не мог утверждать этого

наверняка. Одна из фигурок, к сожалению, без головы, изображала крылатую женщину, другая — человека на вид самого обыкновенного, если не считать, что на его лбу росли витые рога. Но лицо его было благородное, как у настоящего полноправного лорда. Там же находилась фигурка кого-то с перепончатыми руками и ногами — вероятно, обитателя морских глубин. Еще была маленькая фигурка женщины с такими длинными волосами, что они закрывали ее всю, как плащ. Эти фигурки Ривал постарался восстановить хотя бы частично. Чуть сбоку лежали фрагменты — голова с короной, но без носа и глаз, тонкая рука с кольцами на пальцах. И рука, и кольца были сделаны из одного и того же материала, названия которого я не знал. Я не стал трогать их, а только стоял и смотрел. Во мне разгорелось страстное желание узнать побольше об этом народе. Теперь я понимал сжигающую Ривала страсть к поискам, его терпеливые попытки восстановить разбитые кусочки, чтобы воочию увидеть то, что делали Прежние...

И Ривал тоже стал моим учителем. Я ходил с ним по местам, которых избегали другие люди. Мы искали, обсуждали, делали предположения, надеясь, что когда-нибудь обнаружим ключ, который откроет дверь в прошлое, или хотя бы даст возможность заглянуть туда. Мой отец посещал меня раз в месяц, и когда мне исполнилось десять лет, он впервые заговорил со мной серьезно. Мне было ясно, что его что-то гложет, когда он заговорил со мной. Но я не удивился его откровенности, так как он всегда разговаривал со мной не как с ребенком, а как с человеком, который все понимает. В этот раз он был угрюм и, вероятно, хотел поговорить со мной о чем-то важном.

— Ты — мой единственный сын, — начал он, и было заметно, что он с трудом подбирает слова. — И ты — единственный полноправный наследник моего трона в Ульме. — Затем он надолго замолчал, и я не прерывал цепочку его раздумий, которые, как я знал, теснились в его мозгу. — Но есть и те, кто считает иначе...

— Да, есть и такие, — подтвердил я безо всяких интонаций, как бы устанавливая факт.

Отец нахмурился.

— Тебе кто-нибудь говорил об этом?

— Никто. Я сам додумался.

Он еще больше посурковел.

— Ты пришел в этот раз к правильному заключению. Я взял Хлимера под свое покровительство, так как его мать стала леди Ульма. Но он не имеет права быть поднятым на щите к трону после моей смерти. Трон принадлежит тебе. Но

они заставляют меня сделать так, чтобы Лизана обручились с Роджером, твоим кузеном.

Я сразу понял, на что он намекает, но хотел услышать это напрямик. Поэтому я без колебаний спросил его:

— И Роджер унаследует Ульмдейл по праву жены?

Рука отца потянулась к рукояти меча и стиснула ее. Он поднялся и стал расхаживать взад и вперед, твердо ставя ноги на землю, как бы готовясь к отражению нападения.

— Это противоречит законам, но они жужжат и жужжат об этом день и ночь, так что я почти оглох в собственном доме. — Я понял, что они — это моя мать, которая не считает меня сыном, но я промолчал, и он продолжал: — Поэтому я хочу женить тебя, Керован. По этой свадьбе, свадьбе наследника, все поймут, что я полностью признаю все твои права крови и клана. Через десять дней Плон едет в Икринт с предложением обручить тебя. Там живет очень красивая девушка по имени Джойсан, она на два года моложе тебя. Когда ты будешь женат, никто уже не посмеет отодвинуть тебя в сторону от престола, хотя твоя невеста не придет к тебе до Года Огненного Тролля.

Я быстро прикинул в уме — значит, восемь лет. Это хорошо. Свадьба не имела для меня большего значения, хотя отец считал ее делом особой важности. Я подумал, но в тот момент не отважился спросить, скажут ли девушке или ее родственникам, кого ей прочат в мужья?

Но внутренне я боялся этой встречи с женой. Однако, я был еще мальчиком, и все казалось мне настолько далеким, что об этом можно не думать. Кроме того, может, ничего и не получится, тогда и свадьбы не будет. Я не видел Плона, который выполнял поручение отца. Ведь он уехал из Ульма, где я никогда не бывал. А через два месяца появился отец, уже не такой несчастный и озабоченный, как раньше. Он сказал, что Плон уже вернулся, и я обручен с невестой, которой я никогда не видел и, возможно, не увижу до дня свадьбы. Поглощенный занятиями, я совершенно не думал о будущей жене.

Много времени я проводил с Ривалом в поисках тайн Прежних. Хотя я был поручен попечению Яго, он не возражал против моих походов с Ривалом. Между ними была старая дружба, несмотря на то, что они разительно отличались друг от друга по своим мыслям и действиям. Годы шли, и мой воспитатель уже не мог противостоять мне в поединках на мечах или топорах. Но в стрельбе из лука он оставался таким же искусным, как и был. Он продолжал вычерчивать карты и разрабатывать планы сражений. И я по-прежнему уважал его, хотя и не видел в таких занятиях

особой пользы для себя. Я не желал обижать старика, и внимательно выслушивал его наставления.

Впоследствии эти знания не раз спасали меня. Он так же, как и раньше, без устали обучал меня ратному делу. А Ривал, казалось, совсем не старился. Он легко ходил по лесам, преодолевал с удивительной скоростью огромные расстояния. Но я так и не постиг его уровня знаний растений, но зато отлично понимал мир птиц и животных. Я перестал охотиться ради развлечения, и находил удовлетворение в том, что дикие животные не боятся меня.

Но самое приятное для меня заключалось в посещении мест Прежних. Самым большим его желанием, как он мне поведал, было найти какие-нибудь книги или свитки.

Я был обручен в Год Змеи, Брызгущей Ядом. И чем ближе подходил к тому, чтобы стать мужчиной, тем чаще меня стали посещать мысли о моей будущей леди. В доме Лесника было два мальчика моих лет, но они так и не стали моими друзьями. Не только общественное положение разделяло нас, но я и сам не старался сблизиться с ними, — ведь во мне было что-то нечеловеческое и это не позволяло приобретать друзей. Я подарил свою дружбу только двоим — Яго, который по возрасту годился мне в отцы, и Ривалу, который мог бы быть моим старшим братом, и иногда мне этого очень хотелось.

Дети лесника в эти дни направились на осеннюю ярмарку. Они разоделись, повязали ленты на камзолы и со смехом поехали в Ульм, громко обсуждая предстоящие приключения. Это нанесло мне сильный удар, и я подумал, что когда леди Джойсан увидит меня, то испытает такое же потрясение, какое испытала моя мать. Вдруг она отвернется от меня с отвращением?

По ночам меня начали мучить кошмары, и Ривал сердечно поинтересовался, какая болезнь гложет меня. Я рассказал ему правду обо всех своих сомнениях, отчаянно надеясь, что он успокоит меня и скажет, что я вижу чудовищ там, где их нет, и что мне нечего бояться, но здравый смысл подсказывал мне, что впереди меня поджидает разочарование, катастрофа. Но Ривал не стал успокаивать меня. Он долго молчал, глядя на руки, которые только что пытались восстановить разбитую фигурку, а теперь спокойно лежали на столе.

— Мы всегда говорили друг другу только правду, Керован. Я тебя хорошо знаю, и в спутники выбрал бы только тебя. Но разве я могу обещать, что приведу тебя к счастью? — он помолчал. — Когда-то я шел по дороге, ведущей к свадьбе, и некоторое время я был даже счастлив. Но если твое отличие от других на виду, то мои отличия находятся внутри. Да, они

у меня есть, и я не такой, как другие. И та, с которой я должен был разделить Чашу и Огонь, увидела эти отличия и встревожилась.

— И ты никогда не был женат? — воскликнул я.
— Не был... Но в моей жизни есть другое!
— Что же? — быстро спросил я.
— Это! — И он развел руки, как бы показывая, что находится в его доме.

— Значит, у меня будет также. Я был обручен, так как этого требовали обычай и спокойствие отца. То, что я слышал о браках, заключавшихся лордами, не обещало мне огромного счастья. Наследники и лорды женились, чтобы увеличить свои поместья за счет приданого невест, чтобы продолжить свой род. Если впоследствии возникала любовь и уважение, то приходило и счастье в дом. Но так бывало редко.

— Может быть, ты на это способен, — сказал Ривал. — Есть одно дело, о котором я давно думаю и мечтаю. И сейчас пришла пора взяться за него.

— Идти по Дороге! — я вскочил на ноги, как будто намереваясь тут же отправиться в путь, чтобы открыть тайну, так как Дорога действительно была тайной.

Мы набрели на Дорогу во время скитаний по Пустыне. Один вид ее заставил бы покраснеть от стыда наших строителей дорог. Ведь у нас дороги представляли всего лишь протоптанные кривые тропы, пригодные для передвижения верхом.

Дорога была выложена тщательно подогнанными каменными плитами. В ее начале не было ничего, что могло бы объяснить, зачем она построена. Она просто начиналась в Пустыне примерно в полудне пути от дома Ривала.

Дорога вела прямо в Пустыню — широкая, прямая и мостами засыпанная желтым песком. Дойти до ее конца было нашим давним желанием. И то, что мы решились на это путешествие, полностью вытеснило у меня мысли о Джойсан. Теперь она была всего лишь звуком, именем, и встреча с ней должна была состояться через долгие годы, а путешествие — начаться прямо сейчас.

Я ни перед кем не отчитывался в своих действиях, кроме Яго. А он в это время года ездил в Ульм, чтобы встретиться со своими товарищами по оружию и доложить отцу, как обстоят здесь дела. Поэтому я был полностью свободен и мог делать, что хочу. А хотел я пойти по Дороге.

ДЖОЙСАН

Я, Джойсан из Икринта, была помолвлена в Год Змеи, Брызжущей Ядом. Вообще-то, этот год не считался пригодным для новых начинаний, но мой дядя, лорд Цпарт, обратился за советом к даме Лорлиас из Норстиц Аббы, которая настолько хорошо понимала язык звезд, что к ней приезжали за консультацией даже издалека. Она трижды читала звезды и заявила, что мой брак совершенно необходим для моего же счастья. Сама свадьба меня мало беспокоила, но из-за этого я стала центром долгих и утомительных церемоний. Под конец я настолько устала, что чуть не расплакалась. Когда человеку восемь лет, то ему невозможно вникнуть в думы и тревоги, которые владеют окружающими его взрослыми людьми. Свое обручение я воспринимала, как яркое пышное представление, но не могла понять в нем своей роли. Помню, что я была разодета и украшена жемчугом и драгоценностями. Однако, все мое внимание было занято тем, чтобы выполнить суровые приказы дамы Мат и ничего не запачкать. Платье на мне было голубое, хотя мне никогда не нравился этот цвет. Я больше любила цвета, богатые оттенками, например, цвет осенних листьев. Но голубой — это цвет невесты, и я была вынуждена надеть это платье. Моего жениха здесь не было, и он не выпил со мной Чашу Жизни и не зажег Свечу Дома. На его месте был человек такой же суровый, как и мой дядя. Он показался мне очень старым, так как его борода уже была подернута серебром. На его руке я помню ужасный шрам, и я очень боялась, когда он взял меня за руку во время церемонии. В другой руке он держал огромный боевой топор, символизирующий моего настоящего жениха, который должен был соединить свою судьбу с моей. Правда, моему жениху нужно было прожить еще, по крайней мере, лет шесть, прежде чем он сможет поднять такой топор.

— Лорд Керован и леди Джойсан! — прокричали гости и обнажили ножи. Их лезвия зловеще засверкали в свете факелов. Гости поклялись доказывать в будущем законность этого обручения, даже если придется прибегнуть к оружию. От страшного шума у меня заболела голова. Возбуждение прошло, и я как во сне дождалась конца празднества. Старый лорд Плон, представляющий на свадьбе моего жениха, ел со мной из одного блюда. И хотя он спрашивал меня, что я желаю из кушаний, находившихся на столе, я настолько боялась его, что не могла произнести даже слова, и он выби-

рал блюда, совершенно не соответствовавшие моему вкусу. Мой желудок отчаянно протестовал против насилия, и меня едва не стошило. Чуть позже женщины уложили меня в одной ночной сорочке на громадную кровать с балдахином. Мужчины во главе с моим дядей принесли этот ужасный топор и положили его рядом со мной, как будто это был действительно мой жених. Такой была моя помолвка. После она уже не казалась мне странной, просто это было трудно понять ребенку. И только этот топор, который был моим партнером по брачному ложу, являлся предвестником того, что придет не только ко мне, к моему дому, но ко всей нашей стране, к Высокому Халлаку. После отъезда лорда Плона жизнь возвратилась в прежнюю колею. По обычаю, я должна была продолжать жить под родительским кровом, пока не достигну определенного возраста, и мой лорд не призовет меня к себе. Но незначительные изменения все же произошли. На больших празднествах я теперь сидела по левую сторону от дяди, и ко мне обращались, называя меня — леди Ульмдейла. На моей праздничной одежде теперь был не только один герб моего дома, а два, разделенные центральной золотой лентой. Слева был изображен прыгающий Грифон Ульмдейла, а справа — Сломанный Меч Харба, знаменитого воина, основателя нашего рода в Высоком Халлаке, прославившего его, победив сломанным мечом ужасного Дракона Пустыни Ирр. В мои именины, как только погода позволяла пуститься в дорогу, приходили подарки от лорда Керована с приветствиями и поздравлениями. Но сам Керован как бы не существовал для меня в плоти и крови. С тех пор, как умерла жена моего дяди, он поручил управление замком Икринт своей сестре, dame мат. И она занялась моим воспитанием. Вот этому, этому и этому необходимо научиться, чтобы я была отличной хозяйкой, когда войду в дом своего мужа. Заданий становилось все больше и больше, и они были все труднее по мере того, как я росла. Иногда у меня возникало желание ничего не слышать об Ульмдейле, о наследнике, и никогда не выходить замуж. Но от дамы Мат с ее чувством долга я ускользнуть не могла.

Я совсем не помнила жену дяди. У него почему-то не было наследника, и за годы, прошедшие со дня смерти жены, он так и не женился. Я иногда думала, что он не осмеливается хоть на немного принизить значение дамы Мат. То, что она умела управлять замком и приносила мир и покой всем, кто жил под ее правлением, никто не мог отрицать. Все в замке было в полнейшем порядке. В юности я никак не могла поверить, что леди Мат, так же как и я — с помощью топора — была помолвлена с лордом из южных долин. Но прежде чем

она стала его настоящей женой, пришла весть, что он скончался от тяжелой болезни. Никто не знал, как она переживала эту потерю. Но когда миновало время траура, она удалилась в Женский Монастырь в Норетиде, основанный для успокоения женских душ. Но смерть жены ее брата произошла до того, как она приняла суровые обеты, и она вернулась в мир, чтобы исполнить обязанности домоправительницы в Икринте. Она всегда носила скромную строгую одежду, и дважды в год путешествовала в Норсдейл на поклонение, а когда я стала старше, она и меня брала с собой. Вопрос о наследнике дяди не был решен, он еще не объявил его. У него была младшая сестра, которая имела сына с дочкой. Но сын был наследником своего отца, и дядя не мог назвать его своим наследником. Я была дочерью его младшего брата, но как девочка, не могла наследовать Икринт, кроме как по его завещанию, которого он еще не оглашал. Мое приданое было достаточным, чтобы привлечь хорошего мужа, и дядя мог, если бы захотел, впрочем — это даже было его долгом, назвать наследником моего мужа. Я думаю, что дама Мат хотела бы видеть меня в монастыре. Она желала, чтобы моя свадьба никогда не состоялась. И по правде говоря, наши поездки в Норсдейл мне нравились. От рождения я обладала пытливым умом, и это привлекало ко мне внимание аббатисы Мальвины. Она была стара и очень мудра.

Поговорив со мной, она предоставила мне право заниматься в монастырской библиотеке. В ее шкафах хранились громадные сокровища — свитки с записями о путешествиях, о войнах, о прошлом. Эти истории околдовывали меня. Но больше всего меня увлекли упоминания о Прежних, которые правили этой страной до того, как наши люди пришли на север. Я хорошо знала, что эти упоминания дошли до нас в отрывочной и искаженной форме, так как Прежние покинули эти места до того, как здесь появились первые люди. Наши предшественники общались только с отдельными оставшимися представителями Прежних, которые, возможно, были оставлены для того, чтобы запутать наше представление о них. Некоторые из них были злом, врагами людей, как тот дракон, которого прикончил Харб. Остались места, в которых колдовство притаилось, и человек, по глупости оказавшийся там, мог попасть в его сети. Другие, оставшиеся от Прежних, заслуживали благодарности и даров. Такова была Гуппора — Мать Плодородия — ей поклонялись все женщины, и ее могущество могло сравняться с могуществом Очищающего Огня, которому был посвящен Женский Монастырь. Я сама носила амулет Гуппоры — зернышко, соеди-

ненное с засушенным фруктом. Остальные не были ни хорошими, ни плохими. Они не укладывались в человеческие стандарты. Иногда они проявляли удивительную капризность: одним делали добро, другим — зло, как будто взвешивали людей на весах и, оценив их, затем соответственно обращались с ними. И очень редко удавалось войти в контакт с кем-нибудь из Прежних, кроме Гуппоры. Иногда я отыскивала аббатису Мальвину в ее маленьком садике и расспрашивала ее. Она отвечала, если могла, а когда не знала ответа, то сразу же признавалась в этом. Во время нашей последней встречи я нашла ее сидящей с каким-то сосудом, поставленным возле ее колена. Сосуд был из зеленого камня и сделан так искусно, что, казалось, ее пальцы просвечивали сквозь камень. На нем не было никаких украшений, но его линии были настолько изящны и четки, что сосуд являлся настоящим произведением искусства. На самом донышке сосуда было вино. Я знала, что это вино, так как мне в нос ударял его терпкий запах. Вино, нагретое ее пальцами, пахло виноградом. Мальвина медленно покачивала кубок, и вино омывало его стенки. Аббатиса не смотрела в кубок, она испытующе смотрела на меня. Мне стало как-то неловко и я старалась припомнить, не совершила ли я каких-либо прегрешений.

— Я много раз пыталась это сделать, Джойсан. И сегодня утром я проснулась с желанием повторить попытку для тебя. В юности у меня был дар предвидения, это действительно дар, хотя многие в этом сомневаются. Многие, кто боятся того, что нельзя попробовать на вкус, потрогать, услышать. Этим даром нельзя управлять. Те, кто им обладает, не могут вызвать его, они должны терпеливо ждать, когда он сам проявит себя. И сейчас, если ты желаешь, я могу попытаться использовать его для тебя, но получится ли что-нибудь у меня, не знаю.

Меня охватило возбуждение. Я слышала о даре предвидения. Им обладают Мудрые Женщины — вернее, некоторые из них. Но, как сказала аббатиса, этот дар нельзя натренировать, заострив, чтобы он всегда был готов к использованию, как меч мужчины или игла женщины — им можно пользоваться только тогда, когда он приходит, и бесполезно пытаться управлять им по собственному желанию. Но к моему возбуждению примешивался страх. Одно дело читать, слушать рассказы о таком могуществе, и совсем другое — видеть его в действии и применительно к себе. Но даже страх не заставил меня сказать «нет» в ответ на ее предложение.

— Встань передо мной на колени, Джойсан. Возьми сосуд двумя руками и держи его ровно.

Я сделала, как приказала аббатиса. Затем Мальвина наклонилась вперед и притронулась пальцами правой руки к моему лбу.

— Смотри в вино, думай, что это картина... картина...

Странно, но голос ее все удалялся и удалялся от меня. Я смотрела в кубок и видела в нем уже не темную жидкость. Мне казалось, что я смотрю в огромное безграничное черное зеркало, повисшее в пустоте. Оно не было блестящим, как обычное зеркало. Черная поверхность подернулась туманом. Его струйки постепенно преобразовались в смутные шевелящиеся тени. Я увидела круглый блестящий шар и в нем то, что было мне знакомо — грифон, отливающий белым блеском. Сначала шар был большим — он занимал все зеркало. Потом начал быстро уменьшаться, и я увидела, что он прикреплен к цепи.

Цепь держала рука, и шар вращался. Грифон то поворачивался ко мне, то отворачивался. Во мне росло понимание того, что этот шар имеет огромное значение для моей жизни. Вот он стал совсем маленьким и рука, державшая его, тоже стала уменьшаться. Вскоре появилось тело, которому принадлежала эта рука. Это был мужчина. Лицо его было повернуто в другую сторону, и я его не видела. На нем кольчуга, прикрывающая горло. На поясе висел меч, и никаких эмблем, по которым я могла бы опознать, к какому роду он принадлежит. Ничего, кроме загадочного шара. Затем мужчина исчез, и зеркало вновь стало темным и безжизненным. Рука Мальвины отпустила мой лоб. И когда я подняла на нее глаза, то увидела, что ее лицо побледнело. Поэтому я быстро поставила кубок на землю и отважилась взять ее руки в свои, чтобы помочь. Она слабо улыбнулась.

— Это требует немало сил, а их у меня почти нет, но я обязана была это сделать. Скажи, дочь моя, что ты узнала?

— Разве ты ничего не видела? — удивилась я.

— Нет, это было только для тебя.

Я рассказала обо всем, что прошло передо мной: о грифоне, заключенном в шаре, о человеке в боевых доспехах, который держал шар. И закончила словами:

— Грифон — это герб Ульма. Может быть, я видела лорда Керована, с которым обручена?

— Может быть, — согласилась Мальвина. — И мне кажется, что этот грифон имеет огромное значение для твоего будущего, и если он когда-нибудь попадет в твои руки, храни его. Вполне возможно, что в нем фокусируется могущество, которым обладали Прежние. А теперь позови даму Алусан. Мне нужно что-нибудь укрепляющее. Но не говори

ей, чем мы тут занимались, так как взгляд в будущее — весьма интимное дело, и о нем не следует распространяться.

Я не сказала об этом никому, даже Мат. Аббатиса изобразила, что ей просто нехорошо, и все дамы засуетились вокруг нее, так как очень любили ее. Никто не обратил на меня внимания. Я взяла сосуд с собой, отнесла в гостиную и поставила на стол. Я смотрела и смотрела на него, но не видела ничего, кроме вина — ни темного зеркала, ни движущихся теней. Но в памяти сохранилось видение грифона, и если бы я могла рисовать, я изобразила бы его в мельчайших деталях. Я думала, что бы могло это означать. Этот грифон несколько отличался от грифона на гербе Ульма. У него, как и положено, имелись крылья и голова орла. Но туловище было, как у льва — зверя, которого можно встретить лишь на юге. На голове орла красовались львиные уши. По верованиям нашего народа, грифон символизирует золото — тепло и величие солнца. В старых легендах утверждается, что грифон охраняет спрятанные сокровища. Поэтому грифонов всегда изображали красным и золотым цветом — цветом солнца. Но этот грифон, заключенный в блестящий шар, был белого цвета. Вскоре после этого события дама Мат и я вернулись домой в Икринт. Но здесь мы оставались недолго. Был Год Коронованного Лебедя.

Мне исполнилось четырнадцать лет, и пора было готовить одежду и все такое, что я должна была взять с собой, когда лорд Керован призовет меня к себе. А это могло произойти через год или два. И мы пришли в Тревампер — город, расположенный на стыке торговых путей. Здесь собирались все торговцы севера и предлагали свои товары. Даже Салкары — морские разбойники, весьма неохотно покидавшие царство ветра и воли, тоже приезжали в Тревампер. Тут мы случайно повстречались с моей тетей Ислайгой, ее сыном Торосом и дочерью Инглидой. Она сердечно приветствовала даму Мат, но я понимала, что это фальшивая вежливость, так как сестры не любили друг друга. Но леди Ислайга изображала на лице улыбку, поздравляя меня с удачной помолвкой, которая соединит меня с домом Ульма.

Когда старшие занялись своими разговорами и перестали обращать на нас внимание, ко мне подошла Инглида. Мне показалось, что смотрит она на меня с неприязнью. Это была плотная девушка в богатой одежде. Волосы ее были распущены, и на их кончиках подвешены серебряные колокольчики, которые мягко звенели при ее движениях. Это легкомысленное украшение не подходило к ее широкому плоскому лицу с чересчур маленьким ртом, который был

постоянно поджат, как будто она хранила тайну и не желала ни с кем ею поделиться.

— Ты знаешь, как выглядит твой жених? — ехидно спросила она.

Мне стало беспокойно под этим пристальным взглядом. Я знала, что Инглида плохо ко мне относится, но не могла понять, почему, так как мы едва знали друг друга.

— Нет, — я сразу насторожилась, как всегда, когда ощущала к себе враждебное отношение. Но лучше узнать правду сейчас, чем в тревоге ждать ее. И впервые я подумала о том, что никогда раньше об этом не задумывалась. Почему Керован не прислал мне свой портрет? Обычно во время обручения при помощи топора портрет жениха привозили.

— Жаль, — в ее взгляде я прочла нескрываемое торжество. — Посмотри, вот мой жених, Эльван из Риндейла. — Она вытащила из кошелька портрет, на котором было изображено чье-то лицо. — Он прислал мне его в подарок два года назад.

На портрете было лицо человека средних лет, а не юноши. И оно мне совсем не понравилось, хотя, может быть, просто художник был не очень хорошим. Но было ясно, что Инглида невероятно гордится портретом.

— Кажется, он серьезный человек. — это было лучшее, что я смогла придумать, чтобы похвалить ее жениха. Но чем больше я смотрела на портрет, тем больше он мне не нравился. Инглида восприняла мои слова, как похвалу. Я на это и надеялась.

— Риндейл — это горная долина. Там все занимаются производством шерсти и торгуют. Мой жених уже прислал мне это и это... — она показала на янтарное ожерелье, а затем протянула руку с кольцом в виде змеи. Глаза змеи были сделаны из красных драгоценных камней.

— Змея — эмблема его рода. Это его собственное кольцо, он прислал мне его в подарок. Следующей осенью я поеду к нему.

— Желаю тебе счастья.

Ее бледный язычок лизнул верхнюю губу. Она явно хотела что-то сказать, но не решалась. Наконец, она все-таки решилась, склонив голову ко мне. Я изо всех сил старалась не отодвинуться, хотя ее близость была мне неприятна.

— Мне бы хотелось пожелать тебе того же самого, дорогая родственница.

Я понимала, что мне не следует спрашивать ее ни о чем, но спросила помимо желания:

— А почему бы и нет, родственница?

— Мы гораздо ближе к Ульмдейлу, чем вы. Мы... мы многое слышали, — она с таким выражением произнесла последнее слово, что это произвело на меня впечатление. При всей моей неприязни к ней я не могла не выслушать ее.

— Что же именно? — в моем тоне прозвучал вызов. Она заметила это и наверняка получила удовольствие.

— О проклятии, родственница. Разве тебе не сообщили, что наследник Ульмдейла находится под двойным проклятием? Даже мать отказывается видеть его с самого момента рождения. Разве тебе не сказали этого? — повторила она с торжеством. — Сожалею, но я должна разрушить твои мечты об отважном юном лорде. Он — чудовище, и должен жить отдельно от людей, так как никто не может смотреть на него без содрогания.

— Инглида! — Это прозвучало осуждающе, и она взропнула, как будто ее ударили. Рядом с нами стояла дама Мат, и было очевидно, что она все слышала.

Ярость ее была так велика, что мне стало ясно: Инглида говорила правду или что-то весьма близкое к ней. Только правда могла так вывести из себя невозмутимую даму Мат. Она не сказала больше ни слова, но смотрела на Инглиду с такой злобой, что та отшатнулась, побледнела, вскрикнула и убежала. Но я осталась на месте и встретила взгляд дамы Мат. Во мне родился холод. Он все рос и рос. Я задрожала.

— Проклятие! — прошептала я. Монстр, на которого отказывается смотреть собственная мать! О, Гуппора! Что они со мной сделали, навязав это чудовище? Я думала, что кричу вслух, но я молчала. Молчала и дрожала. Я смогла овладеть собой, и медленно заговорила, стараясь, чтобы мой голос был ровным. Я решила узнать сейчас и именно здесь всю правду.

— Во имя Огня, которому ты служишь, леди, скажи мне всю правду. Ее слова — не ложь? Я обручена с человеком, не похожим на других людей? — Я не могла заставить себя произнести слово «монстр». Я полагала, что сейчас дама Мат все смягчит и скажет, что все обстоит совсем не так. Но она села рядом. Лицо ее стало строгим, хотя вспышка гнева угасла.

— Ты уже не ребенок, Джойсан. Скажу тебе все, что знаю. Это правда, что Керован живет отдельно от родных, но он — не монстр. На род Ульма наложено проклятие, а его мать родилась в северных долинах, где, как говорят, кровь людей смешалась с кровью Прежних. Поэтому и в нем их кровь. Лорд Цпарт удостоверился в этом перед тем, как согласиться на обручение.

— Но он же живет отдельно! Это правда, что его мать, которая родила его, отказывается смотреть на него? — ход во мне стал таким жестоким, что я едва сдерживала себя.

Но леди Мат была со мной вполне искренна.

— Это из-за обстоятельств его рождения. Она — набитая дура. — Затем она рассказала мне о том, как лорд Ульма не мог получить наследника от своих жен из-за своего проклятия. Тогда он женился в третий раз на вдове, которая родила ему сына раньше времени в стенах одного из строений Прежних. И она в страхе отвернула свое глупое лицо от сына, так как решила, что его послали Прежние. Но ребенок был вовсе не монстр. Его отец поклялся в этом Великой Клятвой, нарушить которую не осмелится никто.

Так как она рассказала мне все, ничего не скрывая, я поверила ей, и мое смятение улеглось. Затем она добавила:

— Радуйся, Джойсан, что тебе достался молодой муж. Инглида, несмотря на свое хвастовство, вышла замуж за человека, у которого уже была жена и который настолько стар, что годится ей в отцы. Он не станет покрывать ее тупость и потакать глупостям молоденькой дурочки. Она увидит, что ее муж будет гораздо менее терпим к ее капризам и лени, чем мать, и еще не раз пожалеет, что сменяла дом родителей на дом мужа. Керован — человек, с которым интересно общаться. Он не только умел в обращении с оружием, что занимает ум большинства мужчин, но также изучает древние книги и, как и ты, занимается исследованием того, что осталось от Прежних. Да, ты можешь гордиться своим мужем. Ты — умная девушка, и не позволяй завистливым словам этой тупой дурочки воздействовать на твой разум. Я могу поклясться Огнем, если ты захочешь этого, а ты знаешь, такую клятву я никогда не нарушу, что я не допустила бы твоей свадьбы с монстром!

Я хорошо знала даму Мат, и ее заверения меня полностью успокоили. Но все же в дальнейшем я все чаще и чаще задумывалась о том, что же представляет собой Керован. Мне было трудно поверить в то, что мать может отвернуться от своего ребенка. Может быть, то, что она родила его в здании Прежних, помутило ее разум?

Ведь рожала она в страхе от боли. А я знала, что многие места Прежних полны черного колдовства, враждебного к людям. Она могла стать жертвой колдовства, когда корчилась в родовых муках. И все время, что мы находились в городе — ни тетя, ни ее дочь не подходили к нам. Возможно, дама Мат высказала им свое мнение о том, что сообщила мне Инглида. Я была рада, что мне не нужно было видеть ее бледное полное лицо, поджатые губы и испытующий взгляд.

КЕРОВАН

Для большинства наших людей Пустыня являлась страшным местом. Там скрывались преступники, которые считали ее своей родиной. Там бродили охотники, еще более дикие, чем преступники. Они приносили из Пустыни меха неизвестных зверей, золото, но не самородки, а куски каких-то сломанных изделий, а также неизвестный металл, который очень у нас ценился. Кузнецы делали из него великолепные мечи и кольчуги, необыкновенно крепкие и не ржавеющие. Но иногда этот металл обладал страшными свойствами: он взрывался и разрушал все вокруг. Кузнецы охотно его брали, но всякий раз опасались, не попал ли в их кузницу кусок проклятого взрывающегося металла. Те, кто приносил металл, тщательно скрывали место, где его брали. Ривал был уверен, что они находили его не на поверхности, а выкапывали из-под земли. Видимо, какое-то строение древних постигла катастрофа, в результате которой металл оплавился в эти бесформенные куски. Ривал пытался выпытать что-нибудь у некоего Лагона, торговца, который дважды проходил через наш лес, но он отказался что-либо сообщить. Поэтому не только дорога привлекала нас.

В пустыне было еще много тайн, требующих разгадки. И такое путешествие мне чрезвычайно нравилось. Мы дошли до места, где начинается дорога, к середине утра и долго стояли перед ней, не решаясь поставить ногу на гладкую поверхность, кое-где засыпанную песком. Здесь была первая загадка, так как дорога кончалась резко, будто эту прямую полосу обрубил меч какого-то великана. Но если даже такое и случилось, то где же остаток дороги по другую сторону меча? Дорога кончалась, и дальше не было следа. Почему она вела к этому месту, где ничего не было? Конечно, вполне возможно, что разум Прежних был совсем иным, чем у людей, и нам сложно судить об их намерениях.

— Совершенное место. А сколько лет прошло с тех пор, как здесь ходили люди, Ривал? — спросил я.

Он недоуменно пожал плечами.

— Кто знает? И люди ли сделали ее? Но если дорога кончается так, то начало может быть интересным.

Мы ехали на маленьких неприхотливых лошадках, привычных к передвижению по пустыне. Они могли преодолеть большое расстояние, довольствуясь минимумом еды и питья. На третьей лошади были сложены наши пожитки. Оделись мы так, как одеваются торговцы металлом, и тот, кто мог

следить за нами, наверняка решил бы, что мы — тоже обитатели пустыни. Ехали мы очень осторожно, прислушиваясь к каждому звуку и внимательно наблюдая за окружающим. Только тот, кто все время настороже, может надеяться избежнуть ловушек и прочих опасностей в этой стране. Пустыня не была пустыней в полном смысле слова, но растительность тут была скучной, а трава сожжена солнцем. Временами встречались рощи, где толстые деревья росли очень близко друг к другу. Кое-где виднелись камни, возвышающиеся, как колонны. Некоторые из камней были обработаны, если и не людьми, то какими-то существами, имеющими инструменты. Но время и непогода так выветрили их, что на них остались едва заметные следы обработки. Мы видели остатки стены, затем пару колонн, вероятно, поставленных при входе во что-то. Но мы проехали мимо этих мест, так как исследовать их у нас не было времени. На равнине царила тишина. День выдался безветренным. Стук копыт наших лошадей по каменным плитам разносился далеко по сторонам, и я вскоре начал беспокойно оглядываться через плечо. Мне начало казаться, что за нами следят преступники. Моя рука, помимо воли, потянулась к рукояти меча, как бы готовясь отразить нападение. Но когда я взглянул на Ривала, то обнаружил, что он едет спокойно, правда, изредка поглядывая по сторонам. Я подъехал ближе к нему.

— Кажется, за нами следят. — Мне пришлось немного поступиться гордостью, но он лучше знал эту страну.

— Здесь, в Пустыне, так всегда бывает.

— Преступники? — Мои пальцы сжали рукоять меча.

— Возможно. Но, скорее всего, что-нибудь другое, — его глаза не желали встречаться с моими, и я понял, что он не может это объяснить. Или он просто не желал выказывать передо мной свою тревогу. Я ведь был моложе его и менее опытен в таких путешествиях.

— Это правда, что Прежние оставили после себя стражей?

— Что могут знать люди о Прежних? — ответил он вопросом на вопрос. — Хотя это не исключено. Когда человек идет по пути Прежних, ему часто кажется, что за ним следят. Если даже ими в действительности оставлены стражи, то они сейчас слишком стары и бессильны и ничего не могут сделать, кроме слежки.

Эти слова вряд ли могли меня успокоить. Я продолжал вертеть головой во все стороны, но ничто не шевелилось в этой плоской пустыне, где пролегла дорога, прямая, как стрела. К полудню мы остановились на обочине, поели и напоили лошадей из бурдюков. Солнце скрылось за серыми

тучами, которые, казалось, не предвещали приближение бури. Но Ривал почему-то понюхал воздух.

— Нужно искать укрытие, — заявил он, и в его голосе слышались тревожные нотки.

— Но я не вижу для этого причин.

— Буря приходит здесь быстро и без предупреждения, — он взглянул вдаль и указал мне на темное пятно впереди, возможно, это были какие-то развалины. Мы быстро направились туда и вскоре обнаружили, что эти развалины находятся от нас довольно далеко. Над землей уже повисла дымка, искажающая размеры предметов, так что они оказались ближе, чем на самом деле. Наконец, мы добрались до намеченного места, и как раз вовремя, так как небо уже потемнело, как в пасмурный день. Скоро наступит вечер. К счастью, тут можно было укрыться, хотя эти развалины были настолько стары, что никто бы не смог сказать, чем они были раньше, но мы обнаружили там и более сохранившиеся фрагменты. Среди обломков нашли часть комнаты с остатками крыши. Мы вошли туда вместе с лошадьми и кладью. Ветер уже свирепствовал. Он поднимал клубы пыли, которая забивала рот, ноздри. Мы с трудом успели спрятаться. В комнате ничего не было видно из-за плотной завесы пыли. Но длилось это недолго. Над головой раздались жуткие раскаты грома, как будто в бой шла какая-то могучая армия. Небо прочертила ослепительная молния.

Было ясно, что она поразила землю где-то совсем рядом, а затем хлынул дождь. Он мгновенно прибил пыль, но это не помогло нам оглядеться, так как перед нами встала совсем другая завеса — на этот раз водяная. Вода ручьями бежала по выщербленному полу, и мы забрались в самый дальний угол помещения. Лошади фыркали, ржали, косили глазами, перепуганные разбушевавшейся стихией. Но я считал, что нам вполне повезло с укрытием, хотя вздрагивал и съеживался при вспышках молний. Гром буквально оглушал нас. Мы сжались в комочки и крепко держали поводья, чтобы лошади, обезумев от страха, не сбежали. Вскоре они начали успокаиваться, перестали вертеть головами, и я постепенно расслабился. Темнота была кромешной, точно глухой ночью, и у нас не было факелов. Хотя мы тесно прижимались друг к другу, дождь так шумел, что мы не могли бы слышать друг друга, не крича. А кричать здесь мы не осмеливались. Чем были прежде эти руины? Здание стояло близ дороги и вполне могло быть таверной. А может быть, это было помещение патрульного поста, или даже замок. Ривал говорил: «Кто может понять намерения Прежних?».

Свободной рукой я ощупал стену. Поверхность была совершенно гладкой в отличие от внешних сторон, выщербленных временем. Мои пальцы не могли нашупать мест соединения плит. Но должны же эти блоки где-то соединяться между собой! Внезапно... Люди спят и видят сны. Но я могу поклясться, что не спал. А если это был сон, то такой, который я видел впервые в жизни. Передо мной предстало лицо, по которой кто-то двигается, но кто именно, невозможно разглядеть из-за плотного тумана. Просто силуэты, напоминавшие людей. Но были ли это люди? И хотя я не мог рассмотреть их, их эмоции достигали меня. Все они двигались в одном направлении, и это было бегство. Но не поражение, не бегство от наступающего врага. Казалось, какое-то обстоятельство вынудило их к отступлению, и они уходят оттуда, где долго жили, пустив глубокие корни. Я понимал, что они не принадлежат в данном случае к одному народу. Один из них, проходя мимо меня, вызвал чувство сожаления, потери, такое острое и четкое, как будто он громко кричал об этом на понятном мне языке. Уяснить чувства многих других мне было сложнее, хотя, совершенно очевидно, они являлись не менее глубокими. Но вот основная часть процессии удалилась. Теперь передо мной проходили небольшие группы тех, кому, вероятно, было труднее всего уходить. Слышал ли я их плач сквозь шум дождя? Скорее всего, они плакали мысленно, и горе их так подействовало на меня, что я не мог смотреть на них. Я закрыл глаза и ощутил, как по моим пыльным щекам стекают горькие слезы.

— Керован!

Наконец, призрачные тени исчезли. Осталась только свирепая буря. На моем плече лежала рука Ривала. Он тряс меня, как бы стараясь пробудить ото сна.

— Керован! — В его голосе послышались повелительные нотки. Я тщетно пытался рассмотреть что-либо во мраке.

— В чем дело?

— Ты... ты плачешь, что с тобой?

Я рассказал ему о народе, который уходил куда-то, охваченный горем.

— Может быть, у тебя было видение, — произнес он задумчиво, когда я закончил свой рассказ. — Может быть, так Прежние покидали эту страну. Ты никогда не пробовал себя в ясновидении? Не проверял себя на наличие в тебе Могущества?

— О, нет! — Я решил, что мне не нужна еще одна тяжесть, которая окончательно отдала бы меня от людей. Достаточно того, что на моем теле отразилось проклятие, лежащее на нашем роду, и я не хотел прибавлять к этому еще и

ясновидение. Я не желал идти по пути, по которому идут Мудрые Женщины и некоторые мужчины, вроде Ривала. И когда Ривал предложил мне испытание, я быстро и без сомнений отказался. Ривал не настаивал. Идти по этому трудному пути должны добровольно и самостоятельно. Он требовал более суворой дисциплины, чем путь воина. Здесь царили свои законы. Когда буря стихла, небо снова просветлело, и мы смогли двинуться дальше. В выбоинах и ямах стояла вода. Мы наполнили свои бурюки и досыта напоили лошадей. Мы ехали, я же все время думал, что же это было — сон или видение? Но вскоре острота сопереживания, которая так воздействовала на меня, прошла. И я был рад этому. Дорога, которая до этого все время шла прямо, теперь стала описывать широкую дугу, отклонившуюся к северу. Она вела все дальше в неизвестность Пустыни. Впереди мы заметили темно-голубую линию в вечернем небе, как будто там лежала горная цепь. Земля стала более гостеприимной, все чаще попадались деревья, а не чахлые кустарники, окруженные засохшей травой. Вскоре мы добрались до моста, переброшенного через бурный поток. И тут мы остановились на ночлег. Ривал настоял на том, чтобы мы устроились не на берегу, а на песчаном мысу, врезавшемся в поток. После дождя вода в реке поднялась, и бурные волны разбивались о прибрежные камни, обдавая нас брызгами. Я с неудовольствием принял решение Ривала, так как считал, что место выбрано довольно неудачно, и оно слишком опасно из-за близости воды. Вероятно, Ривал угадал мое настроение, потому что сказал:

— Это опасная страна, Керован. Лучше позаботиться об обычных предосторожностях... и о необычных тоже.

— Обычные предосторожности?

Он показал на воду.

— Через такой бурный поток не перейдет никто. В случае нападения нам придется защищаться лишь с одной стороны.

Это действительно была обычная предосторожность. Я раскидал камни, очистив место для нас и животных. Ривал запретил разводить костер, хотя бурная речка принесла много топлива. В воде была своя жизнь. Я заметил чью-то мелькнувшую тень и подумал, что здесь водится рыба громадных размеров, хотя затем мною овладело беспокойное ощущение, что это не тень рыбы. Я решил, что тут лучше не погружаться слишком глубоко в неизвестность.

Мы решили поочередно дежурить, как будто находились в окружении врагов. Когда наступила моя очередь сторожить, то я был настолько встревожен, что в каждой тени мне чудилось подползающее чудовище, но я постарался взять

себя в руки и успокоиться. Хотя солнца днем не было, луна ночью появилась во всем блеске. Ее яркие лучи, освещая долину, делали ее черной и серебряной — серебряной на открытом пространстве, черной — в тени. В этой Пустыне была своя жизнь. Мы услышали отдаленный стук копыт, и наши лошади заржали и забеспокоились. Видимо, это были их дикие собратья. Однажды я услышал далекий печальный зов, подобный вою волка, вышедшего на охоту. И что-то большое и крылатое медленно и бесшумно пролетело над нами, как бы рассматривая, кто же это вторгся в его владения. Но эти звуки не были пугающими сами по себе: все знали о существовании диких лошадей, волки забегали даже в долины, а крылатые хищники водились повсюду. Нет, вовсе не эти звуки тревожили меня. Меня тревожило то, чего я не слышал. Я был уверен, что в этой серебристо-черной долине кто-то скрывается и бдительно следит за нами или слушает наши разговоры. Но я никак не мог решить — добро это или зло. Утреннее солнце разогнало все мои страхи. В дневном свете долина не выглядела такой жуткой. Она была открыта взгляду и пустынна. Мы переехали мост и направились дальше по дороге к горам. К полудню мы приблизились к их подножию. Вершины были остры, как ножи. Дорога перестала быть прямой. Она сузилась до того, что по ней можно было проехать только двоим одновременно. Она поворачивала вправо и влево, спускалась вниз и поднималась вверх. Казалось, что те, кто ее прокладывал, следовали по самому легкому маршруту в этом лабиринте гор. Прежние и тут оставили свои следы. На каменных плитах мы видели множество изображений.

Встречались лица, подобные лицам людей, а иногда мы замечали физиономии каких-то жутких существ. На некоторых плитах мы видели высеченные надписи, и Ривал терпеливо срисовывал их. Хотя никто никогда не мог прочесть письмена Прежних, Ривал надеялся, что когда-нибудь ему удастся сделать это. Он истратил так много времени на копирование, что полдень застал нас в узком ущелье, где мы решили отдохнуть, устроившись под самым подбородком широкого лица, надменно смотрящего на нас из глубины утеса, на котором оно было высечено. Я долго изучал его и, чем больше смотрел, тем более знакомым казалось мне это лицо, хотя и не смог сказать, почему и откуда. И несмотря на то, что мы были окружены этими причудливыми изображениями, теперь у меня не было ощущения, что за нами следят. Впервые за время нашего путешествия у меня поднялось настроение.

— Почему здесь столько изображений? — удивился я. — Чем дальше мы продвигаемся, тем их становится больше.

Ривал проглотил кусок хлеба и, собравшись с мыслями, ответил:

— Возможно, мы приближаемся к очень важному месту — святыни или городу. Может, это часовые... Годами я собирал и анализировал рассказы торговцев, и никто из них не забирался так далеко по этой дороге.

Я заметил, что он возбужден и ждет какого-то важного открытия, самого важного из тех, что он сделал за долгие годы путешествий по этой Пустыне. Он быстро поел, так как нетерпение уже овладело им, так же как и мной. Мы решили не задерживаться под этим гигантским подбородком и поскакали дальше. Дорога продолжала извиваться между холмами, и изображения стали более сложными и замысловатыми. Ривал остановился перед одним из них и трепетно воскликнул:

— Великая Звезда!

Всматриваясь в изображение, с трудом я выделил взглядом пятиконечную звезду. Она была так искусно замаскирована в лабиринте линий, что найти ее было довольно сложно.

— Великая Звезда? — произнес я с недоумением.

Ривал соскочил с лошади, подошел к утесу и начал ощупывать глубоко высеченные линии, как бы желая, чтобы его пальцы подтвердили истинность того, что видят глаза.

— Насколько я знаю, это способ вызова одного из самых Могущественных, но, кроме изображения, от ритуала ничего не осталось. Никогда раньше я не видел такого сложного рисунка. Я должен перерисовать его.

Он достал рог с чернилами, перо, кусок пергамента и принялся за работу. Я изнемогал от нетерпения, наблюдая, как он любовно и аккуратно прорисовывает каждую черточку, то и дело сверяясь с оригиналом.

— Я разомнусь немного, — сказал я.

Ривал что-то хмыкнул в ответ, не отрываясь от работы.

Я поскакал, сделал поворот и... конец дороги! Передо мной возвышалась каменная плита, и никаких намеков на дверь или ворота. Мощеная дорога кончалась перед этим утесом. Не веря своим глазам, я смотрел на такой неожиданный и бессмысленный конец нашего путешествия, на которое мы возлагали столько пламенных надежд. Дорога начиналась ниоткуда и кончалась в... Зачем же тогда вообще она была нужна? Каким целям служила?

Я сошел с коня и ощупал пальцами каменные плиты. Это был настоящий твердый камень — дорога находилась лишь за мной, упираясь в камень. Я прошел сначала в одну сторо-

ну, затем в другую, пытаясь обнаружить хоть какой-то смысл во всем этом. С каждой стороны находилось по колонне, как будто они охраняли какой-то вход, портал. Но самого портала не было! Я подошел к левой колонне и дотронулся до нее, и тут же заметил у ее подножия что-то непонятное. Полузасыпанный песком какой-то блестящий предмет. Я опустился на колени и сначала пальцами, а затем кончиком ножа выцарапал находку из каменной расщелины. В моей руке находился странный поблескивающий предмет. Это был шар, маленький блестящий шар. Вероятно, он пролежал среди этих грубых камней довольно долго, и все же на нем не было видно ни единой царапины. Внутри шара я увидел изображение грифона, как будто сделанного искусственным ювелиром-резчиком драгоценных камней. Грифон был гербом нашего рода. У него одна нога с когтями была поднята, а клюв раскрыт, словно он хотел изречь какую-то мудрость. Прямо над головой грифона в шаре находилось золотое перекрученное кольцо, как бы звено цепи. Я стоял, держа шар в руке, и свет его становился все сильнее. И я мог бы поклясться, что шар нагревается. Тепло, исходящее от него, было мне приятно. Я держал шар на уровне глаз, чтобы повнимательнее рассмотреть грифона. Теперь я видел, что глаза его сделаны из красных камней, и эти глаза вспыхивали, хотя на них не попадали лучи солнца. Казалось, они жили своей жизнью. У Ривала я видел множество различных обломков, но впервые мне попалась такая вещь — совершенно целая и неповрежденная — за исключением остатка цепи, но это легко можно было восстановить. Отдать ее Ривалу? Но когда я смотрел на грифона, чувствовал, что он предназначен именно мне, что эта находка — не просто мое везение, шар сделан для меня. Но я не знал, какова цель этого подношения. Может, действительно ко мне через мать проникла примесь крови Прежних, и поэтому шар так странно знаком мне. Я принес шар Ривалу. Когда он взглянул на него, на его лице выразилось безграничное удивление.

— Сокровище... и оно только твое, — медленно проговорил он, как будто ему не хотелось произносить этих слов.

— Нашел его я, но сокровище принадлежит в равной степени нам обоим, — я заставил себя быть великодушным.

— Нет, это не может быть простой случайностью, что шар с грифоном нашел тот, у кого грифон — герб рода. — Он протянул руку и коснулся левой стороны моего камзола, где красовалась голова грифона. Он даже не стал брать шар в руки, хотя внимательно осмотрел его. — Эта вещь обладает могуществом, — высказался он, наконец. — Ты чувствуешь в нем жизнь?

Я чувствовал. Тепло, которое излучал шар, грело меня, и я не мог этого отрицать.

— Его можно использовать по-разному, — тихо проговорил Ривал, прищурив глаза. — Он может осуществлять связь между людьми, открыть дверь без ключа. Шар будет твоей судьбой и поведет тебя в загадочные места.

Хотя он никогда не говорил о своей способности к ясновидению, я понял, что сейчас он владеет какой-то тайной силой, позволяющей ему увидеть будущее шара, который я нашел. Я завернул шар в пергамент и спрятал во внутренний карман камзола для большей безопасности. Возле каменной плиты Ривал был также удивлен, как и я. По всему было ясно, что портал — место чрезвычайной важности, но ведь портала не было, как не было и входа куда-либо. В конце концов, мы удовлетворились тем, что нашли, и направились в обратный путь домой. За все время пути Ривал ни разу не попросил у меня шар с грифоном, чтобы посмотреть на него. Я тоже не доставал свою драгоценную находку, но постоянно думал о ней. В те две ночи, которые мы провели в Пустыне, мне снились странные сны, но я не смог ничего из них вспомнить. Однако у меня осталось страстное желание вернуться в мой единственный дом, так как там меня ждет дело чрезвычайной важности.

ДЖОЙСАН

Несмотря на всю мою неприязнь к Инглиде, ее брат Торосс мне понравился. Этой осенью, после нашего возвращения в Икринт, он приехал с небольшим эскортом в горы на охоту. Они хотели принять участие в большой охоте, после которой наши кладовые заполнились бы на зиму соленым и копченым мясом. Отличаясь от сестры как по телосложению, так и по разуму, он был стройным и хорошо сложенным юношем. Волосы его были более рыжими, чем у жителей долины. Он обладал быстрым и острым умом, и кроме того, отлично пел. Я слышала как дама Мат говорила женщинам, что Торосс должен всю жизнь носить с собой рог, чтобы собирать слезы девушек, вздыхающих по нему. Однако сам он не предпринимал ничего, чтобы заслужить их внимание. Он всегда был готов принять участие в чисто мужских развлечениях — скачках, фехтовании — и был не последним среди мужчин. А для меня он стал другом, какого у меня никогда не было. Он обучил меня словам многих песен и показал, как подыгрывать себе на лютне. Иногда он приносил мне ветку с ярко окрашенными осенними листьями или же еще что-нибудь

такое же безыскусное, но красивое. Правда, у него не хватало времени для подобных развлечений — ведь это был период, когда приходилось немало работать и запасать продукты на холодные дни. Мы сушили фрукты, шили теплые одежды и чинили то, что требует ремонта. Все больше и больше работы оставляла для меня леди Мат. Она говорила, что я уже не маленькая и мне нужно набраться опыта, коль скоро я буду хозяйкой в собственном доме, в доме моего мужа. Я часто допускала ошибки, но многому научилась, так как была горда и не желала, чтобы потом надо мной посмеивались в чужом доме. И я ощущала гордость, когда дядя хвалил блюдо, приготовленное моими руками. Хотя я была целыми днями занята и трудилась даже по вечерам, когда мы занимались одеждой, я все же не могла выбросить из головы мысли, которые разбудила во мне Инглида. И поэтому я сделала то, что могла сделать только глупая молодая девчонка. На западе нашей долины находился источник, о котором говорили, что если прийти к нему в полнолуние, когда луна отражается на поверхности воды, то обретешь счастье. Не вполне веря этому, и не питая большой надежды, я тайком ушла из дома и направилась по только что сжатым полям на запад. Ночь была холодной, и я натянула на голову капюшон плаща. Затем я стояла, глядя на сверкающую поверхность луны и держа шпильку, готовясь уронить ее в центр блестящего круга. Но неожиданно изображение луны задрожало и превратилось во что-то другое. И я увидела, что теперь это не луна, а шар. Я уронила шпильку от удивления, вода снова задрожала и это видение, если это было видением, исчезло. От удивления я забыла то заклинание, которое должна была произнести. Так что все мое приключение оказалось напрасным, я не могла больше надеяться на свое счастье. Расхохотавшись над своей глупостью, я побежала прочь от источника.

В мире, где мы жили, существовало колдовство и заклинания. Этим занимались Мудрые Женщины, посвятившие колдовству и магии свою жизнь. Но были и такие, как аббатиса Мальвина, которые могли управлять силами, недоступными пониманию большинства людей. Каждый может после соответствующих тренировок, если, конечно, у него имеется дар, научиться управлять такими силами, но у меня не было ни дара, ни терпения. Может, мне лучше не вмешиваться в эти дела? Только... почему я снова увидела грифона, заключенного в шар?

Грифон... мои пальцы нашупали вышитую эмблему грифона на платье. Это был герб дома Ульма, с которым я связана торжественной клятвой. Что же представляет собой мой

жених? Почему он не присыпает мне своего портрета, как сделал это жених Инглиды? Чудовище? Да, Инглиде не было никакого смысла лгать мне. Нанерианка в ее словах есть доля правды, и имеется только один способ.. Из Ульмдейла к моему дню рождения ежегодно приходили подарки, и когда они прибудут в этом году, я отыщу начальника каравана и попрошу, чтобы он передал мое пожелание жениху — обменяться портретами. У меня уже был свой портрет, нарисованный писцом дяди. Такой у него был талант. Да, именно это я и сделаю. Мне казалось, что источник вложил в мою голову такую счастливую мысль. И поэтому я прибежала обратно в зал, радостная и никем не замеченная.

«Теперь я талантлива, помог источник» — подумала я и принялась за осуществление своего решения. Сначала мне было необходимо подыскать подходящий для портрета футляр, который я аккуратно наклеила на отполированную деревянную пластинку. Потом я сшила небольшой мешочек. На его лицевой стороне вышила изображение грифона, а на обратной — сломанный меч. Я надеялась, что мой жених поймет эти нехитрые намеки, поймет, что мое будущее — Ульмдейл, а прошлое — Икринт. Все это я делала тайно, так как не желала посвящать кого-либо в свои планы. Но я не успела спрятать свою работу, когда Торосс в полдень зашел ко мне без предупреждения. Портрет лежал на столе, и я как раз измеряла его. Торосс заметил его и сразу же спросил:

— Чья искусная рука сделала это? Портрет очень похож на тебя.

— Это Аркан, писец дяди.

— И для кого же он нарисовал его?

В его голосе прозвучала повелительная нотка, как будто он имел право требовать от меня отчета. Я была очень удивлена и даже немного разозлилась, что он заговорил со мной таким неподобающим тоном. Ведь он всегда был со мной вежливым и мягким.

— Это подарок лорду Керовану. Скоро он пришлет мне подарки, а я отправлю ему портрет, — я не хотела раскрывать свои планы Тороссу, но его вопрос был поставлен слишком прямо, и увиливнуть от ответа было невозможно.

— Твой лорд! — он отвернулся от меня. — Я забыл, что эта связь существует, Джойсан! Ты когда-нибудь думала, что значит приехать к незнакомым людям, к жениху, которого ты никогда не видела? — Снова в его голосе я ощущала какую-то горечь, жестокость, которой не могла понять. Я не думала, что он хочет пробудить во мне страх.

Я не желала отвечать ни «да», ни «нет» на вопрос, которого он не имел права задавать.

— Джойсан.. существует право отказа от свадьбы! — эти слова вырвались у него помимо его воли. Он стоял, не глядя на меня. Рука его лежала на рукояти меча, и я видела, как его пальцы стиснули эфес.

— И обесчестить его и мой дом? — возмутилась я. — Ты хочешь, чтобы меня все презирали? Какого же ты обо мне мнения, родственник? Почему ты решил, что я могу так оскорбить человека?

— Че-ло-ве-ка! — он резко повернулся ко мне. В выражении его глаз и лица была какая-то жестокость, которой я раньше в нем не замечала. — Ты знаешь, что говорят о наследнике Ульмдейла? Человек... О чем думал твой дядя, когда соглашался на обручение? Джойсан, никто не осудит девушку, которая откажется от свадьбы, если узнает, что ее обманули. Будь благоразумна и откажись от свадьбы! Сейчас же!

Я встала. Во мне разгорался гнев. Однако, внешне я была совсем невозмутима, так как умела скрывать свои истинные чувства. За это я должна благодарить судьбу — она дала мне превосходное оружие против злобного мира.

— Родственник, ты забываешься. Такие слова абсурдны и недопустимы. Неужели ты думаешь, что я послушаюсь тебя? Лучше попридержи свой язык. — И я вышла, не обращая внимания на его робкую попытку задержать меня. После этого я вошла в свою маленькую комнату и встала у северного окна, уставившись вдаль. Я дрожала, но не от холода, а от смятения, которое гнездилось во мне уже несколько недель с момента встречи с Инглидой. Тогда она, а теперь странные слова Торосса.. Да, право отказаться от свадьбы существовало, но оно всегда вело к смертельной вражде между Домами. «Чудовище» — это сказала Инглида. И теперь Торосс сказал «че-ло-век», как будто это слово нельзя применить по отношению к моему жениху! Но ведь мой дядя не желал мне зла. Он наверняка все заранее обдумал, прежде чем дал согласие на помолвку, и даже дама Мат дала мне торжественную клятву...

Я тут же подумала об аббатисе Мальвине. Только с ней одной я могла поговорить об этом деле. Мнение дамы Мат я уже знала: Керован стал жертвой стечения обстоятельств. В это я могла поверить с большей готовностью, чем в то, что он — не человек. Ведь после клятвы, которыми обменялись его отец и мой дядя, этого просто не могло быть. И я успокоила душу такими размышлениями, еще больше укрепившись в намерении послать свой портрет Керовану. Но после этого я всячески избегала Торосса, хотя он неоднократно предпринимал попытки поговорить со мной. Лишние хлопоты! Я

всегда ссыпалась на занятость, на недостаток времени и уходила от него. В конце концов, он поговорил с моим дядей, и в тот же день он и его люди уехали из Икринта. Дядя вызвал меня к себе, а Аркан направился за дамой Мат. Дядя хмурился, и по его лицу я поняла, что он чем-то чрезвычайно озабочен. Когда я вошла, он стал еще более хмурым.

— Ты что затеваешь, девочка! — закричал он, едва я появилась на пороге. — Неужели твое слово так легковесно, что ты...

Дама Мат поднялась с кресла. На ее лице был гнев, но направлен он был на дядю, а не на меня.

— Сперва нужно выслушать Джойсан, а уж потом кричать на нее, если она этого заслуживает, — ее тихий, но повелительный голос отрезвил его. — Джойсан, сегодня Торосс пришел к твоему дяде и начал говорить об отказе от свадьбы...

Теперь наступила моя очередь перебить ее. Меня тоже охватил гнев, когда дядя стал кричать на меня, не выслушав, что я думаю обо всем этом.

— Он и мне говорил о том же самом, но я отказалась его слушать. Я заявила, что не нарушу клятву. Неужели вы так плохо меня знаете, что поверили ему, а не мне?

Дама Мат довольно кивнула.

— Так я и думала! Джойсан живет с тобой столько времени, а ты даже не знаешь, что она собой представляет! Что сказал тебе Торосс, Джойсан?

— Мне показалось, что он считает лорда Керована сообщником зла. Он уговаривал меня отказаться от свадьбы, а я сказала, что мне не подобает выслушивать его постыдные слова, и ушла от него. После этого я ни разу с ним не разговаривала.

— Отказаться от свадьбы! — Дядя сильно ударил кулаком по столу. — Он сумасшедший? Это значит вступить в кровную вражду не только с Ульмдейлом, но и с половиной северных родов, что стоят за Ульриком! Почему он так настаивает на этом?!

В глазах дамы Мат появился холод.

— Я могу предположить две причины, братец. Первая — его горячая кровь, а вторая...

— Хватит! Нет нужды перечислять все причины, которые могли вызвать такую глупость со стороны Торосса. Слушай, девочка! — Он повернулся ко мне. — Ульрик поклялся, что его наследник может быть мужем любой леди. То, что его жена слегка тронулась при рождении сына, об этом знают все. Она так ненавидит своего сына, что называет его не иначе, как чудовище, хотя он вовсе не чудовище. Ульрик

разговаривал со мной о причинах всего этого. Я расскажу тебе все, но ты должна держать язык за зубами, и не забывай этого, девочка!

— Конечно, дядя, — заверила я его, так как он сделал паузу, как бы ожидая, чтобы я дала обещание.

— Ладно... Тогда слушай! Знай, что лежит за всеми этими дикими историями, чтобы ты могла отличить правду от фальши. Леди Тефана, мать твоего жениха, имеет сына Хлимера от первого брака. Так как он не получил наследства от своего отца, леди Тефана привезла его с собой в Ульмдейл. К тому же, у нее есть дочь Лизана, которая на год моложе твоего жениха. Лизана помолвлена с кем-то из рода матери. Тефана обожает свою дочь так же сильно, как ненавидит Керована. Ульрик уверен, что в его доме гнездится заговор против истинного наследника. Они хотят, чтобы наследником стал муж Лизаны, а не Керован. Ульрик ничего не может против них предпринять, так как у него нет доказательств. Но он не хочет, чтобы сына изгнали и лишили наследства, тогда Ульрик уже не сможет защищать его. Поэтому он стремится обеспечить Керована мощной поддержкой, связав его с сильным родом. На троне не может сидеть человек, тело и душа которого не такие, как у других людей. И они хотят посеять сомнения у тех, кто будет поддерживать наследника трона. Распустить о нем слухи, что он монстр... и тому подобное. Ты понимаешь, что может произойти, если у них все получится? Торосс пришел ко мне со слухами. Я дал клятву Ульрику не рассказывать никому о всех его предположениях и страхах, поэтому я просто запретил Тороссу болтать об этом. Но ты, вероятно, выслушала его...

Я покачала головой.

— Он пришел ко мне с этим, но я уже слышала еще раньше подобное от его сестры в Тревампере.

— Мат рассказывала мне об этом. — Гнев сошел с лица дяди. Теперь я знала, что ему стыдно за то, что он так меня встретил. И хотя он никогда не признается в этом, мы хорошо понимали друг друга в таких вопросах. — Вот видишь, девочка, как далеко зашли слухи! Я далек от мысли, что Ульрик плохо управляет своим Домом, но каждый глава рода должен держать свой Дом в руках. Однако знай, что ты помолвлена с лордом, стать женой которого — большая честь, и это время скоро наступит. Не обращай внимания на слухи, ведь теперь ты знаешь их источник и цель.

— Благодарю тебя за правду, дядя.

Когда я вышла от него с дамой Мат, она сразу же увлекла меня в свою комнату и долго смотрела на меня, как бы пытаясь выяснить, что же таится в моей голове.

— Почему Торосс осмелился говорить с тобой об этом? Нужны весьма веские причины, чтобы нарушить обычай. Ты помолвлена, Джойсан, и тебе не пристало строить глазки направо и налево.

— Все не так, дама Мат, — и я рассказала ей о своем плане. К моему удивлению, она не стала меня осуждать и упрекать. Она просто кивнула.

— Все правильно, Джойсан. Вероятно, нам следовало подумать об этом раньше, развеялись бы всякие слухи. Если бы у тебя был портрет лорда Керована во время разговора с Инглидой, ты смогла бы ответить ей вполне достойно. Значит, Торосс был в бешенстве от того, что ты хотела сделать? Сейчас этот мальчишка вернулся к тем, кто послал его сеять здесь смуту, — она была в ярости, но я не понимала, на кого направлена эта ярость. Леди Мат не стала мне ничего объяснять.

Вскоре я закончила трудиться над мешочком, и леди Мат сказала, что это — моя лучшая работа. Я положила его в свой шкафчик до приезда каравана из Ульмдейла. Караван прибыл через несколько дней. Он отличался от тех, что приезжали раньше. Все охранники были старые, израненные в прежних боях. Они уже не могли нести активную службу. Их старший был сгорбленным пожилым человеком и ходил, прихрамывая. Кроме шкатулки, которую он с церемониями передал мне, он привез послание Ульрика моему дяде и тут же начал с ним какой-то важный разговор. Я подумала, что это может быть вызов в Ульмдейл. Но поразмыслив еще немного, я отказалась от этого предположения. Мой жених должен был бы приехать сам во главе пышной процессии, чтобы с честью доставить меня к себе в дом. В шкатулке находилось ожерелье из северного янтаря и золотой кулон с цепочкой. Да, это был богатый подарок. Я знала, что дама Мат устроит мне возможность поговорить с этим Яго наедине, и тогда я смогу вручить ему свой подарок и просьбу. Но, видимо, он многое должен был рассказать дяде, и поэтому даже не вошел в дом до самого ужина. Я была рада, что его посадили рядом со мной, потому что я могла бы попросить его о тайном свидании, где я передала бы ему подарок. Но он заговорил первым:

— Леди, ты получила подарок дома Ульмдейла, но у меня имеется подарок от самого лорда Керована, который он просил вручить тебе прямо в руки.

Я почувствовала страшное возбуждение, так как предположила, что он прислал мне свой портрет. Но это был не портрет. Мы отошли от стола подальше и он вложил в мою дрожащую ладонь не плоский пакет, а маленький, круглый.

Я быстро развернула его и... у меня в руках очутился шар и внутри него грифон! Тот самый, что я видела в Монастыре! Я едва не выронила его. Когда Могущество входит в жизнь кого бы то ни было, это наполняет человека трепетом и страхом. В шаре над головой грифона было кольцо, так что его можно было носить, как кулон, на цепочке.

— Прекрасная вещь! — я с трудом обрела дар речи, и очень надеялась, что не выдала своих страхов. Ведь я не могла объяснить причины той паники, что охватила меня. Чем дольше я рассматривала подарок, тем больше убеждалась, что это настояще произведение искусства, самое прекрасное из тех, что я получила в качестве подарков.

— Да, милорд просит тебя принять этот дар и, по возможности, носить на груди, — он говорил так, как будто старательно припоминал слова, сказанные ему Керованом. Я решила не задавать ему вопросов, может быть, он слишком близок с моим женихом.

— Передай лорду, что его подарок доставил мне огромную радость, — теперь я уже полностью овладела собой и с легкостью произносила формальные фразы. — Когда я буду смотреть на него, он будет восхищать меня не только своей красотой, но и добротой того, кто подарил мне его. — Я торопливо вытащила свой подарок. — А вот это передай в руки моего жениха. Попроси его, если он сочтет нужным, пусть пришлет мне то же самое.

— Твои слова для меня — приказ, леди, — Яго сунул портрет в свой кошелек, и прежде чем он успел что-нибудь добавить, хотя говорить нам было уже не о чем, к нам приблизился один из слуг и пригласил его в покой дяди. Больше в этот вечер мы не увиделись.

И в те два дня, что посланцы находились в Икринте, мы уже не говорили с ним наедине. Я с церемониями попрощалась с ним, когда он уезжал. Все в доме уже знали новости, которые привезли люди из Ульмдейла. Люди из долины ни по рождению, ни по склонностям не были мореходами. У нас на побережье имелись торговые порты и деревни рыбаков. Но ни один большой корабль не ходил под флагом лорда из долины. Те, кто торговал за морями, никогда не принадлежали к нашим родам. Новости из-за морей безнадежно устаревали, пока достигали наших краев. Но мы слышали, что восточные страны давно воюют друг с другом. Вести об этой войне доходили до нас в такой искаженной форме, что в них трудно было поверить. Но возле наших берегов уже стали ходить другие корабли. В восточных морях Салкары два года назад потерпели жестокое поражение. И у нас не было своих торговых кораблей, чтобы возить наши товары —

шерсть, металлы, жемчуг — за море. Нам приходилось заключать невыгодные сделки с этими людьми, которые, казалось, весьма были заинтересованы в нашей стране. Частенько, принимая груз в гавани, они целыми отрядами путешествовали по нашей стране, как бы исследуя ее. Наши знания о войне никогда не распространялись за пределы вражды между родами. Временами это была кровавая вражда, но в столкновениях никогда не принимали участия больше сотни людей с каждой стороны. У нас не было короля, и мы гордились этим. Но это же было и нашей слабостью. Наши лорды изредка объединяли силы, чтобы совершить рейд в Пустыню с целью разогнать преступников. Но подобные союзы всегда были кратковременными. И если один лорд посыпал просьбу о помощи другим лордам, он никогда не был уверен, что ему в ней не откажут. Поэтому всячому было ясно, что мы — слабые противники, которых легко победить поодиночке. Однако было известно также, что люди долин будут драться за свою свободу, что они никогда не изменят своему лорду, который являлся главой рода. Ульмпорт находился у моря, и туда недавно прибыли два корабля. Люди с кораблей утверждали, что они из Ализона и надменно рассказывали о могуществе своей страны. Один из них был ранен во время путешествия по долине, а другой убит. Раненого лечила Мудрая Женщина, и благодаря своему искусству она могла отличать правду от лжи. Когда раненый, охваченный жаром, бредил, она внимательно слушала. После того, как приехали его товарищи и увезли к себе, она пошла к лорду Ульрику. Тот внимательно выслушал все, что она сообщила. Лорд Ульрик был достаточно умен, чтобы понять, что над всей страной нависла опасность. Он сразу же послал весточки всем соседям, в том числе и в Икринт. Раненый оказался разведчиком армии, которая вскоре собирается здесь высадиться. Стало ясно, что ализонцы считают нас легкой добычей, а войну с нами — не опасной.

Да, страшная тень нависла над нашей страной. Но я ласкала в руках шар с грифоном, не раздумывая об ализонцах и их шпионах. Я только мечтала, что в следующий раз мне привезут портрет Керована — человека, а не монстра.

КЕРОВАН

К моему удивлению, Яго возвратился раньше, чем вернулся из Пустыни мы с Ривалом. Он был так разгневан, что, будь я помладше, срезал бы с ближайшей ивы прут и хорошенько отстегал меня. Я заметил, что его гнев связан не

столько с моим путешествием во враждебную землю, сколько с тем, что он узнал в Ульме. Он говорил со мной так строго и так серьезно, что я забыл свою обиду на него и приготовился слушать. Я дважды был в Ульме, и оба раза, когда там не было матери: она уезжала навестить родственников. Так что я представлял себе, как расположена наша долина. Кроме того, во время своих приездов отец рассказывал мне о нашей стране, нуждах нашего города и обо всем, что, как он считал, будет мне необходимо, когда я займу его место. Но того, что привез Яго, я еще никогда не слышал. Я впервые узнал о тех, кто вторгся в нашу страну, хотя тогда они еще не объявляли нам войну. То, что они с презрением относятся к нам, мы поняли сразу, так как не были глупы и наивны. Люди долин очень высоко ценили свободу. Они неохотно объединяли свои силы, разве только в случае крайней необходимости. Но мы ощущали опасность, которая грозит нашей стране, как дикие звери. Всякому было ясно, что мы — слабые противники, которых легко победить поодиночке. Однако не каждый мог предположить, что люди долин будут яростно драться за свободу и никогда не изменят своему лорду, который являлся главой рода.

Ульмпорт находился у моря, и туда недавно приходили два корабля из Ализона. О них и его, то есть противника, замыслах, сообщил мне Яго. Пришельцы уже год разведывали наши порты и устья рек. Они были весьма осторожны, и играли роль торговцев. То, что они давали нам в обмен на наши товары, было ново для нас, и мы с удовольствием торговали с ними. Пришельцы никогда не приходили на одном корабле. Всегда на двух или трех... И они непременно совершали из порта поездки по стране, как бы для торговли. Во внутренних районах страны к ним относились подозрительно, хотя все знали, что они — торговцы, прибывшие на кораблях из-за моря. Правда, встречали их с уважением, но пришельцы все высматривали и расспрашивали. Мой отец, собрав все донесения об их маршрутах, заключил, что путешествия совершаются не ради торговли, а ради рекогносцировки местности незнакомой страны. Он тут же написал своим ближайшим соседям в Апдейл, Фондейл, Флатингдейл и даже в Вестдейл, где был порт Эрби. С этими лордами у него были отличные отношения, и даже тень вражды не разделяла их. Лорды все выслушали и затем послали своих людей, чтобы присматривать за пришельцами. Вскоре все они поняли, что пришельцы изучают нашу страну с какой-то своей целью, которая не сулит ничего хорошего жителям долин. И было решено, что под тем или иным предлогом лорды запретят любому кораблю из Ализона бросать якоря возле наших

берегов. Однако наши лорды — люди упрямые, и убедить их совместно сделать что-нибудь, что предложил один из них, задача посильная лишь человеку с безграничным терпением. Ни один лорд не признает открыто, что он подчиняется воле другого. У нас нет лидера, который мог бы собрать всех лордов под одно знамя и заставить их выполнить общее решение, и в этом наша огромная слабость. Теперь пятеро лордов решили собраться в Ульме с целью обменяться мнениями. Но для этого им нужно было найти подходящий предлог, чтобы не беспокоить свой народ и ввести в заблуждение пришельцев. И вот мой отец решил устроить посвящение своего наследника в воины, ввести его в круг своих советников — для моего возраста это обычное дело. Я внимательно слушал Яго. Но узнав, что я буду центром предстоящей встречи, я был весьма удивлен. Ведь меня так долго держали вдали от дома, что я считал такую жизнь единственно для себя возможной.

— Но... — начал я.

Яго забарабанил пальцами по столу.

— Да, лорд Ульрик совершенно прав. Ты слишком долго находился вдали то того, что принадлежит тебе по праву. Он обязан сделать это не только для прикрытия встречи, но и для себя самого. Он уже осознал глупость своего решения отдалить тебя от дома.

— Глупость? — Я был удивлен, что он произнес это слово, ведь Яго был верным подданным Ульрика, и всегда отзывался о нем с трепетом.

— Да, я сказал «глупость». — Это слово во второй раз сорвалось с его губ, как стрела, пущенная из лука. — В его собственном доме есть те, кто хотел бы все изменить. — Он умолк, но я прекрасно понимал, что он имеет в виду: моя мать хочет, чтобы ее дочь и жених Лизаны унаследовали Ульмдейл. Я никогда не пренебрегал слухами, которые сюда доходили. Я считал, что всегда нужно знать даже самое худшее. — Посмотри на себя! — Яго вновь взорвался гневом. — Ты не монстр! И тем не менее говорят, что лорд Ульрик был вынужден выслать тебя сюда и держать в заточении лишь потому, что ты страшен внешне и слаб умом, потому что ты больше похож на животное, чем на человека.

Его гнев высек во мне искры. Так вот что говорят обо мне в моем же доме!

— Ты должен показать себя тем лордам, границы владений которых совпадают с границами Ульмдейла. Показать, что ты — настоящий наследник и доказать это. Тогда уже никто не сможет тебя оболгать. Лорд Ульрик тоже в курсе

этих слухов. Нашлись даже наглецы, которые осмелились сказать ему это в лицо.

Я встал из-за стола и направился к стене, где висел боевой щит Яго. Старый воин провел много времени, полируя щит, и теперь он сверкал, как зеркало, хоть и искажающее формы.

— Пока я в сапогах,— пробормотал я,— я вполне могу сойти за нормального человека.

Эти сапоги были сделаны так, что я мог легко сунуть туда свои копыта, а ноги казались вполне нормальными. Когда я стоял, никто бы не смог отличить меня от обычного человека. Сапоги делал сам Яго из прекрасной кожи, которую выслал отец.

Яго кивнул.

— Да, ты поедешь и будешь в сапогах, и ни один из недоброжелателей уже не скажет, что ты не можешь быть настоящим наследником и произнести клятву лорда. А оружием ты владеешь не хуже, а даже лучше любого из воинов. Твой ум остер, чтобы предохранить тебя от опасностей и коварства.

Эта была самая большая похвала, какую я когда-нибудь от него слышал. Одетый в доспехи и вооруженный, я ехал с Яго из изгнания. Наконец-то я возвращался в дом своего отца. Но я чувствовал внутреннее беспокойство, отлично понимая, что многим членам семейства не по душе мое возвращение. У меня было много времени, чтобы переговорить с Ривалом до отъезда, но я все же не предложил ему ехать со мной, хотя заранее знал, что он наверняка откажется. При нашей последней встрече он так смотрел на меня, что мне казалось, его взор проникает в мой разум, воспринимая всю мою неуверенность и страх.

— Перед тобой долгая дорога, Керован,— проронил он.

— Лишь два дня пути,— поправил я его.— Мы едем в Ульмдейл.

Ривал покачал головой.

— Ты едешь дальше, обладатель грифона. Опасности ждут тебя. Смерть будет у тебя за плечами. Ты будешь давать и, давая, получать. И то, и другое будет в крови и огне...

Я понял, что в нем проснулся дар предвидения, точнее, ясновидения, и ощущил желание заткнуть себе уши. Мне казалось, что он не предвидит мое будущее, а предрекает его.

— Смерть идет по пятам за каждым смертным.— Я собрал все свое мужество и осведомился:— Если ты видишь мое будущее, скажи, какой щит я должен поднять, чтобы защитить себя.

— Как я могу все предвидеть?— с горечью произнес он.— Будущее каждого человека очень смутно. Оно как множество дорог, расходящиеся от перекрестка. При одном выборе

ты пойдешь одной дорогой, при другом — иной, и так далее. Но никто не сможет избежать того, что ждет его в конце. Перед тобой лежит свой путь. Шансы на выбор велики. Иди осторожно, Керован. И знай, что в тебе есть нечто глубоко затаенное. Если ты найдешь это нечто и научишься им пользоваться, то оно будет защищать тебя лучше, чем любой меч и любой щит из самого прочного металла.

— Скажи мне... — начал я.

— Нет! — он отвернулся от меня. — Я уже много сказал и больше ничего не скажу. Я не могу видеть, какой выбор сделаешь ты, и я не могу ни единым словом повлиять на твой выбор. Иди с миром! — Он поднял руку и нарисовал в воздухе какой-то знак. Я отшатнулся, так как его палец оставлял в воздухе светящийся след, который быстро исчезал. Я понял, что кое-какие изыскания в области наследия Прежних увенчались успехом. Его знак обладал Могуществом.

— Ну, тогда до встречи, дружище, — попрощался я.

Ривал не взглянул мне в глаза и стоял, подняв руку в прощальном жесте. Теперь я знаю, он понимал, что это наша последняя встреча и, возможно, сожалел об этом. Он сожалал, что сообщил мне о своем видении. Кто захочет знать свое будущее, знать, что на пути его ожидает столько опасностей? Во время нашего путешествия Яго много разговаривал со мной. Он рассказывал мне об обитателях дома моего отца, давая каждому меткую характеристику, чтобы я мог составить о них свое представление, и знал, что можно ждать от любого из них. Я видел, что он поучает меня, как ребенка, чтобы я, по своей глупости, не сделал какую-нибудь роковую ошибку, которая могла бы привести меня к катастрофе. Мой старший брат был привезен в Ульм еще ребенком и вырос здесь до того возраста, когда его можно было посвящать в воины. Для этого он уехал к ближайшим родственникам матери. Но в прошлом году он вернулся и подружился с Роджером, женихом сестры. Я хорошо понимал, что он никак не может быть настроен благожелательно по отношению ко мне. Да, его следует остерегаться. У моей матери были сторонники в доме, и Яго весьма деликатно перечислил их мне, дав краткие характеристики и описав положение, которое они занимают в доме. Но на стороне отца находилось гораздо больше людей и среди них — высшие офицеры, маршал и многие другие. Это был род, разделенный на два лагеря, но внешне все выглядело нормально. Я внимательно слушал наставника, изредка задавая вопросы. Может, это сам Яго решил просветить меня, а может, это была идея отца, который хотел предостеречь меня перед тем, как я появлюсь в кругу друзей и врагов. Мы приехали в замок на заходе солнца. Яго

протрубил в рог, и перед нами распахнулись ворота замка. Я заметил знамена Апсдейла и Флатингдейла под нашим грифоном. Они развевались на высокой башне. Я понял, что два гостя, приглашенные отцом, уже здесь. Значит, я с самого начала окажусь под взглядами; как любопытными, так и враждебными. Мне предстояло сыграть свою роль, чтобы все поняли, что я — далеко не дурак. Смогу ли я это сделать? Я еще и сам не знал этого. Мы спешились, и охранники отсалютовали нам мечами. Мой отец, в мантии поверх камзола, выступил навстречу нам из глубокой тени портала главного входа. Я опустился на колено и отвел меч так, чтобы он мог положить руку на его рукоять в знак дружелюбного приветствия. Затем он полуобнял меня и поднял на ноги. Мы вошли в главный холл, где уже был накрыт праздничный стол, и бегали слуги, разнося блюда, вина, закуски и кубки. Здесь, среди приглашенных, находились два пожилых господина в мантиях. Отец предложил мне познакомиться с ними. Это были лорд Саврон из Апсдейла и лорд Уинтоф из Флатингдейла. Я почувствовал на себе их любопытные взгляды, однако я знал, что в кольчуге и в сапогах я не отличаюсь от их сыновей, это давало мне силу держаться спокойно и невозмутимо. Сейчас никто не назвал бы меня монстром. Они восприняли мое появление, как обычную встречу, будто я не был в Ульме всего пару часов, а не всю жизнь.

Так как я все еще считался ребенком, и не представлял собой ничего важного, то быстро покинул общество старших и удалился в ту часть замка, где жили молодежь и холостяки. Как наследнику, мне выделили отдельную комнату. Она была совершенно пустой, если не считать жесткой кровати, двух стульев и маленького стола. Здесь было гораздо меньше комфорта, чем в моем жилище у лесника. Слуга принес мой багаж, и я заметил, что он с любопытством разглядывает меня, когда ему кажется, что я не смотрю на него. Затем он предложил мне принести горячую воду для умывания, и когда я согласился, явно обрадовался возможности поближе рассмотреть монстра, а потом рассказать все своим товарищам. Пока он отсутствовал, я скинул кольчугу, камзол и остался в одной рубашке. Он проскользнул в комнату с тазом, от которого поднимался пар, поставил его на пол и сняв с плеча полотенце, положил его рядом. Я решительно расстегнул рубашку и снял ее, оставшись, таким образом, голым до пояса. Пусть видит, что у меня все в порядке. Я говорил, что если на мне сапоги, то никто не сможет сказать, что я — урод.

— Поищи мне рубашку, — попросил я его, кивнув на дорожные мешки. Он все еще смотрел на меня. Что он надеялся

увидеть? Безобразное тело? Я взглянул на себя и заметил, что не снял еще грифона. Перекинув цепь через голову, я положил шар на стол и начал мыться. Взгляд слуги перекинулся на грифона. Я продолжал смыть грязь с тела. Пусть думает, что это — мой талисман. Люди часто носят талисманы, а здесь эмблема моего рода, так что ничего необычного в этом нет. Он нашел рубашку и держал ее, пока я надевал цепь. Затем он затянул на мне камзол и подал пояс с ножом. После этого он ушел, вероятно, торопясь рассказать все своим друзьям. Я снял грифона с шеи и сжал шар в руке. И как обычно, ощутил приятную теплоту. С этой теплотой ко мне пришло ощущение мира и покоя, как будто этот шар, сделанный задолго до того, как первые наши люди пришли в эти долины, ждал все века того момента, когда он ляжет в мою руку. Но сейчас меня ждало тяжкое испытание, о котором я не переставал думать с того момента, как узнал, что мне предстоит приехать в Ульм. Это испытание — встреча с матерью. Что я могу сказать ей, и что она скажет мне? Через то, что стояло между нами, навести мосты было невозможно. Я стоял, сжимая кристалл, и думал о том, что я сделаю или скажу, когда наступит момент встречи. И внезапно, как будто кто-то заговорил вслух, но это прозвучало только во мне, как будто я заглянул в окно, на котором раздвинули шторы. Я понял, что никакая встреча не будет для нас приятной, не сделает нас менее чужими, чем мы были до сих пор. Но я не ощутил никакой потери, напротив, с меня как будто сняли ношу, и я стал свободным. Мы не были связаны ничем, и я ничего не был ей должен — она сама так пожелала. Мне надо вести себя с ней, как с любой леди высокого ранга, оказывать ей формальную почтительность, ничего не требуя взамен. Шар в моей руке начал слабо светиться, но холодащий ветерок из приоткравшейся двери заставил меня поспешно спрятать его. После этого я повернулся к вошедшему. Это был высокий юноша, высокий настолько, что мне приходилось смотреть на него снизу вверх. У него были мощная шея и плечи, широкая челюсть. Волосы его были очень густы и топорщились во все стороны. Вероятно, ему стоило немалых усилий расчесать эту копну соломенных волос. На его толстых губах играла ухмылка. Его камзол, расшитый золотыми узорами, тугу стягивал выпуклую грудь, и он непрерывно приглаживал складки, как бы желая, чтобы все обратили внимание на его одежду. Он был огромен, но не заполнял собой весь дверной проем, так как рядом с ним стоял второй человек, небольшого роста и худощавый. Сначала я удивился. Форма его лица с очевидностью говорила о том, что он принадлежит к нашему роду, и цвет волос —

более темный, чем у первого — также был, как у меня. У него было невыразительное сонное лицо, но я сразу предположил, что за этой бесцветной физиономией скрывается острый ум. Из этих двоих он наверняка представлял для меня большую опасность. Я сразу понял, что это враги. Описание Яго отличалось абсолютной точностью. Гигант был моим сводным братом, его звали Хлимер, а второй — по имени Роджер, кузеном — женихом Лизаны.

— Приветствую вас, родственники.

Улыбка на лице Хлимера стала еще шире.

— О, он не покрыт шерстью, и у него нет когтей, насколько можно видеть. Интересно, в чем заключается его безобразие, Роджер? — Он говорил так, как будто я был бессловесным существом, которое ничего не слышит и не чувствует. Но если он собирался подобным образом вывести меня из себя, то повел себя весьма глупо. Моя оценка его умственных способностей, которую я сразу ему дал, подтвердилась. Не знаю, продолжал бы он дальше в том же духе, если бы был один, но тут заговорил Роджер. Он не подхватил эту тему, а ответил на приветствие. Ответил почтительно и с уважением, ничем не показывая свое истинное отношение ко мне.

— И мы приветствуем тебя, родственник.

У Хлимера был высокий голос, какой нередко бывает у высоких людей, но, в то же время, какой-то нерешительный. Теплый голос Роджера располагал к доверию и дружбе. Если бы я не знал, кто он, я мог бы подумать, что он искренне приветствует меня и рад моему прибытию. Они сопроводили меня в большой холл. Я не знал, радоваться мне или нет, когда увидел, что там не поставлены кресла для женщин, и значит, этот прием предназначен только для мужчин. Несомненно, моя мать решила ужинать у себя. Так как все понимали, в чем дело, то никто не стал осуждать ее. Я заметил, что отец время от времени кидает на меня испытующие взгляды. Мое место было в дальнем конце стола между Хлимером и Роджером. Но специально ли меня там посадили или нет, я не знал. Во всяком случае, отец не смог бы сделать мне ни малейшего замечания без того, чтобы не обратить на это внимание остальных. Мои соеди сразу же принялись за свои шуточки. Хлимер настаивал, чтобы я опустошил кубок с вином, утверждая, что мое воздержание как-то обособляет меня от всех. Роджер в изысканных и мягких выражениях давал мне понять, что оказывается мое воспитание вдали от дома, и что мне недостает хороших манер, лоска и ума. Но все эти уколы не достигали цели, которой они добивались. Хлимер уже начал злиться. Он хмурился и как бы про себя цедил слова, которые я предпочел бы не слышать. Однако по

виду Роджера ничего нельзя было сказать: он разговаривал так же вежливо и мягко, и поэтому никто не мог бы определить, что творится в его душе. К концу обеда Хлимер сам угадил в свою ловушку: он напился, его речь стала громкой, бессвязной, и многие уже начали оборачиваться в его сторону и посмеиваться. Так началась моя жизнь под отцовской кровлей. К счастью, мне не приходилось проводить много времени с Хлимером и Роджером. Мой отец сообщил, что я здесь — для посвящения в воины и утверждения в качестве наследника, держал меня все время при себе.

Он представлял меня соседям, знакомил с подробностями церемонии, которая должна была состояться через три дня. Я должен был произнести клятву перед собравшимися лордами, принять меч от отца, и таким образом перейти из юношей в мужчину, и стать вторым после него в Ульмдейле. И после этого участвовать в совете лордов, на котором предполагалось принять меры против ализонцев. Все согласились с тем, что пришельцы из-за моря таят в себе угрозу, но относительно того, как поступать, выявились резкие разногласия. Конференция кончилась безрезультатно, как это часто бывало в долинах, без какого-либо плана действия, который был бы одобрен всеми. В соответствии со своим новым статусом в Ульмдейле я провожал лорда Сарона, отправляющегося домой. Когда я возвращался, моя карьера, как наследника Ульмдейла, чуть не закончилась, едва начавшись. В знак уважения к гостю мой меч был тут же затянут в ножнах шнуром, и я был без кольчуги. Неожиданно в моем мозгу появилось ощущение угрозы, и я не стал терять времени на распутывание шнура. Выхватив меч, я ударом кнута послал свою лошадь вперед, и тут же мимо моего плеча просвистела стрела — смерть была совсем рядом. Я отлично знал приемы лесников, которым частенько приходилось сталкиваться с преступниками Пустыни. Я метнул нож, и сразу же раздался крик человека, который приподнялся из-за камней, чтобы вновь в меня выстрелить. Я выхватил меч и бросился на второго человека, который внезапно появился возле меня с мечом в руке. Копыто моей лошади ударило его в грудь, и он с диким воплем покатился по земле. Как выяснилось, мы взяли важного пленника. Хотя эти двое были одеты, как крестьяне, которые брели от долины к долине, ища работу, на самом деле это были переодетые ализонцы, о которых только что разговаривали лорды. Один из них умер, а второй был тяжело ранен. Отец вызвал Мудрую Женщину, чтобы та занялась им. И в бреду тот заговорил. Почему они напали на меня, мы не выяснили, но мы узнали другое, и тень, нависшая над нашей страной, стала еще

чернее. Отец пригласил меня, Яго и других офицеров, которым он доверял. Он высказал нам свои опасения.

— Я не ясновидец, но каждый умный человек может сообразить, что планируют эти люди. Если мы не предпримем мер, то... — он заколебался. — Я не знаю... Новые опасности требуют новых путей их преодоления. Мы всегда следовали по пути преодоления, по пути отцов... Но помогут ли они в данном случае? Скоро может понадобиться помочь друзей, которые возьмут в руки щиты, чтобы защитить нас. Я хочу рассказать вам о тех мерах, что должны быть приняты немедленно. Следовательно... — он разложил на столе карту долин. — Здесь Апсдейл и другие. Мы уже знаем, какая опасность нас всех ожидает. Теперь необходимо предупредить соседей, и в первую очередь — Икринт.

Икринт и леди Джойсан. Я так долго ее не вспоминал. Придет ли день нашей свадьбы, когда назначит ее мой отец? Мы уже достигли того возраста, когда совершаются свадьбы. Я подумал о матери и сестре, которые упрямо не покидали своих комнат с тех пор, как я тут появился. Внезапно мне пришло в голову, что леди Джойсан не сможет занять здесь место, какое ей положено. Нет, она должна приехать ко мне лишь добровольно, или не приезжать совсем! Но могу ли я быть уверенным, что она захочет это сделать? И мне пришел ответ, ясный и разборчивый, как будто произнесенный вслух. И после того, как мой отец дал инструкции Яго, о чем и как говорить с лордом Пиартом, когда он вручит подарки невесте, я переговорил с моим старым воспитателем. Я не мог сказать, почему я это сделал, тем более, что мне вовсе этого не хотелось, но что-то непреодолимое заставляло меня сделать это. Я отдал ему кристалл с грифоном, чтобы он передал его леди Джойсан. Может, она — моя настоящая невеста. Но я не знал этого до тех пор, пока много времени спустя не встретился с ней лицом к лицу.

ДЖОЙСАН

После того, как прибыли вести из Ульмдейла, мои планы на будущее изменились. Было решено, что в этом году, как было установлено раньше, я не поеду к своему жениху, а подожду более спокойного времени. Ведь если по Ульмдейлу так нагло бродят шпионы врага, значит, не за горами нападение главных сил. Мой дядя послал письмо со своим решением с Яго. Так как ни от лорда Ульрика, ни от лорда Керована не пришло возражений, мы решили, что они согласились. После этого дядя долго разговаривал со своими соратниками, а

потом направил послов в Тревампер и другие долины, где жили наши родственники или ближайшие друзья. Наступило бес покойное время. Мы спешно убирали урожай, запасали громадное количество сущеных фруктов, коптили и солили мясо — как будто тень голодного года нависла над нашей страной. И на следующее лето дядя приказал расширить посевные площади. Погода была такой же неустойчивой, как и наше будущее. Частенько разыгрывались свирепые бури. Несколько раз размывались дороги, и мы оказывались в полной изоляции до окончания их ремонта. До нас доходили редкие новости, когда приезжал какой-нибудь посланец от соседей. Шпионов в Ульме больше не видели, но с юга приходили слухи о каких-то кораблях, которые не заходили в гавани, а курсировали вдоль побережья. Затем они исчезли, и длительное время никаких тревожных слухов не возникало. Мы понемногу стали успокаиваться. Но мне казалось, что дядя опасается самого худшего. Он послал своего маршала в Тревампер, чтобы тот привез оттуда металл Пустыни, а кузнцу приказал изготавливать новое и ремонтировать старое оружие. К моему удивлению, он отдал распоряжение снять с меня мерку и сделать мне кольчугу. Когда дама Мат выразила протест, дядя угрюмо взглянул на нее. Он уже давно не был в хорошем расположении духа.

— Спокойно, сестра. Я бы сделал то же самое и для тебя, но уверен, что ты не станешь ее носить. Выслушайте меня внимательно. Я уверен, что впереди нас ждут тяжелые времена, каких у нас еще не бывало. Если на наши берега высадится армия завоевателей, они будут поодиночке разбивать лордов. Они пойдут от дороги к дороге, от долины к долине. Следовательно...

Дама Мат глубоко вздохнула. Негодование ее испарилось, и на лице появилось выражение, которого я не смогла прощать.

— Пиарт... значит... значит, ты... — она не закончила, но от ее слов меня тугоими кольцами стянул страх.

— Снилось ли мне? Да, Мат... один раз...

— Дух Пламени, защити нас! — Руки ее побежали по серебряным четкам; а губы зашептали молитвы, которым она обучилась в Монастыре.

— Как мне было обещано, — он взглянул на нее, — я видел сон... первый.

— Выходит, будут еще два. — Ее голова поднялась, а губы сжались. — Жаль, что в Предупреждении ничего не говорит о сроках.

— Это очень хорошо или очень плохо, что мы имеем Предупреждение, — вырвалось у него. — Что лучше, знать, что впереди тьма и вечно жить в ее ожидании, или же ничего не знать и встретить ужасы без Предупреждения? Лично я предпочитаю знать. Мы можем удержать Икринт, если они придут по реке или со стороны гор. — Он передернул плечами. — Мы должны быть готовы к бегству не на южное побережье, а в Норсдейл или, даже, в Пустыню.

— Но ведь, кроме шпионов, еще никто не приходил.

— Они придут. Мат, в этом нет сомнений. Они придут! Когда мы с дамой Мат вернулись к себе, я осмелилась задать вопрос:

— Что это за сон, о котором упоминал дядя?

Она стояла у окна и смотрела вдаль невидящим взглядом. Услышав меня, она повернулась.

— Сон? — Сперва мне показалось, что она не желает отвечать. Ее пальцы быстро перебирали четки, как будто она пыталась найти в них успокоение. — Это наше Предупреждение, — неохотно промолвила она. — Для тех, кто посвящен Пламени, такие вещи... нет; я не могу говорить об этом, это не наше дело. Поколение назад лорд Гандор, наш отец, взял под свою защиту Мудрую Женщину, которая жила одна и не искала общества, но у нее был дар лечить животных, и ее овцы были лучшими в долине. Многие ей завидовали и распускали о ней разные жуткие слухи. Она часто ходила одна в Пустыню в поисках растений. И хотя она знала их великое множество, никогда не применяла их во вред людям, но грязные слухи обратили всех жителей долин против нее. И вот однажды ночью они пришли, чтобы забрать ее овец, а саму ее изгнать.

Лорд Гандор уезжал в Тревампер, и они думали, что он там, иначе бы не осмелились на такое. Но когда они уже поджигали ее дом факелами, внезапно появился лорд со своими людьми. Лорд разогнал всех кнутом, а старуху взял под свой щит на глазах у всех — это означало его полное покровительство.

Однако старуха заявила, что она не может здесь оставаться, так как покой ее нарушен и уже не будет восстановлен. Однако она захотела увидеть нашу мать, которая была беременна. Старуха положила обе руки на живот матери, леди Алисы, и заявила, что роды у нее будут легкими. Леди Алиса очень обрадовалась этому предсказанию, так как при предыдущих родах ее ребенок появился на свет мертвым, к великому горю всех домашних. Затем Мудрая Женщина предсказала, что это будет сын, и у него будет дар. Время больших опасностей он сможет предвидеть во сне. После первых двух снов

он сможет предпринять меры и спасти и себя, и свою семью, но опасности, увиденные в третьем сне, не избежать. Затем старуха ушла из Икринта и из долины. Никто больше никогда ее не видел. Ее предсказание оказалось правдой. Через месяц мать благополучно разрешилась от бремени. У нее родился сын, твой дядя лорд Пиарт. И он видит веющие сны. Последний раз он увидел во сне смерть своей жены. Он загнал лошадь, пытаясь успеть с ней попрощаться. Так что... если он видит сон, ему можно верить.

Что же, мне пришлось учиться носить кольчугу, потому что дядя увидел сон. Кроме того, он показал мне, как обращаться с мечом, который принадлежал ему, когда он был мальчиком. Хотя я не достигла больших успехов в фехтовании, зато стала прекрасным стрелком из лука. И впоследствии мне пришлось не раз помянуть это учение добрым словом, ведь его уроки спасали мне жизнь. Правда, он уже не знал об этом. Так пришел Год Лишайника — год, когда я должна была стать хозяйкой в доме лорда Керована. Иногда я брала в руки грифона и держала его, думая, что же за человек мой жених. Несмотря на все мои ожидания, никто не приезжал из Ульмдейла и не привозил мне портрет моего жениха. Сначала я немного злилась, но затем подумала, что, вероятно, у них в Ульмдейле нет никого, кто бы мог нарисовать портрет. Ведь подобный талант чрезвычайно редок, а выехать куда-либо в такое смутное время, по меньшей мере, неразумно. Хотя мы сделали большие запасы, дядя приказал экономить. Даже на празднества выдавалось весьма малое количество провианта. Дядя все время был настороже. Он посыпал разведчиков на границы своих владений и всякий раз терпеливо ждал их возвращения. На юге шла война. Минул месяц Ледяного дракона, начался новый год с месяца Снежной птицы. И тут мы получили известия о войне. Их привез человек, сумевший в такой мороз пробиться через снега и горы. Он так замерз, что когда его сняли с лошади, упал и не смог подняться без посторонней помощи. Вторжение началось, и оно удивило даже тех лордов, которых мы предупреждали. Эти заморские дьяволы воевали не так, как мы — мечами и луками. Они привезли на своих кораблях железные чудовища, внутри которых прятались люди. И когда эти чудовища посыпали вперед, ничто не могло их остановить. Они изрыгали пламя из длинных железных носов. Люди погибали в этом пламени, или же чудовища раздавливали их. Когда воины отступали в крепости, чудовища ползли прямо на стены и сокрушали их своим весом. Такая война была нам неизвестна. Кровь и плоть людей не могли устоять перед неумолимым железом. Те из наших людей, кто

спрятался в своих замках, надеясь отсидеться за их стенами, просчитались самым роковым образом: замки сокрушились один за другим. Но многие собрались под знамена четырех южных лордов и создали армию. Они уже могли окружать чудовища, которым для передвижения требовалась подвоз топлива, и даже уничтожили несколько из них. Но наши люди уже потеряли побережье, а враги все время подвозили людские резервы. К счастью, этих страшных машин было не так уж много. Вскоре мы встретили первых беглецов, и ими оказались наши родственники. Отряд воинов сопровождал носилки и двух женщин. Это были леди Ислайга и леди Инглида. На носилках лежал в бреду тяжело раненный Торосс. Все они лишились дома и богатства. У них не осталось ничего, кроме того, что было на них. Инглида, вышедшая замуж и тут же овдовевшая, смотрела на меня абсолютно бессмысленными глазами. Ее подвели к огню, вложили в руку кубок и приказали выпить. Казалось, она не понимала, что с ней произошло. В ее мозгу мелькали кошмарные образы. Ни сейчас, ни потом мы не смогли добиться от нее связного рассказа, как она выбралась из замка мужа, который железные монстры уничтожили одним из первых. Каким-то необъяснимым образом один из лучников провел ее в военный лагерь в долине, куда вскоре прибыла и леди Ислайга ухаживать за своим сыном. Вскоре на юге создалась обстановка, когда оставаться там было уже невозможно, и они решили попросить у нас убежища. Дама Мат тут же занялась раненым, а леди Ислайга не желала оставлять сына ни на одну секунду. Перед дядей встала проблема выбора — либо послать армию на борьбу с пришельцами на юг, либо готовиться к битве здесь, чтобы защитить свои земли. И так как он с самого начала был сторонником объединенных сил, он выбрал первое. Дядя возглавил воинов, которых смог собрать, не оставив без защиты свой замок. В нем остался небольшой, хорошо обученный отряд под командой маршала Дагаля. Был месяц Ястреба, на дорогах стояла непролазная грязь, мешающая продвижению механических чудовищ, и отряд лорда Пиарта выступил на юг. Я провожала его, стоя на башне у ворот.

Дама Мат безотлучно находилась при Тороссе, которому стало хуже. Перед этим я разливала во внутреннем дворике питательный напиток воинам из бочонка войны. Это должно было принести нам удачу, я держала бочонок в руках. Он был сделан в виде всадника на коне, и жидкость выливалась изо рта лошади. Капля жидкости упала на снег и впиталась в него. Она была красная, как кровь. Увидев ее, я вздрогнула

и быстро переступила через пятно, чтобы не видеть страшное предзнаменование.

Мы сидели в Икринте, готовые к нападению, но не ведали, где идут боевые действия, так как посланцы еще не приезжали. Но мы знали, что опасность может нахлынуть без предупреждения. Я думала о том, видел ли мой дядя вещие сны, и какие ужасы они нам предвещают. Но, вероятно, этого мы никогда не узнаем. Вскоре настал месяц Снегов, которые завалили все проходы в горах, и мы почувствовали себя в относительной безопасности, но весна в этом году пришла рано. И в самую весеннюю распутицу прибыл посланец от дяди. Он передал, что мы должны удерживать крепость, пока это возможно. Посланец мало говорил о военных действиях и сказал только, что настоящих битв нет. Наши люди переняли манеру и тактику преступников Пустыни — они делают короткие неожиданные налеты на вражеские отряды, перерезают коммуникации, перехватывают обозы. В общем, как можно больше вредят, не подвергая себя опасности. Он же сообщил, что лорд Ульрик из Ульмдейла послал на юг отряд, но сам по болезни остался в замке. Отряд возглавил лорд Керован. Но если к берегам Ульмдейла подойдут вражеские корабли, отряд должен будет вернуться, чтобы не допустить высадку врагов, как это произошло в других городах южного побережья. В отсутствие сына лорд Ульрик не терял времени даром и укреплял замок. В тот вечер я была свободна от дел, и впервые за долгое время взяла в руки шар с грифоном. Во мне теснились мысли о том, кто послал его мне. Где он сейчас? Стоит под звездами с мечом в руке и не знает, когда звуки рога позовут его в бой? Хотя я совсем не знала его, от всей души желала ему удачи. Шар излучал приятное тепло и слабо светился в полумраке. Теперь это не казалось странным, напротив, тепло как-то успокаивало меня и снимало тяжкую тревогу. Внезапно шар затуманился, и я уже не могла различать в нем грифона. В клубящемся тумане возникали движущиеся тени, в которых угадывались сражающиеся люди. Один из них был окружен плотным кольцом врагов, наседавших на него. Я вскрикнула, и на меня нахлынул страх, хотя я не могла различить, кто же там сражается. Но мне казалось, что этот талисман, присланный мне моим женихом, показывает мне сейчас его смерть. Я пыталась сорвать цепь с шеи и отшвырнуть шар в сторону, но шар мне не повиновался. Он светился, и грифон смотрел на меня красными блестящими глазами. Конечно же, я стала жертвой своего воображения.

— Вот ты где? — услышала я укоризненный голос Инглиды. — Тороссу очень плохо, и он хочет тебя видеть.

Как мне показалось, она смотрела на меня с ревностью. С тех пор, как она вышла из шока, она снова стала Инглидой из Тревампера. Временами мне требовалось все самообладание, чтобы сдержаться и не ответить ей резкостью на ее колкости. Она вела себя так, как будто была тут хозяйкой, а я — ее ленивой служанкой. Торосс поправлялся очень медленно. Его лихорадка поддавалась лечению дамы Мат, но болезнь неохотно покидала тело юноши. Вскоре мы обнаружили, что мне удается заставить его поесть или успокоить, когда он начинал метаться в постели. Я охотно делала это, но мне не очень нравилось, когда он брал мою руку, претили его странные взгляды и улыбка. В этот вечер мне совершенно не хотелось идти к нему. Я была потрясена тем, что видела в шаре. Я заставила себя не верить, что это было ясновидение, но шла война, и мой жених сражался вместе с другими. Так что вполне могло быть, что он погибнет, а мне не хотелось верить в это. Но я страстно желала бы иметь сейчас дар ясновидения, или чтобы возле меня находилась Мудрая Женщина, обладающая таким даром. Но дама Мат с большой неприязнью относилась к тем, кто использует загадочные силы. Наши родственники были лишь первыми беглецами, что пришли под защиту стен замка. И хотя дядя, отдавая приказ делать большие припасы, вероятно, предвидел, что нам придется кормить множество людей, он ни разу не сказал об этом. Но теперь мы могли оценить по достоинству его предусмотрительность. Всякий раз, когда я выдавала продукты на день, я задумывалась, хватит ли нам, даже при скромном рационе, этих запасов до следующего урожая. Беглецы, в основном, крестьяне — женщины, дети, старики и раненые мужчины, прибывали постоянно. Мало кто из них был способен помочь в защите замка, если возникнет такая необходимость, поэтому мы с маршалом и дамой Мат решили, что неразумно держать в крепости столько лишних ртов. Как только установится подходящая погода, их следует отослать на запад в долины, не затронутые войной, а может, даже и в Монастырь в Норетиде. И теперь, когда я входила в комнату, где лежал Торосс, моя голова была занята мыслями об этом, а не о моих видениях в шаре. Торосс лежал на подушках, и мне показалось, что ему гораздо лучше. Зачем же он меня вызвал? Этот вопрос вертелся у меня на языке, когда леди Ислайга, сидевшая взле постели, поднялась и вышла из комнаты. Торосс поднял руку, приветствуя меня. Выходя, Ислайга даже не взглянула на меня, что-то бормоча себе под нос.

— Джойсан, сядь сюда, чтобы я мог видеть тебя! — Голос его был твердым и уверенным. — У тебя под глазами круги. Ты изнуряешь себя работой, моя дорогая.

Я подошла к стулу, но не села, а стала рассматривать его лицо. Оно было осунувшимся и бледным, страдания избородили его морщинами. Однако глаза были чистыми, и в них не было тумана, вызванного бредом и лихорадкой. И то беспокойство, которое всегда охватывало меня, когда я была с ним, снова вернулось.

— У нас очень много работы, Торосс. Я делаю не больше того, что от меня требуется.

Я мало говорила, думая о том, стоит ли сказать, что я обручена, и ему не следует проявлять ко мне нежные чувства и заботиться обо мне.

— Скоро все кончится, — произнес он. — Война и ее ужасы в Норетиде не коснутся тебя...

— Норетид? О чем ты говоришь, Торосс? Беглецы отправятся в Норетид. Мы не можем оставить их здесь, у нас мало продовольствия, но наши люди останутся здесь. Может быть, ты тоже отправишься в Норетид.

Как только я это сказала, сразу почувствовала облегчение. Мне будет легче жить, когда эти родственники покинут замок.

— Ты тоже должна с нами поехать, — безаппеляционно заявил он. — Девушке не место в крепости во время осады...

— Дама Мат... — прошептала я, но сразу замолкла.

Нет, она не могла решить это без меня. Я отлично знала ее. Но потом я овладела собой. Торосс не имеет ни малейшего права приказывать мне. Я покину замок только по приказу дяди... или лорда Керована, и никто больше не сможет приказывать мне.

— Ты забыл, что я обручена. Мой жених знает, что я в Икринте. Он приедет за мной сюда, так что я останусь тут и буду поджидать его в замке.

Лицо Торосса вспыхнуло:

— Джойсан, ты что, ничего не видишь? Почему ты так ему предана? Ведь он не вызвал тебя, когда настало время свадьбы. Прошло уже много времени, и ты можешь разорвать помолвку. Если бы ты была ему нужна, разве он не пришел бы за тобой раньше?

— Даже через вражеские ворота? — спросила я. — Лорд Керован повел отряд Ульмдейла на юг. Сейчас не время думать о свадьбах, и о выполнении обычая. Я не разорву нашу помолвку, если он сам не захочет этого сделать, пока он не скажет, что я ему не нужна. — Может, я говорила не совсем то, что думала, ведь я была — женщина, и имела свою гордость. Но я хотела, чтобы Торосс наконец понял, и не

настаивал на том, что невозможно сделать. Если он будет уговаривать меня и дальше, то тогда наступит конец нашей дружбе, хотя мне было и жаль этого.

— Ты можешь быть свободна, если захочешь этого, — уп-рямо продолжал он. — Если бы правдива сама с собой, Джойсан, ты призналась бы себе, что сама хочешь этого. Меня тянет к тебе с первого дня, как я увидел тебя. И ты ощутишь то же самое. И если ты позволила бы своим чувствам...

— Неправда, Торосс! То, что я тебе говорю, также сильно, как клятва Огня. Я хотела бы, чтобы ты все понял. Я — жена лорда Керована, и останусь ею до тех пор, пока он сам не откажется от меня. Поэтому мне не подобает слушать то, что я слышу от тебя. И я не могу больше оставаться с тобой!

Повернувшись, я выбежала из комнаты. Я слышала, как он заворочался в постели, вскрикнул от боли и позвал меня. Я не оглянулась и вошла в большой холл. Там находилась леди Ислайга, которая налиvalа бульон из кастрюли в чашку. Я подошла к ней и сказала:

— Твой сын зовет тебя. Больше не проси меня приходить к нему.

Она посмотрела мне в глаза и, видимо, поняла, что произошло. На ее лице отразилась ненависть — ведь я отвергла ее сына. Для нее он был всем, и никто не мог отказывать ему в его желаниях.

— Ты идиотка! — бросила она мне.

— Я была бы идиоткой, если бы выслушивала его речи, — я позволила себе резкость. Затем я посторонилась, пропуская ее, когда она торопливо пошла с чашкой бульона в комнату сына.

Я осталась у огня, протягивая замерзшие руки к теплу. Была ли я идиоткой? Что связывает меня с Керованом? Игрушка с грифоном — и все это после восьми лет помолвки без настоящей свадьбы. Но для меня выбора не было, и я не жалела о том, что сделала.

КЕРОВАН

Я уже забыл мирное время. Человек быстро привыкает к состоянию постоянной опасности и тревоги. Когда пришли вести о вторжении, мой отец был готов выступить сам во главе отряда. Но, поразмыслив, он решил, что главной целью врага все же является Ульмдейл. Кроме того, его мучил страшный ревматизм, а эта болезнь не позволяет человеку, и тем более воину, спать в палатках или на сырой земле. И поэтому я повел отряд под знаменем грифона на помощь

южным соседям. Яго очень хотел поехать со мной, но его старые раны воспротивились этому. Меня сопровождал маршал Юруго. Мой сводный брат и Роджер вернулись к роду моей матери. Во время войны именно там было их место, и я совсем не жалел об этой потере. Хотя между нами не было открытых столкновений, и даже Хлимер перестал провоцировать меня, я все же чувствовал себя неспокойно в их компании. Да, они не были мне друзьями. Правда, в те дни я мало находился в замке, потому что ездил по долине, по побережью, собирая информацию, которую привозил отцу, прикованному к постели. И при этом я не только был его глазами и ушами, но и узнавал страну, знакомился с народом, которым мне, если позволят боги, придется править в будущем. Сперва меня встречали со скрытой враждой и даже со страхом, и я понял, что опасения Яго имели под собой твердые основания. Слухи о том, что я — чудовище, глубоко проникли в умы людей. Но те, с кем я ездил по стране, кому отдавал приказы, проникались мыслью, что я — обычный человек, их господин. Они уже не считали меня чудовищем. Яго говорил мне, что те, кто уже общался со мной, полностью на моей стороне и разоблачают все слухи обо мне. Они говорят, что любой, у кого есть голова на плечах и два глаза, может видеть, что наследник лорда ничем не отличается от остальных людей. Мой сводный брат уже снискал себе дурную славу своим духовным нищенством и вздорным характером. В первую встречу с ним я охарактеризовал его как быка, и таким он был на самом деле. Для него вообще не существовали люди, которые были ниже его по положению. Все они, по его мнению, созданы лишь для того, чтобы служить ему. Но с другой стороны, Хлимер являлся искусным бойцом. У него были длинные руки, которые давали ему большое преимущество над таким хлипким соперником, каким он считал меня. Я не думаю, что в те времена охотно встретился бы с ним в поединке. У него было много союзников в доме, и он постоянно демонстрировал это мне. Я же ни разу не отклонился от своего решения ни с кем не сближаться. К тому же, я столько времени был предоставлен себе, что плохо умел располагать к себе людей. Я никого не боялся, но и сам никого не любил. Я постоянно был один. Иногда я думал, как бы сложилась моя судьба дальше, не начнись война. Вернувшись из Икринта Яго, куда он возил письма отца и мои подарки, отозвал меня в сторону и сунул в руку продолговатый плоский расшитый мешочек, размером с ладонь. Там находился портрет. Яго сообщил, что моя невеста просит прислать ей мой портрет. Я поблагодарил старого воина и еле дождавшись, когда он уйдет, впился глазами в ее порт-

рет. Не знаю, чего я ожидал — разве что надеялся на то, что Джойсан не очень красива. Некрасивое лицо поможет ей перенести разочарование, когда она поближе познакомится со мной. Но передо мной был портрет девушки, на личике которой я не обнаружил следов разочарования. Лицо было тонким, а глаза на нем казались огромными. Эти глаза были какого-то неопределенного цвета — ни голубые, ни зеленые.

Впрочем, художник не старался ее приукрасить. Он изобразил ее такой, какая она была на самом деле. Ее нельзя было назвать очень красивой, но лицо ее было таким, какое невозможно забыть, даже если увидеть его всего раз в жизни. Волосы ее, как и мои, были цвета осенних листьев — коричневые с благородным красным отливом. Лицо сужалось ото лба к подбородку, и имело почти треугольную форму. Девушка на портрете не улыбалась, но смотрела на мир с каким-то интересом. Такова была Джойсан. Держа портрет в руках и рассматривая его, я вдруг впервые понял ясно и отчетливо, что это та, с кем связана моя жизнь, — моя судьба, от которой мне не убежать. И я смотрел на серьезное лицо девушки, которая, как мне казалось, угрожает отнять мою свободу. Эта мысль заставила меня устыдиться, и я поспешил сунул портрет обратно в мешочек и спрятал его в свой кошелек. Я хотел убрать его с глаз и выкинуть из головы. Яго сказал, что она хочет получить мой портрет, но даже если бы я очень хотел выполнить эту просьбу, не смог бы этого сделать. Я не знал никого, кто имел талант рисовать портреты, а расспрашивать посторонних мне не хотелось. И поэтому на просьбу невесты я не ответил ничем. А затем наступили дни, полные новых тревог, новых забот, и я забыл о ее просьбе, а может, старался забыть. Ее портрет постоянно ставался при мне. Время от времени я доставал расшитый мешочек и даже пытался вытащить портрет, но потом одергивал себя со злостью и снова прятал. Я опасался, что, видя ее лицо, сделаю то, о чем впоследствии пожалею. По обычаю, Джойсан должна была бы приехать ко мне в конце этого года, но обстановка была очень тревожной, близилась война, и приезд отложили. А следующий год уже застал меня на юге в самой гуще событий. Сражения? Нет, я не назвал бы это так громко. Лесники научили меня быть не героем сражений, а выслеживать, вынюхивать врага, собирать о нем самые подробнейшие сведения: о его передвижении, о его силах и о его привычках. Первые поражения, когда прибрежные крепости были повержены одна за другой под ударами металлических чудовищ, принудили нас объединить свои силы. К сожалению, объединение произошло с опозданием. Враг, хорошо изучивший наши методы ведения войны,

знал наши слабости и имел подавляющее превосходство в вооружении. Решительный и беспощадный противник скрушил трех могущественных южных лордов, весьма уважаемых народом. Трое оставшихся лордов были или более предусмотрительны или более везучи. Им удалось бежать, и они сформировали совет. Таким образом нам удалось создать объединенную армию, которая перешла к тактике преступников Пустыни — молниеносным ударам с мгновенным отходом. Так нам удавалось наносить урон противнику, почти не теряя при этом своих людей.

Вторжение началось в Год Огненного Троля, а первых успехов мы добились в Год Леопарда. Но мы не гордились этими успехами. Мы потеряли уже столько, что никакие победы не могли компенсировать эти потери. Мы стремились лишь к тому, чтобы вышвырнуть пришельцев обратно в море, откуда они явились. Все южное побережье уже находилось в их руках, и через три порта постоянно поступали все новые и новые отряды. Но, к счастью, те металлические чудовища, которыми они нанесли первый и сокрушительный удар, больше не прибывали, иначе мы не могли бы устоять перед ними и уже давно откатились на север и запад, как перепуганные кролики. Мы взяли пленников и от них узнали, что эти металлические чудовища не принадлежат ализонцам. Их делают в другой стране, которая расположена рядом с Ализоном и сейчас воюет на другом конце мира. А целью вторжения к нам Ализона было подготовить путь для нападения более могущественной армии. Ализонцы, несмотря на их высокомерие, казалось, сами боялись тех, чье оружие они применили против нас. Они угрожали нам страшной местью, когда та держава закончит войну и обратит на нас всю свою мощь. Но наши лорды поняли, что сейчас не время думать о том, что будет после. Наш долг сейчас — защитить свою родину и изгнать наглых пришельцев из долин. Я уверен, что в душе все мы не сомневались в нашем близком конце, но о сдаче на милюсь врагу никто не помышлял. Судьба пленников, попавших в руки наших врагов, была ужасна. Смерть казалась милосердием по сравнению с участью пленников. Я вернулся из разведки, а в лагере меня с нетерпением ждал посланец одного из лордов — лорда Имгри. Усталый и голодный, я схватил кусок хлеба и вскочил на лошадь. Прибывший сообщил, что получено послание с помощью костров и щитов. Лорд, расшифровав его, срочно послал за мной. Передача сообщений с помощью костров и отражающих свет щитов широко применялась в нашей стране, но какое отношение я имел к сообщению, мне было не ясно. Но я так устал, что мои мозги отказывались соображать. Из всех лордов, которые

входили в совет, лорд Имгри был наименее приятным. Он стоял как-то в стороне ото всех остальных. Но был весьма хитер и умен, и именно ему мы были в большей степени обязаны своими успехами. Его внешность, казалось, полностью соответствовала его характеру. На его лице постоянно было холодное выражение. Я никогда не видел его улыбки. Для него люди ничего не значили, но относился он к ним бережно, всегда заботился, чтобы все были сыты, устроены на ночлег. Сам он тоже делил с ними все трудности походной жизни, и все же ни с кем близко не сходился, даже с другими лордами. Имгри уважали, боялись, охотно подчинялись ему, но я не верил, что его любили. Вскоре я уже был в его лагере. Моя голова кружилась от недостатка сна и от длительной езды верхом. Я старался не шататься, когда сошел с коня. Было делом чести — предстать перед лордом Имгри с такой же холодной невозмутимостью, с какой он встретит меня и которая никогда его не покидает. Он был не стар, как мой отец, но, как казалось окружающим, никогда не был молодым. Создавалось впечатление, что с самой колыбели он все планировал и предусматривал, если не свои действия, то изменения ситуации вокруг него. В грубом крестьянском доме в камине горел огонь. Перед ним стоял лорд, глядываясь в пляшущие языки пламени, как будто стараясь что-то прочесть в них. Его люди расположились вокруг дома. Только оруженосец сидел на стуле возле огня и начищал шлем грязной тряпкой. Над огнем висел котелок, распространяя вокруг себя аромат, от которого у меня потекли слюнки, хотя прежде я бы с презрением взглянул на такой скучный ужин. Когда я закрыл за собой дверь, лорд повернулся и посмотрел на меня острым проницательным взглядом, который был его главным оружием в борьбе с окружающими. Усталый, измученный, я собрал силы и твердо встретил его взгляд.

— Керован из Ульмдейла, — он не спрашивал, он удостоверял.

Я поднял руку, приветствуя его, как приветствовал бы любого лорда.

— Я здесь.

— Ты опоздал.

— Я был в разведке, и поехал сюда, как только получил послание, — спокойно ответил я.

— Так, так... И что же ты узнал?

Сдерживая себя, я рассказал, что мы видели в вражеских тылах.

— Значит, они двигаются по Калдеру. Да, реки для них — весьма удобный путь передвижения. Но я хочу поговорить об

Ульмдейле. Пока они высадились только на юге, но с тех пор, как пал Эрби...

Я попытался вспомнить, где находится Эрби, но настолько устал, что с трудом смог представить в уме карту. Эрби был порт в Вестдейле.

— Вестдейл? — уточнил я.

Лорд Имгри пожал плечами.

— Если он еще не пал, то непременно падет в ближайшем будущем, и тогда перед нами откроется путь дальше на север. Если они захватят и Ульм и высадят там большие силы, то мы будем раздавлены, как тараканы.

Этих слов было достаточно, чтобы заставить меня забыть об усталости. Я привел с собой небольшой отряд, но потеря каждого человека — это чувствительный удар по Ульмдейлу. А с тех пор, как мы вступили в войну, потеряли пятерых, а трое — тяжело ранены, и вряд ли когда-нибудь смогут взять в руки оружие. Если враги нападут на Ульмдейл, то мой отец и его люди не отступят, но им не устоять перед бронированными чудовищами, которых двинут против них ализонцы. Значит, погибнет все, что было мне родным и близким. Пока я говорил, лорд Имгри взял блюдо, положил туда кусок дымящегося мяса из котла и сделал приглашающий жест, указывая на стол.

— Ешь. Мне кажется, что сейчас это тебе нужнее всего.

Его приглашение не отличалось гостеприимством и лаской, но меня не нужно было долго уговаривать. Оруженосец приподнялся и уступил мне стул. Я скорее упал, чем сел на него, схватил мясо, которое еще было очень горячим, и стал греть замерзшие руки, перекидывая его с ладони на ладонь.

— У меня уже давно не было вестей из Ульмдейла. Последний раз... — Я перебрал в памяти прошедшие дни. Мне казалось, что я все время был усталым до изнеможения, промерзшим до костей, голодным как собака...

— Сейчас тебе нужно отправиться на север. — Имгри снова подошел к огню и стал говорить, не смотря на меня. — Мы не можем выделить тебе отряд. Пойдешь в поход с оруженосцем.

Я был горд, что он считает меня способным проделать опасное путешествие без вооруженного эскорта. По всей вероятности, мои рейды доказали, что я вполне зрелый воин, и не нуждаюсь в опеке.

— Я могу поехать один, — коротко сказал я и начал пить бульон прямо из тарелки, так как ложку мне не дали. Он согревал меня, и я наслаждался вливающимся в меня теплом и сытостью.

Лорд Имгри не стал возражать.

— Хорошо, поедешь утром. Я сам сообщу твоим людям, так что можешь спать здесь.

Я провел ночь на полу в доме, закутавшись в плащ. А утром выехал, взяв два куска хлеба и усевшись на отдохнувшую лошадь, которую подвел ко мне оруженоносец. Его лорд не попрощался со мной и не пожелал мне счастливого пути. Дорога на север не была прямой, мне приходилось сворачивать на овечьи тропы и нередко спешиваться, чтобы провести лошадь за повод по крутым горным склонам. У меня был с собой горючий камень, так что я мог разводить костер, чтобы согреть и осветить заброшенные пастушеские хижины, где я останавливался на ночь. Но я так не поступал, так как опасался волков, собиравшихся громадными стаями. Шла война, и на месте боев им оставалось много поживы. Иногда я проводил ночи в маленьких крепостях, где перепуганные люди, открыв рты и замирая от страха, выслушивали последние новости. Изредка я останавливался в придорожных гостиницах. Путешественники не так жадно расспрашивали меня, как жители крепостей, но слушали очень внимательно. На пятый день пути после полудня я увидел Кулак Великана, самую высокую вершину моей родины. Над головой плыли густые облака, холодный ветер рвал одежду. Я решил ускорить движение. Каменистые тропы, по которым я скакал, весьма утомили лошадь, но воспользоваться другой, более легкой дорогой было невозможно, так как если бы я спустился к торговым путям, то потерял бы массу драгоценного времени. Я продолжал движение по горным тропам, внимательно всматриваясь в окружающий пейзаж, но это не спасло меня. Вероятно, они имели часовых на всех дорогах в долину, и я шел прямо в ловушку. Да, я шел в ловушку с беспомощностью овцы, которую ведут на бойню. Тут сама природа создала прекрасные условия для западни. Я ехал по узкой тропинке по самому краю пропасти. Неожиданно моя лошадь опустила голову и тревожно заржала, но предостережение запоздало. На мои плечи опустился сокрушающий удар. Я выронил поводья и обмяк, после чего свалился с лошади. Я не мог думать, а только чувствовал.

И все же какой-то инстинкт, желание выжить заставили меня пошевелить руками. Мой затуманенный мозг воспринял информацию рук, переработал ее, натужно скрипя, и я понял, что лежу лицом вниз, голова и плечи — ниже остального туловища, и весь я в гуще кустов. Тут я понял, что после падения с лошади покатился вниз в пропасть, и эти кусты спасли меня, остановив падение. Если напавшие смотрели на меня сверху, то они наверняка подумали, что я разбился

насмерть. А может быть, сейчас они спускаются вниз, чтобы добить меня? Но я думал только о боли во всем теле и хотел переменить позу, чтобы мне стало полегче. Я долго барахтался, прежде чем осознал, что мне нужно предпринять. Но тут я вновь покатился вниз, и на меня снова обрушился мрак. Второй раз я очнулся от того, что ледяная вода горного источника заморозила мне щеку. Я со стоном приподнял голову, пытаясь отползти от ручья, но руки не держали меня, и я упал лицом в воду. От жгучего холода я задрожал еще сильнее, но вода прояснила мой разум и привела в порядок мысли. Сколько времени я находился без сознания, я не знал, но было уже темно, и этот мрак не был причиной моего тяжелого состояния. Поднялась необычайно яркая и чистая луна. Я с трудом сел, схватившись за голову. На меня напали, конечно, не преступники Пустыни, так как они наверняка постарались бы захватить кольчугу и оружие, а со мной покончить. И тут меня охватил ужас: неужели подозрения лорда Имгри подтвердились так быстро? Неужели нападение на Ульмдейл уже свершилось, и я наткнулся на отряд передовых разведчиков? Да, но западня была устроена так искусно, что я не верил, что это дело рук тех, с кем я воевал на юге. Нет, здесь было что-то иное. Я принялся исследовать тело и с радостью обнаружил, что все кости целы и серьезных повреждений нет. Но я был весь в ссадинах и с большой раной на голове, что было хуже всего. Возможно, от более серьезных последствий падения меня защитили кольчуга и кусты. Я весь дрожал от холода и нервного возбуждения, а когда попытался встать на ноги, то обнаружил, что ноги не держат меня. Я снова рухнул на колени и судорожно схватился за камень, чтобы не полететь вниз. Мой лошади нигде не было видно. Может, напавшие на меня забрали ее? Где же она теперь? Мысль об этом заставила меня вытащить меч. И я лежал, тяжело дыша и положив меч на колени. Я был неподалеку от крепости. Если бы я мог встать и идти, то смог бы добраться до первых пастбищ. Но каждое движение приносило мне невыносимую боль. Дыхание со свистом вырывалось сквозь стиснутые зубы, и я прикусил нижнюю губу так сильно, что ощущил во рту вкус крови. Только тогда я взял себя в руки. Мне здорово повезло, что я остался жив. Но сейчас я был в таком состоянии, что не мог даже защитить себя. Выходит, пока я не окрепну и не наберусь сил, мне необходимо передвигаться очень медленно и осторожно. Я слышал лишь обычныеочные звуки — птицы, звери... Ветер совершенно стих, и ночь была неестественно тихой. Она как будто выжидала. Но кого? Чего? Я менял положение тела, тщательно проверял свои мышцы и, наконец, встал на ноги

и не упал, хотя земля уходила у меня из-под ног. Стояла тишина. Только мирно журчал ручеек. Никто не смог бы подобраться ко мне сейчас и остаться незамеченным. Я сделал пару шагов вперед, стараясь твердо ставить ноги на каменистую почву и хватаясь руками за чертополох и сучья, чтобы не упасть. Затем я заметил стену. Луна заливала серебряным светом ее камни. Я направился к ней, постоянно останавливаясь и прислушиваясь. Вскоре я добрался до открытого пространства и опустился на четвереньки. Потом пополз между камнями, не теряя бдительности. Невдалеке я заметил стадо овец, и эта мирная картина успокоила меня. Если бы здесь появились пришельцы, долина была бы уже разграблена. Но реальные ли это были овцы? У нас говорили о том, что многие пастухи видели стада фантомных овец, которые изредка даже смешивались с настоящими.

А ночью и туманным утром ни один пастух не мог сосчитать овец и дважды получить одинаковое количество. Тогда пастух не имел права гнать овец в деревню, так как если реальных и фантомных овец разместить в одном помещении, то все они превратятся в призраков. Но я отбросил эти фантастические бредни и сосредоточился на первоочередной задаче: проползти до стены и войти в крепость. Вскоре я добрался до места, откуда мне отлично была видна дорога, крепость, стоящая на каменном холме над дорогой в Ульмпорт. Луна светила ярко, и света было достаточно, чтобы можно было увидеть знамя лорда на башне крепости. Но я не заметил знамени там, где оно должно было находиться. Но затем, как бы для того, чтобы все объяснил мне, подул ветер с востока. Он шевельнул полотнище, висящее на шпиле, и развернул его на короткое время, но и этой доли секунды мне хватило, чтобы все увидеть и понять. Не знаю, вскрикнул ли я или нет, но внутри меня все задрожало. Потому что только по одной причине знамя лорда могло быть так изодрано в клочья. И эта причина — его смерть! Знамя Ульмдейла разорвано, это означает, что мой отец... Я ухватился за стену, но не мог удержаться и упал на колени. Ульрик из Ульмдейла мертв. Зная это, я мог предположить, почему на меня была устроена засада. Вероятно, они подождали меня. Но если о смерти отца мне было послано сообщение, то почему оно не нашло адресата? Те, кто хотел схватить меня, должно быть, перекрыли все дороги в долину, чтобы быть уверенными, что я не миную засад. Теперь надо вступить на тропу, ведущую к опасности, но я еще не был готов к этому. Сначала я должен обрести твердость духа, а уж потом шагать вперед.

ДЖОЙСАН

Хотя я и решила отправить Торосса и его родственниц из Икринта, это было не так-то легко осуществить. Торосс все еще был прикован к постели. Не могла же я отправить его на носилках? Но я больше не заходила в его покой. С Ислайгой и Инглидой я тоже не разговаривала. Хорошо, что у меня было много дел, и мне редко приходилось оказываться с ними в одной компании. В костюме для верховой езды, захватив хлеб и сыр на обед, я, в сопровождении оруженосца, объезжала поля, проверяла посты в горах и совершала другую работу. Теперь я не снимала кольчугу и не расставалась с мечом, который подарил мне дядя. И никто не говорил мне о том, что такой костюм не подходит для девушки — тяжелое время обязывало каждого делать все, что в его силах. А затем на нас обрушилась болезнь — с жаром и глубоким, раздирающим горло кашлем. По какой-то случайности я не заболела, и в мои руки перешло все управление замком. Дама Мат заболела одной из первых. Но она все же изредка покидала постель и, несмотря на слабость, старалась помочь мне и больным. Маршал Дагаль тоже заболел, и его люди получали приказы от меня. Мы постоянно держали часовых в горах и в то же время старались убрать урожай. Это было трудное время — дел было очень много, а рабочих рук не хватало. Дни и ночи слились для меня в океан усталости и изнеможения. Времени для отдыха совершенно не оставалось. Все, кто держался на ногах, работали. Даже малыши выходили в поле с матерями и помогали им, чем могли. Но силы наши были на исходе, и мы собрали небольшой урожай, а посадили гораздо меньшее, чем в минувшем году. В середине лета вместо традиционного пира я собрала всех, кого наметила отправить в Норетид, и они направились на север. Шли они, в основном, пешком, так как лишних лошадей у нас не было. Торосс не поехал с ними. Его рана уже достаточно зажила, и он мог бы перенести тяжести путешествия. Я надеялась, что у него хватит здравого смысла уехать, но он остался. Он даже стал другом маршала Дагаля и его ближайшим помощником, когда маршал поправился и приступил к выполнению своих обязанностей. В те дни я не чувствовала себя счастливой. И хотя Торосс не искал со мной встреч, я обостренно ощущала его взгляды, а его воля невидимыми путами пыталась захватить меня в плен. Я могла лишь надеяться, что у меня хватит сил, чтобы воспротивиться его бессловесным нападкам. Торосс понравился мне с самого первого

взгляда, с первой встречи. Тогда я впервые увидела веселого, жизнерадостного юношу, столь непохожего на угрюмых, забитых людей, которые окружали меня до этого. Он был ласков, умен, с ним было интересно разговаривать. У него было приятное лицо, и он великолепно поддерживал беседу и чувствовал себя, как рыба в воде, в любой компании. Я видела, что девушки не сводят с него глаз, и сама ощущала силу его очарования. Рана омрачила его веселость, но он все равно облегчал наше существование в те суровые дни. И я не могла отрицать, что своими шутками он вселял в нас оптимизм. Правда, я никак не могла понять, на чем основана его уверенность, что я уйду к нему. Я знала, что наши мужчины смотрят на женщин, как на собственность. Сначала, конечно, они ухаживают за женщиной, потворствуют ее капризам, но когда добиваются ее и вводят в дом, то она становится вешью, как охотничий сокол, гончая лобака, лошадь... Женщинами пользовались, как инструментом, чтобы заключать и укреплять союзы между лордами. И мы не могли протестовать, даже если намеченный брачный союз был женщине не по душе. Если какая-либо женщина пыталась восстать против судьбы, то предполагалось, что она вошла в союз с темными силами, а обвинение в этом означало для женщины страшную опасность: от нее отворачивались даже те, кто находился с ней в кровной связи. Мой путь был сравнительно прост и легок, до этого времени. Дама Мат была умной и душевно сильной женщиной, хорошо знающей место, которое женщина долины занимает в доме. Ее брат поручил ей управление всем хозяйством и советовался с ней по многим вопросам. Она была умна и ничем не проявляла отношение к родовым обычаям относительно роли женщин. Но я узнала от нее много такого, чего вовсе не обязательно было знать девушке, которой предстоит уйти в дом мужа. Я могла читать и писать, причем многое узнала в женском Монастыре, куда мы часто ездили. Изредка я присутствовала на совещаниях ляди и дамы Мат. Правда, я не осмеливалась высказывать свое мнение без приглашения, но дама Мат нередко спрашивала меня, что я думаю по тому или иному поводу. При этом она говорила, что будущая хозяйка должна уметь принимать решения, но для этого надо много знать. Я знала, что обо мне много говорят. У меня имелось наследство от отца, но не в земельных владениях. И Пиарт мог назвать меня по обычаям наследницей, хотя я была девушкой, но наследником все же стал Торосс, как мужчина. До бегства с юга Торосс был прямым наследником своего отца, теперь же он потерял право на лордство, как какой-нибудь второй или третий сын. Его постоянные требования, чтобы я стала его

женой, заронили в мою душу подозрения, что его главная цель — не я, а полное право стать наследником Пиарта. Может, я и ошибаюсь, но мне казалось, что и Ислайга также лелеет эту мысль. Поэтому она пыталась скрыть свою неприязнь ко мне и часто оставляла нас наедине, полагая, что ее сын сможет уговорить меня разорвать брачный союз с Керованом.

Этим летом я чувствовала себя зайцем, которого стараются загнать две гончие собаки, поэтому я все чаще и чаще спасалась от них работой. Когда мы отправили на север первую партию беглецов, стало полегче, но ненамного. Теперь к моим обязанностям прибавилась забота о даме Мат. Хотя она и делала, что могла, но работа давалась ей с трудом. Она все худела и худела, пока не стала совсем прозрачной. Частенько она стояла, стискивая пальцами четки и безмолвно молясь, но, несмотря на это, пальцы ее мелко дрожали. Я старалась проводить с ней как можно больше времени, и нам ни о чем не надо было спрашивать друг друга, мы и так, без слов, отлично понимали друг друга. Но теперь она стала говорить, говорить намного больше, чем раньше. Делилась со мной всем, что знала, как будто чувствовала, что конец ее близок. Дама Мат рассказывала мне о травах, о лечении, и о многих странных вещах, которые сейчас редко передаются от одного поколения к другому. То, что мы живем в странной стране, все мы хорошо знали — достаточно было повернуть голову и увидеть то, что осталось от Прежних. Здесь таились опасности, которые можно было вызвать к жизни, если быть неосторожным. Детям строго-настрого запрещалось ходить туда, где царило странное мертвое спокойствие. Эта тишина, казалось, чего-то выжидала. Дама Мат открыла мне тайну. Оказалось, что Огонь, которому она посвятила жизнь, не обладает Могуществом Прежних. И тем, кто поклоняется ему, иногда приходилось идти в горы, чтобы искать свое Могество, которое могло бы противостоять Злу. Даже Монастырь был вынужден искать помощи не только в своем божестве — Огне. Дама Мат пришла ко мне рано утром. Ее лицо очень похудело. Она стояла и перебирала в руках четки, глядя не на меня, а куда-то в стену, как будто опасалась встретиться со мной взглядом.

— Джойсан, с Пиартом что-то случилось...

— Ты получила письмо? — Я удивилась, потому что не слышала рога. Теперь при приближении к крепости нужно было обязательно оповещать о своем приходе.

— Да, только не словами и буквами, — ответила она. — Оно у меня здесь. — Она оставила четки в покое и показала тонкими пальцами на свой лоб.

«Сон? — вновь удивилась я. — Неужели дама Мат получила такое же наследство?».

— Не такой, как ты думаешь, весьма расплывчатый. Но я знаю, что ему сейчас плохо. Я должна пойти к лунному источнику.

— Сейчас не ночь и не полнолуние, — напомнила я ей.

— Но воду из источника можно использовать, и я должна это сделать. Боюсь только, что не дойду. Слишком далеко... — она покачнулась и оперлась рукой о стену. Я поспешила к ней, подхватила ее худенькое тело и усадила на стул. — Я должна идти, — она неожиданно заговорила с такой тревогой в голосе, что я перепугалась. Когда тот, кто всегда был тверд, как камень, вдруг обнаруживает в себе слабость, это всегда вызывает жалость.

— Хорошо. Ты можешь ехать верхом?

На ее верхней губе блестели капельки пота. Внезапно я обнаружила, что дама Мат, строгая и чопорная дама, превратилась в старуху. Но ее твердая воля сделала свое дело, хотя груз прожитых лет обрушился на нее, пригнул к земле, и это также пугало, как и ее слабость. Сейчас она даже выпрямилась и расправила плечи.

— Я должна. Дай мне одну из лошадей, Джойсан.

Тяжело опираясь на мое плечо, она вышла во двор. Я послала мальчика на конюшню за пони. Этих смиренных животных мы держали для перевозки грузов. Когда мальчик вернулся, дама Мат уже совершенно преобразилась, как будто она выпила укрепляющее средство. Она легко села в седло, и я повела пони через поля к тому самому источнику, куда недавно бегала сама. Почти никто не заметил нашего ухода. Стояло раннее утро и, вероятно, все уже завтракали. Я шла за пони и ощущала голод.

— Пиарт... — прошептала дама Мат. Она как будто звала брата и ждала от него ответа. Я никогда не думала о том, что же связывает этих двух людей, кроме имени. И теперь, услышав ее голос, я многое осознала. Хотя они и относились друг к другу по-деловому, но на самом деле они нежно любили друг друга. Наконец мы добрались до источника. Когда я была тут ночью, я не видела следов множества людей, искавших у источника знаки Могущества, которые должны были здесь находиться. Источник был выложен камнями, за которыми росли кусты. К веткам кустов были привязаны кусочки ткани, потерявшие свой первоначальный цвет под воздействием ветра и дождей. Кроме того, там висели фигурки овец, лошадей — и все это висело, покачиваясь на ветру. Я помогла даме Мат спуститься на землю и довела ее до источника. Здесь она освободилась от моей поддержки и

пошла вперед сама, как будто при виде источника к ней вернулись силы. Она достала из кармана сосуд, такой маленький, что он мог бы поместиться в ладони. Он был сделан из полированного серебра, а я знала, что серебро — любимый металл Прежних, так же как опалы, жемчуг и янтарь были их драгоценными камнями. Она подозвала меня жестом и указала на растение, росшее возле самого родника. У него были широкие темно-зеленые листья с белыми прожилками. Не помню, встречалось ли оно мне когда-нибудь.

— Сорви листок и наполни им сосуд, — промолвила она.

Сорванный листок распространял приятный аромат и как будто сам по собственной воле скручивался в чашу, чтобы я могла черпать им воду. Вода в роднике доходила почти до верху. Я зачерпнула три раза, и дама Мат сказала:

— Достаточно!

Дама Мат взяла сосуд, подняла его и начала легонько дуть на его поверхность.

— Это, конечно, не вода Девятой Волны, которая лучше всего годится для наших целей, но и эта пригодна.

Она прекратила дуть, и поверхность воды стала гладкой. Дама Мат бросила поверх сосуда на меня взгляд, которому я не могла не подчиниться.

— Думай о Пиарте! Создай его портрет в своем мозгу!

Я попыталась мысленно изобразить портрет дяди и, наконец, мне это удалось. Я увидела его в тот момент, когда он пил во дворе чашу, преподнесенную мной перед его отъездом. Мною овладело удивление, что уже через несколько месяцев я с трудом вспоминаю его и даже не могу четко представить себе его облик. Ведь я же знала его всю жизнь!

— Что-то тебе мешает, — строго посмотрела на меня дама Мат. — Что у тебя есть, Джойсан?

Что у меня есть? Моя рука потянулась к груди, где прятался грифон. Неохотно, подгоняя строгим взглядом дамы Мат, я вытащила шар.

— Повесь его туда.

Я не могла ослушаться и повесила шар на одну из веток, где уже висело множество безделушек. Дама Мат проследила за мной, и вновь уставилась на сосуд.

— Думай о Пиарте! — повторила она

В этот момент передо мной как бы открылась дверь, и я увидела его четко и ясно.

— Брат! — услышала я крик дамы Мат. И больше она ничего не говорила, только всхлипывала. Она смотрела в сосуд, и лицо ее вновь стало дряхлым и изможденным. — Пусть так и будет! — она сделала шаг вперед, перевернула сосуд и выплеснула воду в источник. — Пусть так и будет!

Резкий, удивительно чистый звук раздался в утреннем воздухе: это был колокол тревоги с крепостной башни. То, чего мы так долго боялись, пришло и к нам — враг был рядом. Пони забеспокоился. Мне пришлось схватить его за поводья. Я пыталась успокоить испуганное животное. Тяжелые гулкие удары колокола отражались от гор и возвращались к нам предвестниками близящейся грозы. Я видела, как дама Мат протянула сосуд, как бы подавая его кому-то, и выронила в источник, после чего подошла ко мне. Ее хрупкое тело горело жаждой действия, опасность пробудила в ней молодость. Но на ее лице нельзя было увидеть надежду, нет, это было лицо человека, смотрящего в ночь, не имеющую конца.

— Пиарт видел это в своем последнем сне, — сообщила она, усаживаясь в седло. Больше о нем она не говорила, может, потому, что не могла. Некоторое время она размышляла о том, что увидела в сосуде. Затем тревога вытеснила из моей головы все, кроме того, что нам необходимо спешить в крепость и узнать, что же там случилось.

Вести действительно были плохие, и маршал Дагаль быстро изложил нам все, одновременно отдавая приказы своим людям. Каждый понимал, что защищаться бессмысленно, но воины должны были предпринять отчаянную попытку, чтобы выиграть время и спасти остальных. Враги шли по реке — это был самый простой путь к нам от побережья. Лодки, как доложили нам разведчики, не имели ни парусов, ни весел и, тем не менее, быстро двигались против течения. Так что времени у нас оставалось мало. Мы уже давно решили, что оставаться в крепости и погибнуть в ней — неразумно. Для тех, кто не мог сражаться, было бы лучше уйти в горы и пробиваться на запад. И мы тщательно планировали бегство. При первых звуках колокола пастухи гнали стада, женщины и дети собирались в путь со своими пожитками. Я направилась в свою комнату, натянула кольчугу, тяжелый плащ, взяла меч и мешки, в которые уже было уложено все необходимое. Инглида уже ушла. В комнате все было разбросано. Та часть комнаты, где жила она, выглядела так, как будто уже была разграблена врагами. Я пробежала через холл в комнату дамы Мат. Она сидела в кресле с высокой спинкой, держа в руках жезл, который я у нее видела впервые. Он был цвета слоновой кости, и на нем вырезаны письмена.

— Дама... твой плащ... мешок... — Я быстро осмотрела комнату, ища то, что всегда должно быть наготове. Но комната выглядела обычно, и я не заметила никаких приготовлений к бегству.

— Нам пора уходить! — Я надеялась, что она не так уж слаба и может подняться и идти.

Она медленно покачала головой. Я заметила, что дама Мат очень тяжело дышит, как будто ее измученные легкие не получали достаточное количество воздуха.

— Иди... — она с трудом прошептала это короткое слово. — Иди... быстрее... Джойсан!

— Я не могу тебя здесь оставить. Дагаль будет прикрывать наш отход, но крепость ему не удержать. Ты знаешь, что это наше давнишнее решение.

— Я знаю... и... — она подняла жезл. — Я должна поклоняться Огню, которому долго поклонялась и старалась забыть то, что когда-то знала. Но когда уходит надежда и жизнь, каждый должен бороться, как может. Теперь я знаю, что должна делать. Возможно, я смогу отомстить за Пиарта и за тех, кто с ним уехал. — С каждым словом голос ее становился крепче. Она выпрямилась в кресле, но подниматься с него не собиралась.

— Мы должны идти! — Я положила руку на ее плечо. Оно было твердое и сильное, и я поняла, что она не хочет идти, а силой мне ее не увести.

— Джойсан, ты должна идти. Ты молода, и у тебя будущее. Оставь меня. Это мой последний приказ тебе. Оставь меня. Пусть враги идут сюда... на свою погибель!

Она закрыла глаза, но губы ее шевелились, произнося слова, которых я не слышала. Видимо, она молилась. Но она не перебирала четки, а крепко сжимала жезл. Он дергался в ее руках, как будто им водила невидимая сила. Конец посоха двигался по полу, вырисовывая на нем какие-то письмена, не оставляя следов. Я поняла, что ничто не может заставить ее изменить решение. Она даже не посмотрела на меня и не ответила на мое приветствие. Дама Мат как будто ушла куда-то невообразимо далеко и полностью забыла о моем существовании. Я направилась к двери, думая, стоит ли мне привести людей, чтобы забрать ее. Я была уверена, что сейчас она не может отвечать за свои слова или действия. Возможно, она прочла мои мысли, потому что широко раскрыла глаза и повернула посох в мою сторону, как будто нацеливаясь в меня.

— Дурочка... скоро я умру... я знаю это. Поверь мне, девочка, я сделаю так, что враги пожалеют, что пришли в Икринт. Они уже должны мне кровавый долг, и я не заставлю их долго ждать. Это будет великолепная смерть человека из рода Сломанного Меча. Постарайся заслужить такой же конец, когда придет твое время, моя Джойсан!

Жезл указывал своим концом на меня. Я повернулась и пошла, так как не могла поступить иначе. На меня как будто наложили мощное заклинание, могущество которого было гораздо сильнее, чем моя воля.

— Джойсан! — Колокол уже прекратил свой звон и я смогла услышать свое имя. — Джойсан, где ты?

Я сбежала по ступеням и увидела Торосса. Его капюшон был надвинут на лоб, открывая лишь часть лица.

— Чего ты ждешь? — сердито спросил он и ухватил меня за руку. Потом он потащил меня за собой к двери. — Садись на лошадь и уезжай! Немедленно!

— Дама Мат... она не хочет уходить...

Он взглянул на лестницу, затем на меня и кашнул головой.

— Тогда пусть остается, у нас нет времени. Дагаль с отрядом уже на берегу реки. По ней плавут враги. У них есть оружие, которое может стрелять дальше лучшего лука. Идем...

Торосс вытащил меня на левую сторону улицы: там стояла лошадь. Другая была у ворот. Он силой закинул меня в седло.

— Поезжай.

— А ты?

— Я — к реке. Куда же мне еще? Мы будем отступать, как только услышим от вас сигнал, что вы уже вошли в ущелье. Все, как раньше планировали.

Он ударил мою лошадь, и та резко рванулась вперед, так что мне пришлось призвать на помощь все свое умение, чтобы удержаться в седле. Я слышала позади крики и какие-то резкие хлопки, которые не походили ни на что, слышанное мною ранее. К тому времени, как я справилась с лошадью, Торосс уже скакал во весь опор в противоположном направлении к реке. Мне очень хотелось поехать с ним, но я понимала, что буду воинам только помехой. Моя задача была вести тех, кто не мог сражаться, спасая их. Поднявшись в горы, мы разделились на маленькие отряды, каждый из которых должен был идти своим путем под руководством пастухов и лесников. Все пробирались на запад — единственное место в Высоком Халлаке, где еще было безопасно. Через некоторое время я неожиданно вспомнила: грифон в кристалле! Я оставила его на ветке возле источника! Я должна забрать его! Повернув лошадь, я понеслась назад по хлебному полю, не думая о том, что топчу посевы. Вот и кольцо деревьев возле него. Я схватчу шар, поверну лошадь и тут же поеду обратно. Все это не отнимет у меня много времени. Я въехала под деревья и соскочила с лошади, не дожидаясь, пока она остановится. Но у меня хватило здравого смысла привязать повод к сучьям. Я пошла вокруг куста, отыскивая среди множества фигурок свой шар. Вот он! Че-

рез мгновенье он вновь находился в моей руке. Как же я могла забыть его? Я не стала расстегивать кольчугу, а просто сунула шар за ворот, перекинув через шею. Затем я поспешила к лошади. Она громко заржала. Я была чрезвычайно возбуждена тем, что грифон вновь у меня, и поэтому не обратила внимание на ее ржание. Я шла прямо навстречу опасности, как глупая скотина. Они, вероятно, заметили, как я ехала сюда, и быстренько подстроили мне ловушку. Им помогло то, что я была слишком поглощена мыслью вернуть обратно грифона, не думая ни о чем другом. Как только я взяла поводья лошади, они окружили меня четко и организованно. Вероятно, они не в первый раз захватывали пленников подобным образом. Откуда-то прилетела петля и опустилась мне на плечи, крепко стянув руки. Я стала пленницей, пленницей ализонцев, и все из-за своей глупости...

КЕРОВАН

Итак, мой отец мертв. Кто же правит теперь в Ульме? Яго? Я вспомнил о моем единственном друге. Яго? За то время, что я провел в крепости, я так и не набрал себе сторонников, на поддержку которых мог бы положиться. Но я обязан был выяснить, что же случилось. Я прятался в кустах близ стены. Ночной ветер был холодный, и я дрожал. Никакие усилия не могли меня заставить преодолеть эту дрожь. Крепость в этот час еще закрыта. Кроме.. Теперь я уже мог думать. Видимо, потрясение, которое я испытал при виде порванного флага, привело меня в чувство. Был еще потайной вход.. Я не знаю, что привело наших предков сюда с юга. Они не оставили никаких записей, которые раскрыли бы причину их миграции. Но строения, которые они оставили, их способ жизни говорили о том, что жизнь их была в опасности. Они не воевали с Прежними за обладание долинами. Тогда зачем же эти крепости, одна неприступнее другой, вырастали в этих долинах? И каждая была снабжена тайным входом, о котором знали только сам лорд и его наследники. Как будто каждый из них предвидел, что наступит момент крайне опасный, и в таком входе обязательно возникнет нужда. В тайном, крысином входе.. Однажды отец показал мне тайный вход в Ульм, и у меня сейчас была возможность проникнуть в самое сердце того, что, вероятно, стало вражеской территорией, и все выяснить. Я облизнул губы и ощущил соленый привкус крови во рту. К тому же, это, наверное, единственное место, где меня не будут искать. Там, в этом

суром здании, под разорванным в клочья флагом, я буду находиться в безопасности.

Я отправился в путь. Теперь, когда у меня появилась цель, я стал двигаться увереннее, но не забывал об осторожности. Нельзя, чтобы меня заметили. Я должен был преодолеть довольно большое расстояние, осторожно передвигаясь от стены к стене, от укрытия к укрытию. В окнах замка и деревенских домов кое-где виднелся свет. Огни постепенно гасли, а я передвигался очень тихо, как змей. Я был приучен к терпению, и теперь, когда каждый неверный шаг мог выдать меня, терпение было более, чем необходимо. Возле дома фермера залаяла собака, и я замер с бешено бьющимся сердцем. К моему счастью, вышел мужчина и сердитым окликом успокоил животное. Я постепенно приближался к цели. В Ульмдейле было гораздо меньше остатков деятельности Прежних, чем в северных долинах. И лишь здесь, в тени Кулака Великаны, остались следы тех, кто жил в этой долине до того, как сюда пришли наши предки. Это сооружение не выглядело чем-то потрясающим — обыкновенная каменная плита среди камней. Никто не мог сказать, каким целям она служила. Единственное, что выделяло ее из других плит, так это то, что на ее гладкой поверхности был вырезан знак грифона — того самого, кого первый лорд Ульмдейла сделал своим символом. Даже сейчас, ночью, я хорошо видел четкие линии на плите. И они указывали мне путь. Я поднялся чуть выше по склону. Мое измученное тело яростно протестовало против любого движения. Вскоре я нашел место, где камни были выложены так искусно, что они закрывали проход. Я протиснулся в темную расщелину. До этого момента я не понимал, что отсутствие света создает мне трудности. Вытащив меч, я стал осторожно переставлять ноги и ощупывать стены, пытаясь припомнить, куда же мне дальше двигаться. И когда меч провалился в пустоту, я понял, что на правильном пути. Я вложил его в ножны и стал трогать стены руками. Наконец, начался спуск, по которому я должен был идти, но оказалось, что мне сильно мешают сапоги: я не чувствовал дороги и мог свалиться вниз. Я надеялся, что мои копыта окажутся для передвижения более удобными, чем сапоги. Поэтому быстро их снял и привязал к поясу. Мои копыта оказались более чувствительными к холodu камня, чем кожа сапог. Ощущая шероховатости камня, его острые выступы, я стал спускаться более уверенно, нащупывая выемки для ног. Но я не знал, сколько же мне надо спускаться, ведь мы с отцом здесь не проходили. Он только показал, где вход. Я все спускался, спускался и мне казалось, что в этом кромешном мраке остановилось даже время. Но вот мое копыто,

притронулось к твердой почве, и я осторожно поставил рядом второе. Теперь... свет... Я вытащил из кошелька кресало и стал ощупывать стену, пока не наткнулся на сук. Я высек огонь, и вот запылал первый факел, заставив меня зажмурить глаза от яркого света. Не останавливалась, чтобы надеть сапоги, так как я убедился в преимуществе копыт, я направился дальше. Путь оказался длинным. Думаю, что больше половины его составлял естественный туннель, вероятно, русло высохшей подземной реки. Туннель был низким, и в некоторых местах мне приходилось пригибаться и проползать на четвереньках. Но я не опасался, что меня заметят, поэтому двигался в максимально возможном темпе. Вскоре путь стал пологим. Я догадался, что нахожусь уже под долиной, и крепость недалеко. Вскоре свет моего факела выхватил из темноты проход в стене. Грубые ступени вели вниз и в сторону. Я понял, что это вход в пещеру на берегу моря, о котором упоминал отец, так что у меня было два пути для отступления. Туннель поднимался вверх. Эта длинная лестница вела в крепость, в комнату отца. Я остановился и загасил факел. Обе руки должны быть свободными, к тому же, свет факела могут заметить через трещины в стене. Я заглянул в одну из них: это был барак. На дальней его стене горел факел, оставляя комнату в полутиме. Здесь спали несколько человек. Пройдя чуть дальше, я заглянул в следующую трещину. Моему взору открылся большой холл. Я смотрел в него откуда-то из-за трона отца. В очаге горел огонь, которому никогда не давали погаснуть. Слуга сидел на скамье возле него, а на полу, рядом, свернулись две собаки. Самая обычайная картина для этого времени суток.

И вот я у цели, но я не осмеливался открыть каменную плиту, хотя меня сильно мучил вопрос, что же я обнаружу там, в комнате. Люди часто используют слово любовь. Они обозначают им как чистые чувства, вроде привязанности, нежности, так и грязные, вроде похоти. Я никогда не пользовался этим словом, так как в жизни не представлялось случая испытать этого чувства. Страх, почтение, трепет — эти чувства были мне более понятны, чем любовь. Я не любил своего отца. В те дни, когда я был рядом с ним, я уважал его и преданно служил. Но всегда между нами стояло то, что я рос вне дома, был, по существу, изгнан. И хотя он приезжал ко мне, присыпал подарки, которые привели бы в восхищение любого мальчишку, в его присутствии я всегда ощущал неловкость и беспокойство. Не знаю, что было тому причиной, то ли мое уродство, то ли то, что он не мог открыто воспротивиться моей матери и признать меня сыном с самого начала. Я понимал, что с детства наши отношения не были

такими, какие бывают между отцами и сыновьями. Я долго думал, что в этом моя вина, и поэтому в его присутствии чувствовал себя, в какой-то степени, морально ущемленным, не в своей тарелке. Мы построили между собой стену и сломать ее так и не смогли. Очень жаль... Сейчас я думал, что лорд Ульрик был именно тем человеком, которого я мог бы полюбить всем сердцем. И теперь я стоял в темном туннеле возле его покоев и ощущал, что потеря отца опустошила мою душу. Сейчас моя рука лежала на ручке, которая открывала каменную стену, закрытую спинкой огромной отцовской кровати. Я чуть-чуть приоткрыл ее, так как услышал чьи-то голоса и увидел свет лампы. Тут я вспомнил, что плиту увидеть невозможно, и я даже могу обойти вокруг кровати и неожиданно появиться перед изумленными людьми. Они не могут знать о моем присутствии, и у меня появилась возможность узнать все, что здесь происходит. Я проскользнул в комнату и укрылся за балдахином кровати. Это было великолепное укрытие. В балдахине я нашел дырочку, через которую все было видно. В комнате находились четверо. Двое сидели на скамье у стены, один на стуле, а четвертый — в кресле, где сидел мой отец, когда мы с ним прощались. Хлимер и Роджер. На стуле расположилась девушка. У меня даже перехватило дыхание. Если забыть, что это лицо девушки — то это копия моего лица! А в кресле — у меня не было ни тени сомнения, что я впервые в жизни увидел леди Тефану. Она была в пепельно-серой одежде вдовы. Отброшенная назад вуаль прикрывала только волосы. Лицо ее было таким молодым, что она казалась старшей сестрой девушки, и старше ее всего на два-три года. Хлимер ничего не унаследовал от нее. Я же походил на нее, так как действительно был ее сыном. Я не испытывал никаких чувств, кроме любопытства, когда смотрел на нее. С самого начала я знал, что у меня нет матери, и примирился с этим. Мы ничем не были с ней связаны, и вот теперь я впервые увидел ее. Она быстро говорила и проделывала такие же быстрые жесты своими красивыми руками с длинными пальцами, на одном из которых сверкал перстень — перстень моего отца. Его имел право надеть только лорд. И это право принадлежало лишь мне.

— Они дураки! Но нам-то зачем быть дураками? Когда придут вести, что Керован убит на юге, Лизана станет наследницей, а ее муж — она указала на Роджера, — будет править здесь от ее имени. Хочу вам сказать, что пришельцы предлагают хорошие условия. Им нужен порт, но они не хотят брать его с боем. Нам же война ничего не даст, долго против них нам не устоять. Кому нужны смерть и разрушение?

ния? Повторяю, условия очень хорошие. Эта сделка спасет нашу долину.

— Я охотно соглашусь на то, чтобы стать мужем Лизаны, а заодно и правителем Ульмдейла, — проговорил Роджер и, чуть погодя, добавил: — А что касается остального... — он покачал головой. — Это совсем другое дело. Легко заключить договор, но сдержать его гораздо сложнее. Мы можем открыть ворота, а закрыть их потом не удастся. Они отлично знают наши слабости. Мы слабы...

— Слабы? Мы? И это говоришь ты, Роджер? — Леди Тефана в упор уставилась на него. — Глупый мальчик, ты забыл, какое Могущество мы унаследовали от нашего рода? Я не уверена, что пришельцы сталкивались с чем-нибудь подобным.

Роджер улыбался той самой едва заметной улыбкой, которая всегда заставляла меня думать, что он очень уверен в себе, как будто владеет каким-то страшным оружием, вроде того, что пришельцы применили против нас.

— Значит, моя дорогая леди, ты хочешь к ним обратиться? Подумай хорошенько, ведь может произойти непредвиденное. Они могут выйти из-под контроля и пойти своим путем. Мы их родственники, но не близкие.

Я заметил, как вспыхнуло ее лицо, и она вытянула в его сторону палец.

— Ты осмеливаешься говорить мне это, Роджер? — Голос ее стал пронзительным.

— Я не твой последний муж, леди. — Если он и испугался ее крика, то ничем этого не выказал. — Его род был проклят, поэтому он легко поддавался всему, что исходило от Них. Но во мне течет та же кровь, что и в тебе. Мною не так просто руководить, хотя даже твой муж вышел из-под контроля. Он назвал своего сына наследником, несмотря на все твои заклинания.

Ее лицо еле заметно изменилось, и мне стало как-то беспокойно, что-то гнетущее появилось в комнате. В ней возникло зло. Я ощущал его, чувствовал, как оно наполняет сосуд — сосуд-женщину. Я отказывался поверить в то, что эта женщина дала мне жизнь.

— Интересно, с кем ты общалась в том Святилище, когда носила под сердцем моего обожаемого кузена? — продолжал Роджер, все еще улыбаясь. — Какую сделку ты заключила? Ты творила заклинания, чтобы лорд Ульмдейла попал в твою постель в качестве мужа? Ведь ты давно не имеешь дела с теми, кто идет по Белому Пути. Не думаешь ли ты, что я пришел сюда без защиты?

Ее палец быстро чертил какие-то фигуры. И как тогда, у Ривала, я увидел, что он оставляет в воздухе светящиеся следы. Изредка палец как бы ставил точку. Следы были хорошо видно в комнате, которую наполнило черное зло. Роджер поднял руку и закрыл ею лицо. Ладонь была направлена вперед. На ней выделялись те самые линии, по которым Мудрые Женщины могли предсказать будущее. Эти линии начали светиться бледно-розовым, а затем ярко-красным цветом. Роджер все еще улыбался из-под руки. Я услышал сдавленный крик леди Тефаны, и ее рука безвольно опустилась. Кольцо на ее руке как-то потускнело, как будто его блеск был съеден дьявольскими силами, которые она только что призывала. Я испытывал страшное желание сорвать перстень с ее руки.

— Да, — продолжал Роджер, — ты, леди, не единственная, кто ищет сильных союзников в тайных местах. У нас врожденная тяга к таким вещам. Теперь, когда ты убедилась, что мы с тобой одинаково вооружены, давай вернемся к делу. Твой любимый сын... — он замолчал и легонько кивнул в сторону Хлимера, который имел совсем не дружелюбный вид. Он сидел согнувшись и смотрел то на мать, то на Роджера. Было видно, что сначала он боялся только мать, а теперь понял, что ему надо опасаться обоих. — Так как твой любимый сын не стоит на моем пути владения Ульмдейлом, мы можем составить совместный план. Но я все же не согласен, что нам необходимо сотрудничать с пришельцами.

— Почему? — осведомилась она. — Ты их боишься? Ты, у которого есть это? — Она кивнула на его ладонь. — Неужели ты не сможешь себя защитить?

— Лично я не боюсь, но я не желаю давать им хотя бы временные преимущества. Я верю, дорогая леди, что ты можешь вызывать с гор грозы и противодействовать любому предательству, которое они замыслят, но то, что ты вызовешь, не станет разбираться, что уничтожает. И я вовсе не хочу потерять Ульмдейл, защищая его.

— Ты все равно потеряешь его, — Лизана впервые нарушила тишину. — Мой дорогой Роджер, — в ее голосе слышалось мало любезностей, — мы ведь еще не поженились. Не слишком ли ты торопишься, считая себя лордом Ульмдейла?

Она говорила эти слова ледяным голосом. Они выглядели не как обрученные, а, скорее, как враги.

— Верно, моя сладкая, — дружески согласился он, но если бы я находился на месте Лизаны, меня бы насторожил этот дружеский тон. — Ты хочешь здесь остаться и лордом, и леди?

— Я не желаю принимать участие в твоей игре, Роджер! —
резко ответила она уверенным тоном.

Роджер посмотрел на нее так, как будто впервые понял, что она тоже имеет тут вес, а он не учел этого. Его глаза чуть сузились, и он перевел свой взгляд на ее мать.

— Поздравляю, моя дорогая леди! Выходит, ты уверена в своем Могуществе и в отношении ее?

— Естественно, а ты думал — нет? — рассмеялась она, и он рассмеялся вместе с ней.

— О нет, моя дорогая леди. У нас будет прекрасное семейство! Мы можем проводить великолепные вечера, пробуя друг на друге свои заклинания и испытывая защиту каждого.

— Этих вечеров не будет! — прорычал Хлимер. — Не будет, если мы не договоримся, что делать, чтобы удержать Ульмдейл. И я не вижу шансов выиграть там, где проиграли многие великие лорды. Порт открыт — им нужно лишь подойти и высадиться. Крепость можно удерживать день, может, два... но... — он пожал плечами. — Вы все слышали рассказы об их оружии. Мы кончим так же, как и все остальные.

— А что, если... — С лица Роджера сошла его самодовольная улыбка. Он взглянул на леди Тефана и перевел взгляд на Лизану. — Что, если они не смогут пристать к берегу? Ветер и волны, ветер и волны...

Леди Тефана испытывающе посмотрела на него.

— Это потребует много энергии.

— И ты обладаешь ею, моя леди, и, частично — моя невеста. — Он посмотрел на девушку. — Немного могу добавить и я. Ветер и волны — это довольно удачное решение проблемы. Все будет выглядеть довольно естественно, и они не могут нас ни в чем обвинить. Мы останемся в стороне. Мы сделаем вид, что идем на сделку. А ветер и волны...

Она нервно облизала губы. — Это требует большого Могущества.

— Может, тебе это не по силам?

— Да нет! — незамедлительно вскрикнула она. — Но для того, чтобы достичь успеха, нам троим нужно объединить все наши жизненные силы.

Он приподнял брови.

— Жаль, что мы позволили уйти самым преданным сторонникам лорда. Ненависть могла бы дать нам эти силы. Например, этот старик Яго...

— Он осмелился угрожать мне! — крикнул Хлимер. — Как будто калека может что-нибудь со мной сделать!

— Калека, конечно, не может, — согласился Роджер. — Но если бы он встретился с тобой лет десять назад... тогда я не поручился бы за твою жизнь, дорогой братец. Во всяком случае, у нас есть другие, чьей жизненной силой мы можем воспользоваться. Если мы решим...

Лизана неожиданно потеряла свое холодное безразличие. Я заметил, как в ее глазах мелькнуло безумие.

— Мы решим! — завопила она. — О, мы решим!

Роджер впервые проявил признаки беспокойства. И он заговорил с леди Тефаной, как бы игнорируя ее дочь.

— Обуздай свою ярость, моя дорогая леди. Такой путь требует благородства и осторожности.

Лизана вскочила на ноги так резко, что стул, на котором она сидела, полетел на пол.

— Не тебе учить меня, Роджер! Лучше смотри за своим Могуществом, если его у тебя так много, как ты стараешься показать!

— Все мы должны осторожно обращаться со своим Могуществом, — заметила леди Тефана. — Но этот план требует тщательной подготовки, и этим нам следует заняться немедленно. — Она поднялась. Хлимер быстро подскочил к ней и предложил руку. Я подумал, что сейчас он не очень-то жаждет оставаться наедине с Роджером. Лизана пошла за ними, и Роджер остался в одиночестве.

Моя рука потянулась к мечу. То, что я здесь выслушал, наполняло меня ужасом, хотя многое объясняло. Было ясно, что эта троица давно имеет дело с Темными Силами: они сами признались в этом. И то, что мой отец был околдован, как намекнул Роджер, многое мне объясняло. Теперь я мог простить отца. Стена между нами рухнула, хотя для него это было слишком поздно. Сейчас они хотят призвать на помощь Темные Силы. Вероятно, это может спасти Ульмдейл, но только для них. Но осмелюсь ли я противопоставить мою любовь к родине их темному Могуществу? Ведь если они поднимут Темные Силы этой страны, то я могу их считать своими союзниками, потому что они будут воевать с нашими врагами. Союзниками, хотя я их ненавижу. И я смотрел, как бродит Роджер по комнате, и не бросался на него. В моей голове царила лишь одна мысль. Что конкретно они собираются предпринять? Ведь, несмотря на обстоятельства своего рождения, я не имел подобных талантов, которыми, кажется, обладали они. И в стране был только один человек, который смог бы мне все объяснить, и от которого я мог бы узнать, что мне делать. Позволить ли им прибегнуть к Темным Силам, чтобы спасти родину, или же предпринять все возможное, чтобы помешать им? Что представляет собой большую

опасность - их обращение к Темным Силам или же пришельцы? Я не мог об этом судить. Но Ривал, который всю свою жизнь посвятил тайнам, мог рассказать мне об этом.

Замок отца теперь стал для меня ловушкой, и чем скорее я выберусь отсюда, тем лучше не только для меня, но и для будущего нашей родины. Когда я шел по подземному туннелю, то размышлял о том, что сказал Хлимер о Яго. Я не сомневался, что этот бык принудил Яго драться с ним. Ну что ж, когда-нибудь я заставлю его заплатить за это. К тому времени, как я добрался до плиты с грифоном, наступила глубокая ночь. Все мое тело ныло от ушибов, голова дико трещала, но меня подгоняло время. Чем быстрее я доберусь до Ривала, тем лучше. Для пешего человека это был долгий путь, к тому же, меня мучил голод.

Когда я перевалил через горы, окаймлявшие долину, я вышел на одну из тех троп, что использовались летом охотниками и торговцами, особенно теми, кто был связан с Пустыней. Я едва успел укрыться в кустах, когда услышал звук копыт по камням. Я был уверен, что мне необходимо спрятаться. Даже если это был не враг, встреча с ним не сулит мне ничего хорошего, так как он расскажет о том, что видел меня. Но когда я разглядел человека, который ехал на лошади и вел на поводу вторую, я немного успокоился. Он не проехал мимо, а остановился прямо перед кустами, где прятался я, и поднял палку, которую держал в руке. Это был не носух и не кнут, так как палка была для этого толстовата.

— Лорд Керован... — говорил он очень тихо, но я четко слышал каждое слово.

Он был одет, как бедный путешественник — в кожу и толстую шерсть. Затем он откинулся головы капюшон, как бы скелая, чтобы я увидел его и узнал. Но я никак не мог вспомнить, видел ли я его когда-нибудь раньше. В отличие от многих торговцев, он был чисто выбрит, и на подбородке не было видно даже следов бороды. Черты его лица были немного странными — он не походил на жителей нашей долины. Волосы были коротко острижены и торчали густой щеткой. Они больше походили на шерсть зверя, чем на волосы человека. Цвет их тоже был странным — смесь серого, коричневого и черного.

— Лорд Керован! — повторил он и указал на меня пальцем.

Я не мог сопротивляться этому зову. Не зная, правильно ли поступаю, я поднялся на ноги и прорвался сквозь кусты к тому, кто мог быть моим смертельным врагом.

ДЖОЙСАН

Пленница Ализона! Все те ужасы, о которых рассказывали мне беглецы, всплыли в моей памяти, когда меня окружили эти демоны, и веревка, стянувшая мои руки, потащила меня на открытое пространство. Однако, это были простые люди, но выражение их физиономий заставило меня вздрогнуть от страха. Быстрая смерть сейчас стала бы мне подарком судьбы. Они разговаривали между собой, смеясь, но я не понимала их язык. Тот, кто казался их предводителем, подошел, скинул с моей головы капюшон, и волосы мои рассыпались по плечам. Рука невольно потянулась к кинжалу, но веревка оказалась крепкой, и мне не удалось вытащить его. Затем они привели меня в Икринт, где собирались во дворе замка враги. Неожиданно из башни раздался страшный гром, сопровождаемый ослепительной вспышкой. Меня швырнуло на землю, и я увидела то, что привело меня в ужас. У меня затряслись руки и ноги. Толстые стены Икринта задрожали, в них появились трещины, и стены обрушились, погребая под своими обломками врагов. Все закрылось чудовищным облаком пыли. Я слышала дикие крики, животные ревели и пытались бежать. Фортуна была против меня — конец веревки, стягивающей меня, был зажат между камнями. Неужели это совершили чудовища, которым служат пришельцы? Нет, вряд ли. Зачем им убивать своих союзников? Дама Мат! Но как она совершила это? Я была поражена, обнаружив, что она обладает таким Могуществом, каким могли обладать только Прежние и некоторые Мудрые Женщины, — те, что имели дело с запретным. Мудрые Женщины и дама Мат — они всегда были противниками. Но до того, как дама Мат посвятила свою жизнь служению Огню, кем она была? Однако в любом случае она взяла очень высокую цену от пришельцев за наш Род, как она и обещала. Несмотря на ужас в душе, я должна была признать это. Наши мужчины всегда были отважными в бою, но мой отец погиб, сражаясь с пятью преступниками, и четверых из них захватил с собой в могилу. Теперь эти пришельцы из-за моря поймут, на что способны наши женщины! Сейчас мне представлялся единственный шанс бежать. Я отчаянно боролась с веревкой. Пыль постепенно оседала, и вскоре я обнаружила, что держит меня. Враг, приведший меня сюда, лежал лицом вниз, придавленный громадной глыбой. А веревка была обмотана вокруг его пояса. Я подумала, что он мертв, и устроила усилия. Как же это страшно: быть привязанным к

мертвецу, но веревка держала крепко, и я дергалась, как strenоженная лошадь. Так меня и нашли те, кто смог выбраться из-под обломков Икринта. Наших людей не было видно. Я надеялась, что все они погибли, прикрывая наш отход. Попасть в плен было ужасно, хуже смерти. Враг недолго находился в панике. Я горько пожалела, что никто не использовал этого момента и не напал на них в это время. Теперь же я не сомневалась, что пленники жестоко заплатят за эти неожиданные потери. Ужас обострил мои чувства, но затуманил разум. Дама Мат проделала все это великолепно. Она погибла, но славной смертью. Выло ясно, что мне так не погибнуть. Правда, меня не убили сразу же, когда нашли привязанной к мертвецу. Они разрубили веревку и поволокли меня из развалин Икринта к реке, где располагалась группа офицеров. Один из них мог говорить по-нашему, хотя выговор у него был какой-то гортанный. Я все еще была оглушенна ужасным взрывом и почти не слышала. И когда я не ответила на его вопрос, он сильно ударил меня по щеке, и сразу же — по другой. Слезы брызнули из моих глаз, мне было нестерпимо больно и стыдно, что враги видят их. Я собрала остатки мужества и посмотрела прямо в его лицо. Я снова стала настоящей дочерью своего Дома.

— Что... это... было? — он приблизил свое лицо к моему, и я с омерзением ощущила его зловонное дыхание. У него была колючая борода, а щеки над ней — в красных прожилках. Нос его тоже был красный и ноздреватый, а глаза — острые и жестокие. Скорее всего, он был умным человеком. Скрывать от него то, что я думала, не было смысла. Вероятно, даже лучше сказать это, чтобы пришельцы знали: в Высоком Халлаке хранится много тайн, и многие из них недоступны человечеству.

— Могущество, — проронила я.

Думаю, что он по моему лицу прочел, что я говорю правду, и поверил мне. Кто-то из офицеров задал ему какой-то вопрос, и он ответил, не отводя от меня взгляда. После этого он задал мне второй вопрос:

— Где ведьма?

И снова я сказала правду. Хотя мы не использовали слова «ведьма» в своем языке, я поняла, что он имел в виду.

— Она внутри.

— Отлично, — он отвернулся от меня и что-то сказал офицерам. Они стали о чем-то оживленно разговаривать.

Я чувствовала себя очень ослабевшей, уставшей, и мне хотелось упасть на землю. Голова ужасно болела, как будто грохот развалившейся крепости разрушил что-то у меня в голове. Несмотря на отчаяние, я старалась держаться гордо

и независимо, чтобы не посрамить свой род. Он снова посмотрел на меня, на этот раз оценивающим взглядом, окидывая меня с головы до ног. Его толстые вывороченные губы раздвинулись в такой улыбке, с которой смотрели на меня некоторые мужчины. И это мне страшно не понравилось.

— Ты не деревенская девчонка. Раз ты в кольчуге, я думаю, что нам достался ценный приз. Но об этом позже.

Наконец меня оставили в покое. Я сидела на берегу, где собирались их лодки, и из них все время высаживались все новые и новые воины. Я с ужасом смотрела на них. Врагов было так много, что у меня закружилась голова. Как же наш маленький отряд надеялся остановить их хотя бы на мгновение? Затем я узнала, что случилось с нашими людьми. Одни пали в бою — им повезло, а другие... О, я не хочу открывать ворота памяти этому ужасу. Теперь я была уверена, что пришельцы не люди, а настоящие демоны. Думаю, что они специально устроили все это на моих глазах. Они хотели напугать меня и сломить. Но они недооценили меня, так как ужасное зрелище скорее закалило меня, чем согнуло. Главное не то, что человек умирает, а то, как переносит последние минуты жизни. Во мне зреала холодная решимость, твердая, как сталь из Пустыни. Дама Мат была права. Я тоже должна открыть свой счет в смертельной борьбе с врагами. Мне показалось, что они забыли обо мне. Я все еще была связана, а конец веревки был привязан к корабельной цепи. Враги время от времени подходили и осматривали меня, как редкостное животное. Некоторые хватали меня за волосы, грудь, трогали лицо, удивленно переговариваясь между собой. Наступала ночь. Зажглись огни. Несколько овец тут же прирезали и пустили на ужин. Конный отряд ускакал в долину, очевидно, чтобы догнать и уничтожить наших людей. Я молилась Огню, чтобы наши проводники сумели увести людей по безопасным тропам. Вскоре я увидела, как отряд вернулся, и я услышала крики женщин. Значит, кого-то из наших людей все-таки схватили. Я пыталась заткнуть уши, чтобы не слышать их ужасные вопли. На нашу землю пришло Зло, здесь оно собирается и отсюда распространяется дальше. И этому Злу не было видно конца. Я стала размышлять, как мне покончить с собой. Ведь скоро они придут, чтобы грязно надругаться надо мной. Река... могу ли я броситься в реку? Если бы мне удалось добраться до реки вдоль цепи, к которой я была привязана...

Торосс... Я тупо подумала о том, что же случилось с ним? Я не видела его трупа. Может, ему удалось бежать? Если так, то я, несмотря ни на что, пожелала ему удачи. Странно, но при мысли о нем передо мной встало его лицо. Резко и четко,

как будто он сам стоял передо мной. На груди под кольчугой у меня что-то потеплело. Грифон! Эта несчастная игрушка, из-за которой я попала в руки врага. Грифон стал еще теплее — как уголек, положенный мне на грудь. От него истекало не только тепло, но и что-то еще... сила, уверенность в том, что все кончится благополучно, несмотря на то, что видели мои глаза и слышали мои уши. Как будто до меня доносился спокойный голос, уверяющий меня, что путь к спасению есть, что моя свобода в моих руках, хотя я понимала, что этого не может быть. Страх стал чем-то маленьким, далеким, и его легко было побороть. Мое зрение и слух обострились. Слух! Даже сквозь шум лагеря я различала непонятный звук. Что-то приближалось... вниз по реке! Как я это почувствовала, не знаю. Но я понимала, что должна быть готова. Может, я просто бредила от усталости, отчаяния и страха. Но я была так уверена в своем убеждении, как была уверена, что живу и дышу.

— Джойсан! — Шепот, но для моего обострившегося слуха почти крик. Я боялась, что его услышит весь лагерь. Я не осмелилась ответить, но повернула голову в сторону звука, надеясь, что это движение даст понять неизвестному, что я слышу.

— Иди... сюда... если можешь... — Слова доносились от реки.

Мучительны и медленны были мои движения. Я двигалась спиной вперед, чтобы не выдать себя и своего спасителя. Вскоре чьи-то мокрые руки коснулись моих, а по веревке полоснул нож, и она упала. Руки мои затекли, и освободитель, стоявший по пояс в воде, растирал их.

— Прягай в воду! — приказал он.

Я была в кольчуге, и поэтому подумала, что с такой тяжестью мне не выплыть. Все равно, лучше умереть свободной. Я чуть не умерла от страха, когда рядом по тропинке прошло несколько человек, но, к счастью, они на меня не обратили внимания. Я тихонько соскользнула в воду. Руки подхватили меня и поддержали, чтобы я не ушла в воду с головой, и мы оказались в объятиях быстрого течения. Я плохо держалась на воде, мой спаситель боролся за меня, а я не могла ничем ему помочь. Вскоре он зацепился за камень и стал поддерживать мою голову над водой. Его лицо было совсем рядом. Я почти не удивилась, узнав в спасителе Торосса.

— Пусти меня! Ты подарил мне возможность погибнуть свободной и не опозоренной. Спасибо тебе за это...

— Я подарил тебе жизнь! — Ответил он, и на его лице я прочитала твердую решимость. — Держись, Джойсан! —

Он притянул мои руки к камню, а затем буквально втащил меня на него, так как сил у меня больше не оставалось.

Течение отнесло нас вниз по реке, и теперь между нами и западными горами находились основные силы врагов. Торосс тоже дрожал от холода, и стянул с себя мокрую рубашку. На его щеке была глубокая царапина, из которой сочилась кровь. Затем он протянул мне руку и повел меня дальше. Мой длинный плащ словно оковами стягивал ноги, а кольчуга тяжким грузом висела на плечах. Но я шла за Тороссом, с трудом веря, что ему удалось спасти меня, и что бегство мое до сих пор не обнаружено. Через некоторое время мы добрались до каменной гряды и без сил упали на землю. Я расстегнула кольчугу и хотела снять ее, но Торосс удержал мою руку.

— Нет, она тебе еще пригодится. Мы еще не выбрались из пасти дракона.

Об этом мне не нужно было напоминать. Оружия у меня не было, да и у Торосса не было ничего, кроме ножа. Возможно, он решил, что меч помешает ему плыть. Так что, если нас догонят, то наша жизнь будет зависеть только от ножа и камней на земле.

— Нам необходимо пробраться в горы, — прошептал он.
— И попытаться обойти этих мясников, чтобы соединиться с нашими людьми. Но лучше немного подождать, пока станет темнее.

Что-то заставляло меня уходить подальше от этих костров, от этого шума. Однако, и в его словах был здравый смысл. Теперь наступило время испытания моего терпения.

— Как... как ты выбрался живым из битвы на берегу? — поинтересовалась я.

Он коснулся раны на своей щеке, которая все еще кровоточила и делала его лицо похожим на кровавую маску.

— Я заработал это в бою. Удар оглушил меня, и они решили, что я мертв. Придя в себя, я понял, что могу спастись, поэтому я продолжал притворяться убитым. Затем я уполз и увидел, как тебя ведут из Икринта. Что там случилось, Джойсан? Они решили уничтожить крепость и своих людей под ее обломками?

— Это сделали не они, а дама Мат. Она применила свое Могущество против врага.

Некоторое время он молчал, а потом спросил:

— Но как это могло случиться? Она же дама, дама из Монастыря в Норестиде.

— Мне кажется, что еще до того, как посвятить себя Огню, она получила другие знания. И эту героическую гибель она выбрала по собственной воле. Может, нам уже пора идти,

Торосс? — Я дрожала в мокрой одежде, тщетно пытаясь унять озноб. Хотя было еще лето, точнее, конец лета, но погода стояла по-настоящему осенней.

— Они будут ждать нас, — он стоял на коленях и смотрел из-за камней на реку.

— Кто? Враги? Неужели они прошли так далеко в долину?

— Я почувствовала, что радость моего спасения улетучивается.

— Нет... Анграп, Рубо, — Торосс назвал мне имена своих оруженосцев. — Моя мать прислала их, чтобы они заставили меня уйти в горы. Если бы я не увидел тебя в руках этих псов, я давно бы был там.

Значит, мы будем не одни, если нам удастся добраться до воинов Торосса. Это несколько успокоило меня, хотя оба они были уже стары и немощны. Рубо был одноглазым, а Анграп много лет назад потерял руку. И мы начали отход. Я не могла понять, почему они нас не заметили. Правда, мы старались использовать любое прикрытие. И то, что они до сих пор не обнаружили моего бегства, тоже было для меня тайной. Я каждую секунду ожидала, что они бросятся за мной в погоню, если, конечно, не подумают, что я утопилась в реке. Мы обнаружили узкую тропку, которая, извиваясь, вела наверх. Я не признавалась, что чрезвычайно трудно идти, изо всех сил старалась не отстать от Торосса. Кроме того, ведь я была обязана ему жизнью. Это тоже заставляло меня идти вперед. Я подумала, что теперь в долгую перед Тороссом, и это может послужить причиной больших сложностей в наших отношениях. Правда, сейчас не имело смысла заглядывать в будущее, надо было еще благополучно отсюда выбраться. Хотя я прожила в долине всю жизнь, я слабо представляла, куда мы идем. Сперва нужно было держать путь на запад, но для этого необходимо сначала свернуть на юг, чтобы обойти бесчисленные патрули врага. Мои мокрые сапоги доставляли мне невыносимые мучения. Дважды я останавливалась, чтобы выжать полы плаща, но он все равно облеплял пластырем мои ноги. Торосс уверенно шел впереди, как будто хорошо знал дорогу, и мне ничего не оставалось, как слепо следовать за ним. Вскоре мы свернули на другую тропу, менее утоптанную, но шагать по ней стало легче. Она поворачивала на запад. Если враги не проникли высоко в горы, значит, мы обойдем их. Изредка мы слышали крики в ночи с другого берега реки. Я старалась не думать о тех несчастных, так как ничем не могла им помочь. Торосс, услышав крики, даже не сбился с шага, но насторожился. Не знаю, вызвали ли они в нем ярость, желание отомстить. Мы шли молча, чтобы не нарушить дыхание, старались беречь силы, так как главные

испытания были еще впереди. Несмотря на все наши усилия, мы не могли идти совершенно бесшумно, как мышки. Изредка из-под ног катились камни, трещали сучья под сапогами, шелестели ветки кустов, сквозь которые мы проридались. После каждого из этих предательских звуков мы замирали на месте и вслушивались во тьму. Но фортуна пока благоприятствовала нам. Взошла полная луна, как огромный фонарь в темном небе. Теперь мы могли видеть дорогу и идти быстрее, но зато враги могли издали заметить нас. Торосс, прислушиваясь, остановился и взял меня за руку. Потом он приблизил свои губы к моему уху.

— Нам нужно пересечь реку по броду торговцев, — зашептал он. — Это единственная возможность добраться до горных троп.

Конечно, он был прав, но для меня это был страшный удар. Брод был известен, за ним наверняка следили, и нам не миновать его незамеченными. И даже если нам удастся перейти реку, дальше перед нами пролегал путь по равнине, где не было никаких укрытий.

— Но там нас непременно схватят!

— Ты можешь предложить что-нибудь лучшее, Джойсан?

— А если идти по этому берегу реки на запад? Здесь полно овечьих пастбищ, и они не смогут нас догнать.

— Догнать нас! — Он горько усмехнулся. — Им нужно лишь прицелиться из своего оружия, и мы погибнем, как бы далеко от них ни находились. Я видел это оружие в действии.

— Лучше умереть так, чем попасть в их грязные лапы. Брод — это слишком большой риск.

— Да, — согласился он, — но я не знаю здешних дорог. Если тебе они известны, то выходи вперед, показывай.

Я мало знала верхнюю часть долины и тщетно пыталась вызвать в памяти то немногое, о чем слышала. Эта местность пользовалась у жителей дурной славой. Сюда редко ходили и, в основном, потому, что здесь находились развалины строений Прежних. Этого было достаточно, чтобы отпугнуть любого, но я надеялась на лес, который мог укрыть нас от преследователей. Я ничего не сообщила Тороссу о дурной славе этих мест, так как надеялась, что мы благополучно пройдем по краю леса, а затем повернем на северо-запад, чтобы соединиться с родственниками. Мы шли, и нас одолевала страшная усталость. Я отчаянно боролась со слабостью, заставляя себя идти. Как чувствовал себя Торосс, я не знала, однако он тоже не спешил и изредка спотыкался. Огни вражеского лагеря были уже далеко позади. Дважды нам приходилось бросаться на землю, приникая к ней всем телом, чтобы нас не заметили проезжающие всадники, и

всякий раз, когда они проезжали мимо, не останавливаясь, я с облегчением вздыхала. И так мы добрались до опушки леса. Здесь счастье изменило нам как раз в тот момент, когда мы почувствовали себя в безопасности. Мы услышали шум и хриплые крики. Торосс толкнул меня в заросли кустов, в самый лес, который пользовался дурной славой. Тут он упал. Я повернулась и схватила его за плечи, потащив за собой из последних сил. В этот момент я вспомнила о даме Мат. Как бы мне хотелось сейчас иметь ее жезл, ее Могущество, чтобы я могла сжечь тех, кто гонится за нами. Огонь — свирепый, горячий огонь жег мою грудь. Я споткнулась и выпустила Торосса. Застонав, он упал на землю. Я расстегнула кольчугу и вытащила то, что мучило меня. В моей ладони лежал шар с грифоном, он почти обжигал меня. Я хотела отшвырнуть его, но не смогла. Так и стояла я с ним в руке и уже слышала крики людей, гнавшихся за нами. Свет шара — он же может нас выдать! Но я не могла выбросить его. Я стояла и держала его в руке, как сияющий маяк, приглашающий к нам смерть. Но погоня вдруг прекратилась. Точнее, они пробежали вдруг мимо, вдоль леса, и я слышала их возбужденные крики. Но как они не смогли заметить сияние шара в темноте? Кусты были редкими, и не увидеть этот свет было невозможно. Мой слух подтвердил, что они действительно ушли. Я едва могла в это поверить, но мы, тем не менее, избежали смертельной опасности. Погоня ушла куда-то в сторону. Торосс снова застонал, и я склонилась над ним. На его рубашке проявилось кровавое пятно, из его полуоткрытого рта вытекала алая струйка крови. Что же делать? Мы не можем оставаться тут, ведь враги могут вернуться в любой момент. Я уронила шар под ворот кольчуги на грудь, и там он лежал, светясь. На моей руке не было ожогов, хотя, когда я держала его, мне казалось, что он прожигает меня насквозь.

— Торосс! — Вероятно, его рана была тяжелой, и самым лучшим было его не трогать. Но оставлять его здесь — значило, обречь на гибель. У меня не было выбора. Я должна поднять его на ноги и тащить! Свет шара освещал распростертое тело. Когда я наклонилась над ним и взяла его за плечи, он шевельнулся и взглянул на меня невидящими глазами. Я напряглась, и у меня неожиданно возникло ощущение, которое я уже испытывала ранее. Из сверкающего шара на моей груди в меня вливалась энергия. Она наполняла меня и придавала силы моим уставшим рукам...

Торосс снова застонал, закашлялся и выплюнул слюну с кровью. Но он попытался с моей помощью встать. Когда он был на ногах, я обвила руку вокруг его плеча и пошла. Ноги его совсем ослабели, и он всем телом опирался на меня, но я

заставляла себя идти дальше. И это нас спасло, хотя кусты вокруг по-прежнему были редкими. Мы упорно двигались вперед, постепенно удаляясь от открытого пространства, где нас подстерегала опасность. Я не представляла, где нас могла подстерегать смерть, и удивлялась, откуда у меня взялись силы так долго тащить Торосса. Не знаю, когда я заметила, что мы идем по дороге, вернее, по каменным плитам, которые были ровно уложены на землю. Я видела их в свете шара — огромные, заросшие мхом плиты. Торосс вновь откашлялся кровью. Мы стояли, окруженные темной стеной леса, на неизвестных каменных плитах. Серебристое сияние лилось на нас с неба с такой силой, будто кто-то специально сфокусировал свет луны.

КЕРОВАН

Я, Керован из Ульмдейла, смотрел на человека в одежде торговца, который не был торговцем. Это я понял, когда его посох заставил меня выйти из укрытия. Я шел, положив руку на эфес меча, но он улыбался улыбкой взрослого, успокаивающего испуганного ребенка, и сказал:

— Лорд Керован, перед тобой не враг. — И он опустил меч.

Я тут же освободился от невидимых уз, и не испытывал желания спрятаться снова. Что-то в его лице заставило меня верить этому человеку.

— Кто ты? — спросил я более резко, чем того требовала вежливость.

— Что такое имя? — риторически произнес он. Конец его посоха быстро чертил на земле какие-то знаки, хотя он даже не смотрел вниз. — Путешественник может иметь множество имен. Не буду возражать, если ты будешь называть меня Пивор.

Мне показалось, что он смотрел на меня так, как будто желал узнать, слышал ли я его имя раньше. Но, видимо, разочаровался, потому что с сожалением вздохнул.

— Раньше меня знали в Ульмдейле, — продолжал он, — и я для дома Ульрика никогда не был врагом. Я не оставался в стороне, когда кому-нибудь из твоего рода требовалась помощь. Куда ты направляешься, лорд Керован?

Только сейчас я начал понимать, кто он, и меня охватил трепет. Однако я не ощущал перед ним страха.

— Иду в лес к Ривалу.

— Ривал... Он всегда искал дороги к знанию, это было главным в его жизни. И хотя ему не удавалось войти в дверь, он всегда стоял на пороге, и я, и те, кому я служу, уважали его.

— Где же он теперь?

Вновь кончик его посоха начал чертить знаки в пыли.

— Дорог очень много. Но ты должен понять — та, которую выбрал он, не — твоя.

Я задумался, пытаясь понять, что означают его слова. Сейчас я был готов услышать самое худшее, ведь я столько повидал за последний месяц.

— Ты хочешь сказать, что он мертв? Кто же его убил? — Вновь холодный гнев охватил меня. Неужели Хлимер лишил меня еще одного друга?

— Рука, нанесшая удар, являлась только орудием. Ривал хотел найти некие силы, но были те, кто не желал, чтобы его поиски увенчались успехом. И его убрали.

Вероятно, Пивор не любил излагать свои мысли напрямик. Он говорил так, что, скорее, запутывал все, затрудняя ясное представление о рассказанном.

— Он искал Свет, а не Мрак, — заявил я.

— Разве я был бы здесь, если бы это было не так, лорд Керован? Я — посланец тех сил, с которыми он хотел связаться, к которым он вел тебя до того, как прозвучал рог. Слушай внимательно. Сейчас тебя одолевают сомнения, и перед тобой два пути. Оба очень опасны. Оба могут привести тебя к тому, что вы, люди, называете смертью. В эту ночь тебе придется идти по одному из них. Это предназначено тебе, так как ты рожден в святыни...

Произнес ли он чье-либо имя? Думаю, что да, но оно ничего не значило для человека. Я согнулся и приложил руки к ушам, чтобы защитить их от ужасного грохота, прокатившегося в небесах. Пивор пристально смотрел на меня, как бы оценивая мою реакцию. Теперь его посох указывал на меня. Вокруг него, по всей его длине возникло светящееся облако, которое сорвалось с посоха и поплыло по воздуху ко мне. Коснувшись моего лица, оно рассеялось, но я не ощутил прикосновения.

— Родственник, — произнес он. Голос его стал мягким и потерял ту величественность, с которой он разговаривал со мной до этого.

— Родственник?

— Вероятно, леди Тефана, когда совершила сделку с Темными Силами, не поняла, чего она добилась. Но она подозревала это, да, подозревала. Тебя подменили, Керован, но не для того, чтобы тобой воспользоваться, вернее, чтобы она могла тобой воспользоваться. Это она правильно поняла. И я не знаю, кто сейчас смотрит твоими глазами. Я думаю, что он еще спит или только просыпается. Придет время, когда ты вспомнишь все, и тогда твоя наследственность, может,

частично, но будет твоей. Нет, нет, ты будешь искать и ты найдешь. Но для этого ты должен решить все проблемы здесь, ведь ты — наполовину житель долины.

Я пытался что-нибудь понять. Он хочет сказать, что леди Тефана связалась с какими-то силами еще до моего рождения, чтобы сделать меня сосудом, в котором она поместит Темное Могущество?

— Не думай об этом сейчас, Керован, — ответил он на мои мысли. — Ты — полукровка и сын своего отца, хотя он и зачал тебя, будучи околдованным. Она хотела впустить в тебя Темное Начало, чтобы сделать тебя своим оружием, однако вместо этого в тебя вошло другое. Узнать, кто ты на самом деле, надлежит тебе самому. Сейчас ты можешь вернуться, войти с ними в союз и понять, что она не может устоять против тебя или... — Он указал посохом на пустынные горы. — Или можешь отправиться туда, где мрак, и то, что вы называете смертью, пойдет по твоим пятам. Пойти туда и обречь себя на вечные поиски, в которых у тебя не будет проводника. Итак, выбор в твоих руках.

— Они намереваются вызвать волны и ветер, чтобы нанести поражение пришельцам, — сообщил ему я. — Хорошо это или плохо для Ульмдейла?

— Вызов Могущества всегда большой риск, а если вызывают те, кто не находится в родстве с этими силами, то риск двойной.

— Может, мне воспрепятствовать этому?

Он отошел в сторону, а когда заговорил, голос его стал ледяным.

— Если хочешь...

— А есть третий путь? — Пока я шел из замка, я обдумывал этот вариант. — Я могу возглавить Икринт и собрать силы, чтобы обронять его от врагов. — Однако, мне не удалось созвать силы из соседних долин на помощь. Все дрались на юге, и в крепостях оставались лишь небольшие отряды.

— Выбор в твоих руках, — повторил Пивор, и я понял, что он не даст мне совета.

Долг перед Ульмдейлом был заложен в меня с детства. Если я отвернусь от земли моих предков, не сделаю попытки спасти тех, кто живет в долине, от уничтожения либо бандами пришельцев, либо заклинаниями этой ведьмы и ее приспешников, тогда я стану предателем, и каждый будет презирать меня.

— Я — наследник отца, и не могу предать свой народ. С другой стороны, я не могу принимать участие в ее колдовстве. Может, найдутся те, кто последует за мной...

Он покачал головой.

— Не пытайся воздвигнуть стену из сухого песка, Керован. Мрак, свивший гнездо в стенах Ульма, распространяется дальше. Ни один воин не придет на твой призыв.

Я не сомневался, что он знает, о чем говорит. Пивор вызвал в моей душе полное доверие к себе. Значит..значит, Икринт? Во всяком случае, я найду там убежище, откуда могу собирать людей. Кроме того, мне нужно послать письмо лорду Имгри. Пивор засунул за пояс посох, потом повернулся к одной из лошадей и снял с ее спины небольшой сверток.

— Хику — не боевая лошадь, но она хорошо ходит в горах. Прими ее, Керован, с Четвертым Благословением. — Он взял посох и легонько коснулся моего лба, плеч и сердца.

Я понял, что мое решение доставило ему удовлетворение. Но вместе с тем осознал, что оно не обязательно правильное. Однако мне стало ясно, что дорогу необходимо выбирать самому, без советчиков. Я совершенно забыл про свои копыта, но когда приготовился сесть на лошадь, то заметил сапоги, привязанные к поясу. Я быстро отвязал их и хотел надеть, но тут же почувствовал к ним жуткое отвращение. Почему я должен прятать свои копыта? Это же не уродство! Они, конечно, отличаются от конечностей других людей, но я видел этой ночью тех, у кого искалечена душа, а это гораздо большее зло. Нет, я покончу со скрыванием своей внешности. Если Джойсан и ее родные отвернутся от меня с отвращением, тогда я буду свободен от них. Я отбросил сапоги в сторону, и меня охватило чувство свободы.

— Молодец! — сказал Пивор. — Будь собой, Керован, и не думай, что все люди должны быть одинаковы. Я возлагаю на тебя огромные надежды, Керован.

Затем он отвел лошадь на несколько шагов и, положив руку ей на спину, описал жезлом круг. В воздухе возник тонкий колеблющийся туман. Он все сгущался, и вскоре скрыл от меня лошадь и всадника. Потом туман рассеялся, и я ничуть не удивился, ничего не увидев там, где только что были Пивор и его лошадь. Я решил, что он — один из Прежних, и пришел ко мне совсем не случайно. После его посещения мне было о чем подумать. Значит, я — полукровка, и связан родством с кем-то из таинственных лордов, правивших ранее этой страной. Мать хотела сделать меня своим орудием, но вышло все не так, как хотела она. Я сопоставил все услышанное от Пивора с тем, что мне было известно раньше, и многое, ранее непонятное, прояснилось. Во мне заговорило то, что было у меня от человека: значит, я действительно сын Ульрика, невзирая на все интриги колдуньи. Эта мысль ободрила меня.. После смерти отец стал мне ближе и дороже, чем был при жизни. Ульмдейл принадлежал

ему, следовательно, я должен сделать все, чтобы обеспечить его безопасность, а это значило, что я обязан ехать туда. Я не был уверен, что полученная мною лошадь была настоящая. Это следовало из того, что дал мне ее необыкновенный человек. Но на вид она ничем не отличалась от обычных лошадей. Пивор сообщил, что она хорошо ходит в горах, но тут еще рано ехать верхом, и я повел ее за поводья. К рассвету я решил остановиться и сделать передышку. Я снял мешок со спины лошади и обнаружил там бутылку, в которой оказалась не вода, а какая-то белая жидкость. Она освежала и согревала лучше любого вина. Кроме того, я обнаружил в мешке круглую деревянную коробку с плотно пригнанной крышкой. С трудом открыв ее, я обнаружил там хлеб. Он был так хорошо запущен, что оказался свежим. Это был обычный хлеб, но в нем попадались кусочки сушеных фруктов и мяса. Одного ломтя было достаточно, чтобы полностью насытиться, так что остальное я оставил на будущее. Глаза мои слипались, и тело требовало отдыха.

Я устроился между двумя камнями, вытянув свои копыта. Задумчиво смотрел на них и представлял, что же должен почувствовать человек, который бы без предупреждения увидел их. Может, я зря выбросил сапоги? Нет, как только эта мысль пришла мне в голову, я отверг ее. Это необходимо было сделать, и я правильно поступил. Джойсан и ее родственники должны увидеть меня таким, какой я есть, и после этого или принять меня, или отвергнуть. Между нами не должно быть неправды и полуправды, таких, какие наполняли дом моего отца паутиной черного грязного колдовства. Я расстегнул кошелек, решительно достал футляр с портретом и впервые за многие месяцы открыл его. Лицо девушки, нарисованное два года назад. Какая она, эта девушка с огромными глазами и волосами цвета осенних листьев? Может, она изнежена, хорошо обучена женским делам, но понятия не имеет об огромном мире, что лежит за стенами Икринта? Впервые я подумал о ней, как о человеке, а не как о вещи — мече или кольчуге, — которая по обычаям принадлежит мне. Я мало разбирался в женщинах. На юге мне пришлось наслышаться хвастливых баек, которые воины рассказывали друг другу, собравшись у костров. Но это ничего не прибавило к моим знаниям. Сейчас я думал, что моя смешанная кровь, моя наследственность отметили меня не только копытами, но и наложили на меня нечто большее — недаром же я был так равнодушен к девушкам долин. Если это так, то каким же будет наш союз с Джойсан? Я мог разорвать договор, но сделать это — значит, опозорить девушку. Все равно, что оскорбить ее публично, а этого я допу-

стить не мог. Возможно, когда мы встретимся лицом к лицу, она воспылает ко мне отвращением, и тогда все кончится к обоюдному согласию. Но сейчас я смотрел на это лицо в утреннем свете хотел и видеть ее, но, в то же время, не желал, чтобы она разрушила наш договор о браке. Почему я послал ей своего грифона в шаре? За это время я почти забыл об этом, но мое прерванное путешествие к Ривалу заставило вспомнить. Что же побудило меня послать ей такой подарок, хотя в этом не было никакой необходимости? Я попытался нарисовать его в своем мозгу — шар, в нем грифон, одна лапа поднята в предупреждении... Но... Я уже не мог смотреть в долину перед собой. Я увидел... ее! Она была передо мной, я мог бы коснуться рукой ее плаща. Ее прекрасные волосы были беспорядочно распущены по плечам, и под ними угадывался блеск кольчуги. На ее груди висел грифон на цепочке и испускал свет. Лицо Джойсан было исцарапано, и в глазах стоял страх. На ее колене лежала голова молодого мужчины. Глаза его были закрыты, а изо рта пузырилась кровь, что означало наличие раны, которую невозможно вылечить. Рука ее нежно касалась его лба, и она с таким вниманием смотрела на него, что мне стало ясно — ей совсем не безразлично, умрет ли он или нет. Возможно, это было ясновидение, но этот дар или проклятие до этого являлось ко мне только раз. Я видел, что лицо умирающего не мое, и значит, ее горе было направлено не на меня. Может быть, здесь находился ответ на мои вопросы. Но я не мог ни в чем ее обвинить — мы ничего не знали друг о друге, кроме наших имен. Я даже не выслал ей своего портрета, хотя она просила меня об этом.

Свечение грифона удивило меня, но уже потом я справился с собой и примирялся с увиденным. Как будто в этот шар вдохнули жизнь. И теперь мне стало ясно, почему что-то заставило меня послать ей в подарок шар с грифоном, хотя я чрезвычайно дорожил им. Он был предназначен не мне, и его место было у той, на чьей груди он сейчас покоился. Однако эта смерть говорила о том, что сейчас мне не найти в Икринте пристанища. Надеть кольчугу для наших девушек было не самым обычным делом, но и жили мы в необычное время. Она была в кольчуге, а ее компаньон умирал — этому могло быть только одно объяснение: Икринт осажден или уже пал. Но то, что я узнал, не привело меня в смятение, напротив, это вдохнуло в меня новые силы — у меня был долг и перед Джойсан, независимо от того, рада ли она меня видеть или нет. Если она в опасности, я должен идти спасать ее.

Ульмдейл, когда-то принадлежавший отцу, а теперь находящийся в руках тех, кто замыслил недобroе; Икринт, возможно, занятый врагами — я шел от одной опасности к

другой. Смерть буквально гналась за мной по пятам, готовая вонзить свои когти мне в спину. Но это была моя дорога, и я не мог идти по другой. Видение исчезло, и я почувствовал слабость и головокружение, преодолеть которые я не смог. Весь день я проспал в своем убежище, и когда проснулся, наступили уже сумерки. Лошадь стояла надо мной, как будто меня охраняла. На небе собирались зловещие тучи. Я редко видел такие тяжелые черные тучи, которые совершиенно скрыли из виду Кулак Великана. Когда я поднялся на ноги, лошадь прижалась ко мне. Запах ее пота ударил мне в ноздри. Она положила голову мне на плечо и попыталась облизать мне лицо. Я успокаивающе похлопал ее по шее. Это был страх, настоящий страх. Он передался от лошади ко мне. Иссушающее душу ожидание чего-то страшного, как будто собирались сверхъестественные силы, враждебные всему человечеству, которые могли сдуть человека, как пылинку в пустыне.

Я прижался спиной к каменной стене, руки мои удерживали лошадь. Мы чего-то ждали... Не знаю почему, но я боялся, боялся так, как не боялся никогда в жизни. Не было ни ветерка, ни звука. Это жуткое спокойствие увеличивало мой страх. Долина, горы, весь мир, — все съежилось и ждало... И на востоке вспыхнула молния. Не обычная молния, а как будто ослепительно яркая трещина, разверзшаяся в небесах. На востоке... над морем. Ветер и волны, о которых говорили они... Выходит, они все же решились? Что же случилось в порту? Лошадь издала странный, почти человеческий звук. Еще никогда я не слышал подобных звуков от животных. Давление воздуха все повышалось. Казалось, он выдавливается из легких, и дышать стало невыносимо трудно. Молния вновь рассекла небо. И вот послышался гул, как будто одновременно забили тысячи боевых барабанов. Из-за туч ночь стала такой черной, что я видел не больше слепого. Там, где моя кожа не была прикрыта одеждой, ее жгло и щипало, как будто воздух был отравлен. Затем появился свет, но не в небе — сами камни стали излучать сияние, и превратились в бледные фонарики. И в третий раз молния вспыхнула на востоке, а затем раздался гром. Тут же поднялся ветер... Ветер, какого, я могу поклясться, наши долины никогда еще не знали. Я упал между камнями, спрятал свое лицо в лошадиную гриву, и вновь мои ноздри почувствовали резкий запах пота. Дикий вой ветра оглушил меня, и не было защиты ни от этого воя, ни от самого ветра. Я боялся, что он вырвет нас из нашего жалкого убежища, потащит по камням и разобьет насмерть. Я вонзил копыта в землю, изо всех сил прижался к камням спиной и боком и замер. Лошадь сдела-

ла тоже самое. Если она и ржала от страха, то я не слышал ее, так как был полностью оглушен. Бой барабанов превратился в сплошной грохот, которому не было конца. Я не мог размышлять, я лишь съеживался, вжимался в камни, надеясь, что нам удастся избежать ярости этой дикой бури. Но она все продолжалась, и постепенно я стал привыкать к ней, как привыкают к постоянной опасности. Я уже понял, что ветер дует с востока на запад, и вся его энергия направлена с моря в порт. Я даже не мог себе представить, что такая буря может сотворить с побережьем. Оно наверняка будет полностью опустошено могучими волнами. Если вражеский флот находился в это время возле побережья, от него ничего не останется, но вместе с врагами пострадают и невинные жители. Что будет с портом и теми, кто там живет? Если эта буря вызвана теми, кто сидит в Ульме, значит, они потеряли контроль над могущественными силами. Буря оказалась гораздо более грозной, чем они предполагали. Сколько же времени продлится это безумие? Этот кромешный мрак, грохот и страх, вызванный не природой, а чем-то сверхъестественным? Что с крепостью? Мне казалось, что буря может свернуть даже громадные камни, из которых сложена крепость, и развалить ее на части. Эта буря не стихала постепенно, как бывает обычно. Только что стоял грохот и свист — и вдруг тишина: полная, мертвая, не менее оглушающая, чем неимоверный шум. Затем я услышал мягкое ржание лошади. Она оттолкнулась от меня и попытилась на открытое пространство. Черные тучи в небе, разорванные в клочья, как знамя моего отца, превращались в ничто. Снова наступил рассвет. Сколько же времени длился этот ужас? Спотыкаясь, я побрел за лошадью. Воздух уже не был наполнен жгучей кислотой, которая раздирала легкие, он стал свежим и холодным. Я должен был посмотреть, что случилось внизу. Ведя за поводья Хику вдоль горного хребта на краю долины, я направлялся к Кулаку Великаны. Обширные пространства были опустошены — деревья и кусты были вырваны с корнем. Там, где они росли, остались лишь глубокие шрамы на теле земли. Так очевидны были эти следы разрушений, что я частично подготовился к тому, что предстояло мне увидеть в самой долине, но все обстояло гораздо хуже. Часть крепости еще стояла, но это было уже не целое строение. Ее окружала вода — море воды, на поверхности которой плавали какие-то обломки, то ли остатки кораблей, то ли домов. И эта вода пришла с востока — море поглотило большую часть Ульмдейла. Спасся ли кто-нибудь? Я не видел никаких признаков жизни. Вся деревня находилась под водой, виднелось только несколько крыш. Значит, те, что так безрас-

судно обратились к могущественным силам, просчитались. Может, они тоже погибли во время этой ужасной бури?

Я надеялся на это. Но то, что Ульмдейл нестал существовать, для меня было ясно. Ни один человек не сможет тут жить в дальнейшем. Я был уверен, что море не вернет того, что захватило. Если пришельцы надеялись использовать Ульмдейл в качестве плацдарма, то они просчитались. Я отвернулся от того, что некогда было крепостью. Мне еще предстояло узнать, что случилось с Джойсан, и помочь ей. А затем.. затем меня ждали бои на юге. И я направился прочь от Кулака Великаны, не желая больше смотреть на уничтоженную долину. Сердце у меня щемило, но не из за того, что я что-то потерял. Нет! Я никогда не ощущал себя владельцем Ульмдейла, но это была земля моего отца, которую он любил и за которую не пожалел бы жизни. Я шел и проклинал про себя тех, кто сделал это.

ДЖОЙСАН

Мы стояли под луной на каменных плитах. На моей груди светился грифон. Торосс выскоулзнул из моих рук и упал. Я опустилась возле него на колени и подняла рубашку, чтобы разглядеть рану. Голова его лежала на моих коленях, и из уголка его рта стекала тонкая струйка крови. Когда я уви-
деля рану, то никак не смогла поверить, что он мог пройти так далеко и оставаться живым. Я понимала, что рана смертельна, но я отрезала ножом кусок ткани и перевязала ее, чтобы остановить кровотечение. Правда, я не понимала, за-
чем это делаю: ничто теперь не могло помочь Тороссу. Я лас-
ково прижала его голову к себе. Только этим я могла облегчить ему наступление смерти. Ради меня он не пожалел своей жизни. В свете луны и светящегося шара с грифоном я рассматривала его лицо. Какие повороты судьбы свели нас вместе? Если бы я могла, я бы с радостью назвала Торосса своим мужем. Почему же я не смогла? В библиотеке Монастыря я прочла множество старых книг, и в одной из них утверждалось, что человек живет не одну жизнь, а возвращается в этот мир в другое время, чтобы выплатить свой долг тому, кому чем-то обязан. Следовательно человек в каждой своей жизни связан с другими нитями, которые не принадлежат этому времени, а тянутся откуда-то из далекого прошлого. Сначала Торосс явился ко мне, угрожая обречь на позор весь род, желая увести меня с собой, настаивая на том, чтобы я нарушила священную клятву. И хотя я отвергла его притязания, он пришел ко мне, чтобы умереть у меня на

руках, потому что моя жизнь значила для него больше, чем его собственная. Какой же долг он мне выплачивал, если старые книги говорят правду? Или, может, он возложил на меня долг, который мне тоже придется когда-нибудь выплачивать? Голова его шевельнулась. Я склонилась над ним и услышала горячий шепот Торосса:

— Воды...

Вода! У меня не было ни капли воды. Насколько я знала, ближе реки воды не достать, а река находилась от нас очень далеко. Я выжала полы своего мокрого плаща и смочила ему лицо, понимая, что этого ему мало. Потом в мертвенно-белом свете луны я заметила, что вокруг растут растения высотой с меня. На их мясистых листьях блестела роса, ее серебряные капли. Я узнала эти растения, мне их показывала дама Мат. Но только эти были чересчур большими. Они обладали способностью конденсировать на листьях влагу при наступлении ночи. Я осторожно положила Торосса и направилась за неожиданным подарком судьбы. Затем я принесла ему воды, смочила ему губы и влила несколько капель в пылающий сухостью рот. Но и этого было, конечно, мало, ничтожно мало, но, может быть, эти листья обладали каким-нибудь лечебным свойством? Вероятно, оно так и было, потому что даже этих капель хватило, чтобы утолить его жажду. Я вновь прижала его голову к себе, и тут он открыл глаза, увидел меня и улыбнулся.

— Моя... леди...

Я хотела остановить его, но не за то, что он сказал, а потому, что ему нельзя было разговаривать. Он тратил на слова силы, которых и так оставалось мало.

Но Торосс не послушался меня.

— Я... знал... моя леди... с самого начала, когда... увидел... тебя, — голос его становился с каждым словом все тверже, вместо того, чтобы слабеть. — Ты очень красива, Джойсан, очень умна... очень... очень желанна. Но это... — он закашлялся, и струйка крови вытекла изо рта и потекла по подбородку. Я быстро вытерла кровь влажными листьями. — Но ты для меня далека... — Он долго молчал, но затем все же продолжал: — Не из-за наследства, Джойсан, ты должна мне верить. Я умру с тяжелым сердцем, если ты думаешь, что я желал стать наследником Икринта. Я... я хотел тебя!

— Знаю, — заверила я его, и это было чистой правдой. Может быть, родственники и стремились, чтобы он женился на мне из-за наследства, но Торосс хотел именно меня, а не лордство. Мне было очень жаль, что я не испытывала к нему ничего, кроме дружбы и братской любви. Но не больше.

Он вновь стал кашлять и задыхаться. Говорить уже не мог. Я решила, что должна облегчить его страдания, и солгать ему так, чтобы он поверил.

— Если бы ты остался жив, я стала бы твоей, Торосс.

Он улыбнулся, и эта улыбка стрелой нанзилась в мое сердце. Я поняла, что он мне поверил. Затем он повернул голову, прижался окровавленными губами к моей груди и затих, как будто уснул. Немного погодя я бережно положила его и поднялась на ноги, оглядываясь по сторонам. Я не могла сейчас смотреть на него. Я понимала, что мы попали в какое-то место, созданное Прежними, но это не было целью нашего пути. И остановилась я тут только потому, что не могла дальше нести Торосса. Теперь я решила исследовать это место. Здесь не было никаких стен, только каменные плиты под ногами, блестевшие в лунном свете. Неожиданно я заметила, что камни сами слабо светятся бледным сиянием, подобно свечению моего шара. Эти камни отличались от тех, из которых были выложены стены Икринта. Сияние, исходившее от них, немного пульсировало, как будто они дышали. Не только сияние камней, но и их форма удивили меня. Они были выложены в виде пятиконечной звезды.

Я стояла, слегка покачиваясь. Камни как будто излучали энергию, стараясь, чтобы я поняла их значение, смысл. Но мои знания о прежних были так отрывочны, что я не могла даже предположить, куда мы пришли. Но я чувствовала, что это место не предназначено для служения Темным Силам. Здесь когда-то сосредотачивалось Могущество, остатки которого сохранились до сих пор! Если бы я знала, как это использовать! Может, я спасла бы Торосса, жителей долин, которые в настоящее время считают меня своим предводителем. Если бы я знала! Я заплакала от духовного одиночества, от утраты того, чего не имела, но которое сейчас многое могло бы решить. Здесь что-то было. Внезапно я запрокинула голову и посмотрела вверх, раскинув руки в стороны. Я как бы хотела открыть вечно закрытую во мне дверь, открыть свету. Как он нужен был мне сейчас, и я просила, чтобы он явился ко мне. Но мои руки опустились, а я осталась такой же беспомощной, как и раньше. Меня грызло сознание того, что мне предложили нечто важное, чудесное, а я так мало знала, что не смогла это воспринять. Эта мысль была горше всего. Все еще страдая от переживаемого, я повернулась к Тороссу. Он неподвижно лежал, как будто еще спал. Его окружало сияние камней. Я не могла похоронить его тут по обычаям долин — одеть на него доспехи, сложить руки на рукояти меча, чтобы каждому стало ясно, что он погиб как воин. Даже этого я не могла сделать для него, но здесь мне

это не казалось необходимым. Он лежал в сиянии славы, и я поняла, что мне не нужно думать о гробнице для него. Я встала на колени, взяла его руки и сложила их на груди. После этого я поцеловала Торосса так, как он того страстно жаждал, хотя я не могла осчастливить его при жизни и идти рядом с ним. Затем я пошла в лес и нарвала цветов и ароматных трав. Я накрыла ими тело Торосса, оставив только лицо, смотревшее в ночь. И я стала молить Могущество, которое здесь обитало, чтобы оно охраняло его покой. Потом я повернулась и пошла дальше, твердо зная, что ему будет здесь хорошо, независимо от того, что происходит сейчас в разграбленном и измученном войной мире. У края звезды я зашаталась. Что мне делать? Идти по лесу и разыскивать следы наших людей? В конце концов, я так и решила. Деревья в лесу были толстыми, а просветов впереди не наблюдалось. Я вполне могла заблудиться, ведь у меня не было опыта жизни в лесу. Но я шла вперед и надеялась, что иду туда, куда надо. Когда я добралась до густой стены кустов, которая была границей леса, я почувствовала, что падаю с ног от усталости, голода и жажды. Но передо мной уже находились горы, куда, вероятно, спрятались беглецы из Икринта. Небо просветлело. Приближалось утро. Свет шара углас, я осталась одна, и тяжесть легла на мое сердце. Я добралась до груды камней и поняла, что дальше идти не могу. Вокруг росли дикие вишни. Хотя они были очень кислыми, я набивала ими рот с такой жадностью, которая знакома лишь вконец изголодавшемуся человеку.

Я подумала, что лучшего места для отдыха, чем эта груда камней, мне не найти. Но прежде чем забраться в расщелину, я решила несколько приспособить свою одежду для передвижения по лесу. Полы моего плаща были раздвоены, чтобы я могла садиться на лошадь, но они были такие длинные, что мешали при ходьбе. Поэтому я отрезала их ножом Торосса, после чего обмотала ими свои сапоги. Костюм мой вряд ли можно было назвать элегантным, но теперь я могла передвигаться с большей свободой. После этого я забилась в щель с уверенностью, что мои взбудораженные мысли не дадут мне уснуть, как ни велика моя усталость. Помимо моей воли руки мои потянулись к груди и скжали шар с грифоном. Хотя сейчас он был холодным, но его приятная гладкая поверхность как-то успокаивала меня. Так я и заснула. Все люди видят сны, но когда просыпаются, вспоминают лишь некоторые отрывки, которые особенно воздействовали на них — либо жуткие кошмары, либо немыслимое наслаждение. Но то, что приснилось мне, совершенно не походило на обычные сны. Я находилась в какой-то маленькой пещере, а

снаружи свирепствовала буря немыслимой силы. Кто-то рядом со мной был в этой пещере. Я угадывала в полуутяме очертания плеча, видела его голову, повернутую от меня, и мне очень хотелось узнать, кто же он. Но я не видела его лица и не знала, как его позвать. Я лишь съеживалась от страха, когда на пещеру обрушивались порывы ветра. И здесь было так же, как там, на пятиконечной звезде: я сознавала, что, будь у меня дар, способность, я могла бы сделать все, что хочу. Но у меня не было этого дара, и сон исчез, или я просто ничего не помнила. Когда я встала, солнце уже опускалась к горизонту. Длинные тени лежали у моих ног. Я была все еще слаба, мне очень хотелось пить и сильно болел живот — вероятно, я объелась кислых вишнен.. А может, просто от голода. Я встала на колени и осторожно выглянула, опасаясь возможных врагов. И я заметила двоих разведчиков, едущих очень осторожно, все время оглядываясь. Моя рука тут же сжала кинжал. Но затем я увидела, что это жители долины и тихонько свистнула им. Они мгновенно распластались на земле и подняли головы лишь тогда, когда я свистнула во второй раз. Они увидели меня, и вскоре находились рядом. Я сразу узнала их — это были оруженосцы Торосса.

— Рубо, Ангра! — Я была так рада встречи с ними, что приветствовала их, как братьев.

— Леди! Торосс сумел выручить тебя! — воскликнул Рубо.

— Да, он спас меня и принес Великую славу своему Роду.

Воины смотрели на вход в пещеру, и я поняла, что они уже догадываются о том, что я им скажу.

— У пришельцев имеется оружие, которое поражает издалека. Когда мы от них убегали, Торосса ударило сзади. Он умер на свободе. Слава и честь его Дому! — Могли ли эти традиционные слова выразить мою бесконечную благодарность воину и передать ему последнее «прощай!»? Оруженосцы были уже довольно преклонного возраста. Что могло Торосса связывать с ними? Не знаю... Они печально склонили головы и повторили за мной:

— Слава и честь его имени!

Затем заговорил Ангра:

— Где же он, леди? Мы должны увидеть его.

— Он лежит в Святом месте Прежних, там, где мы остановились в последний раз. Он будет находиться там в полном покое.

Они переглянулись. Я видела, что их верность традициям борется с благоговейным трепетом, и сказала:

— Я сделала все, чтобы он лежал с миром. Я дала ему воды и украсила его последнюю постель цветами и травами. Он лежит, как настоящий воин, я клянусь вам в этом!

Они сразу поверили мне. Все мы знали, что есть места, где сконцентрированы Темные Силы, и их необходимо опасаться. И есть другие, где человеком овладевает мир и покой. Именно в таком месте сейчас находился Торосс.

— Хорошо, леди, — проронил Рубо, и я поняла, что Торосс доверял им очень многое.

— Вы пришли от нашего народа? — ссведомилась я. — У вас есть еда и вода? — Я забыла про гордость и жадно смотрела на их поклажу.

— О, конечно, леди, — Анграк вытащил из мешка на поясе бутылку воды и черствые куски хлеба. Я изо всех сил старалась выглядеть прилично, и не проглатывать хлеб огромными кусками. Я понимала, что от невоздержанности после длительного голодания мой желудок может возмутиться.

— Мы из того отряда, который ведет лесник Борсал. Леди и ее дочь находились с нами, но он вернулись назад, чтобы найти лорда Торосса. Теперь мы их разыскиваем, так как к вечеру они не вернулись.

— Вы на этой стороне реки, значит...

— Эти дьяволы охотятся по всей долине. Если бы наш лорд был жив, то это единственный путь для него, — заявил Рубо.

— Выходит, они заняли всю долину?

Анграк кивнул.

— Да. Два наших отряда были захвачены в плен, так как двигались слишком медленно. Пропали некоторые стада. Животные отказались идти в горы, и пастухи не смогли их заставить. Те, кто долго возились с ними... — он сделал короткий жест, выразительно определивший их судьбу.

— Вы можете найти путь назад?

— Да, леди, но нужно идти очень быстро.

Имеются места, где в темноте не пройти. Сейчас уже не лето, и она наступает рано.

Их пища и особенно радость встречи с ними придали мне сил. К тому же, изменения в моей одежде позволили мне идти гораздо быстрее, чем прошлой ночью. Но перед тем, как пуститься в дорогу, я спрятала грифона под кольчугу. Путь был труден, и даже мои проводники не раз останавливались, чтобы найти знаки, по которым они шли. Здесь не было ни дороги, ни даже звериной тропы. К ночи мы были уже высоко в горах. Стало холодно, и я вся дрожала при порывах ветра. В пути мы молчали, лишь изредка кто-либо из них предупреждал меня, если впереди было опасное место. Вскоре я вновь почувствовала усталость. Но не жаловалась, а шла вперед через силу, ничего у них не просила, мне было достаточно того, что они рядом. Мы не могли в кромешной тьме перевалить через хребет, и поэтому укрылись в расщелине:

Рубо справа от меня, Ангра́л — слева. Я, вероятно, спала, так как ничего не помнила, пока Рубо не зашевелился и не заговорил:

— Пора вставать, леди Джойсан. Уже утро, и мы не знаем, как высоко забрались эти убийцы в поисках крови невинных людей.

Утро было серое, над горами еще стоял полумрак. Я посмотрела на сгущающиеся тучи. Хорошо бы пошел дождь — он смоеет наши следы. И действительно, начался дождь. Нам негде было укрыться, в окрестностях — ни одного деревца. И мы шли, скользя по мокрым камням, спускаясь вниз, в долину. Я плохо знала эту часть страны. Где-то там должна быть дорога, ведущая в Норестид. Хотя лорды заботились о ней и иногда расчищали, даже вырубая кусты по ее сторонам, чтобы невозможно было устроить ловушку, ходьба по ней не была легкой прогулкой. Тут жило очень мало народа. Во-первых, весной река заливалась большое пространство, а во-вторых, земля здесь была очень бедная. Поэтому сюда заходили лишь пастухи со стадами, и то редко. Единственным известным мне поселением тут был Норсдейл, в пяти линях пути верхом. Но мы не стали спускаться на дорогу, так как заметили в долине дым. Наши люди не стали бы разводить костры. Мы снова полезли по крутым склонам, направляясь к югу. Так мы подошли совсем близко, на расстояние полета стрелы, к источнику дыма. Нас кто-то окликнул из гущи кустов, и перед нами появилась высокая женщина. Я узнала ее — это была Нальда. Ее муж был начальником в Икринте. Если верить нашим сплетницам, она была скорее мужчиной, чем женщиной. В ее руках находились лук и стрелы, и она уже подготовилась стрелять. Но при моем появлении лицо ее сразу же прояснилось.

— Леди, приветствуем тебя, приветствуем! — Она говорила с искренней радостью и от чистого сердца.

— Спасибо, Нальда. Кто с тобой?

Она подошла ближе и коснулась моей руки. Видимо, это было ей необходимо, чтобы убедиться, что она действительно видит меня, а не призрак.

— Нас было десять — леди Ислайга, леди Инглида, мой сын Тимон и... но, леди Джойсан, что с моим мужем Старком?

Я вспомнила кровавую резню у реки. Вероятно, она все прочла на моем лице и поэтому опустила голову.

— Ну что ж, — наконец вымолвила она, — ну что ж, он был хорошим человеком, леди. И умер он с честью...

— Он умер с честью, — быстро подтвердила я. Я не хотела говорить нашим людям, какой ужасной смертью умирали

мужчины. Мы должны были только знать, что они умирали, как герои, и мы должны были чтить их память.

— Но что это я! Эти демоны уже в долине. Мы должны уходить, но леди Ислайга не хочет идти. Она ждет сына, а мы не можем уходить без нее.

— Он уже не вернется. Если враги близко, то нам нужно быстрее бежать. Вас десять человек... А мужчины есть?

— Рубо и Ангра, — она кивнула на моих спутников. — Янофер, который был пастухом в четвертом районе. Он бежал и получил рану в плечо. Эти охотники на честных людей каким-то образом могут поражать издалека. Есть еще женщины и два ребенка. У нас четыре арбалета, два лука, ножи и одно копье. Пиши дня на три, если будем экономить. А до Норсдейла еще очень далеко...

— А лошадей?

— Их нет, леди. Мы двигались по верхнему ущелью, и не смогли провести лошадей. Там мы потеряли остальных наших, которые были с Борсалом. Они ушли вперед ночью. Овцы и коровы сбежали. Удастся ли нам их поймать... — она пожала плечами.

Да, дело обстояло плохо. Наши планы в чем-то были недостаточно хорошо проработаны. Я могла только надеяться, что остальные отряды, лучше экипированные, смогли прорваться в Норсдейл. Но я мучительно сомневалась, что они смогут прийти к нам на помощь, хотя их можно понять. Вряд ли кому-нибудь снова захочется пускаться в трудный и опасный путь. Скорее всего, они будут готовиться к отражению возможного нападения врагов. В сопровождении Нальды, которая возглавляла небольшой отряд, я пришла в лагерь. Правда, он очень мало походил на лагерь. Увидев меня, леди Ислайга вскочила на ноги.

— Торосс?! — Это был не крик, а вопль. В нем были и горе, и надежда. На ее бледном лице глаза так светились, словно в них вспыхнул огонь.

Я никак не могла подобрать слов. Она медленно приблизилась ко мне. Затем положила руки мне на плечи и стала трясти, как бы для того, чтобы вытрясти из меня сведения.

— Где Торосс?

— Он... его убили... — Я не могла скрыть правду, обмануть сердце любящей матери.

— Мертв! Мертв! — Она выпустила меня и отпрянула назад. В ее глазах застыл ужас. Она как бы видела во мне смертельного врага, одного из тех пришельцев с окровавленными руками: это было для меня ударом.

— Он умер из-за тебя, ты даже не желала взглянуть на него, а ведь он мог иметь любую девушку. Каждая пошла бы

за него, стоило лишь ему поманить ее пальчиком. Чем ты его околдовала? Если бы он вместе с тобой измучил Икринт, я бы могла смириться с этим, но он умер, а ты скитаешься...

У меня не было слов, я могла только смотреть на ее иступленную ярость. По-своему она была права. То, что я ничего не обещала Тороссу, для нее ничего не значило. Для нее главным было то, что он хотел меня, а я отказывалась, и он умер, чтобы спасти меня. Она замолчала, затем ее рот скривился и она плюнула. Плевок упал у моих ног.

— Прими мое проклятие! И вместе с ним поклянись заботиться обо мне и Инглиде. Ты взяла жизнь нашего лорда, теперь ты встанешь на его место.

Это старинный обычай нашего народа. Она возлагала на меня ношу всей своей жизни, как плату за кровь, которая, как она считала, лежит на мне. С этого момента я обязана заботиться о ней и ее дочери, защищать их, убирать с их пути все препятствия и невзгоды, то есть заменить им Торосса.

КЕРОВАН

Я стоял и смотрел на смерть и разрушения. Ветер и волны уничтожили Ульмдейл, но призвала их темная злоба людей. Потом я пустился в дорогу, и мне понадобилось десять дней, чтобы добраться до места, откуда я теперь смотрел на Икринт, вернее, на то, что от него осталось. Передо мной лежала крепость, обращенная в пыль. Странно, но я не видел тех металлических чудовищ, которые крушили стены. Но мне стало ясно, что тут находится лагерь врага. Они пришли по реке на лодках, которые были сейчас причалены на противоположном берегу. Я никак не мог на что-либо решиться. С одной стороны, мне следовало доложить о том, что здесь высадились враги, а с другой стороны — меня терзала мысль о Джойсан. Не удивительно, что я видел ее в доспехах над телом умирающего юноши. Где она? В пленах или мертва? Когда я направлялся сюда, я несколько раз пересекал следы небольших групп людей, вероятно, беглецов. Возможно, она тоже бежала. Но где теперь на бескрайних просторах этой страны я мог надеяться найти ее? У меня был долг перед лордом Имгри. И когда я терзаясь между двумя решениями, я неожиданно вспомнил о сигнальных постах. Конечно, тут есть поблизости один из них, и я смогу передать лорду Имгри предупреждение. После этого я освобожусь и смогу посвятить себя поискам Джойсан. Используя свое искусство, я стал пробираться среди камней. Довольно часто я замечал группы пришельцев, которые ходили с надменностью завоевателей.

вателей, знающих, что им нечего бояться. Некоторые из них гнали овец и коров в свой лагерь, видимо, для того, чтобы употребить их в пищу. Другие шли на запад, вероятно, в погоне за несчастными беглецами или же, чтобы разведать путь. И тогда случилось бы именно то, чего опасался лорд Имгри: наши разрозненные отряды оказались бы в кольце двух огромных армий врага.

Хику оказалась замечательной лошадью. Она как нельзя лучше подходила для тех условий, в которых нам приходилось идти. Она великолепно ходила по самым головокружительным тропам и совершенно не знала усталости. В этом с ней не могла бы сравниться самая лучшая лошадь моего отца. Как я ни торопился, но идти мне приходилось очень медленно и осторожно, чтобы не наткнуться на врагов. И вообще, может, уже поздно поднимать тревогу. Вскоре я обнаружил место, где располагался сигнальный пост, и с горечью увидел следы тех, кто побывал тут до меня. По нашим правилам, никакие следы не должны были вести к посту, а я заметил следы нескольких человек, которыешли открыто, не заботясь о том, чтобы их замести. Держа нож в руке, я забрался в скрытую расщелину, где должны были находиться три сигнальщика. Но смерть посетила это место раньше меня, о чем свидетельствовали пятна крови и следы борьбы. Тут находился крюк, на который вешался отполированный щит, который отражал лучи солнца или свет факела в направлении следующего поста. Рядом валялся сломанный обугленный факел. Я всмотрелся в сторону юга, пытаясь разглядеть следующий пост. Успели ли сигнальщики передать сообщение о нападении? Внимательно все рассмотрев, я пришел к выводу, что нападение произошло рано утром, а сейчас был день. Если бы у пришельцев были крылья, они бы без труда перелетели с вершины на вершину, но люди еще не успели бы добраться туда. Я должен сам попытаться передать предупреждение. Но полированный щит был искорежен. У меня не было своего щита, так как разведчику он ни к чему. Сигнал... как мне передать сигнал? Я грязно выругался и задумался, грызя ногти. У меня был меч, охотничий нож и веревка, обмотанная вокруг пояса. Моя кольчуга не блестела, напротив, я выкрасил ее в зеленый цвет, чтобы она не выдала меня блеском. Покинув нишу, я осмотрелся по сторонам, пытаясь найти что-нибудь подходящее. Оставалось только одно — но это неминуемо приведет сюда моих врагов — развести костер. Дым костра, конечно, не передает точный смысл сообщения, но зато поднимет тревогу и предупредит об опасности. Я набрал сучьев, принес их в расщелину, и положил на них сухие листвы.

Вскоре вспыхнул огонь. Охапку за охапкой я кидал туда сухие листья. Показались языки ядовито-желтого дыма. Я закашлялся, из глаз хлынули слезы. Когда я протер их, то увидел, что дым плотным столбом поднимается в небо. Такой знак нельзя было не заметить. Ветра почти не было, и дым образовал столб, густой и плотный. Поэтому я решил постараться передать сообщение, перекрывая дым, а затем снова пуская его. Я скинул плащ и подошел к костру. Через некоторое время слезящимися от дыма глазами я заметил сигнальные вспышки с соседнего поста. Мой сигнал был принят и понят! Лорд Имгри еще не имел отсюда точный сведений, но он уже знал, что враг захватил Икринт. Мой долг был выполнен, теперь необходимо как можно быстрее покинуть это место и ехать на запад в поисках Джойсан. Если до сих пор счастье не изменяло мне, то теперь все переменилось. Я быстро обнаружил, что за мной — погоня, и какая! Сердце бешено забилось, во рту пересохло, когда я понял, что они пустили за мной собак! Мы называли ализонцев собаками из-за того, что у них имелись собаки, специально обученные охоте за людьми. Они совсем не походили на наших охотничих собак: серо-бурого цвета, поджарые, хотя большие и длинноногие. Головы их были узкие, желтые глаза сверкали жаждой крови. В них было что-то такое, что внушало людям непреодолимый ужас. Я только отъехал от сигнального поста, как услышал звуки рога. Такие звуки я уже слышал, когда находился на юге. Я отлично понимал, что, как только эти серо-бурые дьяволы возьмут мой след, спасения мне не будет. Поэтому я делал все, чтобы запутать и скрыть следы. Но их отдаленный лай говорил мне, что собаки идут по следу, и мне не удалось сбить их с толку. Наконец Хику без всяких понуканий, как будто в ее черепе находился вовсе не мозг лошади, а какого-то высшего существа, сама поскакала на север. Она наполовину скатилась, наполовину спрыгнула со склона горы на берег реки, бросилась в воду и поплыла против течения. Тогда я отпустил поводья, представив ей свободу действий, надеясь, что она сможет найти путь к спасению. Мне стало ясно, что лошадь прекрасно знает, что ей делать. Видимо, это была та самая река, что протекала через Икринт. Вода была очень чистая. Я мог видеть и камни на дне, и плавающих рыб. Внезапно Хику остановилась. Вода текла между ее ног. Остановка была такой резкой, что я чуть не свалился. Хику поводила мордой у самой воды и внезапно заржала, повернувшись ко мне, как бы говоря что-то на своем лошадином языке. Действия лошади показались мне загадочными, и я решил, что это неспроста. Когда Хику вновь склонила голову к воде, я понял,

что она старается привлечь мое внимание к чему-то важному. Лошадь явно сердилась на меня за недогадливость. Я тоже наклонился и всмотрелся в воду. Может, лошадь чего-то боится, может, ей угрожает какое-то подводное существо? Я взялся за меч, готовясь отразить нападение. Хику вновь вытянула голову, как бы указывая мне на что-то, и я посмотрел в том же направлении. Камни, песок... вот оно! То, что скрывалось между камнями, трудно было различить в воде. Я спрыгнул с Хику, вода доходила мне до колен. Я наклонился пониже, чтобы лучше разглядеть непонятный предмет. Это была петля, но не из камня, во всяком случае, я никогда не видел таких камней. Петля была закреплена между камней. Я сунул меч в воду, аккуратно подцепил его кончиком петлю и вытащил на воздух. Она поддалась удивительно легко, и от неожиданности я чуть не потерял равновесие. Затем поднял кончик меча, чтобы петля не соскочила в воду. Она скользнула по мечу к рукояти и коснулась пальцев. Неожиданно резкий поток энергии от петли проник в мои пальцы. Слегка наклонив меч, чтобы отодвинуть петлю от пальцев, я принял ее внимательно рассматривать. Петля очень походила на браслет и была сделана из металла, какого мне никогда не приходилось раньше видеть. Он сверкал ослепительным блеском, хотя в воде выглядел зелено-голубым. Теперь я видел, что петля сделана из сложного переплетения красно-золотых нитей, и этот узор образует какие-то письмена. У меня не осталось ни малейших сомнений, что это дело рук Прежних. А то, что браслет обладает каким-то Могуществом, я убедился по поведению Хику, да и на собственном опыте. Всем известно, что животные гораздо более чувствительны к остаткам Могущества древних, чем мы, люди. Но когда я поднес браслет к лошади, она не показала никаких признаков тревоги или беспокойства. Так что я мог быть уверенными, что Темные Силы здесь отсутствуют. Хику даже вытянула голову и с удовольствием обнюхала браслет. Вдохновленный поведением Хику, я рискнул взять браслет в руки. И опять поток энергии начал влияться в меня, но я смело держал браслет. Поток энергии либо уменьшился, либо я уже привык к нему. Теперь я просто ощущал приятное тепло. И тут я вспомнил другую свою реликвию, доставшуюся мне от Прежних — грифон в шаре. Уже не раздумывая, я надел браслет на руку, и он так удобно лег на мою кисть, как будто был сделан специально для меня. Когда я поднес его к глазам, то увидел какие-то движущиеся тени. Я быстро опустил руку. Что же я видел? Почему я больше не стал смотреть — не знаю, вероятно, странность увиденного поразила меня и потрясла. Но у меня не было

желания избавиться от находки. Более того, когда я сел на лошадь и вновь посмотрел на браслет, возникло ощущение, что я уже видел его и носил на руке. Но я мог бы поклясться, что впервые вижу этот браслет. Однако, кто может проникнуть в тайны Прежних? Никто... Лошадь снова пошла вперед, а я вслушался в звуки рога, в лай собак, который постепенно удалялся. И я успокоился. Видимо, на Хику можно положиться — животное знает, что делает. Однако, Хику не вышла из воды, направляясь вдоль реки и уверенно ставя ноги на каменистое дно. Я не стал командовать лошадью, предоставив ей полную свободу действий. И вскоре Хику уже искала песчаную отмель, чтобы выбраться на берег, а я в изумлении смотрел вперед в просвет между густыми кустами. Там виднелось озеро. Само по себе это не было удивительным, в наших краях неисчислимое множество озер, но то, что предстало перед моим взором, заставило бы призадуматься любого. Посреди озера возвышался маленький замок, и к нему вел мост. На уровне моста в здании не было окон, но на следующем этаже и выше, а также в двух башнях, которые как бы образовывали ворота с моста, виднелись узкие щели.

С берега, откуда мы смотрели на крепость, она казалась нетронутой. Однако, вторая часть моста, ведущая к противоположному берегу, отсутствовала. Начало моста находилось совсем близко от нас, и я решил, что лучшего места для ночлега, чем эта крепость, нам не придумать. Хику, хотя и неохотно, но весьма отважно пошла по мосту. Звуки копыт гулко разносились вокруг. Я даже прислушался, как бы желая узнать, какой будет реакция на наше появление в крепости. Вскоре я обнаружил, что мой выбор удачен. Мост можно было поднять, и тогда между крепостью и берегом оставалась довольно широкая полоса воды. Как только мы перешли мост, я тут же закрепил веревку в кольце моста. Хику потянула ее, и я, спешившись, тоже стал помогать. Мост не поддался, но когда я прочистил мечом петли, убрав из них песок и занесенные ветром листья, он заскрипел и пошел вверх. Конечно, он не поднялся на такую высоту, на которую рассчитывали его создатели, но все же отрезал путь в крепость с берега. Ворота крепости передо мной отворились, и меня встретила тьма. Я отругал себя, что не захватил ничего для изготовления факела, но делать было нечего, и я положился на инстинкт Хику. Лошадь вздохнула и направилась вперед, покачивая головой. Я последовал за ней, будучи уверенным, что мы приедем туда, где нет ничего, что угрожало бы нашим жизням. Пройдя ворота, мы попали во внутренний дворик, откуда вели двери в сам замок. Если бы

он был выстроен на естественном острове, то никаких следов от этого острова не осталось. Две привратные башни были соединены между собой галереей, на которую можно было попасть по двум лестницам — правой и левой. А стены росли прямо из воды. Во дворе росли трава, кусты и небольшие деревья. Хику сразу принялась за еду, как будто с самого начала знала, что ее ждет тут обед. Я подумал, что, вероятно, так оно и есть: Пивор все предусмотрел. Бросив свой мешок, я стал осматриваться и исследовать крепость. Все сделано великолепно и совсем не пострадало от времени. Это было самой трудной загадкой Прежних — все их сооружения выглядели так, как будто хозяева отлучились лишь на минутку и скоро вернутся. Затем я прошел к отсутствующей части моста. Я предполагал, что она просто приподнята, но обнаружил, что ошибся.

Края металлических балок были оплавлены, как будто кто-то срезал мост огненным ножом. Я протянул руку, чтобы дотронуться до края, но тут же острая боль ударила мне в руку. Браслет на моей руке бешено пульсировал и я вполне резонно рассудил, что это — предупреждение. Я вернулся во двор. В садике, если это был садик, нашел сучья, но не торопился делать факел. Я не хотел сейчас входить в замок. Набрав сухой прошлогодней травы, я прикрыл ее плащом, от которого приятно пахло дымом, и сделал себе постель. Во время осмотра я обнаружил воду, которая текла по трубе и выливалась из странной головы, причем лилась она из глаз и рта. Хику напилась без колебания. Я последовал примеру лошади и тоже воздал должное вкусной холодной воде. Затем я съел кусок хлеба и раскрошил другой для Хику. Лошадь с удовольствием съела хлеб и не вернулась к траве до тех пор, пока последняя крошка не исчезла с листьев, на которых я ее кормил. Потом я улегся на свою походную постель и стал наблюдать за звездами и опустившейся на землю ночь. За стенами слышалось журчание воды, жужжание насекомых, крики птиц... Конечно же, на верхних этажах башни поселились совы и другие ночные хищники. Для них трудно было найти более удобное место. В осталльном все было мирно и спокойно. Ничто не нарушало покой этой крепости. Я с удовольствием подумал о том, что мне удалось днем передать сигнал опасности, а заодно найти талисман..

Талисман? Почему я так назвал этот браслет? Я нащупал его пальцем: несмотря на свежесть воздуха, он был чуть теплый и плотно охватывал руку. Я попытался снять его, но он не поддался. В этих тщетных попытках меня застиг сон. Глубокий и без сновидений. Проснулся я полностью отдох-

нувшим и уверенным в себе и своих силах. Мне казалось, что я могу без страха встретить все, что приготовил мне новый день. Пора двигаться в путь. Хику покачивала мордой, с которой стекали капли воды. Я весело приветствовал лошадку, как будто она могла мне ответить. Но Хику что-то проржала не менее весело. Видимо, для всех это утро было радостным и не обещающим неприятных неожиданностей. Хотя уже рассвело, мне не хотелось осматривать крепость. Мною двигало желание побыстрее отправиться на поиски Джойсан. Я задержался лишь для приема пищи, и вскоре был готов к отъезду. Сейчас я начал сомневаться, смогу ли я сомкнуть мост, который с таким трудом вчера разъединил с помощью Хику. Когда мы подошли к мосту, я тщательно осмотрел его, и при дневном свете заметил возле парапета рычаг, толстый, как моя рука. Я не знал, для чего он предназначен, но надеялся, что с его помощью приводится в действие механизм моста. Я навалился на него всем телом и... ничего не произошло. Тогда я стал дергать его рывками. Он чуть сдвинулся. Я вновь навалился на него изо всех сил, и рычаг пошел. Секция моста задрожала, заскрипела и неохотно начала спускаться. Осталась лишь небольшая щель, но она не могла препятствовать движению. На берегу я сел в седло и оглянулся. Крепость была мощная, построенная так, что ее легко использовать в качестве опорного пункта. Если мост разъединить, то даже механические чудовища не пройдут к ее стенам, за которыми может укрыться треть всей нашей армии, действующей на юге. Да, в этой беспощадной войне мы должны использовать эту крепость.

Я повернул Хику на север, надеясь пересечь следы беглецов, которые, скорее всего, должны двинуться на запад. Я ехал и с удивлением видел, что здесь совсем недавно были поля. Даже и сейчас тут росли отдельные колосья хлеба. А вот и фруктовый сад с деревьями, усыпанными плодами. Вероятно, эта страна кормила тех, кто жил на озере. Мне захотелось поподробнее ее обследовать, но передо мной стояла более неотложная задача. Пока я добрался до гор на противоположной стороне долины, прошел день. По пути встречалось много животных, которые давно одичали. Они косили на меня испуганные глаза и убегали прочь. Когда я вошел в горы, то удвоил осторожность — здесь очень легко можно было угодить в западню. Но врагов я не встретил, и через день наткнулся на тот след, что был мне нужен — след, оставленный небольшим отрядом. Люди были совершенно неопытными, так как оставляли такие следы, что их невозможно было не заметить. Они даже не пытались их замаскировать. У них было всего три лошади, и большинство следов

принадлежало женщинам и детям. Скорее всего, это были беглецы из Икринта. То, что Джойсан находилась с ними, было весьма маловероятно, но я не мог пренебречь даже такой малой вероятностью. Во всяком случае, я смогу узнать от них что-нибудь о моей леди. Люди прошли здесь несколько дней назад. Они старались идти на запад, но характер местности был таков, что им постоянно приходилось отклоняться от прямого пути. Да, это была дикая страна. Утром четвертого дня я поднялся на горный хребет и, почуяв запах дыма, понял, что близок к цели. Это были разыскиваемые мною люди, а не разведчики. Долина здесь несколько расширялась, а посреди нее текла река. Под густыми кустами на берегу я заметил костер, над которым склонилась женщина, подбрасывая в костер сухие сучья. Затем из кустов вышла вторая женщина и выпрямилась во весь рост. В утреннем свете сверкнула кольчуга, надетая на нее. Голова ее была обнажена, волосы стянуты сзади и опускались на спину коричнево-красным пучком. Фортуна вновь улыбнулась мне. Я был уверен, что это Джойсан, хотя на таком расстоянии нельзя было рассмотреть черты ее лица. Теперь я должен был догнать ее как можно быстрее. И когда она отошла от костра и задумчиво отправилась вдоль реки, я обрадовался. Я хотел встретиться с ней наедине, без любопытных взглядов со стороны ее людей. Если она с отвращением отвернется от меня при виде моих копыт, наши отношения кончатся, еще не начавшись. Но я должен узнать об этом без свидетелей. Я стал спускаться с горы, чтобы пресечь ей путь, и при этом укрывался так тщательно, как будто она была моим врагом.

ДЖОЙСАН

Во время трудного пути на запад нам посчастливилось найти трех лошадей, на которых в дальнейшем ехали самые ослабевшие. Я приказала, чтобы все было поделено без различия положения. Инглида бросала на меня злые взгляды, а леди Ислайга после первой вспышки ярости теперь молчала, и я была благодарна ей за это. То, что дорога в Норсдейл была трудной, мы поняли уже на второй день. Вследствие того, что по стране бродили шайки врагов, нам пришлось сильно отклоняться от курса. Главной нашей заботой была еда, так как о крове заботиться не приходилось. Было лето, и можно было спать на воздухе. Животные паслись во время остановок, но мы не могли продержаться на одной траве, кореньях и ягодах. Поэтому расстояние, которое мы проходили за день, все время уменьшалось. Нам приходилось тра-

тить массу времени на добычу пищи. Существенную помощь в этом нам оказал Янофер, который был ранее настухом, и отлично знал все съедобные растения. У нас было немного стрел, и я приказала не стрелять, если не будет стопроцентной уверенности в успехе. Одноглазый Рубо оказался большим специалистом в метании камней из пращи. Она всегда была при нем, и изредка мы добавляли к нашему скучному рациону кролика или птицу. Но каждому доставалось лишь по крохотному кусочку. У нас было еще одно затруднение, которое не позволяло нам быстро идти. Мартина, которая лишь недавно вышла замуж, была беременна, и приближалось время родов. Я понимала, что нам необходимо найти место, где мы могли бы не просто укрыться, но и найти поблизости пищу. Но в этой дикой, негостеприимной местности трудно было рассчитывать на что-нибудь подобное. На пятый день нашего черепашьего передвижения Рубо и Тимон, уехавшие вперед на разведку, вернулись с сияющими лицами. Оказалось, что нигде впереди они не видели следов врагов, и значит, мы оторвались от них. Так что появилась слабая надежда, что в конце концов мы будем в безопасности. Кроме того, разведчики обнаружили подходящее место для лагеря. И как раз вовремя, подумала я, увидев озабоченное лицо Нальды, которая присматривала за Мартиной. Рубо заявил, что если мы повернем к югу, то придем в долину, где есть вода и растет много ягод. Там нет никаких следов врагов, и место никем не посещается.

— Идем туда, леди Джойсан, — заговорила Нальда, показав на Мартина, которая сидела на лошади, опустив голову и прижав руки к животу. — Она вот-вот родит. Думаю, что ей не выдержать и дня пути.

Мы направились в долину. Как и говорил Рубо, место действительно оказалось хорошим. Мужчины, в том числе Янофер и однорукий Ангра, принялись складывать хижины из сучьев. Первую же хижину Нальда заняла для Мартиной. Нальда была права. Когда взошла луна, у нас появился новый член отряда, которого назвали Альвин, в память о погившем отце. Рождение ребенка заставило нас задержаться на некоторое время. На следующее утро я применила свою власть по отношению к Инглиде. Если мы хотим выжить, то должны собирать всю пищу, какую сможем найти, и запасать ее на будущее. Я умела делать запасы в крепости, но здесь, где не было даже соли, да и вообще ничего, кроме моей памяти, моих рук, моей импровизации, это казалось невыполнимой задачей. Но я была у них предводительницей, и мне ничего не оставалось, как осуществлять руководство. Никто не роптал на большое количество работы, даже дети

помогали своим матерям. Все понимали, что от запасов пищи зависит наша жизнь. Поэтому я ужасно рассердилась на Инглиду, которая не желала покидать свою хижину и идти вместе со всеми на добычу пищи. Я уверенно вошла в хижину. В руке у меня был мешок, сплетенный из травы и виноградной лозы. Уговоры на нее не подействуют, поэтому я заговорила с ней резко, как говорила бы с любой деревенской девушкой, отлынивающей от работы. Я ужасно на нее разозлилась, поэтому это было для меня легко.

— Вставай, девушка! Ты пойдешь с Нальдой и будешь исполнять все ее указания...

Она взглянула на меня остановившимися глазами.

— Ты перед нами в долгу, Джойсан. Если тебе нравится копаться в грязи вместе с этой деревенщицей, то пожалуйста, я же не забываю, кем я рождена...

— Тогда живи, как хочешь! — крикнула я. — Кто не добудет пищи для себя, тот не будет есть то, что добыли другие. И я перед тобой не в долгу!

Я бросила ей мешок, но она с презрением отвернулась от него. Мне оставалось лишь покинуть хижину. Но я поклялась, что сдержу свое обещание. Инглида довольно упитана и молода, и вполне может прокормить себя. У нее нет никаких оснований уклоняться от работы. Она обязана участвовать в заготовках наравне со всеми. Чем скорее она это поймет, тем будет лучше для нее. Я же буду заботиться о леди Ислайге, но не о ней. О леди Ислайге я думала с беспокойством. Она ушла в себя: только так я могу определить ее состояние с тех пор, как она узнала о смерти Торосса. С ней случилось то же, что и с дамой Мат — старость пришла к ней внезапно, в один день. Хотя ей было не так уж много лет, она превратилась в дряхлую старуху. Она ушла в свои мысли. Мы даже не могли поднять ее с постели. Есть ее и то приходилось заставлять. Она что-то бормотала, но так непонятно, что я смогла уловить лишь несколько слов. Думаю, она говорила только с теми, кого здесь не было, а может быть, их не было и на этом свете. Я надеялась, что это временное состояние. Может быть, когда мы приедем в монастырь, сестры смогут вылечить ее. Но эта цель отдалась от нас с каждым днем. Пока же нам надо было делать все возможное для заготовки пищи. Я направилась на поиски добычи с тяжелым сердцем. У меня был лук и три стрелы. В Икринте я пользовалась славой искусного стрелка, но я хорошо понимала, что одно дело стрелять по мишени, и совсем другое — по живому существу. И я не хотела понапрасну тратить драгоценные стрелы, поэтому в это утро решила заняться ловлей рыбы. Я нашла место, где каменистый мыс чуть вы-

давался в воду. Он был в тени деревьев, так что я могла укрыться от жгучих лучей солнца. Было тепло, и я сняла кольчугу и камзол, оставшись только в рубашке. У меня была мысль снять потом и ее, чтобы выстирать. Грифон висел на моей груди, не проявляя никаких признаков жизни, как в ту ночь, когда Торосс спас меня. Я внимательно рассматривала его — великолепная работа! Откуда он? Где его сделали? За морем? Куплен у Салкардов? Или... или это талисман Прежних? Талисман... Моя мысль заработала в этом направлении. Может, это он вел нас во время бегства туда, где была выложена в лесу пятиконечная звезда!? То место наверняка осталось от Прежних, значит, и грифон... Я задумалась, имеет ли эта безделушка какую-нибудь связь с Прежними? Это была интересная мысль, но кто же будет думать о добыче пищи? Я совсем забыла, зачем я здесь нахожусь. Закинув свою самодельную удочку, я принялась за дело. Дважды у меня клевало, но оба раза рыба срывалась с крючка. На третий раз я заставила себя действовать немного осторожнее, хотя терпение не относится к числу моих добродетелей. Я поймала двух рыб, но обе оказались маленькими. Вероятно, здесь не самое удачное место для ловли. Оставив каменистую косу, я пошла вдоль реки и набрела на тихую заводь, заросшую водорослями. Здесь добыча оказалась более богатой. Когда солнце повернуло к западу, я возвратилась в лагерь. Поела ягод и пожевала съедобных водорослей, которых набрала в лагуне, но голод не оставлял меня, и я снова направилась к реке, надеясь, что сейчас мне повезет больше. Наконец мне улыбнулось настоящее счастье.

Я услышала чье-то рычание, а в ответ — дикий хрип. Бросив свой мешок, я приготовила лук и, крадучись, подошла к зарослям. Над телом только что убитой коровы стоял молодой снежный кот. Уши его были плотно прижаты к черепу, а зубы обнажены в злобном оскале. Перед ним стоял дикий кабан. Оба опасные хищники, но, вероятно, кабан был очень голоден, иначе он не стал бы нападать на кота, убившего корову. Кот тоже опасался врага, так как понимал, что раз тот нападает, значит, чувствует свою силу. Кабан пронзительно завизжал. Он был намного больше кота, очень крупный экземпляр. Кот дико мяукнул и прыгнул, но не на кабана, а назад. Кабан медленно двинулся на врага. Кот вновь испустил дикий вопль и кинулся вверх по склону. В одно мгновение он оказался наверху и принялся злобно шипеть на кабана. Отвоевавший поле битвы кабан стоял, склонив голову и прислушиваясь к шипению кота. Почти не раздумывая, я двинулась вперед. Это было опасным предприятием с моей стороны. Если я только раз раню кабана, то

мне не сдобрить от его слепой злобы. Но он еще не учаял меня, и я, видя столько мяса сразу, не могла воспротивиться страстному желанию получить его. Наконец я заняла позицию, с которой можно было стрелять. Спустив стрелу, я сразу же кинулась в кусты, желая найти в них защиту. Я слышала дикий рев, но выжидать и смотреть не рискнула. Ведь если я промахнулась, эта четвероногая смерть сразу же настигнет меня. Поэтому я бежала, не останавливаясь. Еще не добежав до лагеря, я встретила Рубо и Янофера и все им рассказала.

— Раз кабан не преследовал тебя, леди, — произнес Янофер, — значит, он не мог. Кабаны — настоящие дьяволы, наверное, ты сделала смертельный выстрел.

— Ты поступила весьма неразумно, — нахмурился Рубо, — кабан мог изувечить тебя, если не прикончить.

Он сказал правду: голод толкнул меня на отчаянный поступок. Я признала его правоту, понимая, что могла погибнуть мучительной смертью. Мы вернулись на поляну, тщательно осматриваясь по сторонам. Решили даже обогнать это место и спуститься туда с горы. Вскоре мы обнаружили, что рядом с убитой котом коровой, на изрытой копытами и клыками земле лежит мертвый кабан. Моя стрела вошла между лопаток и вонзилась в сердце. Они были поражены моим метким выстрелом. Это была такая редкая удача, что все были склонны приписать ее Могуществу. С этого часа все мои люди стали считать, что я обладаю таким же знанием и искусством, что и дама Мат. Они не говорили мне этого, но я чувствовала их изменившееся отношение ко мне, видела, что они с готовностью исполняют мои приказания. Инглида все еще оставалась для меня занозой в коже, но я пока выполняла свою клятву. Когда вечером на костре были поджарены куски мяса, и его запах вызывал водопады слюны во рту, я заговорила так, чтобы слышали все. Я сказала им, что те, кому позволяет здоровье, но они не участвуют в добыче пищи, не будут получать ее. Сегодня все хорошо поработали и все получат свою долю, кроме Инглиды. Я заявила, что никакое положение не дает права на безделье.

Инглида вспыхнула и сказала, что у меня перед ее родом кровный долг, но я твердо возразила, что беру под свое покровительство только леди Ислайгу, ввиду ее возраста и болезни. Инглида же молода, здорова и вполне способна позаботиться о себе сама. Я думаю, что она испытала жгучее желание броситься на меня, вцепиться мне в лицо ногтями и выцарапать глаза. Но она была одна, никто ее не поддерживал, и она знала это. Наконец она повернулась и побрела в свою хижину. Я слышала, что она плачет, но эти рыдания

были вызваны злостью, а не раскаянием. Мне не было жаль ее, и я понимала, что приобрела врага. Однако вскоре Инглида поняла свое положение и стала трудиться наравне со всеми. Конечно, работала она без удовольствия, но от работы не отказывалась. Она даже принимала участие в таком неприятном деле, как разделка туши коровы и развешивание кусочков мяса для просушки. Мы очень экономно расходовали свои припасы — ели лишь кости и внутренностями добывших мной животных. Мартина уже набиралась сил, и я надеялась, что мы сможем тронуться в путь еще до наступления холодов. А когда мы приедем в Норсдейл, я с радостью сложу с себя тяжкую ношу ответственности за людей. Леди Ислайга часто отлучалась, вероятно, искала Торосса. Мне приходилось посыпать с ней человека, чтобы охранять ее, а когда она выбивалась из сил, приводить обратно в лагерь. Тимон оказался хорошим рыболовом и делал отличные kostяные крючки. Думаю, что мне просто из упрямства хотелось ловить рыбу. Я стремилась победить реку, но, увы, счастье не улыбалось мне. Очевидно, оно не распространялось на воду, хотя здесь, на берегу, мне посчастливилось убить кабана. Вода была такой чистой, что я хорошо видела проплывающих рыб, которые казались гигантами по сравнению с той мелочью, которую мне удавалось вылавливать. Вполне могло быть, что у меня была неподходящая снасть. А возможно, эти исполины были умнее тех рыб, что попадались мне на удочку. Когда я шла по берегу реки, у меня неожиданно возникло ощущение, что за мной следят. Чувство было таким сильным, что рука моя потянулась к ножу. Время от времени я оглядывалась, надеясь застать преследователя врасплох и увидеть его в зарослях кустов. Я развелновалась и решила вернуться в лагерь, чтобы предупредить остальных. Может, нас выследил разведчик ализонцев? В таком случае мы обречены, если не сумеем его поймать и прикончить, пока он не сообщил о нас главным силам врага. Я повернула к лагерю, но тут ветки кустов раздвинулись, и я увидела человека, вышедшего на открытое пространство. Выхватив нож, я приготовилась защищаться. Он показал мне пустые руки, как бы желая усыпить мою бдительность. По его виду я определила, что он не ализонец. Его капюшон был откинут на плечи, и на нем не было камзола с вышитой эмблемой рода. Его кольчуга была выкрашена в зеленую краску, вероятно, для того, чтобы быть незаметней. Но.. когда я взгляделась в него внимательней, я застыла: он был без сапог. Штаны у колен были подвязаны. Но какие были у него ноги! Он стоял на копытах, словно корова... Я мгновенно перевела взгляд на его лицо, ожидая увидеть нечто подобное, чудо-

вищное, но нет. Обычное мужское лицо, темное от воздействия солнца и ветра, впалые щеки и твердо очерченный рот. Конечно, он не был так красив, как Торосс. Мы встретились взглядами, и я невольно отступила назад, потому что эти глаза, как и копыта, не могли принадлежать человеку. Они были янтарного цвета — глубокого желтого цвета, а зрачки в них имели форму щели, а не круга, как у людей. Нечеловеческие глаза! Когда я отшатнулась, лицо его как-то переменилось, или мне это почудилось. Он улыбнулся, но улыбка получилась печальной, как будто он сожалел, что встретился со мной и что я увидела его.

— Приветствую тебя, леди, — сказал он.

— Я приветствую тебя... — я запнулась, так как не знала, как обращаться к Прежним, но, наконец, вышла из затруднительного положения. — Приветствую тебя, лорд.

— Я не слышал, чтобы ты сказала «приятная встреча». Ты полагаешь, что я твой враг?

— Я полагаю, что не могу судить о тебе, — призналась я, так как была уверена, что он — один из Прежних. Казалось, он прочел мои мысли. Для него это было простым делом.

Он озадаченно спросил:

— За кого ты меня принимаешь, леди?

— За одного из тех, кто владел этими землями до нашего прихода сюда.

— А-а-а... Прежние... но... — он снова печально улыбнулся. — Пусть будет так, леди. Я не скажу тебе ни «да», ни «нет». По-моему, ты и твои люди в тяжелом положении. Может быть, я смогу помочь вам.

Я знала, что Прежние иногда милостиво относились к людям и помогали им. Но среди них были и обладатели Темной Силы, и тогда людям, что прибегали к помощи Прежних, грозила огромная опасность. Я находилась в трудном положении. Если я сделаю неправильный выбор, мы все можем пострадать, но что-то в этом человеке заставляло меня думать, что он не из Темных.

— Но что ты предлагаешь? Мы должны пробраться в Норсдейл, но путь...

Он решительно прервал меня:

— Если вы пойдете туда, то путь будет чреват многими опасностями. Я могу привести вас в место, которое послужит вам надежной защитой. Там имеются фрукты, зерно...

Я с тревогой смотрела в эти янтарные глаза. Когда он говорил, мне очень хотелось верить ему, но я была не одна — со мной были люди. И довериться одному из Прежних... Я колебалась, и улыбка сошла с его лица. Оно стало холодным — он протянул руку дружбы, а ее оттолкнули. Мое беспо-

койство усилилось. Может, он действительно желал нам помочь, а теперь, когда его предложение отвергли, считает себя оскорбленным и разгневается на нас.

— Ты должен простить меня, — я пытаясь найти слова, которые погасили бы гнев, разгорающийся в нем, — Я еще никогда не встречалась с... с кем-нибудь из твоих. Если я как-то тебя оскорбила, то лишь из-за растерянности, а не по злому умыслу. Я ведь слышала о вас только в легендах, причем некоторые из них говорят о Темных Силах, которые не приносят людям ничего хорошего. Именно поэтому я отношусь к тебе с такой осторожностью.

— Потому что Прежние искали Могущество, — сказал он. — Ну что ж, пусть будет так. Но я не желаю тебе ничего плохого, леди. Взгляни на то, что ты носишь на груди. Достань это, я коснусь его пальцами, и ты увидишь.

Я взглянула на шар с грифоном. Хотя стоял солнечный день, я видела, что он светится. Мне показалось, что грифон, заключенный в шаре, хочет заговорить с незнакомцем. Я сняла цепь с шеи и протянула ему шар с грифоном. Он лишь коснулся его кончиком пальца, и шар вдруг засветился таким ярким светом, что я чуть не выронила его от неожиданности. И я сразу поняла, что он говорит правду, что он пришел из далекого прошлого, чтобы помочь нам. И на сердце у меня стало легко, хотя я вся затрепетала.

— Лорд, — я склонила голову перед ним, оказывая те почести, краткость которых извиняла лишь обстановка вокруг нас, — мы повинуемся тебе...

Он вновь оборвал меня и заговорил резко, почти зло:

— Я не твой лорд, и ты мне не подчиняешься. Ты делаешь свой выбор свободно и добровольно. Я могу предложить тебе и твоим людям сильную крепость в качестве убежища, и ту помочь, какую может оказать вам один человек. А я не новичок в ведении войны.

И мы вернулись с ним к моим людям. Все они были охвачены трепетом и разбежались. Я смотрела на него и видела на его лице горькую улыбку. И я понимала, ощущала ту горечь, которая владела им в это время. Но как это получалось, что я разделяла с ним его чувства, я не понимала. Все подчинялись его приказам беспрекословно. Он свистнул, и сразу с горы прискакала лошадь. Тут же на нее была усажена Мартина. Других наших лошадей мы загрузили припасами, и он повел нас за собой! Мы пришли в прекрасное место — крепость на озере. К ней вели два моста, но один из них был разрушен, а второй при помощи специального механизма поднимался и опускался. Через пространство, которое образовывалось после поднятия моста, не мог пройти никто. Кро-

ме того, эта земля некогда обрабатывалась: там росли фруктовые деревья и колосья, с которых можно было собрать зерно. Теперь мы могли оставаться здесь довольно долго, пока не наберем провизии для путешествия и не окрепнут люди. Мое доверие к этому странному человеку росло. Он не говорил, как его зовут, возможно, как и Мудрые Женщины, полагая, что если назвать другим свое имя, то любой может сделать его своим слугой. Про себя я называла его лорд Янтарь, по цвету его глаз. Пять дней он был с нами, следя за тем, чтобы все было в порядке. Затем сказал, что едет на разведку. Он хотел убедиться, что ализонцы не проникли далеко вглубь страны, и что они еще не скоро нас побеспокоят.

— Ты говоришь так, как будто ализонцы и твои враги, — удивилась я. — Но ведь на вас они не нападали, это нам приходится спасаться.

— Страна моя, и я уже дрался за нее. И снова буду драться, пока не вышвырну их в море, из-за которого они приплыли.

Меня охватило непонятное возбуждение. Что могло это означать для моего несчастного разбросанного народа? Ведь эти люди, обладающие Могуществом, хотят прийти к нам на помощь в нашей смертельной борьбе за свободу. Я хотела спросить его об этом, но он заговорил сам, вероятно, прочтя мои мысли.

— Ты думаешь, что для их уничтожения можно использовать Могущество, — печаль в его голосе вновь удивила меня. — Тот, кто вызывает Могущество, не всегда может управлять им, так что лучше его не вызывать. Но вот что я тебе скажу: я уверен, что это самое безопасное для вас место. Если ты благоразумна, то вы останетесь здесь до моего возвращения.

Я кивнула ему в ответ.

— Так мы и поступим, лорд, — и тут мне ужасно захотелось протянуть ему руку и коснуться его руки, дать ему понять, что я хочу снять с него ношу, которая тяготит его душу. Но это было бы бессмысленным действием, и я не поддалась своему капрizu.

КЕРОВАН

По выражению ее глаз я понял, что между нами ничего не может быть, но это был удар лишь для меня. Теперь я осознал, что напрасно лелеял в своей душе надежду, что я все-таки больше человек, чем чудовище. Я правильно поступил, не выслав ей свой портрет, хотя она просила меня об этом. Теперь она никогда не узнает, что Керован — это я. То, что

Джойсан приняла меня за одного из Преких, имело две стороны. Во-первых, это не давало ей возможности задавать вопросы, так как я всегда мог уклониться от ответа. А во-вторых, она была вправе ожидать наличия некоего Могущества, и его отсутствие я тоже должен был приемлемо объяснить. Но в течение первых нескольких дней я чувствовал себя относительно спокойно, так как работы и забот было предостаточно. Лагерь, в котором ютились беглецы, представлял собой довольно жалкое зрелище. Среди беглецов имелось всего четыре весьма условных воина: два человека преклонных лет, причем один без руки, а другой — без глаза; еще совсем зеленый юноша, наверняка никогда не державший в руках оружия, и раненый пастух. Остальные — женщины и дети, правда, среди них были те, кто в случае появления противника могли встать плечом к плечу с воинами. Это были в основном крестьяне, но среди них находились две леди — старая и молодая. Старая была в состоянии шока. За ней постоянно приходилось присматривать, чтобы она куда-нибудь не ушла. Джойсан сообщила, что сын этой леди убит, но она отказывается верить в это, и все время ищет его. Об Икринте она рассказала мне странные вещи, почти такие же странные, как и те, что случились в Ульмдейле. По всему было видно, что один из их рода тоже призвал Могущество сил на крепость, и под ее обломками погибло множество врагов. Однако нападение противника не было неожиданным, и Джойсан надеялась, что многим удалось бежать на запад. Их целью был Норсдейл, но сейчас у них не было проводника.

Кроме того, одна из женщин недавно родила, и не могла принять участие в трудном и длительном переходе. И вот тогда я подумал о крепости на озере, которая дала бы защиту и возможность передохнуть и набраться сил измученным людям. Только это я мог я сделать для моей леди — дать ей крышу над головой и относительную безопасность. То, что она носила мой подарок, ничего не значило. Она носила его не потому, что испытывала ко мне какие-то чувства, а потому, что эта вещь была действительно красивой. Младшую из двух леди, Инглиду, которая была родственницей Джойсан, я невзлюбил. Она смотрела на Джойсан из-под полуопущенных ресниц с нескрываемой ненавистью, хотя моя леди ничем не проявляла к ней недоброжелательности. Что произошло между ними раньше, я не знал, но понимал, что Инглиде доверять нельзя. Что касается самой Джойсан, то я гнал от себя эти мысли, так как у меня не выходило из головы то выражение, с которым она впервые взглянула на мои копыта. Хорошо, что я решил не скрывать от людей

своего уродства. Лучше уж сейчас испить эту горькую чашу, чем потом, когда будет поздно. Джойсан была прекрасной девушкой, вполне достойной быть женой любого лорда. Я понял это, когда они шли под моим руководством к крепости на озере. Хотя она очень устала и много раз падала духом, но с достоинством несла тяжкую ношу ответственности за своих людей. Несла и не жаловалась... Ее мужество было таким же большим, как и ее любвеобильное к людям сердце. Если бы я был, как все остальные люди... Теперь я часто вспоминал видение, когда она держала на коленях голову умирающего юноши. В прошлом это было или в будущем? Я не имел права спрашивать ее об этом. Я потерял это право после того, как не признался ей, кто я такой. Я мог бы привести их в Норсдейл, а затем... Теперь я был человеком без владений, и мне было легко расстаться со всем. Я мог бы присоединиться к воинам какого-нибудь лорда или удалиться в пустыню, где влачили существование те, кого изгнали из долин. Но перед тем, как распрошаться, я должен был обеспечить Джойсан безопасность.

Когда беглецы из Икринта устроились в крепости и научились пользоваться разводным механизмом моста, я нашел Джойсан и сказал, что мне необходимо съездить на разведку. Это частично являлось правдой, но у меня имелась и другая цель — я должен был справиться с собой. Иногда мне казалось, что она как-то странно смотрит на меня, как будто чувствует, что между нами есть связь. И тогда мне страшно хотелось сказать, кто я. Но этого нельзя было делать, и я решил удалиться до тех пор, пока не возьму себя в руки. Вероятно, в ее глазах я выглядел настоящим монстром. Но она посчитала меня одним из Прежних и принимала мое уродство, как нечто само собой разумеющееся. Но как мужчина... нет, я не был для нее мужчиной. Покинув крепость, я направился к северо-западу. Это была дикая страна, хотя совсем другого рода, чем Пустыня. Однако я не нашел здесь остатков строений Прежних, как ожидал. Три дня я изучал путь, по которому мы должны были идти в Норсдейл. Конечно, я не знал туда дороги, но общее направление чувствовал. Дорога была трудной — широкие долины сменялись узкими ущельями, окаймленными остроконечными утесами. Да, здесь быстро не пойдешь, и постепенно я стал склоняться к тому, что лучше пересидеть в крепости на озере до весны. На четвертый день я наткнулся на свежие следы. Это был небольшой отряд — человека четыре. Они были на лошадях, но не грузных, на которых ездили ализонцы, а на легких пони, которых предпочитали наши люди. Тоже беглецы? Возможно... Но сейчас было такое время, что приходилось

быть осторожным и все проверить. Джойсан сказала, что все беглецы из Икринта рассеялись по долинам, может быть, и эти из Икринта. А если это так, то мой долг разыскать их и сопроводить в крепость. И я последовал за ними со всеми предосторожностями. Следы были оставлены несколько дней назад.

Дважды я натыкался на место, где они устраивали лагерь, точнее, отдыхали, так как я не обнаружил кострища. По следам было видно, что они не бегут, а точно знают, куда идут. Движет ими цель, а не страх. Причем двигаются они, если не учитывать отклонений при обходе препятствий, прямо к крепости на озере. Обнаружив это, я забеспокоился. Четыре человека это, конечно, не много, но если они хорошо вооружены и застанут людей Джойсан врасплох... А это вполне могли быть преступники Пустыни, стремящиеся к наживе. И я бы не сбился бы с их следа, если бы не буря. Она пришла в тот же вечер. Конечно, это был всего лишь безобидный дождичек по сравнению с той бурей, что обрушилась на Ульмдейл. Но ветер и дождь все же секли мне лицо, так что пришлось искать укрытие. Пока я пережидал бурю, в моей голове теснились беспокойные мысли. У меня не проходило ощущение, что это враги. Я долго жил на границе с Пустыней и отлично знал, как поступают преступники со своими жертвами. Но мне ничего не оставалось делать, как надеяться на то, что Джойсан будет следовать моим советам и не позволит пришельцам застать их врасплох. Икринт не знал набегов из Пустыни. Они могли принять любого пришельца долин, как друга. К утру буря стихла, но следы исчезли. Я был слишком встревожен, чтобы искать их. Необходимо срочно скакать в крепость и выяснить, что же там происходит. Но дорога заняла у меня два дня, хотя я нещадно погонял Хику, совершенно не давая ей отдохнуть, и когда я въехал в долину, уже находился в таком состоянии, что был готов увидеть картину кровавой резни. Мне что-то крикнули с одного из полей возле крепости, и это заставило меня замереть. Нальда и еще две женщины махали мне руками. Сцена была мирная, так что все мои опасения оказались напрасными. Женщины собирали созревшее зерно на расстеленные плащи.

— Хорошие новости, лорд! — Голос Нальды наконец-то достиг моих ушей, и сама она направлялась ко мне. — Жених моей леди наконец приехал! Он услышал о наших несчастях и поспешил к нам на помощь!

Я изумленно уставился на нее, но потом пришел к выводу, что Нальда не имеет в виду Джойсан. Она говорит о женихе Инглиды, хотя мне почему-то казалось, что он погиб на юге.

— Леди Инглида должна вознести хвалу Гуппоре, — на-конец произнес я.

Нальда взглянула на меня с таким изумлением, с каким только что смотрел на нее я.

— Инглида... она же вдова! Нет, это приехал жених леди Джойсан, лорд Керован! Он прибыл три дня назад. Лорд, леди всех предупредила, чтобы искали тебя и сразу же про-сили приехать в крепость.

— Так я и сделаю, — проронил я сквозь зубы. Я понятия не имел, что это за лже-Керован. Но я должен увидеть его и спасти леди Джойсан. Кто-то считал, что я мертв, и решил воспользоваться создавшейся ситуацией. Мысль о том, что он может быть уже с Джойсан, вонзилась в меня мечом. То, что она могла полюбить другого, я не мог перенести. И когда кто-то приходит к ней под другим именем... этого я не мог допустить. Теперь я, как один из Прежних, обладаю тайны-ми могущественными силами. Я могу разоблачить пришель-ца, заявив, что Керован мертв, и она мне поверит. Значит, мне нужно быстрее попасть в крепость и предстать перед обман-щиком.

Я подгонял несчастную Хику, хотя меня так и подмывало спрыгнуть с нее, броситься в крепость, вызвать этого лжеца и прикончить его не за то, что он взял мое имя, а за то, что решил воспользоваться им, чтобы завладеть телом Джойсан. Как мне хотелось быть в этот момент тем, кем она меня считает, и иметь возможность вызвать Могущество для на-казания наглеца. Однорукий Анграли находился на посту. Он приветствовал меня, и я заставил себя отвечать спокойно. Вскоре я был во дворе. Ничто не напоминало о той пустоте, которая царила здесь во время моего первого визита. Жизнь вернулась в крепость, и вернули ее люди. Возле водостока резвились двое мужчин, брызгая водой на одну из деревен-ских девушек, которая звонко хохотала. У мужчин были эмблемы с изображением грифона — эмблемы моего дома! Пока они не замечали меня, я рассматривал их. Оба были мне незнакомы. Я подумал, что вряд ли кто из Ульмдейла выжил во время катастрофы. Но то, что я их не знал, ничего не означало. Ведь меня долго не было в Ульме, а за это время отец мог нанять новых людей, чтобы укрепить силы защит-ников, заменить ими тех, кто уехал со мной на юг. Эти эмблемы, к тому же, говорили о том, что это не был импровизированный план, основанный на слухах. Нет, они тщательно готовились, но почему? Если бы Джойсан владе-ла Икринтом, это можно было бы понять. Тогда лже-Керо-ван правил бы там, но она была изгнаницей — без владений и богатства. Тогда почему? Один из мужчин огля-

нулся и, заметив меня, толкнул приятеля. Их смех сразу угас. Оба с беспокойством уставились на меня, но я не стал к ним приближаться. Я соскочил с Хику и направился к башне, где занимала комнату Джойсан.

— Эй, ты! — раздался грозный и повелительный окрик.

Я повернулся и увидел, что оба воина идут ко мне. Но не дойдя до меня, поняли, что я не похож на остальных людей.

— Ты... — проговорил первый, но голос его уже не был уверененным и безапелляционным. Я видел, как другой ткнул его под ребра. — Прошу прощения, лорд, — произнес он, осматривая меня с головы до ног. — Кого ты ищешь?

Его самоуверенность разозлила меня.

— Не тебя, парень. — Я повернулся от них к башне.

Возможно, им хотелось задержать меня, но они не осмелились. Я не стал больше оглядываться на них, а подошел к двери, которая была завешена лошадиной шкурой.

— Счастье этому дому! — громко сказал я.

— Лорд Янтарь! — Шкура откинулась, и на пороге появилась моя леди.

Выражение ее лица ударило меня прямо в сердце. Значит, это он вызвал на лице девушки такую радость. Но ведь я уже решил, что она не для меня. Так почему же меня так уязвила радость на ее лице, когда пришел тот, кто сказал, что он — ее жених и готов служить ей. Я знал, что он лжец, но она-то этого не знала.

— Лорд Янтарь! Ты! — Она протянула ко мне руки, но не коснулась меня, хотя я против воли протянул к ней свои. Она смотрела на меня, и я никак не мог понять...

— Кто пришел? — я узнал этот голос, раздавшийся в комнате. Моя ненависть вспыхнула с такой силой, что я чуть было не выхватил меч, чтобы броситься на него.

«Роджер... здесь... но зачем?».

— Лорд Янтарь, ты слышишь? Мой жених пришел... Он услышал о наших бедах и пришел...

Она быстро говорила, но было что-то в ее лице, что заставило меня внимательней всмотреться в нее. Я заметил, что она боится. Раньше я видел, что она выше страха и боли, что она всегда мужественно боролась со своими трудностями. Но сейчас я чувствовал, что вовсе не радость так изменила ее тон. Хотя она улыбалась, но внутри... нет... Жених не принес ей счастья. Возбуждение охватило меня. Она не нашла в Роджере того, чего хотела! Джойсан отошла назад, не ответив на его вопрос. Я пошел за ней и остановился, уставившись в лицо родственника моей матери. Он был в боевом камзоле с грифоном, хотя у него не было права носить эту эмблему. Лицо его было красивым, на губах играла доволь-

ная улыбка, но лишь до тех пор, пока он не увидел меня... Улыбка тут же исчезла, глаза сузились, и он мгновенно подобрался, насторожившись, как будто мы стояли сейчас друг перед другом с мечами, готовясь вступить в смертельную схватку.

— Лорд, — торопливо заговорила Джойсан, почувствовав, что происходит между нами и желая предотвратить стычку. Она обратилась ко мне, как к высшему по положению. — Это мой жених, лорд Керован — наследник Ульмдейла.

— Лорд Керован? — воскликнул я вопросительно. Я мог сразу же разоблачить Роджера, но и он мог ответить тем же. Или не мог? Во всяком случае, я не должен позволить Роджеру играть здесь в грязные игры. — Я думаю, нет! — Мои слова падали в тишину подобно тяжелым камням.

В это время рука Роджера поднялась и в ней что-то сверкнуло. Грифон в шаре! Из него исходил луч света, который был направлен мне в голову. По моим глазам ударила боль — чудовищная, непереносимая боль. Она завладела всем моим существом. Я оперся на стену, стараясь удержаться на ногах. Моя рука поднялась в тщетном усилии защититься от удара, к которому я не был готов. Я услышал крик Джойсан, рванулся на крик и упал на пол. Джойсан снова вскрикнула, послышался шум борьбы. Но я ничего не видел! Не пытаясь подняться, я пополз на звуки борьбы.

— Нет, нет! — кричала Джойсан. — Отпусти меня!

Роджер схватил Джойсан! Его нога наступила на мою руку, и вновь дикая боль пронзила мое тело. Я не мог подняться, но я обязан был это сделать! Если он утащит Джойсан... Я поднял неповрежденную руку, схватил его лягающиеся ноги и всей тяжестью навалился на него, повалив на пол и подмяв под себя.

— Джойсан, беги! — крикнул я. Сейчас я не был в состоянии драться, я мог лишь удерживать его, получая удары, для того, чтобы Джойсан могла убежать.

— Нет! — снова послышался ее голос, но с такой ледяной решимостью, какой я еще не слышал у нее. — Лежи спокойно, лорд. — После короткой паузы, она обратилась ко мне: — Лорд Янтарь, я держу нож у его горла. Ты можешь отпустить его.

Роджер действительно уже не дергался, совершенно прекратив сопротивление. Я медленно отодвинулся от него.

— Ты сказал, — продолжала она тем же ледяным голосом, — что это не лорд Керован. Почему?

Наконец, я решился.

— Керован мертв, леди. Он угодил в западню, устроенную Роджером близ крепости Керована, точнее, его отца Ульри-

ка. Этот Роджер имеет некоторое могущество Прежних, тех, что шли по Темным путям.

Я услышал вздох.

— Мертв? И этот тип осмелился присвоить имя моего жениха, чтобы обмануть меня?

Тут заговорил Роджер:

— Открой нам свое имя...

— Ты сам знаешь, что мы не называем своих имен людям.

— Людям? И кто...

— Лорд Керован... — Моя голова повернулась в направлении голоса, раздавшегося от двери. — Что тут... — это был один из воинов со двора.

— Лорду Керовану ничего не нужно, — промолвил Джойсан. — А что касается этого типа, можете забрать его и убираться вон!

— Взять и ее, лорд? — осведомился воин.

Я поднялся на ноги и повернулся к говорящему, хотя ничего не видел.

— Пусть остается. Теперь она не нужна! — По тону Роджера стало ясно, что он вновь обрел уверенность.

— А что делать с этим, лорд? — Кто-то подошел ко мне. Моя раздавленная рука была беспомощна, и я не видел.

— Ничего! — Ответ Роджера был полной противоположностью тому, что я ожидал услышать. Между тем, один удар меча мог сейчас решить все в его пользу. Он мог силой подчинить своей воле Джойсан. — Оставим его судьбе. Да, мы уедем, потому что я получил то, что хотел.

— Нет! Нет! Отдай мне грифона! — послышался звук удара, и рядом со мной на пол упало тело Джойсан. Они ушли, хотя я кричал, чтобы их кто-нибудь задержал.

— Джойсан! — Я прижал ее к себе.

«Если бы я мог видеть! Что сделал этот дьявол с Джойсан? Неужели он убил ее?».

— Джойсан!

Но Джойсан была жива. Просто потеряла сознание, как сказали те, кто прибежал на мой крики. Роджер с людьми уже исчезли. Я усадил Джойсан на постель, держа ее руку в своей. На мои глаза положили повязку, смоченную в настое трав. Я задумался над тем, что, вероятно, навсегда потерял зрение, и уже никогда не смогу встать между Джойсан и опасностью, как не смог недавно защитить ее от подлого удара. Это был черный час для меня. Та боль, которую я познал раньше, скрывая, кто я такой, была ничем по сравнению с этой болью.

— Лорд... — голос Джойсан, слабый и тихий, но ее живой голос.

— Джойсан!

— Он взял... он взял подарок моего жениха... он взял грифона,— она горестно всхлипывала.

Я обнял ее, и она продолжала плакать на моем плече.

— Ты сказал правду, это был не Керован?

— Чистую правду. Керован погиб, попав в ловушку возле Ульмдейла. Роджер был женихом сестры Керована.

— И я никогда не увижу своего жениха? Но его подарок... он подло похищен! Но клянусь, лорд, он не останется у него, его руки оскверняют сокровище! Ведь он использовал шар как оружие. Он сжег твои глаза, лорд! Но твое Могущество ответило, лорд, из этого обруча на твоей руке. Если бы ты успел им защититься! — Ее нежные пальцы коснулись моей руки чуть выше браслета. — Лорд, говорят, твой народ весьма искусен в медицине. Если у тебя самого нет такого таланта, то, может, нам отнести тебя к ним? Ведь это ужасноеувечье ты получил из-за меня. У меня перед тобой кровный долг...

— Между нами нет долга,— быстро ответил я.— С Роджером у меня давняя вражда. Где бы мы ни встречались, он всегда пытался убить меня,— и тут я подумал, что лучше бы мне умереть, чем иметь покров на глазах.

— Я немного умею лечить, и Нальда тоже. Может быть, к тебе вернется зрение. О, мой лорд, я не знаю, зачем он сюда приезжал. У меня больше нет ни богатства, ни земли, ничего, кроме того, что он отнял у меня. Что ты знаешь об этом грифоне? Его послал мне в подарок мой жених. Неужели это такое огромное сокровище, что Роджер пошел на столь большой риск, чтобы получить его?

Ее слова вывели меня из состояния темной печали, и мои мысли заработали в другом направлении. Действительно, зачем приходил Роджер? Грифон в шаре? Несомненно, он обладал каким-то странным могуществом. Роджер изучал знания Прежних, Темных Прежних. Я часто слышал от Ривала, что если человек пойдет достаточно далеко по пути познания, то амулеты, обладающие Могуществом, как Темным, так и Светлым, могут подчиняться такому человеку. Я нашел амулет, когда мы путешествовали с Ривалом. Пивор сообщил, что Ривал убит, но не сказал, как это случилось. Может быть, Роджер, далеко не прошедший по дороге знания Темных, каким-то образом вывел у Ривала о грифоне и узнал, что он находится у моей невесты. Этот талисман мог послужить сейчас причиной многих бед. В руках такого негодяя, как Роджер, талисман представляет большую опасность для мира в стране. Джойсан права: мы должны

получить его обратно. Но как? Я вздохнул и положил руку на повязку. Смогу ли я когда-нибудь сделать это?

ДЖОЙСАН

Я находилась на восточной башне, когда прибыл мой жених. Хотя в крепости не было колокола тревоги, в одной из комнат мы нашли металлический лист, который повесили на стене, и били в него в случае тревоги. После отъезда лорда Янтаря на башне постоянно дежурил часовой — он охранял мост, чтобы ни один человек не мог незаметно пробраться в крепость. Поэтому, когда я заметила всадников, я сразу же забила тревогу, и лишь потом обнаружила, что едут они спокойно, а рядом с ними шагает Тимон. Он дружески разговаривал с одним из всадников, видимо, предводителем. Сперва я решила, что это спасся кто-нибудь из наших и нашел нас по следам, но затем я разглядела, что эмблемы на их камзолах не красные, а зеленые. Может, это были разведчики из армии какого-нибудь лорда, которые могли сопроводить нас до Норсдейла со своими людьми. Но там леди Ислайга могла получить лечение, а остальные мои люди обрести новые дома. Хотя лорд Янтарь устроил нас в таком прекрасном месте, которое, казалось, было невозможно найти в такой дикой традиционалистской стране, но мы не могли оставаться здесь навечно. Я не понимала, почему мне было здесь так хорошо и спокойно, впервые с тех пор, как лорд Пиарт уехал на юг, и у нас наступили трудные времена. Теперь, когда еще не затихли звуки гонга, я бросилась по лестнице, чтобы выяснить, кто же это прибыл к нам. Выскочив во двор, я заставила себя идти ровным величественным шагом — ведь я была тут правительницей, и должна сохранять достоинство. Когда я увидела эмблему, вышитую на камзолах прибывших, я изумилась. Я отлично знала эту эмблему, эмблему моего жениха. А может...

— Моя дорогая леди! — Он спрыгнул с седла и протянул мне руки, тепло приветствуя.

Хотя теперь на мне не было нарядного платья, я вежливо поклонилась. С другой стороны, я почему-то обрадовалась, что теплота приветствия была выражена лишь в голосе.

— Лорд Керован? — спросила я, хотя можно было и не спрашивать.

— Я перед тобой, — продолжал улыбаться он.

Так это и есть мой жених? Да, он не был красив, как Торосс, но и не безобразен. Для жителя долин волосы его были слишком темными, а лицо — овальной формы, сужающееся кни-

зу. И я увидела, что все слухи о нем оказались несправедливыми. Если лорд Янтарь совершенно очевидно принадлежал к какому-то народу, чьи люди необычны, то мой жених был самым обычным человеком. Это была наша первая встреча. И она не могла быть сердечной под столькими взглядами, да и время сейчас было не то. К тому же, мы были совершенно чужими друг другу, хотя и связаны между собой. У меня почему-то сложилось впечатление, что мне не хотелось его видеть, и не хотелось, чтобы он приезжал сюда. Он разговаривал со мной мягким вкрадчивым голосом, рассказывая о том, что тоже остался без дома, когда Ульмдейл пал под ударами пришельцев. Он и его люди бежали оттуда, хотели добраться до Икринта, но набрели на наши следы. Поняв, что произошло, они постарались стысовать нас.

— Мне сообщали, что ты воюешь на юге, мой лорд, — сказала я не для того, чтобы поддержать беседу, а требуя объяснений.

— Да, так оно и было. Но когда заболел отец, он послал за мной. Увы, я прибыл слишком поздно... Лорд Ульрик был уже мертв, враги стояли у самых ворот, так что мне сразу пришлось вступить в бой. Тут нам немного повезло. Разразилась ужасная буря, уничтожившая в Ульмдейле всех ализонцев, но и крепость здорово пострадала.

— Но ты сказал, что крепость пала.

— Да, но не от ударов врага. Море и ветер уничтожили стены и башни, залив водой всю долину. И все теперь лежит под водой. Тот парень, что провожал нас, сказал, что вы пробираетесь в Норсдейл.

А я рассказала ему о наших приключениях, о том, как я оказалась связанный с леди Ислайгой кровным долгом и теперь вынуждена заботиться о старушке. Он помрачнел, следя за моими словами, и очень внимательно меня слушал. Лорд изредка кивал головой, выражая согласие со всем, что я говорю.

— Вы отклонились далеко к югу от нужного направления, — заметил он наконец. — Вам очень повезло, что вы отыскали такое замечательное убежище.

— Это не мы. Нас привел сюда лорд Янтарь.

— Лорд Янтарь? Кто это носит такое необычное имя?

Я вспыхнула.

— Это я придумала ему это имя, так как он не назвал своего. Он... он один из Прежних... и хорошо к нам отнесся.

Я заметила его странную реакцию на мои слова: он как бы застыл. Лицо его превратилось в неподвижную маску, под которой бушевали мысли. Он стал похож на лису, которая

замерла, прислушиваясь к звукам охоты. Но вот вся его настороженность исчезла или он умело скрыл ее.

— Один из Прежних, леди? Но они давно ушли. Может, это лжец? Почему ты так в нем уверена? Он сам сказал тебе об этом?

— Ему не нужно ничего говорить. Ты сам все поймешь, когда его увидишь. Он не похож ни на одного из людей,— я была раздражена его словами, а особенно тоном. Вероятно, он принимал меня за глупую девчонку, которую легко обмануть. А я с тех пор, как стала предводительницей своего отряда, намного поумнела, у меня появилась уверенность в себе, я сама могла принимать решения. Мне не хотелось вновь возвращаться в прежнее положение бесправной девушки долин. До того, как прибыл мой жених, я была сама собой, кем я хотела быть.

— Значит, он вернется? Где же он сейчас?

— Он направился на разведку несколько дней назад,— коротко проронила я.— Да, он вернется.

— Отлично,— кивнул мой лорд.— Но среди Прежних есть разные, как давно уже знают люди. Некоторые относятся к нам дружелюбно, другие не обращают на нас внимания, пока мы не лезем в их тайны, а трети несут нам только зло.

— Знаю. Но Янтарь может заставить светиться твой подарок, как он светился, когда спасал меня от врагов.

— Мой подарок?

Не ослышалась ли я? Действительно ли в его тоне прозвучало удивление? Но нет, я отогнала от себя подозрения. Нельзя же так реагировать на каждое его слово, как будто мы были врагами. Мы станем близкими на всю оставшуюся жизнь. Теперь нам всегда нужно идти в ногу.

Он уже улыбался.

— Да, конечно, мой подарок. Значит, он помогает тебе, моя дорогая?

— Еще как!— Моя рука легла на грудь, где покоился грифон.— Мой лорд, это действительно сокровище Прежних?

Он наклонился через стол, разделяющий нас. В его глазах светилась какая-то алчность, хотя лицо эмоции не выражало.

— Ты права! И раз он тебе так хорошо служит, я вдвойне рад, что он у тебя. Дай мне еще раз взглянуть на него.

Я потянула за цепочку и вытащила шар с грифоном. Но что-то мешало выпустить цепь из рук и опустить шар на его ждущую ладонь, лежавшую на столе.

— Я не расстаюсь с ним ни днем, ни ночью,— произнесла я.— Ты вернешь мне его, лорд?— Я старалась говорить без-

заботно, почти шутливо, хотя мной овладело тяжелое беспокойство.

— Конечно, — пообещал он.

Но коснулся ли он своей груди быстрым незаметным движением? Он не сделал попытки показать мне портрет, который я послала ему, хотя он должен был сделать это, чтобы доказать, что тоже хранит мой подарок.

— Почему ты не исполнил мою просьбу, которую я передала тебе вместе с подарком? — поинтересовалась я.

Мое беспокойство росло, хотя я не понимала, почему. Пока я не обнаружила в нем ничего подозрительного. Но между нами присутствовала какая-то зловещая тень, и она рвала мне душу и тревожила меня. Я почему-то быстро спрятала грифона, как будто испугалась, что его отнимут у меня силой. Что же между нами, что так тревожит меня?

— Сейчас такое время, что нельзя доверять посланцам, — сказал он. Однако, я была уверена, что он рассматривал мой талисман с большим интересом, чем мое лицо.

— Я прощаю тебя, лорд, — я пыталась разговаривать с ним легкомысленным тоном, каким говорили глупые девушки со своими поклонниками. — А сейчас... я должна вернуться к своим обязанностям. Ты и твои люди можете лечь отдохнуть, хотя у нас нет мягких перин.

— Спать в безопасности — это самое большее, о чем можно сейчас мечтать, — он поднялся вместе со мной. — Где ты нас разместишь?

— В западной башне, — облегченно вздохнула я. Он не потребовал, чтобы я по обычаю разделила с ним постель. Но что со мной? Ведь он сейчас, как, впрочем, и во все последующие дни, был вежлив и почтителен.

Он хвалил нашу предусмотрительность в заготовке пищевых припасов и приказал своим людям взять на себя обязанности часовых, чтобы мы могли все работать в поле. Но он не настаивал, чтобы я все время проводила в его обществе, и я была благодарна ему за это. Хотя я не могла отделаться от ощущения беспокойства, я не понимала, чем оно вызвано. Он был сомнительно ласков и почтителен со мной, но чем дольше он тут находился, тем тревожнее становилось у меня на душе. Я была испугана тем, что когда-нибудь настанет день, когда я буду вынуждена разделить с ним постель. Иногда он ездил в горы на разведку, тогда я не виделась с ним целыми днями. Порой я замечала, что он беседует с Инглидой, причем обращается с ней с такой же почтительностью, как со мной или леди Ислайгой, которая, правда, вряд ли заметила его появление в крепости. Я не верила, что это он ищет встречи с Инглидой, скорее, это была ее инициатива. Она с жад-

ностью смотрела на него, и мне показалось, что я понимаю ее намерения. Ее муж мертв, и перед ней нет иной перспективы, кроме унылой жизни в Монастыре. И я понимала, что ее неприязнь ко мне соединилась с завистью и превратилось в нечто более глубокое и черное. Ведь я могла иметь Керована, который приехал, чтобы служить мне, а она могла разрушить наши отношения с ним. Однако мне не верилось, что это жалкое создание решится вторгнуться в нашу жизнь подобным образом. Впрочем, я не пыталась прекратить эти беседы: они не беспокоили меня. На пятый день после прибытия Керован вернулся из разведки раньше обычного. Я находилась в поле, так как каждая пара рук была на счету. И тут один из мальчиков занозил ногу. Я привела его в крепость, чтобы промыть ногу. Слезы мальчика высохли, боль утихла и он убежал к матери, оставив меня собирать в сумку разложенные лекарства. В это время в комнату вошел мой лорд.

— Моя дорогая, дай мне подарок, который я прислал тебе. Возможно, сейчас мне потребуется его служба. Я немного занимался изучением старых знаний, и сейчас он мне понадобился. Эта вещь обладает Могуществом, и если уметь ею пользоваться, то она может служить самым лучшим оружием. Если у меня все получится, то наш путь в Норддейл превратится в легкую прогулку.

Моя рука легла на грудь. Мне не очень хотелось исполнять просьбу, но я ничего не могла придумать для отговорки, вытащила шар и долго не выпускала его из руки. Он мило улыбнулся мне, как бы желая приободрить упрямого ребенка. Наконец, я со вздохом отдала ему талисман. Он подошел к свету из окна и поднес шар к глазам, как бы разговаривая с грифоном без слов. И в этот момент я услышала знакомый голос:

— Счастье этому дому!

Я не видела говорящего, но сразу кинулась на улицу.

— Лорд Янтарь! — Я не понимала чувств, пробудившихся во мне, но при звуке этого голоса все мои беспокойства и тревоги, не отпускавшие меня, исчезли. Сама безопасность находилась передо мной на ногах с копытами и смотрела на меня золотыми глазами.

— Ты пришел! — Я протянула ему руки, как бы желая дотронуться до него, но он не был человеком, и я не осмелилась завершить свой жест.

— Кто пришел? — Голос Керована нарушил чудесное ощущение осознания освобождения от беспокойства. Теперь мне нужно было подыскивать другие слова.

— Лорд Янтарь, ты слышишь? Мой жених пришел... Он услышал о наших бедах и пришел...

Я отступила, мною овладело отчаяние, как будто я лишилась чего-то бесконечно дорогого. Прежний последовал за мной. Я не смотрела на своего жениха, я видела только эти золотые глаза.

— Лорд, это мой жених, лорд Керован — наследник Ульмдейла.

Лицо его было замкнуто, непроницаемо.

— Лорд.. Керован? — повторил он, как будто переспрашивая, а затем добавил, произнося слова так, как будто всаживал в кого-то нож: — Я думаю, нет!

Рука Керована поднялась. Шар, сжатый в ней, вспыхнул, и в глаза лорда Янтаря ударили луч света. Он поднял руку, пытаясь защититься, и, шатаясь, сделал шаг назад. На кисти его руки я увидела ответную вспышку, и голубой туман занавесом окутал его. Я вскрикнула и кинулась на Керована, пытаясь вырвать кристалл из его рук. Но он грубо отшвырнул меня, и в его лице я заметила то, что превратило мое беспокойство в страх. Керован крепко схватил меня и поволок к двери. Лорд Янтарь стоял на коленях, прикрыв глаза рукой, и старался определить по звуку, где мы находимся. Он ослеп! Я билась в руках Керована, пытаясь вырваться:

— Нет, нет! Отпусти меня!

Лорд Янтарь бросился к нам. Я видела, как Керован поднял тяжелый окованный сапог и с силой наступил на руку Прежнего. Лорд Янтарь схватил свободной рукой Керована повыше колена, навалился на него и свалил на пол.

— Джойсан, беги! — крикнул он.

Я была свободна, но бежать не могла. Керован наносил удары лорду Янтарю.

— Нет! — Мой нож, то есть нож Торосса, находился в моих руках. Я бросилась на борющихся мужчин, схватила Керована за волосы и запрокинула его голову, прижав лезвие ножа к горлу. — Лежи спокойно, лорд! — приказала я. Керован понял, что я готова на все, и повиновался. Не сводя с него глаз, я сказала: — Лорд Янтарь, я держу нож у его горла. Ты можешь отпустить его.

Он поверил мне и откатился в сторону.

— Ты сказал, — продолжала я, — что это не лорд Керован. Почему?

Он поднялся на ноги, закрывая глаза рукой.

— Керован мертв, леди, — голос его был тих. — Он угодил в западню, устроенную Роджером близ крепости Керована, точнее, его отца Ульрика. Этот Роджер имеет некоторое Могущество Прежних, тех, что шли по Темным путям.

Мое дыхание со свистом вырвалось из губ. О, теперь мне все стало ясно!

— Мертв? И этот тип осмелился присвоить имя моего жениха, чтобы обмануть меня?

Тогда заговорил Роджер.

— Открой нам свое имя.

И лорд Янтарь ответил ему:

— Ты сам знаешь, что мы не называем своих имен людям.

— Людям? И кто...

— Лорд Керован... — Я так была удивлена раздавшимся у двери голосом, что отпрянула от Роджера. — Что тут...

В комнате появился один из воинов Керована.

Я быстро заговорила:

— Лорду Керовану ничего не нужно. А что касается этого типа, можете забрать его и убираться вон!

Вошел второй воин. В его руках был лук, нацеленный на лорда Янтаря. На лице было видно кровожадное выражение, как будто ему доставляло наслаждение убивать.

— Взять и ее, лорд? — спросил первый воин.

Лорд Янтарь двинулся на него с голыми руками.

Роджер отошел от меня еще на несколько шагов.

— Пусть остается. Теперь она не нужна!

— А что делать с этим, лорд?

— Ничего! Оставим его судьбе.

Я думала, что он прикажет прикончить лорда Янтаря, если, конечно, Прежнего можно убить.

— Да, мы уедем, — добавил он. — Потому что я получил то, что хотел.

Он спрятал шар в карман камзола.

Это побудило меня к действию.

— Нет! Нет! Отдай мне грифона! — бросилась я нему.

Он ударил меня в голову, и я не успела отклониться. Сильная боль пронзила меня, и я погрузилась в темноту. Когда я очнулась, я лежала в своей постели, а в комнате царил полумрак. Но я разглядела лорда Янтаря, сидевшего рядом. Моя рука лежала в его руке, а его глаза закрывала повязка.

Он сразу повернул ко мне голову.

— Джойсан!

— Он взял... он взял подарок моего жениха... он взял грифона, — страшное воспоминание наплыло на меня из черноты памяти.

Лорд Янтарь нежно привлек меня к себе, и я плакала, как не плакала с тех пор, как на нашу землю обрушились горе и несчастья. Я заговорила, всхлипывая:

— Ты сказал правду, это был не Керован?

— Чистую правду. Керован погиб, попав в ловушку возле Ульмдейла. Роджер был женихом сестры Керована.

— И я никогда не увижу своего жениха? Но его подарок... он подло похищен! Но клянусь, лорд, он не останется у него, его руки оскверняют сокровище! Ведь он использовал шар как оружие. Он сжег твои глаза, лорд! Но твое Могущество ответило, лорд, из этого обруча на твоей руке. Если бы ты успел им защититься! Лорд, говорят, что твой народ весьма искусен в медицине. Если у тебя самого нет такого таланта, то, может, отнести тебя к ним? Ведь это ужасноеувечье ты получил из-за меня. У меня перед тобой кровный долг...

— Между нами нет долга,— отверг он мои последние слова.— С Роджером у меня давняя вражда. Где бы мы ни встретились, он всегда пытается убить меня.

— Я немного умею лечить, и Нальда тоже,— сказала я.— Может быть, к тебе вернется зрение. О, мой лорд, я не знаю, зачем он сюда приезжал. У меня больше нет ни богатства, ни земли, ничего, кроме того, что он отнял у меня. Что ты знаешь об этом грифоне? Его послал мне в подарок мой жених. Неужели это такое огромное сокровище, что Роджер пошел на столь большой риск, чтобы получить его?

— Нет, это не сокровище Ульмдейла, Керован сам нашел его. Но эта вещь обладает Могуществом, а у Роджера достаточно знаний, чтобы использовать его. Оставить грифона в руках Роджера, значит...

Я поняла, что он имеет в виду, еще до того, как он облек мысли в слова. Оставить такие могучие силы в руках Темных Сил, нет, мы не могли позволить себе такого! Но Роджер... он ведь уехал со своими воинами, готовыми убивать, и сам уже доказал, что может использовать Могущество грифона...

— Лорд, что мы можем сделать, чтобы вернуть талисман?— вырвалось у меня. Все свое доверие я отдала этому человеку, если его можно назвать человеком.

— Пока,— произнес он почти шепотом,— пока очень мало.— Возможно, Рубо и Анграл могут проследить их путь отсюда, но мы не можем пока пускаться в погоню... пока...

И снова я поняла его мысли. Он, должно быть, надеялся, что зрение вернется к нему, а может, он хотел использовать свое Могущество для излечения. В нашем походе лорд Янтарь будет командовать, а я — подчиняться. Я понимала, что это не только по моей глупости. Поэтому я должна принять активное участие в попытке его возвращения. У меня ужасно болела голова, и Нальда принесла мне настой трав, заставив выпить. Я подозревала, что это заставит меня уснуть, и хотела отказаться, но лорд Янтарь присоединился к уговорам Нальды, а ему я противиться не могла. Затем Наль-

да обратилась к лорду Янтарю и сообщила ему, что приготовила мазь для глаз. Лорд Янтарь позволил ей сделать новую повязку, хотя я видела, что он не верит в действенность мази. Нальда увела его с собой. Я уже засыпала, когда ко мне явилась Инглида. Она склонилась над моей постелью и посмотрела на меня так, как будто за последние несколько часов у меня неизвестно изменилось лицо.

— Значит, твой жених мертв, Джойсан, — с удовлетворением отметила она.

— Да, он мертв, — сейчас я ничего не ощущала. В течение восьми лет Керован был для меня лишь именем, да и теперь ничего не переменилось в этом смысле. Как можно скорбеть по звуку? Но зато я чувствовала жгучую ненависть к обманщику. Роджер не был моим женихом, поэтому мне не в чем было винить себя, когда я не ощущала к нему ничего, кроме неприязни. Мой жених умер.. Он так никогда и не жил для меня.

— Ты не плачешь! — Инглида смотрела на меня с той же злобой, что и раньше.

— Как я могу плакать по тому, кого никогда не знала и не видела?

Инглида пожала плечами и презрительно заявила:

— Каждый порядочный человек должен горевать.

Мы больше не были связаны родственными узами с тех пор, как кровавая волна войны обрушилась на мир. Если бы я была в Икринте, я бы, конечно, совершила все формальные церемонии траура, как это и полагалось. Мне было жаль, что из-за предательства погиб хороший человек, но больше этого я ничего не могла для него сделать. Инглида достала из кармана какой-то мешочек. Я уловила аромат трав и поняла, что это мешочек с травами, которые кладут под подушку тем, у кого болит голова.

— Это мешочек моей матери. Сегодня он ей не нужен, — грубо сказала Инглида, будучи уверенной в моем отказе.

Я была удивлена, но не очень, так как понимала, что теперь мы в одинаковом положении. Инглида больше не считала меня счастливее себя. Я поблагодарила ее и позволила положить мешочек под подушку. Запах трав сделал свою дело. Вскоре я уже не могла держать глаза открытыми. Я еще видела, как Инглида направилась к двери, и затем.. я, вероятно, провалилась в сон.

КЕРОВАН

— Это ты, Нальда? — спросил я и повернул голову, хотя ничего не видел.

— Да, лорд, — ответила она.

Я поблагодарил ее за заботы кивком головы. Она была деликатной и не относилась ко мне, как к беспомощному калеке. Напротив, всеми силами она старалась вселить в меня уверенность, что ее лечение поможет мне.

— А леди Джойсан?

— Она спит, лорд. У нее нет тяжелых повреждений. Удар был сильным, но кости целы, так что ничего страшного.

— Люди уже приехали?

— Нет. Ты их увидишь, когда они появятся. Надо немного покушать, лорд. Человек должен быть сыт, чтобы сохранить свои силы. Открой рот...

Нальда кормила меня с ложечки, как малого ребенка. Но не мог же я сказать ей — нет! Однако, во мне зрел гнев не из-за того, что я нахожусь в таком нелепом беспомощном состоянии, а из-за того, что ничего не могу сделать самостоятельно, и мне нужна нянька. Нальда отвела меня к постели. Я лег, но сон ко мне никак не шел. Я лежал и как будто ждал, что меня призовут к оружию, хотя понимал, что, по всей вероятности, мне уже никогда не взять его в руки. Я думал о Джойсан, о ее стремлении получить обратно грифона. Я понимал, что она права. Шар необходимо отобрать у Роджера во что бы то ни стало. Он не погиб во время бури, может, спаслись и остальные? Хлимер, леди Тефана, Лизана... Я поднял руку и пощупал повязку. Она была еще влажная, и я был уверен в ее бесполезности. Роджер... если он пришел за грифоном, то, значит, узнал о нем от Ривала или от Яго. Узнал, что я послал его в качестве подарка Джойсан. Но зачем ему понадобился грифон? Я так мало знал о Прежних, а сейчас это было необходимо. Моя рука все еще лежала на лбу, тыльной стороной кисти к повязке. Сколько времени так прошло, я не знал, но неожиданно почувствовал, что что-то неуловимо изменилось.

Браслет! Джойсан сказала, что он отразил луч от грифона. А значит... Я вскочил и сорвал повязку. В том месте, где браслет касался меня, распространялось тепло. Может, инстинкт, а может, неизвестные слои памяти руководили мной, когда я держал браслет сначала у левого глаза, а потом — у правого, прижимая его к опущенным ресницам. Я еще не пытался открыть глаза, но чувствовал, что ко мне возвращается уверенность и жажда жизни. Я опустил руки и открыл глаза. Темнота! Мрак! Я чуть не вскрикнул от отчаяния. А затем... свет! Совсем слабый, но свет! И тут я понял, что нахожусь в темной комнате и вижу свет, едва пробивающийся сквозь щель в двери. Я быстро направился к выходу. Ночь... Да, обыкновенная ночь... И нисколько не

темнее, чем всегда. Я поднял голову и увидел звезды! Звезды, которые сверкали так ярко, так ободряюще.. Я видел!

Джойсан! Мне захотелось поделиться с ней своей радостью, и это тоже был инстинкт. Я почти бегом направился в ее комнату. Дверь была закрыта, и это заставило меня остановиться. Нальда сказала, что дала Джойсан снотворное, и теперь девушка будет спать до утра. Но даже если я и не мог сообщить о чуде, то должен был хотя бы взглянуть на дурное мне лицо. Из-за двери пробивался слабый свет. Возможно, там оставили зажженой свечу. Я вошел, стараясь не только не стучать косятами, но даже и не дышать. Но на постели никого не оказалось. Легкий плащ, которым она укрывалась, был откинут в сторону и на тюфяке, набитом листьями, никого не было! Лишь в изголовье что-то темнело. Я наклонился и поднял это. В моих руках оказался мешочек, набитый травами, от которого исходил сильный запах. В нем находилось что-то твердое. Я ахнул, и мешочек упал на пол. Вокруг моего браслета появилось голубое сияние, как будто его окутал туман. Мне не нужно было объяснять, что там находится. ЧЕРНОЕ ЗЛО! Я подцепил мешочек кончиком ножа и бросил его на каменный пол поближе к свету. Распороив его ножом, я выпотрошил содержимое и обнаружил в нем предмет размером с монету Салкаров. Он был черным, но пронизанным красноватыми прожилками — нет, не прожилками. Красные линии образовывали буквы, почти как на моем браслете. Эта вещь обладала Могуществом, но Темным Могуществом. Любой прикоснувшийся к этому предмету... Джойсан! Как попала эта вещь к ней в постель? Мне стало страшно, и я громко позвал Нальду, которая, вероятно, находилась где-то поблизости. Мой голос прокатился по двору громовым эхом. — Лорд, — в дверях появилась Нальда. — Что...

Я указал пальцем на постель.

— Где леди?

Она вскрикнула и кинулась к постели. На ее лице появилось выражение растерянности и изумления. — Но... где она может быть, лорд? Она спала, когда я дала ей снотворное. Могу поклясться Тремя Клятвами Гуппоры, что она не должна была проснуться до утра...

— Ты оставила «это» в постели? — Я пытался не выказать ей свой страх, по крайней мере, внешне. Кончиком ножа я указал на распоротый мешочек и его содержимое.

Она наклонилась и принюхалась.

— Лорд, такой мешочек мы сделали для леди Ислайги, когда она была плоха, и ее необходимо было удержать в постели. Это хорошие травы, клянусь вам!

— Ты добавила сюда и это? — Кончик ножа уперся в дьявольский символ.

Нальда вновь наклонилась. Когда ее голова поднялась и ее глаза встретились с моими, я увидел, что она перепугана.

— Лорд, я не знаю, что это такое, но в этой вещи таится Зло! Лорд! — неожиданно вскрикнула она. — Твои глаза... ты прозрел?

Я отодвинул ее в сторону. Только что меня переполняла неописуемая радость, весь мир радовал меня, но сейчас мною овладела страшная тревога за Джойсан. Мне было даже жутко подумать, что она стала пленницей Темных Сил.

— Да, — буркнул я. — Леди спала рядом с этим, и теперь она исчезла. Я не знаю, что с ней случилось, но мы обязаны найти ее, и найти как можно скорее!

Поднятые мной люди обыскали всю крепость сверху донизу. Так как мост был поднят на ночь, то добраться до берега она не могла, но и спрятаться в крепости было негде: мы обыскали все. В конце концов мне пришлось признать, что Джойсан в крепости нет. Оставалось озеро! Я стоял на мосту, глядя в воду. В ней отражался свет факела. Это мог сделать только Роджер, но здесь его не было, когда ее укладывали в постель. Кто-то помогал ему тут. И этого человека необходимо было найти и узнать от него всю правду. Я собрал всех мужчин, женщин и детей во дворе и положил перед ними камень, дьявольский символ, нацеленный на мою леди. Огонь необузданного гнева уже угас во мне, теперь я был хладнокровен и полностью овладел собой. Мой мозг работал в бешенном ритме — он был занят одним — кровавой местью, какой еще не видала наша долина.

— Ваша леди была похищена из-за чьего-то предательства с вашей стороны, — говорил я медленно, так, чтобы каждый из них мог понять меня, даже самый глупый и маленький. — Пока она лежала в постели, кто-то подложил ей под подушку мешочек с травами. После этого она была похищена и, возможно, уже мертва. — Теперь я приступал к тому, в чем совершенно не был уверен, но чему я научился у Ривала. — Те, кто касался этой вещи, наложил на себя пятно, которое ничем нельзя смыть. Поэтому каждый из вас сейчас вытянет руки и...

Среди женщин послышался шум. Нальда схватила ту, что стояла рядом с ней. Девушка визжала и пыталась вырваться. Через мгновение я очутился возле них. Леди Инглида... Я должен был ожидать этого.

— Веди ее, — обратился он к Нальде. — Тебе нужна помощь?

— Конечно, нет! — возмутилась эта сильная женщина и легко поволокла Инглиду.

Я обратился к остальным со словами:

— Я сам займусь этим. И заклинаю вас — не прикасайтесь к этой дьявольской вещи!

Они остались во дворе и никто не пошел за нами, когда мы удалились в комнату Джойсан. Я воткнул факел в отверстие в стене, чтобы было светлее. Нальда заломила руки Инглиды за спину и крепко держала ее. Думаю, что редкий мужчина смог бы вырваться из рук этой мужественной женщины. Затем она подвела пленницу ко мне. Схватив ее за подбородок, я принудил Инглиду смотреть мне прямо в глаза.

— Это сделала ты! — уверенно проговорил я.

Она завыла, как безумная, но от меня нельзя было отвертеться подобным образом.

— Кто научил тебя этому? Роджер?

Она снова завыла, но Нальда обошлась с ней весьма невежливо.

— Говори! — прошипела она в ухо Инглиды.

Девушка слютинала слону.

— Ее жених... он сказал, что она должна прийти к нему... это приведет ее к нему...

И я поверил ей. Что Инглида действовала из добрых побуждений к Джойсан, в этом я сомневался. Впрочем, эту злобную ловушку устроил именно Роджер.

— Ты послала ее на смерть, — мягко сказал я. — Ты стоишь здесь, и руки твои в ее крови. С тем же успехом ты могла бы зарезать ее ножом.

— Нет! — закричала Инглида. — Она не мертва, не мертва! Она ушла, ушла...

— ... в озеро, — угрюмо закончил я за нее.

— Да, но она поплыла. Я видела, я говорю правду!

И вновь я поверил ей, лед в моей душе стал таять. Если Джойсан добралась до берега, если она находится под действием заклинания... Есть еще шанс спасти ее!

— Но плыть нужно очень далеко.

— Джойсан выбралась на берег. Я видела! — Она в ужасе кричала, как будто гнев, отраженный на моем лице, сводил ее с ума.

Я повернулся к двери.

— Янофер, Анграп! — Я позвал этих двоих, потому что они отлично разбирались в следах. — Идите на берег и ищите следы того, кто выбрался из воды.

Они сразу ушли. Я вернулся к Нальде и пленнице.

— Больше я ничего не могу сделать для тебя и твоих друзей, — сказал я Нальде. — Если Джойсан околдovана...

— Она околдована! — оборвала меня Нальда. — Лорд, спаси ее!

— Сделаю, что смогу, — произнес я так, как будто произносил клятву перед своим Родом. — Я последую за ней, а вы оставайтесь здесь. В крепости вы будете в безопасности, по крайней мере, в ближайшее время.

— Лорд, не думай о нас, думай только о нашей леди. С нами ничего не случится. А что делать с этой стервой!? — Она указала на Инглиду, которая шумно всхлипывала.

Я пожал плечами. Теперь, когда я получил от нее все, что мне было нужно, она превратилась для меня в ничто.

— Делай, что хочешь, но я поручаю тебе присматривать за ней. Она связалась с Темными Силами и служит им. Через нее снова может прийти Зло.

— Мы будем присматривать за ней, — голос Нальды произвучал так, что Инглида вздрогнула.

Я вышел во двор, подцепил дьявольскую монету кончиком ножа, подошел к сломанному мосту и выкинул ее в воду. Я не мог закопать ее в землю. Неизвестно, что она могла еще натворить. Было позднее утро, когда я, захватив запасы провизии, поехал на Хику по следу. Инлида не соврала — пловец вылез на берег, цепляясь за тростник, и направился дальше, оставляя хорошо заметные следы. Я двинулся по следам своей леди. Какое колдовство подействовало на нее, я не знал, но у меня не было никаких сомнений, что все случилось помимо ее воли. Я дошел по ее следу до края долины, и там она, вероятно, встретилась со всадниками. Я понял, что тут ее поджидал Роджер со своими людьми. Их было четверо, и все хорошо вооружены. Джойсан, конечно, связали, и я мог только идти за ними и надеяться, что у меня возникнет шанс. Но я был готов помочь фортуне. След вел на северо-запад. Я был уверен, что Роджер хочет вернуться в свою крепость. Он приехал в Ульмдейл, чтобы получить Могущество. Возможно, он и получил его вместе с грифоном. Они редко отдыхали, и я, несмотря на все усилия, все еще находился далеко позади. На второй день я выяснил, что к ним присоединились еще три воина с запасными лошадьми, так что теперь они могли менять лошадей, а моя верная Хику уже совсем выдохлась. Но все же моя лошадка еще ни разу не подвела меня, и мне казалось, что это не обычная лошадь.

На третий день я стал узнавать места, по которым ехал, и неожиданно понял, что это леса, где я провел детство и юность. Те, кого я преследовал, теперь могли направляться лишь в одно место — в Пустыню. Они занимались Темным колдовством, и куда им было еще ехать, как не к источникам Темного Могущества, которого они так жаждут. Но зачем им

Джойсан? Нанести мне душевный удар? Вряд ли Роджер мог додуматься до этого. По его мнению, я уже перестал представлять для него опасность, так как он вывел меня из игры. Грифона он получил, но зачем Джойсан?

Я ехал и размышлял, придумывал все новые и новые гипотезы, но ни одна из них не удовлетворяла меня. Утром пятого дня я был на границе с Пустыней, совсем недалеко от того места, где начиналась дорога, ведущая к голой скале. Я уже не удивлялся, обнаружив, что следы идут именно в этом направлении. И вновь я ехал по древним каменным плитам дороги. Мне казалось, что это было очень давно, но тогда тут был не я, а совсем другой Керован, которого я совсем не знал. У меня появилось страшное желание, чтобы рядом со мной находился Ривал. Он так много знал, хотя и не был Прежним. Но увы, Ривала не было, а те люди, за которыми я ехал, наверняка знали больше, чем он. Вечером я остановился на отдых возле дороги. Вокруг выселись каменные утесы, на которых были вырезаны письмена. Мне показалось, что они напоминают те, что написаны у меня на браслете. Иногда, когда я смотрел на них, меня охватывало странное возбуждение. Создавалось впечатление, что я вот-вот прочту их, но затем все становилось на свои места, и эти письмена оставались такими же загадочными, как и раньше. Как и тогда, мне казалось, что за мной наблюдают, но я знал, что само по себе это не опасно. Вскоре я доехал до загадочного лица, но перед этим я наткнулся на следы тех, кого преследовал. На камне перед лицом стоял сосуд, а возле него — две кадильницы. В сосуде все еще сохранялась маслянистая жидкость, а кадильницы совсем недавно горели. Все это было сделано из черного камня или неизвестного мне металла. Однако, я не стал трогать руками эти загадочные предметы служения какому-то божеству. Вокруг браслета на моей кисти появилось предупреждающее голубое сияние, и я не мог оставить это просто так. Я взял большой камень, и с его помощью разбил сосуд и кадильницы. По ущелью пронесся пронзительный звук. Словно они были живыми. Но оставлять их позади себя было нельзя — ведь в них могло найти свое прибежище Зло. Когда я добрался до звезды, которая привела в такой восторг Ривала, то не заметил никаких следов поклонения. Напротив, я обратил внимание, что сини старались проехать по самой обочине дороги, как можно дальше от звезды. Вероятно, все они опасались ее, однако я не понял, что же внушало им ужас. Впереди находилась лишь каменная стена, ехать дальше было некуда. Путешествие мое подходило к концу, а у меня не созрело ни одного приемлемого плана. Единственное, что мне оставалось, это гордо напра-

виться навстречу неизвестности. Поэтому я спешился и обратился к Хику:

— Дружище, ты хорошо служила мне. Теперь можешь возвращаться к тому, кто дал мне тебя, — я снял сбрую и бросил ее на дорогу, так как был уверен в неизбежности предстоящей смерти. Но я сам выбрал этот путь, сам решил, что должен убить леди и погибнуть. Если Джойсан суждено умереть, пусть это произойдет от моей руки, и она умрет, избавленная от того Зла, которое они могли в нее вложить.

Мои пальцы нашупали браслет на кисти руки. Я знал, что он обладает Могуществом, но не мог им воспользоваться. Однако, положив руки на браслет и глядя на звезду, я пытался выяснить, что может помочь мне победить Темные Силы, которые поджидают меня впереди. И тут я вспомнил слова Пивора: «Ты должен искать и должен найти. Твое наследство будет твоим. Выяснить, кто ты такой, ты должен сам». Интересно, эти слова были сказаны только для того, чтобы приободрить меня? Или же это пророчество? Ривал говорил, что если произнести имя, то оно освободит некие силы, но я не знал никаких особенных имен. Я был всего лишь человеком, со смешанной кровью, но человеком... И тут мне показалось, что я что-то громко произнес помимо своей воли. Эти слова гулко прокатились меж утесов. Я положил руку на звезду и начал молиться, но не вслух. Если здесь заключена какая-то сила, то пусть она перейдет в меня, даже если это и убьет меня. Мне необходимо иметь силу, чтобы освободить свою леди и убить Роджера, который жаждет завладеть страной и погрузить ее в пучину Зла. Пусть... силы... наполнят... меня...

И вдруг во мне что-то шевельнулось, медленно, с усилием, как будто открывалась давно запертая дверь. И из этой двери подул ветерок, принесший запутанный клубок смутных воспоминаний. Я выхватил из памяти странные лица, незнакомые места, загадочные строения... Но я стоял и пытался осознать, зачем я здесь стою. Давние воспоминания клубились темным туманом, и я своей волей, как солнцем, хотел рассеять эту тьму. И я узнал! Тени исчезли, но многое осталось во мне. Правда, я не знал, смогу ли я победить тех, за кем гонюсь, но это должно выясниться в последнем сражении. И время для него пришло!

Я быстро зашагал вперед. Тишину нарушил какой-то звук. Пение! Оно накатывалось на меня, как морские волны на берег. Я свернул за поворот и обнаружил тех, за кем гнался. Но они были заняты своим делом и не заметили меня. На земле была нарисована звезда, замкнутая в круге. Круг был начертан кровью... Затем я увидел бывшего обладателя этой

крови: в стороне валялся мертвый воин. Его поза говорила о том, что он весьма неохотно отдал свое богатство. Из кончиков звезды к небу поднимались столбики маслянистого черного дыма, смешивающегося с дымом от крови. У каждого луча стоял один из них. Четверо смотрели в круг, а пятый уставился в стену невидящими глазами.

Хлимер, Роджер, Лизана, Леди Тефана — и лицом к стене — моя Джойсан. Они стояли перед дверью, в руках Джойсан было что-то непонятное. Четверо пели, а моя леди стояла, как человек, только что прошедший через ужасные кошмары. Я приблизился и увидел, что руки Джойсан подняты к груди, а в них зажат грифон. Я все понял, хотя они не говорили, чего добиваются. В руках Джойсан был ключ, она одна могла открыть эту дверь, и ее привели сюда именно для этого. Что же находилось за этой дверью? Кто знает...

Но то, что я не могу позволить им ее открыть, это я понимал точно! Они все еще не заметили меня, так как были захвачены своим делом, и все, что находилось вне этого кровавого круга, для них не существовало. Вскоре я различил возле дымящегося круга какие-то тени. Время от времени чья-то отвратительная ужасная морда нюхала кровь или кто-то ставил туда свою лапу. Свежая кровь вызвала к жизни эти остатки Зла, которые прошедшие века превратили в жалкие тени. И я не боялся их. Некоторые из них заметили меня и стали ко мне приближаться. Глаза их сверкали дьявольским пламенем. Я бессознательно махнул рукой в их сторону и они попятались назад, не спуская глаз с браслета на моей руке. Я осторожно приблизился к кровавому кругу. Мне стало не по себе от запаха крови, дыма, но держался я твердо. Я стал произносить имена — медленно, громко, отчетливо. И мои слова прорезали их заклинание, которое они пели.

— Тефана, Роджер, Лизана, Хлимер... — я произносил их имена и поворачивался к каждому в отдельности. В моей памяти всплыло смутное воспоминание. Да, конечно! Это уже у меня было в другое время и в другом месте!

Все четверо смотрели на меня, как будто только что восстали ото сна. Их взоры уже не были устремлены в спину Джойсан: они повернулись ко мне. Черный гнев всыхнул на физиономиях Роджера, Лизаны и Хлимера, лишь леди Тефана улыбнулась.

— Привет, Керован. Наконец ты догадался, что твоя кровь течет в правильном направлении, — такого мягкого и нежного голоса я еще никогда от нее не слышал. Она хотела обмануть меня и напомнить о тех узах, что связывали нас,

узах матери и сына. Но неужели она считала меня идиотом, которого так просто обмануть?

Вновь воспоминания мелькнули во мне, и я ей ничего не ответил. Я поднял руку, и из моего браслета вырвался луч голубого света, коснувшись затылка Джойсан.

Я увидел, как она отшатнулась, услышал ее жалобный крик. Она медленно повернулась, качаясь от удара, которого не могла избежать. Теперь она уже стояла спиной к стене, уставившись на меня. Ее глаза уже не были пустыми и безжизненными. В них светились жизнь и ум. Тут я услышал зверинный рев Хлимера. Казалось, он был готов вцепиться мне в горло, но его остановила леди Тефана. Она проделывала руками какие-то странные движения, как будто что-то сплетала между нами, но мне некогда было на это смотреть. Я увидел, как рванулся к Джойсан Роджер, схватил ее и стал прикрываться девушкой, как щитом.

— Игра все еще наша, Керован, и закончится она смертью, — заявил он. Мы смотрели друг на друга, стоя по разные стороны кровавого круга.

— Да, смертью, но не моей, а твоей, Роджер!

Я изобразил в воздухе звезду, но без круга. Она вспыхнула зеленовато-голубым светом и медленно поплыла к Роджеру, пока не остановилась возле него. Я заметил, что лицо его сразу осунулось, но он еще не потерял веры в себя. Отпустив Джойсан, он вышел вперед и воскликнул:

— Пусть будет так!

— Нет! — крикнула леди Тефана, подняв глаза от того невидимого, что она сплетала. — В этом нет необходимости, он...

— Необходимость есть, — возразил Роджер. — Он оказался гораздо могущественнее, чем мы предполагали. С ним надо покончить, иначе он покончит с нами. Не нужно больше мелких заклинаний, леди. С ним нужно кончать по-настоящему. Отдай мне свое Могущество!

Я впервые увидел неуверенность в лице леди Тефаны. Она взглянула на меня, но быстро отвела взор, как будто не могла заставить себя смотреть на меня.

— Скажи, — настаивал Роджер. — Сейчас ты со мной? Этих двоих, — он кивнул на Хлимера и Лизану, — можно не учитывать. Они бесполезны. Решай, иначе будет поздно.

— Я... — начала она, заколебалась, но потом решилась: — Я с тобой, Роджер!

«Пусть будет так!» — подумал я.

Я понимал: из этой битвы кому-то живым не выйти.

ДЖОЙСАН

Мне снились кошмары, и я никак не могла проснуться и избавиться от них, потому что воля и силы оставили меня. Я подчинялась приказам, которые отдавал Роджер. Я вышла из крепости, бросилась в озеро и, переплыв его, выбралась на берег. Затем я долго шла неизвестно куда по густым лесам и пустым полям, пока не встретилась с Роджером, который посадил меня перед собой на лошадь и поехал. С этого момента я многое уже не помню. Мне в руки вкладывали еду, и я ела, хотя не ощущала никакого вкуса пищи. Я пила воду, не испытывая жажды. Вскоре мы соединились еще с кем-то, но для меня они были лишь смутными тенями. Затем мы ехали, ехали очень долго, но я все равно была как во сне. И наконец наше путешествие подошло к концу. Это было... нет! Я не желаю вспоминать эту часть сна! Потом в моих руках снова очутился подарок жениха и... что-то заставило меня встать к стене и ждать приказа... и подчиняться ему... но что же я делала и почему? Передо мной возвышалась каменная стена, а позади себя я слышала пение и звуки, которые хлестали меня подобно кнуту. Я хотела бежать, но, как в страшном сне, не могла шевельнуть ни рукой, ни ногой. Я могла лишь стоять, смотреть в каменную стену и ждать... А затем... Боль пронзила мою голову, в моем мозгу вспыхнул огонь, стремясь оттуда выжечь все мысли. И в этом очистительном пламени сгорало все, что держало меня в пленах чужой воли. Я повернулась, чтобы взглянуть на того, чьей пленницей я была. Лорд Янтарь! Не тот, которого я оставила в крепости в последний раз, не слепой с завязанными глазами, а воин, готовый к бою, хотя меч его был в ножнах, а в руках не было никакого оружия. Но он готовился к какой-то другой битве, я видела это. Здесь же находились еще четверо. На земле была нарисована звезда. Я стояла на луче, направленном к стене. Остальные располагались справа и слева от меня на других лучах. Одним из них был Роджер. Второго я совсем не знала, двух женщин — тоже. Роджер пока ничего не предпринимал, второй мужчина сделал движение к лорду Янтарю, но старшая женщина остановила его взмахом руки. Тут Роджер прыгнул ко мне и схватил меня, укрывшись за моей спиной, как за щитом.

— Игра еще наша, Керован, — угрожающе произнес Роджер, — и закончится она смертью!

«Керован? — подумала я. — Что он имеет в виду? Ведь мой жених мертв!».

Лорд Янтарь — это был именно лорд Янтарь, ответил ему:

— Да, смертью, но не моей, а твоей, Роджер! — Он сделал в воздухе движение рукой. Внезапно появилась зеленовато-голубая звезда, которая подпрыгнула к Роджеру и замерла возле него.

Отпустив меня, Роджер сделал шаг вперед и воскликнул:

— Пусть будет так!

— Нет! — крикнула женщина справа от меня. — В этом нет необходимости, он...

Роджер резко прервал ее:

— Необходимость есть. Он оказался гораздо могущественнее, чем мы предполагали. С ним надо кончать, иначе он покончит с нами. Не нужно больше мелких заклинаний, леди. С ним нужно кончать по-настоящему. Отдай мне свое Могущество!

Женщина бросила быстрый взгляд на лорда Янтаря и сразу же отвернулась. Губы ее сжались. Она сразу же как будто постарела от нахлынувших мыслей.

— Скажи, — настаивал Роджер, — сейчас ты со мной? Этих двоих, — он указал на мужчину и девушку, — можно не учитывать. Они бесполезны. Решай, иначе будет поздно!

Я заметила, что она нервно прикусила губу. Было ясно, что она колеблется. Но наконец она дала ему то, что он от нее добивался — согласие.

— Я... я с тобой, Роджер! — «Керован», — сказал Роджер тому, кого я считала, и могла поклясться в этом, одним из Прежних. И сразу все слухи о нем всплыли в моей памяти. Говорили, что он проклят, что у него нечистая кровь, что даже мать отказалась от него... Его собственная мать! Может... может, это и есть его мать?

Я взглянула на лорда Янтаря и узнала правду, несколько правд. Но сейчас не было времени спрашивать и требовать объяснений. Он стоял перед смертельными врагами. И их было четверо против одного! Он один! Я быстро осмотрелась, у меня не было никакого оружия, даже ножа. Но камень, даже голые руки, если потребуется... но это была не та битва. Это была битва Могущества; Могущества, подобного тому, которое вызвала дама Мат в свой последний час. А у меня не было такого дара. Я в отчаянии сжала кулаки. Грифсон... у меня есть грифон! Я вспомнила, как использовал его Роджер. Может, и лорд Янтарь способен на это? Если я брошу ему грифона...

Но между нами стоял Роджер. Ему достаточно лишь обернуться, отнять у меня этот талисман и... Я крепко сжала подарок жениха в руке и поклялась про себя, что, пока я жива, Роджер не возьмет его у меня, чтобы использовать в

качестве оружия против моего лорда. Мой лорд... Керован? Я не знала, где правда. Неужели лорд Янтарь солгал мне? Но сердце мое подсказывало мне, что солгал он из любви, из добрых побуждений. И хочет он того, или нет, но теперь я знала, что мы связаны с ним более крепкими узами, чем связывает помолвка или даже женитьба — церемония Часи и Пламени. Это было для меня так же ясно и очевидно, как неизбежность смерти. Значит, я обязана встать рядом рядом с ним в этой страшной битве. Но как я могу... Я почти вскрикнула от боли. Руки... я посмотрела на них. Из-под сжатых пальцев пробивалось яркое сияние. Режущее глаза сияние.. Грифон ожил, он становился все горячее и горячее. Могу ли я использовать его, как Роджер? Могу ли я извергать пламя? Но удерживать грифона в руках было невозможно — боль была нестерпимой. А если его держать за цепочку? Я отмотала цепь, и шар повис в воздухе, светясь, как тысячи ламп Икринта.

— Посмотрите на нее! — Девушка слева прыгнула на меня. Ее рука была готова схватить шар с грифоном.

Но я размахнулась и хлестнула ее цепью. Она скорчилась, прижав руки к лицу, и с воем повалилась на землю. Я научилась, как им пользоваться! Я приготовилась к дальнейшим действиям, но тут женщина справа кинула к моим ногам маленький черный шарик, из которого выползла блестящая черная змея, тут же обвившая мои ноги и державшая меня так крепко, будто она была из стали. Занятая грифоном, я не видела, как обстоят дела у моего лорда. Теперь, будучи беспомощной пленницей, неспособной воспользоваться своим оружием, я посмотрела, что происходит передо мной. Роджер вытянул обе руки, и с одной стороны его подхватил мужчина, а с другой — женщина. Теперь эта тройка противостояла моему лорду. Женщина вынула из ножен, там, где должен находиться меч, черный жезл, по всей длине которого, как живые, извивались красные прожилки. Она направила его на Керованá — от головы к ногам и обратно. Я заметила, что Керован дрожит и шатается, как будто на него обрушился град тяжелых ударов. Он вытянул руку перед собой, двигая ее так, чтобы браслет постоянно встречал кончик жезла. Но было видно, что ему очень трудно. Я изо всех сил старалась вырваться из объятий змеи и достать шаром до врагов, обладателей Темного Могущества.

— Пусть он исчезнет, я хочу этого, — пела женщина. — Я сотворила его, я хочу, чтобы он исчез!

Мой лорд — я клянусь, что это он, сопротивлялся, но как ему было трудно! Я видела, как сотрясается его тело, как тает оно в воздухе и становится почти прозрачным. Неожи-

данно налетел воздушный вихрь, закружила его бестелесную субстанцию, готовясь унести его прочь. Я боялась выпустить грифона из рук, но это необходимо было прекратить — пение, ветер, жезл, который своими движениями стирал моего лорда, обращая его в ничто, как будто его никогда не было! Он уже превратился в тень, но жезл женщины стал двигаться медленнее. Может, она устала?

Я взглянула на Роджера. Глаза его были закрыты, и лицо выражало такую глубокую степень отрешенности и концентрации, что я поняла — его воля подпирает женщину. Может, выпустить грифона сейчас? Надеясь на то, что поступаю правильно, я швырнула шар в Роджера. Он ударился в его плечо, упал на землю и покатился, остановившись внутри круга. Но рука Роджера, которой он держал женщину, бессильно упала, повиснув вдоль тела. Он упал на колени и увлек за собою второго мужчину, который свалился на землю и больше не шевелился. А по телу Роджера, распространяясь от места удара шара, поползли голубые линии, как язычки холодного пламени, и он корчился, стараясь выдернуть другую руку из руки второго мужчины. Но он не мог освободиться от окостеневших пальцев, крепко сжавших его руку. Линии огня ползли уже по его руке и перекинулись на тело второго мужчины. Теперь Роджер не старался вырваться, он ждал, когда пламя перекинется на лежащего, который стал корчиться и стонать. А женщина стояла одна. И жезл ее потихоньку опускался вниз. Мой лорд уже не был тенью, а ветер утих. Он бесстрашно и пристально смотрел на женщину, и я не могла прочесть выражение его глаз. Теперь он даже не заботился о том, чтобы прикрыться браслетом. Лорд просто держал его на уровне сердца и говорил. Его слова прорывались через ее монотонное пение.

— Наконец ты узнала, кто я такой, Тефана... Я... — произнес он какой-то звук, вероятно, имя, но я никогда не слышала такого имени.

Гнев исказил ее физиономию жуткой гримасой.

— Нет!

— Да, да и да! Я проснулся... после долгого сна!

Она замахнулась жезлом, как копьем, намереваясь швырнуть его в лорда. И бросила, целясь ему в сердце.

Но хотя он стоял совсем близко, жезл пролетел мимо и, ударившись о камни, со звоном разлетелся на мелкие куски. Женщина закрыла руками уши, будучи не в силах вынести этот пронзительный звук. Она покачнулась, но не упала. Наконец, Роджер поднялся на ноги и подошел к ней. Одна рука его все еще беспомощно висела вдоль тела, а второй он

поддерживал женщину, давая ей возможность опереться на его плечо. Лицо его было совершенно белым, но по выражению его глаз я поняла, что воля его не сломлена, что ненависть его еще жива и даже усилилась. Лишь губы шевелились на его лице, застывшем подобно маске.

— Идиотка! Борись! Сражайся! Неужели ты хочешь, чтобы этот ублюдок, которого ты породила, взял над нами верх?

Лорд Янтарь расхохотался. Это был беззаботный смех, свидетельствующий, что он ничего и никого не боится.

— Ах, Роджер, ты стремишься к тому, о чем ты ничего не знаешь, а если бы знал, то не осмелился бы даже подумать об этом. Ты все еще ничего не понял? Ты жаждешь получить то, чего недостоин, твой умишко не способен постичь того, что ты хочешь получить в свое распоряжение.

Каждое слово, подобно хлысту, было по лицу Роджера, искаженному нечеловеческой злобой. На его губах появилась пена, и он заговорил. Но в моей голове зазвенело, и я не слышала, что именно он сказал. Я опустилась на землю, как будто чья-то могущественная рука прижала меня к ней. Над головой Роджера вырос вырос столб черного пламени, не красного, обыкновенного, а черного! Его верхний язык начал клониться к лорду Янтарю. Но тот стоял на месте и даже не шелохнулся, не обращая на него никакого внимания. Я пыталаась крикнуть, предупредить его, но совсем ничего не слышала, даже собственных слов. Пламя все склонялось и склонялось. Оно уже окутало голову лорда Янтаря кольцом, но он не сводил глаз с Роджера. Над Роджером и женщиной, которую он поддерживал, сгущалось пламя. Складывалось впечатление, что оно исходит из них, что они сами горят в этом пламени, которое становилось все чернее и чернее. Вскоре оба они скрылись в самой его гуще. Кончик пламени все еще трепетал, стараясь коснуться лорда Янтаря, но тщетно. Пламя стало медленно угасать, становясь все меньше и меньше. Наконец, последняя вспышка — и оно погасло. Роджера и леди Тефани не было... Исчезло пламя, исчезли и они оба! Я потеряла руками глаза. Такой конец вселил в меня ужас, какого я еще никогда не испытывала, а затем... затем тишина. Я ждала, когда заговорит мой лорд. Но он молчал, и я открыла глаза. Тут же я вскрикнула, забыв обо всем. Он уже не стоял, смело смотря в глаза врагов. Он неподвижно лежал вне нарисованного кровью круга. Мои ноги освободились: змей исчезла. Я бросилась к нему, подняв по пути шар с грифоном. Теперь он снова превратился в игрушку — тепло и жизнь ушли из шара.

Как раньше я прижимала к себе голову умирающего Торосса, так теперь я прижимала голову лорда. Глаза его были

закрыты. Сперва я решила, что он мертв, но под моими вопрошающими пальцами ощущались медленные удары сердца. Он победил и остался жить. О, если бы мне удалось спасти его!

— Он будет жить.

Я изумленно повернулась, готовая защищать своего лорда. Откуда он возник? Он стоял спиной к стене, опираясь на посох, исписанный письменами. Лицо его постоянно менялось, то это было лицо молодого воина, то старого человека. Одежда его была серой, как камень за спиной, и чем-то напоминала одеяние торговца.

— Кто ты такой? — спросила я.

Он кинул головой, ласково глядя на меня, как на глупого ребенка.

— Что такое имя? Впрочем, зови меня Пивором. Это имя хорошо служило мне, когда ко мне обращались за помощью люди.

Он отошел от стены и вошел в круг, делая взмахи посохом. Дьявольский круг исчез, звезда — тоже. Затем он повернулся к лежащим мужчине и девушке. Еще один взмах посоха — и оба они тоже пропали, как будто их и не было. Исчезло все, как будто это было частью ужасного сна, от которого я теперь избавилась, проснувшись. Наконец он подошел к нам, мягко улыбаясь. Подняв посох, он коснулся моего лба и груди моего лорда. Меня сразу покинул страх, осталось только непередаваемое счастье и мужество. Сейчас я могла одна выйти против целой армии врагов. И все же это было не просто мужество для боя. Нет, нет! Это было мужество для того, чтобы жить, а не умирать. Пивор взглянул на меня и кивнул.

— Верно, — довольно произнес он. — Посмотри на свой ключ, Джойсан. Он повернется только для тебя.

— Ключ? — удивилась я.

— Дитя мое, а что ты носишь на своей груди? Боги распорядились, чтобы он был подарен тебе, и подарил его тот, кто нашел тебя, и тоже не по воле случая. Когда-то давно узор ткани был начат и он должен быть закончен, когда придет время.

Кончик его посоха что-то чертил на земле. Я смотрела, и мне казалось, что я вот-вот пойму его слова. Стоит мне приложить чуть больше усилий, и я буду знать больше. Тут я услышала его смех.

— Ты все узнаешь, Джойсан, все узнаешь в свое время.

Мой лорд открыл глаза, и в них появилась жизнь. Он узнал меня, и в его глазах светилось изумление. Потом он шевельнулся, как бы желая вырваться из моих объятий, но я крепко держала его.

— Я... — медленно проговорил он.

Пивор стоял возле нас с теплой улыбкой.

— Сейчас и здесь — ты Керован. Может, немножко меньше, чем раньше, но Керован, пока ты не пожелаешь вернуться. Могу ли я называть тебя «родственник»?

— Но я... я был...

Посох Пивора коснулся его лба.

— Ты был частью, а не целым. Но ты не сможешь долго хранить в себе то, что ты вспомнил о том, кем ты был и кем можешь стать. Ищи, Керован, ищи, ибо кто ищет, тот и находит, — он повернулся и показал посохом на утес. — Здесь находятся ворота. Открой их, если захочешь. Там имеется много такого, что может тебя заинтересовать.

И после этих слов он исчез.

— Мой лорд!

Он разорвал мои объятия, но не для того чтобы оттолкнуть меня, как я опасалась. Нет, он сам обнял меня.

— Джойсан! — он произнес только имя, но и этого было достаточно. И мы слились с ним воедино. Сама не зная того, я искала этого всю жизнь, а теперь, когда нашла, как будто все богатства мира были передо мной.

КЕРОВАН

Я держал в объятиях Джойсан. И я был Керован, конечно, Керован. Но все же... В моей памяти все еще оставался образ того, другого, который одел на себя мое тело... И замкнувшись в себе на миг, я вновь раскрылся. Пришло полное ощущение того, что Керован вернулся. Я мягко выпустил Джойсан. Встав, я поднял ее на ноги. Мне показалось, что выражение счастья на ее лице тает, что она смотрит на меня встревоженными глазами.

— Ты... ты уходишь! — она схватила мои руки, не позволяя мне отойти от нее. — Я чувствую это — ты хочешь уйти! — в ее голосе прозвучал гнев.

Я вспомнил нашу первую встречу и то, как она посмотрела на меня тогда — я был не человеком, а частью чего-то, чего я тогда не знал.

— Я не Прежний, — произнес я ровным тоном. — Я действительно Керован, который был рожден таким, как ты видишь. — Я отошел подальше от нее, чтобы она могла видеть мои копыта, чтобы показать ей то, что могло причинить ей боль и отвратить от меня. — Я был рожден колдовством, чтобы стать орудием Темных Сил. Ты видела, как она пытается уничтожить то, что создала, и видела, как она погиб-

ла.— Джойсан взглянула туда, где черное пламя сожрало тех двоих.

— Я был дважды проклят с самого рождения — по линии отца и по линии матери. Ты меня понимаешь? Я не могу быть мужем ни одной из женщин. Как я ранее сказал, Керован мертв. Это такая же правда, как и то, что Ульмдейл уничтожен и весь мой род Ульма...

— Ты — мой жених. Скажи сам, каково твое желание.

Как я мог самолично уничтожить те узы, которые связывали нас? Половина меня, но не больше половины, хотела быть, как все остальные люди. Но то, что я был сосудом, в котором наличествовало что-то еще, пусть даже сейчас это исчезло... но я не могу быть уверенным, что это не вернется... и не мог... Я был проклят, нет, я не муж для нее... Я отступил от нее еще дальше. Если бы ее рука вновь коснулась меня, я не смог бы противиться своему желанию, нет, желанию того, что было во мне от человека. Но не мог же я уйти и оставить ее одну в Пустыне. А если я пойду с ней к ее людям, смогу ли я сохранить свою решимость?

— Разве ты не слышал Пивора? — Джойсан стояла, прижав руки к груди, где висел грифон. — Ты не слышал его? — В ее голосе вновь был гнев, как будто она возмущалась моей глупостью. — Он назвал тебя родственником, значит, ты больше, чем хочешь думать о себе. Ты — есть ты, и ты не являешься ничьим оружием, Керован. Ты мой жених. Если скажешь мне «нет», то увидишь, что у меня нет гордости, потому что я пойду за тобой куда угодно. И я объявляю тебя своим мужем перед всеми. Ты веришь мне?

Я верил, и теперь уже совсем знал, что делать. Мне оставалось лишь изобразить согласие.

— Да, — просто ответил я.

— Хорошо. А если ты когда-нибудь снова захочешь уйти от меня, то тебе это будет нелегко сделать, — это было не предупреждение и не угроза, а просто констатация факта. Теперь, когда все решилось, как она того желала, она снова устремила свой взор на стену.

— Пивор говорил о двери и о ключе, который находится у меня. Когда-нибудь мы опять придем сюда.

— Когда-нибудь? — теперь, когда я обрел контроль над собой, у меня в памяти всплыли слова Пивора.

— Да. Мы... мы не готовы... я думаю... чувствую... — Джойсан задумалась. — Есть еще кое-что, что мы должны сделать вместе, Керован. Сделать вместе, ты помнишь?

— Тогда куда же мы направимся? К твоим людям? — у меня теперь не было корней в долинах, и я все позволил

решать Джойсан. Только она одна могла все решить. У меня оставалась лишь она одна.

— Это самое лучшее, — твердо ответила она. — Я обещала им вывести их туда, где они будут находиться в безопасности. После этого мы будем с тобой свободны.

— Что ж, я не возражаю.

Джойсан широко раскинула руки, как будто только сейчас почувствовала вкус к свободе. Но будет ли это для нее освобождением, если она сохранит все прежние родственные связи? Сейчас я должен был идти с ней, потому что у меня не оставалось выбора. Но я никогда не смогу позволить ей быть изгнаницей только потому, что она видит во мне Керована, с которым она связана клятвой.

ДЖОЙСАН

Мой бедный лорд, как, должно быть, ему горько жилось в прошлом! Мне хотелось бы стереть из его памяти воспоминания о тех годах одно за другим. Его называли монстром, пока он сам не поверил в это, но если бы он мог взглянуть на себя моими глазами... Мы пойдем по жизни вместе, и я буду для него зеркалом, в котором он будет видеть себя таким, какой он есть, полностью очищенным от той грязи, которую хотели влить в него Темные люди. Да, мы вернемся к моему народу, хотя теперь он уже не мой, так как я чувствую, что должна идти по другой дороге и могу лишь ненадолго оглянуться назад. Мы убедимся, что мой народ дойдет до Норсдейла, а потом... Так я думала, и мысли мои были мудрыми. Ведь мудрость иногда приходит не с годами и опытом, она может явиться и внезапно, как удар стрелы. Я ласкала грифона в своих руках — этот свадебный подарок, который сначала стал моим проклятием, а затем — спасением. Свободную руку я вложила в руку Керована, и мы пошли рядом, уходя от той двери, о которой упоминал Чивор. Но в душе мы знали, что вернемся и откроем ее... И какая разница, что находится за дверью, если мы войдем туда вместе?

ЧАРЫ КОЛДОВСКОГО МИРА

Шторм был очень сильным. Волны бились о скалы, перекатывались через риф, защищающий якорную стоянку рыбачьих лодок. Но люди Варка знали о шторме заранее, потому что никто так не чувствует погоду, как те, кто живет ветром, водой и морской удачей. Поэтому там не оставалось ни людей, ни лодок, за исключением крошечного ялика Оманд, который выкинуло на берег, и Оманд внимательно осматривал его.

В это утро на залитом водой песке был не только Оманд. Если шторм мог отнять у людей то немногое, что они имели, то он мог и что-нибудь дать, поэтому люди Варка, у которых были крепкие ноги и острые глаза, собрались на берегу и смотрели, что от щедрот моря поджатится прямо к их дверям.

Иногда поднимали янтарь, и это было драгоценной находкой. Дерек однажды увидел две золотые монеты, и по знакам на них Эфрика — Мудрая Женщина, определила, что это монеты Древних. Дерек немедленно отнес их к кузнецу и переплавил в слиток, удалив таким образом из хорошего металла всякую магию.

Море всегда приносило лес и водоросли, из которых женщины добывали краску для зимней одежды, раковины, которыми дорожили дети, иной раз — обломки судов, какие никогда не бросали якорь в окруженней рифами бухточке Варка и которые большинство людей Варка никогда не видело — если эти люди не бывали в порту Джурби.

На этот раз появились чужаки. Сначала люди на берегу думали, что эта дрейфующая в глубокой воде лодка потерпела крушение, но потом заметили в ней движение. Весел на ней не было. Люди Варка стали кричать и махать руками, но ответа не было.

В конце концов Калеб-кузнец разделся, обвязался веревкой и поплыл. Затем он сильно замахал руками, давая знать, что на борту лодки люди, и привязал веревку к лодке, чтобы ее могли тянуть с берега.

В лодке были двое. Женщина прислонилась к борту, спутанные волосы падали на изможденное лицо, руки едва двигались. Мужчина лежал неподвижно. На его виске зияла большая рана, поэтому его сначала сочли мертвым. Но Эф-

рика, которую позвали в качестве целительницы, откинув мокрую тунику, услышала биение сердца и объявила, что море или злая судьба еще не взяли его. И его отправили в дом Эфрики вместе с женщиной, которая, словно в забытьи, не слышала их вопросов, а только вяло откидывала волосы с лица и смотрела широко открытыми глазами.

Вот так чужаки попали в Варк, и с этого времени жили там, хотя и оставались чужаками. Рана, которую получил мужчина, сильно повредила ему. Сначала он был точно малый ребенок, и женщина кормила его и ухаживала за ним, как за собственным младенцем. Их одежда, запачканная и пропитанная морем, была не знакома людям Варка, и женщина не походила ни на кого из местных. Сначала Эфрика сказала, что не понимает их языка, но быстро выучила его. Затем Эфрика стала все меньше и меньше говорить о тех, кого приютила у себя. И когда Годита, жена вождя, задавала вопросы, она отвечала уклончиво, будто скрывала какую-то тайну, которая и возбуждала, и пугала ее.

Женщины Варка много и часто говорили со своими мужьями, и наконец Оманд пришел в дом Эфрики в качестве вождя, чтобы узнать имена и намерения иноземцев и сообщить об этом лорду Гейлерду, на чьей территории и находился Варк. Был Год Саламандры, еще до войны с захватчиками: Высокий Халлак жил мирно, и законы соблюдались внутри его границ, особенно вдоль побережья, где поселения существовали с давних времен.

Иноземец сидел на солнышке. Лоб его пересекал широкий рубец. Человек был красив и черноволос, с большими глазами и тонкими чертами лица, но совершенно не походил на жителей Долин. Он был высок и строен, и Оманд отметил, что его вяло опущенные на колени руки были чистыми, не имели мозолей от весел и не походили на руки того, кто ими работал всю жизнь. Он улыбнулся Оманду открытой детской улыбкой, и было в нем что-то такое, что заставило Оманду улыбнуться тоже, как он улыбнулся бы своему сыну. И тут же Оманд подумал, что несмотря на пересуды деревенских кумушек и мужские разговоры за выпивкой, от этого бедняги-иноземца нет никакого вреда, и он, вождь, пришел сюда напрасно.

В этот момент открылась дверь, и Оманд увидел лицо женщины, что пришла с моря с этим улыбающимся мужчиной. Глубоко в мозгу Оманды что-то зашевелилось. Хотя он и был человеком простым, забот у него хватало и было о чем думать. Она была почти того же роста, стройная и черноволосая, как и ее муж. У нее было узкое, худое лицо, не имевшее никаких

следов красоты, как ее понимал Оманд, но что-то в этом лице было.

Когда его утверждали вождем Варка, он был в Главном Холле в Вестдейле, видел там лорда Долины и его леди, облеченные всеми властью и авторитетом. И теперь, когда он смотрел на чужестранку в плохо сидящем на ней платье, переделанном из платья Эфрики, без колец и ожерелий, без золотых бубенчиков в косах, он чувствовал больше благоговейного трепета, чем перед пышностью Вестдейла. Он тут же решил, что все дело в ее глазах — он не мог сказать, какого они цвета, и видел только, что они темные и слишком большие для ее худого лица — и в них...

Не раздумывая, Оманд снял морскую вязаную шапку и поднял руку ладонью наружу, как он приветствовал бы леди Вестдейла.

— Мир тебе, — сказала она негромко, хотя в ее голосе слышалась сдерживающая сила, и посторонилась, впуская Оманду.

Эфрика сидела на низкой скамейке у огня. Она не встала и не приветствовала гостя, оставив все на чужестранку, как будто сама была не хозяйкой, а просто гостьей в доме.

На столе стоял гостевой рог с хорошим вином, рядом — блюдо с лепешками для гостей. И чужая женщина протянула по обычанию руку: легкие холодные пальцы коснулись его обожженного солнцем запястья. Она подвела его к столу и села напротив него.

— Милорд и я очень благодарны тебе и твоему народу, вождь Оманд, — сказала она, пока он потягивал вино, внезапно обрадованный такой знакомой вещью там, где все казалось чужим. — Вы дали нам обоим вторую жизнь, что поистине великий дар, и мы перед вами в долгушку за это. Теперь ты можешь требовать платы, как полагается.

У него не было возможности задавать вопросы, которые он в уме заготовил. Она командовала здесь, как какой-нибудь лорд Долины. И нельзя сказать, чтобы он был этим недоволен: он принял это как должное.

— Мы из-за моря, — продолжала она. — Но там сейчас плохо — лают собаки войны. Настало время, когда нам пришлось выбирать между смертью и бегством. Поскольку никто не выбирает смерть, если есть надежда бежать, мы сели на корабль, чтобы уехать в другую страну. Вдоль наших берегов живут в собственных портах салкарьи, и от них мы узнали о вашей стране... на их корабле мы и поплыли. Но, — тут она в первый раз замялась, глядя на свои длинные пальцы, лежащие на столе, — начался штурм, и корабль наш сильно пострадал... Когда милорд садился в лодку, его уда-

рило упавшей мачтой. Но, по великой милости, — пальцы ее раздвинулись, делая какой-то знак, и Оманд увидел, что Эфрика зашевелилась и глубоко вздохнула, — он упал на меня. Но никто другой до вас не мог нам помочь, и нас несло, пока вы не нашли нас. Я откровенно скажу тебе, вождь, что все наше имущество пропало с кораблем. У нас нет ничего, и нет никаких родственников. Милорд поправится, он набирается сил день за днем. Вероятно, он никогда не вернет себе того, что отнял у него шторм, но он будет способен выполнить человеческую работу. А что касается меня — спроси вашу Мудрую Женщину. У меня есть определенные дарования под стать тем, что у нее, и они к твоим услугам.

— Но... вам, может быть, лучше пойти в Вестдейл?

Она покачала головой:

— Море принесло нас сюда, и в этом, несомненно, есть какая-то цель. — Она снова сделала знак над столом, и благовение Оманда возросло, потому что он знал теперь, что она вроде Эфрики, только гораздо сильнее, и понятно, почему Эфрика прислуживает ей. — Мы останемся здесь.

Оманд не стал ничего сообщать лорду Вестдейла, поскольку ежегодный налог Джурби был уплачен, людям лорда незачем было посещать Варк.

Сначала женщины склонны были держаться в стороне от чужаков. Но вот чужеземка помогла Хлене в таких родах, когда все считали, что ребенок не выйдет живым из ее чрева, а ребенок остался жить, и Хлена тоже: чужеземка рисовала руны на ее животе и поила ее настоем трав. Об отчуждении сразу забыли. Правда, никто из кумушек не обращался к ней так дружески, как к Эфрике, поскольку чужеземка была не их рода и крови. Ее звали всегда «леди Эльмондия», и с таким же уважением относились и к ее мужу Труану.

Он действительно поправился и, когда стал совсем здоров, стал выходить в море с рыбаками. Он показал им новый способ плетения сетей, что увеличило их улов. Он также ходил в кузницу и работал с кусками металла, найденного им в холмах, пока не выковал себе меч. Он упражнялся с ним, словно в будущем это ему могло понадобиться.

Леди с Труаном часто ходили в холмы, в том направлении, где народ Варка никогда не бывал. У людей Варка были там полудикие овцы, которых держали для стрижки, там были олени и другая дичь — хорошее дополнение к рыбе; но там было также и кое-что от Древних.

Когда люди Долины пришли с юга в эту страну, она не была пустошью. Но Древних осталось очень мало, поскольку многие ушли неизвестно куда. Оставшиеся вели небольшую

торговлю, жили в высоких пустынных местах, и их почти никто не видел.

Очень странно, что Древние не все были одной породы, как люди в Высоком Халлаке: некоторые из них были чудовищами. Но в остальном они не были страшными, хотя продолжали отдаляться. После них осталось много мест, где они когда-то строили цитадели, Места Власти. И этих мест люди избегали, потому что там у них появлялось ощущение, что нельзя тревожить древнюю тишину этих мест и что если кто-нибудь станет слишком громко кричать или повелительно звать, он может получить ответ от того, с кем лучше не встречаться.

Были места, где все еще держалась власть и влияние Древних. Только очень храбрый и безрассудный человек мог рискнуть иметь с этим дело. Ходили слухи, что иной раз человеку везло, и исполнялось его заветное желание, но в конце концов получалось так, что ему от этого становилось только хуже.

Одно из таких мест находилось в холмах над Варком: охотники и пастухи держались от него подальше. Случалось, что животные, которых пасли или за которыми приглядывали, блуждали в тех местах. Но Зла там не замечалось: просто, если кто-нибудь из людей случайно попадал туда, ему почему-то становилось стыдно, словно он нарушил покой тех, кого не следовало тревожить.

Невысокие стены, не выше человеческого плеча, огораживали пространство в форме пятиконечной звезды. В центре ее находился пятиугольный камень, служивший алтарем.

В остриях звезды лежал песок разных цветов: красный, голубой, серебряный, зеленый и, наконец, золотой. Ветер, видимо, никогда не дул внутри этой ограды, а песок всегда лежал гладко, будто только что насыпанный. С наружной стороны стен угадывались остатки сада, заросшего травой. Эфирика приходила сюда раза три-четыре собирать травы. Когда появились чужеземцы, она привела их туда, а потом они ходили одни. Но никто не видел, что они там делали.

С такой прогулки Труан принес металлический слиток и сделал из него меч. Позднее он снова принес металл и сделал кольчугу. Сделана она была так искусно, что Калеб и рыбаки, следившие за работой Труана, диву давались, как ловко он вытягивал металл в нитку и делал из нее соединяющиеся кольца. За работой он всегда пел, но слов его песни никто не понимал, а сам он выглядел в это время погруженным в сон.

Леди Эльмондия часто приходила в кузницу, когда он работал. Ее руки крепко сжимались, будто она тоже хотела что-то делать. Глаза ее становились печальными, и она ух-

дила, опустив голову, точно видела что-то роковое, носившее в себе зародыш оставшегося зла. Но она никогда ничего не говорила и не пыталась остановить его работу.

Однажды, в начале осени, она встала до появления луны и тронула за плечо Эфрику, лежавшую на своей постели. Труан спал, а они вышли из дома и пошли по тропе вверх. Когда они поднялись на холм, вышла луна и осветила им путь.

Леди Эльмондия шла впереди, а Эфрика — за ней. Каждая несла в одной руке узелок, а в другой — ясеневую палочку, очищенную от коры и серебрившуюся в лунном свете.

Они прошли через старый сад. Леди перебралась через стену. Ее ноги оставляли на гладком серебрянном песке следы. Эфрика, идущая за ней, ступала точно в эти следы. Так они дошли до пятиугольного алтаря.

Развязав свой узелок, Эфрика достала красиво сделанные восковые свечи, пахнущие сухими травами, и поставила по одной в каждом углу звезды-алтаря, а леди в это время развернула свой узелок и достала чашу, грубо сделанную из дерева явно неопытными руками. Так оно и было: леди сама втайне резала ее. Она поставила чашу в центр звезды и насыпала в нее песку, взятого понемногу из каждого угла. Серебряного песка она взяла двойную порцию. Чаша наполнилась до половины.

Затем она кивнула Эфрике — они все делали молча, не нарушая тишины. Мудрая Женщина набросала вокруг чаши полные горсти белого порошка, а затем леди Эльмондия заговорила.

Она взывала к Имени и Власти. И ей ответили. Из темноты ударили белый огонь и воспламенил белый порошок.

Пламя было таким ослепительным, что Эфрика вскрикнула и закрыла глаза. Но леди Эльмондия твердо стояла и пела. И пока она пела, пламя продолжало гореть, хотя порошка уже не было... Она снова и снова повторяла некоторые слова. Наконец, она подняла руки, и когда она их опустила, пламя погасло. Но вместо чаши на алтаре стоял кубок, сияющий, точно серебро. Леди взяла его, быстро завернула и прижала к себе, как сокровище, по ценности равное ее жизни.

Свечи сгорели, но нигде не оставили капель воска: камень был чистым. Женщины повернулись и пошли. Когда они перелезали через стену, Эфрика оглянулась и увидела, как по песку пробежала рябь, и отпечатки их следов исчезли.

— Сделано, и хорошо сделано, — сказала леди устало. — Теперь остался только конец.

— Желанный конец, — робко сказала Эфрика.

— Будут двое.

— Но...

— Двойное желание имеет свою цену. У милорда будет сын, который, как написано на звездах, будет ему компанией. Однако на страже будет другая.

— А цена, леди? Ты знаешь цену, милая подруга, лунная моя сестра?

— Нет, — покачала головой леди.

— Знаешь! Мы вместе бросали пророческие руны. Наступит время, когда один должен будет уйти, а другой остаться. Это время придет рано или поздно; для благой цели это неважно. У милорда будут те, кто станет смотреть за ним. Не гляди на меня так, лунная сестра. Мы с тобой знаем, что в такой разлуке двери остаются открытыми, хотя тусклые глаза этого мира плохо видят. Нашей долей должна быть радость, а не печаль.

У леди Эльмондии было, как всегда, печальное и спокойное выражение лица, но сейчас казалось, что ее окутывало какое-то сияние, какая-то особая прелест, когда она внесла кубок в дом.

Она налила в него особого, самого лучшего вина Эфрики, подошла с полным кубком к ложу своего мужа и положила руку на его лоб. Он проснулся. Она улыбнулась ему и сказала что-то на их языке. Он тоже улыбнулся и выпил половину того, что было в кубке. Она выпила остальное. Он протянул к ней руки, она легла с ним, все было выполнено. За это время луна зашла, и первые лучи солнца осветили небо.

Довольно скоро стало заметно, что леди беременна: женщины деревни стали меньше бояться ее и свободно рассказывали о том или ином, что помогает женщинам в таком положении. Она всегда ласково благодарила, и они приносили ей маленькие подарки — полоску тонкой шерсти или пояса, или какую-либо еду, полезную для беременной. Она больше не ходила на холмы, а работала по дому или иногда сидела, молча уставившись в стену, будто видела что-то, чего не видели другие.

А Труан все больше становился своим в деревни. Он отлучался с Омандом в Джурби по торговым делам, и по возвращении Оманд с большим удовольствием говорил, что лорд замечательно торговался с салкарьми, получив больше барыша, чем за многие предшествующие годы.

Наступила зима. Люди не отходили далеко от своих домов, кроме как в канун Юла, когда был праздник Конца Года. Женщины бросали в костры плющ, а мужчины — остролист, чтобы наступающий Год Горского Змея принес им удачу.

После ранней весны пришло лето, все чаще в деревне стали появляться на свет дети. Эфрика помогала при родах. Леди Эльмондия больше не выходила. Некоторые из кумушек

смотрели на нее и качали головами, потому что ее тело грузнело, а лицо было очень худым, и руки — как палочки, а ходила она уже через силу. Но она улыбалась и казалась довольной, а ее лорд не обращал никакого внимания на перемену в ней.

Ее время пришло в лунную ночь, такую же ясную, в которую они с Эфрикой вызвали кого-то в звездообразных стенах.. Эфрика принесла краски, над которыми прочла древние заклинания, начертала руны на животе леди, на подошвах и на лбу.

Это была долгая мука, но когда она кончилась, раздался плач двух младенцев — мальчика и девочки. Леди, слишком ослабленная, чтобы поднять голову с подушки, посмотрела на Эфрику, и Мудрая Женщина быстро подошла к ней, держа в руке серебряный кубок. Она налила в него чистой воды и держала так, чтобы леди могла, хоть и с трудом, поднять правую руку и окунуть пальцы в воду. Затем она коснулась ими девочки, которая больше не кричала, а смотрела на мать странными, почти сознательными глазами, словно понимая, что происходит.

— Эллис, — сказала леди Эльмондия.

Возле нее стоял лорд Труан с каким-то обреченным выражением лица, как будто его долговременное легкое восприятие жизни закончилось горьким знанием. Он тоже окунул пальцы в воду, коснулся кричащего и брыкающегося мальчика и сказал:

— Эйлин.

Так они получили имена. Через четыре дня после их появления на свет леди Эльмондия навеки закрыла глаза. Лорд Труан дал Эфрике и женщинам поселка сделать все, что полагалось, а затем завернул тело жены в шерстяной плащ и понес в холмы. Люди, увидев его лицо, не спрашивали, куда он пошел, и не предлагали своей помощи.

На другой день он вернулся один. С тех пор он никогда не упоминал о леди и стал очень молчаливым. Он охотно помогал в любом деле, но говорил редко. Он продолжал жить у Эфрики и заботился о детях больше, чем какой-нибудь мужчина в деревне. Но люди ничего не говорили, потому что уже не чувствовали себя легко с ним, как будто тайна, что всегда окутывала леди, теперь перешла к нему.

Таково начало рассказа, я узнала его в основном от Эфрики и немножко — от Труана, чужеземца, моего отца.

Я — Эллис.

Эфрика рассказывала мне кое-что о леди Эльмондии. Она и отец не были родом ни из Высокого Холлака, ни из Долины.

Они пришли из Эсткарпа. Мой отец никогда не говорил о жизни там, да и мать сказала Эфрике очень немнogo.

Эфрика, Мудрая Женщина, разбиралась в травах, знала заклинания, умела делать амулеты, облегчать боль, принимать детей, имела власть над деревьями и холмами, но не достигла мастерства в высоком колдовстве и не призывала Великие Имена.

Моя мать знала много больше, но пользовалась этими знаниями умеренно. Эфрика считала, что моя мать потеряла большую часть своей силы, когда бежала с моим отцом из родной страны. Моя мать была прирожденной колдуньей, обученной мастерству так, что Эфрика по сравнению с ней казалась девочкой-ученицей. Однако существовал какой-то барьер, не дававший моей матери возможности вернуть себе прошлый авторитет и пользоваться им в Высоком Халлаке.

Только когда она пожелала иметь детей, она собрала все свои способности к Вызову и расплатилась за это высокой ценой — собственной жизнью.

— Она бросала руинные палочки, — рассказывала Эфрика. — Она бросала их на этом самом столе однажды, когда твоего отца не было дома. В них она прочла, что ее срок сочен. Тогда она сказала, что не может оставить своего господина без того, что он желал — без сына, который понесет за ним меч и щит.

В ее роду дети появлялись не часто, так как это мешало женщинам надевать мантию и брать в руки жезл Власти. Они должны были нарушить клятвы, а это страшное дело. И, однако, она пожелала сделать это для своего лорда. И у него теперь есть Эйлин. Но есть также и я.

— Да, — Эфрика толкla сухие травы в ступе, зажав ее в коленях, — она ходила в Место Власти просить сына, но попросила также и дочь. Я думаю, ей хотелось, чтобы ее дочь заняла ее место на земле. Ты — прирожденная колдунья, Эллис, но я могу научить тебя лишь очень малому по сравнению с тем, что знала твоя мать. Однако же все, что я знаю, будет твоим.

Поистине удивительное возвышение, потому что, если Эфрика видела во мне дочь моей матери, получившую от рождения знание Древней Силы, то мой отец рассматривал меня как второго сына. Я не ходила в юбке, как деревенские девушки, а носила брюки и тунику, как мой брат. Это нравилось отцу, и он был недоволен, если видел меня одетой иначе.

По мнению Эфрики, это было потому, что я, становясь старше, все больше походила на мать, и это делало его несчастным. А в мужской одежде я походила на Эйлина, и отец был доволен.

Он желал видеть во мне не дочь, а сына не только по внешнему виду: с ранних лет как Эйлин, так и я учились владеть оружием. Сначала мы фехтовали маленькими деревянными мечами. И в искусстве сражаться я понимала больше, чем любой оруженосец из Долин.

Тем не менее, отец не протестовал, если я много времени проводила с Эфрикой. Мы с ней ходили в холмы за травами, она показывала мне некоторые места Древних, передавала ритуалы и церемонии, которые должны соотноситься с fazами Луны. Я видела звездообразное, окружённое стенами место, где моя мать творила свою Высокую Лунную Магию, но ни разу не рискнула войти туда. Мы собирали травы вокруг стен снаружи.

Я много раз видела кубок, который моя мать принесла после своего последнего колдовства. Эфрика хранила его с самыми цennыми вещами и никогда не касалась его голыми руками, а всегда через сине-зеленую ткань, которую она высоко ценила. Кубок был серебряным, но отливал и многими другими цветами, если его поворачивали.

— Чешуя дракона, — говорила Эфрика. — Это чешуя серебряного дракона. Я слышала о ней из старых легенд, но никогда не видела до тех пор, пока сам огненный дракон не сработал этот кубок по приказу леди. Это вещь великой власти, береги ее.

— Ты говоришь так, будто она моя. — Я восхищалась кубком, потому что такую прекрасную вещь можно увидеть только раз в жизни.

— Она будет твоя — когда настанут время и необходимость. Это связь между тобой и Эйлином. Но пользоваться ею можешь только ты.

Больше она ничего не сказала.

Я говорила об Эфрике, которая была мне очень близка, и об отце, который ходил, говорил и жил так, будто невидимая броня отдала его от всего остального человечества. Но я еще не сказала об Эйлине.

Мы были близнецами, но не были копиями друг друга. Наше сходство было чисто внешним, а интересы наши резко отличались.. Он любил движение, игру с мечом, его раздражали узкие рамки жизни Варка. Он был беспечен, безрассуден и часто получал нагоняй от отца за то, что подвергал других ребят неприятностям или опасностям. Он часто подолгу стоял, вглядываясь в холмы с пламенной жаждой в глазах.

Я искала внутренней свободы, а он хотел внешней. Занятия с Эфрикой ему надоели. Повзрослев, он все чаще говорил о Джурби, о том, что пойдет туда и наймется на службу к

какому-нибудь лорду Долин. Мы знали, что отец в конце концов отпустит его. Но война решила за него: в год Огненного Тролля на Высокий Халлак напали захватчики. Они пришли из-за моря, и когда мой отец услышал об их вторжении в укрепленные города побережья, он посупровел. Оказалось, что это были старые враги его народа. Однажды ночью он решительно сказал, что пойдет к лорду Вестдейла и предложит ему свои услуги; зная своего старого врага, он знал, как лучше организовать сопротивление. Глядя в его лицо, мы поняли, что заставить его изменить решение нам не удастся.

Эйлин встал и сказал, что, если уйдет отец, уйдет и он в качестве оруженосца. И его решимость была так же крепка, как и у отца; в этот момент они были похожи, как две капли воды. Но отец сказал, что Эйлин в настоящее время обязан заботиться обо мне и Эфрике. Однако он поклялся нерушимой клятвой, что позднее пошлет за Эйлином.

Отец ушел не сразу: он работал в кузнице дни и ночи. Но сначала он пошел в холмы с выручным пони. Когда он вернулся, животное сгибалось под тяжестью слитков металла, который, казалось, был когда-то обработан, а затем сплавлен в слитки. Калеб помогал моему отцу в работе. Они сделали два меча и две тонкие гибкие кольчуги. Один комплект он дал Эйлину, а другой — мне. Положив их, он сказал торжественно, как бы желая, чтобы его слова запомнились:

— У меня нет дара предвидения, какой был у нее, — он очень редко упоминал о моей матери и никогда не называл ее по имени, словно она была знатной леди, к которой он относился со страхом и благоговением, — но я вижу сны, и эти сны сказали, что перед тобой, дочь моя, лежит какое-то опасное препятствие, в котором тебе понадобится все твое мужество и духовная сила. Хотя я воспитал тебя не как девочку... но...

Ему, казалось, не хватало слов. Он сунул мне кольчугу, не глядя на меня, резко повернулся и вышел. А на заре ушел в Вестдейл. И больше мы его никогда не видели.

Год Огненного Тролля прошел, и мы все еще жили в относительной безопасности в нашем скалистом mestечке. Только Оманд уже не ходил в конце года в Джурби, потому что небольшая группа усталых и замученных людей пришла по холмам и сообщила, что Джурби пал в одну ночь от огня и меча врагов. И замок Вестдейла осажден.

Жители Варка собрались и попытались что-нибудь придумать. Они всегда жили морем, теперь море могло принести им гибель. Не безопасней ли было уйти вглубь страны? Молодежь и те, у кого не было крепких семейных связей, говорили, что лучше оставить деревню и, если вторжения не

произойдет, позднее вернуться. И это решение взяло верх, потому что все слышали рассказы беженцев о том, что после грабежей и поджогов,чинимых рейдерами, оставались одни развалины и пепелища.

Во время этих дебатов мой брат молчал, но я читала по его лицу, что он принял собственное решение. Когда мы вернулись домой, я посмотрела на него и сказала:

— Настало время, когда никто уже не может держать меч в ножнах. Если ты хочешь уйти — иди с нашим благословением и пожеланием удачи. Будь уверен, что мы будем в безопасности, когда уйдем в холмы — кто лучше знает их тайны, чем Эфрика и я?

Он долго молчал, потом открыто посмотрел на меня.

— Я год сидел здесь, как в ловушке. Но я был связан своим обещанием.

Я подошла к шкафу Эфрики. Она сидела у огня, смотрела на меня, но не сказала ни слова. Я достала наше наследство — Кубок Дракона. Поставив кубок на стол, я развернула его, крепко охватила ладонями его холодную поверхность и держала его так несколько секунд.

Эфрика встала и извлекла из своих запасов бутылочку с настоем трав, которую я у нее никогда не видела. Она держала ее обеими руками, а пробку открыла зубами, как бы опасаясь пролить содержимое. В кубок полилась золотистая жидкость, наполняя комнату пряным ароматом созревших трав.

Я держала кубок, а она наполнила его до половины и ушла, оставив нас с Эйлином за столом друг против друга. Я поставила кубок, взяла руки Эйлина и приложила их к гладкому серебру.

— Пей, — сказала я ему. — Выпей половину того, что есть. Мы должны выпить эту чашу вместе, прежде чем расстаться.

Он молча поднял кубок обеими руками, отпил половину и поставил. Я, в свою очередь, взяла кубок и выпила то, что осталось:

— Пока мы будем в разлуке, — сказала я, — я буду читать в этом кубке твою судьбу. И пока серебро останется чистым, как сейчас — все будет хорошо. Если оно помутнеет...

Он не дал мне кончить:

— Сейчас война, сестра. Ни один мужчина не может быть в полной безопасности.

— Справедливо, — согласилась я. — Но иногда зло может притвориться благом.

Эйлин сделал нетерпеливый жест. У него никогда не было интереса к мудрому учению. Вроде бы он считал его пустым

делом, но вслух этого не высказывал. Он и сейчас не сказал ничего.

Я убрала кубок и стала вместе с Эфрикой собирать то, что Эйлин должен был взять с собой — теплое одеяло, пищу, воду, мешочек с целебными травами. И он ушел, как и мой отец.

Люди Варка ушли тоже. Несколько молодых людей последовали за моим братом, потому что он, несмотря на свою молодость, был вожаком среди них, благодаря своему умению обращаться с оружием, а мы, остальные, забили двери наших домов, навьючили наших пони и ушли в холмы.

Это была тяжелая зима. Сначала мы приютились в одной деревне, а потом, когда стало известно о приближении рейдеров, ушли дальше вглубь, в бесплодные земли. Мы жили в пещерах, и к нам все время приходили слухи о дальнейших продвижениях захватчиков.

Меня и Эфрику постоянно призывали для лечения не только раз: к нам попадали бежавшие из проигранного сражения, множество болезней происходили от тяжелой жизни, иной раз нас просто звали для ободрения. С тех пор, как мы очутились перед лицом опасности, которая может прийти немедленно, я носила кольчугу, сделанную для меня отцом, и меч. И я научилась пользоваться охотничим луком как для добычи пищи, так и для того, чтобы защититься от тех, кто пошел бы напасть на нас ради нашего жалкого скарба.

Как всегда, когда в стране нет закона, появились грязные хищники, грабившие слабых из своего же рода. Я убивала таких безо всякого сожаления, потому что не считала их людьми.

Единственной вещью, которую я берегла, был кубок, и каждое утро я смотрела на него. Его блестящая поверхность ни разу не затуманилась, и я знала, что с Эйлином все в порядке.

Время от времени я пыталась достичь его через мост сна с помощью солнного питья, но всегда просыпалась с очень смутными воспоминаниями. Я жаждала знать больше, чем Эфрика могла научить меня, знать то, что знала когда-то моя мать.

В наших скитаниях мы проходили мимо мест Древних. От некоторых мы с Эфрикой отгоняли подальше нашу уставшую передвижную группу, потому что оттуда истекал дурнопахнущий туман: он нес в себе зло, полностью чуждое нашему роду. Другие места были пусты, как будто то, что было там когда-то, давно ушло или вытекло. Некоторые места были добродетельными, и мы с Эфрикой заходили туда в надежде вызвать что-нибудь, что было там, но у нас

не было умения, так что мы получали только ощущение мира и внутреннего удовлетворения.

Затем для нас потянулись безликие годы. Просто смена сезонов. На третье лето мы, наконец, начали убийице. Некоторые члены нашей группы откололись, пошли другими путями. Но основное ядро с Омандом во главе — он совсем согнулся от болезни костей — его младшие братья, их жены, две дочери с детьми (их мужья ушли с Ойлином и из-за этого они косо смотрели на меня, хотя ничего плохого вслух не высказывали) и еще три семьи пожилых людей остались жить вместе.

Мы нашли маленькую высокогорную долину, в которой никогда не было поселений и где лишь временами жили пастухи. Они оставили здесь хижины, и мы устроились в них с небольшой кучкой овец и десятком пони. Усталые, сбившие ноги животные были рады отдохну. А люди, всю жизнь жившие морем, терпеливо занялись работой на холмах.

На высшей точке, где просматривались два прохода, мы установили сторожевой пост. Жизнь так изменилась, что стражниками стали, в основном, женщины, вооруженные луками и копьями — бывшими гарпунами. А следить надо было зорко: мы знали, что иногда случалось с маленькими поселениями, когда на них нападали внезапно.

Была середина лета нашей жизни в этом ущелье. Большинство людей сажали зерна и кореня, которые мы запасали для посадки, а я была на холме на страже и первая увидела на узкой тропинке всадников. Я подняла обнаженный меч и бликами его блестящих граней подала сигнал тревоги, а сама направилась известным мне путем проследить поближе за прибывшими. Теперь мы находились на близком расстоянии друг от друга.

Пока я лежала на нагретой солнцем скале, заметила, что они вряд ли могут представлять для нас угрозу, потому что было их только двое, а мы были достаточно подготовленны, чтобы справиться с ними.

Они, бесспорно, были воинами, но кольчуги их были порваны и поржавели. Один был привязан к седлу и только потому не падал, в то время как его товарищ ехал рядом и вел под уздцы его коня. Головы обоих были перевязаны окровавленными тряпками, а у привязанного полубесчувственного всадника было ранено плечо. Его товарищ время от времени оглядывался назад, как бы опасаясь погони. На нем все еще был шлем, увенчанный нападающим соколом, но одно крыло птицы было оторвано. На их кольчугах были остатки геральдического герба, но девиз ужас нельзя было

прочесть. Правда, я и не разбиралась в символах благородных семей Долин.

У обоих были мечи, но в ножнах, а у всадника в шлеме был и арбалет. Но седельных сумок у них не было, а их животные еле плелись.

Я чуть отклонилась назад и положила на тетиву лука стрелу:

— Стой!

Мой приказ прозвучал как бы ниоткуда... Всадник в шлеме вскинул голову. Я не видела его лица под забралом, видела только руку, привычно опустившуюся на рукоять меча. Он не вынул оружия, решив, видимо, что это бесполезно.

— Сам выйди из засады!

Голос его был низким и хриплым, но смелым, как у человека, готового встретиться с любой неприятностью.

— Нет, — ответила я. — У меня в руках то, что принесет тебе смерть, дерзкий. Сойди с седла и брось оружие.

— Руби меня, как хочешь, голос из скал, но я не брошу свой меч. Если ты хочешь взять его — попробуй.

Он демонстративно вынул меч из ножен и держал его наготове.

Его товарищ зашевелился и застонал. Человек в шлеме быстро поставил свою лошадь между своим товарищем и тем местом, где он предполагал увидеть меня.

— Зачем вы пришли сюда? — Я вспомнила, что он часто оглядывался, и подумала, не ведет ли он кого-нибудь на нас. С двумя такими мы могли бы справиться, но если их будет больше...

— Нам некуда идти, — в его голосе звучала безмерная усталость, — мы — преследуемые, как ты мог догадаться, если, конечно, не слеп. Три дня назад Хэвердейл стоял в арьегарде у Брова Ингры. От его армии остались в живых только мы. Мы оттягивали время, как и обещали, но... — Он пожал плечами. — Судя по твоей речи, ты из Долин, а не из Собак. Я — Джервон, бывший маршал конницы, а это Пол — младший брат лорда.

Его колючая недоверчивость исчезла, усталость тяжелым бременем лежала на нем. И я знала, будто бросала руны, что эти люди не несут угрозы моему народу. Поэтому я вышла из укрытия. Я была в кольчуге, и он принял меня за мужчину, и я не стала разуверять его. Я привела их в долину и поручила заботам Эфрики.

Оманд и другие сначала были готовы осудить меня, счи-тая, что такие чужаки принесут с собой беду. Но я спросила: что я еще могла сделать? Убить их? И это пристыдило людей. Хотя тяжелая жизнь их сделала грубыми и жестокими, они

все еще помнили прежние времена, когда стояли открытыми двери, хлеб и питье всегда были на столе для любого путника.

Пол был серьезно ранен, и Эфрика при всем своем умении не смогла отогнать от него призрак смерти, хотя доблестно сражалась за жизнь больного. Джерон, хотя и казался сильным и готовым сражаться, впал в горячку из-за воспаления раны и лежал с блуждающим разумом и горячим телом в течение нескольких дней. Пол умер, и был положен в наше маленькое Поле Памяти, где лежали четверо наших умерших, еще до того, как Джерон заговорил разумно. Я была у его постели, думая, не уйдет ли он тоже в жестоком жару, и жалея его, когда он открыл глаза и посмотрел на меня. Затем он слегка нахмурился и сказал:

— Я помню вас.

Странное приветствие, но тяжелая болезнь часто приносит бредовые сны, смущающие разум. Я принесла чашу с отваром трав и обняла больного за плечи, чтобы он мог пить.

— Должен помнить, — сказала я. — Я привела вас сюда.

Он ничего не сказал, но продолжал чуть хмуро смотреть на меня. Затем спросил:

— А где милорд Пол?

Я ответила иносказанием местного народа:

— Он ушел вперед.

Он сжал губы и закрыл глаза. Я не знала, кем для него был Пол, но они были, по крайней мере, боевыми товарищами, и, по-видимому, Джерон сделал все возможное, чтобы спасти его.

Но я не знала, что ему сказать. Для некоторых людей печаль — дело интимное, молчаливое, сражаться с ней надо в одиночку. И я подумала, что Джерон, может быть, тоже такой.

Я ухаживала за ним, пока он лежал. Он похудел и ослабел от жара и, вероятно, от предыдущих испытаний, но у него была приятная внешность, он был красивым, рослым и, как мой отец, был прирожденным меченосцем. Он был из Долин, судя по золотисто-каштановым волосам, более светлым, чем лицо, руки, загоревшие под солнцем. Мне нравилось то, что я видела, но думать об этом не следовало. При более близком контакте эти симпатии могли бы усугубиться, а он поправится и уйдет, как ушли мой отец и Эйлин.

Однако Джерон поправлялся не так быстро, как мы надеялись, потому что лихорадка изменила его и лишила сил, особенно в раненой руке. Он все время упражнялся, но пальцы его все еще не слушались и не сжимались, как им было положено. Он терпеливо перекидывал камешек из одной руки в другую, стараясь охватить его с полной силой. Он участвовал в нашей работе как на крошечных полях, так и в охране на

холмах.. Последнему мы были особенно рады, и никто не следил за ним. По вечерам мы собирались и слушали его рассказы о войне, хотя он говорил о долинах, городах, бродах и дорогах, о которых мы никогда не слышали, поскольку люди Варка никогда не путешествовали по стране с тех пор, как укоренились. По его словам, война плохо оборачивалась для Долин. Все укрепления южного побережья были уже разорены, и только раздробленные остатки армии отошли на север и на запад. Во время этого последнего отступления был уничтожен и его народ.

— Но лорды заключили пакт, — говорил он, — с теми, у кого были настоящие силы, а не просто мечи и луки. Весной Года Грифона они договорились со Всадниками-Оборотнями из пустынь, чтобы те в дальнейшем сражались вместе с нами.

Я слышала чей-то тихий свист, потому что он говорил о поистине неслыханных вещах — чтобы люди Долин связались с Древними! Ведь Всадники-Оборотни тоже из Древних. Хотя Долины были, в основном, пусты в то время, когда пришли новые поселенцы, там все-таки еще оставалась горсточка тех, кто правил этой страной тысячелетиями. Но не все они были невидимыми существами, как те, с кем имела дело моя мать, были и похожие на людей. Таковы были и Всадники-Оборотни — частично люди, частично — что-то другое. О них ходило множество слухов, но неизвестно было, насколько они правдивы, поскольку передавались из третьих-четвертых рук. Но никто не отказался бы привлечь на свою сторону эту страшную силу. И наша ненависть к захватчикам, к этим Собакам из Ализона, была так велика, что мы готовы были приветствовать любых чудовищ, лишь бы они выступали с нами.

Долгое лето подходило к концу, а Джервон все еще работал над восстановлением сил и ловкости своих рук. Теперь он прочесывал холмы с арбалетом и приносил дичь, хотя и не считал себя охотником. Он был человеком сдержанным, вежливым и приятным, но он так же, как и мой отец, воздвиг барьер между собой и остальным миром. Он оставался у Эфрики, пока не поправился настолько, что мог сам о себе позаботиться, а потом поставил себе хижину несколько в стороне от других. Он так и не стал членом нашей группы. Теперь я видела его реже, потому что моя ловкость в общении с луком возросла, и я заготавлияла мясо, чтобы сушить и солить — мы нашли соль-лизунец, и это была драгоценная находка, — и нечасто бывала в скопище наших хижин. Однажды я спустилась к ручью напиться. Там лежал Джервон. Услышав мои шаги, он вскочил и схватился за меч. Затем он сказал вместо приветствия:

— Я вспомнил, где я вас видел в первый раз — только это невероятно! — он в полном замешательстве покачал головой. — Как вы могли ездить с Франклином из Идилла и одновременно быть здесь? Но я поклялся бы...

Я жадно повернулась к нему. Если он видел Эйлина, то его в самом деле могло поразить наше сходство.

— Это мой брат. Мы близнецы. Слышите! А где вы его видели? И когда?

Растерянность исчезла с его лица.

— Это было на последнем сборе в Айнишире. Люди Франклина избрали новый способ войны. Они прятались и пропускали врага мимо себя, а затем нападали с тыла. И это очень опасный способ. — Джервон замолчал и быстро взглянул на меня, как бы сожалея о своей откровенности. Я ответила на его мысль:

— Эйлин — сын своего отца. Он способен упиваться такой опасностью. Я никогда в этом не сомневалась.

— Это была большая и славная победа. И ваш брат был там не из последних. Несмотря на его юность, его называли лидером Рога. Он не выступал на нашем совете, но стоял за плечом Франклина и обручился с леди Брунисендоу, дочерью и посланницей Франклина.

Я могла думать об Эйлине, как о прославленном бойце, но известие о его обручении ошеломило меня. Я все еще представляла его мальчиком, уезжающим из Варка, еще не знавшим войны, но мечтавшим увидеть блеск скрестиившихся мечей.

Вспомнив о прошедших годах, я подумала о себе: если Эйлин стал мужчиной, то, значит, я — женщиной. Но меня не учили быть женщиной. С отцом я учились быть сыном, с Эфрикой — быть Мудрой Женщиной. А сама собой я никогда не была. Сейчас я охотник, по необходимости — воин. Но я не женщина.

— Да, вы очень похожи, — голос Джервона прервал мои мысли. — У вас странная, тяжелая жизнь для девушки, леди Эллис.

— Сейчас всем тяжело, — быстро ответила я.

Я не хотела позволить ему жалеть меня, это задевало мою гордость.

— Похоже, что так будет всегда. — Теперь он смотрел на свою пораненную руку, сгибая пальцы. Я тоже взглянула и сказала:

— Они уже лучше работают. — И это была правда.

— Медленно, но поправляются, — согласился он. — Когда я снова смогу взяться за оружие, я уеду.

— Куда?

Он улыбнулся. При всей его сдержанности эта перемена в выражении лица на секунду сделала его другим человеком. И я неожиданно подумала, каким мог быть Джервон, если бы затмение войны сошло бы с него, и он мог бы свободно искать того, что хотел в жизни.

— Куда — трудно сказать, леди Эллис, потому что я не знаю, как расположена ваша долина относительно тех, где я был. Я поеду искать охоту, но постараюсь, чтобы за мной не охотились враги.

— В этих высотах снег выпадает рано. Закроются все перевалы.

Он посмотрел на горные пики.

— Вполне могу поверить. Вы зимовали здесь?

— Да, и это означает туго затянутые пояса весной. Но с каждым годом мы улучшаем положение, делая большие запасов. В этом году мы посеяли два дополнительных поля. И засолили мясо шести диких коров, чего не было в прошлом году.

— Но что вы делаете, когда снег запирает вас?

— Сидим дома. Сначала страдали от недостатка топлива, — я даже вздрогнула, вспомнив, что от холода умерли трое. А потом Иджир нашел черный горячий камень, нашел совершенно случайно, а камень загорелся, и долго давал тепло. И теперь мы натаскали его корзинами — вы, наверное, видели кучу у каждой хижины. Мы прядем, ткем, режем рог и дерево и делаем всякие мелочи, которые скрашивают нашу тяжелую серую жизнь... У нас есть певец — Оттер. Он знает не только древние сказания, но и сочиняет новые о наших странствиях. Он сделал арфу и играет на ней. Нет, мы не скучаем зимой.

— И вы только это и знали всю жизнь, леди Эллис? В вашем тоне есть какая-то нота, которой я не понял.

— В Варке было больше разнообразия: там было море и путешествия в Джурби. И... мы с Эфрикой больше занимались своим делом.

— Но вы не рыбачка и не работница фермы.

— Нет, я Мудрая Женщина, охотник, воин. И сейчас мне надо заняться своей охотой. — Я встала, смущенная чем-то в его голосе... Неужели он посмеет жалеть меня? Я — Эллис, и имею в руках, наверное, больше, чем любая леди из Долин. Хотя у меня не было знаний моей матери, есть места, куда я могу пойти, есть вещи, которые я могу делать, вещи, от которых бросило бы в жар и дрожь тех леди, которые были в сравнении со мной хрупкие цветочки и беспомощные ничтожества.

Я ушла, помахав ему рукой. В тот день мне не везло, и я вернулась домой всего лишь с двумя лесными птицами.

Все эти дни я не переставала доставать кубок, связывающий меня с Эйлином, и ежедневно рассматривала его. Делала я это тайно. На четвертый день после моей случайной встречи с Джервоном я развернула кубок и замерла. Его сияющая поверхность потускнела, он как бы покрылся мутной пленкой, посерел. Эфрика вскрикнула, увидев это. Я молчала, но внутри почувствовала резкий толчок — не боли, а страха, который сам по себе сродни боли. Я крепко потеряла металл кубка, но тщетно. Это была не пыль, не сырость, внутреннее замутнение. И это не означало смерть, где я ничем не могла помочь, это было первое предупреждение о том, что Эйлин в опасности.

— Я хочу увидеть, — сказала я Эфрике.

Она подошла к грубому шкафчику, где теперь хранились ее скучные запасы, и принесла широкую раковину, хорошо отполированную внутри, маленькие пузырьки, кожаную бутылочку и медный котелок не больше моей ладони. В него она по щепоткам насыпала порошок, затем стала наливать капли того, ложечку другого до тех пор, пока не появилась темно-красная жидкость. Она крутила котелок, смешивая все это.

— Готово.

Я взяла в очаге горящую лучинку и подожгла содержимое котелка. Из него заклубился сильно пахнущий зеленоватый дым. Эфрика лила малиновую струю в Кубок Дракона, стараясь наполнить его до внутреннего ободка, а затем быстро вылила содержимое из кубка в раковину.

Я села. От прянного дыма у меня слегка кружилась голова, мне казалось, что я могу улететь, если не заставлю себя сидеть на месте. Я наклонилась вперед и взгляделась в рубиновую жидкость в раковине. Я не впервые пользовалась силой магического зеркала, но никогда еще до этого случая это не было столь важно для меня. Я сосредоточилась и желала скорого и ясного видения. Красный цвет жидкости побледнел, и я смотрела как бы в далекое окно. Изображение комнаты. Все ее детали, хотя и очень мелкие, были резкими и отчетливыми.

Судя по теням, была ночь, но подсвечник высотой по плечо мужчине стоял в одном конце кровати, и в нем горела свеча в кулак толщиной. Кровать была богатая, занавеси искусно вышиты. Они не были задернуты. На постели лежала девушка из народа Долин. Лицо ее с тонкими чертами было очень красиво, распущеные золотистые волосы падали на плечи. Она спала, по крайней мере, глаза ее были закрыты. Вся сцена дышала таким богатством и пышностью, какие бывают разве что в сказках.

Девушка была не одна: я видела, как кто-то вышел из тени. Когда полный свет свечи попал на его лицо, я узнала своего брата: только он был старше, чем я его помнила. Он смотрел на спящую, как бы опасаясь разбудить ее. Затем он подошел к окну.

Оно было закрыто тяжелыми ставнями с тремя заложенными через них брусьями. Похоже, что тот, кто закрывал окно, или он сам хотел быть уверенным, что его быстро не откроют.

Эйлин взял кинжал и стал приподнимать брусья то здесь, то там. Лицо его было такое сосредоточенное, как будто то, что он делал, имело величайшее значение.

На нем была свободная ночная одежда с поясом. Когда он поднял руку с кинжалом, широкие рукава упали, обнажив крепкие мускулы. Простыни на постели были скомканы, на подушке вмятина — след лежавшей недавно его головы. Но он работал с такой страшной решимостью, что я ощущала это, пока смотрела на него.

За этим барьером что-то призывало его. И я тоже ощутила этот слабый, далекий зов, похожий на то, как если бы раскаленный кончик горящей лучины коснулся моего обнаженного тела. Мой мозг содрогнулся, как от реального ожога. Вздрогнув, я нарушила силу видения, и изображение исчезло.

Я глубоко вздохнула, как будто избежала какой-то опасности. А опасность и в самом деле была. То, что толкало Эйлина на такое действие, было очень опасным. И оно было не из этого мира — если мир наш не претерпел великих изменений с тех пор, как мы с Эйлином пили на прощание из Кубка Дракона.

— Опасность была, — с уверенностью сказала Эфрика.

— Эйлина тянет кто-то из Темных Древних.

— Пока это только предупреждение, — она указала на кубок. — Только слабая тень.

— Это предупреждение для меня. Если его захватили колдовством, ему нелегко будет вырваться. Он сын не нашей матери, а нашего отца. У него нет дара.

— Правильно. И теперь ты пойдешь к нему.

— Пойду. Надеюсь, что успею.

— У тебя есть все, что я могла дать тебе, — и в голосе Эфрики послышалась боль. — И у тебя есть то, что пришло к тебе по праву рождения, но нет того, чем была вооружена сама миледи. У меня не было детей от моей плоти, потому что я не пошла по той тропе, по которой в свое время пошла твоя мать... Но ты была дочерью моего сердца. Я не могу удерживать тебя, но с тобой уходит мое солнце...

Она опустила голову и закрыла лицо руками. В первый раз я с удивлением заметила, какие они у нее морщинистые и худые, они яснее, чем лицо, показывали приближение старости. У Эфрики были хороший костяк, чистая и плотная кожа. Но сейчас она сгорбилась на скамейке, точно погибая, и все прожитые годы навалились на нее сразу. Она как бы осела под их грузом.

— Ты была мне матерью, — я обняла ее сгорбленные плечи, — и я ничего не хотела бы так, как оставаться твоей дочерью, Мудрая Женщина. Но в этом деле у меня нет выбора.

— Я знаю это. И знаю, твоя мать думала, что твоей жизненной тропой будет служение другим, как служила она в свое время. Я буду бояться за тебя.

— Не надо! — перебила я ее, потому что думать о страхе — значит, дать ему жизнь. — Ты должна вселять уверенность, что я иду не для поражений, а для победы.

Эфрика подняла голову и как будто отогнала силой воли все свои тревоги и горести. Я знала, что отныне ее сила, как сила меченосца, будет охранять меня. А сила Эфрики, насколько я знала и видела, как в свое время она сражалась со смертью и победила, была такой, с которой следовало считаться.

— Где будешь искать? — быстро спросила она, уже составляя план.

— Насчет этого придется бросить руны.

Она снова подошла в своею шкафчику и принесла сложенную ткань, расстелив ее на столе. Ткань была разделена золотыми линиями на четыре квадрата, а квадраты, в свою очередь, делились на треугольники красными линиями, сходящимися в центре, и в эти треугольники были вписаны руны — Слова Власти, но люди уже не умели их читать. Затем она принесла золотую цепочку с висящим на ней хрустальным шариком. На другом конце цепочки было кольцо, которое Эфрика надела на палец. Она встала у стола и вытянула руку, так что шарик повис прямо над центральной точкой ткани. Она держала руки неподвижно, но шарик начал раскачиваться взад и вперед. Затем он изменил направление и стал качаться только вдоль одной из красных линий. Я смотрела и запоминала.

Итак, я должна была идти на юго-запад, и как можно быстрее, потому что, как я предупреждала Джервона, мог пойти снег и завалить все перевалы, так что они стали бы неприступны.

Теперь шарик повис неподвижно, Эфрика сняла его с цепочки и уложила на место в мешочек, а я тем временем сложила ткань.

— Завтра, — сказала я.

— Самое лучшее, — согласилась Эфрика, и немедленно начала готовить все то, что я возьму с собой. Я знала, что она вооружит меня всеми амулетами Мудрого Знания, какие только у нее есть.

Я пошла в хижину Оманды. Поскольку уже все знали, что Эфрика и я владеем умением видеть невидимое и имеем дело с тайнами, неизвестными основной массе людей, мое сообщение не прозвучало для него как что-то невероятное. Конечно, мы никому и не объясняли наших методов предвидения. Я просто сказала Оманду, что, пользуясь своими возможностями Мудрой Женщины, я узнала, что мой брат в опасности, и эта опасность не от войны, а от Древних, а следовательно, поскольку мы — близнецы, я должна поспешить ему на помощь.

И Оманд кивнул. Но его женщины, как обычно, бросали на меня недоверчивые взгляды.

— Как вы сказали, леди, выбора у вас нет. Значит, вы скоро покинете нас?

— Завтра, на заре. В этом году снег может выпасть рано...

— Правильно. Ну что ж, леди, вы много сделали для нас, как и ваши родители, пока они жили с нами. Но мы с вами не одной крови, не одного рода, а человек должен отвечать на обе эти связи, когда приходит этот зов. Поэтому мы благодарим вас за всю вашу прошлую помощь и... — он грузно поднялся и подвел меня к сундуку, — вот вам очень малый подарок за все то, что вы сделали для нас, но он будет греть вас по ночам в этой суровой стране. — Он подарил мне дорогой плащ, над которым трудились, вероятно, много дней. Плащ был изготовлен из мохнатых шкур высокогорных коз и окрашен в мягко-пурпурный цвет вечернего тумана — такой цвет мог получиться только случайно от какой-то удачной смеси, его невозможно было создать снова. Плащ был редкой красоты, особенно для нашей теперешней жизни. Не думаю, чтобы у какой-нибудь знатной леди была зимняя одежда лучше этой.

Я могла только словами выразить свою благодарность, но была уверена, что он понял, какое значение имел для меня этот плащ, в своей жизни я много пользовалась хорошо сделанными вещами, но весьма редко их добротность соединялась с красотой. Но Оманд только улыбнулся, взял обеими руками мою руку и, склонив седую голову, прикоснулся губами к моим загрубелым пальцам, как будто я и в самом деле была его госпожой.

Я всегда чувствовала себя чужой в Варке, но в этот момент поняла, что это, в какой-то мере, и мой народ, и что я сейчас

что-то теряю. Но не все думали как Оманд — его домочадцы были, пожалуй, рады, что я ухожу.

Перекинув плащ через руку, я вернулась к Эфрике — больше мне здесь не с кем было прощаться. К своему удивлению я нашла там Джервона. Эфрика все еще укладывала в мой мешок свертки, а Джервон сидел у стола и держал в руках чашку с отваром трав, подслащенную диким медом.

Он встал, когда я вошла, и в нем была какая-то стремительность, которой я раньше не замечала.

— Мудрая Женщина сказала, что вы уезжаете, миледи.

— У меня дело, которое должно быть сделано.

— И у меня тоже, и я давно желал бы его выполнить. Но в наши дни, когда нужно смотреть по обе стороны дороги, человеку лучше ехать не одному. Так что мы поедем вместе.

Он не спрашивал, а говорил об этом, как о решенном деле. Меня это задело, но я понимала, что он прав — ехать с человеком, который куда лучше меня знал опасности пути, было очень хорошо, и я не осмелилась отказатьсь от этой помощи, но все же спросила:

— А если я еду не в вашем направлении, меченосец?

Он пожал плечами.

— Я же сказал, что не знаю, где теперь мои господа. Если вы хотите искать брата на юго-западе, то я там найду сведения о моем знамени. Только предупреждаю вас, леди, что мы можем угодить прямиком в пасть дракона, вернее сказать, в зубы Собак.

— Ваши знания предупредят нас, — возразила я.

Я решила, что в этом путешествии он не будет обращаться со мной, как со знатной леди из Долин, и опекать, как ребенка.

Эфрика, увидев плащ, издала восторженный крик по поводу того, что у меня будет чудесная защита от холода, и немедленно достала брошь, чтобы скрепить его. И я знала, что в этой броши заключены самые мощные дорожные чары, какие только Эфрика могла призвать. Джервон поставил чашу.

— Значит, на рассвете, леди. Мы поедем верхом — у меня есть моя лошадь и лошадь Пола.

— На рассвете, — кивнула я. И мне была приятна мысль о лошадях, потому что это означало скорость. На юго-запад... Но куда, и далеко ли?

Мы были вынуждены ехать по той дороге, по которой приехал сюда Джервон, поскольку другой не было. Но с тех пор по этой никто не ездил. Это была очень старая дорога, на которой тут и там были расставлены знаки. Но кем? Людьми? Я решила, что нет, потому что до нас здесь ходили только пастухи и охотники — сплошь бродячий народ.

— Эта дорога проходит в лиге от Брода, — сказал Джервон, — но здесь она делает петлю от моря. Мы повернули сюда только потому, что здесь легче и быстрее ехать. Но откуда и куда она идет... — он пожал плечами. — Это дорога Древних, и кто знает, по какой причине они проложили ее.

Так обычно говорят в Долинах, но я знала — в том, что осталось от Древних, всегда была логика, хотя и не наша, может быть.

— Вы не из Долин. — Он сделал это заявление, как если бы поражал насмерть хорошо направленной стрелой арбалета.

Насмерть? К чему я так подумала? Однако я ответила правдой:

— Я родилась в Варке, так что я не из Долин, но родители мои пришли из-за моря. Но только не из Ализона. Их народ всегда воевал с Собаками, так что, когда мой отец услышал о вторжении, он немедленно поехал воевать. С тех пор мы ничего не слышали о нем. Прошло много лет, и он наверняка погиб. Моя мать умерла, родив меня и Эйлина. Таково мое происхождение, меченосец.

— Нет, в вас нет ничего от жителей Долин, — продолжал он, будто и не слышал моих слов. — Люди Варка кое-что говорили о вас.

— Как говорят о всякой Мудрой Женщине, — подытожила я. И не сомневаюсь, что обо мне говорили многое, и, конечно, далеко не все в мою пользу, потому что я была близка только с Эфрикой. И такие, как женщины Оманды, всегда косо смотрели на меня. И я не была замужем и не собираюсь, потому что это идет вразрез с моими дарованиями. Это тоже разделяет. Будь у нас больше здоровых мужчин, я была бы поставлена перед решением, чреватым неприятностями, потому что я не желаю хранить домашний очаг ни одному из мужчин Варка.

— Говорят, что вы больше, чем просто Мудрая Женщина. Люди шепотом рассказывали о ваших связях с Древними. — В его голосе не слышалось ни страха, ни отвращения, а только любопытство. Так воин, встретившийся с новым оружием, интересуется им.

— Ох, если бы это было так! Ведь тот, кто способен говорить с Древними, не станет жить так, как живем мы. Но люди считают, что власть может сделать все: выстроить замок из ничего, превратить в пыль вражескую армию, разбить сад на голом камне. Вы видели такое у вас?

К моему удивлению, он рассмеялся.

— Далеко от этого, девушка-щитоносец. Но ведь я не приижую знание Мудрой Женщины, где бы она ни была — в деревне или в Доме Дам. Но я думаю, что Древних не интересует

суют наши мелкие перебранки, какими им, возможно, кажется наши стремления, и они склонны отделаться от всякого, кто нарушает их покой.

— Вы должны искать их, они не приходят без зова. — В этих словах, возможно, было и предвидение, но я об этом не знала.

Местность была пересеченной, и мы ехали очень осторожно, чтобы не переутомить наших животных. В полдень мы свернули с дороги, пустили лошадей пасти, а сами поели дорожного хлеба и напились из ручья. Джервон лег на спину и смотрел на свисающие над ручьем ветви деревьев.

— А я из Долин. — сказал он. — Мой отец был третьим сыном, и поэтому остался без поместья. По обычаю, он принес клятву лорду Дорка, который был родственником его матери, и стал маршалом конницы. А моя мать была из рода леди Гвиды. Меня хорошо учили. Мой отец мечтал, когда я подрасту, податься в дикие северные страны и найти себе землю. За ним обещали пойти четыре-пять глав семейств. Но потом пришли захватчики, и уж нечего было думать о рейде на Север, надо было искать спасения, пытаться сохранить то, что уже было — Дорк был как раз на пути первого удара врагов. Они взяли замок через пять дней, потому что у захватчиков было новое оружие, бросающее огонь и проедающее камень. Я поехал в Хэвердейл просить помощи. Через три дня мы увидели на дороге двух выживших, которые сообщили, что Дорк был уничтожен и обращен в прах. Сначала мы им не поверили. В ту же ночь я доехал до вершины холмов, откуда видна была долина. Там не осталось камня на камне.

Джервон говорил без всякого волнения: вероятно, время притупило его чувство. Он помолчал. Его глаза, казалось, смотрели на ветви, но я знала, что они видят что-то совершенно другое.

— Я остался в Хэвердейле и принес клятву... Мы не могли удержать западную дорогу, не могли бороться с дьявольским оружием Собак. Но это оружие вскоре исчезло. Отчаявшиеся люди уничтожили его. Похоже, что у Собак другого такого не было: по крайней мере, мы не видели, чтобы оно действовало снова в этих краях. Но они хорошо воспользовались им. Все крупные долины на Юге были уничтожены, все до одной. — Его рука сжалась в кулак, хотя голос по-прежнему был спокоен. — Не было лидера, который мог бы объединить всех лордов Долин. Собаки были уверены в этом. Решерд из Дорка, Майрик из Гестендейла, Дауч и Грюнен — все они либо лишились своих домов и приверженцев, либо сами были убиты. Собаки хорошо подготовились и знали все

наши слабые точки, а этих точек, похоже, было больше, чем укрепленных. Лорды не были объединены, и их ничего не стоило перебить по одному, как сбивают с ветки созревшие плоды.

Мы могли только бежать, скрываться и снова бежать. И мы стали бы побелевшими костьми, если бы не четыре лорда, которые пришли с севера и навели среди нас кое-какой порядок. Они показали, что мы должны объединиться или погибнуть. Таким образом, появилась конфедерация, заключающая пакт со Всадниками-Оборотнями.

Это было долгим делом, но течение повернулось вспять: мы брали назад долину за долиной. Иногда враги удерживались, как было у Брома Ингры. Однако, я думаю, придет время, когда Собаки будут выть, а не лаять, и мы наконец-то рассчитаемся с ними. Правда, что тогда останется? Ведь уже многие лорды убиты, долины опустошены. Высокий Халлак будет совершенно другой страной. И, возможно, здесь будет правление Четырех — нет, Трех, потому что Скиркер умер и не оставил сына, который поднял бы знамя. Да, мы станем совсем другой страной.

— А что будете делать вы? Останетесь в Хэвердейле маршалом?

— Если доживу — вы хотите сказать? — Он улыбнулся. — Нам теперь не приходится строить планы на будущее. Кое-кто здесь выживает, но как воин я не уверен, что окажусь среди них. Не знаю даже, доживу ли я до полной победы, потому что с тех пор, как я стал считаться мужчиной, я на войне. Я почти не помню, что такое мир. Так что — нет, я не дам клятвы мира Хэвердейлу. Может быть, я последую за мечтой моего отца — пойду на север искать свою собственную Долину. Но я ничего не планирую. Жить сегодняшним днем — самое разумное.

— Говорят, что на Севере и Востоке больше осталось Древних, чем здесь. — Я пыталась вспомнить то немногое, что слышала о тех местах.

— Да, это верно. Возможно, именно поэтому туда не дошли беспорядки. Нам пора ехать, девушка-щитоносец.

Ночь застала нас в скалистом месте, и мы кое-как там устроились, не разводя предательского огня. Я предложила Джервону устроиться вместе со мной под плащом Оманда, как предложила бы любому товарищу. И он принял это спокойно, как будто я была Эйлином, а не Эллис. Вдвоем под плащом было тепло, и мы крепко спали, несмотря на мороз снаружи.

На другой день мы были у Брома. Тут все еще были заметные боевые разрушения, следы погребальных костров. Джервон отсалютовал им обнаженным мечом.

— Это сделал Хэвердейл. Его люди почтили мертвых. Значит, они собрали силы и вернулись.

Он спешился, побродил среди брошенного оружия и вернулся с десятком арбалетных стрел для пополнения своего скучного запаса. Он принес также красивый кинжал с укрупненной камнем рукояткой; лезвие его нисколько не заржало, хотя все это давно лежало на открытом воздухе.

— Это работа Собак, самая лучшая, — сказал он, засовывая кинжал за пояс и снова садясь в седло. — А теперь здесь торговая дорога, и она ведет нас на юг, в Тревампер. Правда, этого города, может быть, уже и нет.

Надвигался вечер, но мы не стали разбивать лагерь у Брома. Слишком близок погребальный костер, слишком много воспоминаний у моего компаньона. Мы ехали до тех пор, пока он не свернулся в ущелье. Это было защищенное место, где виднелись следы многих старых костров, и несколько срубленных жердей давали кое-какое укрытие.

— Наш лагерь. — Он пошевелил ногой золу. — Давно погашен. Думаю, тут нам будет безопасно.

Но мы снова побоялись разводить костер. В эту ночь ярко светила луна, и я решила посмотреть на свой талисман. Правда, я была не одна, и трудно сохранить секрет от спутника, но мне необходимо было узнать, как дела у Эйлина.

Как только мы поели, я достала кубок, развернула ткань и чуть не выронила его: пятно, выглядевшее раньше как туман, теперь потемнело, протянулось вокруг ножки, а нижняя часть кубка стала черной. Я поняла, что зло настигло Эйлина. И он был все еще жив, хотя и в большой опасности — иначе кубок покернел бы весь.

— Что это?

— Это предупреждение об опасности для Эйлина. Сначала только затуманилось, ну а сейчас... видите эту черноту? Она идет вверх, значит, опасность растет. Если кубок весь покернеет — значит, Эйлин умер.

— Третья часть, — констатировал он. — Вы можете узнатъ, что это за опасность?

— Нет, только то, что это не случайность войны, это идет с путей Власти. Он чем-то околдован.

— Жители Долин не занимаются колдовством, кроме той их части, где практикуют Мудрые Женщины. А у Собак — свое колдовство, имеющее много общих корней с нашими верованиями. Значит, Древние...

Я не могла представить себе, каким образом Эйлин мог раздразнить Древнее Зло. Он никогда не интересовался такими вещами. Я стала вспоминать свое дальновидение — ту спальню, где спала девочка, а мой брат дергал и приподнимал брусья на ставнях у окон.

— Вы можете видеть далекое? — спросил у меня Джервон.

— Здесь — нет. У меня нет нужных вещей.

Я ответила ему, и сама себе удивилась. Я была так шокирована Эфрикой, что инстинктивно думала о дальновидении по ее образцу. Однако она всегда утверждала, что я унаследовала от матери более сильную власть.

Между мной и Эйлином была близкая связь, мы были близнецами и, глядя друг на друга, мы как бы гляделись в зеркало. Это значит...

— Дайте-ка мне бутылочку с водой!

Джервон принес. Я взяла полоску мягкого лыка, которое держала в кармане для ран, растерла в ней щепотку трех видов трав, которыми снабдила меня Эфрика, смочила их водой из бутылочки и этой смесью тщательно вымыла руки. Очистив себя таким образом, я взяла кубок. Хотя в нем не было жидкости, я смотрела в него, как раньше в раковину, закрыв свой мозг от всего, кроме Эйлина, чтобы увидеть, где он и что делает.

Внезапно мне показалось, что я сама нахожусь в кубке, потому что вокруг меня был серебристо-белый свет. Но это смутило меня только на секунду, а затем я увидела яснее... Вокруг меня стояли высокие колонны, вроде древесных стволов, но гладкие и отполированные, без каких-либо признаков сучков или веток. Они не поддерживали никакой крыши: над ними было звездное небо, освещенное луной.

Колонны стояли не рядом, а по спирали, так что, войдя между ними, надо было идти кругами куда-то к центру. И в эту минуту меня охватил такой страх, какого я еще ни разу не испытывала. То, что показалось в центре спирали, было чем-то настолько далеким от дорог жизни, что я восприняла его как полный и абсолютный страх.

Затем... Это изменилось, как будто неожиданно надело маску или заслонилось щитом. Ужас исчез, и на его месте появилось удивление и настоятельная потребность увидеть источник удивления. Но, поскольку я не забыла всеподавляющую ауру того, что пряталось в засаде, я не была околдованна.

На открытом месте появилась фигура в кольчуге, в шлеме, с мечом у бедра — воин ехал на боевом коне. Он спешился и уронил поводья, как будто не заботился больше о том, что

стает с лошадью. Он двинулся к отверстию спирали, как бы спеша на зов.

Я хотела крикнуть, встать между Эйлином и этими воротами, которые вели к чему-то худшему, чем сама смерть. Мой брат вошел в спираль...

— Эллис! — Меня трясли за плечи. Я сидела над кубком... пустым кубком... Светила луна, но не было колонн, не было спирали.

Я поспешила подняла кубок вровень с глазами, боясь, что чернота на нем поднялась выше. Ведь если Эйлин пошел по этой спиральной дороге — как его можно спасти? Но пятно не увеличилось, осталось прежним.

— Что вы видели? — спросил Джервон. — Вы словно смотрели на что-то безмерно страшное и выкрикивали имя вашего брата, как бы желая одним своим голосом оттащить его от смерти.

Джервон лучше меня знал эту местность, и он наверняка знал о спиральной дороге, потому что такая угроза не могла оставаться незамеченной жителями Долин.

— Слушайте! — завертывая и убирая кубок, я рассказала Джервону о своем предыдущем видении — как мой брат трудился, открывая окно... и о том, что я видела сейчас. — А где может находиться такое место?

— Ни в Тревампере, ни поблизости от него такого нет, — быстро ответил он. — Но заколоченное окно... что-то я однажды слышал насчет этого... — он потер лоб, пытаясь вспомнить. — Забитое окно... Да, Замок Ущелья Фрома! Есть старинная легенда, что из одного окна в центре башни видны далекие холмы, и если мужчина видит их в какой-то определенный час, он садится на лошадь и едет, но назад не возвращается. Таких потом искали, но не находили следа. Поскольку Ущелье Фрома не было больше жилищем лорда, а использовалось только для гарнизона, окно в башне было заколочено... Но все это было во времена моего деда.

Но это Ущелье Фрома могло оять стать домом лорда.

— Вы говорили, что мой брат обручился, а из того, что я видела, можно заключить... что теперь он уже женат. Однако он оставил свою жену и поехал искать что-то. Я еду в Ущелье Фрома!

И вот мы приехали в этот замок, но прием, оказанный нам, был весьма неожиданным. Когда меня в первый раз приветствовали на заставе, как лорда Эйлина, я не стала отрицать, потому что хотела узнать все, что только можно, о моем брате, не задавая вопросов. Итак, я сказала, что ездила на разведку и они в положенное время услышат о моем сообщении. Может, это было жалкое объяснение, но никто не спро-

сил, и все, видимо, были рады моему возвращению. Джервон тоже не опровергал моих слов. Он лишь вопрошающе взглянул на меня, но затем отвел глаза, как бы соглашаясь с той ролью, которую я приняла на себя. Я выразила горячее желание увидеть мою леди — жену, потому что Эйлин действительно женился на леди Брунисенде.

Люди улыбнулись, и некоторые захихикали и стали перешептываться. Я сообразила, что всегда так бывает, когда в компании оказывается новобрачный. Только самый старший, человек явно высокого ранга, сказал, что моя леди тяжело переживала мой отъезд и с тех пор не выходила из своей спальни. Мне пришлось разыграть большую озабоченность и ударить пятками коня.

И вот я вошла в ту самую комнату, которую видела в своем видении. И девушка все еще лежала в постели, но теперь с ней сидела пожилая женщина, чем-то напоминавшая Эфрику, и я решила, что это компаньонка и Мудрая Женщина. Девушка вскрикнула:

— Эйлин, — и бросилась ко мне. Ее ночное платье сидело кое-как, глаза ее распухли от недавних слез, а по щекам катились новые. Но женщина пристально взглянула на меня, подняла руку и сделала знак, который я хорошо знала, и я, не задумываясь, ответила ей.

Ее глаза широко раскрылись, но Брунисенда уже повисла на мне, называя меня именем брата и требуя, чтобы я сказала, где я была и почему ее оставила. Но я чуть-чуть отодвинула ее, потому что мне было трудно отвечать на такое приветствие.

Она отскочила, дико глядя на меня. В ее глазах появился страх:

— Ты.. ты изменился! Дорогой мой лорд, что с тобой сделали?

Она пронзительно захочотала и бросилась на меня, ее ногти сделали отметки на моем лице, прежде чем я успела схватить ее за руку: она визжала, что я не тот, что был. Женщина быстро подошла к ней и, повернув к себе, хлестнула по лицу. Визг сразу прекратился, а Брунисенда, потирая щеку, смотрела на ту женщину и на меня. И, глядя на меня, она вздрагивала.

— Вы не Эйлин, — сказала женщина и произнесла слова, которые я тоже знала. Но прежде, чем она закончила свои заклинания, я прервала ее.

— Я Эллис. Разве он никогда не говорил вам обо мне?

— Эллис... Эллис... — повторяла Брунисенда. — Но ведь Эллис — его сестра! А ты мужчина и так похож на моего лорда, что даже меня жестоко обманул!

— Я Эллис. Если мой брат рассказывал обо мне, ты должна знать, что я воспитывалась так же, как и он. Мы оба с детства учились владеть мечом и щитом, но наши пути разошлись. Однако связь между нами осталась, и когда я получила предупреждение, что ему грозит опасность, я приехала, так же как и он приехал бы, услышав, что я в опасности.

— Но... как ты об этом узнала... как узнала, что он исчез, пропал в холмах? Отсюда не выезжал ни один гонец. Мы держали это в секрете: хуже было бы, если бы об этом узнали. — Брунисенда следила теперь за мной с той же подозрительностью, какую я замечала у других женщин. И я подумала, что хоть она и моя невестка, но придет время, когда она захочет, чтобы я поскорее ушла. Но если уж Эйлин выбрал ее, я должна быть с нею приветливой, хотя моя первая обязанность — заботиться не о ней, а о моем брате.

Пожилая женщина подошла ближе ко мне, пристально вглядываясь в мое лицо, как будто я носила на нем какой-то знак, удостоверяющий мою личность.

— По правде сказать, миледи, — сказала она, — лорд Эйлин мало что говорил, кроме того, что его мать и отец умерли, что у него есть сестра, которая живет среди народа, давшего им какое-то пристанище. Теперь я вижу, что он мог бы рассказать гораздо больше. — И она сделала некий знак, и я ответила ей и добавила еще кое-что: пусть знает, что я не ниже ее по уровню знаний. Она кивнула, как бы решив проблему.

— Значит, было дальновидение, миледи, и вы, конечно, знаете, где он теперь...

— Это колдовство Древних, — я обращалась к ней, а не к Брунисенде, — и не Белое, а Чёрное... Началось с того, — я прошла мимо Брунисенды, которая непонимающе смотрела на меня, к тому окну, где я видела брата. Оно было совсем плотно забито, как будто он и не тружился над ним. Но когда я положила руку на нижний брус, я услышала приглушенный крик и обернулась.

Леди Брунисенда съежилась в постели, зажимая рот руками, и с бессмысленным ужасом смотрела на меня. Она вскрикнула еще раз и упала без сознания на смятые простыни.

Мудрая Женщина быстро подошла ко мне и еще раз взглянула на меня.

— Это только обморок, и ей лучше не слушать, что вы скажете, потому что она боится таких вещей, боится Учения.

— Однако же вы служите ей.

— Да, ведь я ее приемная мать, и она не знает, что я делаю. Она с детства боялась проклятия, что лежит на ее семье.

— Какое проклятие?

— То, что находится там... ждет... — она указала на окно.

— Расскажите. Я в обморок не падаю. Но сначала, Мудрая Женщина, скажите мне ваше имя. — Она улыбнулась, и я улыбнулась тоже, и мы обе знали, что у нее одно имя для внешнего мира, а другое — для внутреннего.

— Нет, конечно, вы не впадете в беспамятство, что бы вам ни сказали. А что касается моего имени — здесь я дама Вирта, а также Ульрика...

«Дама»? Тут я впервые обратила внимание, что на ней нет многоцветной одежды домочадцев лорда, что она в сером и в вуали аббатства, покрывающей ее всю, кроме лица. Но я слышала, что дамы незнакомы с Древним Знанием, и что они не выходят из стен аббатства после того, как произнесут окончательные обеты.

— Дама, — повторила она. — Война все перевернула. Дом Канты, Дважды Рожденной, был разорен Собаками в прошлом году. Я убежала и пришла к Брунисенде, потому что я принесла обеты только после того, как она была обручена. Канта, Дважды Рожденная, сама имела Древнее Знание в свое время, и ее дочери мыслят не так, как в других аббатствах. Но я назвала свое имя. А у вас нет другого?

В этой даме было что-то от Эфрики, но главное было в ней самой. И я знала, что могу верить ей.

— Мое первое имя Боевид, данное мне по обычаям народа моей матери...

— Колдуны Эсткарпа! Вам нужны теперь все их знания, если вы думаете сделать то, что привело вас сюда.

— Расскажите мне об этом проклятии, потому что оно, видимо, и взяло Эйлина.

— Есть сведения, что Первый из рода Ингарета, чьим потомком является моя леди, интересовался чуждым учени-ем, но не имел ни терпения, ни дисциплины, чтобы следовать дорогами знания, и потому шел на такой риск, о котором осторожный человек не помыслил бы. Он ходил один в места Древних, и из одного такого путешествия привел себе жену. Они спали как раз в этой комнате, но детей у них не было, и лорд забеспокоился, поскольку хотел иметь сына-наследни-ка. Он решил доказать себе, что это не его вина, и прижил сына, а затем и дочь от женщин, которых он тайно посещал. Как можно быть таким дураком, рассчитывая скрыть подобные вещи!

Однажды он пришел ночью к своей жене и обомлел: она сидела на высоком стуле, вроде того, на котором он сидел в большом холле, когда вершил суд. Перед ней на табуретках сидели две женщины, с которыми он производил младенцев,

они держали на коленях детей, смотрели прямо перед собой и выглядели какими-то пришибленными.

Он подошел к своей жене, грозно спрашивая, что она делает и почему. Она сладко улыбнулась и сказала, что она заботится о его удобствах: она привела этих женщин к нему под его кров, чтобы ему не приходилось бегать по ночам во всякую погоду ради удовлетворения желаний своего тела.

Она встала, и он обнаружил, что не может тронуться с места. Она сняла наряды, которые он подарил ей, и все драгоценности, что он навешал на нее, и все это бросила на пол. Наряды тут же превратились в лохмотья и грязь. Затем она, нагая и прекрасная в лунном свете, подошла к окну и встала на подоконник. Там она обернулась еще раз, взглянула на Ингарета и сказала то, что помнят до сих пор:

— Ты будешь желать, ты будешь искать, а найдя, пропадешь. То, что ты имел и оттолкнул, будет и через много лет звать других, и они тоже будут искать, но найдя, не воспользуются.

Затем она повернулась и выпрыгнула в окно. Тогда лорд Ингарет освободился от чар, державших его, подбежал к окну и выглянул. Он не обнаружил внизу никого, как будто прыжок перенес ее в другой мир. Он тогда созвал всех людей, поднял военный щит и признал мальчика своим сыном, а дочке дал ожерелье, подготовленное дочери в его роду. Что касается их матерей, то они с этой ночи тронулись умом и не задержались на этом свете. Но сам лорд больше не женился. На десятый год он встал ночью и ушел из Ущелья Фрома, и больше его не видели.

С тех пор многие мужчины-лорды, наследники лордов и мужья их наследниц, все близкие к роду в Ущелье Фрома, смотрели в полнолуние из этого окна, уходили и пропадали без вести. Наконец окно было плотно забито, а семья не стала жить в этом замке. За последнее время никто не исчезал... кроме вашего брата.

— Если это было много лет назад, значит то, что ждет, видимо, сильно проголодалось: У вас есть необходимое для дальновидения?

— Вы хотите сделать это здесь? Но темные силы, видимо, имеют особые связи в этой комнате.

Предупреждение было излишним. Я и сама знала, что могу подвергнуться серьезной опасности. Но сделать это было необходимо.

— В Лунной Звезде... — напомнила я.

Она кивнула и быстро вышла из комнаты. Я повернулась к седельным сумкам, которые принесла с собой, и достала кубок. Мне было страшно разворачивать его. Темное пятно

поднялось выше, но сверху осталось на два пальца чистого серебра. У меня еще оставалась надежда.

Дама вернулась с большой корзиной, где были размещены кувшинчики и бутылочки. И первым делом она достала палочку мелка и резкими, уверенными движениями нарисовала на полу против окошка пятиконечную звезду. В каждом углу звезды она поставила по белой свече. Сделав это, она взглянула на кубок, который я держала в руках, и у нее захватило дух от удивления.

— Чешуя Дракона... где ты взяла такую могущественную вещь, леди?

— Она была сделана для моей матери до моего рождения. Этим кубком пользовались, давая имена мне и Эйлину, из него мы пили с Эйлином на прощание, и поэтому теперь на нем знаки угрожающей ему опасности.

— Ваша мать, леди, действительно имела большую власть, если смогла вызвать к жизни такую вещь. Я слышала, что это можно сделать, но за очень высокую цену...

— И она заплатила без спора... — с гордостью ответила я.

— Да, только могущественный человек мог так поступить... Вы готовы? Я буду защищать вас, как умею.

— Я готова.

Я подождала, пока она налила в кубок смесь из двух бутылочек, а затем встала внутри нарисованной ею звезды, а дама тем временем зажгла свечи. Когда они ярко разгорелись, дама тихо запела призыв. Но ее голос был слабым и далеким, как будто она была не рядом, а через долину.

Я пристально смотрела в кубок, где жидкость начала пузыриться. Туман от нее наполнил мои ноздри, но я не отвела головы. Когда туман осел, жидкость стала спокойной, как зеркало. Я точно повисла в воздухе. Подо мной была спираль из колонн. Ее завитки шли кругами до центра, а в центре были люди. Они стояли неподвижно... и не дышали. Не люди, а муляжи, сделанные так искусно, что казались живыми.

Они тоже стояли по спирали, одни почти что в самом центре, а остальные по виткам сзади. И последний в этой линии был Эйлин. Когда я узнала его, что-то узнало и меня, по крайней мере, знал, что я выселяю ЭТО. Не злоба, а скорее, презрение и насмешка — как смеет такая мелочь, как я, беспокоить ЭТО? Однако оно...

Я напрягла волю и вернулась обратно, к горящим свечам.

— Вы видели его?

— Да. И знаю, где его найти. И сделать это надо как можно скорее.

— Сталью - оружием - вы его не спасете.

— Будьте уверены, я знаю. Но она еще никогда не встречала такую, как я, и она чересчур уж уверена в себе, и это может сработать против нее.

Никогда еще не случалось, чтобы пропавшего лорда Ущелья Фрома искала Мудрая Женщина, кровно связанная с ним. Это было в мою пользу, но времени действительно оставалось мало. Если Эйлин долго пробудет в этой паутине, он станет, как и те, остальные, образом, не человеком.

— Из этого замка есть другой выход? — поинтересовалась я.

— Да. Вы хотите идти сейчас?

— У меня нет выбора.

Она дала мне кое-что из своего запаса: два амулета, травы и показала тайный ход в стенах, сделанный на случай осады замка. Затем она послала свою личную служанку привести лошадь. И я выехала на заре, ведомая только тонкой нитью моего дальновидения. Я не знала, далеко ли мне ехать, но ехала я быстро, потому что время подгоняло. Я проехала мимо патрулей, главным образом, с помощью искусства Мудрых Женщин отводить глаза окружающим. Наконец я выехала в дикую местность, прорезанную оврагами и заросшую кустарником, так что мне много раз приходилось спешиваться и разыскивать дорогу, а то и прорубать ее через кустарник мечом.

Однажды после такой работы я остановилась передохнуть, прежде чем снова сесть на усталую лошадь, и услышала, что за мной едут. Я знала, что в таких зарослях могут скрываться разбойники. А могли тут быть и люди из Замка, удивленные тем, что их лорд вернулся и снова исчез. И всякое вмешательство могло оказаться роковым для Эйлина.

В такой пересеченной местности я могла, в крайнем случае, укрыться от преследователей. С мечом в руке я погнала коня за кустарник, такой густой, что даже без листьев в осеннюю пору он представлял собой плотную завесу, и стала ждать.

Тот, кто ехал за мной, был мастером в знании леса: он ехал так осторожно, что не спугнул бы и птицы. Это был Джервон... Джервон, о котором я, можно сказать прямо, забыла, как только приехала в Замок. Но зачем он тут? Ведь у него, кажется, были свои планы: он хотел найти своего лорда.

Я вышла из укрытия.

— Что вы делаете на этой дороге, меченосец?

— Разве это дорога? — На его лицо падала тень от шлема, но я видела, что он поднял брови. Он делал так, когда ему что-то казалось забавным. Я часто видела это выражение в те дни, когда мы ехали вместе. — Я назвал бы эту дикость дорогой, но, может быть, мои глаза меня обманывают? А насчет того, что я здесь делаю — так разве я не говорил вам,

что в наше время человеку не стоит ехать одному, если ему предлагают компанию?

— Вам нельзя ехать со мной! — чуть-чуть высокомерно ответила я, поскольку чувствовала его упрямство. Он и представить себе не мог, какое сражение предстоит на этой дороге, и в этом сражении он может стать моим врагом, а не другом.

— Прекрасно. Поезжайте, миледи. — Он так охотно согласился, что я разозлилась.

— Ну, а вы поедете сзади? Говорю вам, Джервон, вам здесь не место. То, что делаю я — это ремесло Мудрой Женщины. Я должна встретиться с проклятием Древних, а оно достаточно сильно, чтобы убить человека. — Я была вынуждена сказать ему правду, потому что иначе не могла бы убедить его в своей правоте. Но выражение его лица не изменилось.

— Разве я не знал этого с самого начала? Воевать с чарами — это вопрос спорный... там могут быть люди-волки или еще какая-нибудь чужая угроза, о которой вам лучше не знать. Но что, если на вас нападут с мечом или стрелой еще до того, как вы доберетесь до цели, в то время, как вы должны сохранить силы для вашего колдовства?

— Вы не давали мне клятву верности. Ведь у вас уже есть господин. Найдите его: это ваша обязанность.

— Я не давал вам клятвы, леди Эллис, но я дал клятву самому себе. Я буду за вашей спиной, пока вы едете по этому пути, и я не позволю никаким чарам обратить мою волю в ничто. Дама из Замка дала мне это, — он достал из-за ворота кольчуги подвеску в виде петлевого креста из лунного серебра, и я поняла, что он прав. Даже я должна была потратить немало сил, чтобы преодолеть защиту этого амулета, так что он будет прекрасным щитом для Джервона. Я только удивилась, зачем дама послала за мной человека, не обученного какому-либо Мудрому Искусству.

— Пусть будет так, — согласилась я. — Только вот что: если вы почувствуете что-то, какое-то принуждение, немедленно скажите мне. Здешние чары могут превращать и друзей во врагов, открыв ворота большой опасности.

— На это я согласен.

Итак, дальше я ехала не одна. С наступлением темноты мы остановились на гребне, где было два больших скалистых пика. Между ними мы и устроились.

— Вы знаете, куда вам надо ехать? — спросил Джервон. Он почти весь день ехал молча. Если бы не стук копыт его лошади, я вообще бы могла забыть о моем спутнике.

— Меня тянет.

Я не стала объяснять. Теперь я слишком хорошо знала, что находится впереди — потревоженное, недовольное... и знала также то, что со своим обучением не могу быть на равных с Древними.

— Далеко мы или близко?

— Я думаю, близко. — Именно так я расценивала недовольство этого существа. — Это значит, что вы должны оставаться здесь.

— Вспомните, что я говорил. — Он положил руку на перекрещивающуюся петлю. — Я иду за вами.

— Но здесь-то уж нечего опасаться каких-либо людей... — начала я, но прочитала в его глазах, что мои слова его не трогают. Я не могла остановить его ни мечом, ни чарами. Я только подивилась его беспринципному упрямству. — Вы не понимаете, к какой опасности вы идете. — Я вложила в это предупреждение всю свою силу. — Мы имеем дело не со сталью, не с кулаком, а с таким оружием, о котором вы и понятия не имеете...

— Леди, с тех пор, как я увидел в Дорне действие оружия Собак, я готов встретиться с любым оружием. Начиная с того дня, как я пришел в себя у вас, я стал жить не своей жизнью: по правилам мне полагалось умереть с теми, кого я любил и кто составлял мой мир. И теперь я не держусь за жизнь, потому что она уже не моя. Мое самое горячее желание — увидеть, как вы станете воевать с теми неслыханными и неведомыми силами, о которых вы говорите с таким знанием дела. И если мы близко, то давайте готовить боевые щиты!

В его словах было столько решимости, что я не нашлась, что ответить, и только посмотрела с гребня вниз, потому что внизу лежала необычайная тьма, и я искала безопасную тропу.

То, что я увидела, наверняка было дорогой Древних, вернее сказать, колеей, которая шла совершенно прямо. Она была очень узкой и привела нас в лес, где стала вилять между громадными деревьями. В лесу стояла удивительная тишина: ни крика ночной птицы, ни шороха животных. И все это время было ощущение чего-то медленно, неотвратимо пробуждающегося.

— Нас ждут, — тихо сказал Джервон. — И за нами следят...

Значит, он был достаточно восприимчив, если тоже почувствовал это. Однако в этом пробуждении не было угрозы. Просто наш приход был пока кем-то отмечен.

— Я предупреждала вас, — в последний раз попыталась я уговорить Джервона отступить, — что мы имеем дело с другими силами, не человеческими. Да, нас ждут. Но что случится — я не знаю.

Он не ответил, и я поняла, что никакие мои аргументы не помогут.

Тропа так петляла, что в конце концов я потеряла направление. Но нить, что связывала меня с тем, кого я искала, не пропала. И я знала, что она приведет меня, куда надо.

Наконец мы подъехали к тому, что я видела в дальновидении — к спирали из колонн. Они сияли здесь, в открытом месте, холодным ледяным блеском.

Я услышала резкое восклицание Джервона и испуганно повернула голову. Петельный крест на его груди брызгал живым огнем, словно был сделан не из лунного серебра, а из драгоценного камня. И я знала, что амулет выявляет свою силу перед эманацией спирали. Моим коленям стало тепло от седельных сумок, из которых исходило неясное излучение. Я достала кубок. Только тоненький ободок остался незатемненным!

— Оставайтесь здесь! — приказала я Джервону. Может быть, он и не послушается, но мне надо думать только об Эйлине, о его спасении, больше ни о чем. Джервон сделал выбор — пусть принимает последствия.

С кубком в одной руке и с одним из тех предметов, что дала мне дама — жезлом из очищенной от коры рябины, вымоченной в соке ее же ягод и затем выставленной на несколько ночей на полный лунный свет в месте Древней Власти, я пошла вперед. Жезл был легким, никакого сравнения с мечом, висевшим у моего бедра. Я не сняла с себя меч, потому что он был выкован из металла, принесенного моим отцом из чужих мест, и значит, является здесь талисманом.

С жезлом и кубком и сознанием того, что я одна встречусь с Находившимся Здесь, я прошла мимо первой колонны и начала свой путь.

Сначала меня потянуло как бы течением, а затем стало резко отталкивать назад. То, что следило здесь, видимо, чувствовало, что я не ошеломлена и не столь податлива, как другие жертвы. Затем пауза, во время которой я твердо пошла вперед, держа кубок и жезл, как щит и копье, готовая к битве. Затем...

Сильный толчок, вроде удара. Я устояла. Это не заставит упасть меня на колени или повернуть назад. Я сражалась, как сражаются с порывом штормового ветра.

Я легко и твердо шла вперед, но покачивалась из стороны в сторону, несмотря на все свои усилия: я делала большой шаг, но выигрывала лишь дюймы. Но я заставила себя думать лишь о том, что должна сделать, отбрасывая в сторону все помехи, потому что брешь, которую мог сделать в моей борьбе страх, оставила бы меня беззащитной.

Меня поддерживала горящая искра надежды. То, что я встретила здесь, сильно — много сильней того мастерства и энергии, которые могли противопоставить Эфрика и я. Но Оно шло не в полную силу адепта: видимо, дело было в том, что все эти годы Оно не встречало сопротивления. И именно то, что я боролась, могло поколебать эту уверенность, что все пойдет по его воле.

Я обнаружила, что хотя колонны отстояли друг от друга довольно далеко, их связывало силовое поле, так что, попав в спираль, уже нельзя было вырваться.

Я чуть было не попала в простейшую ловушку из-за своей минутной оплошности. Я шла по шаблону, ровным шагом, не подумав, что это служит чужим целям. Сообразив, я стала разбивать чары — шла то быстро, то медленно, иногда даже делая прыжки, чтобы уберечься от гипнотизирующего мозг и тело влияния. Я приготовилась к новой атаке. То, что ждало, дважды пыталось положить меня, и оба раза проваливалось, а значит, третий удар будет много сильней.

Лунный свет погас, но гигантскими свечами светились колонны. Они давали зеленоватый свет, отчего мои руки выглядели неприятно грязными. Зато жезл и незамутненная часть кубка горели теперь как два факела: они светились голубым светом, какой дают свечи, защищающие от чар.

Еще раз началось нападение, на этот раз через зрение. Что-то скользило, свиваясь меж пылающих колонн, показывались лица и фигуры, столь отвратительные, какие могут быть только у Темных Сил. Я защищалась только тем, что не отводила глаз от кубка или жезла.

К видениям добавился звук. Знакомые голоса то умоляли меня, то приказывали или предупреждали. Этой зрительной и звуковой осадой здешние силы пытались опутать меня узором своих плетений. Но моя способность к борьбе росла, и я была как меченосец, окруженный врагами, который, однако, держит их всех на расстоянии.

Я продолжала свой путь. И внезапно все прекратилось: и звуки, и видения, и давление. Но это была не победа, а только передышка. Глава этого места собирал силы и ждал меня в центре спирали, прежде чем бросить на меня всю свою мощь. Я воспользовалась этой передышкой и пошла быстро.

Я вошла в центр этой спирали, которую сплела или, по крайней мере, пользовалась та, что наложила заклятие на лорда Ущелья Фрома. И я была не одна: здесь стояли мужчины, повернув головы к центру круга. Их было двенадцать, последний из них — Эйлин. Ни в ком из них не было искры жизни. И они походили на статуи, сделанные столь искусно, что им не хватало только теплоты и дыхания, чтобы ожить,

но как раз этого и не было. Они были скованы тем, на что смотрели.

В центре стоял круглый каменный блок, а на нем...

Туман сгустился и принял форму прекрасной обнаженной женщины. Она подняла руки и откинула назад свои роскошные волосы, но они не легли ей на плечи, а поднялись, как связывающие усики растений, и у каждого, казалось, была своя жизнь. Тело женщины было серебристо-белым, как лунный свет, и волосы тоже серебристые, только глаза были черными и без белков, и казались глубокими колодцами, из которых кто-то недобро глядел на мир. Она была совершенством, она была прекрасна, и я поняла, что тянуло к ней мужчин: здесь получила форму и жизнь сама Женственность.

Но меня это не привлекало, а отталкивало. Все, что делает женщину подозрительной, ревнивой и ненавидящей, тоже было здесь выделено в чистом виде и возведено в высшую степень. Я думаю, она только сейчас поняла, что я не то, чем казалась по виду. И за этим пониманием последовал взрыв ненависти. Но я была готова к этому и быстро подняла перед собой кубок и жезл. Ее волосы яростно корчились и тянулись ко мне, как будто каждый волос старался обвиться вокруг моей шеи мертвой петлей. Затем она засмеялась. В этом смехе было презрение королевы к какой-нибудь судомойке, посмевшей бросить вызов ее могуществу. Она была уверена в себе.

Она откинула волосы назад, и они засияли под ее пальцами, как раскаленный металл. Она стала скручивать пряди в шнурки. Но я не стала дожидаться ее атаки. Я слышала о той магии, которую она готовила. Она начиналась как любовные чары и могла бы считаться относительно безвредной. Но оборотная сторона любви — ненависть, а в ненависти эта магия могла убить.

И я запела — не вслух, а про себя. И, поскольку я следила за женщиной, моя песня следила за каждым движением и поворотом ее серебряных пальцев и шла в том же ритме, будто я тоже плела невидимую копию ее шнура.

То, что она делала, было, конечно, куда сильнее тех любовных чар, которые я знала, и это, в общем-то, не удивительно, если принять во внимание то, кем она была. Но она пользовалась знакомыми мне чарами, и это чуть-чуть перевешивало чашу весов в мою пользу. Я ожидала мастерства адепта, а увидела то, что знает каждая Мудрая Женщина. Конечно, это было только начало: с продолжением нашей борьбы ее чары будут усиливаться и усложняться. Она сделала петлю, но не бросила ее, а перекидывала из руки в руку, не спуская с меня взгляда черных глаз. Я заметила, что женская аура,

сексуальный призыв, которыми она пользовалась, как оружием, потускнели.

Ее тело больше не было таким совершенным: руки и ноги стали тонкими и длинными, груди обвисли, лицо стало черепом, обтянутым кожей. Только волосы остались прежними.

Ее губы скривились в презрительной улыбке, и она впервые обратилась ко мне со словами. Не знаю, говорила ли она вслух, или телепатически.

— Ведьма, посмотри на меня и на себя. Чем ты можешь привлечь?

Если она хотела задеть мое тщеславие... Неужели она так мало знает женщин, что думает столь слабой атакой добить себе хоть временную победу?

Ее слова ничего для меня не значили. Я должна была следить за петлей.

— Какой мужчина пойдет за тобой?

Вдруг ее насмешки прекратились, и она подняла голову. Глаза ее больше не смотрели на меня, даже руки остановились, волосяная петля слабо повисла в одной ее руке. Она как-будто прислушивалась к чему-то... Однако я ничего не слышала.

В ней снова произошла перемена: ее красота вернулась, тело округлилось и сделало ее идеальным образцом, который любой мужчина счастлив был бы иметь в постели. И она снова рассмеялась:

— Ведьма, я недооценила тебя. Похоже, у тебя был добровольный провожатый. Какая жалость. Но из нищего тоже можно сделать кеглю. Следи, ведьма, и ты увидишь, какова власть... — и она тряхнула головой. А я возрадовалась: она настолько потеряла осторожность, что чуть не назвала свое имя. Если бы она это сделала, она пропала бы. Она слишком давно не встречала сопротивления, поэтому забылась. Следовательно, мне надо все время быть настороже, чтобы извлечь пользу из любой такой оплощенности.

— Повернись и смотри, ведьма! Смотри, кто идет на мой зов, как шли все эти дураки.

Мне не нужно было смотреть и ослаблять свою настороженность. Если Джервон пришел сюда, пусть сам и отвечает за последствия. Я не могла позволить себе отвлечься от борьбы между мной и серебряной женщиной.

Я не столько увидела, сколько почувствовала движение рядом. Затем рука Джервона попала в поле моего зрения, и я увидела, что он поднял меч и направляет его острие к женщине.

Она запела обманчиво-сладко и протянула к нему руки, хотя петлю не выпустила. И я видела в ней, хотя и сама была

женщиной, все соблазны моего пола, привлекающие мужчину и обещающие ему все наслаждения тела.

Джервон шагнул вперед. Я не могла порицать его, потому что такое колдовство не в силах отвести даже талисман на его шее. Чары были слишком сильны, слишком рафинированы.

И эта сила вызвала во мне злобу, как будто серебряная женщина угрожала всему, что было мне дорого. Но я была Мудрая Женщина, у которой тело и эмоции должны быть под контролем мозга.

Она заговорила, обращаясь к Джервону — полился целый поток певучих, призывных слов. Его меч качнулся, острие уперлось в землю. Он свободной рукой схватился за амулет и дернулся, как бы намереваясь порвать цепочку и отбросить талисман. Но я почувствовала кое-что еще.

Да, чары ее были сильными, но он боролся с ними. И не от страха, как иной раз борется человек, сознающий, что перед ним смертельный соблазн, — нет, Джервон боролся, потому что какая-то его часть знала — он не желал ее по-настоящему.

Как это я поняла — не знаю... быть может, потому, что я сама чувствовала то же самое. Женщина протянула к нему руки, она была воплощением желания, стремящимся только к одному. Его рука, лежавшая на амулете, больше не дергала его, а крепко сжимала, как единственный якорь спасения.

Случилось то, чего я ожидала: волосяная петля взлетела, но не ко мне, а к Джервону, словно его упрямый отказ подчиниться вывел женщину из терпения.

Я ждала, направив конец жезла на эту петлю. Она тут же закружила вокруг него, как вокруг плота, но мгновенно распустила кольца, чтобы соскользнуть на мою руку. Я тряхнула жезлом, увидев эти ослабевшие кольца, и петля полетела обратно к той, что ее послала. Петля легла у подножья блока, на котором стояла Женщина, вытянувшись змеей и снова поползла к нам. А та уже плела вторую петлю, такую же, и на этот раз очень быстро.

Джервон стоял, держа в одной руке опущенный меч, а в другой крепко сжимал талисман. Я знала, что ему больше нечем защищать себя от нее. Только я могла отразить ее атаки, но теперь я была в более невыгодном положении, чем раньше, потому что она грозилась захватить Джервона, если я не распространю свою защиту на него. Но имею ли я на это право? Я колебалась и злилась на себя за эту нерешительность. У меня же нет выбора, я должна предоставить Джервона его судьбе и сосредоточиться только на последней битве между женщиной и мной.

Она закончила новую петлю, но не бросила ее на нас, а уронила, и петля тоже поползла к нам. Женщина снова улыбнулась и стала плести третью.

Да, такая атака могла принести ей победу.. Но я все-таки сомневалась. Я сунула кубок за пояс и левой рукой выхватила из ножен свой меч. Свет не отразился на нем. Лезвие было темное, как безлунная ночь. Я никогда не видела его таким: он всегда был обычным мечом.

Я положила его на пол перед собой, направив острие к ползущим петлям. Но я не знала, поможет ли тут меч. Есть силы, которые можно уничтожить металлом, но есть и такие, что съедят его. Но этот меч был особым, я полагалась на выбор моих родителей, которые, видимо, высоко ценили этот металл.

Я снова взяла кубок и стала ждать. Но мне приходилось делить свое внимание между женщиной и ползущими к нам петлями — а их было уже три.

Одна из петель подобралась к лезвию и свилась в кольца, как готовая напасть змея, ее конец поднимался вверх и стал раскачиваться из стороны в сторону, точно перед ним стояла стена. Я на минуту поверила, что у меня есть еще одна защита.

К моему удивлению, Джервон двинулся тяжело и рывками, как бы под непосильной тяжестью. Он поднял свой меч и разрубил петлю. Та отскочила назад, закрутилась, но упала. Значит, сталь — тоже защита.

Те, что стояли вокруг, как статуи, были, в основном, вооружены, но их мечи были в ножнах. Видимо, эти люди были настолько околдованы, что и не подумали сражаться за свою свободу.

Серебристая Женщина зашипела разъяренной кошкой и бросила в меня четвертую петлю, но мой жезл снова поймал ее и швырнул обратно. И тут я поняла, что должна перехватить инициативу у этой Женщины. Я уравновесила жезл, как копье, и бросила прямо ей в грудь. Она резко вскрикнула и взмахнула волосами, точно щитом.. Я видела, как жезл глубоко проник в ее тело, а пряди волос расплывались и отпали. Но она схватила жезл и сломала его о камень, на котором стояла. Однако, половина ее волос ссохлась и отпала.

Я быстро схватила свой меч. А Джервон все еще двигался так, как будто на его руках висел свинцовый груз, и с трудом рубил оставшиеся петли. Но он двигался так медленно, что им хватало времени напасть на него.

У меня же не было времени разглядывать Джервона, я должна была думать о немедленных действиях. Я перескочила через ползущие петли к блоку, на котором Женщина вырывала свои волосы, но уже не плела из них шнурки, а

просто бросала горстями на нас обоих: волосы летели, как плотное облако.

Я помахала перед собой мечом, чтобы разогнать их, и остановилась перед женщиной. Ее лицо снова стало черепом. Руки, переставшие рвать волосы, вытянулись, и на моих глазах пальцы превратились в когти, готовые вцепиться в человека. Я взмахнула мечом и ударила пустоту. Но Женщина все еще стояла здесь, готовая впиться мне в горло. Я ударила еще раз и поняла: то, что я видела, было иллюзией, миражом. Тело, ее ядро лежало где-то в другом месте. Я должна была найти его или полностью проиграть битву.

Я услышала слабый крик: Джервон разрубил две петли, а третья обвилась вокруг его ног и поднималась выше. Но у меня не было времени: я должна была искать колдовское ядро. Оно наверняка было где-то в центре спирали, иначе не могло бы проявляться так сильно.

Женщина не двинулась с места, но ее когтистые руки все еще тянулись, голова поворачивалась под немыслимыми углами, так что она все время следила за мной. Изо рта ее вылетело яростное рычание, она все больше и больше теряла человеческий облик, и ее злоба соответствовала ее безобразной внешности.

Теперь я осознавала, что она связана с каменным блоком и ничего не может сделать, кроме трюков с волосами. Пока я следила за этими ее движениями, я могла свободно искать то, что надо было найти, если оно не полностью уничтожено или унесено.

Пройдя вдоль молчаливых фигур, я медленно пошла по кругу, внимательно следя за врагом. Она подняла руки к лицу, когти ее снова стали пальцами, и она сложила ладони чашей, как будто держала что-то драгоценное, затем поднесла к губам и осторожно подула. Несомненно, это была новая атака: только я не знаю, какая именно.

Она неожиданно раскрыла ладони. Там было что-то маленькое... я никогда не видела такого, но не сомневалась, что это — зло.

Кожистые крылья, рогатая голова и острая морда. Все красное, как искра, вылетевшая из костра. И женщина подбросила вверх эту чудовищную летающую угрозу. Я была уверена, что существо нападет на меня, но оно покружилось и быстро исчезло. Я не знала, когда и откуда оно появится вновь, но не решилась тратить время на ожидание — надо было продолжать поиски, и я стала перебегать от колонны к колонне. А женщина все время следила за мной и скалила зубы в злобной усмешке.

После того, как жезл был сломан, я возложила все свои надежды на кубок. Вещь Власти должна была реагировать на Власть, когда приблизится к источнику, из которого появилась женщина. Однако, чистый серебристый край кубка не становился более блестящим.

Я отошла от колонн. Ну, конечно, источник Власти находился под блоком, на котором она стояла. Но как поднять этот блок, как его опрокинуть?

Я встала позади Джервона. Его ноги были опутаны не только петлей, но и теми волосами, которые бросала Женщина. Они поднялись по его телу, но не высоко, и его руки с мечом были еще свободны. Мы должны с ним действовать вдвоем — теперь я поняла это. Но сможет ли он? Захочет ли помочь?

Я провела вокруг него своим черным мечом. Сеть волос сморщилась и исчезла. Джервон повернул голову. Лицо его было неподвижным, белым и похожим на лица тех, других, только глаза его были живыми.

— Помогите мне... с этим камнем... — И я положила меч на его плечо. Он вздрогнул и тяжело двинулся. Я ни на минуту не забывала о крылатом существе, которое послала женщина. Зачем она его послала? Для атаки или как призыв о помощи?

Джервон сделал один шаг, затем — под моим нажимом — второй. Двигался он страшно медленно. Я сунула кубок за пояс, схватила Джервона за руку и направила острие его меча в зазор между камнем и землей.

Рука с уродливыми когтями махнула в дюйме от моего лица, но что-то — возможно, амулет — спасло меня. Я воткнула свой меч в ту же точку и громко закричала:

— Поднимайтесь!

Я держала рукоятку меча обеими руками. И в этот момент появилось алое существо и нацелилось мне в глаза. Я отдернула голову, но с помощью тех сил, которым долго служила, не выпустила рукоятку меча.

Я почувствовала жгучий удар по щеке, как будто горящим факелом, и услышала шипящий визг. Но главным был камень. И он двинулся!

Я напрягла всю свою силу и одновременно снова крикнула:

— Джервон, поднимайтесь!

Объединенными усилиями наших мечей камень поднялся, хотя летающее создание носилось над нашими головами. Джервон вскрикнул и пошатнулся, но мы уже сделали свое дело — камень опрокинулся.

Та, что угрожала нам с блока, исчезла. Но красный летун снова нацелился мне в глаза с такой яростью, что я, полуос-

лепленная, откинулась назад. Меч все еще был в моей руке, и я ткнула им наугад в то место, которое мы только что открыли. Раздался тихий плач. Алое существо исчезло.

Я стояла на краю небольшой ямы. Там был гроб, но острие моего меча легко проткнуло его, как мягкую землю. Буквально через несколько секунд не осталось ничего.

Плиты под моими ногами стали трескаться — сначала вокруг ямы, а затем эрозия пошла волнами и коснулась ног первого мужчины-статуи. Мужчина вздрогнул, зашевелился, но его латы, красные от ржавчины, содержали одни кости, которые с треском посыпались на расколотый пол вместе с кусками съеденного временем железа.

Так было и с остальными. Мертвецы, потерявшие подобие жизни, падали один за другим.

— Мертвые! — сказал Джервон.

Я оглянулась на него. Он утратил свое неподвижное выражение лица и как бы проснулся.

— Да, давно мертвые. Как и эта ловушка. Она тоже умерла.

Я вытащила свой меч из ямы, где он торчал из земли. Конец лезвия был разъеден, как если бы попал в кислоту. От моего оружия осталось три четверти. Я сунула его в ножны, поражаясь силе, выходившей из гроба.

А Эйлин? Что будет с ним? Я быстро повернулась к тому месту, где стоял он.

Он шевельнулся, неуверенно поднес руку к голове, сделал шаг и споткнулся о кости и латы своего менее счастливого предшественника. Я бросилась к нему, готовая поддержать. Он моргал и оглядывался кругом, как очнувшийся ото сна.

— Эйлин! — я бережно тормошила его, как ребенка, кричавшего во сне.

Он медленно оглядел меня.

— Эллис? — вопросительно протянул он, как бы неуверенный, что это действительность.

— Эллис, — подтвердила я и достала кубок.

Чернота исчезла. Серебро так ярко блестело в лунном свете, как будто кубок был только что сделан. Эйлин протянул руку и коснулся кубка.

— Дракон с серебряной чешуей...

— Да. Он сказал мне, что ты в опасности и привел меня сюда.

Он оглянулся. Эрозия все распространялась. Колонны потеряли свой феерический блеск, большая часть их обрушилась... Власть, которая все это держала, исчезла.

— Где...где мы? — Эйлин нахмурился в недоумении: знает ли он обо всем, что с ним случилось?

— Это сердце Проклятия Ингарета, и ты был захвачен...

— Ингарет! — это имя, казалось, разбудило его окончательно. — Где Брунисенда? Где моя леди?

— Она в безопасности в замке Ущелья Фрома, — сказала я, но меня охватило странное ощущение, что Эйлин отошел от меня, хотя я все еще держала его за руку.

— Я не помню... — к нему вернулась неуверенность.

— Это уже не важно. Ты свободен.

— Мы все свободны, леди. Но останемся ли мы свободными? — сказал Джервон.

— Здешняя сила ушла, — сказала я, будучи в этом абсолютно уверена.

— Одна ли она в округе? — продолжал Джервон. — Я буду чувствовать себя спокойно только тогда, когда мы сядем на лошадей и поедем обратно.

— Кто это? — спросил меня Эйлин.

Я подумала, что мозг его все еще затуманен и поспешила ответить.

— Это Джервон, маршал Хэвердейла, он приехал вместе со мной, чтобы освободить тебя. И его меч помог мне выиграть сражение с Проклятием.

— Очень признателен, — рассеянно проговорил Эйлин.

Я думала, что он все еще в плену чар, и поэтому медленно соображает, и простила ему эту убогую благодарность, но его манеры меня задели.

— Где находится Ущелье Фрома? — живым и нетерпеливым голосом спросил Эйлин.

— День пути верхом, — ответил Джервон.

Я уже не могла говорить: во время борьбы с Серебряной Женщиной я забыла всякую усталость, но сейчас, когда все кончилось и Эйлин освобожден, вся эта усталость навалилась на меня. Я покачнулась. За моей спиной оказалась рука, крепкая, как стена, и поддержала меня. Эйлин уже отошел.

— Тогда поехали, — сказал он.

— Подождите. — Слова Джервона щелкнули как приказ. — Леди ехала целый день без отдыха и сражалась всю ночь, чтобы освободить вас. Она не может ехать тотчас же.

Эйлин нетерпеливо оглянулся. Лицо его стало упрямым, как в детстве.

— Я... — начал было он и после минутной паузы кивнул: — Ладно.

Он сказал это неохотно, но я была слишком измучена, чтобы обращать на это внимание.

Я так толком и не помнила, как мы выбрались из развалин спирали, смутно помню только, как лежала на земле на

скатанном плаще; крепкая рука держала меня и далекий голос требовал, чтобы я спала.

Я проснулась от дразнящего запаха мяса, а приоткрыв глаза, увидела танцующее пламя костра, и над ним, на прутьях, тушки лесных птиц, маленьких, но таких вкусных, что даже лорд Долин не отказался бы иметь их на праздничном столе.

Джервон без шлема и с откинутым на плечи круглым капюшоном сидел и критическим оком поглядывал на жарящихся птиц. А где же Эйлин? Я повернула голову, но брата не было видно. Я приподнялась, окликнула его.

Джервон быстро повернулся ко мне:

— Он уехал около полудня, тревожась за свою супругу, и, конечно, за свои владения.

С меня мигом слетели остатки сна, потому что мне не понравился тон Джервона.

— Но местность опасна... вы сами говорили, что ехать в одиночку рискованно... а нас трое... — я сообразила, что говорю не то, но я чего-то тут не понимала.

— Он мужчина, хорошо вооруженный. Он решил ехать. Может, я должен был его связать? — тем же тоном сказал Джервон.

— Не понимаю... — я окончательно запуталась и смутилась.

Джервон резко отвернулся к костру. И я видела его щеку, твердый подбородок и прямую линию, в какую иногда складывался его рот.

— И я тоже! — с жаром сказал он. — Если бы кто-нибудь сделал для меня то, что вы сделали для него, я не отходил бы от этого человека. А он только и болтал о своей леди. Если он так много о ней думает, то зачем он пошел в сети этой?..

— Может, он забыл? — Я откинула меховой плащ. — Колдовство часто делает такое. А уж если Власть забрала его, то он не мог сопротивляться. Вы, конечно, помните, какие чары она наводила. Если бы вы попали в петлю, она втянула бы и вас.

— Прекрасно! — его голос не утратил гордости. — Возможно, он действовал, как любой мужчина. Однако же от вашего брата можно было бы ожидать, что он поступит не как все. И... — Он остановился, как бы подыскивая выражения, поскольку не хотел сказать то, что просилось на язык. — Леди, не надейтесь... ну, впрочем, может я вижу поднятые мечи там, где они все еще в ножнах. А что вы скажете насчет того, чтобы покушать?

Мне хотелось бы узнать, что его раздражало, но я не могла силой заставить его говорить. Да и голод сейчас был сильнее

всего. Я жадно потянулась к мясу и, дуя на него, стала пальцами отдирать мясо от нежных косточек.

Я так долго спала, что мы покончили с едой почти на заре. Джервон привел одну лошадь. Значит, вторую взял Эйлин! Этого я не ожидала. Поведение брата мне казалось все более странным.

Я не спорила, когда Джервон настаивал, чтобы верхом ехала я, хотя я считала, что мы, как товарищи, должны ехать по-очереди. Пока я ехала, мои мысли были заняты Эйлином. Дело в том, что он оставил нас... Любой, только что освобожденный от чар, может оказаться настолько затуманенным, что в его мозгу будет только одна мысль, которую надо немедленно воплотить в жизнь. И если Брунисенда значила для него так много, то он и стремился к ней, как к якорю спасения. Нет, я не расценивала его отъезд как бесчувственность: ведь я никогда не была захвачена колдовством, так что мне трудно было об этом судить.

Я вспомнила, каков был Эйлин мальчиком, вспомнила все, что когда-то принимала как должное. Но почему-то у меня было такое ощущение, что никто из постигших Мудрое Учение никогда не отказывался от подобных ощущений и не считал их беспринципными.

Эйлин никогда не выражал интереса к Мудрому Учению. Теперь, когда я сопоставила все воспоминания, я поняла, что он побаивался его. Хотя на многих вещах для меня лежали обеты молчания, все-таки оставались некоторые кусочки Учения, которыми он мог бы воспользоваться. Но ему не нравилось, когда я показывала свое искусство в его присутствии.

Удивительно, что он не противился, когда я, например, играла с ним в мяч. Тогда он обращался со мной вполне по-братьски, и я была довольна, но стоило мне заговорить о том, что я делаю с Эфрикой — он сразу отскакивал, как пугливая лошадь. Правда, он согласился выпить со мной прощальный кубок. Это были единственные связывающие нас чары, которые он принял.

Мы оба знали, что наша мать вызывала Силы, чтобы дать нашему отцу сына. Она выковала Кубок Дракона и в последний момент попросила еще и дочь, с радостью заплатив своей жизнью. Так что мы не были обычными детьми, магия с самого начала играла роль в нашей жизни. Почему же Эйлин боялся ее?

Я проводила много времени с ним и с отцом, но были у меня и другие часы, о которых мой отец никогда не говорил. Он тоже, как я теперь вспоминаю, знать не желал об этой стороне моей жизни, как будто в ней было что-то уродливое.

Я глубоко вздохнула, когда новая концепция моего прошлого полностью раскрылась передо мной. Неужели мой отец и Эйлин чувствовали отвращение к магии и даже стыдились ее? Как они могли? Ведь моя мать... Что случилось в Эсткарпе, почему мои родители были вырваны из своей прежней жизни и брошены в убогий Варк?

Стыдиться силы! Неужели мои отец, брат видели во мне отмеченную... или замаранную?

— Нет! — громко сказала я.

— Что — нет, миледи?

Я испуганно взглянула на Джервона, идущего рядом. Я жаждала спросить его и боялась. Но затем я овладела собой, потому что в его ответе могло быть решение проблемы Эйлина.

— Джервон, знаете ли вы, кто я? — спросила я напрямик, и голос мой звучал чуть хрипло, потому что от его ответа зависело многое.

— Очень храбрая леди и Госпожа Власти, — ответил он.

— Да, Мудрая Женщина, — я не хотела его лести, — имеющая дело с Невидимым.

— Для хорошей цели... вроде как здесь. А что вас смущает, леди?

— Не уверена, что все мужчины думают, как вы, мой друг, что хорошо быть Госпожой Власти. Если иной раз и допускают это, то далеко не так благожелательно. Я родилась с таким знанием, это моя жизнь. Я не могу представить себя без этого, хотя оно отгораживает меня от других, и есть такие, что косо смотрят на меня.

— Сюда относится и Эйлин?

Он быстро соображает, чересчур быстро! А, может быть, я слишком глупа и выдала свои мысли? Но я зашла уже слишком далеко, чтобы скрывать свои дурные предчувствия.

— Может быть... не знаю.

Но надеялась ли я, что он станет отрицать это? Если так, то я ошиблась, потому что он тут же ответил:

— Если это так, то многое объясняется. Кроме того, он был пойман в сомнительном деле и меньше всего хочет видеть тех, кто может напомнить ему об этом.

Я осадила лошадь.

— А у вас не так?

Джервон положил руку на рукоять меча:

— Это — моя защита, мое оружие. Сталь, которой я могу коснуться, которую я могу увидеть в своих руках. Но есть другое оружие, и вы это удачно доказали. Неужели я должен бояться или косо смотреть на это оружие только потому, что оно не металлическое и невидимое? Я обучен искусству войны, но кое-что знаю и о путях мира. Да, я учился, и вы тоже. Не знаю, но возможно, что кое-что в моем учении тоже

показалось бы вам странным. Как можно считать одно учение большим или меньшим другого, если они идут из разных источников? В вашем мирном искусстве у вас дар врачевания, а то, что вы сделали с Проклятием — это ваше военное искусство. Нет, я не могу смотреть со страхом или отвращением на то, что вы делаете!

Так он ответил на самые черные мои мысли. Но если Эйлин думает по-другому, что будет со мной в последующие дни? Я могу вернуться в ту безымянную долину, — если ранняя зима еще не запечатала ее, — где остался народ Варка. Но меня ничто не связывает с ними, кроме Эфрики, но и она навсегда простила со мной, когда я уезжала. Двух Мудрых Женщин там не надо, а для меня она сделала все, что могла. Я теперь взрослая женщина и проверила свою силу. А оперившийся птенец не может вернуться в свою бывшую скорлупку.

Ущелье Фрома? Нет, там для меня нет ничего. Я уверена, что правильно оценила Брунисенду за то короткое время, что видела ее. Она могла принять свою даму, но для Мудрой Женщины, близкой родственницы мужа, будет достаточно косых взглядов.

Но если не в Долину и не в Замок... то куда же? Я задумчиво огляделась вокруг. Я и в самом деле оказалась выброшенной... и только теперь поняла это.

— Ну, поехали? — сказал Джервон, как бы читая мои горестные мысли.

— А куда? — в первый раз за наше совместное путешествие я ждала от него ответа, не имея своего.

— Я бы сказал, что не в замок, — с резкой и ясной решимостью сказал он. — Или, если хотите удостовериться, что Эйлин вернулся, можно и туда с визитом, но надо сделать этот визит как можно более кратким.

Я ухватилась за это решение — оно давало мне время подумать.

— Ну, что ж — тогда в Ущелье Фрома, и... ненадолго.

Хотя мы вынуждены были ехать медленно, мы еще до вечера увидели людей, посланных Эйлином навстречу нам. Я обратила внимание, что хотя люди обращались с нами почтительно, сам Эйлин не приехал с ними.

Мы приехали в замок, когда взошла луна, и меня отвели в комнату для гостей, где ждали служанки с котлом горячей воды для снятия дорожной усталости, какой я еще не ведала. Но прошлой ночью я спала на голой земле куда лучше, потому что меня не мучили никакие мысли. Утром, когда я встала, служанки принесли мне мягкое платье, которое носят леди Долин. Но я попросила мою блузу и дорожные брюки.

Служанки заволновались и сказали, что по приказу леди Брунисенды эти мои вещи были выброшены, как изношенные. По моему настоянию одна из девушек вспомнила о другой одежде и принесла ее мне. Одежда была мужская, но новая и, видимо, принадлежала моему брату. Во всяком случае, я надела ее вместе со своей кольчугой, сапогами, перевязью для меча и ножнами, в которых было мое искаленное оружие.

Плащ, седельные сумки и дорожную котомку я оставила в комнате. Девушки сказали, что брат еще со своей леди, и я послала попросить о встрече.

Я снова вошла в роковую комнату. Брунисенда ахнула, увидев меня, и крепко вцепилась в шелковый рукав сорочки Эйлина.

Брат хмуро уставился на меня, затем ласково отвел ее руку, шагнул ко мне и еще сильнее нахмурился, оглядывая меня сверху донизу.

— Зачем ты здесь в таком наряде, Эллис? Неужели ты не понимаешь, что Брунисенде тяжело видеть тебя такой?

— Я ходила так всю жизнь, брат. Разве ты забыл это?

— Ничего я не забыл! — взорвался он, как будто сознательно копил свою злобу. — То, что было в Варке — давно прошло. Забудь и ты грубые времена. Моя дорогая леди поможет тебе в этом.

— Захочет ли она? И много мне надо забыть, брат? Похоже, что ты уже забыл!

Он поднял руку, и мне показалось, что он готов был ударить меня. И я поняла: он боится меня не как Мудрую Женщину, он боится, как бы я не рассказала Брунисенде о том, как его околдовали.

— Это забыто, — сказал он предупреждающе.

— Пусть так. — Мне нечего было решать. Все было решено за меня давным-давно. Мы были близнецами, на одно лицо, но в остальном вряд ли родные. — Я ничего не прошу у тебя, Эйлин, кроме лошади. Я не собираюсь идти пешком, а мою лошадь ты взял.

Его хмурое лицо чуть-чуть посветлело.

— Куда же ты поедешь? Обратно к этим, в Варке?

Я пожала плечами и не ответила. Если он хочет так думать — пусть думает. Я все еще была поражена бездной между нами.

— Ты мудра, — Брунисенда подкралась к Эйлину. — Люди все еще боятся Проклятия. Раз ты имела дело с этой силой, они будут бояться и тебя...

Эйлин зашевелился:

— Она уничтожила это ради меня. Никогда не забывайте этого, миледи!

Она ничего не ответила, но так взглянула на меня, что стало ясно: дружбы между нами никогда не будет.

— Уже день — я поеду. — У меня не было никакого желания смотреть на то, что похоронено в прошлом.

Он дал мне лучшую лошадь из своей конюшни, приказал также привести вьючную лошадь и нагрузить ее различными вещами и припасами. Я не отказывалась от этой его попытки облегчить свою совесть. Я видела, что его леди не сводит с нас глаз, поражаясь нашему сходству. Я села в седло и посмотрела сверху на Эйлина. Я не желала ему зла. Он живет по своей натуре, я — по своей. Поэтому я сделала знак, благодаривший его и желавший ему счастья. Он сжал губы, как будто не хотел этого.

Итак, я выехала из Ущелья Фрома. У ворот меня догнали. Это был Джервон. Я спросила его:

— Вы узнали, где ваш лорд? В какую сторону вы едете, чтобы вернуться под его штандарт?

— Лорд умер, — ответил Джервон. — Его люди — те, кто остался жив, — ушли под другие знамена. Так что я без лорда.

— Куда же едете, меченосец?

— Я потерял лорда, а нашел леди. Ваша дорога будет моей, Госпожа Власти.

— Отлично. И какая дорога, куда?

— Война все еще идет, леди. У меня меч и у вас тоже. Давайте поищем, где можно получше тревожить Собак.

Я засмеялась, потом повернулась спиной к Ущелью Фрома. Я была свободна от главенства Эфрики, от жалкого надзора Варка, от чар Кубка Дракона, который отныне станет просто кубком, а не магнитной стрелкой, вовлекающей меня в опасность. Если только... Я глянула на Джервона, но он смотрел не на меня, а на дорогу — если только я не предпочту употребить этот кубок по-другому. А в будущем я, пожалуй, так и сделаю.

Кузнецы песен перековывают в блестящие произведения многие легенды, как старые, так и новые. Есть ли в них правда — кто знает? Однако и в самом невероятном рассказе лежит зерно истины. Так было с легендой о Сне Кузнеца, хотя нашему современному доказать это так же трудно, как вычерпать ковшиком Фос Торн.

Брэзон был кузнецом в Гейле и познал все великие и малые тайны своего мастерства. Он работал как с бронзой и железом, так и с драгоценными металлами, хотя для последних он употреблял немногие и редкие инструменты.

У него были два сына — Эрнар и Колард. Оба были понятливыми юношами, так что не только в Гейле, но и значительно дальше Брэзона считали счастливым человеком. Два раза в год он ездил по реке Туфорн с товарами собственного изготовления — крюками, лезвиями мечей, а иногда и брошами и ожерельями из чистого серебра.

Это было еще до вторжения. Высокий Халлак жил мирно, если не считать разбойников да лесных бродяг и им подобных, кто время от времени делал набеги. Из-за этих людей жители Верхних Долин нуждались в оружии.

Висис был лордом Итондейла, но жители Долин мало видели его, потому что он унаследовал от матери поместья в прибрежных странах и там вторично женился. Так что лишь немногие старики, да одна-две прачки бывали в замке от одного зимнего праздника до другого.

На третий год после второго брака Висиса (жители Долины были извещены об этом послании) в самом Гейле случилось нечто более важное.

С холмов пришел торговец. Один из его пони был нагружен слитками вроде бы чистого металла, но Брэзон не мог сказать, что это за металл. Даже необработанный, он сиял, и это очаровало кузнеца. Испытав кусочек металла огнем и молотком, он с восторгом купил весь груз. Продавец отвечал уклончиво на вопрос о происхождении металла, но Брэзон решил, что человек просто хочет сохранить секрет, который принесет ему выгоду в дальнейшем. Поскольку пони захромал, торговец с явной — по крайней мере, так показалось, — неохотой оставил в одном из ларей Брэзона два мешка, где было больше металлического лома, чем руды. Брэзон не сразу начал работать с этим металлом: он долгое время изучал его, обдумывал, как лучше его использовать, и, наконец, решил сделать сначала из него мечи. Прошел слух, что лорд Висис посетит эти самые западные свои владения, и поднесение лорду такого образца кузнечной работы могло в дальнейшем оказаться полезным.

Плавка была поручена Коларду, поскольку парень прекрасно справлялся с этим делом. Брэзон решил, что его сыновья по очереди будут приучаться к работе с этим металлом, так как предполагал, что торговец приедет еще раз со вторым грузом.

Ни один человек не застрахован от случайностей в работе. Все присутствующие, в том числе и сам Брэзон, установили, что вина не в оплошности или небрежности Коларда — все знали, что он был старательным и аккуратным — однако плавка взорвалась, и кузницу едва не разнесло на куски.

Были обожженные и покалеченные, но сильнее всех пострадал Колард. Для него было бы лучше умереть тут же, потому что когда он встал после долгих месяцев страданий и отчаяния, он уже был не человек.

Шервана, Мудрая Женщина и целительница, взяла к себе изломанное тело. То, что выползло из ее дома, уже не было Колардом, прямым и стройным мальчиком, гордиться которым мог любой отец. Это было нечто такое, что можно иногда увидеть в резьбе, к счастью сильно попорченной временем и погодой на развалинах Древних. Тело его было скрючено, он ходил согнувшись, как столетний старец, а лицо его было страшной маской, какие выглядывают из-за деревьев в посещаемом нечистой силой лесу... Шервана старалась помочь, но ее стараний было явно недостаточно, чтобы полностью скрыть его облик от глаз людей. Все быстро отводили взгляд, когда он ковылял мимо.

Она взяла мягкую кору и сделала маску, чтобы скрыть его изуродованное лицо, и он носил ее всегда, но все равно старался не попадаться никому на глаза. Он не вернулся в дом отца, а занял старую хижину в дальнем конце сада, работал по ночам, чтобы прежние товарищи не видели его, и перестроил ее в достаточно удобное жилище, потому что погубивший его несчастный случай не отнял его умелых рук, а также разума.

Он работал в кузнице по ночам, но, в конце концов, Брэзон запретил ему это, поскольку были возражения против стука молотков, а народ Гейла не хотел напоминаний о человеке, который пользовался этими молотками... так что Колард перестал ходить в кузницу. Чем он занимался, никто не знал, и все почти забыли его. На следующее лето, когда его брат женился на Никеле из Милла, он не был на свадьбе и не захотел заходить в те участки двора и сада, где домочадцы могли увидеть его.

На третий год Колард появился в кузнице, но только потому, что приехал торговец — не тот, а другой. Пока он торговался с Брэзоном, Колард стоял в тени, но когда дело было закончено, сын кузнеца выступил вперед и коснулся руки торговца.

Он ничего не сказал торговцу, только кивнул в сторону стола, на котором расстелил кусок ткани и поставил целую серию маленьких фигурок. Тут были и животные причудливой формы. Тела их были выполнены с таким совершенством, будто бедняга Колард, обреченный до конца жизни ходить скрюченным, вложил в эти фигурки все свое желание быть таким же, как его товарищи. Фигурки были частью из дерева, но в основном — из металла. Брэзон, остыл беневший при

виде такого совершенства, заметил особый блеск. Это был тот самый металл, который он отложил в сторону, боясь браться за него после того случая.

Торговец сразу понял ценность вещей и решил купить. Колард хриплым каркающим голосом назначил цену, которую даже Брэзон нашел хорошей. Когда торговец ушел, Брэзон повернулся к Коларду. Он даже забыл о пустой маске, которой только глаза придавали сходство с живым человеком.

— Колард, как ты их сделал? Я никогда не видел подобной работы, даже в Туфорде, в лавках заморских купцов. Раньше... раньше ты никогда не делал такого... — он начал путаться в словах, глядя на маску, будто говоря не с сыном, а с кем-то чужим, вроде тех, кто, как рассказывают, танцуют вокруг неких камней, к которым осторожный человек и близко не подойдет.

— Не знаю, — ответил скрежещущий и грубый, как лай, голос. — Пришло в голову, вот и сделал. — Колард повернулся, чтобы уйти, но отец удержал его:

— Твоя выручка.

Тут были заморские монеты, годные для обмена или в переплавку, малиновая ткань, два ножа с рукоятками из резного рога.

— Сохрани это. — Колард хотел пожать плечами, но потерял равновесие и вынужден был схватиться за край стола. — Зачем мне богатство? Мне ведь не покупать свадебных подарков невесте!

— Но если тебе не надо того, что дал торговец, зачем же... — спросил Эрнар, который тоже был здесь. Он был слегка раздосадован, что его младший брат, ничем особенно не выделявшийся ранее, сделал такие замечательные вещи.

— Не знаю, — Колард повернулся к брату. — Наверное, хотел знать, имеют ли они ценность для умного умельца. Да, отец, ты напомнил мне о моем долге, — он взял кусок тонкой ткани и маленьку золотую монетку с ушком, чтобы можно было носить на цепочке. — Мудрая Женщина сделала для меня все, что могла... — И, помолчав, добавил: — А остальное пусть пойдет на мою долю в хозяйстве, раз я не могу зарабатывать на хлеб в кузнице.

В сумерках он принес свой подарок Шерване. Он выложил его на стол в маленькой комнате, где так хорошо пахло сухими травами и отварами из них. Сова со сломанным крылом наклонилась с полки над его головой, а маленькие дикие животные, ставшие здесь ручными, торопливо разбежались при его появлении.

— Я приготовила... — она подошла к шкафчику и достала маску, которая была гораздо мягче той, что была на Коларде. Он с удивлением пощупал ее.

— Хорошо выделанная кожа, — сказала она, добавив: — И подвергнута действию непогоды. Я давно искала что-нибудь подходящее. Ты примерь ее. У тебя была работа?

Он полез во внутренний карман куртки и достал последнюю вещь, которую принес он Шерване. Если торговец с жадностью взял то, что увидел утром, то как он загорелся бы при виде этой вещи? Это была статуэтка крылатой женщины. Руки ее были широко раскинуты и подняты вверх, будто она тянулась в небо к чему-то страстно желаемому. Она отличалась от тех фигурок, что он продал, как законченное лезвие ножа от грубой его заготовки.

— Ты видел Ее? — Шервана протянула руку к статуэтке, но не коснулась ее.

— Как и все остальное, — проскрежетал он в ответ, — во сне. А когда проснулся, решил сделать образ мечты. Мудрая Женщина, если ты и вправду мне друг, дай мне что-нибудь, чтобы я уснул и не проснулся.

— Ты знаешь, что я не могу этого сделать, иначе моя лечебная сила пройдет между пальцами, как текучая вода. Но знаешь ли ты, почему ты видел такой сон? Какие места тебе снились?

— Знаю только, что местность, которую я видел, не в Долинах — по крайней мере, какие они сейчас. Может ли человек видеть во сне далекое прошлое?

— Человек видит собственное прошлое. Но если ему дан талант, почему бы ему не увидеть и более далекое прошлое?

— Талант! — Колард произнес это слово, как молитву. — Какой талант?

Она переводила взгляд с него на крылатую фигурку.

— Колард, мог ли ты раньше делать такие вещи?

— Ты не понимаешь. У меня только руки, а я отдал бы все за прямую спину и за лицо, от которого бы женщины не шаражались с визгом.

— Ты никогда не позволял мне бросить руны о твоем будущем...

— Нет, и не позволю! — вскипел он. — Да и кто пожелал бы этого, будь он такой, как я? А насчет того, почему такой сон и последующее воплощение мечты пришло ко мне... Видишь ли, я перекладывал в кузнице тот необычайный металл. В нем, наверное, какое-нибудь страшное колдовство. Тот торговец так и не вернулся сюда, и мы не смогли спросить его.

— Я уверена, — сказала Шервана, — что этот металл из какой-нибудь цитадели Древних. У них тоже были войны,

но они пользовались не мечами и копьями, а чем-то более сильным. Возможно, торговец случайно попал в древнюю цитадель и взял остатки такого оружия?

— И что же? — спросил Колард.

— Этими вещами человек пользуется эмоционально, но делает их своими руками, носит с собой, вкладывает в них свою жизнь. Такое влияние может оставаться много лет. И если этот остаток эмоций внезапно выпустить, они войдут в неосторожного человека, откроют...

— Понятно, — Колард провел пальцами по чисто выскобленной поверхности стола. — И пока я лежал больной, я был таким образом открыт для... и в меня вошла память других людей?

Она закивала:

— Именно! Возможно, ты видел во сне Долины, какими они были до прихода сюда нашего народа.

— А что в этом хорошего для меня?

— Не знаю. Но пользуйся этим, Колард, пользуйся! Если дар остается неиспользованным, он вянет, и мир становится беднее.

— Мир? Ну что ж, я могу продавать это. И если я буду зарабатывать свой хлеб, никто меня не потревожит. Всю жизнь идти по темной дороге и никогда не свернуть в гостеприимную дверь...

Шервана молчала. Потом вдруг схватила его за руки, прежде чем он успел ее отдернуть, и повернула ее ладонью к свету. Он хотел вырвать руку, но не смог. Она наклонилась и стала рассматривать линии на его ладони.

— Не надо прорицаний! — закричал он. Сова зашевелилась и опустила здоровое крыло.

— Разве я что-нибудь говорю? — спросила Шервана, выпуская его руку. — Как хочешь, Колард. Я ничего не сказала.

Он смущенно отвел руки, как бы собирая отметки, оставленные Шерваной.

— Мне пора идти. — Он взял маску, собираясь примерить ее в своей хижине, где никто не увидит его лица.

— Иди с миром, — сказала Шервана, как было принято говорить среди ее народа, и почему-то эти слова дали ему некоторое облегчение.

Шло время, все избегали хижины Коларда, а он никого не приглашал к себе, даже отца. Второй торговец тоже не приходил, но зато пришли новые из большого мира за Долинами, из мира, который людям Гейла казался легендарным.

Когда лорд Висис женился, у него была дочь от первой жены. Но теперь пошли разговоры не только в Гейле, но и на дальних фермах, потому что в замок приехали люди, начали

чистить и приводить в порядок комнаты в центре замка. Висис посыпал туда свою дочь, леди Джесинду, так как в городе она болела.

— Болела! — Колард на пути к колодцу остановился в темноте, потому что голос его невестки Никелы резко звонел. — Это не новость! Когда дама Матильда позвала меня к себе в комнаты посмотреть, много ли еще травы надо насытить под ковер, она говорила достаточно откровенно. Молодой леди никогда не будет лучше. Маленькое скрюченное существо, похожее на ребенка, а не на девицу на выданье. Впрочем, нашему лорду не найти желающего взять ее в постель, если только он не даст за нее приданного, как за дочерью Высокого Лорда.

Дело в том, как говорила леди Матильда, что леди Гвениен не хочет, чтобы его дочь была с ней. Она очень чувствительна и говорит, что не сможет родить своему лорду крепкого сына, если постоянно будет иметь перед глазами это хилое перекрученное тело.

Колард бесшумно поставил ведро и шагнул поближе к окну. В нем впервые проснулось любопытство, и ему захотелось услышать, что еще скажет Никела.

Она продолжала бы говорить, но тут Брэзон заворчал, чтобы ему дали подогретого эля, и Никела бросилась к очагу.

Колард, вернувшись к себе, не взялся за инструменты, а сел у камина. Сняв маску, он медленно вертел ее в руках, вспоминая слово за словом все, что он подслушал. Значит, леди Джесинду убрали с глаз долой в деревенский замок? Да, он знал старое поверье, что беременная женщина не должна видеть ничего и никого уродливого, потому что это может оставить метку на ребенке в ее чреве. И лорд Висис, конечно, должен был сделать все, что мог, для будущего сына. Мнения леди Джесинды, наверное, и не спрашивали. Но, может быть, она и сама была рада скрыться от посторонних глаз, поскольку она не такая, как все.

Понравится ли ей в Гейле? Не будет ли ей, девушки, еще тяжелее, чем Коларду? В первый раз Колард оторвался от своих мечтаний и от своей горечи и подумал о другом человеке.

Он встал, зажег свет и, подойдя к полке, осветил фигурки, стоявшие там. Пока он критически разглядывал их, что-то зашевелилось в его мозгу, но не только воспоминания сна. Он снимал некоторые из статуэток, поворачивая их в руках, но почти не видел их: он размышлял. Наконец, он выбрал одну, которая, как ему казалось, отвечала его целям. Он перенес ее на стол и разложил рядом инструменты. Эта статуэтка изображала животное вроде лошади, стоявшей на задних ногах, но не в сражении, а в радостном свободном

прыжке. И оно было похоже на лошадь, но между изящными его ушами торчал рог.

Положив статуэтку на бок, Колард принялся за работу. Уже пропели петухи, когда он кончил. Теперь танцующий единорог стал печаткой, в основании ее была выгравирована буква «джей» с обвивающей ее виноградной лозой.

Колард отодвинулся от стола. Он сделал то, что хотел. Но зачем? У него было искушение бросить статуэтку в плавильный костер, но он этого не сделал и решил просто забыть о своем безумии. Он не присутствовал при появлении лорда Висиса с дочерью, хотя все остальные жители Гейла были в сборе. Позднее он слышал, что леди Джесинду привезли на носилках, и она была так укутана в плащи и покрывала, что видно было только ее лицо. Она и в самом деле была очень маленькой, а лицо ее было очень узким и очень бледным.

— Такие долго не живут, — услышал он заявление Никеллы. — Я слышала, что дама Матильда уже послала за Шерваной. С леди приехала только ее старая нянька, — и она тоже больная. Не очень-то весело будет в замке Гейла! — В ее голосе слышалось сожаление, но, как был уверен Колард, не о судьбе Джесинды, а о том оживлении в замке, которое вносило разнообразие в жизнь деревенских жителей.

Колард потрогал свою маску. Она уже износилась, скоро опять придется нанести визит Шерване... Его честность возразила: к чему эти извинения и предлоги? Ведь он хочет услышать о леди, о том, как она оказалась в таком же теле, как и у него. И с наступлением темноты он пошел, в последний момент захватив с собой печатку.

В окне Шерваны горел свет. Он постучал условным стуком, вошел и с удивлением увидел Шервану у камина. Она сидела, не сняв плаща, только откинув на плечи капюшон, которого он еще у нее не видел. Он быстро подошел и взял ее за руку.

— Что случилось?

— Ох, Колард, бедная малышка, как ужасно...

— Леди Джесинда?

— Ужасно, — повторила она. — Но она так ласково говорила со мной, даже когда я должна была причинить боль ее бедному телу. А ее няня стара, и при всей своей любви к леди мало чем может помочь ей. Дорога была очень тяжела для девочки, но, я думаю, она не жаловалась и даже не выражала протеста против своего изгнания — по крайней мере, так сказала мне няня после того, как я дала леди облегчающее питье, и она уснула. Но это жестокое дело — привезти ее сюда.

Колард слушал, присев на корточки. Ясно было, что леди Джесинда получила поддержку Шерваны.

Постепенно Шервана успокоилась и выпила чай из трав, которые он подал ей. Она не спрашивала, зачем он пришел, и, казалось, была рада, что он здесь. Наконец он достал из поясного кармана печатку и поставил ее под свет лампы. Она была сделана из того странного металла, который погубил Коларда. А он все время тянулся к этому металлу, и ему казалось, что статуэтка, сделанная из него, была лучше и ближе подходит к тому, что он видел во сне. Теперь печатка сверкала на свету.

Шервана глубоко вздохнула, увидев вещицу. Перевернув ее и увидев гравировку, она кивнула:

— Ты хорошо сделал, Коллард. Я отдаю ее ей в руки...

— Не надо! — Теперь ему захотелось взять свою работу обратно, но руки не повиновались ему.

— Надо, — твердо сказала Шервана. — И если она попросит — принеси и остальные. Коллард. Если ты заставишь ее забыть хоть на минуту, какова ее жизнь, ты сделаешь великое дело. Принеси мне наугад несколько вещей, тех, что могут ей понравиться и, может быть, вызовут ее улыбку.

Коллард осмотрел свою коллекцию, но не мог ничего выбрать «наугад» и засел за работу.

Дважды он приходил к Шерване со своими приношениями. Теперь он работал только с тем металлом и находил, что с ним легко работать. Но на третий раз Шервана пришла сама, и это было так необычно, что он даже растерялся.

— Леди Джесинда хочет видеть тебя лично и поблагодарить.

— Лично! — Коллард закрыл лицо руками поверх маски.

Глаза Шерваны сверкнули гневом:

— Ты никогда не был трусом, Коллард. Так неужели ты боишься несчастной девочки, которая хочет только выразить тебе свою благодарность? Она так хочет этого, это желание камнем застяжало в ее мозгу. Доставь ей радость, не отнимай ее у бедняжки. Она знает, что было с тобой, и поэтому просит тебя прийти к ней через старые постовые ворота. Я пойду с тобой. Неужели ты откажешься?

Он хотел отказаться, но не мог, потому что в нем самом росло желание увидеть леди Джесинду. Он стеснялся спрашивать о ней Шервану, а из тех отрывочных сведений, что он слышал, он не мог представить себе образ девушки. Так что он согласился.

И вот Коллард в сопровождении Шерваны пришел в будуар леди Джесинды. Он старался идти прямо, насколько позволяло его искривленное тело: маска плотно закрывала его лицо от всех глаз, и, главным образом, от глаз Джесинды.

Говорили, что она маленькая, когда видели ее обложенной подушками и укутанный меховыми плащами; теперь же,

когда она сидела в кресле с высокой спинкой, она казалась еще меньше. Длинные волосы цвета темного меда, заплетенные в косы и перевязанные лентами, лежали на сгорбленных плечах. Из всего остального были видны только бледное узкое лицо и две белые руки, лежавшие на доске, что положили на ее колени. На доске стояли все фигурки людей и животных, которые ей послал Колард. Впоследствии он даже не мог вспомнить, как они поздоровались. Как будто два старых друга встретились после многих несчастий, сели на солнышке и радуются теплу и своей встрече. Она рассказывала о его работе, а он рассказывал ей о своих снах. А затем она сказала нечто, задержавшееся у него в мозгу:

— Ты счастливый, Колард, что у тебя магические пальцы, и ты можешь сделать свои сны живыми. И я счастлива, что ты разделил их со мной. А теперь назови мне эти вещи!

Каким-то образом он начал давать названия каждой фигурке, а она кивала головой и говорила:

— Совершенно правильно! Ты точно назвал их!

«Это само по себе было сном», — думал он потом, когда ковылял домой рядом с Шерваной. Он всю дорогу молчал и переживал все заново, все то, что мог вспомнить.

Наутро он проснулся с настоятельной потребностью работать. Он работал дни напролет с ощущением, что должен выполнить задачу, а времени у него мало. Теперь он делал не просто маленькую фигурку, а холл в миниатюре... холл, какой мог быть разве только у высокого Лорда. Ароматное дерево для панелей и металл — все тот же странный металл.

Выбившись из сил, он засыпал, иногда голод слишком донимал его. Он тщательно и вдумчиво делал всю обстановку холла. Сделал на возвышении два высоких кресла. Они были пусты — и это было неправильно. Колард провел рукой по лицу без маски — в первый раз грубые рубцы не имели для него никакого значения. Чего-то не хватало, а он так устал, что не мог даже думать.

Он упал на постель и заснул так крепко, что вроде не видел никаких снов. Однако, проснувшись, он знал, что надо сделать. В нем снова возникло ощущение срочности, так что он жалел минуты, потраченные на еду.

Он работал с бесконечной тщательностью. Он не знал, сколько времени прошло, но у него были готовы те, кто должен был сидеть на высоких креслах в холле, и он поместил их туда.

Женщина — не с изуродованным и горбатым телом, а стройная и прекрасная, способная ходить, бегать и ездить верхом. Но лицо ее было лицом Джесинды — и в этом никто не смог усомниться.

Мужчина... Колард повертел его, задумчиво оглядывая. Нет, это было не его лицо... но он знал, что так — правильно. И когда он посадил их обоих в высоком холле, он оглядел хижину другими глазами.

Он встал и умылся, надел свою лучшую одежду, довольно жалкую, впрочем, потому что в последние годы одежда служила ему только для прикрытия тела, но не для получения удовольствия, затем убрал свои инструменты, которые он сделал сам, собрал все фигурки — первые свои работы, те, что были слишком гротескными или страшными, и сунул их в плавильный костер.

Холл он завернул в кусок ткани и взял с собой. Вещь была тяжелая и шел он медленно. Но когда он дошел до окраины деревни, то его поразили движение и освещенные факелы на улицах — так бывало только при каких-либо важных событиях. Замок тоже был весь освещен факелами.

Холодные пальцы страха коснулись Коларда, и он повернулся обратно, к дому Шерваны. Когда он стучал в ее дверь, он весь покрылся потом, хотя ночной ветер был достаточно холодный.

Не получив ответа на стук, Колард сделал то, чего никогда не делал: приподнял щеколду и вошел без приглашения. Станный запах наполнял комнату, в каждом конце стола горело по голубой свечке, а между свечами лежали предметы, которые, как он догадался, относились к Мудрому Искусству — развернутый свиток пергамента, прижатый по краям двумя странно окрашенными камнями, миска с мерцающей и вспыхивающей искрами жидкостью, нож, пологенный крест-накрест с рунным жезлом.

У стола стояла Шервана. Он испугался, что она рассердится, но она кивком подозвала его, как будто ждала его прихода. И хотя до этого он отмахивался от ее тайн, тут он подошел с ощущением чего-то неладного и с чувством, что времени остается все меньше. Он не поставил свой груз на стол, пока Шервана, опять-таки не говоря ни слова, жестом не приказала сделать это. Он развернул ткань. В свете голубых свечей маленький холл... У Коларда захватило дух и ему показалось, что он смотрит издалека в настоящую реальную комнату.

— Итак, вот он — ответ, — медленно произнесла Шервана, наклонившись и внимательно осмотрев весь холл, как бы удостоверясь, что он подходит для ее целей. Затем она выпрямилась и снова взглянула на Коларда.

— Случилось многое. Ты не слышал?

— О чём? Я работал над этим. Что-нибудь с леди Джесиндой?

— Да. Лорд Висис умер от горячки. Похоже, что его новая леди обманулась в своих надеждах, которые заставили ее отослать леди Джесинду сюда. Единственная наследница — его дочь. Теперь она больше не будет забытой... но замышляется недоброе. Леди Гвениен послала за ней и хочет немедленно выдать ее замуж за своего брата Хэтберта, чтобы сохранить земли и богатства. Не настоящий брак, конечно, и долго ли проживет Джесинда с теми, кому нужны лишь ее богатства, а не она сама?

Колард схватился за край стола. Слова Шерваны били его больней, чем любые удары по телу.

— Она... она не должна ехать!

— Да? А кто ее удержит, кто станет на пути тех, кто послан за ней? Некоторое время она пролежит в постели под предлогом болезни. Ее нянька и я напугали приехавших за ней предсказанием смерти Джесинды в дороге. А этого они боятся — что она умрет до свадьбы. Говорят, что лорд Хэтберт едет сюда сам, чтобы обвенчаться с ней на ее смертном одре, если так случится.

Колард хотел заговорить, но она отмахнулась, сказав:

— В эту ночь я призвала силы, которые я никогда не осмеливалась тревожить, потому что Мудрая Женщина может их вызвать только один или два раза. Они ответили мне, и если ты захочешь помочь...

— Как?

— Высоко в северных отрогах есть гробница Древних. Си-лу, что жива там, наверное, можно вызвать, но ее можно сфокусировать на работе. У тебя есть это, — она указала на сотворенный им холл. — Тут сидит леди Джесинда, какой она должна бы быть, и все это сделано из того металла, с которым когда-то работали сами Древние... Что может быть лучше, чтобы призвать Силу и Власть? Но это надо сделать у гробницы, а времени очень мало.

Колард снова завернул свою работу. Он знал, что Шервана верит в истинность того, что она сказала. И если она права... Даже если она ошиблась, что он может сделать? Сразить тех, кто собирается увезти Джесинду? Лучше поверить, что Шервана права... Никто не может отрицать, что Древние все еще могут показать свою власть, если захотят: о таких случаях много рассказов.

Шервана взяла сумку и положила в нее две новые свечи и сверток с травами.

— Поставь то, что ты принес, на средний камень, — сказала она, — а по бокам поставь свечи... вот так же, как они стоят здесь. Когда свечи разгорятся, брось в огонь по щепотке

травы и трижды вызови Таланна. А я пойду в замок и сделаю то, что смогу, для отсрочки дела. Торопись!

— Да. — Он уже шел к двери.

Бежать он не мог. Самое большое, на что он был способен, это неуклюжее ковыляние, но и оно было трудно по грубоей почве. Но в конце концов он добрался до отрогов. Без сомнения, дом Мудрой Женщины недаром находился недалеко от гробницы Древних.

Пройти через поля было не очень трудно, но последовавший за тем подъем потребовал всех сил Коларда, физических и умственных. Он шел по тропе. Возможно, в хорошую погоду по ней легко было идти, но не сейчас, в темноте. Но Колард заметил, что от его ноши исходит слабый свет, и приоткрыл ткань, чтобы излучение металла освещало ему путь.

Дважды он оскальзывался и падал, больше ушибаясь, потому что берег то, что нес на себе, больше, чем тело свое. Он страшно устал и продвигался дюйм за дюймом только усилием воли. Но во время всего этого кошмарного пути перед его глазами стояло бледное лицо леди Джесинды, и то, что он видел в ее глазах, поддерживало его силы.

Так он дошел до Древней гробницы. Она была вырублена в скале искусством людей или тех существ, что когда-то были здесь, и над ней была полоска резьбы, сильно попорченной эрозией. Коларду показалось, что он видит в этих остатках резьбы животных из своих снов. Но он перевел свое внимание на камень, стоявший прямо перед гробницей. Камень имел форму полумесяца. Колард встал между его рогами, поставил на алтарь свое изделие и снял покрывало.

Трясущимися руками он поставил свечи и зажег их, а потом бросил на каждую по щепотке травы. Закурился ароматный дымок. Колард наклонился над алтарем и закричал изо всех сил — хотя это вышло не громче хриплого кваканья лягушки:

— Таланн! Таланн! Таланн!

Колард и сам не знал, на что он надеялся. Древняя Власть была ужасной, она могла сжечь его на месте. Но ничего не произошло, и он упал на землю — не столько от чрезмерной усталости, сколько от мрачного отчаяния. Древняя Сила... может, она слишком стара или давно исчезла?

А затем... в его мозгу, словно эхо от скал, прозвучал грубый голос:

— Чего ты хочешь?

Колард не пытался ответить словами, он был слишком ошеломлен и напуган. Он произнес безмолвную мольбу за леди Джесинду. Он скорчился на холодной земле, и глаза его находились на одном уровне с холлом. Холл сиял огнем, как

будто внутри его горело множество ламп. Коларду казалось, что он слышит бормотание голосов и звуки лютни... В холле появилось тепло, ароматы... жизнь... пробуждающаяся жизнь!

Жизнь для Джесинды! Такая, какой она должна была жить! И он твердо знал: то, что должно было быть — будет, в другом времени и месте.

Тепло... свет... вокруг него! Он не скорчился на холоде — он сидит и смотрит вниз, на холм... Нет! Это неправда! И он снова видит сон!

Колард отогнал сомнения. Он мог потребовать, чтобы этот сон продолжался, продолжался вечно. Его сон... и ее!

Колард повернул голову. Джесинда смотрела на него и приветствовала его улыбкой. Как сияли ее глаза! Он протянул руку, и ее рука потянулась навстречу.

— Милорд...

Он на минуту встревожился:

— Мы спим?

— Ну и что же? Мы видим этот сон вместе, и ваше право сделать его реальным!

Он не все понимал, и она говорила как-то неопределенно. Он начал забывать прошлое, а она уже забыла его.

Металл на алтаре начал плавиться. Ручейки его сбежали на землю и впитались в нее, и земля навеки скрыла их.

В замке Шервана и нянька затушили свечи, задернули занавески постели и удовлетворенно переглянулись.

А в холле, изготовленном руками Коларда из необычного металла, шло празднество и нескончаемый сон.

Пчелы жужжали в маленьком саду, собирая запасы до прихода Ледяного Дракона. Юсмей, сидя на корточках, отвела запачканной в земле рукой лезущие в глаза волосы. Ее запасы лежали перед ней на хорошо выделанной коже. Эти травы были высушены.

Когда она встала, на ее поясе не послышалось привычного звона. Она еще не привыкла к этой утрате. Иной раз она ловила себя на том, что пугается, не найдя на поясе ключей — не потеряла ли она их во время копки гряд, посадки или сбора?

Она действительно потеряла их, этот символ ответственности и хозяйки Упсдейла, но не потому, что случайно уронила. Нет, они висели теперь на другом поясе. Теперь в поместье хозяйкой была Эннет. Разве можно когда-нибудь забыть об этом? Правда, тут, на этом маленьком участке, Юсмей все еще могла распоряжаться.

Пять лет она носила эти ключи. В первые страшные годы, когда она изучала то, что было важнее знания трав. Затем

были годы гордости. Она, женщина, так управляла жизнью Долины, что люди жили в относительном довольстве, хотя угроза холода и голода и тень страха всегда висели над ними.

Наконец пришли известия, что война в Высоком Халлаке закончена, захватчики отплыли в море или их настигла смерть. Мужчины вернулись в свои дома. Но не все. Не вернулся отец Юсмей, ее брат Эвальд — они давно погибли. Но Джерард вернулся домой с урезанной свитой домашних слуг. И с ним приехала Эннет, дочь Ориана из Ланенсдейла, теперь невеста Джерарда и леди.

Юсмей из правительницы превратилась в ничто, в меньшее, чем любая кухонная работница — у тех были свои обязанности, а у нее никаких, кроме этого сада, и то потому лишь, что посадки Эннет не приживались. Хотя Эннет горько возмущалась и при каждом удобном случае демонстрировала это Юсмей: больные шли за лекарствами по-прежнему к сестре своего лорда, а не к его жене. У Юсмей были руки врачевательницы.

Однако эти целительные руки не могли облегчить боль ее сердца, его пустоту. Но гордость ее была при ней, и эта гордость упрямо противилась поражению, подняв щит, с мечом наготове. Ее будущее действительно могло быть мрачным, но оно будет таким по ее собственному замыслу. При этой мысли улыбка скривила ее губы. Ха, Эннет задумала послать ее к дамам Гробницы, но аббатиса Гретольда была под стать леди Эннет. Она прекрасно знала, что Юсмей не годится в дочери Гробницы. Внешне она умела владеть собой, но в ней был внутренний огонь, который нельзя было подавить молитвами и обрядами.

Иногда этот огонь разгорался, но даже ее собственная служанка не знала о техочных часах, когда Юсмей ходила по своей тесной комнате, обдумывая способы вырваться из западни.

Не будь войны, ее отец был бы жив; она вышла бы замуж и ушла, как водится, править другим именем. Вполне возможно, что она даже не видела бы своего лорда до свадьбы, но так случалось редко. Как жена, она имела бы определенные права, которые никто не мог отнять у нее... такие права, которые теперь имела здесь Эннет. Но у нее нет отца, чтобы устроить такой брак. И что хуже всего — нет приданого, чтобы привлечь женихов. Война слишком сильно подрезала ресурсы Долины, а Джерард не из тех, кто захочет еще уменьшить оставшееся. Сестра может идти к дамам или оставаться здесь при неохотном согласии Эннет, которая будет холодной, как зима.

Горячее возмущение в Юсмей набирало силу. Она держала его под контролем, глубоко дыша ароматным воздухом и заставляя разум считаться с тем, что лежит прямо перед глазами. Она с особой тщательностью рассматривала растения, когда ей особенно хотелось все рвать и крошить.

— Юсмей, сестра! — сладкий голос Эннет точно плетью стегнул по ней.

— Я здесь, — тихо ответила она.

— Новости! Очень приятные новости!

Юсмей удивилась. Она обошла посадки, ее серо-коричневые юбки некрасиво закрутились вокруг длинных ног, которые казались изысканной Эннет уродливыми и непропорциональными.

Леди Упдейла стояла в воротах. Ее юбки были темно-голубыми, цвета осеннего неба. Серебряные бусы на шее переливались на солнце. Высоко уложенные косы тоже были как серебряные. Она производила впечатление миловидной, если не обращать внимания на слишком тонкие, вечно улыбающиеся губы при полном отсутствии улыбки в глазах.

— Новости? — голос Юсмей ей самой показался грубым. Так было всегда. Стоило ей почувствовать Эннет поблизости, подумать о ней, как с Юсмей происходила какая-то магическая перемена — она становилась неуклюжей и грубой.

— Да! Ярмарка, сестра! Такая, как бывала в прежние времена! Владник из Финдейла привез известие.

Юсмей тоже захватил энтузиазм Эннет. Ярмарка! Она смутно помнила прежние ярмарки в Финдейле. Сквозь пелену памяти показалось ей золотое сияние. Разум говорил, что это не так, но память продолжала свои шутки.

— Ярмарка! И мы поедем! — Эннет сделала один из милых, зовущих жестов, которые очаровывают мужчин, и сложила руки, как маленькая девочка.

Мы! Неужели Эннет имела в виду и ее, Юсмей? Сомнительно. Но Эннет продолжала:

— Милорд сказал, что теперь это безопасно, только нужно оставить здесь охрану. Юсмей, ну разве это не радость? Попробуй, сестра, посмотрим, что у нас есть, чтобы нам не опозорить нашего лорда.

«Я-то знаю, что найду в любом из моих сундуков», — безрадостно подумала Юсмей. Но, похоже, ее действительно включили в компанию. На нее нахлынуло возбуждение сродни тому удовольствию, которое она испытывала при утреннем сборе своего урожая.

Эннет знала толк в одежде, и из остатков старых нарядов, которые еще носила мать Юсмей, сделала два платья, куда более изящные, чем когда-либо носила сама Юсмей. Когда

она в день отъезда посмотрелась в полированный щит, служивший ей зеркалом, она подумала, что выглядит и впрямь очень недурно.

У Юсмей никогда не было нежной привлекательности Эннет. Ее лицо сужалось от скул к острому подбородку, рот был слишком широк для ее лица, глаза — самые обычные, и цвет их менялся от зеленого до темно-коричневого. Волосы были достаточно густые, но не золотистые, а темно-русые, кожа загорелая от работы в саду, особенно в это время года, когда Юсмей проводила там большую часть дня.

Она была слишком высока для женщины, это она знала. Но в этом платье!.. Платье было необычного темно-желтого цвета и совсем как... Юсмей повернулась к маленькой шкатулке, доставшейся ей от матери, и достала маленький амулет. Да, этот янтарный талисман очень подходил к ее платью... Вещица была очень стара и так потерта, что грани едва различались, но цвет был прекрасным. Юсмей повесила амулет на шнурок и надела на шею, но для безопасности спрятала его за кружевной воротник платья.

Платье было с разрезом для верховой езды, и для Юсмей в нем было все преимущество короткого платья. Хотя она была осторожна, все же чуточку беспокоилась, когда ехала с Эннет. Джерард ехал впереди со своим маршалом, домочадцы ехали сзади. Те, у кого были лошади, ехали легким шагом, другие шли пешком. Многих обещание ярмарки заставило забыть о боли в ногах. Они оставили Упсдейл на заре, а к полудню были у южных ворот Долины, где перекусили хлодной пищей.

Ночью они достигли самого края Финдейла и остановились лагерем вместе с другой группой — лорд Марчпойнт с его леди, дочь, свита. Все ходили туда-сюда, обменивались новостями и слухами. Юсмей слушала, но говорила мало. Одна вещь, которую она услышала, запала ей в голову: леди Дайрин, дочь Марчпойнта, застенчиво поверила Юсмей свои надежды — одной из самых главных выгод ярмарки была возможность найти жениха.

— Моя мать, — закончила Дайрин, — до войны, конечно, поехала на ярмарку в Ульмпорт — та была куда больше этой, туда приезжали самые высокие лорды — и там впервые встретилась с моим отцом. До того, как уехать, он поговорил с ее отцом, и в праздник Полузимы они обручились.

— Я желаю вам такой же удачи, — сказала Юсмей и подумала: не потому ли Джерард и Эннет взяли ее с собой? Но кого она может привлечь без приданого? Да и где найти подходящую партию? Добрая половина лордов и их наследников погибли на войне, и наверняка много девушек оста-

лись незамужними. Значит — люди без щитов, пришельцы без семьи, без роду-племени? Она слышала о людях, ставших хозяевами: они захватили осиротевшие владения и провозглашали себя лордами, хотя никто их не выбирал... Но такие были обычно достаточно умны, чтобы выбирать жену с выгодами для себя. Они хотели жену родовитую, но также хотели и приданого. А может, и не все? Юсмей почувствовала необычное возбуждение. Вдруг случится что-нибудь неожиданное?

Она подумала о своем мире — Упсдейле. Это теперь не ее мир, а мир Эннет; и Юсмей была уверена, что сама повернется спиной к Упсдейлу, если ей предложат что-то другое.

Ярмарка была на старом месте, у серого каменного столба. Столб остался от прежних времен, когда люди Высокого Халлака еще не были в Финдейле. Древний народ исчез до прихода жителей Долин. Чрезмерное любопытство могло развязать то, с чем потом нелегко было справиться. Потому люди уважали старые монументы и боялись их. А в Финдейле все лорды шли прямо к столбу и прикладывали к нему голые ладони и давали клятву мира, чтобы старые обиды не мешали успеху ярмарки.

Перед столбом по широкой дуге располагались лавки купцов, а чуть подальше, на старых полях, раскинулись палатки и временные навесы гостей. Группа из Упсдейла тоже устроила там временное жилище.

— Десять торговых флагов, сестра! — Эннет, раскрасневшаяся, блестя глазами, хлопала перчатками по ладони. — Значит, десять купцов, может, есть даже из Ульмпорта! Подумать только!

Действительно, купцы из таких мест уже очень давно не приезжали в Верхние Долины. Юсмей, как и все остальные, жаждала увидеть, что выставлено в этих лавках. Покупать она ничего не могла, но даже просто посмотреть — и то праздник для глаз, будет о чем вспомнить в скучные будущие дни.

Эннет, Юсмей и две леди из Марчпойнта пошли посмотреть лавки купцов. То, что те предлагали, было, возможно, бедным после долгих лет войны и паденья заморской торговли, но все равно там было много разных хороших товаров.

Леди Марчпойнта оставили кружок серебра в лавке узорчатых тканей.

— Это пригодится, — с гордостью прошептала леди Дайрин на ухо Юсмей, — хотя бы на нижнюю тунику, и будет храниться до моей свадьбы.

Такой расход, по мнению Юсмей, требовал осторожности и долгих споров с продавцом.

Они посмотрели несколько отрезов тяжелого шелка. Шелк был не новым, на некоторых кусках были следы игл от прежнего шитья.

— Награбленное, — подозревала Юсмей, — может, найденное в покинутых захватчиками лагерях.

Ей нравились богатые расцветки, но она считала, что не дело — носить краденое. Ее постоянно тревожили бы мысли о прежних владельцах.

Были и кружева, но они тоже выглядели бывшими в употреблении. Торговец имел несколько рулонов менее богатых тканей, например, один теплый, прекрасной выделки и хорошо выкрашенный материал. Он пленил Юсмей гораздо больше, чем те куски, что выторговала леди Марчпойнта.

В лавке было жарко, хотя переднее полотнище было поднято. В конце концов Юсмей вышла, чтобы не соблазняться товаром, который она все равно не могла купить. И тут она стала свидетельницей приезда Хайла. Впечатляющее зрелище, потому что за ним тянулся целый обоз людей и вьючных животных, как за каким-нибудь лордом Долины... На его фургоне не было флага, и он не подъехал к уже поставленным палаткам, а махнул спутникам, чтобы остановились в стороне, подальше других.

Его люди были ниже ростом, чем большинство жителей Долин, и в необычной одежде: неуклюжей и толстой, хотя работали они быстро и уверенно — поставили шесты, сделали крышу и стены из шкур, натянутых на каркас. Несмотря на жару, они были в низко надвинутых капюшонах, так что Юсмей не видела их лиц, и ей это было неприятно.

Но хозяин их был полностью на виду. Он не сошел с лошади, а лошадь у него была такой, что любой лорд Долин мог ею гордиться. Он сидел, положив руку на бедро, а другой играл поводьями, и внимательно следил за работой своих спутников.

Даже в седле он выглядел высоким и больше напоминал воина, чем купца, хотя сейчас любой человек должен быть воином, чтобы защищать свое добро. Меча он не носил, а к седлу была прикреплена блестящая булава.

Он был с непокрытой головой, а его головной убор висел на луке седла. Его волосы были очень темные, а лицо удивительно белое для человека, проводящего много времени в дороге в любую погоду. Он не был красив, по стандартам жителей Долин, хотя от него нелегко было отвести взгляд. Хотелось рассмотреть его более внимательно и постараться понять, что это за человек.

У него были резкие черты лица, черные сросшиеся брови. Цвет его глаз Юсмей не разглядела, потому что он опустил

веки, будто дремал, хотя она не сомневалась, что он видит все вокруг и думает о том, что видит.

Почему-то казалось, что он не таков, каким кажется. Юсмей решила, что ей пора обуздить свою фантазию, но оставалось впечатление, что об этом человеке вряд ли можно много узнать. Тем не менее, она подумала, что он, вероятно, достоин известности. Она чувствовала жар, поднимающийся к ее щекам, и внутри было какое-то неизвестное доселе беспокойство.

Юсмей резко отвернулась, поняв, что смотрит на него излишне внимательно, заторопилась обратно в лавку и там уставилась на кусок розового шелка, что выбрала леди Марчпойнт. В этом не было ничего унизительного. Они не пошли в лавку вновь прибывшего, потому что он еще не открыл ее. Когда они ужинали, Юсмей узнала, какие товары он привез и как зовут его.

— Он с Севера, — сказал Джерард. — У него янтарь. Говорят, целое сокровище. Но он неудачно выбрал товар. Не думаю, чтобы здесь было больше денег, чем на пару бусин! Зовут его Хайл. Люди у него какие-то странные — держатся все вместе и даже не потратились на кувшин осеннего эля!

Янтарь! Руки Юсмей нащупали амулет под платьем. Да, этот купец вряд ли найдет на этой ярмарке покупателей. Но, возможно, он держит путь в Ульмпорт и остановился тут по дороге, услышав о ярмарке. Янтарь... Юсмей владела местом, где его добывали — ручьем, вытекающим из расщелины холма. Когда-то там было много янтаря. Лет пятьдесят назад он принес успех и богатство Упсдейлу, но потом скала обрушилась и закрыла источник.

Юсмей печально улыбнулась. Кабы не та скала, она могла бы носить не только янтарь, но и золото. Она не стала бы торговаться за кусок старого шелка из награбленной добычи... но этот голый холм теперь навсегда похоронил янтарь, и это случилось еще при матери Юсмей. От матери это место перешло к Юсмей: голый камень и несколько чахлых деревьев на ничего не стоящем участке земли — вот и все ее наследство!

— Янтарь! — повторила Эннет, и глаза ее загорелись, как раньше, когда она смотрела на шелк. — Милорд, янтарь — это могущественная вещь, целебная... У леди из Грейфорда было янтарное ожерелье, и те, у кого была болезнь горла, носили его с молитвой и это им помогало. И как он красив! Он — как застывший мед, и такой же благоухающий! Пустите нас посмотреть на товар Хайла, милорд!

Джерард рассмеялся:

— Моя милая, такого благоухания не вынесет мой кошелек. Даже заложив весь Упсдейл, я не соберу столько, чтобы купить ожерелье, о котором ты говоришь.

Рука Юсмей сжалась. Амулет принадлежит ей, но если Эннет его увидит, останется ли он у Юсмей? Эннет забрала все, но эта вещь не для ее загребущих рук.

— Нет, он не найдет здесь покупателей, — задумчиво повторила Эннет. — Но раз он поставил лавку, значит, он может показать, что у него есть... И может быть... поскольку покупателей почти нет...

— Ты думаешь, что он отдаст подешевле? Пожалуй, ты права, миледи. Только не делай больших глаз и не вздыхай — это бесполезно. Не потому, что я хочу отказать тебе — просто у меня нет возможности.

Они пошли к лавке Хайла в сумерках. Они были встречены с факелами в руках двумя людьми в капюшонах. Проходя мимо, Юсмей пыталась взглянуться, но так и не различила их лиц, но вздрогнула как бы от чего-то уродливого — не внешнего уродства, а внутреннего.

И снова побранила себя за фантазии.

Ее поразило то, что лежало на столах: обработанный янтарь. В таком количестве, что Юсмей даже не думала, что его может быть так много.

Янтарь был подобран по чуть заметным оттенкам в порядке усиления цвета: каждый цвет на своей подкладке — светлый, почти белый, светло-желтый, как масло, красноватый, голубоватый, зеленоватый... Янтарные ожерелья, браслеты, подвески... Янтарь был вставлен в рукоятки мечей и ножей, в кольца, в головные обручи. Были также янтарные чаши, и стаканчики, и маленькие фигурки богов и демонов. Глядя на эту выставку, группа из Упсдейла застыла в изумлении, как застыл бы какой-нибудь батрак, неожиданно перенесенный в праздничный холл лорда.

— Добро пожаловать, лорд и леди! — Хайл поклонился, но не угодливо, как обычно торговцы, а как равный равным. Он хлопнул в ладоши, и двое его закутанных людей поставили табуреты к среднему столу, а третий — поднос с чашами приветственного напитка.

Юсмей неуверенно посмотрела на брата. Он был ревнив к своему рангу и требовал должного почтения от низших, но тут он принял чашу, поблагодарив Хайла, и женщины последовали его примеру.

Напиток был более пряным, чем сладким, и Юсмей задержала его во рту, стараясь определить смесь трав. Но при всем ее знании она не смогла этого сделать. Держа чашу, она огляделась.

Здесь было больше ценностей, чем стоил бы выкуп Высокого Лорда, и она удивилась безумию — или мужеству — человека, рискувшего ехать с ними через всю страну в такое тяжелое время. Безумный? Она взглянула на Хайла. В его лице не было безумия, а только мужество и еще что-то — уверенность и надменность.

— ... богатые, торговец, — Юсмей пропустила начало фразы брата. — Слишком богатые для нас. Мы здесь слишком тяжело почувствовали руку захватчиков, чтобы быть хорошими покупателями.

— Война — тяжелое дело, — голос Хайла был низким и грубым. — Она не жалеет людей и даже победителей. И наносит тяжелые раны торговле. Много лет прошло с тех пор, как Кейтский янтарь выставлялся в каком-нибудь торговом месте. Надо поддерживать торговлю, чтобы она укоренялась и росла, тогда и цены будут низкими, даже на такие вещи. — Он взял в руки ожерелье с множеством подвесок.

Юсмей услышала вздох Эннет, и в ней тоже проснулся голод. Но было что-то... Она снова прижала руку к своему талисману Гуппоры и внезапно почувствовала отвращение ко всему, что видела тут — может, потому, что здесь было слишком много всего. Янтарь, собранный в таком количестве, терял свою красоту.

— ... Это на Севере, милорд. Как вам известно, янтарь находят на берегу моря в определенных местах, или вдоль ручьев. Невежды говорят, что это кал драконов, но это неверно. Это затвердевшая смола деревьев, погибших тысячелетия назад. В Кейте, по-видимому, были обширные леса, потому что янтарь там встречается часто... Я хочу сказать, часто по сравнению с другими местами.

Вы видите здесь плоды многолетнего коллекционирования, потому что из-за войны янтарь вообще не продавали. Так что здесь больше, чем полагалось бы иметь в одном месте при естественном порядке вещей. — Он положил ожерелье и достал с полки подвеску, форму которой Юсмей не могла разглядеть. — Это талисман Громового Щита, древняя вещь. Вы видите разницу? Он поднес подвеску к браслету. — Чем старше вещь, тем больше она выставляется на воздух и носится, тем глубже и богаче становится цвет янтаря. — Он положил браслет, но подвеску все еще держал в руке. Выражение лица его слегка изменилось. И Юсмей показалось, что он особенно внимательно посмотрел на Джерарда, а потом на Эннет. Наконец его темные глаза, цвета которых Юсмей не могла определить, повернулись к ней, словно вытягивая из нее против ее воли ответ на неизвестный вопрос.

— Кейту здорово повезло, — сказал Джерард. — Больше, чем Упсдейлу в старые времена.

Глаза Хайла отвернулись от Юсмей. Она чувствовала себя неловко и удивлялась, что в ней могло привлечь его внимание.

— Упсдейлу, милорд? — спросил он тоном, приглашающим к объяснению.

— Здесь была треснувшая скала, где тоже добывали янтарь. Не очень много, но достаточно, чтобы жить безбедно, — сказал Джерард. — Но потом обрушился оползень и завалил все, так что и раскопать нельзя. Если там что-то и осталось — оно так же бесполезно, как если бы лежало на дне моря.

— Печальная потеря, милорд, — согласился Хайл.

Эннет встала и пошла от стола к столу... Она прикасалась пальцами то к ожерелью, то к искусно сделанному обручу для волос с янтарными цветами и листьями. Юсмей же сидела на месте и смотрела на Хайла из-под опущенных век. Она знала, что он знает о ней, как и она о нем. Эта ее сосредоточенность на мужчине рождала какое-то жаркое возбуждение. Но ведь он был всего лишь купцом.

Наконец они ушли. Выйдя из лавки, Юсмей глубоко вздохнула. Один из слуг в капюшоне вынул из гнезда сгоревший факел и заменил новым. Руки его были в перчатках, и это было странно, потому что простые люди носили перчатки только в сильные холода. Но самое удивительное, что в конце каждого пальца был изогнутый коготь, длинный, как у хищной птицы или зверя. И Юсмей не могла понять, зачем так украшать перчатки. Хотя... у жителей Долин немало суеверий. Защитные амулеты общеприняты. Ведь у ней самой висел такой амулет. Может, эти иноземцы носят когти какого-нибудь животного в качестве защитной магии? На этом ответе она и остановилась. Но она не могла забыть, как пристально Хайл разглядывал ее, и обнаружила, что ее ответное возбуждение продолжается. Его лицо стояло у нее перед глазами, и она старалась представить себе Кейт, из которого он приехал, и его жизнь там.

Дома она рассеянно слушала болтовню Эннет насчет ожерелья. Но одна фраза резко вывела Юсмей из задумчивости:

— Милорд, неужели ничего не осталось от того янтаря, что находится в Упсдейле? Наверное, ваш дед не весь его продал.

— С тех пор прошло много лет, милочка. Помнится, у матери оставался один амулет.

Юсмей невольно положила руку на грудь защитным жестом. Эннет и так взяла все, а теперь хочет взять и его! Но талисман Гунпоры принадлежал Юсмей, и она будет сражаться за него.

— Но это правда, что то место, где его находили, нельзя раскопать? — настойчиво спрашивала Эннет.

— Истинная правда. Когда стало ясно, что начнется война, мой отец очень нуждался в средствах на вооружение. Он обратился к человеку, который работал на железных рудниках Южной гряды, и хорошо заплатил ему за консультацию. Но тот поклялся, что скалу не убрать никакими силами.

Юсмей почувствовала некоторое облегчение. По крайней мере, Эннет хоть прекратила свои расспросы относительно оставшегося янтаря. Она простилась с братом и невесткой и пошла спать. Сон пришел к ней не сразу. Когда же она наконец уснула, рука ее продолжала защищать амулет Гуппоры. Проснувшись, она не помнила своих снов, но осталось только ощущение чего-то важного.

Леди Марчпойнта и Дайрин пришли утром, они выражали восхищение товаром Хайла, за который выложили немалую сумму. Увидев надутые губы Эннет, Джерард отломил одно из серебряных колец с перевязи меча.

— Если этого хватит на что-нибудь, — сказал он, — то возьми, дорогая. Больше ничего дать не могу.

Эннет быстро поблагодарила. Она знала по опыту, насколько далеко могут заходить ее просьбы.

Итак, Юсмей неохотно пошла во второй раз в лавку Хайла. На этот раз слуг в капюшонах не было видно. Но в дверях на скамейке сидела женщина странного вида.

Она была очень толста. Ее круглая голова, казалось, сидела прямо на плечах. Как и люди в капюшонах, она была одета в тускло-коричневую одежду, только на ее платье были вышиты толстыми черными и белыми нитками какие-то символы. Пояс был сплетен из таких же черных и белых ниток. Ее жирные руки лежали на коленях ладонями вверх, будто ждали подаяния, и она пристально разглядывала их. Скрученные пряди грубых жестких волос свисали из-под вуали, укрепленные шнурком; лицо широкое, над верхней губой и на отвисшем подбородке торчали волосы.

Если ее оставили охранять лавку, то она была плохим сторожем, поскольку не взглянула на приближающихся дам, а продолжала смотреть на свои пустые ладони. Она подняла глаза, только когда мимо нее прошла Юсмей.

— Удачи вам, прекрасные леди. — Голос ее по контрасту с вялым жабьим телом был нежным и музыкальным. — Я читаю знаки на камне Изинор, и если пожелаете, предскажу то, что древние боги записали на ваших ладонях.

Эннет нетерпеливо покачала головой. В другое время она заинтересовалась бы, но сейчас у нее есть серебро и возможность потратить его на лучшее из того, что она сумеет вытор-

говать. Юсмей тоже не была склонна прислушиваться. Все знают, что бывают настоящие провидцы, но Юсмей не думала, что эта отталкивающего вида ведьма может быть таковой.

— Верь тому, что ты носишь, леди. — Женщина в первый раз посмотрела на Юсмей. Ее мягкий голос был очень тихим, слова явно предназначались только для Юсмей.

И Юсмей невольно прислушалась к ним. Из темноты вышел Хайл.

— Похоже, у Нэнк есть что сказать вам, леди. Она настоящая предсказательница, ее очень уважают в Кейте.

«Но здесь не Кейт», — подумала Юсмей. Ей не хотелось слушать Нэнк, пусть хоть она — настоящая прорицательница. Но она села на табурет, подставленный Хайлом, и встретились глазами с толстой женщиной.

— Положи свою руку на мою, леди, и я прочту то, что там написано.

Юсмей протянула было руку, но тут же ее отдернула, потому что ее отвращение к этой женщине было сильнее каких бы то ни было чар, наведенных ею. Женщина не высказала никаких эмоций, но ее глаза не отпускали Юсмей.

— Ты имеешь больше, чем думаешь, леди. У тебя есть нечто куда более сильное, чем женское украшение. Ты... нет, я не могу читать ясно. Оно прикрыто твоей рукой. Достань его...

Мягкий настойчивый голос приказывал. И Юсмей, не думая, потянула за шнурок и достала амулет. За ее спиной раздался вздох.

— Янтарь, — голос провидицы опять был мелодичным. — Янтарь всегда в руках твоих, леди. Это твоя драгоценность и твое счастье. Следуй за ним, куда он поведет, и твое сердечное желание исполнится.

Юсмей встала, достала из кошелька медную монету и опустила ее в руки женщины, заставив себя произнести общепринятые слова благодарности за предсказание, хотя эти слова застряли в ее горле.

— То, что вы носите — богатство, леди, — Хайл встал между Юсмей и женщиной. — Это очень старое...

Она чувствовала, что ему хочется посмотреть амулет, но она не собиралась выпускать из рук эту вещь.

— Это талисман Гуппоры. Я получила его от матери.

— Знак власти для любой женщины. — Хайл кивнул. — Странно, что у меня не было подобного. Но позвольте мне показать вам одну вещь, тоже очень редкую. — Он положил два пальца на ее длинный рукав, и мир как будто сосредоточился на них двоих.

Он взял ящичек из душистого дерева и откинул его крышку. Внутри был янтарный цилиндр, маленький столбик зо-

лотистого цвета. И в нем навеки было заключено крылатое создание радужной красоты.

Юсмей видела в своем амулете мелкие зернышки, соответствующие талисману Гуппоры, богини урожая, плодородия полей и женщин. Но эта вещь включала в себя не случайный узор из семян; казалось, что это существо помещено туда нарочно.

Оно было так прекрасно, что Юсмей задохнулась от восхищения. Хайл положил цилиндр в ее невольно протянутую руку, и она поворачивала вещицу, рассматривая со всех сторон. Непонятно, что это было — маленькая птичка или большое насекомое, и Юсмей никогда таких не видела. Может, они уже давно исчезли с лица Земли.

— Что это?

Хайл покачал головой:

— Кто знает. Когда-то оно было живым... Время от времени такие вещи встречаются в янтаре. Но эта совершенно необычна.

— Сестра, что это у тебя? — Эннет подошла поближе. — О, вот это вещь! Стоит посмотреть! Но... ее же нельзя носить...

Хайл улыбнулся.

— Конечно, нет, — это просто украшение на стену.

— Возьмите, — Юсмей подала вещицу Хайлу. Она пояснила: — Вещь слишком драгоценная, чтобы держать ее в руке.

В эту минуту ей страшно хотелось иметь это когда-то левавшее создание.

— Она драгоценна, да, леди, вы не обменяете свой амулет на нее?

Он поставил цилиндр на ладонь и держал его перед глазами, соблазняя. Но ее слабость уже пропала.

— Нет, — решительно сказала она.

Хайл кивнул.

— И вы совершенно правы, леди. В вашем амулете великая сила.

— Какой амулет, сестра? — Эннет вплотную придвигнулась к Юсмей. — Откуда у тебя ценный амулет?

— Амулет Гуппоры, который принадлежал моей матери. — Юсмей неохотно показала ей талисман.

— Янтарь?.. Гуппоры? Но ты не замужняя женщина, чтобы иметь право на защиту Гуппоры! — Миловидное лицо Эннет на минуту показало то, что скрывалось за этой миловидностью. Она была недругом Юсмей и выдала себя.

— Он принадлежал моей матери, а теперь он мой. — Юсмей сунула амулет обратно за ворот платья и обернулась к Хайлу. — Я весьма благодарна вам, Мастер Торговец, что вы так любезно показали мне это сокровище.

Он низко поклонился ей, как если бы она была любимой дочерью высокого лорда, но она повернулась к выходу, не совсем твердо представляя, куда идти и что делать. Она была уверена, что Эннет тут же примется ее умасливать, как и Джерарда, чтобы отнять у нее единственное сокровище.

Но Эннет, вернувшись в палатку, ничего не сказала об амулете. Она открыто радовалась толстому янтарному браслету, его контрасту с бронзовой застежкой. Поскольку она купила его за единственное серебряное кольцо, то считала это доказательством своего умения торговаться, и Юсмей надеялась, что теперь Эннет полностью довлетьорена. Тем не менее, она была настороже, когда они сели ужинать. Джерард восхищался браслетом, а Юсмей напряженно ждала, что Эннет заговорит о талисмане. Но ее брат, отмахнувшись наконец от бесконечных восклицаний жены, повернулся к Юсмей и оглядел ее с каким-то странным любопытством.

— Похоже, что в лавке Хайла вам повезло не только с этой вещью, — начал он.

— Янтарный рудник? — перебила его Эннет. — О, дорогой мой лорд, неужели он знает, как открыть его снова?

— Он думает, что да.

— Ах, какое счастье! Какая удача, что мы приехали на ярмарку.

— Может, удача, а может, и нет. — Лицо Джерарда было сумрачным. — Этот источник — если там что-нибудь осталось — не наше владение.

Лицо Эннет стало резким:

— Как это?

— Он назначен Юсмей в приданое.

— Какая глупость! — взвизгнула Эннет.

Джерард в первый раз посмотрел на жену.

— Он официально закреплен за моей матерью. Тогда еще была надежда, что он будет работать, и мой отец хотел обеспечить ее на случай нужды. Приданое, которое она принесла, ушло на постройку северной башни для защиты Долины. Когда мать умерла, это владение перешло к Юсмей.

— Но Долина разорена войной, и источник янтаря необходим теперь для общего блага!

— Так-то так. Но все это может быть устроено. Я разговаривал с Хайлом. Он не простой купец... и не только потому, что богат, но и потому, что лорд Кейта. И его происхождение равно нашему. По каким-то причинам ему приглянулась Юсмей. Если мы выдадим ее за него, он отдаст половину стоимости янтаря, который найдет под скалой, когда уберет ее своими методами... Понятно, девочка? — кивнул он сест-

ре.— Ты получишь лорда, более богатого, чем кто-либо в округе, владение, которым будешь править, и счастливую жизнь женщины. И такой удачи тебе второй раз не встретить.

Юсмей понимала, что это правда. И все-таки... что она знала о Хайлे, кроме того, что он занял ее мысли, как не занимал ни один мужчина? Куда он отвезет ее, если она даст согласие? Но, с другой стороны, она прекрасно знала, что будет, если она откажется. Эннет превратит ее жизнь в ад, и Джерард тоже не будет приветливым с ней. Как ни взгляни — выбора, по существу, нет.

Кейт вряд ли окажется хуже Упсдейла, и есть еще надежда, что ей там будет лучше. Да и то сказать, большинство браков в Долине заключалось именно таким образом. И многие девушки впервые видели своих мужей только в брачную ночь.

— Я согласна, если дело обстоит так, как он сказал тебе,— медленно произнесла она.

— Милая сестрица,— ласково сказала Эннет,— какая радость! Ты будешь жить куда лучше, чем леди Марчпойнта, что покупает наряды для своей дочки с коровьей мордой! И такую свадьбу запомнят все Долины! Милорд,— обратилась она к своему мужу,— раскошеливайтесь, чтобы ваша сестра могла идти под венец, как полагается особе высокого звания.

— Сначала мы отметим помолвку,— сказал Джерард, и в его голосе слышались радостные ноты.— Ах, сестра, ты, может быть, принесешь счастье Упсдейлу!

Тут Юсмей задумалась. Не слишком ли быстро дала она согласие? Но пути назад уже не было.

В большом холле горели все лампы, потому что приближалась зима и темнело рано...

Джерард не поспешил на праздничное пиршество сестры, так что не только освещение, но и еда была отменной.

Юсмей радовалась, что обычай предписывал невесте не поднимать глаз от блюда, поставленного для нее и жениха. Он вежливо просил отведать то того, то другого, но она ела очень мало.

Она согласилась на помолвку, а сегодня дала брачное обещание. Но сейчас ей хотелось бежать из холла от этого человека. Не сошла ли она с ума? Может, это подлость — отдать все за освобождение от мелочной злобы Эннет и Джерарда, который так надеялся на открытие старого источника янтаря, что его реакция на отказ была бы не очень мягкой...

Нет, это был естественный ход событий. Девушка выходила замуж для блага своего дома, своих родных. Если брак стал бы удачным, она действительно была бы счастлива. Юсмей могла надеяться на это, но не слишком рассчитывала.

Во всяком случае тот, за которого она выходила замуж, даст ей право вести хозяйство...

Хайл приехал на свадьбу с небольшим отрядом вооруженных людей, но без рабочих в капюшонах. Он объяснил, что этот отряд был недавно нанят им для защиты, потому что его собственные люди непривычны к оружию. Завтра, пока дыхание Ледяного Дракона еще не заковало землю, его рабочие постараются открыть завал.

У Хайла были не только кирки и лопаты. На настойчивые вопросы Джерарда он ответил, что у него есть свой секрет, который он не может объяснить, но который, как он надеется, сослужит ему службу.

Юсмей ни разу не взглянула ему в лицо с тех пор, как их руки были соединены перед чашей домашнего духа, но знала, что он выглядел очень мужественно в тунике цвета золотистого янтаря, с янтарным поясом, ожерельем и браслетом на руках. Его свадебные подарки тяжело лежали на Юсмей: пояс, ожерелье, обруч на распущеных волосах, все это из янтаря различных оттенков в виде цветов и листьев.

Празднество длилось долго, но для них подходило к концу. Ах, если бы Юсмей могла повернуть дело вспять, чтобы не настала минутка, когда он встанет и возьмет ее за руку, в то время, как присутствующие выпьют за их счастье, а сидящие за главным столом возьмут лампы и пойдут провожать новобрачных в комнату для гостей.

Сердце ее колотилось, губы пересохли, а ладони вспотели, так что она готова была вытереть их об юбку, но гордость удержала ее от этого разоблачающего жеста. Только гордость и поддерживала ее теперь.

Сигнал был подан, компания встала. Юсмей в панике подумала, что дрожащие ноги не удержат ее, что она не сможет пройти по холлу, подняться по лестнице. Но все прошло благополучно. Она держалась прямо и не повисла на его руке. Ни он, ни другие не должны догадаться об ее страхе. Они остановились у большой, завешенной пологом постели. Запах травы, придавленной свежепостеленным ковром, смешивался с запахом лампового масла, вина и разгоряченных тел и вызывал легкую тошноту. Она так напряженно старалась держаться своей маски спокойствия, что не слышала непристойных намеков провожатых.

Будь Хайл своим, они продолжали бы в том же духе, но всем было ясно, что в нем было что-то внушающее страх, поэтому они быстро прекратили обычные в подобных случаях шуточки и ушли. Хайл запер замок на задвижку.

— Миледи, — он повернулся к сундуку, где стояли кувшин с вином и блюдо с медовым печеньем, — я должен сообщить вам важную тайну.

Юсмей прикрыла глаза. Он не был нетерпеливым женихом, он говорил все тем же тоном, что и с Джерардом насчет источника. И его поведение успокоило ее.

— Говорил, что у меня есть секрет того, как открыть источник. Но я и лорд Кейта — и в этом нет ошибки. Но у меня другие интересы. Я — астролог и алхимик, ищащий знания на необычных тропах. Я читаю сообщения со звезд, как с Земли. Вот поэтому мне приходится жертвовать некоторыми из человеческих путей. Если я хочу добиться успеха, я не могу быть мужем какой бы то ни было женщины, потому что вся моя мощь мне нужна для другого. Вы поняли?

Юсмей кивнула, но в ней зашевелился новый страх: она слышала кое-что о магических дисциплинах.

— Прекрасно. Я так и думал, что вы разумны, способны принять вещи такими, какие они есть. Я уверен, что мы прекрасно уживемся. Давайте только сразу установим взаимоотношения. В моей жизни есть вещи, которые касаются только меня... не высаживайте и не выспрашивайте. В Кейте есть участок, куда вы не будете входить. Я буду бывать в путешествиях, о которых вы не будете ничего спрашивать. В обмен на это вы будете управлять моим именем. Я в эту ночь буду изучать звезды, чтобы определить время, когда надо направить мою силу против упрямой скалы, завалившей ваше приданое.

Юсмей легла в постель. Хайл сам задернул занавески. Она слышала, как он ходил по комнате, звякал чем-то, но она не ощущала никакого любопытства, а только успокоение.

Она думала, что вполне может принять линию жизни, которую он ей начертал. Пусть у него будут свои тайны, а у нее — поместье. Она вспомнила о своем сундучке с кореньями и семенами трав, который уже был готов к отправке в Кейт. Он сказал — алхимик! Ну что ж, она тоже умеет делать отвары трав и перегонять их. Если в Кейте нет такого сада, как здесь, он будет. С тем она и уснула, не думая о том, что делается за границей занавесей ее постели.

В полдень следующего дня люди Хайла привезли фургон. Они остановились в холле, а разбили лагерь в верхней части Долины, на склоне горы. Хайл намекнул, что народу Долины следует держаться подальше от участка, так как сила, которую он выпустит, может выйти из-под контроля.

Джерарду, Эннет и Юсмей он разрешил подойти поближе, но и они должны были находиться на достаточном расстоя-

нии. Они смотрели, как работали люди в капюшонах среди обвалившихся камней.

Хайл свистнул, и рабочие разбежались. Он взял факел, коснулся им земли и тут же отбежал большими скачками.

Некоторое время стояла тишина, прерываемая лишь тяжелым дыханием Хайла. Затем — рев... взрыв... Скала взлетела в воздух, земля затряслась. Камни, разбитые на мелкие осколки, дождем посыпались туда, где только что были люди. Эннет заткнула уши, завизжала. Юсмей посмотрела на хаос, оставшийся после взрыва. Крепкая каменная плита раскололась под ударами падающего щебня, а люди в капюшонах уже были там с кирками и лопатами. Джерард обратился к Хайлу:

— Что это за дьявольская работа, брат?

Хайл засмеялся:

— Дьяволы мне не подчиняются. Это знание, которое я получил в результате долгого обучения. Но это моя тайна, и она обернется против каждого, пожелавшего воспользоваться ею без меня.

Джерард покачал головой:

— Никто не захочет. Ты говоришь, что не вызывал демонов, а, по-моему, это и есть как раз их работа. Что ж, у каждого свои тайны.

— Именно. И эта тайна сработала для вас хорошо. Могла ли рука рабочего расчистить нашу тропу?

Хайл дважды пользовался своим секретом. Когда после второго раза обломки были убраны, перед людьми встал утес, через который когда-то бежал поток. Люди в капюшонах раскидывали лопатами остатки камней от оползня.

Хайл прошел вперед и вернулся с горстью голубой глины. Он с торжеством помахал ею перед Джерардом.

— Это — место рождения янтаря. Скоро мы получим вознаграждение за нашу работу!

Люди в капюшонах копали. Хайл не вернулся в дом, а остался в лагере. Юсмей одна заканчивала приготовления к путешествию на Север. Хайл уже предупредил ее, что не может задержаться более, чем на десять дней, потому что они поедут по диким местам, а зима уже близка. Команда работала и днем, и ночью при свете факелов и, казалось, не спала, но добыча была очень мала. Если Джерард и другие были разочарованы, то Хайл — нет. Он только пожал плечами и сказал, что это — дело удачи и влияния звезд.

В конце концов он договорился с Джерардом и оказался, к тайному удовольствию Юсмей, исключительно щедрым: за несколько кусочков найденного янтаря он предложил кое-что из своих товаров, и это оказалось весьма выгодным для

людей Долины. Джерард с радостью принял эти условия, протестуя только для вида. Таким образом, когда отряд Хайла выехал из Упдейла, то все, что было найдено, лежало в нескольких седельных сумках Хайла. Обещав вернуться в начале весны, отряд двинулся на север.

Местность была в самом деле совершенно дикая и незнакомая. Когда первые поселенцы пришли в Высокий Халлак, они шли по горам, боясь низинных мест. Через много поколений они расселились на запад и на юг, но никогда не шли на север.

Ходили слухи об удивительных странах, где все еще прятались прежние хозяева этих земель — всегда на севере и на западе. Во время войны Высокие Лорды нашли какие-то связи и договорились со Всадниками-Оборотнями из такого вот неизвестного сектора. Потом Всадники-Оборотни снова удалились в том же направлении. Как знать, что лежит уже за следующим гребнем? Однако, Юсмей была менее насторожена тем, чем полагалось бы. В ней родилось желание узнатъ, что находится за «дверью», и она с большим интересом глядела вокруг.

Два дня они ехали по земледельческой стране. Первую ночь они провели в Майкрофте, теперь разоренном и заброшенном. Но на третий день они попали в совсем уже не знакомые места — незнакомые для народа Юсмей, хотя Хайл, похоже, их знал. Юсмей не видела ни одной колеи, кроме той, что прокладывали колеса их фургона, в котором ехали люди Хайла.

Это была унылая мрачная местность, дул колючий ветер, так что каждый плотнее закутывался в плащ и тщетно оглядывался вокруг, ища что-нибудь, заполняющее эту пустоту. По расчетам Юсмей, они ехали на северо-запад, свернув под углом к морю. Она хотела спросить, не граничит ли Кейт с этой местностью, но Хайл редко бывал с ней, а когда они останавливались на ночлег, он читал какой-нибудь свиток, проводя иной раз пальцем по строчкам и шевеля губами. Видимо он повторял слова, но никогда не произносил их вслух. И Юсмей не могла сломать эту стену между ними.

Она все больше задумывалась, хорошо ли жить в доме с человеком, который даже не разговаривает с ней. Предупреждение, которое он сделал ей в брачную ночь, теперь выглядело несколько иначе. У нее не было даже горничной, потому что он отказался взять кого-нибудь из Долин, сказав, что ей будут хорошо служить, а служанка из Долин будет все время тосковать по дому.

Предоставленная сама себе, Юсмей много размышляла. Зачем Хайл женился на ней? Не из-за нескольких же кусоч-

ков необработанного янтаря. При его богатстве он не нуждался в таком жалком приданом. На этот вопрос не было ответов, поэтому он мучил Юсмей. Неизвестность дает богатую почву для страхов.

Хайл не был из безродных, кто ищет родовитую жену. А что она могла предложить ему? Он уже ясно дал ей понять, что взял ее не ради тела.

Теперь они ехали через лес. Ветра здесь не было, но не было ничего успокаивающего ее. Фургон вилял между старыми деревьями, покрытыми мхом и лишайниками зеленого, ржавого, белого и даже кроваво-красного цветов. Юсмей они не очень нравились. Опавшие листья гнили и издавали неприятный запах, когда их шевелили копыта лошадей. Она ехали весь день, останавливаясь поесть из своих запасов, отдохнуть и попасти лошадей. Хайл ехал ровным шагом, не ускоряя и не замедляя его. Тишина леса на всей действовала. Люди почти не разговаривали, а если кто-нибудь произносил слово, то оглядывался через плечо, словно бы боялся, что его подслушают чужие.

Деревья стали тоньше, дорога пошла в гору. Эту ночь они провели в холмах. Затем последовали дни настолько однобразные, что Юсмей просто потеряла им счет.

Дорога по холмам была не из легких. Тем не менее, Хайл находил время каждую ночь прикладывать к глазу металлическую трубку и смотреть на звезды. Он предупредил всех, что надо поторопливаться, потому что скоро начнутся бураны. Он был прав: под утро посыпались первые хлопья снега. Все поднялись еще затемно и двинулись дальше. Теперь дорога шла вниз, и Хайл, видимо, был этим доволен, но продолжал торопить. Юсмей совершенно утратила чувство направления, потому что они все время поворачивали то туда, то сюда. Утром ветер принес новые запахи. Вооруженная охрана была послана ехать с Юсмей, потому что Хайл сопровождал фургон. Она слышала, как он сказал:

— Это морской ветер!

Они опустились в расщелину между гребнями, которые шли так ровно и прямо, будто отмечали старую дорогу. Гребни закрывали ее от ветра, хотя снегу там нанесло много.

Тропа неожиданно повернула. Правый гребень кончился, оставив путников на отвесном берегу. Утесы сверкали кристаллами соли. Внизу было море. Самым удивительным был один участок берега, где ветер смел весь снег и обнажил три больших каменных кресла, вырезанных в скале. На сидении лежала снежная подушка, смягчающая их жесткую суровость.

Юсмей узнала старинную работу Древних. Теперь она была уверена, что они поедут по настоящей дороге. Они опять повернули, на этот раз вглубь и впереди, среди утесов, показалось строение, казавшееся частью этих утесов. Возникла стена и карликовая башня, как в любом владении в Долинах.

Хайл вынырнул из пелены снега и рукояткой кнута показал на широкий столб:

— Кейт, миледи.

Она поняла, что это ее новый дом — остаток жилища Древних. И вопреки всем предостережениям и верованиям своего народа она должна жить в скорлупе, чуждой человеку. Но возврата назад не было. Она сделала усилие, чтобы не выказать неудовольствие.

— Он очень богатый, милорд.

— Не только богатый, миледи. — Его глаза внимательно смотрели ей в лицо, как тогда, в лавке, как будто хотели обнаружить страх. Но Юсмей не хотела этого показывать, и Хайл заговорил снова:

— Это одно из старых мест, построенных Древними. Но время пощадило его больше, чем другие подобные места. И вы не будете жаловаться на недостаток комфорта. Ну, ложади, домой!

Усталые животные перешли на рысь. Скоро они въехали через большие темные ворота на широкий двор, окруженный стенами с четырьмя башнями по углам. Две башни были круглыми; та, в которой были ворота — квадратная; четвертая же башня имела странную угловатую форму — Юсмей никогда не видела таких. В нескольких узких окнах виднелся слабый свет, но никто не вышел им навстречу. Смущенная Юсмей сошла с седла с помощью Хайла, который понес ее по снежным заносам к двери ближайшей, круглой, башни. Остальные пошли по двору в разных направлениях.

Наконец-то отдох от ветра, жаркое пламя камина.

К удивлению Юсмей, вместо тростника и сухой травы на полу лежали циновки и меховые ковры, скрепленные вместе в причудливом узоре, где темный цвет чередовался со светлым. Они составляли дорожку на каменном полу, главная из которых вела к островку тепла — камину. Здесь два кресла с высокими спинками и мягкими пестрыми сидениями и даже с маленьким балдахином — достаточная мера от сквозняков. Был тут и стол с блюдами и кувшинами. Хайл подвел Юсмей к камину, где она сняла плащ и с благодарностью протянула руки к огню.

Музыкальный звук заставил ее вздрогнуть и повернуть к нему голову. Хайл стукнул по колокольчику, висевшему в

резной рамке, что стояла на столе. Очень скоро на винтовой лестнице, что вела в башню, появилась фигура. Юсмей узнала ее только тогда, когда она подошла к камину. Не имея возможности выразить свой инстинктивный протест, Юсмей прикусила губу.

Это была Нэнк, бормотавшая о счастье в самом начале перемены жизни Юсмей. Только теперь предсказательница была не в причудливо вышитом платье, а в меховой безрукавке поверх нижней туники, и в темно-коричневой юбке. На ее голове плотно сидел чепец, застегнутый на пряжку под ее отвислым подбородком. На горничную она походила еще меньше, чем на пророчицу.

— Добро пожаловать вам, лорд и леди! К счастью, вы избежали бурана!

Хайл кивнул и обратился к Юсмей:

— Нэнк будет служить вам, леди. Она очень заботится о моих интересах.— Он как-то странно подчеркнул эти слова. Юсмей обратила внимание только на то, что он собирался оставить ее одну с этой странной особой. Она чуть не унизила свою гордость и хотела удержать его за рукав, но вовремя одумалась и не сделала этого. Он уже шел к двери, когда она обрела голос:

— Вы не останетесь... ужинать здесь, милорд?

Его глаза предостерегающе блеснули:

— Хозяин Кейта имеет квартиру, где его никто не претворит. Вы здесь в безопасности, и о вас будут заботиться, миледи.— И он исчез.

В мозгу Юсмей снова зашевелились темные вопросы. Зачем он привез ее сюда? Что он от нее хочет? Что ему нужно? Юсмей стояла возле узкого окна и смотрела во двор. Колеи внизу резко различались между собой. В башне, построенной как хозяйствский дом, жило, видимо, очень мало людей. Был канун праздника Полузимы. Во всех домах в Долинах шли приготовления к празднеству. Почему бы людям не повеселиться в самый короткий день суровой зимы, если завтра она станет медленно отступать к весне? Однако, в Кейте не было ни гостей, ни приготовлений. Нэнк и две служанки, такие же приземистые и чужие, как она, по-видимому, не поняли, что Юсмей имела в виду, когда спросила, будут ли они что-то делать к празднику. Хайла она почти не видела.

Она узнала, что он живет в остроугольной башне и что даже его вооруженная охрана, живущая в башне при воротах, туда не смеет входить. Но кое-кто из людей в капюшонах там бывал.

Теперь, когда она вспоминала свои надежды править домом, ей оставалось только смеяться и плакать, если послед-

нее позволит ей упрямая гордость, над глупой девушки, которая, покидая Упсдейл, надеялась, что едет к свободе.

Свобода! Юсмей была заперта, как пленница. Она скоро узнала, что настоящей хозяйкой Кейта была Нэнк. Во всяком случае, у Юсмей хватило ума и осторожности очень медленно продвигаться в попытках командовать здесь. Она не получала унизительных отказов на свои немногие приказы, но она давала их редко и только насчет самых простых дел, касающихся только ее.

В сущности, это была тюрьма, только не с тесной камерой, а в хорошем помещении... В нижнем этаже была большая комната, которая казалась ей теплой гаванью, когда она впервые вошла в дом. Над ней комната, в которой она сейчас стояла; она занимала все пространство в ширину башни, и через нее проходила открытая винтовая лестница. Еще выше были две пустые комнаты, холодные и мрачные, без каких-либо признаков, что в них когда-то жили. Здесь, в комнате второго этажа, стояла ее постель, занавешенная портьерами с вышитыми на них рисунками, но рисунки эти так выцвели и потускнели от времени, что едва различались. Только лица неясных фигур иногда вспыхивали жизнью, и это пугало Юсмей.

Одно лицо из всех, похоже, делало это чаще остальных. Подумав об этом, Юсмей отвернулась от окна, подошла к портьере и коснулась пальцами этого лица. Сейчас оно было тусклым, и ей показалось, что там стоит кто-то, настойчиво и серьезно следя за ней.. Она могла закрыть глаза и увидеть все его черты — человеческое лицо, оно чаще других вспыхивало жизнью по вечерам. Были тут фигуры и чуждого вида — вроде бы и человеческие, но в масках с самыми различными выражениями. Но то человеческое лицо преследовало ее. Может, это фокусы ее памяти? Нет, она отчетливо помнила в его выражении какую-то отчаянную просьбу.

До чего же, значит, скучна ее теперешняя жизнь, если она фантазирует насчет вышивки! Юсмей хотелось бы знать, кто вышивал это и когда. Она гладила материал кончиками пальцев, чувствуя небольшие неправильности в стежках.

Затем ее пальцы наткнулись на что-то твердое. Она ощупала это, поскольку на глаз ничего не было заметно. Похоже, что в материале что-то было. Она взяла переносную лампу и поднесла ее ближе к портьере.

Здесь было изображение фигуры, которая ее интриговала. На фигуре было ожерелье, и вот этот-то бугорок был его частью. Внимательный осмотр показал, что это было скрыто под нитями вышивки. Острием своего поясного ножа Юсмей стала подпарывать бугорок. Но тот был так плотно зашит,

что ей пришлось повозиться, но в конце концов она распорола стежки и вытащила оттуда что-то гладкое. Ну, конечно же, янтарь! Он был сделан в виде эмблемы, такой сложной, что она довольно долго разглядывала ее детали.

Змея, свернувшаяся кольцами. Ее глаза были крохотными крапинками светло-желтоватого янтаря, а тело было темным. почти невидимая чешуя была вырезана с изумительным искусством. Несмотря на врожденное отвращение к чешуйчатым существам, Юсмей не находила вещь неприятной: скорее, наоборот. Вдруг она вскрикнула и попыталась отбросить змейку, но не могла это сделать. Кольца начали разворачиваться. В них проснулась жизнь! Юсмей с ужасом смотрела, как змея расправляет свое путаное в узел тело. Потом снова свертывается в ладони, точно живая. Голова змей поднялась, желтые глаза глянули на Юсмей, в крошечном ротике блеснуло что-то вроде языка.

Так они оставались довольно долго — Юсмей и существо, которое она освободила. Затем змейка скользнула вдоль руки, а девушка не могла двинуться, чтобы стяхнуть ее. Змейка не была холодной, как обычно рептилии, а теплой, и от нее исходил легкий аромат. Так пахнет редкий янтарь.

Добравшись до запястья Юсмей, змейка охватила руку девушки теплым кольцом и спряталась под рукавом. Теперь это уже был браслет, который Юсмей не могла снять, как ни пыталась. Его надо было либо резать, либо ломать.

Юсмей вернулась к камину. Все это было невозможно, невероятно! Настоящий янтарь был когда-то всего лишь частью дерева. Иногда находили янтарь, заключавших в себе мелких насекомых. Юсмей вспомнила крылатое создание. Да, оно было когда-то живым, но сам-то янтарь не живой! Конечно, у него есть невероятное свойство: натереть его, и он будет притягивать кусочки ткани, волосы и тому подобное, как магнит притягивает железо. Держа руку на весу, чтобы браслет не касался тела, Юсмей встала и пошла к сундучку, так заботливо упакованному в Упсдейле, и стала рыться в свертках.

Наконец, она нашла то, что искала: мешочек, могущий ответить на любое колдовство. Вернувшись в кресло, она развязала мешочек одной рукой и зубами. Из мешочка приятно пахло. Из всех трав это была самой могучей защитой против Темных Сил — солнечная трава анжелика — талисман от яда и злой магии. Юсмей посыпала красновато-коричневое тело змейки щепоткой драгоценной травы.

Но браслет оставался крепким, словно с самого начала был изготовлен в этой форме. Юсмей сильно потерла его и поднесла к амулету Гуппоры — ведь она покровительница жизни,

может встать против любых сил зла. Она коснулась змеей талисмана и медленно прочла заклинание. Браслет остался браслетом. Но она же сама единственная свидетельница его трансформации! Сломать его! Огляделась в поисках оружия, Юсмей увидела огонь. Вот! Янтарь расплывится, коснувшись огня. Она готова была рискнуть обжечь руку, лишь бы не носить эту вещь.

Но она почему-то не потянулась к пламени, а глубоко уселась в кресло, пристально глядя на змею. Желтые глаза повернулись к ней и расширились, пока не слились в один круг света, и Юсмей как бы смотрела в окно.

В тенях и световых бликах она увидела столы, заставленные странными бутылками и металлическими петлями-чашами. Затем другая комната с колоннами.

То, что она увидела, изумило и испугало ее: как крылатое существо было заключено в цилиндрах Хайла, так здесь были заключены другие тела, только гораздо больших размеров. Некоторые были так гротескны, что Юсмей уже видела центр комнаты, где отдельно от других стояли две колонны.

В одной был мужчина. Лицом он походил на Хайла, но некоторая разница была: казалось, они родственники по крови, но не по духу. Он больше походил на Хайла на ярмарке, чем на Хайла в Кейте. Глядя на него, Юсмей снова почувствовала странное возбуждение, а затем ей показалось, что его глаза смотрят на нее.

Но внимание Юсмей привлекла другая колонна. В ней была женщина.

Ее темные волосы были высоко зачесаны и покрыты золотой сеткой, усыпанной цветочками из желтого янтаря. И на ней тоже был браслет из темного янтаря в виде змеи. Янтарного цвета щелковое платье, вокруг шеи — ожерелье из орехов, оправленных в светлый янтарь. Все это сверкало и, казалось, разгоралось все ярче, пока Юсмей смотрела на нее.

Глаза женщины были открыты, как и у мужчины. В ее лице не было и признака жизни, только глаза жили и смотрели на Юсмей с таким призывом, как если бы женщина громко звала о помощи.

Все в голове Юсмей перемешалось: образы возникали и исчезали прежде, чем она могла их понять. Но страшная потребность в чем-то, крик о помощи — остались. И Юсмей поняла, что не может отказать, хотя и не знала, что хотят от нее эти люди. В ее мозгу появилось изображение двора, как она видела его из своего окна, и угловой башни — закрытой для нее области...

Юсмей была уверена, что виденная ею комната находится в этой башне. Затем изображение сморщилось и исчезло. Колонны тоже исчезли. Юсмей смотрела в огонь камина.

— Леди... — нежный голос Нэнк прервал тишину.

Юсмей поспешила одернуть рукав, чтобы скрыть браслет-змею, и прикрыла рукой амулет Гуппоры. Но запах анжелики скрыть было нельзя.

— Что такое, Нэнк? Я вздумала разобрать свои травы и посмотреть, все ли у меня есть для Чаши кануна Полузимы.

Широкие ноздри Нэнк зашевелились, втягивая воздух.

— Лорд Хайл хочет поговорить с вами, леди.

— Так пусть войдет.

Когда Нэнк повернулась уходить, Юсмей быстро надела на шею шнурок и спрятала талисман за ворот платья, а затем завернула мешочек с анжеликой.

Хайл вошел почти бесшумно. Она не слышала его шагов, но чувствовала его появление. Как будто невидимая сила встревожила воздух в помещении.

— Милорд, уже канун Полузимы, а я ничего не слышала о каком-нибудь праздновании.

Она решила разыграть дурочку, занятую обрядами и обычаями людей Долины. Но она внимательно рассматривала черты его лица. Несколько он похож на того? Если память ее не обманывала, различие стало глубже. Может, Хайл на ярмарке носил маску? Ну, а в Кейте снял ее?

— Канун Полузимы? — повторил он, как будто эти ее слова были сказаны на иностранном языке. — Ах, да, праздник вашего народа... Мне очень жаль, миледи, но вам придется праздновать его одной в этом году. Я получил важное известие и должен уехать. И я не смогу вернуться раньше завтрашнего утра. — Он понюхал воздух. — Что у вас здесь, миледи? Незнакомый запах...

Она показала на раскрытый сундучок:

— Травы. У меня есть кое-какое умение в выращивании и использовании их, милорд. Я проверяла свои запасы — что кладется для вкуса, что — для запаха. Но поскольку мы не празднуем, это не понадобится.

— Я заслуживаю выговора, миледи, за то, что так отдался от вас с тех пор, как мы приехали, и не заметил даже, как приближается этот праздник. Простите меня на этот раз, впредь не согрешу.

Инстинкт говорил ей, что все это — просто слова. Он считает, что такие неопределенные обещания могут удовлетворить ее, как малого ребенка.

Он сказал еще несколько ничего не значащих слов и ушел. Она видела в окно, как он уехал со своей вооруженной

охраной. И почти сразу же вошла Нэнк с бронзовой чашей, в которой лежало ожерелье со множеством подвесок из чередующегося голубоватого и зеленоватого янтаря. Юсмей догадалась о том, что это редкая вещь... возможно, даже ценнее всего движимого имущества Упдейла.

Юсмей надела ожерелье и подошла к зеркалу, притворившись очень довольной. Она пригласила Нэнк и двух служанок, принесших ужин, полюбоваться на чудесный подарок ее лорда, и надеялась, что ее действия были достаточно ловки, чтобы обмануть Нэнк. Она туто укрепила общлага рукава, чтобы Нэнк случайно не заметила браслета. Сев за стол, она наполнила чашу, поднесла к губам и покачала головой.

— Не хочу ничего плохого сказать о вашем напитке, — сказала она беспечно, — но если добавить в него мяты, будет еще лучше. Вы когда -нибудь пробовали такой?

— В наших краях мало знают о южных травах, миледи, — ответила Нэнк. — Наш Кейт стоит на пути холодных ветров. Я слышала о мяте, но не знаю, как ее употребляют.

— Вы сама сейчас попробуете и скажете — права я или нет. Сегодня у моего народа канун Праздника. Поскольку милорд не мог провести со мной, не согласитесь ли вы...

Женщина на секунду заколебалась, но затем ее всегда высляживающие глаза обратились к кувшину на столе.

— Здесь слишком мало для второй чаши, о леди. Вы всегда отказывались от большого количества питья, поэтому служанка и принесла...

— Так велите ей принести еще, Нэнк. Не отказывайте мне в этом скучном пире в канун Праздника.

Нэнк неохотно повернулась к лестнице, как человек, который рад бы отказаться, но не может. Юсмей снова подняла чашу. Она умела по запаху определить, хорош ли напиток.

В этом питье что-то было, она была уверена, как если бы слышала за своим плечом предупреждение. Яд? Нет, вряд ли. Но есть такие травы, которыми пользуются в коварных целях — они вызывают глубокий сон, туманят разум, дают фальшивую память. Откуда взялось такое внезапное подозрение? Она не знала этого... знала лишь, что ее предупредили. Как только Нэнк ушла, Юсмей начала действовать, сама не понимая как. Она освободила рукав и поддержала браслет над чашей.

Змея тут же зашевелилась, и теперь ее действия интересовали Юсмей, а не пугали, даже возбуждали, как война перед сражением.

Головка змеи окунулась в жидкость и размешала ее, а затем змея снова взяла в рот кончик своего хвоста и превратилась в браслет.

На лестнице появилась Нэнк с подносом и чашей на нем. Юсмей подошла к своему сундучку, взяла мяты, а также прихватила и другой травы, да так быстро и ловко, что сама себе удивилась. В свою чашу она положила одной мяты, а в чашу Нэнк — смесь мяты с другой травой, и маленькой ложечкой тщательно размешала жидкость в обеих чашах.

— По правилам, Нэнк,— Юсмей улыбнулась,— поскольку мы обе женщины, нам нужно было бы окунуть туда веточку плюща — на счастье, а потом бросить ее в огонь, чтоб злая судьба ушла вместе с ней. Для милорда был бы остро-лист... а для женщин — плющ. Но поскольку у нас его нет, я просто желаю вам счастья.

— И вам тоже, леди,— ответила Нэнк.

Юсмей пила, хотя подозрение все еще оставалось. Насколько эффективна была змея в противодействии всякому злу — этого Юсмей не знала, но решила, что в этом случае змея была бы ее покровительницей, поскольку амулет Гуппоры не оттолкнул ее.

— Ну, что вы думаете о мяте? — спросила Юсмей, допив свою чашу и поставив ее в сторону.

Нэнк тоже отставила свою.

— У нее освежающий и приятный вкус. Леди, ваши южные растения, по-видимому, сильны. А теперь извините меня, я пойду пригляжу за горничными. Вы говорили насчет праздника, и милорду было стыдно, что он забыл. Но мы сделаем, что сможем, для завтрашнего дня.

— Очень мило. Но милорд уже выказал мне свою благосклонность. Да, вы можете идти, Нэнк. Я скоро лягу. Мне почему-то хочется спать.

Права ли она в догадке, что в напиток было что-то подмешано? Выражение лица Нэнк не изменилось.

Как только Нэнк ушла, Юсмей опять освободила руку и подняла змею на уровень глаз. На этот раз никаких видений не было.

— Незнаю, чего хотят от меня,— обратилась она к змее,— но в Кейте много тайн и опасностей, наверное, всех сортов. Я не могу поднять меч, но не подставлю добровольно шею под ярмо. Чтобы ни собиралось свалиться на меня, пусть падет сразу: уж лучше сразу посмотреть в лицо опасности, чем ждать и терять мужество.

После долгого молчания в ее мозг откуда-то пришло указание, что надо делать дальше. Она встала, сняла платье и

надела дорожную суконную юбку, которая давала больше свободы движениям, и серый плащ.

На площадке лестницы она прислушалась: внизу было тихо. Юсмей знала, что эта часть строения соединена с башнями, где была комната людей в капюшонах. Можно надеяться, что Нэнк и горничные спокойно спят в своих комнатах.

Юсмей открыла наружную дверь. Ближайший путь к угловой башне шел прямо через двор, но девушка не хотела, чтобы ее увидели из какого-нибудь окна, поэтому пошла вдоль стены. Плащ и юбка волочились по рыхлому снегу, пока она добралась до двери убежища Хайла. Она подняла щеколду левой рукой, на которой была змея.

Дверь была не заперта, и легко — может быть, даже чересчур легко — поддалась под ее нажимом.

Комната с острыми углами была тускло освещена. Юсмей вздрогнула, увидев перед собой закутанную в плащ фигуру, и подняла руку со змеей. Фигура сделала тот же жест, и Юсмей поняла, что стоит перед зеркалом.

Кроме зеркала и двух ламп, поставленных высоко в стенных нишах, в комнате не было ничего — если не считать запахов. Юсмей принюхалась. Часть запахов была бы приятной, но все забивал кислый дымок, который Юсмей не могла определить. Она медленно повернулась, глядываясь в темные углы. А осмотревшись, она поняла, что ее со двора нельзя увидеть, и что башня выстроена в форме пятиугольной звезды. У нее было смутное воспоминание о Древнем учении, связанном с такой звездой.

Но ведь она видела в видении не пустую комнату! Увидев в одном из углов лестницу, она поднялась наверх. Ступени были сильно истерты, и весь интерьер башни говорил о том, что она стоит тут века.

Юсмей вошла в комнату, заполненную такими вещами, о которых она не имела представления. Там были столы, установленные изогнутыми металлическими трубками, ретортами, флаконами. Кое-что она узнала: похожие вещи употреблялись при перегонке трав. Но кое-что другое она вообще не могла назвать.

Она боялась прикоснуться к чему-либо, потому что смесь запахов была очень сильна, почти непереносима и говорила об опасности. Юсмей положила пальцы на змею-брелок. Почему-то стало светлее, и Юсмей увидела еще одну лестницу. Она осторожно вошла, крепко запахнувшись в плащ, чтобы ненароком не смахнуть что-нибудь со столов.

Так она вошла в комнату своего видения. Там были колонны, составляющие двойную звезду — внешнюю и внутрен-

нюю. У дальней стены — два стола. В острие каждой звезды стояли подсвечники высотой до плеч самой Юсмей. Пламя в них было не обычное, а синеватое, руки Юсмей виделись в их свете нездоровыми и неприятными.

Ее рука сама вытянулась вперед, словно кто-то схватил ее за цепочку, державшие обшлага, и дернул ее без предупреждения. Юсмей прошла между колоннами к центру.

Перед ней была женщина из видений и мужчина, что был Хайлом и не Хайлом. Их живые глаза жадно смотрели на нее, как будто эти люди хотели сказать вслух, что ей надо сделать. Но если у них хватило силы привести ее сюда, то сила эта была ограничена, потому что никакого сообщения не было передано. Но было ясно, чего они хотели — свободы. Как могут замурованные таким образом люди оставаться живыми? О такой магии Юсмей слышала лишь в сказках.

— Что я должна сделать? — спросила она и коснулась столба, в котором была заключена женщина. Столб был крепким. Разбить? Янтарь мягкий и легко обрабатывается. Его можно резать ножом.

Юсмей достала поясной нож и ударила острием, но хорошая сталь отскочила от столба, как от камня, и на его поверхности не появилось ни царапины.

Путь к свободе был, в этом Юсмей не сомневалась, и он скрывался, по-видимому, в магии. Она отошла и медленно повернулась кругом, оглядывая всю группу столбов, составляющих звезду в центре. Голубое освещение усиливало гротескность лиц и тел, но Юсмей заставила себя внимательно все осмотреть.

Во внешней звезде были не люди, а смесь каких-то жутких форм, во внутренней — фигуры гуманоидные, в основном маленькие, коренастые, в человеческих туниках. Тела их были толстыми, широкими в плечах, руки непропорционально длинные, пальцы на руках и ногах заканчивались длинными кривыми когтями, более напоминающими когти хищной птицы или зверя. По их лицам можно было с уверенностью сказать, что они были сродни народу Нэнк.

Юсмей вспомнила людей в капюшонах и в перчатках с когтями — спутников Хайла на ярмарке. Эти люди держались или их держали в стороне от людей Долин. Может, они такие же, как эти? Но почему часть их заключена в столбы?

Каким облегчением было снова посмотреть на вполне человеческие лица мужчины и женщины. Их глаза снова загорелись мольбой. Эх, если бы она могла понять, что должна сделать!

Глаза их закрылись. В лицах чувствовалась глубокая со- средоточенность. Юсмей подняла руку и откинула рукав,

чтобы змея была на виду. Она сделала это, потому что однажды поглядела в глаза змеи с довольно-таки необычным результатом.

Глаза расширялись, расширялись... И вот она смотрит в один желтый шар. Но на этот раз не было впечатления окна, через которое она видела: теперь был только шепчущий голос. Юсмей чувствовала, что ей скажут нечто необыкновенно важное, и старалась уловить слова, увязать их с голосом. Но вразумительного сообщения не было, и конце концов шепот смолк.

Она покачнулась. Спина и ноги болели, и голова тоже. Она ведь не просто стояла, а сосредоточилась на некоем умственном упражнении, непосильном для нее. Юсмей вздохнула и опустила руку.

Глаза людей в колоннах были открыты, но тусклы. В них больше не было настойчивой просьбы. Они попытались, но ничего не вышло.

Но Юсмей все еще не могла оставить их. Нож не сработал, коммуникация — тоже. С неопределенной надеждой найти помощь, Юсмей пошла вдоль столбов к столам, которые она видела, когда вошла в комнату. Здесь не было такой посуды как внизу, но зато на одном из столов лежало то, что ей очень понравилось.

Кубок с ножкой из темного потрескавшегося янтаря. Чаша его была из какого-то грязно-белого материала. Внутренность кубка была в пятнах. Рядом с ним лежал нож с ручкой из того же материала, что и кубок, а лезвие его...

Юсмей отскочила назад, потому что по лезвию ножа на столе ползли, извиваясь, красные линии, словно руны какого-то запретного учения. Они проявлялись, исчезали и бежали снова.

Книга, открытая на середине... страницы ее пожелтели, сморщились и были исписаны грубыми черными строчками. Буквы были совершенно незнакомы Юсмей. Заголовок на каждой странице был украшен виньеткой, но не с гирляндой цветов, как на старых хрониках, а с маленькими сценками, которые вызывали краску стыда на лице Юсмей. Рисунки были гнусные, но выполнены так искусно, что невольно западали в память.

Была тут подставка с колокольчиком из бесцветного металла и молоточком, при виде которого Юсмей покраснела. Свеча в нем была толстой, а к концу разделялась на пять более тонких частей неравной длины.

Здесь висело зло, такое сильное, что Юсмей почти видела его, как темное облако... Она попятилась и отошла к другому столу. Там лежало совершенно другое — неправильные ку-

ски янтаря, только что взятые с месторождения. Ей показалось, что это те, которые были переданы из рук в руки в Упсдейле. Их было очень немного в сравнении с богатством в комнатах.

Злые вещи, используемые, без сомнения, для черного колдовства, грубый янтарь — из всего этого было легко догадаться, что Хайл творил здесь зло. А она связана с ним обетом!

Здесь действительно были черные дела, как в легендах. Здесь жили люди, имеющие дело с Древними Силами. Неужели Кейт — сад, приносящий урожай зла?

Юсмей импульсивно схватилась за амулет Гуппоры. Черными были пути тех, кто имел дело со смертью и разрушением, но Гуппора стояла за жизнь и свет. Юсмей не знала, какую помочь ей может оказать талисман, но чувствовала себя сильнее, когда держалась за него.

Стол со слитками янтаря, другой стол — гробница гнусных сил, пленники в столбах. И... какова будет ее судьба, когда вернется Хайл? Она старалась думать ясно и целенаправленно.

Это была роковая ночь, одна из четырех в году, когда некие силы выпускались для добра и зла. Хайл уехал. Что он ищет в ночи, в морозе? Еще большие силы, чем у него есть в этих стенах?

Юсмей снова повернулась к двойной звезде, посмотрела на колонны, на горящие свечи. Здесь была заключена сила. Почему же она, Юсмей, свободно прошла сквозь охрану, которую Хайл должен был поставить здесь? Ведь подобные места имеют своих стражей, с которыми человеческий род не смеет связываться. Может, это ловушка, и ей разрешили войти в нее? Надо проверить. Зажав амулет Гуппоры, Юсмей бросилась к лестнице, взглянув на пару в столбах. Она без помех спустилась вниз...

И в страхе остановилась: в зеркале на стене отражался кто-то. Он стоял неподвижно, не преграждая ей выход, и не пытался схватить ее.

Он был ужасен, но теперь она видела, что это не живое существо, а вырезанный из янтаря демон. Откуда он появился? Кто принес его сюда?

Она прошмыгнула мимо него, сильно толкнула дверь. Та распахнулась, и холодный ночной воздух показался самой свободой.

Юсмей опять прошла вдоль стены до своей башни и вошла, затаив дыхание, боясь повстречать Нэнк или одну из своих горничных.

Но все было спокойно. Угли в камине давали достаточно света, чтобы уверенно идти. Юсмей поднялась в свою спальню

ню и посмотрела в окно. Остались ли после нее следы? На снегу отпечатков не было заметно, потому что поднялся ветер. Можно надеяться, что он заметет все.

Она села на постель и попыталась разобраться во всем, что видела. Хайл говорил, что он астролог и алхимик. Вторая комната звездной башни с ее непонятным оборудованием вполне могла быть рабочим местом алхимика. Такая наука была в границах разума, хотя в Долинах мало кто занимался ею.

Но верхняя комната — другое дело. Юсмей отлично помнила, что лежало на первом столе. То, что делалось там, не было результатом честной науки.

Что же касается пленников в столбах, то большинство из них не подавало признаков жизни, правда, ей показалось... Тем не менее, она была уверена, что мужчину и женщину держало там грязное колдовство. Вот и соображай: если у Хайла есть такое могущество, то какой резон самой Юсмей выступать против него?

Бежать в эту ночь из Кейта? Но без припасов и карты пуститься в далекое путешествие просто немыслимо — это верная смерть. Но не будет ли хуже смерти остаться здесь? Все равно придется рискнуть и остаться. Юсмей разделилась, убрала одежду обратно в сундук, чтобы утром Нэнк не увидела ее, и легла спать, оставив браслет-змею на запястье и амулет Гуппоры на шее.

Она проснулась как бы от отклика. Сквозь занавеси постели пробивался тусклый полусвет. Каким-то образом она различила рисунки на занавесках. Она считала, что вышивка располагалась на другой стороне, выходящей в комнату, но здесь она горела, как будто полустертыми рисунками проявились в холодном и чистом сиянии звезд. Рисунки были самые разные, но среди них выделялось лицо женщины в янтарной колонне.

К великому удивлению и страху Юсмей, губы женщины шевелились, как будто вышитый портрет силился заговорить. И Юсмей услышала звук, слабый, как дыхание:

— Змея... ключ... ключ...

Свет погас, Юсмей больше не видела лица на занавеси. Змея в руке была теплой, как бы согретая внутренним огнем.

— Ключ... — повторила девушка вслух. — От чего этот ключ? — Она отдернула занавеску. Может, она должна вернуться в звездную башню? В комнате было светло, но не от зари. Уже поздно. Надо снова ждать ночи, чтобы совершить еще одно вторжение в обитель Хайла.

День тянулся медленно, и потому утомительно. Нэнк принесла очень вкусную еду. Юсмей не решилась угощать Нэнк

и подсыпать ей сонный порошок: Нэнк не стоило недооценивать... Вторичное приглашение выпить вина могло вызвать ее подозрение.

Но все планы Юсмей рухнули; в сумерках вернулся Хайл. Юсмей смотрела на него через стекло, напрягаясь, чтобы при встрече с черным лордом не выдать себя.

Она была уверена, что первым делом он пойдет в свою башню. Не оставила ли она каких-либо следов там? Эта янтарная штука перед зеркалом может каким-нибудь образом сообщить, что видела там Юсмей.

Пальцы Юсмей искали змею на запястье. Ключ... от чего?

Она призвала всю силу своего самообладания, как делала всегда перед трудной работой. Она спустилась вниз, где Нэнк готовила ужин.

— Милорд приехал,— сказала Юсмей, сама удивляясь своему спокойному голосу.

— Да,— сказала Нэнк.— Вы не хотите пригласить его за свой стол, миледи?

Юсмей кивнула:

— В эту ночь праздник. Если милорд не очень устал с дороги, может быть, он получит хоть маленько удовольствие... Вы не пошлете кого -нибудь?

— Я сама схожу, миледи. Он захочет разделить ваш пир.

В ее словах слышалась авторитетная нотка, словно Нэнк могла потребовать чего-то от своего хозяина, и тот повиновался бы ей.

Юсмей стояла у камина и глядела на двери, собирая силы для встречи. Хайл и раньше был достаточно странным и вызывающим страх человеком, а теперь... когда она подозревала, каковы его сила и знания, отразится ли в ее лице то, что она узнала?

Время тянулось нескончаемо долго. Наконец появилась Нэнк. Сбрасывая плащ, она сказала своим обычным мягким и вкрадчивым голосом:

— Миледи, милорд приготовил угощение и для вас. Не пойдете ли вы...

Нэнк не кончила фразы, так как вошел сам Хайл. Снег сверкал на его плаще. Через руку он перекинул другой плащ, шелковый и ярко янтарного цвета, с янтарной застежкой у ворота.

— Подарок для миледи.— Он накинул плащ на Юсмей и плотно закутал ее в него, прежде чем она успела пошевелиться.— И угощение ждет, так что идемте, повеселимся по обычаям твоего народа.

Он взял ее за талию. Она не могла уклониться, потому что он поймал ее в плен, как в сеть. Ее пронзил холод. Она удив-

лялась, чего он от нее хочет — так вот, сейчас она, похоже, узнает это. И она совершенно беззащитна против него...

Он непринужденно разговаривал с ней, пока вел ее через двор, и они выглядели счастливой супружеской парой. Она старалась не показывать своего страха.

Они вошли в комнату с зеркалом. Теперь здесь было больше света. Чудовище по-прежнему стояло, только теперь уже мордой к ним, а не к зеркалу.

Рука Хайла крепче обвилась вокруг талии Юсмей. Неужели она выдала себя, или же ее реакцию на такое страшилище можно считать нормальной?

Не выпуская Юсмей, Хайл другой рукой сделал знак. Чудовище зашевелилось, вытянуло гребень вверх, точно кошка, желающая приласкаться, и этот острый гребень коснулся пальцев Хайла. Как же это? Ведь это не живое, а вырезанное из янтаря?

Юсмей услышала тихий смех Хайла:

— Вас это напугало, миледи? Я ведь предупреждал вас, что занимаюсь необычными и странными вещами. И вы теперь видите, что и слуги у меня необычные. Но этого слугу я пока не отпущу, он будет играть у нас роль часового. Пошли!

Она всеми силами старалась превозмочь страх. Он замышлял против нее зло, в этом теперь она была уверена. Но ведь и она была родом из поколения бойцов, которые защищали свои земли от многих опасностей, пока смерть не побеждала их.

Под плащом, в который он завернул ее и держал, она ухватилась за змею-браслет... Ключ от чего?

Они поднялись выше, прошли мимо его рабочего места и вошли в комнату с колоннами. Он толкнул Юсмей вперед со словами:

— Добро пожаловать в сердце Кейта! Ты тайком искала секреты, теперь ты их найдешь. Понравится ли вам ваша просвещенность — вопрос другой.

Он провел ее между другими существами и повернул лицом к тем двум фигурам.

— Ты называешь себя леди Кейта, Юсмей из Долин. Погляди теперь на настоящую леди этого владения, Яал Дальномыслящую. Хотел бы я знать, где теперь бродят ее мысли, раз она может путешествовать только мысленно. Она из тех, с кем твой род высокочек, девка, не идет ни в какое сравнение. Она правила еще до того, как твой род вышел из дикарей-корнеедов. — Он смотрел на Яал с ненавистью, но и с уважением и волнением, какое Юсмей у него еще не замечала. — Яал, она такая, какая и во сне не приснится твоему невежеству. Так же, как Кейт, каким он был когда-то и каким будет снова, поскольку у меня теперь есть средства, чтобы сделать

его прежним. Ты дашь мне это средство, девка, да еще с благодарностью поклонишься, в противном случае тебя пришлепнут как блоху и бросят в огонь. Ты отдашь мне семя, из которого я выращу многое. Вы слышите, леди Яал? Не снилось ли вам, что придет конец моей власти, когда исчезнут запасы янтаря? Не следовало вам недооценивать меня и алчность этих варваров из Долин.

У меня снова есть янтарь. Да, и очень необычное его использование. Слышите, Яал? — он протянул руку, как бы желая стукнуть по поверхности колонны, но не коснулся ее.

Глаза Яал были открыты, но Юсмей не видела в них искры жизни. Хайл выпустил Юсмей, и она откачнулась назад, подобрала складки плаща и сделала глубокий реверанс пленнице.

— Что ты делаешь, девка? — с изумлением спросил Хайл.

— Вы сказали, милорд, что она и есть настоящая хозяйка здесь. — Юсмей не знала, что движет ею, словно ее действия слова были продиктованы. — Значит, я плачу ей дань уважения при встрече... А он? — Юсмей повернулась и показала взглядом на другую колонну. — Если она — леди, то он — здешний милорд?

Лицо Хайла исказилось. Он жестоко ударил ее по лицу и она отлетела к колонне, державшей в себе мужчину. Но, схватившись за нее, удержалась на ногах.

В руках Хайла вдруг появилась сверкающая золотистая веревка. Он свернул ее кольцом и сказал что-то, чего Юсмей не поняла. Петля полетела и упала на пол вокруг девушки. Теперь лицо Хайла было спокойным: он овладел своими чувствами.

— Останешься здесь, шлюха. И, быть может, надолго. У меня теперь есть средство гарантировать это.

Он вышел. Юсмей растерялась. Этот сияющий круг — теперь она его разглядела — состоял из янтарной цепи, но каково же ее назначение?

Хайл ушел, а змея на ее руке была ключом... значит, надо поскорее отыскать замок. Она сделала шаг и удостоверилась, что не может переступить через янтарный круг. Она была пленницей, сидела, точно в клетке птица.

На какой-то миг ее охватил дикий страх. Но сила и гордость своего рода вернулись к ней и заставили ее думать. Совершенно ясно, что Хайл владел великими силами. Он держал тех двух в плена, и если они ему враги, то, значит, потенциальные друзья ей. Если она сможет помочь им...

Змея — ключ, но как им воспользоваться?.. Юсмей смотрела на женщину и мужчину и думала о ключах и замках.

Никакого замка не было, но и змея не была обычным ключом. Замков нет, но люди в столбах заперты...

Юсмей отдернула рукав и вытянула руку, чтобы змеиная головка коснулась янтарной клетки мужчины. Вокруг ее руки вспыхнул огонь, и Юсмей испугано вскрикнула, но держалась твердо.

Янтарная колонна начала изменяться. В точке контакта янтарь дымился, темнел и превращался в пепел. Колонна затрещала, по ней пробежали зигзаги трещин, они ширились, сыпались хлопьями, оседали на полу мелкой пылью.

Освобожденный пленник вздрогнул и тяжело вздохнул. Руки его рывком поднялись к голове, скользнули по щекам, по подбородку, словно он проверил, действительно ли он жив.

Он не взглянул на Юсмей, а тяжело сошел с основания столба и огляделся по сторонам, как бы ища что-то, что должно было быть здесь.

Если он думал о каком-то оружии, то у меня не было времени для поисков: с площадки лестницы раздалось громкое шипение. Юсмей вскрикнула. Чудовищное существо из нижней комнаты сгорбилось там, его отвратительная голова нацелилась для удара. Мужчина стоял с пустыми руками, и Юсмей подумала, что у него весьма мало шансов, если чудовище ударит его. Но мужчина поднял руку и щелкнул пальцами.

Появились пылающие линии света и составили решетку. Стоя за этим удивительным барьером, мужчина поднес к рту кулак, как будто держал трубку, и издал бормочущие звуки. Юсмей не разобрала слов, слышала только тихое пение, несколько нот, повторяющихся снова и снова. Чудовище качалось, и его бронированный хвост судорожно дергался, колючки на голове встали дыбом. Оно сгибало столбы, но держалось на разумной дистанции от световых линий. А мужчина все пел свои несколько нот.

Затем...

Из воздуха вылетела стрела синего огня того же неприятного цвета, что и свечи... Чудовище, видимо, ободрилось и бросилось вперед, встряхивая головой, как бы под градом ударов.

Мужчина не испугался. Звук его бормочущего голоса стал громче. В комнате прибавились движения: за свечами кто-то крался вдоль стены. Юсмей, даже не видя, знала, что это Хайл. Он подбирался не к освобожденному пленнику, а к...

Стол! Тот стол, где лежали орудия темного колдовства! А освобожденный пленник, кажется, не видел Хайла. Юсмей хотела крикнуть, предупредить, но не могла. Возможно,

власть кольца вокруг ее ног задушила голос в ее горле, но пользоваться змеей она еще могла. Что же можно сделать?

Она вытянула руку насколько могла, чтобы коснуться круга у своих ног желтоглазой головкой змеи. Вспышка голубого огня...

Юсмей закрыла лицо руками. Жара не было, только ослепляющий свет. Зрение ее как будто затуманилось. По щекам текли слезы, и она протирала глаза, но видела все, как сквозь густую вуаль. Хайла она уже не видела.

Она ощупью добралась до другой колонны и коснулась ее гладкой поверхности. Если змея освободила мужчину, то она также освободит Яал. Юсмей приложила браслет к колонне.

На этот раз она не видела результатов, но слышала треск. Пыль сыпалась на ее руки, летела вокруг. Затем движение. Руки схватили ее, выпрямили, на секунду прижали к себе, но тут же исчезли.

Юсмей снова протерла глаза. Зрение ее прояснилось.

Яал шла к столу, и Юсмей поплелась за ней.

Штурм синих вспышек продолжался. Чудовище теперь уже было в первом ряду столбов. Оно качалось, и из его пасти капала слюна. Рука Юсмей крепче сжала талисман Гуппоры.

Яал подошла к столу, но Хайл уже был там. Лицо его было маской ненависти и злобы, а зубы оскалены. Рука его метнулась вперед, пальцы схватили рукоять ножа. Он ткнул в свою ладонь острым лезвием и хотел налить быстро хлынувшую кровь в чашу. Но Яал подняла палец, и рана на ладони Хайла тут же закрылась, так что в чашу попало не больше одной-двух капель.

— Нет, Хайл, — голос Яал был тих, но поднялся над шипением чудовища и пением, что доносилось из глубины комнаты, — даже твоей кровью не вызовет...

Яал покачала головой.

— Ты стал мастером только из-за нашей оплошности. Твой день прошел, Хайл. — Не поворачивая головы, она протянула правую руку к Юсмей. — Выпусти змею!

Юсмей, как будто отлично зная, что делать, подняла руку. Браслет на ней ожила.

Змея выпрямилась, выпрыгнула в воздух и упала на ладонь Яал, а затем молниеносно обвилась вокруг ее запястья.

Хайл шагнул вперед, как бы желая перехватить змею, но опоздал.

— А теперь, — Яал вытянула руку. Головка змеи качнулась, глаза горели желтым огнем:

— Архар и Столла, Борум, проснитесь.

То, что впиталось,
должно быть слизано.
То, что было сделано,
вы должны переделать!
Во имя...

Последнее слово не было сказано. В комнате раздался такой рев и грохот, что Юсмей взвизгнула и зажала уши.

Чаша на столе кружилась в диком танце. Хайл с криком бросился ловить ее. Нож выпал из его рук и прыгнул в воздух, где повис, соблазняя, а Хайл тянулся к нему, как бы забыв все остальное. Но нож отскакивал и снова повисал, почти что у самой его руки. Юсмей заметила, что никаких синих вспышек больше нет, а пение звучало торжествующее.

Летающий нож и прыгающая чаша отвлекли Хайла далеко от стола, почти к разрушенным колоннам. Там он вроде бы очнулся от чар, которые держали его. Он крутанулся, пригнувшись, как меченосец, готовый прыгнуть на врага.

— Нет! — закричал он вызывающе, затем махнул рукой, как бы отметая чашу, и пошел, мягко ступая, к столам с таким беспощадным видом, что Юсмей отступила. На сей раз он не собирался брать оружия Зла: его руки схватили куски необработанного янтаря.

— Есть! Есть! — завопил он и бросился с янтарем в руках к лестнице. Никто его не задержал. Яал подошла к столу Зла. Там стояла чаша, будто никогда не летавшая, а рядом с ней лежал нож. Яал пристально смотрела, вытянув руку со змеиным браслетом, и как будто старалась вспомнить что-то очень важное. Затем, как бы приняв решение, она повернулась.

Звуков стало меньше. Юсмей оглянулась. Световая решетка потускнела, а чудовище с фырканьем и шипением удалилось к лестнице. Яал подошла к мужчине.

— Оставь! Его разум закрыт. Тут может быть только один конец — мы давно знаем это.

Он опустил руку и кивнул:

— Он сам сделал выбор, пусть теперь терпит.

Но у Яал был слегка растерявшийся вид. Она бросала взгляды по сторонам.

— Здесь кто-то еще, — медленно произнесла она. — Ты не чувствуешь, Брок?

Он поднял голову, как бы принююваясь.

— Она! — в первый раз он взглянул на Юсмей.

Яал также взглянула на нее.

— Она — не его ставленница, она носила змею. Здесь присутствует другая сила. Хайл имел дело со смертью или

жизнью-смертью, а это — сила жизни. Какой амулет ты носишь, девочка?

Юсмей отвела руку и показала талисман. Яал посмотрела на талисман Гуппоры и кивнула:

— Этой эмблемы давным-давно не было в Кейте. Покровительство Ротонны... да, вот что хотел добавить Хайл к тому, что имел.

Юсмей обрела дар речи:

— Но он не отнял его у меня, хотя мог бы.

Яал покачала головой:

— Такие вещи Власти можно получить только в подарок. Если человек возьмет его силой, амулет обернется против него. А с Ротонной шутки плохи.

— Я не знаю такого имени. Это амулет Гуппоры.

— Что такое имя? — ответила Яал. — Некоторые силы были известны всегда, но у разных людей назывались по-разному. Я знаю этот амулет, как пришедший от Ротонны. В старину она не отворачивала своего лица от нас, но и не хотела помочь нам. И если Хайл хотел воспользоваться...

— Ты знаешь Хайла, — опередил ее Брок, — а он подумал бы об угрозе наказания, не стал бы планировать, нельзя ли использовать эту угрозу с выгодой для себя. Так он и планирует сейчас для себя, Яал. Да, сейчас!

— Звезды сделали полный оборот. Змея готова ударить. Не думаю, что Хайл что-нибудь придумает, его большой котел вряд ли поможет ему в эту ночь. Настал час, когда мы должны положить этому конец.

Они пошли по лестнице, Юсмей — за ними. Она не могла оставаться одна в этом страшном месте.

Чудовище шипело. Оно распласталось на полу и смотрело на них красными глазами. Брок сделал движение рукой в воздухе, и в его руках оказался меч.

Меч не отражал света, как обычная сталь. Лезвие не имело режущего края, оно было красно-коричневое, точно деревянное. Но увидев этот меч, чудовище откатилось. Оно шипело и плевалось, но отступило. Они вошли в мастерскую Хайла, где тяжело стелился вредный дым.

В центре, в каменном углублении, горел огонь. Над огнем висел громадный котел, в который Хайл ссыпал горстями предметы, лежавшие прямо на скамье рядом. Наполнив котел, он запел, не обращая внимания на вошедших.

— Не помутился ли его разум? — спросил Брок. — Он же должен знать, что это не сработает снова.

— Желание! — Яал подняла руку. Желтые глаза змеи вспыхнули, стали расширяться и объединились в одну орбиту, в солнце, висящее в темноте комнаты. Чудовище завиз-

жало и бросилось — не на троих у лестницы, а на своего хозяина. И в это же время амулет в руке Юсмей ярко вспыхнул зеленым светом, его лучи пробежали по полу к углублению... Зеленый поток перелился через край, но не погасил пламя, а только сделал неподвижным его ликующие языки, и они стали зелеными.

Пение Хайла оборвалось. Он дико закричал, когда чудовище схватило его. Они переплелись, покачнулись и упали в кипящий котел.

Тут же исчезли и орбита зеленого глаза, и зеленое пламя. Жидкость в котле поднялась до краев, и под ее поверхностью ничего не было видно.

...Разгорелась заря нового дня. Юсмей прислонилась к наружной стороне звездной башни. Ей с трудом верилось, что она может дышать холодным зимним воздухом после дыма и тяжелого запаха Зла. Это чудо, что она выжила в такую ночь!

Рука Яал легла ей на плечо, и они втроем пошли через двор под серым небом.

— Все изменилось, печально изменилось, — сказала Яал. — Кейт совсем не тот, что был.

— Он опять изменится, — быстро сказал Брок. — То, что грызло его сердце, теперь исчезло. И перед нами будущее...

— А как же с Юсмей? Она же не леди Кейта, и не была ею. Не вернется ли она в Упсдейл, став еще ниже, чем была?

— Я была женой Хайла, — тихо сказала она. — Я по своей воле поехала в Кейт, я не знала, кто такой Хайл, однако без протеста пошла за него замуж.

— И это оказалось спасительным для нас обоих, — сказал Брок, и его лицо, похожее на лицо Хайла, повернулось к ней с непонятным выражением. Нет, он не Хайл, просто неискушенная девушка решила однажды, что они похожи. — Ты не была женой Хайла, — продолжал он, — ты не могла быть его сообщницей, иначе не носить бы тебе змею и не стоять с нами в эту ночь.

— Не называй себя женой Хайла, но дочерью Ротонны! — голос Яал прозвучал почти как приказ. — В переплетениях судьбы много странного. Мы — древний народ Кейта, наше учение дало нам силы, которые всякие невежды называют божественными. Но во многом мы — люди. Вот поэтому и среди нас могут быть такие, как Хайл. Он нашей породы. Хайл хотел стать господином некоторых сил, в которые не имел права вмешиваться.

— Он хотел большего, — прервал ее Брок. — Он хотел...

— Меня? Возможно, но, скорее всего, он хотел того, чего смог бы достичь через меня. И он был силен, слишком силен тогда для нас, хотя мы сделали все, что могли.

— Вроде спрятанной змеи? — спросила Юсмей.

— Да, вроде этого. Но долго пришлось ждать, пока придет та, что воспользуется ю... дочь Ротонны. Ты сказала, что ты не леди Кейта, но не говори больше этого! А Хайл воспользовался тобой, чтобы получить настоящий янтарь, он был нужен ему, чтобы делать фальшивый для своих черных целей. А для изготовления фальшивого янтаря обязательно нужно иметь хоть зерно настоящего. Он хотел воспользоваться тобой, но ты не для него. Гордись этим и радуйся, дочь Ротонны!

— Добро пожаловать в Кейт, — добавил Брок, — и на этот раз по-настоящему «добро пожаловать», не сомневайся!

И Юсмей не сомневалась — ни тогда, ни потом. Иногда она задумывалась и в последующие дни — кто она теперь: Юсмей из Упсдейла или кто-то другая, очень измененная судьбой. Но это не имело значения, потому что приветствие Кейта согревало и радовало ее.

И ей не было необходимости ходить в ту странную башню и смотреть на бесформенную глыбу янтаря, в которой человек и чудовище стояли в бесконечном объятии, и вспоминать то, что осталось позади.

ЖАБЫ ГРИММЕРДЕЙЛА

Глава первая

Высокие сугробы, покрытые настом, загородили дорогу. Герта еще несколько раз ударила копьем, кроша наст, и остановилась, задохнувшись.

Длинный кинжал на поясе, короткое охотничье копье в руках, нищенский узелок — вот и все, что осталось у нее от Хорла-Холл. И еще живой груз в ней самой. С этим и придется встречать будущее. Она сцепила зубы и еще выше вскинула голову. Ей нечего стыдиться. Что бы там ни думали Куно и его свора, ей нечего стыдиться. И она никогда не придет больше в свой бывший дом вымаливать их прощенье, пусть и не надеются. Герта всхлипнула и со злостью снова принялась колотить по насту. Ей нечего стыдиться: ребенок, которого она носит, — не дитя разврата, а дитя войны. Надо думать, Куно и сам на войне не отказывался от живой добычи. А теперь он, ее безупречный братец, выгнал ее из дома, потому что она отказалась пить отраву, сваренную его служанками. Он уверен, что это избавит ее от ребенка, а она по его глаза видела, что, скорее, это варево отправит на тот свет ее. И ему оставалось бы только возблагодарить бога, избавившего их дом, а главное — его самого, от позора. О, она его прекрасно понимала...

На минутку Герта сама испугалась этой поднявшейся в душе темноты. Подумать такое о родном брате! Еще два года назад подобное ей и в голову прийти не могло. Пока она не знала войны, пока еще сохранялись иллюзии. Пока, наконец, она не увидела, как жесток в действительности этот мир.

Слава богу, что в этом мире она и сама смогла измениться. Прежняя нежная и впечатлительная Герта не смогла бы поставить на своем и отстоять свою дорогу.

Гнев, огнем полыхавший в ней, придавал сил. Твердо ступая, она крошила ледяную кромку жесткими подошвами своих сапог. И она ни разу не оглянулась на оставленный замок, где когда-то правили пять поколений ее предков. Солнце уже спускалось, и имело смысл поторопиться. Тяжело было пробиваться через снежные заносы, и не раз только

концом копья нащупывала она в них дорогу, зато при такой медленной ходьбе наверняка не пропустишь межевые знаки Малма-Хилд и Вивери-Винг.

Герта не сомневалась, что Куно ждет ее назад. Он, конечно, уверен, что она помыкается в этих сугробах и вернется заплаканная и на все согласная. Она усмехнулась: Куно всегда был самоуверен. А с тех пор, как он разбил остатки вражеского отряда, искавшего спасения на побережье, вообще возвомнил о себе невесть что. Как будто это он один разбил захватчиков и освободил долины. А на самом деле на это потребовалась вся сила Хай-Халлака и чужих родов из Васта. И ушло на это двадцать лет.

Трэйсдейлу повезло, война обошла его, но это вышло почти случайно, и хвалиться этим не стоило. Как и военной победой, ведь Куно разбил уже разгромленный, спасающийся бегством отряд.

После перекрестка идти стало легче, ветер основательно подмел дорогу. Это была осень старая дорога, из тех, что лежали здесь задолго до прихода людей. Кто их строил?

Герта остановилась у покрытой резьбой стены. Время и непогода превратили ее в непонятного назначения развалины, однажды было ясно, что строители ее — кто бы они ни были — трудились с определенной целью. Сейчас она не могла ни от чего защитить и служила просто путевым знаком.

Отсюда дорога пошла вниз. Ветер сюда не достигал, и вся тропинка была завалена снегом. До Нового года оставалось двадцать дней. Кончался Год Шершня, и, слава богу, наступающий Год Единорога начинался под хорошими знаками.

Дорога петляла среди невысоких деревьев, и Герта шла медленно, с трудом нащупывая в снегу твердую поверхность. Наконец кроны вечнозеленых деревьев, казавшиеся в сумерках почти черными, сомкнулись, и снега на дороге стало гораздо меньше. Герта дошла до замерзшего ручья и повернула на запад, к святилищу Гунноры.

Рядом с храмом стояло низкое здание с открытой аркой входа. Герта смело прошла под арку и очутилась перед стеной, равнодушно уставившейся на нее круглыми большими окнами. Колокольчик у двери был украшен знаком Гунноры — плодовая ветка, обвитая спелым колосом.

Герта поставила свое копье и потянула за веревку. Колокольчик невнятно и глухо вякнул. Она не удивилась, хотя раньше здесь не была и знала об этом храме только по отрывочным рассказам.

Дверь открылась. И хотя в дверях так никто и не появился, Герта поняла, что ее приглашают войти. В помещениях было тепло и сильно пахло цветами и травами, будто в одну ми-

нуту перенеслась она из промерзшей зимы и живительную весну. Герта перестала хмуриться и почувствовала, как расправляются ноющие плечи и спина. Она оказалась в узком коридоре, освещенном двумя лампами, висевшими на колоннах при входе. Стены были расписаны яркими красками цветущего сада. И такие же цветы украшали занавес в конце коридора. Вокруг по-прежнему не было ни души, и Герта протянула руку к занавесу, но он раздвинулся сам прежде, чем она успела его коснуться. Она шагнула в большую комнату. Там стоял накрытый стол — тяжелые, прикрытые крышками блюда с горячим и какой-то зеленоватый напиток в хрустальном бокале. Рядом со столом — удобный стул.

— Ешь, пей, — прозвучал в комнате тихий, как вздох, голос.

Герта в испуге оглянулась. Вокруг по-прежнему никого. Она вдруг почувствовала, как проголодалась за свою нелегкую дорогу. Пристроив в уголок копье, сняв плащ и отвязав от пояса свой узелок, она присела к столу. И хотя так никого и не увидела, произнесла обычную формулу: «Благодарю за предложенное угощение и за добрый прием. Пусть дни правителя этого дома будут светлы и счастливы».

Нелепо прозвучали эти обычные слова в пустоте комнаты. Герта невольно улыбнулась: ведь это храм Гунноры, и нуждается ли Великая Госпожа в благодарности простой смертной? И тут же подумала, что все-таки правильно сделала, что произнесла приветствие гостя. Она рассчитывала, что ей хоть кто-нибудь ответит, но вокруг было все так же тихо. Подождав еще немного, она принялась за еду. Все блюда достойны были стоять на столе богини, зеленый напиток, сильно отдававший травами, и согревал, и бодрил. Герта даже попробовала на вкус определить, из чего он сделан, но так и не сумела. Основательно подкрепившись, она открыла самое большое блюдо и увидела, что оно полно теплой воды с лепестками цветов. И это среди зимы! Рядом лежало полотенце. Она сполоснула руки и подготовилась ожидать дальнейшего.

В ушах у нее звенело от тишины. Герта засомневалась, есть ли тут вообще кто живой? Но ведь кто-то же приготовил еду и угощал ее? Что ей делать дальше, как исполнить то, ради чего она сюда пришла?

— Великая Госпожа, — произнесла Герта в пустоту комнаты. Никто не отозвался, и маленькая дверь на другом конце зала так и осталась закрытой.

— Великая Госпожа, — повторила Герта. До сих пор она не слишком задумывалась о религии, хотя привычно почитала Солнечный свет, приносила на алтарь плоды и слушала на Холме Астрона Утреннюю Службу. В детстве

кормилица дала ей амулет Гунноры, и когда она достигла возраста, то возложила его на домашний алтарь. Об обрядах Гунноры она слышала только из разговоров женщин, когда рядом не было мужчин. Гуннора была покровительницей плодородия, и любая беременная женщина могла обратиться к ней.

Нетерпение Герты сменилось каким-то другим чувством. Тревогой? Страхом? Но чего ей опасаться здесь? Гуннора равнодушна к людским законам, и ей все равно — законный отец у ребенка или нет. Она покровительствует всякому продолжению рода.

Герту уже всерьез одолели сомнения, когда наконец распахнулась маленькая дверь. По-видимому, ее приглашали войти. Оставив все свое добро лежать в уголке, она прошла в комнату. Здесь ароматный дым поднимается от двух курильниц, стоявших в ногах и в изголовье ложа, и еще сильнее пахло травами. У основания колонны стоял маленький алтарь, украшенный изображениями плодовой ветки и колосьями.

— Отдыхай, — опять прозвучал тихий голос. И Герта, уставшая как никогда в жизни, тут же улеглась на ложе, поудобнее устраивая свое ноющее промерзшее тело. Ей показалось, что дым от курильниц накрыл ее сплошным покрывалом. Но тут глаза ее сами закрылись.

Она лежала в полумраке. Сквозь сон она слышала, как кто-то заходил в комнату, но и во сне продолжала чувствовать себя всеми покинутой и одинокой. Но вот кто-то наклонился над ней и, приоткрыв глаза, она увидела любимое полузабытое лицо из далекого прошлого.

«Эльфрида!» — подумала Герта, а сказать вслух не было сил, но старая кормилица услышала, заулыбалась и потянулась обнять ее.

— Голубка ненаглядная! — И столько тепла и любви было в этих давно не слышанных словах, что Герта не выдержала и заревела, как в детстве. И вместе со слезами уходили ее гнев и боль, и наконец пришло успокоение. Тень Эльфриды проводила ее куда-то наверх, и там было очень светло и явно ощущалось Присутствие. Герта не задумалась, что за сила здесь обитает, она только почувствовала вопрос и искренне ответила:

— Нет, — она прикрыла ладонями живот, — я не хочу избавляться от него.

Свет стал теплее и мягче, и Герта ответила на второй вопрос.

— У меня две просьбы. Я хочу, чтобы этот ребенок был только моим. Пусть в нем не будет ничего от человека, кото-

рый, взяв меня силой, стал его невольным отцом. А второе — я хочу отомстить этому человеку.

Сначала ответа не было. Потом сияние очертило в воздухе знак, и хотя Герта видела его впервые, ей все было понятно.

Первое желание сбудется. Ребенок будет только ее, без капли чужой крови. Ее судьба позволяла это. А на вторую просьбу ей не ответили — пропало ощущение Присутствия Силы. Но Эльфрида не исчезла, и Герта спросила у нее:

— Она даст мне наказать злодея?

— Это не в ее власти, — объяснила Эльфрида, — госпожа — покровительница жизни, и что ей до смерти? Ты несешь в себе жизнь, — в этом она поможет тебе. А за местью обращайся к другим. Хотя я тебе не советую — темный путь приведет только во мрак.

И Эльфрида исчезла, растаяла, как тень. Герта спокойно уснула.

Проснувшись, она не могла сообразить, сколько времени проспала. Курильницы погасли, запах трав стал слабее. Она чувствовала себя не просто отдохнувшей, а так, словно что-то очистило ее тело и душу, вымыло оттуда всю боль и дало ясность и просветление.

Поднявшись с ложа, она прежде всего подошла к алтарю и, встав на колени, произнесла благодарственную молитву. Но, несмотря на предупреждение Эльфриды, она не могла отказаться от своего второго желания.

На том же столе ее снова ждал обед. И, прежде чем покинуть Храм Гунноры, она хорошенько поела и попила. И задумалась.

Идти ей, в сущности, было некуда. Куно всем объявил о ее позоре, и теперь глупо было бы рассчитывать, что хоть кто-то из родни захочет дать ей приют. Ее скромных сбережений и более чем скромных драгоценностей хватит ненадолго. А кроме этого она умела лишь то, что должна была уметь благородная леди — читать, писать, вести дом, собирать травы и врачевать. Этим, конечно, на жизнь не заработаешь. Но после пробуждения в душе ее был такой покой и такая чистота, что она отбросила сейчас заботу о будущем и решила жить настоящим днем.

Она выбрала дорогу, на которой лежало два селения. Первым был Нордендейл. Там война была настоящей. Лорд и два его наследника погибли в бою два года назад. Живет ли там сейчас кто-нибудь и вообще уцелело ли хоть что-то, она не знала. Следующим был Гrimmerдейл.

Герта отставила пустой стакан. Гrimmerдейл!

Святилище Гунноры находилось почти в самом начале древней дороги. Гrimmerдейл расположился гораздо даль-

ше, и, как говорили, там еще жили остатки прежней нечеловеческой расы, возможно, сами строители этой дороги. По слухам, место это было недобрым, таинственным и нечистым.

Герта постаралась вспомнить все, что говорили о Гrimмердейле. Где-то в холмах таился Круг Жаб. Иногда люди приходили туда с просьбой и, говорят, получали желанное. Не об этом ли говорила Эльфрида? Если Гуннора не властна над смертью, то, может быть, помогут эти, из Гrimмердейла?

Она чувствовала, что здесь, в святилище, такие мысли почти кощунственны, и приготовилась к осуждению, но ничего не случилось.

— Благодарю за угощение, — произнесла она «слова гостя», — благодарю этот дом за приют и тепло, желаю ему всех благ в будущем, и позвольте мне продолжить свой путь.

Она покрепче застегнула у горла плащ, накинула капюшон и, взяв свой узелок и копье, вышла из храма и повернула на дорогу в Гrimмердейл.

В сумерках она остановилась на холме, под которым лежал Нордендейл, и посмотрела вниз.

В поселке топились печи, и на снегу были видны следы саней. Только замок был мертв и заброшен.

Она поняла, что сегодня уже не дойдет до Гrimмердейла. Самый большой дом внизу показался ей похожим на гостиницу. До войны пастухи, несущие на рынок овечью шерсть с гор, постоянно останавливались в Нордендейле. Правда, давно, но была надежда, что гостиница сохранилась и могла на ночь приютить Герту.

Она с трудом спустилась вниз по рыхлому снегу. Действительно, над дверью большого дома висела жестяная вывеска. Время и непогода давно стерли название, но все равно было понятно, что это гостиница. Герта вошла, миновав двух мужчин, которые уставились на нее, как на привидение. Видимо, в Нордендейл давно никто не приезжал.

Густой дух кислого пива, овчины и острой горячей еды встретил Герту в большой комнате. Огромный камин, где горели толстые поленья, приятно согревал. Посреди комнаты на козлах стоял длинный стол со скамьями вокруг него. На столе поменьше были составлены кружки. И только у самого камина стояло несколько мягких сидений. Герта прошла через комнату, направляясь к девушке в грязной кофте, и двое сидевших у камина мужчин смотрели на нее так же обалдело, как и те, на улице. Герта сбросила капюшон и, глядя на них, со спокойной уверенностью сказала: «Мир этому дому».

С минуту все молчали, словно громом пораженные. Наконец служанка пришла в себя и подошла к Герте, вытирая руки о фартук.

— Мир и вам, госпожа, — служанка наметанным глазом оценила материю и покрой плаща, а также манеры Герты. — Чем можем быть вам полезны?

— Мне нужны еда и ночлег, если это у вас есть.

— Есть еда, госпожа, только... — девушка замялась, — я сейчас сбегаю за хозяйкой.

И она быстро исчезла за внутренней дверью.

Герта сняла плащ, положила на скамью свои вещи и, на ходу, зубами развязывая шнурки рукавиц, подошла к камину. Мужчины все так же молча наблюдали за ней. Герта прикинула, как она должна выглядеть в их глазах. Юбка для верховой езды, высоко подобранныя, обтрепанная о сугробы, но вполне добротная, и кожаная, вышитая по швам куртка, как у фермерской дочки. Волосы убранны в косы, без лент и украшений. А они смотрят так, словно на ней бальное платье. Ну и пусты! Она безразлично отвернулась к камину.

К ней торопливо подошла хозяйка с шалью на плечах, одетая чуть почище служанки.

— Мир вам, леди! Хепкин, Фим, чего расселись! Пустите леди погреться.

Мужчины быстро отодвинулись от камина.

— Малка говорит, что вы останетесь ночевать здесь? Это большая честь для нас.

— Благодарю вас.

— Позвать вашего мужа, госпожа? У нас есть стойла для лошадей и...

Герта отрицательно покачала головой.

— Я одна, и пришла пешком, — она взглянула в глаза хозяйки и добавила: — В наше время не мы собой распоряжаемся, а судьба.

— Вы правы, леди! Такие уж времена настали. Садитесь к огню, погрейтесь, — и она отерла сидение своей шалью.

В комнате, где разместили Герту, явно давно никто не жил. Лежа в постели и впитывая замерзшим телом тепло простыней, Герта вспоминала все услышанное от хозяйки. Тяжелые времена пришли в Нордендейл. Вместе с лордом и его наследниками погибли почти все мужчины. А те, кто уцелел и вернулся, не привыкли жить без руководителя и не знали, как взяться за восстановление разрушенного хозяйства. Через поселок почти никто не ездит — с самого начала зимы

Герта первая зашла к ним. Говорят, на востоке и на юге немного получше.

Герта расспросила ее и о Гриммердейле. Оказалось, там тоже есть гостиница, и даже побольше и побогаче этой. «Путешественники теперь ездят по другой дороге, южнее, — жаловалась хозяйка, — так что постояльцев там хватает. Да, хорошая гостиница, только хозяйка там вздорная и ревнивая баба, и служанки с ней не уживаются».

О Жабах Герта не заговаривала, а просто болтать о них, да еще на ночь глядя, никто бы не стал.

Хозяйка, правда, не советовала ей идти по Древней Дороге и говорила, что спокойнее идти по новой. Хоть теперь не знаешь, что лучше. И на новой дороге попадаются такие путешественники, от которых лучше держаться подальше.

И Герта решила пока не думать о своей затее, а там — время покажет.

Глава вторая

Зал гостиницы был длинным и низким — только-только пройти высокому человеку — и полутемным. В самом дальнем углу, отгороженном ширмами, создающими иллюзию отдельного кабинета, на столике стояли сальные свечи, воняя горелым жиром на весь зал.

Поджав тонкогубый рот, хозяйка, несмотря на суету, успевала внимательно наблюдать за двумя снующими между столиками мальчиками. Сама она, в знак особого почтения, обслуживала стол со свечами. Как всегда, она учудила благородную кровь под скромной одеждой. Но в этом случае, несмотря на весь свой опыт, она немного ошиблась. За этим столом действительно сидел младший сын одного лорда, но война сожрала и его семью, и его владения, и во всем Коридейле не осталось никого, кто мог бы назвать его господином. Второй был маршалом у какого-то лорда, выслужив это звание на войне после того, как погибли более достойные. А третий никому не рассказывал о своем прошлом, да и вообще был не слишком разговорчив.

Этот третий по возрасту был, видимо, старше первого и младше второго, хотя за это трудно поручиться. Он был из тех худощавых, жилистых людей, которым, особенно если они носят бороды, одинаково может быть и двадцать пять, и пятьдесят. Но у этого бороды не было. Лицо было чистое и гладкое, а по левой скуле, слегка задевая угол рта, шел шрам. Он был коротко острижен, возможно, чтоб удобнее было носить тяжелый шлем, лежащий сейчас рядом с ним.

Шлем этот явно не раз бывал в бою, был он изрядно помят, высокий гребень расколот, но сам купол остался цел. Целой была и кольчуга, блестевшая под старым плащом. На поясе висел в ножнах короткий меч, а за спиной у стенки стоял его боевой лук. Но, похоже, ему в последнее время не везло. Хозяйка не заметила у него ни блестящих пряжек, ни заколок, ничего из тех побрякушек, которыми обычно такие вояки расплачиваются за еду, выпивку и ночлег. Только когда он протянул руку за кружкой, что-то блеснуло в рукаве. Вместо обычного кожаного ремня лучника он носил великолепный браслет — по золоту россыпь мелких драгоценных камней.

Он неподвижно сидел, опустив на глаза тяжелые веки и, не обращая внимания на пьяный треп товарищей, прислушивался к громким голосам, долетавшим из зала.

В основном зал наполняли местные рабочие, приходившие каждый вечер пропустить кружку-другую настоящего ячменного пива, поболтать с друзьями и послушать проезжающих.

Были и наемные солдаты, ушедшие от погибших или разорившихся лордов и искавшие новой работы. Война заканчивалась, захватчики были изгнаны, но сколько труда и времени потребуется теперь, чтоб вернуть процветание разоренной и изувеченной земле Хай-Халлака.

Когда-то заморские торговые корабли пользовались особыми правами, но война добралась и до них. Он сам с товарищами добивал в порту остатки врагов, опоздавших на свои последние корабли.

Озверев от собственной обреченности, враги поджигали скопившиеся в порту груды товаров. Их просто обливали маслом и подносили факел. Дым и убийственная вонь заполнили весь порт.

И вот теперь — середина зимы, а продуктов нет и не предвидится. До лета не близко, а там дай бог дожить до жатвы — если сохранится зерно для посева, и до новых стад — если не передохнут без корма одичавшие коровы и овцы.

Многие долины совсем обезлюдели. Мужчины погибли в боях, а женщины бежали, или попали в рабство к чужеземцам, или тоже погибли. Ну что ж, может, и мы скоро будем завидовать погибшим!

Он отставил кружку, невидящими глазами уставился на ширму и прислушался.

В это смутное время можно самому устроить свою судьбу, если есть сила, умение и голова на плечах. Конечно, можно отправиться подальше от моря и поступить на службу в Соммердейл. Но зачем быть наемником, даже маршалом, если можно придумать что-то получше?

Захватчики не дошли до Гриммердейла, но на нем свет клином не сошелся. Он вполне может отправиться вглубь страны и найти долину, где нет лорда, таких сейчас хватает. Возможно, там найдется и леди-наследница — это бы ему не помешало.

Он верил, что человек может добиться всего, если знает, чего хочет и доводит начатое до конца. И он понимал, что если действительно хочет осуществить свои юношеские мечты, то сейчас самое время действовать.

Он, Тристан ниоткуда, еще будет Лордом Тристаном, и где-то у глухом уголке страны у него будет свой замок и подвластная ему долина. И действовать надо быстро.

— Эй! Повторить, — самый молодой собеседник, лорд Ур, грохнул кружкой по столу так, что от свечки полетели брызги сала. Он выругался и швырнул кружку за ширму, и она покатилась по полу. Мальчик-слуга подхватил ее с пола, испуганно косясь то на Ура, то на хозяйку, уже приготовившую поднос с вымытыми кружками. Тристан отодвинулся от стола. Он видел это из вечера в вечер. Ур надирался до отчуждения и проклинал пойло, которое подавали вместо вина, и свою пропащую жизнь. Только, рыдая над своей несчастной судьбой, он не собирался и пальцем шевельнуть, чтобы что-то исправить в ней.

Пока Онсвей прислуживает и охраняет его и, наверное, рассчитывает, что когда у Ура кончатся деньги, он обратится к своим богатым родственникам, и те не бросят его в беде. Но когда Ур окончательно сопьется, от него уйдет и Онсвей.

А Тристан думал, что пора отвязаться от этих неподходящих спутников, и дальше ему с ними не по пути.

А вот из этой гостиницы пока уезжать не следовало. Здесь сходились дороги, а значит, стекались и все новости, и все слухи. Он уже обдумал кое-какие планы. Кошелек у него слишком тощий, и купить наемников он, конечно, не сможет. Однако здесь хватало и таких же, как он, безродных и честолюбивых, способных разделить его планы и пойти с ним. Да большой отряд и ни к чему. Полдюжины профессионалов вполне внушат страх божий и без того запуганным крестьянам.

Все, что ему надо, — небольшой отряд, долина без хозяина, — и он может стать лордом.

Он загорелся, как всегда, когда пытался представить себе эту картину, и тут же привычно обуздал себя. Сдержанность давно стала его второй натурой. Еще в отряде товарищи удивлялись, видя, что и убивает, и грабит, и даже распутничает он всегда бесстрастно и холодно.

Тристан встал и поднял свой лук.

— Пойду спать. Устал сегодня.

Ур был слишком занят полными кружками, чтобы услышать его. Онсвей молча кивнул и остался с Уром. Но хозяйка не упускала ничего, что могло принести выгоду, и тут же подлетела:

— Комнату, Мастер? Кровать и растопленный камин.

— Согласен.

Хозяйка позвала мальчика, и тот заковылял к ним, на ходу вытирая о фартук мокрые руки.

Здесь, на втором этаже, потолок был еще ниже, чем в зале. Комната, которую занял Тристан, была узкая и длинная, с окном, плотно закрытым ставнями. Пол застлан сплетенной из тростника циновкой. В комнате стояла неуклюжая кровать с брошенным на нее постельным бельем. И вместо обещанного камина дымила остатками угля жаровня. Возле ящика, заменявшего стол, стоял табурет. Мальчик приткнулся к нему свечу и повернулся, собираясь уйти, когда Тристан окликнул его.

— Вы что тут, нападения ожидаете? — сказал он, разглядывая окно. — Эти ставни уже забыли, когда их последний раз открывали.

Мальчик с приоткрытым ртом прижался к двери. Он выглядел типичным деревенским дурачком, но даже сквозь эту тупую маску было видно, что он боится.

— Жабы, — пробормотал он, прижимая к груди грязные руки.

Тристан знал, что в разных местах врагов называли по-разному, но, вроде, нигде не звали жабами. Да в Гrimmerдейле их и не видели!

— Жабы? — переспросил он.

Мальчик отвернулся от него к двери и нацелился немедленно удрачить. Тристан в два шага пересек комнату, положил руку на его тощее плечо и слегка встряхнул.

— Что за жабы?

— Жабы! Понимаете, ЖАБЫ!

Видимо, мальчик считал, что Тристан должен это знать.

— Они... Они живут в Стоячих Камнях... очень вредные... все знают... Жабы Гrimmerдейла...

Он внезапно крутанулся, обнаруживая, что это ему не впервые, вырвался из рук Тристана и убежал. Тристан не собирался его догонять. Он присел на кровать и, хмуро глядя на свечку, попытался вспомнить. Жабы Гrimmerдейла — что-то такое он слышал раньше, только что и когда?

Долина эта и раньше не бедствовала, и теперь, после войны, приобрела еще большее значение. Дело в том, что в самом начале войны враги захватили верхнюю дорогу и удерживали ее до конца. Естественно, сразу ожила бывшая пастушеская дорога, выходящая на Гrimmerдейл. Сюда же

выходили и три северные дороги. Но Тристан слышал, что здесь же, недалеко, проходит и еще одна дорога, только ей очень редко кто рискует пользоваться. Это дорога Древних, построенная задолго до первого появления здесь людей.

Тут он сразу вспомнил о жабах Гриммердейла. Обычная байка о где-то скрывающихся остатках старых нечеловеческих рас. Человек практически не сталкивался с ними — они покинули страну задолго до первых переселенцев.

Однако в некоторых местах и сегодня можно почувствовать их могущество и ощутить некое Присутствие. Правда, редко находились безумцы, рискующие испытать это на себе. Ходили слухи, что лорды Хай-Халлака познакомились с этими силами и даже подписали какой-то договор со Всадниками-Оборотнями. Сейчас многие говорили, что только с помощью этих сил удалось выиграть войну и изгнать прекрасно вооруженных захватчиков. Некоторые из Древних были добры к людям, большинство просто безразличны, но были среди них и Темные Силы. Правда, в этой войне они себя ничем не проявили, и никто не рассказывал о их вмешательстве. Но были у них свои места, куда не стоило соваться, если дорожишь жизнью. В Гриммердейле это были Стоячие камни. Иногда туда являлись просители и даже получали ответ, но редко это приносило удачу. И постепенно люди перестали ходить туда.

Но при чем тут заколоченные окна? Ведь, по слухам, эти (Древние (люди прозвали их Жабами) никогда не покидают своего обиталища, так чего ради так от них закупориваться? Тристан заметил, что в окна даже вставлены двойные рамы.

Не слишком задумываясь, просто из любопытства, Тристан попытался открыть окно. Заржавевшие, явно лет сто не открывавшиеся запоры с большой неохотой уступали усилиям его ножа. Даже после того, как он сумел отодвинуть засов, покоробившиеся, просевшие ставни и не подумали открыться. Только когда он приподнял их концом меча и выровнял, они наконец распахнулись. В комнату сразу хлынула волна морозной свежести, вытеснив духоту и вонь застоявшегося воздуха.

Тристан увидел снег, темные деревья и отдаленный холм, лежавший выше по долине. Дикий кустарник, почти черный, рядом со светлой полосой, падавшей на снег из окна, говорил о том, что земля здесь заброшена. Он подходил к самым стенам гостиницы, и это не понравилось Тристану. Его рожденные войной инстинкты протестовали против подобной беспечности. Такой кустарник скроет любую засаду, и под его прикрытием ничего не стоит подкрасться к гостинице. Сразу видно, что война обошла Гриммердейл, иначе

тут все было бы выкорчевано и выжжено. Луна светила ярко, и вдали на сверкающем чистом снегу угрюмо темнели камни.

Присмотревшись к ним, Тристан понял, что это какое-то искусственное сооружение. Не стена, а, скорее, опоры для изгороди — но изгороди великанской, так они были тяжелы и мощны. Они стояли пятью ровными, сливавшимися в замке, рядами. Тристан скоро заметил, что озаряющий их свет совсем не похож на лунный — видимо, светились сами камни. И еще — ни на камнях, ни на земле перед ними не было снега, а дальше ничего не давал разглядеть белесый мерцающий туман.

Тристан на минуту прикрыл глаза и взглянул снова. Туман поднялся выше, странно увеличивая и искажая все предметы.

Все это было абсолютно нечеловеческим. Странное, нечистое место чуждой людям власти и могущества. Теперь Тристан и сам поверил, что это убежище — крепость Древних. От этого нелюдского света и защищали глухие ставни, понял Тристан, и поставил их на место. Только ржавый затвор не поддался, и он оставил его открытым.

Он неторопливо разделся, привычно сложил кольчугу около кровати и расстелил белье. Простыни сургового полотна, грубые, но чистые и два старых вытертых одеяла. Теперь, когда морозный воздух выгнал вонь, он почувствовал, как приятно пахнет травами его постель. Он с удовольствием улегся, завернулся с головой в одеяло и уснул.

Стук в дверь разбудил его. Хмуро, в полусне, он уставился на покрытый паутиной потолок, пытаясь вспомнить сон. Что-то очень важное, но что? Не вспомнить. Он встряхнулся, окончательно приходя в себя, и пошел открывать дверь. Старый слуга, длинный и тощий, но гораздо более чистоплотный, чем вчерашний мальчик, поставил на стол закрытый котелок и объявил:

— Вода для умывания, Мастер. А на завтрак каша, щековина и пиво.

— Ладно.

Вода в котелке, к удивлению Тристана, оказалась горячей, и он искренне обрадовался. День начинался с приятного сюрприза и обещал быть удачным.

В зале еще не было посетителей. Хромой мальчик мыл столы, заливая весь пол мыльной водой. Да еще хозяйка, уперев руки в бока и выставив вперед подбородок, украшенный двумя волосатыми родинками, разговаривала с какой-то женщиной. Женщина куталась в зимний плащ, но капюшон сняла, и было видно ее лицо — узкое, с тонкими

чертами. Он могла бы показаться даже хорошенкой, если бы не неприятные пятна на коже. Тристан сразу обратил внимание на ее хорошей выделки, явно не крестьянский плащ. В одной руке она держала узелок, а другой опиралась на затупившееся и разбитое охотничье копье. Сразу видно, что оно служило ей посохом.

— Ладно, девушка. Ты хочешь служить за хлеб и одежду, — хозяйка мельком взглянула на Тристана и повернулась к девушке.

Тристан сразу решил, что это — девушка. Правда, пятнистая кожа очень портила ее лицо, но сама она была вполне привлекательна.

— Сложи свое барахло вон там на лавку, — ткнула пальцем хозяйка, — и отправляйся на кухню, если и вправду хочешь заработать, — и она, не ожидая ответа, подошла к столику, занятому Тристаном.

— Каша, Мастер. Ломтик свиной щеки. Свежее пиво.

Он согласно кивнул и опустил глаза, уходя в свою обычную задумчивость.

Хозяйка отошла. Тристан так и не поднял глаз, пока перед ним на стол не опустился поднос. Подавала его новая девушка. Она сняла свой плащ, и теперь была видна остальная одежда. Он оказался прав — она действительно не крестьянка. На ней была хорошей ткани юбка для верховой езды. В ее разрезе мелькали тоже не новые и потертые, но вполне добротные сапоги. Фигура ее была гибкой и стройной, и ни одному мужчине и в голову бы не пришло, что пятна на ее лице могла вызвать беременность. Вряд ли ей было нужно копье для защиты. Одного взгляда на эти темные пятна, наверное, хватило, чтобы отстудить самого пылкого ухажера и оставить ее в такой же безопасности, как статую Гунноры, у которой фермеры просят благословения своим полям.

— Ваша еда, Мастер.

Она красиво и аккуратно, совсем не как хозяйка, поставила на столик рассыпчатую коричневую кашу и сочные ломтики мяса.

— Спасибо, — ответил Тристан с равнодушной вежливостью. Он потянулся за кружкой и с удивлением заметил, как отшатнулась, уставившись на его руку, девушка. Он успел понять, что ее что-то испугало, но когда через секунду взглянул на нее, она уже справилась с собой и стояла, опустив глаза, как положено трактирной служанке.

— Что-нибудь еще, Мастер? — спросила она безразлично. Ее произношение тоже говорило не о деревенском воспитании.

Да, много горя в долинах, если молодые образованные женщины согласны прислуживать в трактире за кров и пищу.

Ну да что ему до этого? Наверняка не одна она выброшена войной из привычной жизни. И надеяться ей не на что. С такой физиономией мужа ей не найти, разве что слепого.

— Нет, — ответил он.

Она отошла легко и грациозно, всеми движениями выдавая свое благородное происхождение.

Что ж, пройдет не так уж много времени, и он тоже войдет в высшее общество. Он твердо верил, что это обещает ему сама судьба.

И особую цену в его глазах приобретало это положение тем, что добьется его он сам, своими силами, а не получит по праву рождения. Девушка все потеряла, а он хотел все приобрести. И, глядя на нее, он окончательно поверил в успех своих замыслов.

Глава третья

Дорога по вершинам холмов показалась Герте еще труднее, чем до Нордендейла. Очень мешали сугробы и рыхлый ссыпающийся снег. Но другой дороги не было, а отступать она не собиралась. Она тяжело взбиралась на сугробы и снова съезжала вниз, с трудом балансируя, пытаясь идти по гребням, а кое-где пришлось даже перепрыгивать щели, опираясь на копье. К Гунноре ее привела вера. К Жабам вела ненависть, и Герта хорошо понимала, что эта дорога к хорошему не приведет.

На шее у нее висели ладанка с зерном и травами — домашний амулет Гунноры. Еще одна такая же защита в вороте рубахи. И даже в солому, которую она положила в сапоги для тепла, она добавила добрые травы. У каждой расы своя магия. Древние были слишком чужды людям, и с ними никогда нельзя было действовать наверняка. Может, эта детская магия трав только оскорбит их?

Когда ей становилось совсем страшно, она заставляла себя снова вспомнить, и горькая колючая память подгоняла ее не хуже, чем шпоры — лошадь.

Куно тогда посоветовал ей съездить в монастырь Литендейл. Кстати, не потому ли теперь он так злился, что чувствует себя виноватым? Эту поездку ей никогда не забыть. При одном воспоминании ее до сих пор обжигает гневом и беспомощной яростью. Куно тогда боялся, что война дойдет и до них, и считал, что ей безопаснее укрыться в монастыре. Но все повернулось по-другому.

Внезапно на их отряд обрушился дождь стрел. Ехавший рядом с ней молодой Дженеск вдруг захрипел, потянулся руки

к торчащей в горле стреле и медленно сполз с лошади. Прежде чем она увидела хоть одного врага, в отряде не осталось ни одного живого мужчины. Она слезла с лошади, но тут же запуталась в какой-то веревке и упала. Только позже припомнился ей свист пролетевшего над головой аркана.

Очнулась она уже ночью, крепко связанная. У подножья скал горел костер, и сидящие вокруг него мужчины ужинали обжаренным на углях мясом. Это были захватчики.

Она лежала неподвижно, с тоской думая, что вот закончится ужин и тогда дойдет очередь и до нее, и она не в состоянии ничего сделать. И они действительно решили развлечься. Даже связанная, она пыталась отбиваться. Ализонцам это показалось забавным. Они смеясь, обступили ее, постепенно разрезая путы вместе с одеждой, хватая и бесстыдно ощупывая. Но на большее у них не хватило времени. Это досталось тому, кто мог бы быть спасителем, а стал насильником!

Даже сейчас, при одном воспоминании об этом, ее кидало в жар от стыда и ярости.

Нападающие обрушились на отдыхавший отряд из темноты почти беззвучно. В одну минуту стрелы и копья нашли свою добычу. Остолбенев от неожиданности, она не успела ни шевельнуться, ни убежать, как кто-то резко и грубо бросил ее на землю и упал на нее, заламывая ей руки за голову. Она не успела рассмотреть его лицо, но на всю жизнь запомнила яркий браслет на его руке, больно врезавшийся ей в горло. И тут она потеряла сознание.

Очнулась она, когда кругом уже никого не было, только валились на снегу мертвецы, да стояла привязанная под деревом лошадь. После всего происшедшего ей осталось только пожалеть, что она выжила. На какую-то минуту ей показалось самым лучшим выходом так и остаться в снегу, не двигаться и подождать, пока мороз не покончит с ней. Но в ней жил дух ее рода — рода воинов. Пока жив человек, оскорбивший ее, — стоило жить, хотя бы ради мести. Когда она поняла, что беременна, первым ее побуждением было избавиться от ребенка — ведь он был продолжением этого кошмара. То же самое советовал ей и Куно, правда, его больше заботила репутация их рода. Но она так и не решилась. Пусть ребенок был плодом насилия, но хоть наполовину он принадлежал ей. Она всем своим существом чувствовала, что должна восстановить справедливость, иначе всю жизнь будет чувствовать на себе клеймо позора. Скоро эта жажда справедливости оформилась в два желания, две цели — родить ребенка, в котором не будет ни одной капли грязной черной крови, и покарать насильника. И, не слушая уговоров

и угроз своего благоразумного брата, она отправилась к Гунноре. Ей повезло — Гуннора приняла ее желание и пообещала исполнить его. Теперь она готовилась осуществить второе.

Насупила ночь. Она нашла глубокую расщелину в скалах, хорошо защищавшую от ветра, покрепче закуталась в плащ и постаралась уснуть. Очнулась она внезапно и не сразу поняла, где находится. Что-то разбудило ее — какая-то глухая тревога и чувство, что должно случиться нечто.

Герта вылезла из щели и, опираясь на свое копье, стала подниматься на вершину холма. Ярко светила луна, и перед ней белел нетронутый снег, а за ней тянулась цепочка темных следов. Впереди появилось какое-то бледное сияние, не похожее ни на лунный свет, ни на отблеск костра. Герта подумала, наверное, что это именно то, что она искала, и направилась прямо к нему.

Древняя дорога здесь хорошо сохранилась и была довольно гладкой. Герта копьем нашупывала дорогу в снежных заносах и спешила, как на свидание.

Ряды высоких камней появились перед ней неожиданно. Они располагались по кругу, далеко отстояв друг от друга на внешней линии и постепенно сближаясь к центру. Тропа проходила между ними, и Герта почти бежала по ней. На вершинах камней горели зеленоватые огни, и казалось, это гигантские свечи озаряют ее дорогу. Только свет их был холодным и нечеловеческим. Герта заметила, что сюда, в ряды камней, не проникал даже лунный свет. Она миновала три круга камней, потом еще четыре, а камни сходились все теснее, пока не сошлись в почти сплошную стену. Дорога, ставшая не шире лесной тропинки, подошла к воротам.

Герта чувствовала, что теперь она не может повернуть назад, даже если очень захочет. Что-то сильнее ее воли приказало ей пройти в ворота и остановиться. Она вышла на огороженную шестиугольную площадку. Невысокий каменный барьер шел вокруг центра, и в каждом из шести углов площадки прямо из земли поднимался столб пламени. Герта замерла, не в силах двинуться ни вперед, ни назад. За барьером, в самом центре площадки, стояли пять камней, светящихся голубовато-зеленым светом, как таинственные кристаллы. На их плоских вершинах, словно на причудливых тропах, сидели те, кого хотела найти Герта.

Она, пожалуй, и сама не знала, что именно она ожидала увидеть, но то, что появилось перед ней, было настолько чуждым и нечеловеческим, что она даже не испугалась. Да, это действительно было похоже на жаб — если в обитаемом

мире вообще было что-то похожее. Трудно сказать, ходили они на двух или на четырех конечностях. Сейчас они массивными неуклюжими тушами громоздились на своих постаментах. Тяжелые широкомордые головы росли прямо из туловища. Их огромные золотистые глаза, длинные щели рта и крохотный дегенеративный подбородок и в самом деле напоминали жаб — но это, все-таки, были не жабы. Слишком сильно было исходившее от них ощущение разума и силы.

«Добро пожаловать, Искательница», — прозвучал в ее мозгу безличный голос.

Герта промолчала. Таким чуждым и нечеловеческим оказалось то, к чему она стремилась, что теперь она не находила слов. А голос, между тем, продолжал:

— Что ты ищешь у нас, дочь человека? Избавления от своей ноши?

Этот вопрос сразу привел Герту в себя, и она твердо ответила:

— Нет. Хоть это и незаконный ребенок, но я хочу сохранить его. Гуннора обещала, что в нем не будет крови насильника. Он будет только мой.

— Зачем же ты пришла сюда?

— За справедливостью! И за карой для того, кто оскорбил и опозорил меня.

— Почему ты, дочь людского племени, обратилась к нам? Что нам до тебя и твоей судьбы? Мы были хозяевами этой страны задолго до появления вашего щедущего рода, и мы останемся здесь, когда исчезнет даже память о вас. Почему ты решила, что мы будем помогать тебе?

— Я ничего не решала. Но я слышала, что другие обращались к вам, и пришла тоже.

Где-то в глубине мозга у нее возникло странное ощущение смеха. Она поняла, что им смешно, но не знала, хорошо это или плохо для ее замыслов. Снова прокатилась волна смеха, а потом она почувствовала возникший барьер и поняла, что они советуются.

Больше всего ей хотелось сейчас же убежать отсюда, но черная воля продолжала удерживать ее на месте.

Ее душил ужас такой силы, какого она не чувствовала даже во время своего несчастного путешествия в Литендейл.

— Кого ты хочешь покарать, женщина? Как его имя и где его обиталище?

Она ответила вполне искренне:

— Я не знаю. Я даже лица его не разглядела. — И тут вновь вспыхнувший гнев помог ей найти слова. — Но я заметила примету, по которой всегда узнаю его. Я поселиюсь в Гrimмердейле, он стоит на перекрестке, и сейчас, после вой-

ны, многие едут по этим дорогам. Я надеюсь, и он здесь появится.

Снова ощущение барьера, и новый вопрос:

— А чем ты сможешь заплатить нам, женщина? Мы ничего не делаем даром.

Герта растерялась. Она была так занята своими мыслями, что ей в голову не пришло подумать о плате. Да и что она могла предложить им? С невольным испугом она прикрыла живот.

И снова прокатилась волна смеха.

— Нет, женщина! Ты выпросила эту жизнь у Гунноры, и мы над ней не властны. Но помочь тебе отомстить мы можем. Хочешь, мы дадим тебе то, что приведет этого человека к нам? И ты доверишь нам осуществить все остальное. Согласна?

Она не вполне поняла, что ей сказали, но ответила твердо:

— Да.

Одно из существ приподнялось и ткнуло пальцем во что-то за спиной Герты.

— Смотри.

На поверхности каменного столба вспыхнул маленький зеленый огонек. Она протянула к нему руку, и на ладонь ей упал камешек.

— Береги это, женщина. Когда встретишь того, кого ищешь, подложи это незаметно ему под подушку перед тем, как он ляжет спать. Все остальное сделаем мы сами. А чтобы ты не забыла и не передумала, мы оставим на тебе знак. И тебе достаточно будет взглянуть в зеркало, чтобы освежить свою память.

Существо снова подняло лапу, от которой отделился огонек и светящимся шариком, со звоном, полетел прямо в лицо Герты. Она не успела и шевельнуться, как шарик со звоном ударил ей в лицо и исчез. К своему удивлению, она ничего не почувствовала.

— Ты будешь носить этот знак, пока не выполнишь свою часть договора. Как только этот человек придет сюда, все исчезнет.

Дальнейшего она не помнила. Когда она окончательно очнулась, было уже утро.

Она сидела в приютившей ее вечером расщелине и пыталась сообразить, что было сном и что — реальностью. Потом почувствовала, как жестко, до боли, стиснут у нее один кулак, и с трудом разжав пальцы, увидела на ладони маленький серо-зеленый камешек, и сразу же все вспомнила. Похоже, этой ночью она действительно встретилась с Жабами Гrimmerдейла.

Она стояла на вершине холма, и внизу перед ней лежал весь поселок. В самом устье долины на холме стоял замок Лорда, а у проезжей дороги приютилась гостиница, куда она и собиралась попасть.

Несмотря на то, что час был еще ранний, обитатели уже зашевелились. Слышался шум с кухни, работник вел по двору лошадь, и никто не обратил внимания на прошедшую в ворота Герту. Она подошла к черному ходу, решив вызвать туда хозяйку и попробовать договориться с ней о работе.

В зале еще никого не было, но почти одновременно с Гертой появилась неприятная тощая баба. Герта направилась прямо к ней, а баба, уперев кулаки в бока, смотрела на нее со злобной усмешкой.

— С такой мордашкой только здесь и работать, — усмехнулась она, когда Герта спросила о работе. — Вообще, посетителей много и лишняя работница не помешает, да не так мы богаты, чтоб швыряться деньгами.

Потом хозяйка повернулась к мужчине, появившемуся на внутренней лестнице, и заговорила с ним. Он что-то буркнул в ответ и приземлился за единственным не заставленным грязной посудой столом. Похоже, его приход что-то изменил в мыслях хозяйки. Она снова обернулась к Герте и велела ей сложить вещи на лавку и отправляться на кухню. А через несколько минут Герта уже подавала поднос на единственный занятый столик.

Он был очень высок, выше Куно, сухощав и широкоплеч. Худое с резкими чертами лицо говорило о привычке переносить лишения. Черные волосы были очень коротко острижены. Герта не могла бы точно определить его возраст, но решила, что он довольно молод. «И не богат», — подумала она, взглянув на потертые ножны и простую, без украшений, рукоять его меча, лежавшего рядом.

Когда она опустила поднос и парень потянулся за кружкой, у нее перехватило дыхание — под широким рукавом блеснул золотой браслет. Она не могла отвести от него взгляда. И только собрав всю волю, сумела опустить глаза и придать себе безразличный вид.

Она отошла от стола, ощущая смутное беспокойство — слишком велика была власть Жаб, если они смогли вот так сразу подвести ей ее добычу.

Они велели подложить камешек в его постель. Но он только что встал и вряд ли ляжет до вечера. Вдруг ей пришло в голову, что он может уехать, и она по-настоящему испугалась. Неужели ей придется тоже уезжать, снова искать его и караулить случай? Правда, пока он не торопился. И скоро она с радостью услыхала, как он договаривается с хозяйкой

об еще одной ночевке. Скоро ей представилась возможность подняться наверх — ее послали перестилать белье. Оставалось только узнать, в какой комнате он ночует.

Это так занимало ее мысли, что, проходя по узкому коридору, она не обращала внимания на окружающих. И чуть не упала, когда кто-то грубо схватил ее за плечо и рывком развернул к себе.

— Ага, новенькая! — прозвенел молодой наглый голос. Прямо перед глазами Герты оказалось мальчишеское еще лицо с воспаленными глазами, нечесанной светлой бородой и всколоченными волосами. Вдруг он скривил гримасу и отшвырнул Герту с такой силой, что она упала на пол.

— Ну и жабья рожа! — он плонул чуть ли не прямо ей в лицо и, возможно, попал бы, но чьи-то сильные руки скрутили его и прижали к стене коридора. На него спокойно смотрел человек с браслетом.

— Ты что, рехнулся? — огрызнулся юноша. — Руки прочь, мужик!

— Потише, парень. Ты мне не хозяин, и мы не в Роксдейле. А девчонку оставь в покое. Ей и так бога надо благодарить за свое лицо каждый раз, как встречается с такими, как ты.

— Жаба! У нее морда, как у жабы! — Ур собрался еще раз плонуть, но присутствие другого удержало его. — Пусти меня наконец!

Он еще раз рванулся, и его отпустили. Ругаясь и пошатываясь, он побрел по лестнице.

Герта поднялась и начала собирать рассыпавшееся белье.

— Очень ушиблась?

Она молча покачала головой. Все произошло так быстро! И у нее в голове не укладывалось, что он, именно он, решил заступиться за нее. Она быстренько отошла от него и, пройдя в конец коридора, оглянулась. Она успела заметить, что он вошел в комнату рядом с той, где ее остановил Ур. Вот она и узнала то, что ей нужно. Но почему Ур кричал: «Жабья рожа»? Неужели тот светящийся шарик так изменил ее? Пальцами она ощупала себя, но ничего не поняла. Если бы было зеркало! Но вряд ли такая роскошь водилась в этой гостинице. Наконец она решила отчистить один из подносов и поглядеться в него. И как ни туманно было это отражение, она тут же увидела безобразные темные пятна, выступившие у нее на коже. Исчезнет ли этот кошмар, когда она выполнит договор, или это ей на всю жизнь? Вроде бы ей обещали, что это пройдет. И, значит, ей имеет смысл повториться. Да и другого случая забраться сюда может не представиться.

Она уже знала, что ЕГО звали Тристан. Мальчик-слуга успел выболтать ей все, что знал сам. Тристан был маршалом у какого-то лорда и сейчас пока без места. Может, пойдет искать другого лорда, а может, сам будет набирать отряд. Он уже договаривался с некоторыми ветеранами. Видно, что воин он хороший, и не пьет без меры, как этот Ур и его телохранитель, эти лопают как лошади.

Конечно, все это были мелочи, но ей так хотелось знать о нем как можно больше. Она и сама не упускала случая понаблюдать за ним. Странно было видеть своего врага теперь, когда он был в ее полной власти и даже не подозревал об этом. Но почему-то не было радости достигнутой цели, не было сейчас и ненависти. Скорее, он удивлял ее. Если остальные посетители пытались приставать к ней, и потом, увидя ее лицо, плевались или насмехались, то Тристан словно не видел ее уродливости и был с ней ровен и любезен. Если бы не браслет на его руке, она никогда бы не подумала о нем плохо.

И все-таки она решила довести свое дело до конца. Как только начало смеркаться, она прокралясь в его комнату. Постель была раскидана. Задыхаясь от волнения, она запихала камешек поглубже в наволочку и, не чуя ног под собой, помчалась вниз. Весь вечер она таскала подносы, накрывала столы, убирала со столов и чуть не падала от усталости. Природная ловкость и гибкость помогали ей уворачиваться от шуток подвыпивших клиентов, но все эти подножки и толчки под локоть окончательно утомили ее, и пару кружек она все-таки пролила. За что и удостоилась пары хозяйственных пощечин. Наконец хозяйка, предпочитавшая пьяных обслуживать сама, разумеется, не без выгоды для себя, отослала ее мыть посуду. Здесь от запаха несвежей пищи и помойных ведер просто выворачивало желудок, и Герта едва не потеряла сознание.

Наконец посетители разошлись, и хозяйка указала Герте скамью, на которой можно спать. Комната в гостинице были только для клиентов. Усталая, как никогда в жизни, Герта закуталась в плащ и попыталась устроиться поудобнее. Остальные слуги тоже разбрелись по своим углам.

Печи за ночь не успевали остывать, и в комнате было тепло. Герта быстро согрелась, но волнение ожидания не давало ей уснуть. Она надеялась, что камешек сработает уже сегодня, и хотела видеть это. Пожалуй, она и сама не объяснила бы, зачем.

Ей казалось, что время тянется бесконечно. Ныли ноги в сапогах, которые ей так и не пришлось сегодня снять. Несколько раз она проверяла рукой, на месте ли ее копье.

Наконец послышались шаги. Кто-то спускался по лестнице. Герта чутко прислушалась — да, это были шаги Тристана. Вот он спустился, и за ним захлопнулась входная дверь. Герта подняла копье, поправила плащ и вышла следом.

Глава четвертая

Сначала она пробиралась осторожно, стараясь не попадать в полосу лунного света. Но скоро поняла, что он все равно ничего не заметит. Он шел быстро и уверенно, словно спешил по важному делу. Вот он вышел на главную дорогу и стал подниматься на холм. Небо было затянуто тучами, и луна светила неярко. Герта спешила изо всех сил, но чувствовала, что все больше отстает. Обледеневший подол юбки путался в ногах, цеплялся за кусты длинный плащ, да еще сказывалась бессонная ночь и усталость трудного дня. Герта поняла, что снова увидит Тристана, только когда он уже встретится с Жабами.

И тут до нее дошло, что она даже не представляет, что там произойдет с ним. Но сейчас было не время думать об этом, сейчас главное — просто дойти.

Наконец она увидела камни. Сегодня они не светились, а угремо и мрачно чернели в ночи. Тристан, все так же не обращая внимания на окружающее, миновал первый ряд камней и пропал из виду. Герта отбросила всякую осторожность. Высоко подобрав неуклюжую юбку, скользя и падая, бросилась она к проходу между камнями. И почти сразу увидела его. Она сообразила, что, дойдя до центрального сплошного ряда, он вынужден будет обогнать его, пока не выйдет на Древнюю дорогу. А она знала, как можно сократить путь и выиграть несколько минут. И она побежала между каменными столбами. Копье она где-то потеряла, сильно кололо в боку и не хватало воздуха. Она снова и снова падала, поднималась и, сжав зубы, задыхаясь, рвалась вперед. Перед ней маячили темные ворота и еще более темная маленькая фигура в них. Тристан ненамного опередил ее.

Тристан вышел на шестиугольную площадку, и в это время на столбах вспыхнул холодный зеленоватый огонь. Стало видно, что Тристан абсолютно спокоен и хотя по привычке захватил все свое оружие, но явно не собирался его использовать. Сейчас он внимательно разглядывал что-то, пока неведомое Герте.

Герта остановилась. И несмотря на то, что дорога вымотала из нее все силы, она ни о чем не жалела. Какой-то внутренний голос говорил, что сейчас ее место здесь. Тристан был

рядом, не дальше протянутой руки. Капюшон его сбился назад, и на коротких волосах блестел снег. Руки бессильно повисли вдоль тела. Он казался глубоко задумавшимся или разочарованным. Герта заглянула ему за плечо, стараясь увидеть, что его там поразило. И увидела.

Пять центральных блоков светились, как драгоценные камни. Все оттенки голубого и зеленого пламенными отблесками играли на их гранях. Огоньки переливались, разбегались, сплетались в странный гипнотический узел.

Герта почувствовала, что и сама начинает поддаваться этой магии, и, с трудом приподняв руку, прикрыла глаза. Сразу стало легче. Но Тристан, похоже, полностью был заворожен.

Она осторожно, из-под пальцев, взглянула на него. Он стоял совершенно неподвижно, даже дыхания не было заметно. Неужели он окаменел? Может, это и есть кара Жаб — превратить живого человека в камень?

Но все-таки Герте что-то в этом не нравилось. Конечно, человек этот был ее враг, бессовестный насильник. Воспоминание о той ночи опять полыхнуло в ней огнем. Это из-за него она лишилась дома, от нее отказалась вся родня, а теперь она потеряла и свое лицо. И он, безусловно, заслужил любое, самое тяжкое наказание. И у нее хватит терпения, она все досмотрит до конца и уйдет отсюда навсегда. Ей обещала Гуннора, и она родит ребенка, в котором ничего, абсолютно ничего, не будет от отца!

И все же Герте было не по себе. Как бы ни был виноват он, но это она, сама, своими руками помогла заманить его в ловушку к нелюдям.

Исподтишка наблюдая за Тристаном, Герта заметила, как медленно, с громадным усилием сжались в кулак его пальцы. Она почувствовала, что он изо всех сил борется с колдовством, сковавшим его, и обрадовалась. Пусть, пусть он очнется именно ЗДЕСЬ, пусть увидит себя таким же беспомощным, как она тогда. И пусть испытает все, что заслужил. Медленно, как огромную тяжесть, он поднял сжатую в кулак руку. Герта всем сердцем чувствовала, как давит и ломает его черная воля. Нет, они не должны жалеть его, она же сама просила о мести. Она будет просто смотреть.

Призрачный нечеловеческий свет и ощущение чуждой власти сковали Тристана. Холодный ужас рос в его сердце, ужас соприкосновения с древней темной мудростью, и это было страшнее любой реальной опасности. Он не помнил, как попал в это проклятое место. Просто очнулся уже здесь, и сейчас было не время разбираться, что привело его сюда. Всю оставшуюся волю он вложил в сопротивление древней магии.

Он чувствовал, как какая-то чужая воля пытается проникнуть в его душу, и боролся изо всех сил. Он понял, что сейчас самое важное — вернуть себе контроль над телом. Как только он сможет действовать, ему легче будет справиться с тем, что тянулось к его душе и мозгу. Прежде всего освободить руки. Он сосредоточился на пальцах и успел удивиться, какие они стали безвольные и непослушные. Неимоверным напряжением воли он сумел сжать их в кулак. Теперь поднять руку. Осторожно, медленно, не ослабляя напряжения. Он чувствовал, что если хоть на секунду потеряет контроль, то все придется начинать сначала и может уже не хватить сил. Отогнать страх, не расслабляться и думать о возможности защиты. Как настоящий воин, он в первую очередь подумал об оружии. Но его лук и меч были не больше, чем детские игрушки перед обитавшими здесь силами. А в голове упорно вертелось: меч — броня. И вдруг он вспомнил. Однажды, когда его отряду пришлось ночевать у древних развалин, человек, пришедший из дальних долин, прежде чем лечь спать, положил в изголовье меч, а в ногах — кинжал. Он объяснил тогда, что все здешние магические силы боятся холодного железа, и это хорошая защита. Тогда над ним никто не смеялся, все знали, что железо — металл человеческий и защищает от любого колдовства.

На поясе у Тристана был меч, и в ножнах — кинжал. Защитит ли его железо? И хватит ли у него силы проверить это, если он никак не может справиться с собственной рукой?

Что нужно обитателям этого места? Зачем они притащили его сюда? Он чувствовал их присутствие, но не видел их и даже не мог бы сказать, сколько их. А, к черту все эти мысли! Сейчас важно только одно — рука.

Медленно, как сонный, он продвинул руку к поясу, нащаривая эфес меча. Его верный, хорошо послуживший меч, простой, безо всяких украшений, с рукоятью, обмотанной проволокой для упора руки. Он не променял бы его ни на какую утыканную драгоценными камнями побрякушку лорда. Пальцы наконец дотянулись до рукоятки, и — словно порвалась связывавшая его веревка — рука была свободна! Привычным движением он выхватил меч и поднял его перед собой, закрываясь от колдовских огней. Сразу стало легче. Но через пару секунд он понял, что до освобождения еще далеко. Тяжелый пресс воли давил на его руку, отводя и раскачивая меч.

Тристан попытался отступить, но скованные ноги не слушались. Меч, тяжелевший с каждой секундой, угрожающе раскачивался. Тристан понял, что скоро не в силах будет удерживать его, и тогда — конец.

Из прыгавших по камням огней вдруг выделилась тонкая струйка фосфоресцирующего пламени и потянулась к Тристану. К ней присоединилась другая, третья... Они скручивались, свивались, пытаясь образовать какую-то форму. Тристан с ужасом увидел, как они оформились в гротескную руку с пятью пальцами-щупальцами. И это бредовое создание сил Тьмы потянулось прямо к Тристану. Он направил против него острие меча. Руке это явно не понравилось. Она остановилась, медленно, по-змеиному раскачиваясь, и вдруг почти неуловимо, быстрыми рывками вправо и влево попыталась добраться до Тристана. Он и сам не знал, каким чудом удавалось ему парировать эти удары.

Герта, окаменевшая от ужаса, следила за этой дуэлью. Лицо Тристана заливал пот, волосы взмокли. Вот он отбил одну атаку, другую... И вдруг все замерло.

— Отбери у него меч, — прозвучал в мозгу Герты колючий нечеловеческий голос.

Значит, сами они не могут с ним справиться и ждут от нее помощи? Но почему? Из своего укрытия у подножия скалы Герта отчетливо видела всю картину. Рука Тристана двигалась так медленно, словно во сне, и все-таки Жабы не могли его достать. Видимо, их сознание не могло двигаться быстрее, и Тристан продолжал отбиваться.

— Меч! — это был уже четкий приказ, но она не шевельнулась.

— Не могу! — хотела крикнуть она, но не могла выдавить из себя ни звука. Да она и сама не знала, почему не может помочь выполнить то, о чем сама же просила.

На секунду все потемнело, и вдруг ей показалось, что она снова на той проклятой поляне. Она связана, и кто-то подошел к ней, схватил, срывая одежду, бросил на снег... Нет! Они не заставят ее переживать ЭТО снова! Опять, как тогда, блеснул ей в глаза золотой браслет, но теперь уже здесь, среди колдовских камней, на руке Тристана. Он все так же разменно и безнадежно водил вокруг себя мечом.

— Возьми у него меч!

Герта поднялась, пошатываясь. Она должна взять у него меч, тогда он будет беззащитен, как она на той поляне.

— Что вы с ним сделаете? — спросила она, заколебавшись. Да, она желала ему смерти, но обычной, честной, человеческой смерти, а тут было что-то совсем другое, о чем она и не думала. Вдруг она поняла, что Тристан в этой борьбе защищает даже не жизнь, а что-то более важное.

— Меч, — на этот раз голос щелкнул, как бич погонщика, вынуждая повиноваться без раздумий. Но Герта всегда не-навидела приказы, не подчинилась она и сейчас. Только

насторожилась. А их роду считалось, что женщины не должны вмешиваться в мужские дела, но Герта с той минуты, как ослышалась брата, привыкла полагаться на себя и решать все не по обычаям, а по обстановке. И сейчас, как она чувствовала, было самое время вмешаться. Тристан заслужил любое наказание, но — человеческое. И отдать его нелюдям она не могла.

Левой рукой она потянулась к амулету Гунноры, висевшему на шее, а правой подняла с земли камешек. Рванув ворот, чтоб не возиться с застежками, она вытащила ладанку с защитными травами. И сразу стало легче, а громыхавший в мозгу голос отдалился и стал почти не слышен. Герта потеряла поднятый с земли камешек об ладанку и бросила прямо в призрачную руку. Рука отпрянула. Тристан немедленно среагировал и из всех сил ударил, отсекая ладонь от главного щупальца. Лезвие не встретило никакого сопротивления и прошло, как сквозь туман. Яркая вспышка живого огня — и рука исчезла.

И сразу ослабли путы, сковывающие Тристана, и он смог отступить на шаг назад. На обрубке щупальца снова образовалась ладонь и, шевеля уродливыми пальцами, потянулась к нему. Он несколько раз махнул мечом, кроша ее в куски. И вдруг за спиной у него раздался крик. Он резко повернулся, готовясь встретить новую опасность. У столба каменных ворот на земле темнела какая-то бесформенная груда. Тристан, чувствуя, как возвращается сила, смело шагнул навстречу. Вдруг это темное шевельнулось, и он заметил человеческую руку, опирающуюся на столб.

И он сразу все вспомнил. Эта женщина, которая внезапно появилась рядом с ним и бросила камень в призрачную руку — значит, сейчас она на его стороне. На площадке за ними вдруг раздалось шипение, как из потревоженного змеиного гнезда. Он подошел поближе к женщине и воротам и оглянулся на центральную площадку. На этот раз огни образовали не зловещую руку, а множество отдельных щупальцев, заканчивающихся шипящими змеиными головами. И все они угрожающе тянулись к Тристану. Их было так много, что любая схватка казалась проигранной заранее, но Тристан не привык сдаваться без боя.

Вдруг он ощутил, что рядом кто-то есть, и слегка покосился в сторону. Женщина была уже на ногах. Она стояла рядом с ним, положив одну руку на его меч, а другой прижимая что-то к груди. Капюшон полностью скрывал ее лицо, но даже сквозь шипение колдовских змей пробивался ее голос — она напевала то ли заклинание, то ли древнюю боевую песню — что-то ритмичное и бодрящее.

Первая же потянувшаяся к ним змея пропала с одного удара меча. Но за ней тянулась другая, третья... И скоро он опять почувствовал свинцовую тяжесть в руке. А кроме того, рука женщины, лежащая на рукояти меча, очень мешала ему двигаться.

— Отойди! — тихонько попросил он.

Но она, казалось, не слышала. Все так же держа одну руку на груди, а другую на мече, она продолжала свое пение, вкладывая в него всю свою мольбу и весь ужас их положения. Было похоже, что она зовет на помощь какие-то могущественные силы.

Тристан почувствовал, как от ее руки распространяется тепло, освобождая его тело от колдовских пут. А змеи на площадке метались все быстрее, сплетались и сливались, образуя двухголовых монстров. Они нападали все более стремительно, и Тристан только с великим трудом сдерживал их напор. Он заметил, что в разинутых пастиах не было ни ядовитых, ни каких других зубов. Скорее, это были не змеи, а живые веревки, но он знал, что если они коснутся его или женщины, то все будет кончено. Он обернулся, отбивая атаковавшую его сбоку змею. Вдруг нога его заскользила, и он упал на одно колено, чуть не выронив меч. Не успел он перехватить его покрепче и подняться, как за спиной у него молниеносно ударила между ним и женщиной, заставив его посторониться. И тут же две змеи набросились на женщину. Одна обвилась вокруг головы, затыкая ей рот, а другая обхватила талию. С ужасом он увидел, как эти щупальца напрягаются, укорачиваются, подтаскивая женщину к своему логову. Еще две змеи, оставив в покое Тристана, обвились вокруг женщины. Он яростно вскрикнул и бросился рубить эти живые оковы. Вдруг в мозгу его раздался холодный нечеловеческий голос:

— Отойди и не мешай, человек. Нам обещана на сегодня человеческая жизнь. И если она не дала нам взять твою, пусть отдаст свою.

— Отпустите ее! — Тристан рубанул отросток щупальца, обвивавший ее талию, и оно исчезло в огненной вспышке. Но множество других уже тянулись занять его место.

— Почему ты защищаешь ее? Ведь это она отдала тебя нам.

— Отпустите ее! — крикнул он, не задумываясь, лгут ему или нет. На его глазах враги волокли куда-то женщину, и он перестал бы себя уважать, если бы отступил.

Змеи подтаскивали ее к барьеру в центре площадки, и Тристан даже не знал, жива ли она еще или уже нет. Он видел, что она перестала отбиваться, и ее волокли, как куклу. Но, может быть, она просто потеряла сознание.

— Она принадлежит нам. Уходи, пока мы даем тебе свободу.

Тристан и не думал объясняться с ними. Он вспрыгнул на окружавший центр барьер и продолжал молотить мечом по тащившим женщину змеям. Он чувствовал, как опять чужая воля пытается сковать его руки, но взялся двумя руками за свой опять потяжелевший меч и продолжал наносить удары. Он обратил внимание, что ни одна змея не коснулась ее груди и прижатой к ней руки. Значит, вряд ли они могли задушить ее. Он начал отсекать змей, оплетавших ее талию, бедра и ноги, рассчитывая покончить с другими, когда они попытаются поднять ее на барьер. Но, видимо, их осталось слишком мало, и они никак не могли справиться. Новые, бросившиеся к ним на помощь, только бесполково сутились, не в силах обхватить лежащую на земле женщину. Тристан понял, что у него появился шанс. Из последних сил обрушился он на щупальца, охватившие его голову и плечо, и в ту минуту, когда сам был уже готов упасть, вдруг увидел, что ее больше ничто не держит. Он отвел ее левую руку, сжал своей рукой ладанку, лежавшую на ее груди, и оттащил женщину от барьера. Колдовские змеи метались и шипели, но не смели коснуться его и исчезали одна за другой. Он вскинул женщину на плечо, потверже поставил ноги, приготовил меч и замер в ожидании новой атаки.

Глава пятая

На площадке все было тихо. Змеи исчезли. Тристан отступил на несколько шагов от ворот и остановился передохнуть. Он осторожно положил женщину и коснулся пальцами ее щеки. Она была холодной и влажной. Неужели он опоздал, и она все-таки задохнулась? Он расстегнул куртку и постарался услышать, бьется ли сердце. При этом он случайно коснулся ладанки и невольно отдернул руку. Тогда, в пылу боя, он схватил ее и ничего не почувствовал, а сейчас от нее явственно шел жар. Только уже выпустив ее из пальцев, он сообразил, что это не Темная Сила, а энергия жизни. Сердце женщины билось слабо и медленно. Видимо, она была в глубоком обмороке. Он подумал, что чем скорее убрать ее из этого проклятого места, тем лучше. За себя он больше не опасался.

Он убрал меч в ножны и, поудобнее подняв женщину, медленно двинул ее вперед. К счастью, она оказалась намного легче, чем он думал. Поминутно оглядываясь назад, чтобы не терять из виду площадки, спотыкаясь на выбоинах дороги, он брел вперед. Каждым нервом он чувствовал присутствие

Темной силы, все еще пытавшейся вернуть его назад. Но, стиснув зубы, он упрямо брел и брел вперед, отвоевывая каждый шаг. И только когда между ним и площадкой оказались два ряда столбов и дорога пошла шире и ровнее, стало легче.

Казалось, он никогда не выйдет из этих Стоячих Камней. Огни на них погасли, и с каждой минутой становилось все темнее. Он то и дело сбивался с дороги и несколько раз чуть не натыкался на столбы, словно из-под земли выраставшие прямо перед ним. Теперь ему приходилось бороться не только с притяжением силы, но и с обманом зрения. Дальше он двигался так: наметив какой-нибудь ориентир в нескольких шагах впереди себя, шел к нему, и, подойдя, намечал следующий.

И все-таки он упорно шагал вперед, все так же держа на плече женщину, следя на появившийся впереди лунный свет.

Наконец камни остались позади. Он вымотался, словно только что выдержал трудный бой, да еще ускоренный марш в полном вооружении. Споткнувшись в очередной раз, он опустил женщину на дорогу, не в силах двигаться дальше, присел рядом и задумался. До этого у него не было ни одной свободной и безопасной минуты, чтобы хотя бы понять, что произошло.

Он совершенно не помнил, как сюда попал. Вечером он лег спать как обычно, а проснулся уже на шестиугольной площадке перед светящимися камнями. Там он сражался, насколько он понял, с какой-то древней магией.

Но как же он туда попал?

Он вспомнил, как накануне открывал окно и разглядывал эти камни. Может быть, это дало им какую-то власть над ним? Но другие обитатели гостиницы, да и местные жители наверняка не раз смотрели на эти камни. Неужели все так привыкли к ним, что на них магия не действует?

А эти твари на площадке говорили, что его отдала им женщина. Но, даже если это правда, зачем ей это понадобилось?

Тристан пододвинулся к женщине и, откинув капюшон, заглянул ей в лицо. Но луна в это время скрылась в горах, и он почти ничего не увидел.

Неожиданно она дернулась назад, пронзительно вскрикнула и изо всех сил толкнула его в грязь. Вся ее скорчившаяся фигурка выражала такой безумный ужас, что он оторопел. Девушка проворно вскочила и сунула руку под плащ. В свете мелькнувшей в разрыве туч луны в ее руке блеснуло лезвие. Тристан успел скрутить ее прежде, чем она ударила. Она вырвалась, как сумасшедшая, царапалась, кусалась, лягалась. Он понял, что удерживать ее больше нет

сил, и резко ударили ее кулаком в подбородок. Она сразу обмякла в его руках и, видимо, снова потеряла сознание. Значит, снова придется тащить ее. Похоже, в этом колдовском гнезде они потеряли разум, и готовы кидаться теперь на первого встречного. Он оторвал полосу от ее плаща и связал ей руки. Потом взвалил безвольное тело на спину и, спотыкаясь и пошатываясь, побрел вниз к гостинице.

У Герты невыносимо болела голова, и казалось, что боль идет от подбородка. Она с трудом приоткрыла глаза. Вокруг было полутемно, но свет был не голубой, а теплый, как от настоящего огня. Она заметила, что горит камин и кто-то, наклонившись над ним, подкладывает новые поленья. Всем телом потянувшись к теплу, она попыталась сесть и только тогда почувствовала, что руки связаны. Она пристальное взгляделась в человека, возившегося у камина, и, хотя лица его не было видно, узнала Тристана.

Она сразу вспомнила, как там, на дороге, он наклонился над ней и протянул руки, как тогда на поляне!

Она огляделась. Это был большой зал гостиницы. Значит, он донес ее сюда с Древней Дороги. Может, он решил развлечься в более удобной обстановке? Пусть только попробует подойти к ней, она криком поднимает всю округу!

Тут она заметила, что он отвернулся от камина и внимательно смотрит на нее, словно стараясь прочесть ее мысли.

— Я все равно убью тебя, — с трудом произнесла она.

— И как ты это думаешь сделать? — спросил он легко и просто, даже не удивившись. — Сегодня ты вряд ли успеешь, а завтра я буду уже далеко.

Он рассмеялся неожиданно весело, и сразу показался молодым и чистым. Но вот смех оборвался, и на Герту снова смотрел опытный настороженный воин. Герта отвела глаза.

— Давай попробуем разобраться в другом, — предложил он. — Я хочу понять все, что случилось до того, как ты бросилась на меня с ножом. Эти твари там говорили, что я пришел по твоей воле. Это так?

Герта чуть заметно вздрогнула. Он должен услышать от нее правду! Быстро подойдя к ней, он схватил ее за плечи и слегка встряхнул. Не обращая внимания на ее сопротивление, он подтянул ее к себе и заговорил, глядя ей прямо в глаза.

— Почему? Боже мой, девушка, что я тебе такого сделал? Или ты выдала им первого попавшегося, и это случайно оказался я? Как вообще получилось, что ты связалась с этими тварями? Но уж если ты служишь им, тогда почему ты освободила меня от их колдовства? Почему?

Он с каждым вопросом встряхивал ее все сильнее, так что голова ее моталась, как у куклы, и сама она бессильно обвисла в его руках, почти теряя сознание. Тут до него дошло, что в таком состоянии она не может сказать ни слова, и он почти бросил ее на лавку.

— Мои родные не захотели отомстить тебе за меня. И я решила сама искать справедливости...

— Отомстить мне? Значит, это не случайность, и ты искала именно меня? Но, клянусь Девятью мирами, я тебя первый раз в жизни вижу! Или ты думаешь, что я убил на войне кого-то из твоих близких? Но я убивал только захватчиков, а среди них у тебя не может быть родни. Правда, они захватили немало наших женщин и сделали рабынями. Может, ты из таких? Слушай, девушка, может, ты, забыв свой род, влюбилась в захватчика и теперь мстишь за его смерть?

Герта оскорблена фыркнула, и он понял ее.

— Похоже, ты не из таких. Но в чем же дело? Я не убивал своих товарищей и не оскорблял наших женщин...

— Да неужели? — вдруг выкрикнула Герта. Слова душили ее, и она торопилась их выплюнуть. — Значит, ты, благородный герой, никогда не брал женщин силой? А что было три месяца назад на дороге в Литендейл? Или это такой пустяк для тебя, что его не стоит помнить?

Даже несмотря на застилавшее ей глаза бешенство, Герта заметила, как искренне он удивился.

— Литендейл? — повторил он. — Три месяца назад? Поверь, девушка, я никогда не забирался так далеко на север. И три месяца назад я был еще маршалом лорда Энгрема и сражался на побережье.

Он говорил так уверенно, что Герта была бы готова поверить ему. Но его выдавал браслет.

— Ты врешь! Просто тогда, в темноте, ты не разглядел меня, и теперь не можешь узнать. Ты разбил тогда на дороге небольшой отряд захватчиков. А как раз перед этим мы нарвались на их засаду, и они перебили всех, кто сопровождал меня. Меня решили оставить для развлечения! Но тут подоспел ты, и это могло быть спасением, но ты решил по-другому. Ты, именно ты, сделал то, что не успели враги!

— Повторяю тебе, девушка, в это время я сражался в порту, — он повысил голос, и она шарахнулась от него. — Можешь ты поклясться Священным Камнем, что это был именно я? Что ты запомнила и узнала меня?

— Клянусь, чем хочешь. Лица твоего я не видела, но запомнила примету, и по ней узнала тебя.

Он задумчиво почесал старый шрам на челюсти, и браслет сверкнул отблеском пламени. Он так бросался в глаза, по

контрасту с простой одеждой Тристана, что невольно привлекал внимание.

— Что же это за примета?

— Ты носишь ее на своей руке, насильник. Это твой браслет!

Он удивленно взглянул на браслет, словно впервые его увидел.

— Неплохая замена ремню лучника! Значит, и по нему ты узнала меня и отправила к Жабам? — Его губы раздвинулись в улыбке, но в ней не было ничего веселого. — Ты отправила меня туда? — Он резко шагнул к ней и, прежде чем она успела увернуться, сорвал капюшон. — Порчешь у тебя эти пятна на лице? Ты что, раскрасила его, или это тоже какое-то колдовство? Или ты так хотела отомстить мне, что пожертвовала своей красотой?

Герта машинально подняла руки к лицу. Она не могла сейчас это видеть, но раз он говорит о пятнах, значит, так оно и есть. Теперь они вряд ли исчезнут.

— Это сделали они, — прошептала она. Сколько раз в мечтах Герта встречалась и высказывала ему все! И сейчас он держался так, как она и представляла — жестко и с холодным любопытством.

— Они — это значит Жабы? Ну ладно. Ты вот что мне объясни. Раз уж ты с ними договорилась и добилась своего, зачем было тебе спасать меня? Вот что я никак не могу понять. По-моему, договариваться с этими тварями — последнее дело. И решиться на это можно только с отчаяния. Но если все-таки пойти на это, то зачем потом спасать? Ведь ты рисковала при этом погибнуть. Так в чем дело? Передумала?

Она призналась:

— Не знаю. Может быть, потому, что за свою обиду хотела отомстить сама. А может быть... — она так долго подыскивала слово, что он не выдержал:

— Что «может быть»?

— Не могла оставить нелюдям даже такого негодяя, как ты.

— Ну, это я могу понять. Ненависть, страх и отчаяние могут привести нас на темную дорогу, по почувствовав, что движемся во мрак, обычно мы раскаиваемся. Ты это почувствовала и поняла, что нельзя в наши человеческие дела вмешивать Темные Силы. И там, на дороге, ты решила закончить дело своей рукой и честной сталью...

— Я защищалась! — крикнула Герта. — Ты снова, как тогда, хотел...

У нее так перехватило горло, что она не могла договорить. Старый, позабытый стыд заставил полыхать ее щеки.

— Так вот что тебе показалось? Ну конечно, если учесть все, что ты пережила. Это понятно. — Тристан спокойно

кинулся. — Ну, а теперь послушай меня. Во-первых, я никогда не бывал в Литендейле, ни три месяца назад, ни даже три года. А во-вторых, этого браслета, который тебе так запомнился, три месяца назад у меня еще не было. Наша армия тогда осаждала порт, и к нам постоянно прибывало подкрепление из долин. Эти небольшие отряды мы посыпали охранять побережье и блокировать дороги. Тогда еще боялись, что могут подойти корабли из Хадельсбурга или Венуспорта и вывезти захватчиков. Время в осаде тянется долго. Сражений нет, только рейды по побережью. Ну, и от скуки все резались в карты и кости. Обычно я не играю, а тут тоже увлекся. Так я и выиграл этот браслет. Его хозяин был сын погибшего лорда, полностью разоренный войной. Их теперь немало, кто потерял все, и после войны пойдет в приживалы к богатой родне. Он поставил этот браслет на кон и, проиграв, попросил меня хранить его, рассчитывая когда-нибудь выкупить. Это была его последняя фамильная драгоценность. А через пару дней он погиб во время рейда. Так браслет и остался у меня. В бою я убедился, что он хорошо защищает руку, лучше, чем ремень, и больше его не снимал. И уж думать не думал, что он принесет мне несчастье. А об его бывшем хозяине я тебе ничего не могу сказать, даже имени, его все называли по прозвищу, и он был вечно пьян. Я таких называю живыми покойниками...

— Живой покойник? — Герта сказала первое, что пришло в голову, просто показать, что слушает и не очень верит.

— Ну да, так я их и называю. В основном, это лорды горных долин, на которые пришелся главный удар. Там все было разрушено, что уцелело — забрала армия. Ну, а они так срослись со своими замками, долинами и крестьянами, что, потеряв их, потеряли и себя. Я много видел таких: и совсем мальчишек, как Ур или хозяин этого браслета, и пожилых. Они уже ни на что не годны. Вот и приходится теперь, чтобы выжить, искать других вождей и все восстанавливать.

Он говорил словно сам с собой, почти не обращая внимания на Герту. А она слушала его и чувствовала, как нарастает в душе холодная пустота. Она привычным уже жестом защиты прижала руки к животу.

Так кто же он, отец ее ребенка?

Погибшая душа, мальчишка, потерявший все и живший единственным днем? Понятно, что он мог хватать все, что попадется под руку, — ни на что другое он был не способен. Слава богу, она заручилась обещанием Гунноры, и в ребенке ничего не будет от его пропавшего отца. Но желание мести, которое привело ее к Жабам, исчезло. Мстить было некому и незачем.

Вдруг Герта вздрогнула от внезапной мысли. Значит, она в своем ослеплении чуть не послала на смерть невинного человека? И даже не на смерть, а на что-то еще более страшное? Видимо, что-то живое в душе, не ослепленное желанием мстить, заставило ее разрушить чары Жаб и спасло его от такой гнусности. Как теперь взглянет она в лицо этому человеку?

Он оторвался от созерцания огня и с улыбкой взглянул на нее. Она дернулась, как от удара, подумав, что могло быть с ним в эту минуту.

— Если ты больше не будешь кидаться на меня с ножом, — сказал он, улыбаясь, — думаю, тебе не стоит сидеть связанной.

Он быстро и аккуратно снял с нее веревку.

— Нет, — ответила Герта, потирая запястья, — я тебе поверила. Хозяин браслета мертв, и мне некому мстить.

— Ты жалеешь, что не успела добраться до него?

Она не ответила. Задумчиво глядя на свой живот, она пыталась решить, что делать дальше. Остаться служанкой в этой гостинице? Вернуться и просить прощения у брата? Ей не хотелось ни того, ни другого. Она снова взглянула на Тристана.

— Я спросил, жалеешь ли ты, что не нашла этого дурака?

— Нет.

— Но я вижу, что у тебя осталась тяжесть на душе.

— Это мои заботы, — сказала она, поднимаясь с лавки, и он осторожно поддержал ее.

— По старому обычая, если мужчина спас женщину от смерти, он имеет право посвататься к ней.

До нее, казалось, не сразу дошло, о чем он говорит. А поняв, она ответила спокойно и гордо:

— Это не для меня. Я уже не девушка.

— Но ты же в этом не виновата! И ты сделала все, чтобы отомстить, хотя твои родственники предпочли не вмешиваться. Сразу видно, что ты настоящая леди, а не крестьянка и не трактирная служанка!

Она невесело рассмеялась.

— О чём ты говоришь, маршал! У моего самого близкого родственника было только желание все скрыть, чтоб, не дай бог, никто не узнал. Если бы я послушалась его, я была бы избавлена от этой ноши и спокойно жила дома. Правда, там даже его служанка показывала бы на меня пальцем и хихикала за спиной.

— И ты не решилась? Но разве ты так ненавидела отца своего ребенка...

— Я сразу же пошла в святыни Гунноры, — она машинально коснулась своей ладанки. — Я просила: пусть этот

ребенок родится и пусть он будет только мой, без капли другой крови. Гуннора мне обещала!

— И от нее ты отправилась к Жабам?

— Гуннора — владычица жизни, и ей нет дела до смерти. О Жабах я знала из старинных преданий. Они обещали отомстить за меня, если я сама тебя найду и сумею подложить тебе в постель их знак. И они положили печать на мое лицо, чтобы я не забывала о договоре. Но, может, это пройдет?

— Не думаю. И мы совсем забыли об этой дряни в моей постели. По-моему, от нее стоит избавиться, и побыстрее. Ты подожди меня здесь и, если тебе кажется, что я опять зачарован, запри дверь и не выпускай меня.

— Постараюсь.

Он двинул неслышной легкой походкой воина, привычного к разведке и засадам. Герта осталась одна и снова задумалась о том, что ей делать завтра.

Пожалуй, надежнее всего был бы монастырь в Литендейле. Может быть, попросить маршала проводить ее? Хотя, чего ради он будет помогать ей, особенно после того, что она сделала с ним? Но ничего другого ей пока не приходило в голову. Добраться до Мудрых Женщин, успокоиться, переждать, а потом, может быть, и Кuno вспомнит о ней. Но это вряд ли.

Тристан спустился, неся на вытянутых руках зажатый между двух щепок камешек. Он шагнул к камину и бросил его прямо в огонь. В ту же секунду пламя на этом месте полыхнуло так, словно в камин пленули масло.

Тристан и Герта невольно отшатнулись.

— Слава богу, с этим покончено, — вздохнул Тристан. — Не хотел бы я еще раз пережить подобное.

Герта почувствовала: он сейчас думает, что всем пережитым обязан ей.

— Я знаю, что это я виновата, и я действительно жалею...

— Леди, я все давно понял. Если у человека нет выбора, он легко попадает на темную дорогу. И в конце концов, ты же сама спасла меня оттуда!

— Но я же тебя и заманила туда. И может быть, не стоило тебе сражаться за меня. Я заслужила ту судьбу, что приготовила тебе.

— Перестань! Бессмысленно копаться в старых ошибках и думать о том, что прошло. Я хотел бы знать, леди, что ты собираешься делать дальше? Я не думаю, что ты хочешь оставаться здесь. И к брату ты тоже не торопишься возвращаться. Так куда ты направишься?

— Я хотела бы добраться до Литендейла и просить убежища в монастыре.

Она ждала, не предложит ли он проводить ее, ведь теперь они не совсем чужие. Но он неожиданно спросил совсем о другом.

— Ты собиралась идти по Древней Дороге?

— Да, мне казалось, что там безопаснее. Я, конечно, слышала, что там иногда встречают Древних, но я больше боялась встретиться с людьми.

— Ты заходила по дороге в Нордендейл? Что там сейчас делается, кто хозяин?

Она не очень поняла, что его интересует, и просто пересказала все, что видела по дороге. Нордендейл — это горстка растерявшихся без хозяина людей, не знающих, за что взяться. Замок пуст и заброшен, хозяйство разрушено, гостиница прозябает, проезжих нет.

Он слушал ее с большим интересом.

— Ты умна и наблюдательна, леди, если успела так быстро во всем разобраться. Теперь послушай меня — что я думаю о своем и о твоем будущем. Ты права, чтобы Нордендейл воскрес, ему нужен новый лорд. И мне кажется, я вполне бы мог справиться с этим. Здесь я уже подобрал людей, которые меня поддержат. Ты видела здесь Ура, который все получил от рождения, все потерял и теперь пропивает остаток. Я — другой. Я сам завоюю себе место под солнцем и не собираюсь быть игрушкой судьбы.

Я не знаю имени моего отца, — взволнованно продолжал он, — слышал только, что он был не из простых. Мать моя была служанкой и работала за одежду и хлеб для себя и меня. И еще в детстве я понял, что только ремесло воина может вывести меня в люди. Безродных не жалуют ни в одном сословии, зато солдата обычно не спрашивают о родне. Я научился драться любым оружием и приобрел опыт. Тут началась война, и всем стали нужны такие, как я. Так я дослужился до маршала лучников. Но я давно понял, что сейчас для умного человека самое время подумать о будущем. Многие знатные фамилии перебиты в войне, а значит, долины остались без хозяев. И я давно решил попробовать стать новым хозяином. Со своим опытом и отрядом верных людей я смогу помочь восстановить хозяйство. И почему бы не попробовать все это в Нордендейле?

Он замолчал, и Герта поняла, что он первый раз высказал вслух самые заветные свои мечты.

— Я понимаю все, что ты задумал, и считаю, что рискнуть стоит, — сказала Герта, — но при чем здесь я и мое будущее?

Он открыто и искренне глянул ей в глаза, но она явно не понимала, что он имеет в виду.

— Мне кажется, леди, у нас с тобой много общего, — он улыбнулся, — дороги наши сошлись, и я думаю, мы не будем жалеть об этом. Не спеши отказываться, подумай. Завтра я поговорю с теми, кого подобрал здесь. Я думаю, они с удовольствием присягнут мне. С этим отрядом мы проводим тебя в Литендейл, и ты сможешь отдохнуть там какое-то время. До Литендейла здесь недалеко.

— Два дня для верхового отряда, — ответила она, успокаиваясь.

— Отлично. Потом я с отрядом направлюсь в Нордендейл. Я думаю, мне хватит два-три дня, чтобы разобраться там. А потом я приеду в Литендейл и спрошу тебя, как положено по обычаям, согласна ли ты идти по одной со мной дороге.

— Маршал, ты опять забыл, что я не девушка и не вдова. И у меня будет ребенок.

— Но ведь Гуннора пообещала, что в нем не будет дурной крови? И я думаю, этот ребенок вполне может быть нашей общей радостью.

Она внимательно смотрела ему в глаза, пытаясь понять, насколько серьезно он говорит. Прижав руки к груди и касаясь талисмана Гунноры, она надеялась и боялась поверить, и еще страшнее было обмануться.

Наконец она решилась.

— Проводи меня в Литендейл, и я буду ждать твоего возвращения. И если ты тогда повторишь свой вопрос, я думаю, ответ тебя не разочарует.

fantasy

Год
Земнорога
Жасы
Гүлгүлмөздөмдөлөр

Андре Нортон

